РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

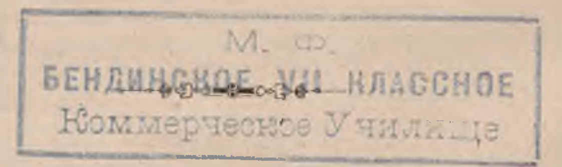
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 9 и 10.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9-го сентября 1893

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О выборѣ гласныхъ въ качествѣ представителей отъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій.

На основаніи ст. 24 и 30 новаго городоваго положенія, ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ правительства, владѣющимъ недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ городовъ, предоставлено право участія въ выборѣ гласныхъ въ столичныя и городскія думы, при чемъ указано, что представители ученыхъ и учебныхъ учрежденій назначаются ихъ управленіями, но не опредѣлено, какія лица могутъ быть назначены таковыми представителями.

Вслѣдствіе сего и въ видахъ единообразнаго примѣненія приведеннаго узаконенія, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 27 мая сего года, за № 9607, проситъ попечителя сдѣлать зависящее распоряженіе по С.-Петербургскому учебному округу, чтобы для участія въ выборѣ гласныхъ назначались, въ качествѣ представителей отъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій, только лица, состоящія на службѣ при сихъ заведеніяхъ или принимающія близкое участіе въ ихъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, церковные старосты, и т. п., и чтобы назначеніе упомянутыхъ представителей производилось въ университетахъ—правленіями, въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ—хозяйственными комитетами, а въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ соотвѣтствующими учрежденіями или лицами.

Объявляется по округу. (Цирк. по С.-Петербургскому учебному округу 1893 г., № 6).

О погашеніи гербовыхъ марокъ.

Министерство Финансовъ обратилось въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ отношеніемъ, въ которомъ объясняетъ, что установленное статьею 87 устава о гербовомъ сборѣ дополнительное погашеніе гербовыхъ марокъ посредствомъ перечеркиванія ихъ, а равно и надписанія на

нижней части марки времени полученія документа, не вполнѣ устраняютъ, какъ показалъ опытъ, возможности вытравленія на отклеенныхъ съ документовъ и бумагъ гербовыхъ маркахъ сдѣланныхъ на нихъ знаковъ погашенія, съ цѣлью вторичнаго употребленія, въ ущербъ казны, марокъ, бывшихъ уже въ употребленіи.

Изъискивая разные способы устраненія указаннаго злоупотребленія, Министерство Финансовъ съ конца 1882 года начало заготовлять гербовыя марки на болѣе впечатлительной, противъ прежней, бумагѣ, затѣмъ, начиная съ 1884 г., большинство вѣдомствъ ввело новый способъ дополнительнаго погашенія марокъ путемъ приложенія на верхней ея части типографскою краскою штемпеля или печати правительственнаго установленія или должностнаго лица, получающихъ бумаги съ гербовыми марками, причемъ употреблялась особая, изобрѣтенная химикомъ Диковскимъ, краска.

Не смотря, однако на всѣ принятыя мѣры, злоупотребленія, какъ видно изъ имѣющихся въ Министерствѣ Финансовъ данныхъ, продолжаются и нынѣ, какъ путемъ вытравленія знаковъ погашенія, такъ и посредствомъ подкрашиванія бывшихъ въ употребленіи марокъ, въ виду чего названнымъ вѣдомствомъ 30-го октября минувшаго года было испрошено черезъ Комитетъ гг. Министровъ Высочайшее повелѣніе, коимъ Министру Финансовъ, въ видѣ временной мѣры, было предоставлено, въ теченіе трехъ лѣтъ, вводить, независимо отъ установленнаго закономъ порядка погашенія гербовыхъ марокъ, примѣненіе такихъ способовъ погашенія, которые будутъ признаны симъ вѣдомствомъ наиболѣе цѣлесообразными.

Во исполненіе вышеизложеннаго, Министръ Финансовъ остановилъ свое вниманіе, прежде всего, на такомъ способѣ погашенія марокъ, при которомъ возможность вторичнаго ихъ употребленія устранялась бы чисто механическимъ путемъ, съ помощью приборовъ, изъ коихъ одни, прокалывая марку, прорѣзаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и документъ, на которомъ она наклеена, другіе-же пробиваютъ только марку, безъ поврежденія самого документа.

Къ приборамъ перваго типа можно отнести, напр., особые, снабженные мелкими иглами и дѣйствующіе при помощи рычага, прессы, которыми въ банкирскихъ конторахъ обыкновенно уничтожаютъ оплаченные векселя и нѣкоторые другіе документы; болѣе упрощенный видъ этихъ приборовъ представляютъ особые щипцы на подобіе тѣхъ, которыми пробиваются желѣзнодорожные билеты.

Ко второму виду приборовъ относится, напр., изобрѣтенный фармацевтомъ Розенблатомъ штемпель (С.-Петербургъ, Разъѣзжая улица, д. № 15, механическое заведеніе Ветцера), состоящій изъ двухъ, входящихъ одна въ другую, металлическихъ трубокъ, привинченной къ одной изъ нихъ печатки, вращающагося внутри этихъ трубокъ и печатки стержня и пружины. Нажатіе рукоятки прибора производитъ круговое вращеніе стержня вмѣстѣ съ привинченною къ нему цилиндрическою пилкою, концы коей выступаютъ изъ печатки лишь на толщину марки, благодаря чему приборъ прорѣзаетъ или, точнѣе, выпиливаетъ на маркѣ кружокъ, не повреждая самой бумаги, на которой она наклеена. Къ тому же типу дол-

женъ быть отнесенъ приборъ, представленный артиллеріи полковникомъ Кобозевымъ и состоящій изъ двухъ трубокъ, входящихъ одна въ другую, стержня съ шарошкою, исполняющею погашеніе, винтовой муфты и двухъ спиральныхъ пружинъ.

Но, независимо отъ прорѣзанія или прокалыванія, гербовыя марки могутъ быть приводимы въ негодное для вторичнаго употребленія состояніе различными другими способами. Такъ, марки могли бы безъ всякаго затрудненія погашаться чрезъ отрѣзаніе или отрываніе, предварительно ихъ наклейки на документъ, небольшого угла, который заключалъ-бы въ себѣ цыфру, обозначающую цѣну марки и ребра котораго имѣли-бы длину около $^1/_2$ дюйма. Дополнительное погашеніе могло-бы производиться также чрезъ отрѣзаніе части марки вмѣстѣ съ соотвѣтствующею частью бумаги, на которую она наклеена, что не можетъ представить ни малѣйшихъ затрудненій во всѣхъ случаяхъ, когда марки паклеены на краяхъ полей бумаги и на оборотной сторонѣ ея не имѣется никакого текста. Наконецъ, дополнительное погашеніе могло бы состоять въ удаленіи съ марки части краски, которою напечатанъ рисунокъ ея, притомъ чисто механическимъ путемъ, т.-е. выскабливаніемъ или стираніемъ на той или другой части марки краски посредствомъ ножа или напилка, наждачной бумаги, пемзы или резины (употребляемой для сведенія чернилъ) и т. п. Каждымъ изъ этихъ способовъ первоначальный видъ марки измѣняется настолько, что становится совершенно невозможнымъ вновь употребить ее для оплаты документа гербовымъ сборомъ въ особенности при томъ условіи, если установленное закономъ обязательное погашеніе марокъ посредствомъ крестообразнаго ихъ перечеркиванія чернилами будетъ производиться такимъ образомъ, чтобы часть креста проходила чрезъ стертую часть марки.

Въ виду вышеизложеннаго, Министръ Финансовъ, во исполненіе Высочайше утвержденнаго 30-го октября 1892 года положенія Комитета Министровъ, признаетъ необходимымъ нынѣ-же ввести дополнительное, сверхъ установленнаго закономъ, погашеніе гербовыхъ марокъ всѣми правительственными установленіями и должностными лицами, тѣмъ или другимъ изъ вышеизложенныхъ способовъ, предоставляя выборъ и примѣненіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того или другого способа ближайшему усмотрѣнію самихъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ. Къ сему тайный совѣтникъ Витте присовокупилъ, что, въ видахъ возможно полнаго осуществленія преслѣдуемой Министерствомъ Финансовъ цѣли предотвратить возможность вторичнаго употребленія погашенныхъ марокъ, представлялось-бы желательныхъ въ тѣхъ правительственныхъ установленіяхъ и у должностныхъ лицъ, которымъ приходится погашать значительное число гербовыхъ марокъ, ввести примѣненіе для этой цѣли тѣхъ или другихъ приборовъ, дѣлающихъ марки негодными ко вторичному употребленію посредствомъ прокола или вырѣзыванія въ нихъ одного или нѣсколькихъ кружковъ.

О вышеизложенномъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14-го іюля сего года, за № 12754, увѣдомилъ меня для приведенія изъясненныхъ мѣръ въ исполненіе въ учрежденіяхъ ввѣреннаго мнѣ округа.

О семъ для свѣдѣнія объявляется по округу (Циркуляръ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа 1893 г. № 8).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— «Сочиненія *Н. В. Гоголя.* Изданіе одиннадцатое. Редакція *Н. С. Тихонравова.* Съ двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками. Изданіе *А. Ф. Маркса.* Спб. 1893. Пять томовъ: въ I-мъ XII+386 стр.; во II-мъ 591; въ III-мъ 583; въ IV-мъ 611; въ V-мъ 417. Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Матеріалы для біографіи Гоголя. *В. И. Шенрока.* Томъ второй. Москва. 1893, стр. XII+403. Цѣна 2 руб.» — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «*И. Евсѣевъ.* Обученіе искусству письма съ гигіенической точки зрѣнія. Съ 11-ю рисунками. М. 1893. Въ 8-ку, 38 стр. Цѣна 25 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: «Методика грамоты по историческимъ даннымъ. Изложилъ *I. Паульсонъ.* Часть I. Спб. 1887. Въ 12-ю д. л., 441 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.» — допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ и ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ.

— Книгу: «Ступени русскаго диктанта. Практическое руководство къ легчайшему изученію русскаго правописанія въ объемѣ элементарнаго курса безъ пособія грамматики. Составилъ по опыту *Е. И. Гасабовъ.* Тула. 1891. Часть I. Образцы систематическаго диктанта. Книга для учителей, съ приложеніемъ методическихъ указаній. Цѣна 40 коп. Часть II. Книга для учащихся, съ приложеніемъ орѳографическаго указателя. Цѣна 65 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «*М. Вольнеръ.* Практическая русская грамматика. Изд. 2-е. Спб. 1892. Въ 8-ку. 159 стр. Цѣна 50 коп.»—допустить къ упо-

*) Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, августъ.

требленію въ низшихъ училищахъ и преимущественно въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣти, при поступленіи, не владѣютъ русской разговорной рѣчью.

— Книгу: «Находка. Разсказъ для дѣтей *Е. Поливановой*. М. 1893. Въ 8-ку. 35 стр. Цѣва 25 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— «*Другъ животныхъ*. Иллюстрировмнный журналъ сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ». Подъ редакціею Блокка. Ревель. Цѣна за годъ 2 руб. №№ 1—6 за 1893 годъ допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

Оффиціальное извѣщеніе.

Книга, подъ заглавіемъ: «Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя В. И. Модестовымъ. С.-Петербургъ, 1888 г. Въ 8-ю долю листа, 764 страницы. Цѣна 5 руб.»—его сіятельствомъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендована для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Объявленіе отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію о конкурсѣ въ 1893 г. на преміи по составленію учебныхъ руководствъ и пособій для промышленныхъ училищъ.

На основаніи утвержденнаго г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Товарищемъ Министра положенія о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ) объявляется въ 1893 году конкурсъ на составленіе учебныхъ руководствъ по слѣдующимъ предметамъ:

I. Механика, устройство машинъ, механическія производства, технологія дерева, технологія металловъ.

II. Химія, химическія производства.

III. Математика, физика, электротехника, метеорологія.

IV. Строительное искусство.

V. Сельско-хозяйственная технологія, общее и частное земледѣліе, скотоводство, сельско-хозяйственныя орудія и машины, сельско-хозяйственная экономія и счетоводство.

VI. Горное искусство, металлургія, маркшейдерское искусство.

VII. Естественная исторія, съемка и нивеллировка, коммерческая географія и основанія политической экономіи, счетоводство и коммерческая корреспонденція, узаконенія.

Составители сочиненій, представляемыхъ для соисканія премій, должны принять во вниманіе:

1) Утвержденное г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Товарищемъ Министра положеніе о преміяхъ за лучшія учеб-

ныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ, отпечатанное въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 года.

2) Высочайше утвержденныя 26-го іюня 1889 г. таблицы числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ промышленныхъ училищахъ, а также утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 27-го сентября 1889 года уставы училищъ: среднихъ, низшихъ техническихъ и ремесленныхъ.

3) Обнародованныя и имѣющія быть обнародованными программы упомянутыхъ выше промышленныхъ училищъ.

Сочиненія должны быть представлены въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія не позднѣе 25 декабря 1893 г.

Учебныя руководства и пособія принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія рукописныя, а также печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъли-бо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ-же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, августъ).

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(Продолженіе).

Преемникъ графа Уварова по должности Министра Народнаго Просвѣщенія былъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Мы не располагаемъ ни одной оффиціальной бумагой, въ которой была-бы выяснена точка зрѣнія преемника графа Уварова на степень нужды и пользы преобразованія училищъ 1-го разряда въ ремесленныя или иного рода реальныя училища. Но мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что князь Ширинскій-Шихматовъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ задуманнаго преобразованія, и что если, послѣ оставленія графомъ Уваровымъ министерскаго поста, возбужденный имъ вопросъ не только не былъ подвергнутъ дальнѣйшему обсужденію, но и былъ изъятъ изъ числа очередныхъ вопросовъ, то потому, что этого хотѣлъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Если-бы вопросъ о преобразованіи перворазрядныхъ училищъ въ ремесленныя или инаго рода реальныя училища интересовалъ новаго Министра, то онъ, безъ сомнѣнія, не оставилъ-бы безъ вниманія такого крупнаго факта, какъ непредставленіе управленіемъ Виленскаго Учебнаго округа не только въ 1849, но и въ 1850 годахъ затребованныхъ отъ него соображеній по этому вопросу. Вѣдь наиболѣе цѣнный матеріалъ для рѣшенія возбужденнаго графомъ Уваровымъ вопроса могъ быть доставленъ именно изъ Вильны, такъ какъ только въ Виленскомъ учебномъ округѣ и существовали до 1849—1850 г. еврейскія училища 1-го разряда. Онъ непремѣнно потребовалъ-бы отъ попечителя округа ускорить доставленіемъ затребованныхъ свѣдѣній. Князь Ширинскій-Шихматовъ не сдѣлалъ, однакожъ, этого шага, и дѣло кончилось тѣмъ, что Министерство вытребовало изъ канцеляріи попечителя тѣ бумаги, которыя присланы были при предложени

графа Уварова отъ 17-го февраля 1849 г. *). Затѣмъ, заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство. Профессоръ Мухлинскій, ревизовавшій, по порученію Министра, въ 1851 году, еврейскія училища въ Вильнѣ и Минскѣ, высказалъ, между прочимъ, въ своемъ отчетѣ слѣдующее соображеніе: «*главная причина малаго успѣха* еврейскихъ училищъ есть та, что они не имѣютъ прямаго примѣненія къ потребностямъ евреевъ. Въ училищахъ этихъ дѣти евреевъ не научаются ничему такому, что бы на будущее время обезпечило ихъ существованіе, а напротивъ, эти ученики, окончивши курсъ въ настоящихъ училищахъ, должны послѣ того или обучаться ремеслу, или, какъ можно предполагать, стыдясь поступить въ ремесленники, сдѣлаются вредными членами общества. По симъ причинамъ общее желаніе евреевъ, чтобы правительство преобразовало эти училища въ реальныя, съ направленіемъ къ ремесламъ и коммерціи» **). Министръ внимательно читалъ отчетъ проф. Мухлинскаго и на основаніи данныхъ отчета онъ предложилъ попечителю округа принять нѣкоторыя мѣры къ улучшенію въ постановкѣ учебнаго дѣла въ училищахъ, а равно и обсудить нѣкоторые вопросы относительно различныхъ сторонъ жизни и быта училищъ; но приведенное мѣсто отчета, указывавшее на *главную* причину малаго успѣха еврейскихъ училищъ, не вызвало ника-

---

*) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 569, № 4833. Въ 1849—1850 гг. въ Вильнѣ несомнѣнно считали полезнымъ преобразованіе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній въ ремесленныя. Въ донесеніи кандидата Мандельштама попечителю округа отъ 28-го февраля 1849 года объ осмотрѣ имъ еврейскихъ училищъ въ Вильнѣ встрѣчаются слѣдующія строки: «*имѣя въ виду желаніе* вашего превосходительства *видѣть идею объ учрежденіи здѣсь ремесленнаго училища приведенною въ дѣйствіе*, я обратился къ представителямъ виленской талмудъ-торы объ устройствѣ здѣсь особаго реальнаго заведенія, и при содѣйствіи вызваннаго мною сюда для этой цѣли воложинскаго раввина, успѣлъ убѣдить набожнѣйшихъ изъ нихъ въ томъ, чтобы они сами просили правительство о преобразованіи талмудъ-торы въ ремесленное училище. Влѣдствіе этого они подали на мое имя записку на еврейскомъ языкѣ» (Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 547, № 4702). Въ отчетѣ по округу за 1850 г. читаемъ: «число собирающихся (въ еврейскія училища) весьма незначительно. Это обстоятельство, которое должно приписать не соотвѣтствующему прямымъ потребностямъ евреевъ устройству сихъ заведеній, было причиной того, что Министерство Народнаго Просвѣщенія признало нужнымъ преобразовать оныя въ коммерческія и ремесленныя училища, о чемъ въ непродолжительномъ времени и будутъ представлены надлежащія соображенія» (Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 594, № 5107). Однакожъ, эти соображенія, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не были представлены Министерству.

**) Дѣло канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 627, № 5434.

кой замѣтки со стороны Министра. Не позволительно-ли заключить отсюда, что онъ не сочувствовалъ высказанной мысли?

Но большинство евреевъ, съ своей стороны, сильно желало преобразованія училищъ 1-го разряда въ ремесленныя. Для того, чтобы дать дѣтямъ своимъ религіозное образованіе, евреи не нуждались въ казенныхъ училищахъ: эту службу могли сослужить для нихъ и старыя школы; и старыя школы, по взгляду большинства евреевъ, могли сослужить эту службу лучше, чѣмъ новыя школы. Перспектива дать дѣтямъ въ казенныхъ училищахъ общее образованіе не представлялась большинству евреевъ очень заманчивой. Новыя училища охотно стали-бы посѣщаться дѣтьми евреевъ только въ томъ случаѣ, еслибы они преобразованы были въ ремесленныя или иного рода реальныя училища. Но со всѣми этими желаніями пришлось рѣшительно распроститься, когда выяснилось отношеніе князя Ширинскаго-Шихматова къ вопросу о преобразованіи перворазрядныхъ училищъ въ ремесленныя.

Съ устраненіемъ этого вопроса жизнь еврейскихъ казенныхъ училищъ должна была снова войти въ ту колею, по которой она шла до 1849 года, и развиваться въ томъ направленіи, какое дано было ей раньше. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы не считаемъ нужнымъ излагать дальнѣйшую исторію развитія еврейскихъ училищъ до 18 февраля 1855 г. болѣе или менѣе подробно. Совершенно достаточно будетъ отмѣтить лишь особенно важныя явленія въ жизни этихъ заведеній. Начнемъ съ увеличенія числа еврейскихъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ.

При графѣ Уваровѣ число этихъ училищъ расло медленно; преемники его умножали число этихъ новыхъ училищъ съ необыкновенной настойчивостью и чрезвычайной быстротой (съ 1849—1850 по 1855—1856). Чтобы показать степень этой настойчивости, сдѣлаемъ небольшое извлеченіе изъ переписки по поводу открытія новыхъ еврейскихъ училищъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ, происходившей въ 1853 году между Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и виленскимъ генералъ-губернаторомъ, управлявшимъ тогда учебнымъ округомъ *).

---

*) 19 мая 1850 г. Высочайше было повелѣно: Виленскій учебный округъ образовать изъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, Витебскую и Могилевскую губерніи причислить къ Петербургскому округу, управленіе же учебными заведеніями Виленскаго учебнаго округа, на правахъ попечителя, возложить на виленскаго генералъ-губернатора. Сбор. по М. Н. Просв. т. II, отд. 2, стр. 988.

Въ началѣ 1853 года Министерство Народнаго Просвѣщенія просило генерала Бибикова озаботиться открытіемъ новыхъ еврейскихъ училищъ въ предѣлахъ Виленскаго учебнаго округа. Въ маѣ Бибиковъ представилъ Министерству о необходимости пріостановиться открытіемъ новыхъ училищъ, пока существующія уже училища не достигнутъ постепенно развитія и не будутъ имѣться въ виду у училищнаго начальства вполнѣ способные и свѣдущіе учителя еврейскихъ предметовъ, такъ какъ въ сихъ лицахъ чувствуется недостатокъ. Бибиковъ считалъ нужнымъ пріостановиться увеличеніемъ числа еврейскихъ училищъ и для того, чтобы «открытіемъ новыхъ школъ, за успѣшность которыхъ нельзя ручаться, не ослабить напрасно имѣющихся въ распоряженіи Министерства денежныхъ средствъ». Но этотъ взглядъ на дѣло не былъ признанъ правильнымъ. Съ 1844 г., было отвѣчено генералу Бабикову, почти въ продолженіе 10 лѣтъ, открыто въ Виленскомъ учебномъ округѣ только раввинское училище, 3 училища 2-го разряда и 12 училищъ 1-го разряда, почему въ отношеніи къ числу еврейскаго населенія, простирающагося до 160.000 душъ, приходится одно училище на 10.000 душъ. По такому незначительному числу казенныхъ училищъ въ сравненіи съ народонаселеніемъ и съ числомъ частныхъ еврейскихъ училищъ едва-ли можно вывести положительное заключеніе объ успѣхѣ оныхъ. Малочисленность учащихся въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ также не должна останавливать распространеніе сихъ заведеній. Начала во всемъ трудны, и тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужно бороться съ предразсудкаии и фанатизмомъ народа; но со временемъ евреи сами оцѣнятъ пользу учреждаемыхъ для нихъ правительствомъ училищъ, и когда родится къ нимъ довѣріе, то можно ожидать, что они съ избыткомъ будутъ наполняться учащимися. Распространеніе учрежденія такихъ училищъ нужно, между прочимъ, и для того, чтобы евреи видѣли, что взыскиваемый съ нихъ свѣчной сборъ употребляется въ ихъ пользу и согласно его назначенію. По поводу сдѣланнаго Бибиковымъ указанія на недостатокъ подготовленныхъ учителей ему данъ совѣтъ довольствоваться на первый разъ лучшими изъ имѣющихся частныхъ учителей. Послѣ такого отвѣта Министра генералу Бибикову ничего не оставалось другого, какъ приступить къ открытію новыхъ училищъ, хотя онъ и увѣренъ былъ, что эти новыя училища не пойдутъ успѣшно.

Благодаря настойчивости, съ какой поведено было дѣло открытія казенныхъ еврейскихъ училищъ, въ теченіе 6-ти лѣтъ учебное начальство достигло того, что не только во всѣхъ болѣе или менѣе зна-

чительныхъ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ въ чертѣ еврейской осѣдлости появились казенныя училища. Такимъ образомъ, громадной массѣ евреевъ предоставлена была полная возможность давать своимъ дѣтямъ образованіе. Въ 1855 г. существовало уже 104 училища. Это былъ, повидимому, блестящій результатъ, но чтобы правильно судить объ этомъ явленіи, надобно принять во вниманіе слѣдующее:

а) Желаніе открыть поскорѣе возможно большее количество училищъ повело къ тому, что училища открывались и тамъ, гдѣ евреи не чувствовали въ нихъ ни малѣйшей нужды. Любопытная въ этомъ отношеніи замѣтка встрѣчается въ отчетѣ директора училищъ Гродненской губерніи за 1855 г. Изъ отчета этого видно, что въ 1854 году открыто, а въ 1855 «приведено къ совершенному устройству» Пружанское казенное еврейское училище 1-го разряда, но что ученіе въ немъ не происходило «по непоступленію учащихся какъ по мѣстнымъ неудобствамъ, такъ и по вкоренившейся, особенно въ низшемъ еврейскомъ сословіи, которымъ населенъ городъ Пружаны, привычкѣ оставаться въ воспитаніи своихъ дѣтей при прежнемъ одностороннемъ и самомъ крайнемъ ученіи. Для устраненія сего приняты зависящія и указанныя начальствомъ учебнаго округа мѣры, при коихъ можно ожидать поступленія учащихся въ означенное заведеніе *). Хорошо училище, въ которомъ нѣтъ учащихся!

б) Съ готовностью открывая рядъ новыхъ еврейскихъ училищъ, учебное начальство не могло, по ограниченности имѣвшихся въ его распоряженіи денежныхъ средствъ, снабдить эти училища достаточнымъ количествомъ учебныхъ книгъ и классныхъ матеріаловъ для безмездной раздачи ихъ бѣднякамъ учащимся, которые и составляли преобладающій контингентъ, и такимъ образомъ сразу-же поставило училища въ невозможность вполнѣ удовлетворительно вести свое дѣло. А какъ былъ великъ недостатокъ учебныхъ книгъ и классныхъ учебныхъ матеріаловъ, объ этомъ вполнѣ можно судить по даннымъ отчета Т. С. Постельса. «Въ большей части училищъ, — говоритъ онъ,—важную помѣху успѣхамъ учащихся составляетъ недостатокъ въ учебныхъ книгахъ и классныхъ учебныхъ матеріалахъ. По русскому языку въ иныхъ училищахъ вовсе нѣтъ общихъ книгъ для чтенія, и мнѣ случалось видѣть, что смотрители должны были удовлетворяться въ классѣ книгами различнаго содержанія, какъ, напр., изданіями Ушинскаго, Паульсона и Максимовича, составляющими соб-

*) Дѣло канц. поп. Вил. уч. окр. св. 688, № 6436.

ственность ихъ или взятыми изъ библіотекъ училища. Такое-же замѣшательство встрѣчается съ руководствами по нѣмецкому языку, вслѣдствіе чего иные учителя для упражненія дѣтей въ чтеніи пользуются нѣмецкимъ переводомъ библіи, крайне нетерпимымъ евреями. По ариѳметикѣ учащіеся не пользуются руководствами; все ученіе идетъ на классной доскѣ. Въ немногихъ лишь училищахъ найдены мною классныя доски, составляющія собственность училищъ и раздаваемыя ученикамъ во время уроковъ; въ другихъ-же доски приносятъ съ собой только нѣкоторые ученики, родители которыхъ не страшатся ничтожнаго на нихъ расхода; въ большей-же части училищъ ихъ вовсе не видно. Въ тетрадяхъ для письма вообще такой недостатокъ, что иные ученики во время уроковъ чистописанія сидятъ праздными» *).

в) Наконецъ, частью для облегченія возможности ускорить открытіе новыхъ училищъ, а частью для умноженія числа учениковъ во вновь открытыхъ училищахъ, рѣшились наложить руку и на открытыя до 1844 года частныя еврейскія училища, гораздо болѣе симпатичныя евреямъ, чѣмъ казенныя еврейскія училища. При изданіи временныхъ правилъ 13 ноября 1844 года признано было желательнымъ и полезнымъ сохранить существованіе этихъ училищъ. Въ § 2 правилъ сказано: тѣ изъ еврейскихъ училищъ, которыя открыты по разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ утвержденіемъ для руководства ихъ особыхъ правилъ, остаются во внутреннемъ устройствѣ и порядкѣ подчиненности на прежнемъ основаніи впредь до пересмотра сихъ правилъ и соображенія оныхъ съ общими относительно образованія евреевъ постановленіями. Въ періодъ времени съ 13 ноября 1844 года по 18 февраля 1855 г. никакого пересмотра упомянутыхъ правилъ не было; тѣмъ не менѣе число частныхъ училищъ сократилось уже при Уваровѣ: въ 1847 году, какъ уже сказано, 2 частныхъ училища были преобразованы въ еврейскія училища 2-го разряда. При преемникахъ-же графа Уварова исчезли и всѣ прочія частныя училища, кромѣ Шлокkскаго. Одни изъ этихъ училищъ (напр., Одесское и Кишиневское) были переименованы въ еврейскія училища 2-го разряда, другія (преимущественно Виленскія) или вовсе прекратили свое существованіе, или, по крайней мѣрѣ, прекратили свое существованіе въ качествѣ частныхъ училищъ для мальчиковъ и, преобразовавшись въ женскія частныя училища, положили начало существованію училищъ для евреекъ.

*) Отч. стр. 34 и 35.

При какихъ обстоятельствахъ происходило это преобразованіе, это ясно указываетъ намъ любопытное дѣло о Виленскомъ частномъ училищѣ Гермайзе. Училище это до 1847 г. пользовалось субсидіей въ 100 р. Въ 1847 г., одновременно съ преобразованіемъ училища Залкинда въ казенное училище 2-го разряда, Гермайзе прекращенъ былъ отпускъ субсидіи. Крайне стѣсненный въ средствахъ къ содержанію училища, Гермайзе обратился къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбою о возобновленіи субсидіи. Графъ Уваровъ не встрѣтилъ, съ своей стороны, препятствій къ удовлетворенію просьбы Гермайзе: онъ находилъ, что «число казенныхъ училищъ не можетъ соотвѣтствовать потребности еврейскаго образованія, и по сему на первый случай, можетъ быть, полезно было-бы позволять извѣстнымъ училищному начальству еврейскимъ учителямъ содержать училища 1-го разряда съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; но прежде, чѣмъ удовлетворить просителя, онъ пожелалъ имѣть мнѣніе попечителя округа по этому предмету. Попечитель передалъ это дѣло на заключеніе директора училищъ, а тотъ рѣшительно высказался противъ удовлетворенія просьбы Гермайзе. Въ казенныя еврейскія училища,—писалъ, между прочимъ, директоръ Скорабелли,—весьма мало вписывается учениковъ, и я полагаю, что причиной тому существованіе Гермайзева училища, въ которомъ обыкновенно находится отъ 30 до 60 учениковъ. Мнѣ казалось-бы,—заключаетъ директоръ,—что для привлеченія большого количества учащихся въ казенныя еврейскія училища предпочтительнѣе было-бы опредѣлить Гермайзе сверхкомплектнымъ учителемъ при одномъ изъ Виленскихъ казенныхъ еврейскихъ училищъ какого-либо предмета, напр., учителемъ еврейскаго чистописанія, съ производствомъ ему жалованья по 180 руб., но съ тѣмъ, чтобы онъ всѣхъ своихъ учениковъ перевелъ въ то училище, въ которое онъ самъ поступитъ». Попечитель округа, съ своей стороны, призналъ, что существованіе частныхъ училищъ мѣшаетъ успѣху казенныхъ училищъ, и потому онъ считалъ нужнымъ просьбу Гермайзе отклонить, предоставивъ ему право поступить на должность учителя въ казенное еврейское училище. Въ этомъ смыслѣ и рѣшено было въ 1850 году дѣло по просьбѣ Гермайзе. Но Гермайзе не хотѣлъ оставлять своего излюбленнаго дѣла. Хотя и съ трудомъ, онъ все-таки продолжалъ содержать свое училище. Въ концѣ 1850 г. онъ вновь возбудилъ ходатайство о назначеніи ему субсидіи, и снова ему было отказано. 15-го февраля 1851 года попечителю округа дано было знать, «что въ Вильнѣ находятся казенныя еврейскія училища для

мальчиковъ, и что для успѣховъ этихъ училищъ едва-ли полезно было-бы поддерживать частныя училища для мальчиковъ». Гермайзе увидѣлъ тогда, что субсидіи на содержаніе частнаго училища для мальчиковъ ему не дадутъ, и преобразовалъ свое училище въ женское.

Если-бы это закрытіе частныхъ еврейскихъ училищъ для мальчиковъ не имѣло никакого другого результата, кромѣ перемѣщенія учащихся изъ однихъ учебныхъ заведеній въ другія, то и тогда можно было-бы пожалѣть о закрытіи частныхъ училищъ, такъ какъ этимъ актомъ уничтожалась всякая конкурренція между однородными заведеніями, такъ сильно содѣйствующая подъему образовательныхъ заведеній. Но закрытіе частныхъ училищъ несомнѣнно сопровождалось серьезными результатами, и нельзя сказать, чтобы эти результаты были желательными. Въ частныя училища болѣе или менѣе образованные евреи охотно отдавали своихъ дѣтей; въ казенныя училища они отдавали ихъ менѣе охотно. Слѣдовательно, закрытіе частныхъ училищъ необходимо должно было влечь за собой сокращеніе контингента еврейскихъ дѣтей, получившихъ общее образованіе. Неподкупныя цифры и указываютъ на этотъ результатъ. Въ Одесскомъ еврейскомъ частномъ училищѣ въ 1834 году обучалось 289 мальчиковъ *); спустя 20 лѣтъ, въ обоихъ казенныхъ еврейскихъ училищахъ числилось 221 **). Въ Вильнѣ въ 40-хъ годахъ существовало 4 частныхъ училища, и въ каждомъ изъ нихъ было достаточное количество обучающихся. Въ училищѣ Залкинда число ихъ доходило даже до 80. Въ 1852 году въ училищѣ 2-го разряда были только 61 ученикъ и въ училищѣ 1-го разряда 49. Въ Минскѣ въ училищѣ 2-го разряда, преобразованномъ изъ частнаго училища Луріи, въ первомъ году его существованія было 55 учениковъ, а пять лѣтъ спустя только 33. Въ частныя училища поступали дѣти болѣе или менѣе состоятельныхъ евреевъ. Разъ поступивъ въ училище, такія дѣти въ полномъ болѣе или менѣе составѣ доходили до старшихъ классовъ; въ казенныя поступали дѣти наименѣе состоятельныхъ евреевъ, которымъ трудно было посвящать на обученіе два-три года и которые большею частью выходили изъ училищъ до окончанія курса, вслѣдствіе чего старшіе классы въ этихъ училищахъ пустовали. Въ Виленскомъ училищѣ 2-го разряда, тотчасъ послѣ преобразованія его изъ училища Залкинда, было въ первомъ классѣ 38 учениковъ, во

---

*) «Русская Школа» № 1, 1893 г., стр. 17.

**) См. вѣдомости, приложенныя къ отчету Т. С. Постельса по обозрѣнію еврейскихъ училищъ въ 1864 г.

2-мъ 21 и въ 3-мъ 12; въ 1852 году въ 1-мъ классѣ этого училища было 47, во 2-мъ 11 и въ 3-мъ только 1 *). Такимъ образомъ закрытіе частныхъ училищъ имѣло непосредственнымъ своимъ результатомъ общее сокращеніе количества еврейскихъ дѣтей, получавшихъ общее образованіе, и уменьшеніе въ училищахъ дѣтей, которыя безпрепятственно могли-бы пройти полный курсъ обученія. Если прибавить къ этому, что это печальное явленіе имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, въ такихъ городахъ, гдѣ стремленіе родителей-евреевъ давать своимъ дѣтямъ общее образованіе обозначалось уже очень ясно, то открытіе въ этихъ городахъ классныхъ училищъ въ связи съ закрытіемъ училищъ частныхъ надобно признать знаменующимъ не шагъ впередъ по пути распространенія образованія евреевъ, а скорѣе шагъ назадъ, не плюсъ, а минусъ.

Постановка учебнаго дѣла въ еврейскихъ училищахъ при преемникахъ графа Уварова (до конца разсматриваемаго періода) удержала тотъ-же въ сущности характеръ, какой далъ ей Уваровъ. Еврейскія училища 1-го и 2-го разрядовъ по прежнему остались мало соотвѣтствующими постановленіямъ еврейскаго комитета относительно состава учебнаго ихъ курса: по прежнему они должны были лишь частью служить распространенію общаго образованія между евреями, главнымъ-же образомъ они должны были воздѣйствовать на развитіе учащихся и на измѣненіе религіозныхъ воззрѣній евреевъ путемъ преподаванія еврейскихъ предметовъ. Но теперь эта вторая задача учрежденія еврейскихъ училищъ еще болѣе была выдвинута впередъ, чѣмъ прежде. Ближайшій преемникъ графа Уварова, князь Ширинскій-Шихматовъ, тѣмъ съ большею готовностью отводилъ еврейскимъ предметамъ первое мѣсто въ кругу предметовъ преподаванія въ еврейскихъ училищахъ, что постояннымъ правиломъ его дѣятельности по организаціи учебной части во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, было положеніе, по которому «религія должна служить единственною твердою основою всякаго полезнаго обученія». Поэтому онъ не только не думалъ сокращать количества уроковъ по еврейскимъ предметамъ въ казенныхъ училищахъ, но и призналъ нужнымъ увеличить ихъ число. По программѣ преподаванія 31-го декабря 1852 года, на преподаваніе этихъ предметовъ въ двухъ классахъ училищъ 1-го разряда назначено было 20 уроковъ (въ 1-мъ—11, во 2-мъ—9), а въ

*) Дѣла канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 547, № 4703, и св. 627, № 5434.

училищахъ 2-го разряда—26 уроковъ (по 7 уроковъ въ I и II классахъ, по 6 въ III и IV) *).

При князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ признано было возможнымъ и благовременнымъ осуществить и задушевную мысль графа Уварова—дать еврейскимъ училищамъ особо составленныя для нихъ руководства по еврейскимъ предметамъ.

Какъ графъ Уваровъ, впервые задумавшій изданіе такихъ руководствъ, такъ и князь Ширинскій-Шихматовъ, распорядившійся введеніемъ ихъ въ употребленіе въ училищахъ, искренно надѣялись, что употребленіе въ училищахъ этихъ руководствъ, особенно библіи и извлеченій изъ Маймонида **), при соблюденіи указанныхъ Министерствомъ правилъ, много будетъ содѣйствовать достиженію училищами поставленной имъ задачи—вліять на измѣненіе религіозныхъ воззрѣній евреевъ. Опытъ показалъ, однакожъ, что не только намѣченная задача не была достигнута, но что введеніе въ школьное употребленіе изданныхъ Министерствомъ библіи и извлеченій изъ Маймонида скоро стало одной изъ серьезныхъ для евреевъ помѣхъ отдавать своихъ дѣтей въ казенныя еврейскія училища ***). Чѣмъ объяснить такое странное, повидимому, явленіе? Почему дѣйствительность такъ мало оправдала тѣ ожиданія, которыя возлагались на введеніе въ школьное употребленіе библіи и извлеченій изъ Маймонида?

Трезвое, безпристрастное обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ этого любопытнаго явленія прямо приводитъ къ убѣжденію, что такимъ печальнымъ исходомъ дѣло о введеніи указанныхъ руководствъ обязано прежде всего не вполнѣ правильной постановкѣ его графомъ Уваровымъ. Задумавъ дать еврейской школѣ такое изданіе библіи, употреб-

---

*) Дѣла канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, св. 649, № 5717, и св. 617, № 5381.

**) Подъ этимъ именемъ изданъ былъ извѣстный «Сводъ узаконеній» Маймонида. Подъ именемъ «Свода узаконеній» разумѣется собраніе правилъ, выбранныхъ изъ талмуда, которыми должны руководствоваться евреи при исполненіи своихъ, всякаго рода, религіозныхъ обрядовъ.

***) Фактъ этотъ подтверждается цѣлымъ рядомъ несомнѣно вѣрныхъ свидѣтельствъ. Указанія на него встрѣчаются и въ отчетахъ Постельса. См. также статью «Вопросъ объ еврейскихъ училищахъ» Бинштока, помѣщ. въ 11 и 12 №№ «Русскаго Вѣстника» за 1865 г. «Евреи вобще, и въ особенности необразованное и преданное вѣковымъ предразсудкамъ большинство ихъ,—доносилъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа въ 1865 году Министру Народнаго Просвѣщенія,—считаютъ еврейскую библію и другія книги, изданныя правительствомъ, зараженными ересью, а еврейскимъ казеннымъ училищамъ, въ которыхъ книги эти служатъ руководствомъ, не довѣряютъ». Цирк. по Кіев. учебн. окр. 1866 г., № 5, стр. 176, 177.

ленія котораго въ школѣ могло-бы привести учащихся евреевъ къ убѣжденію, что талмудисты во многомъ исказили смыслъ слова Божія, такое изданіе Маймонидовскаго свода узаконеній, изъ котораго было-бы исключено все, не имѣющее цѣны для школы, питающее еврейскую исключительность, поддерживающее нетерпимость и ненависть евреевъ къ неевреямъ, и въ которомъ нашли-бы себѣ мѣсто комментаріи евреевъ, наиболѣе близкихъ христіанству, графъ Уваровъ рѣшительно оставилъ въ сторонѣ вопросъ, не нужно-ли при изданіи библіи и Маймонида въ задуманномъ видѣ принять въ разсчетъ и тѣ отношенія, въ какія должны стать къ этимъ изданіямъ русскіе евреи. А вопросъ этотъ далеко не былъ вопросомъ пустымъ и празднымъ. Вѣдь евреи не были обязаны отдавать своихъ дѣтей въ казенныя училища; ихъ доброй волѣ предоставлено было рѣшать этотъ вопросъ такъ или иначе. Между тѣмъ на рѣшимость отца-еврея отдать своего сына въ казенное училище качество употребляющихся тамъ руководствъ, особенно по изъясненію библіи и талмуда, должно было оказывать весьма рѣшительное вліяніе. Если эти руководства нехороши на взглядъ еврея, то что-же могло заставить его вопреки волѣ отдать своего сына въ казенное училище? Но графъ Уваровъ не принялъ, говоримъ, вовсе въ разсчетъ указаннаго, важнаго для успѣха предпринятаго имъ дѣла, фактора. Рѣшая вопросъ о составѣ и содержаніи учебныхъ руководствъ по библіи и талмуду, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ лишь своими собственными соображеніями да указаніями близкихъ къ нему евреевъ либеральнаго оттѣнка, и потому въ этихъ изданіяхъ легко могло появиться, какъ и появилось въ дѣйствительности, не мало такихъ особенностей, которыя скоро оттолкнули нѣкоторыхъ изъ евреевъ отъ этихъ руководствъ. Въ разъясненіе и подтвержденіе высказанныхъ соображеній, укажемъ хоть на слѣдующее. Графъ Уваровъ счелъ нужнымъ издать еврейскую библію, предназначенную для употребленія въ школахъ, съ нѣмецкимъ, Мендельсоновскимъ, переводомъ. Съ точки зрѣнія графа Уварова, присоединеніе къ тексту библіи нѣмецкаго перевода было существенно необходимо для облегченія учащимся чтенія и пониманія библіи. Между тѣмъ этотъ переводъ, сряду послѣ своего появленія въ Берлинѣ, былъ осужденъ нѣкоторыми раввинами въ предѣлахъ Польши, и въ 50-хъ годахъ еще не былъ снятъ съ него тяготѣвшій надъ нимъ запретъ. Въ силу этого мендельсоновскій переводъ былъ нетерпимъ массой евреевъ,—нетерпимъ до такой степени, что даже во 2-й половинѣ XIX столѣтія бывали случаи сожженія библій съ нѣмецкимъ переводомъ. Какъ-же масса евреевъ могла допустить,

чтобы дѣти ихъ изучали библію по изданію, въ которомъ нашелъ себѣ пріютъ и этотъ богопротивный переводъ?

Это полное игнорированіе графомъ Уваровымъ вопроса о томъ, какъ отнесется масса евреевъ къ задуманнымъ имъ школьнымъ изданіямъ тѣмъ удивительнѣе, что оно шло въ разрѣзъ съ излюбленнымъ его положеніемъ, что при устройствѣ для евреевъ училищъ непремѣнно нужно принимать въ разсчетъ степень умственнаго развитія евреевъ и ихъ воззрѣнія на постановку школьнаго обученія. Во имя этого принципа онъ счелъ возможнымъ не только отвести еврейскимъ предметамъ первенствующее мѣсто въ курсѣ преподаванія въ еврейскихъ училищахъ, но и включить талмудъ въ число предметовъ преподаванія; не слѣдовало-ли, во имя того-же принципа, хотя-бы ради одной послѣдовательности, и при изданіи учебныхъ руководствъ по библіи и талмуду принять въ разсчетъ еврейскія воззрѣнія на содержаніе и составъ этихъ руководствъ?

Весьма, конечно, возможно, что если-бы, предварительно приступа къ изданію руководствъ по еврейскимъ предметамъ, былъ подвергнутъ тщательному обсужденію вопросъ, насколько слѣдуетъ принять при этомъ въ разсчетъ соотвѣтственныя еврейскія воззрѣнія, то означенныя руководства появились-бы позже, чѣмъ они появились; не невозможно и то. что если-бы выяснилась при этомъ полная непримиримость еврейскихъ и министерскихъ воззрѣній на составъ и содержаніе учебныхъ руководствъ по библіи и талмуду, то признано было-бы болѣе цѣлесообразнымъ отложить изданіе ихъ ad calendas. Но развѣ дѣло пострадало-бы отъ этого? Вѣдь не нашелся еще, да и едва-ли найдется такой человѣкъ, который сумѣлъ-бы фактически доказать, что употребленіе въ еврейскихъ школахъ задуманныхъ графомъ Уваровымъ руководствъ принесло ту пользу, какая ожидалась отъ этого?

Съ другой стороны, трудно не замѣтить, что князь Ширинскій-Шихматовъ напрасно поторопился сдѣлать распоряженіе о введеніи въ употребленіе въ еврейскихъ училищахъ руководствъ по библіи и талмуду. Когда Министерство разсмотрѣло въ 1851 году эти руководства, составленныя кандидатомъ Мандельштамомъ, оно убѣдилось, что Мандельштамъ исполнилъ данное ему порученіе крайне неудовлетворительно. Въ изданной имъ библіи оказалась масса ошибокъ, неправильно переведенныхъ мѣстъ, невѣрныхъ, составленныхъ въ духѣ еврейской исключительности, комментаріевъ; но наиболѣе непріятное впечатлѣніе производило предисловіе къ библіи, въ которомъ Мандельштамъ дерзко отвергалъ божественность откровенія и дѣйствительность чудесъ и пророчествъ. Что касается извлеченій изъ Маймонида,

то книга эта оказалась почти дословной перепечаткой существовавшихъ у евреевъ изданій Маймонида. Мандельштамъ лишь нѣсколько сократилъ существовавшія тогда изданія Маймонида, но при этомъ оставилъ въ полной неприкосновенности именно тѣ страницы, которыя именно и нужно было исключить изъ школьнаго изданія. Тутъ остались и страницы, наполненныя самыми сладострастными картинами, воспламеняющими слишкомъ рано воображеніе учащагося, страницы, трактующія, напримѣръ, о случаяхъ, когда женщина дѣлается беременной и о способахъ къ достиженію этого; тутъ остались и страницы, на которыхъ излагается ученіе, дышущее ненавистью къ иновѣрцамъ. И что всего замѣчательнѣе, Мандельштамъ и самъ признавалъ нѣкоторыя мѣста Маймонида неумѣстными, вредными въ учебномъ руководствѣ, однакожъ сохранилъ ихъ въ еврейскомъ текстѣ, лишь оставивъ ихъ безъ перевода.

Такія крайне неудовлетворительныя, негодныя для училищъ изданія, казалось-бы, всего лучше вовсе не пускать въ обращеніе. Но при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ такъ спѣшили введеніемъ въ еврейскія училища учебныхъ руководствъ по еврейскимъ предметамъ, что рѣшились воспользоваться и Мандельштамовскими «трудами»; признали тогда нужнымъ принять лишь нѣкоторыя мѣры для отвращенія того зла, какое могло-бы привести введеніе въ школѣ этихъ руководствъ въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ Мандельштама. По отношенію къ библіи признано было возможнымъ ограничиться исключеніемъ предисловія *) и исправленіемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе негодныхъ, страницъ. Всѣ такія страницы приказано было вырѣзать изъ приготовленныхъ изданій и замѣнить новыми, а вырѣзанныя страницы сжечь. Извлеченія изъ Маймонида не были перепечатаны, но признано было нужнымъ: 1) приложить къ этому изданію и напечатать отдѣльными брошюрами статьи объ акумахъ и о благоговѣйномъ почитаніи царей. Въ первой изъ этихъ статей, на основаніи раввинскихъ сочиненій, излагалось ученіе о томъ, что акумство, или идолопоклонство, рѣшительно не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ, заслуживающимъ уваженіе евреевъ, и что христіанъ ни подъ какимъ видомъ не должно смѣшивать съ идолопоклонниками, а во второй заключалось ученіе, основанное на пророкахъ и сочиненіяхъ нѣкоторыхъ еврейскихъ ученыхъ, о благоговѣйномъ почитаніи царей, о добросовѣстномъ взносѣ

*) Предисловіе это приказано было запечатать и хранить въ управленіи Вил. уч. округа (Дѣло канц. поп. В. у. о., св. 626, № 5427).

податей и пошлинъ и неопустительномъ исполненіи законовъ *), и 2) при введеніи извлеченій изъ Маймонида въ школы въ качествѣ учебнаго руководства рѣшено было дать учителямъ подробнѣйшія указанія относительно того, какія части извлеченій не должны быть читаемы, а равно и точно опредѣлить, въ какомъ духѣ и какъ именно должны быть объясняемы нѣкоторые еврейскіе религіозные законы. Всѣ эти указанія вошли въ составъ особой программы преподаванія Маймонида **). Для ознакомленія читателей съ характеромъ этой замѣчательной и единственной въ своемъ родѣ программы сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ нея.

По программѣ въ 1 кл. еврейскаго училища 1-го разряда слѣдовало проходить Маймонида такимъ образомъ:

а) Въ трактатѣ: «исчисленіе 613 заповѣдей Моѵсея» подлежало опускать: въ положительныхъ заповѣдяхъ числа: 74, 75, 100—106, 110—112, 218—221, 226—230, а въ отрицательныхъ заповѣдяхъ числа: 100, 158, 159, 162, 217, 262—265, 294 и отъ 330 до конца.

б) Изъ трактата объ ученіи Закона Божія преподавать главы I—IV (ч. 1), причемъ въ гл. 1 слѣдуетъ выпускать §§ 5 и 13, въ гл. 2 § 4, въ гл. 3 §§ 2 и 13, въ гл. 4 § 3.

в) При изложеніи §§ 3, 5 и 8 гл. VI и § 8 гл. VII трактата о нравоученіи учитель долженъ объяснять, что заключающіяся въономъ заповѣди о любви и запрещеніе питать ненависть къ израильтянину относятся равномѣрно и къ христіанамъ, какъ это доказано въ статьѣ объ акумахъ. Такія-же объясненія учитель долженъ дѣлать во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ.

г) Изъ трактата о молитвѣ преподавать гл. I—XIV включительно (ч. 1), причемъ слѣдуетъ выпускать: въ гл. III § 3, въ гл. IV §§ 7—10, въ гл. V § 13, въ гл. VI §§ 1, 6 и 9, въ гл. VIII §§ 7, 8 и 10, въ гл. IX §§ 11 и 12, въ гл. X § 5, въ гл. XI отъ § 17 до конца, въ гл. XII §§ 10 до 14 включительно, въ гл. XIII §§ 2—24 и въ гл. XIV §§ 2, 9 и 10. При чтеніи главы IV § 15 учитель долженъ объяснять, что положенное въ немъ дозволеніе отдохнуть три дня безъ совершенія молитвы относится до такихъ только лицъ, которыя путешествовали по пустынямъ, или по морю и т. п. Въ главѣ XV, къ § 3 учитель долженъ объяснить, что постановленное въ немъ правило, что

*) Дѣло канц. поп. В. у. о., св. 649, № 5686.

**) Она носила заглавіе: программа статей, которыя должны быть преподаваемы въ еврейскихъ училищахъ изъ изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія извлеченій изъ Маймонида, утвержденная г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 31 декабря 1852. Дѣло канц. поп. В. у. о., св. 649, № 5717.

священникъ, пролившій кровь человѣка, не долженъ только благословлять, относится до неумышленнаго смертоубійства.

И въ такомъ духѣ составлена вся программа.

Вотъ какого рода учебныя руководства признано было нужнымъ ввести въ еврейскія училища.

Ничего хорошаго изъ этого не вышло, да и не могло выйти.

Евреи тщательно слѣдили за ходомъ работъ Мандельштама по изданію имъ руководствъ для еврейскихъ училищъ, и гораздо раньше, чѣмъ они изданы были въ свѣтъ, евреямъ хорошо было извѣстно, что это за руководства. Евреи были недовольны и страшной тратой суммъ свѣчного сбора на плату Мандельштаму за этотъ облегченный имъ для себя трудъ, и ихъ содержаніемъ. Въ особенности приводило евреевъ въ негодованіе составленное Мандельштамомъ предисловіе къ библіи. Подъ вліяніемъ этого чувства виленскіе евреи, пользуясь въ 1851 г. присутствіемъ въ Вильнѣ профессора Мухлинскаго, осматривавшаго тогда еврейскія учебныя заведенія, сочли нужнымъ представить чрезъ него Министру Народнаго Просвѣщенія о необходимости не давать мѣста этому предисловію въ имѣющей быть изданной для еврейскихъ училищъ библіи *). Не скрылись отъ нихъ и тѣ исправленія, какія сочтено было нужнымъ сдѣлать въ библіи. Работы по вырѣзыванію изъ библіи забракованныхъ страницъ, перепечатка ихъ и вставка въ библію перепечатанныхъ страницъ—все это производилось въ Вильнѣ, въ еврейской типографіи, руками евреевъ **), и отсюда-то пошелъ гулять по еврейскому міру смутившій евреевъ слухъ, что въ училища вводится намѣренно испорченная библія. Изданіе подробной программы относительно преподаванія Маймонида довершило дѣло. Противникамъ образованія евреевъ въ учрежденныхъ для нихъ училищахъ эта программа давала прекрасный предлогъ проповѣдывать, что правительство вмѣшивается въ дѣло религіознаго обученія евреевъ съ единственною цѣлью—уравнять обучающимся путь для отпаденія отъ вѣры ихъ отцовъ. Что-жъ удивительнаго, что послѣ введенія въ еврейскія училища изданныхъ для нихъ руководствъ, особенно руководствъ по библіи и талмуду, масса евреевъ болѣе прежняго стала отстраняться отъ отдачи своихъ дѣтей въ казенныя училища, и училищами этими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали пользоваться для обученія своихъ дѣтей тѣ бѣдняки-евреи, которые не могли заплатить меламдамъ за

*) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627, № 5434.
**) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 626, № 5427.

обученіе своихъ дѣтей и той ничтожной суммы, какой довольствовались меламды *).

Впрочемъ, и независимо отъ того недовольства вновь изданными руководствами для еврейскихъ училищъ, какое обнаружилось въ еврейскомъ мірѣ въ 50-хъ годахъ, введеніе этихъ руководствъ въ употребленіе въ училищахъ не могло помочь казеннымъ училищамъ въ достиженіи ими намѣченной цѣли уже по тому одному, что ими не могло пользоваться большинство учащихся. Учились въ еврейскихъ училищахъ бѣдняки, которые не имѣли никакихъ средствъ пріобрѣтать на свой счетъ учебныхъ руководствъ, которыя вообще были дороги **), а даромъ имъ этихъ руководствъ не давали. Они и учились безъ книгъ. Профессоръ Мухлинскій въ своемъ первомъ отчетѣ по обозрѣнію еврейскихъ учебныхъ заведеній въ Вильнѣ писалъ, между прочимъ: «учебныя книги обходятся такъ дорого, что ученикамъ, поступающимъ теперь въ казенныя училища и находящимся большею частью въ совершенной бѣдности, не имѣющимъ даже обуви и одежды, нѣтъ возможности покупать ихъ на свой счетъ, а безъ книгъ не можетъ быть успѣховъ ученія. По сему полагалъ-бы полезнымъ и даже необходимымъ выдавать еврейскія книги въ еврейскихъ училищахъ безденежно, полагая, примѣрно, по 20 экземпляровъ ежегодно на каждое училище» ***). Но это резонное заявленіе осталось безъ послѣдствій, и по прежнему ученики учились безъ книгъ. Но въ такомъ случаѣ—зачѣмъ-же было тратить громадныя суммы на изданіе этихъ книгъ и вводить ихъ такъ поспѣшно въ употребленіе въ училищахъ?

Объемъ преподаванія не-еврейскихъ предметовъ въ училищахъ какъ 1-го, такъ и 2-го разрядовъ остался прежній. Впрочемъ, при князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ на ряду съ училищами 2-го разряда съ 3-мя курсами начали возникать и 4-хклассныя училища 2-го разряда, которыя должны были имѣть «торгово-промышленное направленіе». Въ училищахъ этого послѣдняго рода объемъ преподаванія не-еврейскихъ предметовъ былъ расширенъ. Въ учебный курсъ ихъ вошли изъ общеобразовательныхъ предметовъ: русскій языкъ, ариѳметика и геометрія, исторія и географія, преимущественно русская, чистописаніе и техническое черченіе. Всѣ эти предметы предписано было проходить въ объемѣ курса уѣзднаго училища, соотвѣтственно

*) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627. № 5432.

**) Маймонидъ стоитъ 1 р. 62 к. Какъ было покупать такую книгу ученикамъ, когда многіе изъ нихъ стѣснялись покупкой и дешевыхъ книгъ? Дѣло канц. поп. Вил. учеб. окр., св. 627, № 5434.

***) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627, № 5434.

чему увеличено было и число уроковъ по этимъ предметамъ. Изъ предметовъ реальныхъ въ 4-хклассныхъ училищахъ введены были: практическая механика примѣнительно къ промышленности, технологія, съ предварительнымъ изложеніемъ краткихъ свѣдѣній изъ физики и химіи, и бухгалтерія. Но на преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ отведено было небольшое количество уроковъ. На прохожденіе технологіи съ краткими свѣдѣніями изъ физики и химіи назначено было по 3 урока въ 3 и 4 классахъ, бухгалтеріи—2 урока въ 4 классѣ; для преподаванія практической механики примѣнительно къ промышленности не было назначено особыхъ уроковъ и предметъ этотъ предписывалось проходить на тѣхъ 6 урокахъ (по три урока въ III и IV классахъ), которые отведены были для преподаванія геометріи. По прямому указанію Министерства, всѣ эти предметы слѣдовало проходить «чисто практически и общепонятно, а не ученымъ образомъ». Не слышится-ли и въ этотъ указаніи, и въ этомъ крайнемъ ограниченіи числа уроковъ на преподаваніе реальныхъ предметовъ несочувствіе князя Ширинскаго-Шихматова мысли о возложеніи на еврейскія училища задачи—серьезно послужить улучшенію еврейскаго быта посредствомъ сообщенія учащимся полезныхъ въ практическомъ отношеніи свѣдѣній?

А. Бѣлецкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Епархіальныя женскія училища за первое 50-лѣтіе ихъ существованія.

Прошло ровно 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ по Высочайшему указу Св. Синоду, послѣдовавшему 18-го августа 1843 года, было открыто въ Царскомъ Селѣ первое въ Россіи училище для дѣвицъ духовнаго званія. Многознаменательный фактъ этотъ прошелъ въ нашей печати и въ нашемъ обществѣ почти незамѣченнымъ. А между тѣмъ училища для дѣвицъ духовнаго званія, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи—епархіальныя женскія училища, оказали немаловажную услугу церкви и государству. Они значительно подняли семейный бытъ православнаго духовенства, оказали вліяніе на воспитаніе дѣтей священно-и церковно-служителей, внесли не мало свѣта и въ народную среду путемъ школы, руководимой бывшими воспитанницами такихъ училищъ, а болѣе способныя изъ нихъ, получивъ дальнѣйшее, высшее—научное, педагогическое или медицинское—образованіе, съ успѣхомъ работаютъ на болѣе широкомъ литературномъ, педагогическомъ или медицинскомъ поприщахъ. Поэтому, на страницахъ педагогическаго журнала интересно, хотя вкратцѣ, прослѣдить исторію возникновенія и развитія совершенно особеннаго типа учебныхъ заведеній, каковыми являются наши женскія духовныя училища, ознакомиться съ ихъ организаціей, современнымъ состояніемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ нихъ и съ результатами ихъ полувѣковой просвѣтительной дѣятельности *).

---

*) Помимо личнаго знакомства съ однимъ изъ епархіальныхъ училищъ, для составленія настоящей статьи мы пользовались слѣдующими источниками: 1) «*Объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія*». С.-Петербургъ, 1866 г. 2) «*Московское Филаретовское епархіальное женское училище въ 50-лѣтній періодъ*». М. 1883 г. 3) «*Историческая записка о составѣ Кіевскаго женскаго училища духовн. вѣд.*» Гнѣвушева. Кіевъ. 1890 г. 4) «*Тамбовск. епарх. женск. учил. за 30-тилѣтіе*». Боголѣпова. 5) *30 печатныхъ отчетовъ* о сост. различн. епарх. учил. 6) *Уставъ епарх. училищъ.* 7) *Епарх. женск. учил.* Ст. М. Краснова. «Образ.», 1892 г., декабрь.

I.

Въ безотрадномъ и жалкомъ положеніи находилось у насъ дѣло воспитанія женщины духовнаго званія 50 лѣтъ тому назадъ. Тогда какъ мужскія духовно-учебныя заведенія имѣютъ длинную исторію своего существованія, обнимающую чуть-ли не пять столѣтій, служили предметомъ заботливости правительства и церкви не только въ новый—петербургскій періодъ русской исторіи, но и во времена Московскаго царства и даже въ болѣе отдаленныя времена, наша женская духовная школа, болѣе или менѣе правильно организованная, существуетъ лишь пять десятилѣтій. А до того времени дочерямъ духовенства приходилось довольствоваться домашнимъ воспитаніемъ, которое рѣдко вдавалось въ книжную мудрость, а ограничивалось необходимымъ въ быту сельскаго духовенства пріученіемъ къ рукодѣліямъ и кухонному искусству. Если-же и удавалось иногда дѣвочкамъ научиться отъ отца или братьевъ-семинаристовъ чтенію и письму, то и тогда дѣло обходилось лишь простымъ механизмомъ чтенія, далеко, по обыкновенію, не безукоризненнаго, по букварю и часослову, и умѣньемъ полуграмотно подписать свою фамилію и имя. Правда, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, еще въ 30-хъ годахъ, особенно послѣ жестокой холеры, унесшей много жертвъ и изъ духовенства, оставившаго послѣ себя массу безпріютныхъ сиротъ, стали возникать при монастыряхъ пріюты для дочерей духовенства. Но эти пріюты назначались собственно для однихъ только сиротъ и имѣли въ виду одну благотворительную цѣль, давая убѣжище неимущимъ, куда голову приклонить. Въ нихъ, главнымъ образомъ, было обращено вниманіе на выучку разнаго рода рукодѣліямъ, на болѣе или менѣе бойкое чтеніе книгъ церковно-славянской печати и на сообщеніе самыхъ элементарныхъ познаній по Закону Божію. Понятно, что изъ такихъ пріютовъ не могли выходить образованныя женщины, могущія понимать высшія стремленія своего мужа—священника, быть помощницею его въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на окружающую темную среду народа. Пріюты при монастыряхъ не могли удовлетворять потребностямъ жизни служителя алтаря еще и потому, что они стояли внѣ жизни, что строй монастырской жизни совершенно иной, чѣмъ за стѣнами монастыря. Если городское духовенство, а въ особенности столичное, какъ болѣе обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи, еще могло воспитывать своихъ дочерей въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то бѣдное сельское духовенство, котораго жизнь течетъ въ сельскомъ уединеніи, вдали отъ центровъ просвѣщенія,

лишено было и этой возможности. Можно себѣ поэтому представить всю безотрадность положенія сельскаго священника, который, вслѣдствіе необразованности жены своей, лишенъ былъ возможности хоть на минуту отрѣшиться отъ обыденныхъ, повседневныхъ явленій будничной жизни простолюдина и отдохнуть хотя въ своей семьѣ, переносясь духомъ въ сферу высшихъ, облагораживающихъ душу, интересовъ, если и у домашняго очага онъ не находилъ освѣжающей струи! И священникъ мало-по-малу забывалъ вынесенные изъ школы возвышенные идеалы о своемъ призваніи, заглушалъ въ себѣ стремленіе къ осуществленію высшихъ требованій своего пастырскаго долга, становился не рѣдко жалкимъ человѣкомъ, котораго «среда заѣла, жизнь изломала». Не находя поддержки въ собственной семьѣ, могъ-ли православный священникъ имѣть облагораживающее, нравственное вліяніе на свою паству, могъ-ли препятствовать распространенію сектантства, могъ-ли принимать дѣятельное участіе въ просвѣщеніи народа, наконецъ, могъ-ли онъ стать въ уровень съ католическимъ патеромъ, котораго не угнетали заботы о семьѣ, или съ протестантскимъ пасторомъ, котораго соціальное и матеріальное положеніе были вполнѣ обезпечены? И долго-бы семья православнаго священника коснѣла въ невѣжествѣ, если-бы на помощь къ ней не пришла великая княжна Ольга Николаевна, которой принадлежитъ первый и рѣшительный починъ въ устроеніи школъ для дѣвицъ духовнаго званія.

Въ маѣ 1843 года, умная и энергичная княжна приказала передать г. синодальному оберъ-прокурору записку съ предположеніемъ объ учрежденіи въ г. Царскомъ Селѣ воспитательнаго заведенія для священническихъ дочерей с.-петербургской епархіи. Необходимость подобнаго заведенія выяснялась въ запискѣ слѣдующимъ образомъ: «Большая часть нашихъ сельскихъ священниковъ бываютъ вынуждены вступать въ бракъ почти тотчасъ по выходѣ ихъ изъ семинаріи и, за неимѣніемъ никакого имущества, они находятся въ необходимости избирать среди дѣвицъ своего сословія ту изъ нихъ, которой приданое доставитъ имъ возможность пріобрѣсти домъ и обзавестись хозяйствомъ. Въ обѣихъ столицахъ многія изъ священническихъ дочерей получаютъ хорошее воспитаніе либо въ общественныхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, либо въ домѣ своихъ родителей; но въ другихъ мѣстахъ онѣ большею частью лишены образованія. Многіе сельскіе священники горько оплакиваютъ несчастіе имѣть женъ, не получившихъ никакого образованія и воспитанія, не способныхъ быть ихъ подругами жизни и не могущихъ заняться

воспитаніемъ своихъ дѣтей. Вотъ тѣ причины, по коимъ учрежденіе воспитательныхъ заведеній для дочерей сельскихъ и уѣздно-городскихъ священниковъ является совершенною необходимостью. Доставленіе имъ хорошаго воспитанія не только составитъ благополучіе ихъ собственныхъ семействъ, но будетъ значительно способствовать къ распространенію просвѣщенія и къ улучшенію нравовъ въ тѣхъ сословіяхъ, на которыя священники имѣютъ большое вліяніе. Дочерямъ священниковъ не слѣдуетъ давать того воспитанія, которое доставляется въ институтахъ, учрежденныхъ для дѣвицъ дворянскаго сословія: жены священниковъ должны посвящать себя всецѣло своей семьѣ и весьма рѣдко покидать домъ свой. Цѣль ихъ воспитанія должна заключаться въ томъ, чтобы приготовить изъ нихъ истинныхъ христіанокъ и такихъ женъ, которыя были-бы способны доставить пріятное общество своимъ мужьямъ, помогать имъ въ содержаніи церковнаго зданія въ приличномъ порядкѣ, приготовлять лекарства для больныхъ, заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей и содержать въ лучшемъ видѣ свое домашнее хозяйство». Кто авторъ этой записки — неизвѣстно; но намъ думается, что она составлена подъ вліяніемъ образованнѣйшаго и ученаго богослова и филолога протоіерея Павскаго, законоучителя августѣйшихъ дѣтей императора Николая Павловича. Какъ-бы то ни было, но оберъ-прокуроръ не замедлилъ представить императору докладъ, который настолько характеристиченъ, что считаемъ необходимымъ и съ нимъ ознакомить нашихъ читателей. «Мысль устроить приличнымъ образомъ воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія давно озабочиваетъ духовное начальство, и тѣмъ болѣе, что образованіе женскаго пола въ общественныхъ заведеніяхъ, распространенное на многія сословія, не коснулось лишь одного духовнаго сословія, имѣющаго въ томъ преимущественную предъ прочими нужду. Молодые люди, готовящіеся къ священному служенію церкви, выходя изъ семинаріи, бываютъ принуждены вступать въ бракъ съ дѣвицами, чуждыми всякаго воспитанія и невольно склоняющими ихъ къ грубымъ привычкамъ и образу жизни простыхъ поселянъ. Сознавая этотъ важный недостатокъ, духовное начальство уже открыло нѣсколько школъ при женскихъ монастыряхъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ... Общая система воспитанія дочерей сельскихъ священниковъ будетъ имѣть вліяніе на первое домашнее образованіе всего духовнаго сословія, а потому она требуетъ въ своемъ начертаніи всевозможной осторожности, ибо всякое ложное или ошибочное направленіе въ этомъ дѣлѣ будетъ вреднѣе, чѣмъ самый нынѣшній недостатокъ образованія. Ни одно изъ существующихъ

женскихъ учебныхъ заведенiй не можетъ служить образцомъ для воспитанiя дѣвицъ духовнаго званiя, потому что назначенiе этихъ послѣднихъ—быть женами и матерями служителей церкви—совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ состоянiй и сопровождается обстоятельствами, неизвѣстными во всякомъ другомъ быту. Жены священниковъ должны состоять въ особыхъ отношенiяхъ къ нимъ, и даже къ прихожанамъ ихъ, и должны быть столь нравственны, что, по правиламъ церковнымъ, извѣстная степень худого поведенiя жены священника разрушаетъ въ немъ священство. На этомъ основанiи не слѣдуетъ отдѣлять отъ епархiальнаго надзора воспитанiе священническихъ дочерей. Вышеизложенныя соображенiя приводятъ къ заключенiю, что устройство воспитанiя дѣвицъ духовнаго званiя, согласно съ истинными потребностями его, тогда только можетъ быть вполнѣ достигнуто, когда оно, пользуясь Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, будетъ совершаться подъ непосредственнымъ вѣдѣнiемъ главнаго духовнаго управленiя и епархiальныхъ начальствъ». Сообразно со всѣмъ только-что указаннымъ были выработаны и программы преподаванiя, и самый уставъ Царскосельскаго училища; вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено, что и первыя, и послѣднiй должны служить образцомъ и нормою и для другихъ женскихъ духовно-учебныхъ заведенiй, «имѣющихъ впредь учредиться, дабы все духовное женское образованiе совершалось нераздѣльно въ единомъ духѣ, согласно съ уставами православной церкви и съ настоящими потребностями духовнаго званiя». Высочайшiй указъ Св. Синоду объ открытiи въ Царскомъ Селѣ училища для дѣвицъ духовнаго званiя послѣдовалъ 18-го августа 1843 г. На сколько новый типъ учебнаго заведенiя пользовался сочувствiемъ и довѣрiемъ самого Императора, видно изъ слѣдующихъ двухъ Высочайшихъ резолюцiй.

Въ 1847 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Рунертъ ходатайствовалъ о доставленiи дочерямъ духовенства права поступать въ дѣвичiй институтъ Восточной Сибири наравнѣ съ дочерями дворянъ и чиновниковъ. Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ собственноручно изволилъ написать: «на первый разъ согласенъ, но полезнѣе было-бы учредить для нихъ особую школу на подобiе Царскосельской» *). А еще позже, въ 1850-мъ году, по поводу назначенiя суммъ, завѣщанныхъ графинею Орловою-Чесменскою, Государь Николай Павловичъ выразился такъ: «считаю гораздо полезнѣе

*) Москов. Филаретовское епарх. женск. уч.

всѣ свободные 100 тысячъ рублей назначить на женскія училища духовнаго вѣдомства, но не при монастыряхъ, а по образцу Царскосельскаго, *ибо они должны готовить дѣвицъ для свѣтской жизни, а не для затворнической»* *).

Въ виду столь рѣшительно выраженной воли Императора и стали возникать у насъ, хотя въ началѣ очень медленно, женскія духовныя училища по типу Царскосельскаго, — Ярославское въ 1846 г., Казанское въ 1853 г. и Иркутское въ 1854 г. Такимъ образомъ, въ царствованіе Николая Павловича было открыто всего лишь 4 училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Ближайшею цѣлью этихъ училищъ было дать образованіе и воспитаніе дочерямъ духовенства, чтобы онѣ могли быть «достойными супругами служителей алтаря Господня и попечительными матерями, которыя возращали-бы дѣтей своихъ въ правилахъ благочестія и добронравія». Курсъ ученія полагался 6-ти-лѣтній, раздѣленный на три класса, по два года въ каждомъ.

Программа преподаванія на первыхъ порахъ носила крайне элементарный характеръ. Въ составъ ея входили: 1) Законъ Божій—краткій катихизисъ, священная исторія и церковное пѣніе; 2) чтеніе на славянскомъ и русскомъ языкахъ и краткая грамматика; 3) ариѳметика до тройнаго правила; 4) краткая русская исторія и географія; 5) опытное обученіе рукодѣлію и домашнему хозяйству, и, какъ пособіе къ изученію хозяйства рекомендовалось заведеніе при училищѣ сада съ огородомъ, скотнымъ и птичьимъ дворомъ. Оканчивающимъ курсъ, сверхъ того, совѣтывалось «сообщать понятія о хожденіи за дѣтьми и о физическомъ ихъ воспитаніи, о хожденіи за больными, объ употребленіи и свойствахъ врачебныхъ растеній».

Нельзя сказать, чтобы преподаваніе учебныхъ предметовъ даже при такомъ элементарномъ курсѣ велось правильно и систематично, такъ какъ, при недостаткѣ въ денежныхъ средствахъ, учителя изъ священниковъ и духовныхъ семинарій преподавали большею частью безъ всякаго вознагражденія за свой трудъ, а потому часто манкировали уроками, учебный предметъ дробился между нѣсколькими преподавателями, которые притомъ часто смѣнялись. Что-же касается «опытнаго обученія рукодѣлью и домашняго хозяйства», то оно, по словамъ Н. Краснова **), обыкновенно ограничивалось тѣмъ, что воспитанницы принимали непосредственное участіе въ работахъ по дому:

---

*) Истор. зап. о Кіевскомъ жен. уч. дух. вѣд.

**) «Образованіе», дек. 1892 г.

мыли полы, стирали бѣлье, подметали комнаты, готовили для себя кушанья и шили бѣлье. Никакого систематическаго обученія рукодѣлію и веденію домашняго хозяйства въ сущности не было, такъ какъ и экономическія средства не дозволяли, въ большинствѣ случаевъ, «заводить при училищѣ садъ съ огородомъ, скотовымъ и птичьимъ дворомъ». Нечего говорить и о томъ, насколько оказывалось осуществимымъ въ дѣйствительности, чтобы дѣвицы духовнаго званія знакомились съ уходомъ за дѣтьми и основами медицины.

Можетъ быть, въ виду элементарности и неустойчивости учебнаго курса, первыя училища для дѣвицъ духовнаго званія не пользовались, повидимому, довѣріемъ самого духовенства. Но вотъ наступаетъ знаменательный періодъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ настоящаго вѣка,—періодъ начала славнаго царствованія Царя-Освободителя. Это былъ періодъ всеобщаго оживленія, одушевленія, возбужденной дѣятельности, періодъ возникновенія всевозможнаго рода вопросовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изысканія способовъ рѣшенія этихъ вопросовъ,—періодъ, надъ которымъ исторія и потомки обыкновенно останавливаются съ особеннымъ вниманіемъ, въ которомъ ищутъ и находятъ первыя сѣмена дальнѣйшихъ событій. Умственное движеніе, охватившее просвѣщенныхъ представителей русскаго народа, не могло не коснуться и женскаго вопроса и не дать ему той или другой постановки и освѣщенія. Явилась необходимость реформы женскаго образованія въ духѣ назрѣвшихъ потребностей жизни, науки и позднѣйшихъ педагогическихъ принциповъ. Въ достопамятный день 5-го марта 1857 года Государь Императоръ Александръ II утвердилъ проектъ учрежденія въ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ женскихъ училищъ, переименованныхъ впослѣдствіи въ женскія гимназіи, для дѣвицъ всѣхъ, безъ различія, сословій, съ цѣлью доставить средства лицамъ всѣхъ сословій, а преимущественно средняго, давать дочерямъ своимъ образованіе, соотвѣтственное быту, выразивши при этомъ, чтобы женское образованіе на новыхъ началахъ получило возможно широкое развитіе. Сущность реформы женскаго образованія состояла въ единеніи *общественнаго* образованія, доступнаго теперь всѣмъ, *съ семейнымъ* воспитаніемъ, въ осуществленіи педагогическаго принципа, что «школа учитъ лучше, чѣмъ семья, а семья воспитываетъ несравненно лучше, чѣмъ школа». И признательное общество горячо откликнулось на призывъ своего Государя. Не прошло и 10 лѣтъ, какъ всѣ губернскіе города имѣли свои женскія гимназіи, всѣ уѣздные—женскія прогимназіи или, по крайней мѣрѣ, трехъ-классныя городскія школы. При всеобщемъ оживленіи, при всеобщей кипучей

дѣятельности, и духовное сословіе не могло оставаться спокойнымъ зрителемъ совершавшагося вокругъ него, не могло оставаться глухимъ къ требованію разумной, отвѣчающей призванію духовнаго сословія постановки дѣла воспитанія и образованія женщины этого сословія. Женскія гимназіи, не смотря на всесословный характеръ ихъ, не могли быть вполнѣ примѣнимы къ воспитанію дѣвицъ духовнаго званія, какъ будущихъ женъ и матерей служителей алтаря, и духовенство православной церкви должно было само озаботиться открытіемъ своихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Первые заговорили объ этомъ наши, въ то время образованнѣйшіе, архипастыри.

Такъ, преосвященный Наѳанаилъ, тогдашній епископъ архангельскій, писалъ въ Св. Синодъ въ 1861 году: «Обращая вниманіе на главныя условія семейной жизни сельскаго духовенства, на его уединенное положеніе на краю дикомъ, обиженномъ природою и малонаселенномъ, и на современныя требованія отъ дѣятельности церковныхъ пастырей, нельзя не чувствовать настоятельной и неотложной нужды въ доставленіи образованія дѣвицамъ духовнаго званія. Образованіе сблизило-бы ихъ на почвѣ нравственнаго развитія съ окончившими курсъ воспитанниками семинаріи, съ которыми онѣ вступаютъ въ бракъ, и много содѣйствовало-бы къ семейному счастію этихъ супружествъ. А этого трудно ожидать при значительномъ неравенствѣ въ образованіи супруговъ и при той разности умственныхъ и нравственныхъ ихъ понятій, которая нынѣ встрѣчается *исключительно* въ одномъ духовномъ сословіи. Равнымъ образомъ, только отъ образованія дѣвицъ можно ожидать полнаго облагороженія домашняго быта духовенства, только отъ образованныхъ священническихъ женъ можно ожидать надежной нравственной поддержки самимъ священникамъ среди грубаго сельскаго общества; самое воспитаніе собственныхъ дѣтей и приготовленіе однихъ изъ нихъ къ училищу, другихъ къ жизни пойдутъ правильнѣе въ рукахъ образованныхъ матерей. Тогда и повсемѣстно, по занятіямъ въ учреждаемыхъ сельскихъ школахъ, особенно для крестьянскихъ дѣвочекъ, священники найдутъ лучшихъ сотрудницъ въ членахъ женскаго пола своего семейства. Образованныя жены духовенства могутъ ослаблять своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ предразсудки, пороки и преданность къ расколу, по крайней мѣрѣ, въ женской половинѣ народа. Вообще можно сказать, что чѣмъ болѣе будетъ число образованныхъ женъ священнослужителей, тѣмъ болѣе духовенство будетъ достигать того значенія и благодѣтельнаго вліянія на своихъ прихожанъ, которыя ему указаны самимъ его званіемъ. Нельзя требовать и ожидать отъ самихъ священнослужителей,

чтобы, помимо училищъ, они могли дать дочерямъ приличное воспитаніе у себя дома, частью по необразованности ихъ женъ, частью по частымъ своимъ отлучкамъ изъ дома для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей. Нельзя также требовать отъ нихъ, чтобы они отдавали на воспитаніе своихъ дочерей въ городскія женскія училища, потому что на это нѣтъ у нихъ достаточныхъ средствъ. Что-же касается осиротѣлыхъ дѣвицъ духовнаго званія, то для нихъ учрежденіе училищъ составляетъ самую настоятельную потребность, самое существенное благодѣяніе, такъ какъ круглыя сироты остаются часто безъ всякаго даже домашняго воспитанія, и, по крайней ограниченности пособія изъ духовнаго попечительства, бываютъ вынуждены идти въ услуженіе къ крестьянамъ, или вступать въ замужество съ крестьянами. Доставленіе этимъ несчастнымъ образованія въ училищѣ, обученіе ихъ наукамъ и полезному рукодѣлію будетъ для нихъ дѣломъ высшей христіанской любви; оно спасетъ ихъ отъ нравственнаго униженія, сохранитъ ихъ нравственность отъ соблазна и дастъ имъ возможность добывать себѣ честное пропитаніе благороднымъ и полезнымъ трудомъ». А знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ опредѣляетъ направленіе и самый характеръ воспитанія дѣвицъ духовнаго званія. По его мнѣнію, «воспитаніе ихъ должно быть направлено къ тому, чтобы дать дѣвицамъ религіозно-нравственное и хозяйственное образованіе, но не уклонять ихъ отъ простоты жизни, свойственной имъ по рожденію и назначенію. Посему и надзирательницы должны быть избираемы изъ духовнаго званія, и преимущественно вдовы. Симъ распоряженіемъ достигается двоякая цѣль: и сами сіи вдовы, какъ безпомощныя, получаютъ призрѣніе, и, по дознанной честности и способности, служатъ воспитанію дѣвицъ. При помѣщеніи заведенія должна быть устроена въ немъ церковь; прочее все, изъ бережливости, должно быть просто, кромѣ самаго необходимаго приспособленія къ потребностямъ заведенія. Воспитываемыя дѣвицы живутъ въ малыхъ комнатахъ и непросторно. Кто придетъ въ такое заведеніе изъ подобныхъ свѣтскихъ, тотъ не похвалитъ видимаго, потому что найдетъ только чистоту и опрятность, а не занимательный и блистательный видъ. Но это сообразно съ положеніемъ воспитываемыхъ, которыя пришли сюда изъ тѣсныхъ и скудныхъ жилищъ и въ такія же, по всей вѣроятности, должны возвратиться. Блистательное жилище во время воспитанія сдѣлало-бы для нихъ непріятными будущія ихъ жилища, простыя и скудныя». Назидательно мнѣніе Филарета и о баллахъ за успѣхи дѣвицъ. «Немного было-бы пользы,—замѣчалъ преосвященнѣйшій владыко на одномъ докладѣ,—

если-бы дѣвицъ только мучили ежедневный страхъ осуждающей цыфры и честолюбіе достигнуть одобряющей цыфры. Это могло-бы вести къ лицемѣрному желанію казаться прилежными и благонравными, а не быть таковыми внутренно и дѣйствительно».

На встрѣчу мнѣніямъ выдающихся архипастырей пошло и правительство. Быстро стали возникать новыя духовныя женскія училища съ болѣе расширенной учебной программой, приближающейся къ гимназической. Такъ, въ 1861 г. открыты училища Виленское и Кіевское, въ 1863 г. Могилевское, въ 1864 г. Полоцкое въ г. Витебскѣ, Паричское Минской губ. въ м. Паричахъ, Волынское въ Житомірѣ, Подольское и Минское.

Причина открытія женскихъ духовныхъ училищъ сначала въ западныхъ епархіяхъ находится въ зависимости отъ политическихъ соображеній, выступавшихъ наружу особенно во время польскаго возстанія. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1863 года предложеній, выработанныхъ въ западномъ комитетѣ относительно открытія училищъ для дочерей духовенства въ Западномъ краѣ, было выражено слѣдующее: «Православное духовенство Западнаго края, въ виду принадлежащей ему дѣятельности и того вліянія, которое оно должно оказывать на мѣстное народонаселеніе въ дѣлѣ укрѣпленія его единства, по духу религіи и народности, съ остальною частью русскаго государства, требуетъ, кромѣ матеріальнаго обезпеченія, особой заботливости въ отношеніи его образованія. Молодые люди духовнаго званія въ Западномъ краѣ имѣютъ для своего воспитанія духовно-учебныя заведенія, въ коихъ они пріобрѣтаютъ соотвѣтственное потребностямъ образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляются въ русскихъ обычаяхъ и убѣжденіяхъ. Но не тѣ представляются тамъ средства въ этомъ отношеніи для дочерей священнослужителей... По недостатку спеціальныхъ заведеній, женскій полъ православнаго духовенства въ Западномъ краѣ или остается при одномъ домашнемъ воспитаніи, болѣе чѣмъ скудномъ, или-же получаетъ несогласное съ духомъ православія и русской народности образованіе въ мѣстныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ почти исключительно лицами неправославнаго исповѣданія и нерусскаго происхожденія. Вліяніе этого образованія оказываетъ чрезвычайно вредныя послѣдствія не только на семейный бытъ, но и на самую пастырскую дѣятельность православныхъ священниковъ».

И дѣйствительно, семья православнаго священника въ Западномъ краѣ была въ описываемое время близка къ ополяченію. Случалось, что священникъ, обладая довольно достаточными средствами, отда-

валъ своихъ дочерей въ свѣтскія учебныя заведенія, по духу и воспитанію нерусскія и неправославныя, или-же бралъ въ свой домъ гувернантку, которыми были преимущественно польки, или, наконецъ, отдавалъ своихъ дочерей въ польскій панскій домъ, гдѣ онѣ должны были воспитываться наравнѣ съ панскими дочерями. Такого рода воспитаніе и обученіе прививало неправильныя понятія о самыхъ дорогихъ предметахъ для всякаго русскаго человѣка, прививало пренебрежительное отношеніе къ духовному сану и вообще къ той жизни, которою жили родители и которая предстояла въ будущемъ и самой дѣвочкѣ; а воспитанницы панскихъ семействъ пріобрѣтали склонность и любовь къ польскому языку, нравамъ и распорядкамъ польской семейной жизни; все образованіе такого рода ограничивалось усвоеніемъ разнаго рода романовъ и привычекъ, свойственныхъ, по понятіямъ того времени, только лицамъ высшаго сословія и состоящихъ главнымъ образомъ въ ничего недѣланіи и постоянномъ мечтательномъ настроеніи. Нѣтъ сомнѣнія, такого рода способы воспитанія должны были имѣть весьма вредныя слѣдствія: перениманіе языка и привычекъ житейскаго обихода польскихъ семействъ будущими женами православныхъ священниковъ прежде всего вселяло разладъ въ семейную жизнь послѣднихъ, вносило въ эту жизнь особенное направленіе, которое способно было сбить съ истиннаго пути и лучшихъ священниковъ, потомъ — сродняло нравственно домъ православнаго священника съ домомъ польскаго пана и, наконецъ, чрезъ это самое роняло перваго въ глазахъ прихожанъ и препятствовало развитію вліянія пастыря церкви на пасомыхъ. Такая ненормальность положенія воспитательнаго дѣла въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ не могла не обратить вниманія правительства. Вотъ почему здѣсь и стали быстро возникать женскія духовныя училища съ чисто русскимъ и православнымъ направленіемъ *).

Вскорѣ, однако, начали открываться подобныя училища и въ другихъ епархіяхъ, росли въ числѣ и объемѣ учебнаго курса. Новыя училища стали уже называться епархіальными женскими училищами, въ которыя стали преобразовываться и бывшія женскія училища для дѣвицъ духовнаго званія. Для такихъ училищъ понадобился уже новый уставъ, который и былъ изданъ въ 1868 году. Съ этого момента начинается новый періодъ дѣятельности женскихъ духовныхъ училищъ, къ которому мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ. Но прежде должны сказать, что въ настоящее время всѣхъ женскихъ

---

*) Истор. зап. Гнѣвушина.

духовныхъ училищъ съ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ числится 44, съ 13.000 учащихся въ нихъ дѣвицъ, преимущественно духовнаго званія. 12 изъ этихъ училищъ имѣютъ счастіе состоять подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы; прочія 32 устроены по уставу 1868 г. епархіальныхъ женскихъ училищъ.

Д. Семеновъ.

(Продолженіе будетъ).

Первый годъ моей учительской дѣятельности.

(Изъ воспоминаній начальной учительницы).

Каждой учительницѣ, начинающей дѣло, получающей школу, приходится жутко первое время; кромѣ серьезныхъ трудовъ и заботъ, неразлучныхъ со школьнымъ дѣломъ, кромѣ промаховъ и ошибокъ, вытекающихъ изъ педагогической неопытности, сколько еще лишнихъ тревогъ и волненій приходится переживать вслѣдствіе того, что созданные идеалы и представленія обыкновенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что напряженныя усилія не всегда достигаютъ цѣли, что отдѣльные случаи не подходятъ подъ готовыя, созданныя теоріей рамки. Начинающая учительница поневолѣ разочаровывается, теряется, приписывая всѣ неудачи исключительно своему неумѣнью, неспособности, думая, что другимъ удается избѣгать и ошибокъ, и неудачъ. Счастье еще, если при началѣ дѣятельности попадется опытный руководитель, если есть возможность получить совѣтъ, указаніе, сравнить свою школу и ея успѣхи съ ходомъ дѣла въ другихъ училищахъ. Но если обстоятельства дѣла сложатся не такъ удачно,—сколько лишнихъ силъ тратится даромъ, какъ тяжело дается этотъ первый годъ занятій, сколько здоровья и энергіи уноситъ онъ!.. Въ виду всего этого, мнѣ кажется не лишнимъ было-бы, еслибъ учителя и учительницы, занимающіеся въ школѣ уже нѣсколько лѣтъ, прямо и искренне разсказали-бы о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя получали они въ эти первые годы школьной дѣятельности о своихъ первыхъ шагахъ на этомъ поприщѣ, объ ошибкахъ, промахахъ, удачахъ и неудачахъ. Попытаюсь сдѣлать это въ предлагаемой статьѣ.

Поступая учительницей въ одно изъ женскихъ начальныхъ городскихъ училищъ Петербурга, я мало была знакома съ той средой, съ которой мнѣ приходилось имѣть дѣло. Я занималась уже нѣсколько лѣтъ и до этого времени, но въ маленькой домашней школѣ, пансіонѣ, и одинъ учебный годъ въ пріютѣ. Условія для занятій были

совершенно другія. Ученики и ученицы домашней школы и частнаго пансіона были большею частью дѣти средняго класса, получающія въ семьѣ нѣкоторое воспитаніе; кромѣ того, въ пансіонѣ я давала уроки отдѣльныхъ предметовъ, въ пріютѣ-же, гдѣ школа имѣла три отдѣленія и была устроена по образцу городскихъ начальныхъ школъ, мнѣ приходилось заботиться только объ обученіи, такъ какъ вся воспитательная часть и дисциплина имѣла уже свой опредѣленный, установившійся характеръ, бороться съ которымъ мнѣ не приходилось. Такимъ образомъ, во все время моей предыдущей педагогической практики мнѣ приходилось только учить, мало заботясь о нравственномъ воспитательномъ вліяніи. Теперь-же, при полученіи въ завѣдываніе школы, вопросъ этотъ представлялся мнѣ дѣломъ громадной важности. Какъ установить дисциплину, необходимую для успѣшности классныхъ занятій, не прибѣгая къ наказаніямъ, какъ найти разумную средину между распущенностью и подавленностью, какъ найти границу снисходительности, къ которой я была склонна вслѣдствіе слабости характера? Кромѣ этихъ вопросовъ, еще болѣе сложные и трудные представлялись мнѣ. Въ составъ начальныхъ школъ, какъ я знала, входятъ большею частью дѣти низшаго сословія, бѣднѣйшаго класса, дѣти улицы, столичной улицы—со всѣми ихъ особенностями и недостатками, которыхъ я не знала, но о которыхъ имѣла далеко не лестное понятіе,—дѣти, лишенныя деревенской свѣжести и воспріимчивости, зараженныя уже, можетъ быть, различными недостатками и пороками, видѣвшія и слышавшія все то нежелательное, что можетъ видѣть и слышать ребенокъ на улицѣ, около кабаковъ и трактировъ, въ углу подваловъ. Можно-ли имѣть на такихъ дѣтей какое-нибудь нравственное вліяніе, ибо школьное время такъ коротко, вліяніе семьи такъ сильно и всегда можетъ парализовать усилія школы? Конечно, когда я принималась за дѣло, вѣрилось и въ успѣхъ его, вѣрилось въ свои силы, но находили и сомнѣнія.

Что-же касается учебной стороны дѣла, выполненія программы, то на первыхъ порахъ оно не представлялось мнѣ слишкомъ труднымъ. Обязательныя требованія казались невелики. Программа младшаго отдѣленія, напр., требовала научить дѣтей читать, списывать съ книги и считать до 20. Неужели 7, 8-лѣтнія дѣти не справятся съ такимъ курсомъ? Всякій ребенокъ этого возраста, представлялось мнѣ, и дома научается считать въ этомъ предѣлѣ, хотя, конечно, придется укрѣпить, развить имѣющіяся уже представленія. Но методики разныхъ учебныхъ предметовъ еще свѣжи въ головѣ, силъ и желанія много;

неужели не справиться? Конечно, обязательною программой не хотѣлось ограничиваться: предметные уроки, бесѣды, чтеніе—всѣ эти средства для развитія ума и чувства не должны быть забыты; конечно, и имъ должно быть отведено мѣсто. Труднѣе всего представлялось мнѣ обученіе грамотѣ, практиковаться въ которомъ мнѣ приходилось очень мало и съ небольшимъ количествомъ учениковъ.

Наконецъ, веселые хлопоты объ устройствѣ школы кончены; высокій, свѣтлый классъ на солнечной сторонѣ, новенькіе красивые столы, шкапы съ учебными пособіями—всѣ эти подробности школьной обстановки, которыя выбирались съ заботою и любовью, все это, вмѣстѣ взятое, приводило въ радостное волненіе.

Наступилъ день пріема. И постороннему наблюдателю интересно заглянуть въ эти дни въ школу; тутъ выясняется отношеніе населенія къ школѣ, ярко рисуются характеры и типы разныхъ классовъ общества, стремящихся отдать дѣтей въ наши школы.

Вотъ отставной солдатъ, привыкшій къ дисциплинѣ, съ видомъ полнаго уваженія стоитъ передъ учительницей, обдергиваетъ кофточку своей дочери и учитъ ее вести себя какъ слѣдуетъ передъ новымъ начальствомъ; вотъ деревенская баба съ покорно-растеряннымъ лицомъ безучастно повторяетъ: «мы люди темные; какъ, матушка, тебѣ угодно, ты лучше понимаешь». Сзади проталкивается, въ яркомъ шелковомъ платкѣ, толстая лавочница съ разодѣтой дочкой, спокойно-увѣренно оглядывающая классную комнату и учительницу; она съ самодовольствіемъ отвѣчаетъ на разъясненія о платѣ: «это намъ что, для насъ ровно ничего не значитъ, хоть по 5 рублей въ мѣсяцъ; ужъ, пожалуйста, только обратите на нашу Машеньку особенное вниманіе». Такое-же особенное вниманіе проситъ обратить на свою дочку и бѣдная чиновница въ шляпкѣ и плохихъ перчаткахъ, объясняя, что ея дѣвочка нервная, слабая, деликатно воспитанная, что семья знавала лучшіе дни, а теперь нѣтъ средствъ для воспитанія дѣтей. А тамъ блѣдныя, исхудалыя матери, жены рабочихъ, ютящихся въ подвалахъ, съ грудными ребятами на рукахъ, просятъ принять и научить всему хорошему своихъ, такихъ-же блѣдныхъ, истомленныхъ, дѣтей. Вотъ привыкшая къ попрошайничеству, сомнительнаго вида бѣдная вдова, обремененная большимъ семействомъ, заискивающе кланяется и подталкиваетъ свою дѣвочку, уча ее поцѣловать ручку у учительницы и проситъ освободить отъ платы—ничтожной, двухрублевой платы, которая все-же тяжела для многихъ; за нею скромная, бѣдно одѣтая женщина робко спрашиваетъ, можно-ли ей надѣяться, что ея дочь будетъ принята безплатно. Добродуш-

ная старушка съ хорошенькой внучкой, не стѣсняясь толпой и спѣшкой учительницы, подробно разсказываетъ о способностяхъ своей внучки, о ея семейной обстановкѣ; а изъ подъ ея руки проглядываетъ маленькая головка уже нѣсколько знакомой со школьными порядками сестры или пріятельницы которой-нибудь изъ школьныхъ ученицъ, которая пришла сама опредѣляться въ школу, такъ какъ мать уходитъ на работу и ей незачѣмъ терять рабочій день. Если-же комплектъ уже имѣется и мѣстъ не хватаетъ, что такъ часто случается въ нашихъ школахъ, то происходятъ иногда тяжелыя, иногда комическія сцены. Мнѣ случалось видѣть, какъ матери и дѣти со слезами упрашивали принять въ школу, не вѣря, чтобы учительница не могла исполнить ихъ просьбы. Если есть школа, есть и мѣсто, разсуждаютъ они; обязательный комплектъ, опредѣленное кубическое содержаніе воздуха — все это совершенно непостижимо для нихъ; школа есть, учительница на лицо, жаждущіе учиться—тоже, что же при этомъ могутъ значить два, три лишнихъ человѣка? Въ такой-ли тѣснотѣ, въ такомъ-ли воздухѣ живутъ эти семьи! И сердце учительницы поневолѣ смягчается, санитарныя требованія покажутся не такими важными въ сравненіи съ фактами, которые говорятъ сами за себя: разумная, толковая 11—12-тилѣтняя дѣвочка, совсѣмъ безграмотная, со слезами на глазахъ, просится въ школу, мать въ отчаяніи, а кубическаго фута воздуха не хватаетъ—и приходится оставаться на всю жизнь безграмотной! Ну, и примешь на свою отвѣтственность сверхкомплектной...

Особенно живо вспоминается мнѣ одна сценка. Симпатичная старушка съ хорошенькой бѣлокурой внучкой пришла на второй пріемный день, когда вакансій уже не было. «Эхъ, Катенька,—сокрушалась она, покачивая головой и приглаживая волнистую головку дѣвочки,—прозѣвали мы съ тобой школу, голубушка! А все Волково виновато. Какъ-же не сходить на кладбище въ храмовой праздникъ. Экое горе! Да неужто-жъ, матушка, нельзя одну-то принять?»—съ недоумѣніемъ обратилась она ко мнѣ. Я стала объяснять, почему нельзя принять лишней ученицы и, какъ неоспоримый доводъ, привела недостатокъ классныхъ столовъ. «И, что ты, матушка, это что за бѣда, — заговорила обрадованная старушка, — у насъ отецъ-то, вѣдь, столяръ, у него мастерская, онъ съ радостью даромъ столъ сдѣлаетъ, ничего не пожалѣетъ, только прими. Ужъ мы тебя отблагодаримъ». Но на этотъ разъ я осталась непреклонной, несмотря на чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, которое произвели на меня и старушка, и дѣвочка; такъ онѣ и ушли ни съ чѣмъ. Но, на ихъ

счастье, одна изъ учениць не явилась въ школу—и вакансія освободилась. Дѣвочка эта оказалась чрезвычайно милымъ ребенкомъ—умная, толковая, добрая. Дѣла пошли успѣшно, и бабушка не замедлила явиться поблагодарить учительницу и внести плату за ученье. Но вмѣсто двухъ рублей она отдала мнѣ пять.—«А это тебѣ за услугу»,—прибавила она, называя меня при этомъ по-просту уменьшительнымъ именемъ. Я не разсердилась, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ, да и невозможно было разсердиться на добродушную старушку, съ нѣжностью смотрѣвшую на меня и называвшую меня, какъ маленькаго ребенка, ласкательнымъ именемъ. Я старалась насколько возможно убѣдительнѣе выяснить ей, что я не дѣлала исключеній для ея внучки, что занимаюсь съ нею, какъ и съ другими, что это моя обязанность, что я получаю хорошее вознагражденіе—ничто не помогало. Наконецъ, я приняла болѣе суровый рѣшительный видъ и отказалась тономъ, не допускавшимъ возраженій. Старушка посмотрѣла на меня пристально, покачала головой, взяла обратно деньги, съ неудовольствіемъ проговорила: «Ну, плохая-же ты послѣ этого учительница, какъ я посмотрю»,—повернулась и ушла. Этотъ неожиданный выводъ такъ поразилъ меня, что я расхохоталась, когда она была уже за дверью.

Замѣчательно, какъ неотступно вкоренилось въ простомъ народѣ это понятіе о необходимости отдѣльной подачки, благодарности за то, что человѣкъ исполнилъ свое дѣло. Сколько приходится бороться учительницѣ съ этимъ обычаемъ въ первое время, когда въ школу являются и съ наивными приношеніями яичекъ, молока, пятиалтыннаго, и съ крупными подарками—въ родѣ золотыхъ колецъ, ложекъ и т. п. Лишь тогда, когда уже твердо установится, что учительница не только не приметъ ничего, но еще будетъ сердиться за подобныя приношенія, родители отказываются отъ этихъ попытокъ.

Но указанный наплывъ учащихся обыкновенно происходитъ въ школахъ съ установившеюся уже репутаціей; новыя школы большею частью наполняются не такъ быстро; болѣе избалованная часть населенія неохотно отдаетъ дѣтей во вновь открытыя училища. «Богъ знаетъ, еще какъ тамъ учатъ», разсуждаютъ родители. Кромѣ того, со старой школой устанавливается болѣе или менѣе тѣсная связь: сестры, родныя, подруги учащихся дѣвочекъ—все стремится въ туже школу; такимъ образомъ, извѣстная школа становится чѣмъ-то близкимъ, роднымъ въ своемъ околоткѣ, «нашей» школой, а на новую смотрятъ недовѣрчиво, пока она не пріобрѣтетъ расположенія населенія.

И въ мою школу въ первый годъ учащіяся набирались медленно; я, въ своемъ рвеніи новичка, приходила въ отчаяніе, волновалась и на каждую новую ученицу смотрѣла, какъ на дорогое пріобрѣтеніе. Живо помню я первую ученицу, вписанную на первомъ листѣ новой пріемной книги. Это была, къ моему сожалѣнію, еврейка—довольно красивая дѣвочка съ крупными чертами лица, грязная, съ большими черными глазами, сверкавшими изъ подъ лохматыхъ, кудрявыхъ волосъ. Говорю «къ сожалѣнію» не потому, чтобы я раздѣляла такъ распространенное среди людей, считающихъ себя интеллигентными и вполнѣ гуманными, чувство ненависти къ евреямъ,—ненависти, которая должна возмущать сердце каждаго, кто хоть сколько-нибудь считаетъ себя христіаниномъ, обязаннымъ не дѣлать различія между «эллинами и іудеями». Не имѣя никакихъ сношеній съ евреями, я не знала, насколько въ дѣйствительности сильны враждебныя отношенія между ними и простымъ русскимъ народомъ, и боялась лишняго осложненія, которое могло внести присутствіе евреекъ въ школѣ. Что, если наши дѣти уже дома впитали въ себя презрительное отношеніе къ *жиду*, если въ школѣ сразу установятся недружелюбныя отношенія, если придется затрогивать такіе неподходящіе для дѣтскаго возраста вопросы, какъ религіозный фанатизмъ и т. п.; что, если еврейки дѣйствительно внесутъ въ школу нежелательный элементъ, если еврейское неряшество, несимпатичная практичность, обособленность будутъ проявляться въ школѣ, и къ массѣ неблагопріятныхъ условій прибавится еще одно лишнее, съ которымъ придется считаться съ самагоже начала мнѣ, неопытной, начинающей учительницѣ?..

Спѣшу тутъ-же прибавить, что опасенія мои были совершенно напрасны: за всѣ десять лѣтъ моихъ занятій въ школѣ мнѣ никогда не приходилось пожалѣть о томъ, что евреи допускаются въ наши училища наравнѣ съ русскими. Въ моей школѣ, на окраинѣ города, еврейки составляли значительный процентъ (отъ 6—10 на 50 человѣкъ)—и никогда никакихъ недоразумѣній, никакихъ непріятностей между дѣтьми не случалось. Въ первый только годъ было единственное небольшое столкновеніе. Довольно большая дѣвочка изъ богатой мѣщанской семьи перекрестила еврейку—тоже взрослую, умную дѣвочку. Та пожаловалась мнѣ и совершенно серьезно, безъ всякаго раздраженія замѣтила: «если-бы я была русская, я бы не стала этого дѣлать; какъ ей самой не стыдно шутить крестомъ». Это произвело сильное впечатлѣніе на глупую шалунью, и мнѣ почти ничего не пришлось прибавить къ этому нравоученію, полученному православной отъ нехристіанки.

Дѣти мои не дѣлали никакихъ различій между русскими и еврейками; я никогда даже не слыхала слова «жидовка», которое произносится обыкновенно съ такой презрительной интонаціей, что становится обиднымъ. Я знаю примѣры искренней дружбы между моими ученицами, русскими и еврейками,—дружбы, пережившей школьную пору. Еврейская обособленность тоже не проявлялась рѣзко. Конечно, онѣ твердо соблюдали свои праздники, не пѣли молитвъ, не писали въ субботу. Этимъ, разумѣется, онѣ рѣзко выдѣлялись изъ среды товарищей, но, къ удивленію моему, ни насмѣшекъ, ни удивленія строгое соблюденіе ими странныхъ для насъ обрядовъ не вызывало; напротивъ, старшія изъ дѣвочекъ съ большимъ уваженіемъ относились къ тому, что евреи даже въ дѣтствѣ строго выполняютъ внѣшнія требованія своей религіи. На нихъ производило большое впечатлѣніе, что маленькія 7-ми, 8-милѣтнія дѣвочки отказывались отъ такого громаднаго и рѣдкаго для нашихъ дѣтей удовольствія, какъ поѣздка въ циркъ или Зоологическій садъ, если она приходилась въ субботу, или шли пѣшкомъ всю длинную дорогу, такъ какъ не имѣютъ права ѣздить въ этотъ день. Пусть дѣти не могли понять основанія такого неразумнаго поступка, но онѣ прямо высказывали: «такія маленькія дѣвочки—и такъ исполняютъ свой законъ: а у насъ не всегда такъ». То-же самое наблюдали и другія наши учительницы. Держась строго своихъ обычаевъ, еврейки не составляли въ классѣ отдѣльной кучки, отдѣльной партіи, онѣ никогда не выдѣляли себя изъ среды русскихъ товарищей; да и нашимъ дѣтямъ во время игръ, школьныхъ дѣлъ и маленькихъ школьныхъ событій какъ-то и въ голову не приходило отдѣлять своихъ русскихъ подругъ отъ нерусскихъ.

Приведу одинъ интересный случай, характеризующій отношеніе евреекъ къ школѣ, которую онѣ уже привыкли считать своею. Учитель пѣнія устроилъ однажды спѣвку двухъ школъ—моей и сосѣдней школы мальчиковъ. Дѣвочекъ собралось меньше, и хоръ ихъ былъ плоше. Пѣли пѣсни и молитвы. Обыкновенно еврейки пѣли только пѣсни. Вдругъ замѣчаю я, что одна изъ нихъ, дѣвочка лѣтъ 12-ти, во весь голосъ, чистый и звонкій, усердно поетъ молитвы. Меня это очень поразило и я спросила ее, почему въ этотъ разъ она запѣла молитвы. «Какъ-же мнѣ не пѣть, — отвѣчала она, — мальчиковъ больше, они поютъ лучше, надо же поддержать нашихъ, чтобы наша школа не была хуже». Такимъ образомъ, исключительный духъ еврейства уступилъ мѣсто товарищескому, корпоративному чувству. Этотъ фактъ и другіе, ему подобные, часто заставляли меня думать, не лучшая-ли мѣра для искорененія этой обособленности—совмѣстное

воспитаніе при совершенно равныхъ условіяхъ для всѣхъ въ школѣ, гдѣ дѣти съ самаго ранняго возраста пріучаются видѣть человѣка въ каждомъ изъ своихъ товарищей, безъ различія національностей и религіи?.. Нѣкоторыя изъ евреекъ очень любили оставаться на урокахъ Закона Божія, слушать чтеніе евангелія; кто знаетъ, не западо-ли въ ихъ души хоть немногое изъ великаго ученія и, можетъ быть, хотя нѣсколько смягчило вліяніе суроваго духа ихъ религіи...

Это большое отступленіе вызвано желаніемъ сказать доброе слово объ еврейскихъ дѣтяхъ, неповинно несущихъ отвѣтственность за грѣхи родителей. Слава Богу, наши школы гостепріимно открываютъ имъ свои двери наравнѣ съ другими дѣтьми и окружаютъ ихъ такими-же заботами; навѣрно, взрослыми они добромъ помянутъ свои школьные годы.

Я не хочу сказать, чтобы мои ученицы-еврейки были совершенно свободны отъ спеціально еврейскихъ недостатковъ; нѣтъ, неопрятность дѣйствительно господствовала среди нихъ, и неопрятность особенная, чисто еврейская, которая дѣлала ихъ бѣдность еще неприглянднѣе. Но, кромѣ этой физической грязи, я ничего дурного не встрѣчала въ нихъ—ни стремленія вылѣзть, выдвинуться, ни жадности, ни попрошайничества; это были дѣти, какъ и всѣ другія дѣти; на нихъ тяжелая среда еще не наложила своего клейма.

Изъ другихъ національностей и религій почти не было дѣтей въ моей школѣ; одна нѣмка-лютеранка и одна католичка-полька—вотъ и всѣ такъ-называемыя иновѣрки. Былъ, правда, интересный случай. Приходитъ въ школу хорошо, даже нарядно одѣтая женщина,—красивая, румяная, съ рослой симпатичной дѣвочкой съ умнымъ открытымъ взглядомъ. Оказывается—крестьянка Саратовской губерніи. На мой вопросъ, сдѣланный для формы: «конечно, православная», мать отвѣчаетъ: «нѣтъ, матушка, мы сектанты». Такъ именно это выраженіе и употребила, что особенно удивило меня. «Какой-же вы секты?» спросила я. На это она мнѣ ничего не отвѣтила—сектантка, да и все тутъ. «Какъ-же быть съ уроками Закона Божія?» спросила я.—«Что-же, пусть учитъ священную исторію, она для всѣхъ одинакова, а только молитвъ она учить не будетъ». Меня очень интересовала эта дѣвочка, но, къ сожалѣнію, она пробыла въ школѣ 2—3 дня, а затѣмъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, семья переѣхала въ другую часть города, и я потеряла ее изъ виду.

НастаAъ, наконецъ, долго жданный день открытія школы — 1-е сентября. Погода была хорошая, день солнечный. Собрались дѣти—дѣвочки и мальчики изъ сосѣдней, тоже только-что откры-

вавшейся школы. Молебенъ служилъ нашъ будущій законоучитель, очень молодой, только-что посвященный, который вмѣстѣ съ нами только-что начиналъ свою дѣятельность. Конечно, и онъ, и мы—обѣ учительницы—были взволнованы... Ребята казались милыми—чистенькія, принаряженныя для перваго дня.

Началось ученье. Оставшись въ первый разъ съ глазу на глазъ со всей дѣтской компаніей, я чувствовала себя какъ-то смущенно, неловко; дѣти тоже смотрѣли растерянными, робкими. Мало-по-малу они стали отвѣчать на обыкновенные разспросы о семьѣ, адресѣ, отвѣчали молитвы, стихотворенія, съ которыми познакомились еще дома. Эти первыя бесѣды производятъ на дѣтей различное впечатлѣніе. Наиболѣе бойкія, честолюбивыя сразу выдаются: онѣ храбро отвѣчаютъ, радуясь возможности поговорить о томъ, о семъ, а если дома заучили какую-нибудь молитву или стихотвореніе, то ужъ непремѣнно поспѣшатъ показать свои знанія. Какъ часто приходится обманываться въ этихъ, съ перваго взгляда подающихъ большія надежды, дѣтяхъ: ихъ большая развитость при дальнѣйшемъ знакомствѣ часто оказывается только большею развязностью. Дѣти-же робкія, запуганныя съ перваго раза совершенно теряются. Бываютъ и оригинальные случаи, когда дѣтямъ, имѣвшимъ о школѣ свое особенное представленіе, эти разговоры кажутся прямо странными. Приведу одинъ такой случай. Поступила ко мнѣ въ школу шестилѣтняя дѣвочка—маленькій, здоровый ребенокъ, чисто крестьянскаго типа: широколицая, румяная, съ большими, ясными, въ упоръ смотрящими глазами, съ уморительно серьезной рожицей, приглаженными бѣлесоватыми волосами, туго заплетенными въ косу, въ ярко красной съ разводами юбкѣ съ кофтой. Этотъ маленькій человѣчекъ во всѣ глаза смотрѣлъ на меня; дѣвочка внимательно вслушивалась въ каждое мое слово, ловила мой взглядъ и, наконецъ, замѣтивъ, что идетъ самый, по ея понятіямъ, пустой разговоръ, громко и выразительно проговорила: «Тетенька, а когда-же мы писать-то будемъ? Вѣдь я учи-и-ться хочу». Съ такимъ выраженіемъ протянула она послѣднее слово, что въ немъ ясно слышался укоръ—«что, молъ, мы тутъ пустяками занимаемся».

Не могу удержаться отъ небольшого отступленія, чтобы нѣсколько характеризовать всю семью этой дѣвочки. Отецъ ея—ломовой извозчикъ, чахоточный и пьяница. Мать и тетка чрезвычайно симпатичныя женщины — радушныя, простыя, любящія дѣтей. Весь складъ семьи какой-то крестьянскій, совсѣмъ не похожій на городской, хотя семья давно уже опитерилась. Дѣвочки—у меня учились двѣ—очень

милыя, способныя, съ необыкновенною жаждой къ ученью. Пьяница отецъ тоже особенно серьезно относился къ этому ученью и положительно мучилъ имъ дѣтей. Наконецъ, чадолюбивая мать не выдержала и со слезами пришла просить моего содѣйствія, чтобы умѣрить педагогическое рвеніе своего мужа, который цѣлыми днями училъ несчастныхъ дѣвочекъ. Мы съ женой составили цѣлый заговоръ, согласно которому я должна была невзначай придти къ нимъ и объявить не въ мѣру усердному учителю, что нынче дѣтей дома учить не велятъ и что, учась въ школѣ только, онѣ научатся гораздо быстрѣе. Мое внушеніе подѣйствовало на нѣсколько времени. Разговорившись поподробнѣе, я узнала, что съ тѣхъ поръ какъ дѣвочки поступили въ школу, отецъ не позволялъ имъ ни гулять, ни даже помогать матери въ работѣ. Она щипала пеньку, и дѣти прежде помогали ей; теперь единственной ея помощницей осталась младшая пятилѣтняя дѣвочка. «А старшихъ нечего больше за работу засаживать,—объявилъ отецъ,—теперь онѣ уже учатся, такъ не должны ни на что другое время тратить». Такъ высоко цѣнилъ этотъ полуграмотный пьяница ученье.

Въ такомъ-же родѣ пришлось мнѣ встрѣтить и еще одного крестьянина—отца моей ученицы, и тоже, надо признаться, пьяницу. Его дочь, только въ 11 лѣтъ начавшая учиться грамотѣ, мало дѣлала успѣховъ, и по прошествіи 2-хъ, 3-хъ мѣсяцевъ ученья читала плохо, рукодѣльница-же была порядочная. Придя ко мнѣ поговорить о своей дочери, онъ такъ выяснилъ мнѣ свой взглядъ на дѣло: «У васъ въ школѣ ужъ очень много рукодѣлію учатъ (всего 2 урока въ недѣлю), это намъ не важно; что намъ шитье! намъ просвѣщеніе нужно, вотъ что важно!» И это книжное слово «просвѣщеніе» въ устахъ полупьянаго мужика было и комично, и трогательно.

Конечно, странно было-бы обобщать эти отдѣльные случаи и строить какіе-нибудь выводы изъ подобныхъ фактовъ, но мнѣ все-таки казалось, что они отчасти могутъ служить отвѣтомъ на возникающее нынѣ стремленіе придать элементарной народной школѣ болѣе практическій, утилитарный характеръ введеніемъ разныхъ ремеслъ, сообщеніемъ практическихъ свѣдѣній и т. п. Мнѣ казалось, не показываютъ-ли эти отдѣльные случаи, что и простой, необразованный человѣкъ цѣнитъ въ школѣ болѣе всего то отвлеченное знаніе, которое она даетъ, самое науку, какъ бы она имъ плохо ни понималась.

Дѣло вошло въ колею и занятія пошли своимъ чередомъ. Тутъ-то и оказалось, что представленія мои о дѣтяхъ, о степени ихъ умственнаго и нравственнаго развитія совершенно не соотвѣтствовали дѣй-

ствительности. Умственное развитіе ихъ, конечно, за нѣкоторыми исключеніями, стояло на такой низкой степени, что я была поражена. Вспоминалось мнѣ при этомъ презрительное отношеніе многихъ къ ухищреніямъ педагоговъ, морящихъ дѣтей надъ изученіемъ чиселъ до 10, чему каждый ребенокъ выучивается задолго до поступленія въ школу. Относительно деревенскихъ дѣтей, вѣроятно, это и справедливо. Казалось-бы, что и нашимъ дѣтямъ бѣднаго городского населенія числовыя отношенія должны были-бы быть знакомы на практикѣ. Вышло не то. Трудно себѣ представить, чтобы здоровая, нормальная 8-ми-лѣтняя дѣвочка не только совершенно не умѣла считать, но даже не знала подрядъ названій чиселъ дальше 3-хъ. 1, 2, 3— далѣе считать она уже не могла. И это была не идіотка, а дѣвочка вполнѣ средняя, которая впослѣдствіи, хотя и очень медленно, развивалась и недурно кончила курсъ. Что-же касается до неумѣнья соединить представленія о количествѣ предметовъ съ названіемъ числа, то это довольно обыкновенное явленіе, которое впослѣдствіи совершенно перестало поражать меня. Какъ часто случалось видѣть, что дѣвочка, откладывая на счетахъ шарики, мѣрно отсчитываетъ: одинъ... два... три..., успѣвая въ это время отложить шариковъ шесть. Точно такъ-же многія не могли сосчитать пуговицъ на платьѣ, назвать количество оконъ въ классѣ и т. п.; повторяя механически рядъ заученныхъ названій, онѣ нисколько не представляли себѣ, что каждому изъ нихъ соотвѣтствуетъ опредѣленное количество. Это меня до такой степени поразило въ первый разъ, что я подумала, что имѣю дѣло съ исключительно неспособными дѣтьми. Правда, составъ дѣтей въ первый годъ былъ плоше обыкновеннаго, но подобныя явленія повторялись и впослѣдствіи. Да и вообще я съ удивленіемъ убѣдилась, на сколько ограниченъ кругозоръ ребенка изъ бѣдной семьи городского населенія. Впрочемъ, оно и не мудрено. Подвалъ, или набитая жильцами комната въ верхнемъ этажѣ громаднаго дома, дворъ, нагроможденный дровами, телѣгами или бочками съ товаромъ мелочныхъ лавокъ, улица съ ея трактирами, кабаками и магазинами—вотъ и весь ихъ міръ. Большинство изъ нихъ не бывало даже въ другихъ частяхъ города; для многихъ изъ моихъ дѣвочекъ Невскій проспектъ, хотя и былъ извѣстенъ по имени, но настолько-же незнакомъ, какъ и провинціаламъ. Восходъ солнца видѣли онѣ только зимой изъ-за крыши домовъ, траву и деревья—въ ближайшемъ скверѣ, гдѣ травы нельзя топтать и цвѣтовъ нельзя рвать. Трудно представить себѣ за-то тотъ восторгъ и то наслажденіе, которое доставляютъ нашимъ дѣтямъ школьныя поѣздки за городъ, въ особенности куда-нибудь въ настоя-

щій лѣсъ или лугъ, гдѣ и цвѣтовъ можно нарвать, и по травѣ поваляться. Тотъ, кому случалось предпринимать эти поѣздки (а большинство нашихъ школъ ежегодно ѣздитъ въ Павловскъ, такъ какъ Царскосельская желѣзная дорога предоставляетъ городскимъ училищамъ безплатный проѣздъ), никогда не забудетъ этой картины полнаго дѣтскаго счастья.

Всякая вода—для нихъ Нева, никогда невиданная ими, но всегда знакомая имъ по слуху. Съ именемъ Невы, впрочемъ, у нихъ опять-таки не соединяется никакого опредѣленнаго представленія. Одна изъ моихъ ученицъ, напримѣръ, бывшая въ первый разъ въ жизни за городомъ, увидала сухой ровъ, отдѣляющій одинъ участокъ лѣса отъ другого, и съ восторгомъ воскликнула: «Ахъ, какая славная сухая Нева!» Лошадь, собака и кошка—вотъ и всѣ хорошо знакомыя имъ животныя; корову и свинью близко видѣли уже не всѣ; цыплята, вышедшія изъ яйца, молодые утята, птичье гнѣздышко, даже гусеница и стрекоза—для многихъ невиданное зрѣлище.

Трудно и плохо давалось мнѣ школьное дѣло въ первый годъ. Даже обученіе грамотѣ шло туго. Отчасти, я думаю, это происходило отъ недостатка бодрости, отъ неумѣнья довольствоваться маленькими результатами, отъ неумѣнья подмѣтить, какъ маленькими, почти незамѣтными шагами развивается дѣтскій умъ, отчасти отъ недостатка самостоятельности, отъ робости, стремленія дѣйствовать по указаннымъ образцамъ, не перерабатывая ихъ самостоятельно, примѣняясь къ каждому отдѣльному случаю.

Не буду распространяться о мелкихъ ошибкахъ и промахахъ въ учебной сторонѣ дѣла, скажу только объ основныхъ недостаткахъ. Главнѣйшій изъ нихъ, которымъ, я думаю, страдаютъ вмѣстѣ со мной и многіе изъ учащихъ, это непродуманность общаго учебнаго плана, неумѣнье дать себѣ полный отчетъ въ относительномъ значеніи и важности каждаго отдѣльнаго предмета. Стройной, опредѣленной системы, согласующей всѣ учебные предметы, умѣнья поставить каждый на надлежащее мѣсто и понять его исключительный характеръ и значеніе—вотъ чего особенно трудно достигнуть и отсутствіе чего заставляетъ учительницу то набрасываться съ жаромъ и выдвигать на первый планъ какой-нибудь излюбленный предметъ, то оставлять въ тѣни другой, значеніе котораго не вполнѣ ясно понято ею. Отъ этого-то отсутствія опредѣленнаго, выработаннаго взгляда и происходила главная путаница: съ одной стороны, стремишься сообщить дѣтямъ какъ можно болѣе свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія, съ другой—желаешь дать хоть какіе-нибудь навыки,

а затѣмъ необходимо еще выполнить обязательную программу. Многіе обвиняютъ учащихъ, въ особенности начинающихъ, молодыхъ, полныхъ самыхъ горячихъ стремленій, въ этомъ желаніи сообщить дѣтямъ какъ можно болѣе свѣдѣній въ такомъ возрастѣ и при такой степени ихъ развитія, когда свѣдѣнія эти не могутъ быть вполнѣ переварены ими и, вслѣдствіе этого, или исчезнутъ безслѣдно изъ ихъ памяти, или будутъ составлять ненужный балластъ. Обвиненіе это отчасти справедливо, но какъ многое можемъ мы сказать въ наше оправданіе! Вѣдь ученики нашихъ школъ большею частью никогда и ни откуда не получатъ никакихъ знаній: какъ-же намъ лишить ихъ и въ чемъ именно отказать, на чемъ остановиться? Какъ не познакомить ихъ хотя немного съ исторіей родной страны, съ ея природой, какъ не дать хоть нѣкоторое понятіе объ окружающемъ мірѣ, какъ не разучить съ ними образцовъ родныхъ поэтовъ, какъ не прочитать произведеній, дающихъ въ доступной дѣтямъ формѣ идеалы всего добраго и хорошаго?.. Съ другой стороны, требуется научить ихъ писать красиво и правильно (слишкомъ даже правильно для дѣтей этого возраста), считать и пройти порядочный курсъ ариѳметики. Вотъ и мечется неустановившаяся учительница изъ стороны въ сторону: то, отложивъ высокіе идеалы, бьется изо-всѣхъ силъ съ неукладывающеюся въ дѣтскія головы буквою *ѣ*: то, уставъ въ безрезультатной борьбѣ, отдыхаетъ, зачитываясь отрывками поэтическихъ произведеній; то старается развить въ дѣтяхъ недоступную для нихъ логичность мышленія и изъ ряду выходящую сообразительность при помощи всевозможныхъ ариѳметическихъ ухищреній. Сколько мнѣ приходилось мучиться изъ-за этого старанія соединить несоединимое! Увлечешься предметными уроками. Опыты, бесѣды занимаютъ дѣтей; глазенки горятъ, руки подымаются; на урокахъ крикъ и шумъ, но не шумъ отъ дѣтскихъ шалостей, а отъ радостнаго увлеченія дѣломъ,— затягиваешь урокъ, отрываешь время отъ другихъ занятій, а въ результатѣ полная безграмотность... Бросишься на диктовки, упражненія—чувствуется сушь и утомленіе; сначала дѣло какъ будто пойдетъ на ладъ, смотришь—общій ходъ обученія какъ будто хуже: меньше бодрости, жизни, меньше интереса къ ученью, да и самыя письменныя работы плоше: ужъ слишкомъ много вниманія и дѣти стали обращать на одну внѣшнюю правильность...

Что особенно заставляетъ падать духомъ молодую учительницу, которая идетъ въ школу съ благими стремленіями и надеждами,—это та масса черной, непривлекательной, чисто механической работы, безъ которой не обойтись въ начальной школѣ,—работы, на которую увле-

кающаяся юность смотритъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ, но небрежное отношеніе къ которой портитъ все дѣло. Въ первые годы такъ и было со мной. Не могла я, и по характеру своему, и по тѣмъ взглядамъ, съ которыми шла въ школу, одинаково отдаваться душой и любимымъ мной предметамъ преподаванія, и такимъ неважнымъ, по моимъ понятіямъ, занятіямъ, какъ чистописаніе, правописаніе и т. п. Что-же вышло? Въ концѣ года дѣти мои, за малыми исключеніями, читали хорошо и очень любили чтеніе, полюбили школу, какъ я и сама того не ожидала, старшія интересовались предметными уроками, чтеніями по исторіи и т. п., но писали ужасно—и въ смыслѣ грамотности, и каллиграфіи, плохо рѣшали сложныя задачи, тетради ихъ были грязны, небрежны, у нихъ не было навыковъ къ работѣ, не было умѣнья усидчиво, добросовѣстно отнестись къ дѣлу. И я видѣла и чувствовала, что это моя ошибка, мое неумѣнье заставить ихъ работать не порывами, не спустя рукава, а ко всякой работѣ относиться серьезно и старательно. Да и успѣхи ихъ въ дѣлѣ умственнаго развитія шли порывисто, скачками; не было твердаго основанія, не было хотя-бы небольшого круга, но вполнѣ усвоенныхъ знаній; то, что сегодня казалось вполнѣ понято и усвоено дѣтьми, на другой день исчезало безъ всякаго слѣда; прекрасно на видъ проведенный урокъ, которымъ дѣти интересовались въ высшей степени, оказывался совсѣмъ не усвоеннымъ, заинтересовавшимъ ихъ только съ внѣшней стороны. Какъ обидны, какъ горьки казались въ первое время такіе неожиданные результаты! Добросовѣстно приготовишься къ уроку, душу вложишь въ него—и вдругъ видишь, что совсѣмъ не владѣешь классомъ, что дѣтскія мысли далеко, далеко... При недостаткѣ выдержки, при преобладаніи увлеченія надъ обдуманностью невольно опускаются руки—и конецъ урока скомканъ, блѣденъ, вялъ, а иногда и цѣлый день пропалъ безслѣдно, такъ что лучше было-бы, если-бы не занимался вовсе. Или, вдругъ среди удачнаго урока отъ хорошей, толковой ученицы, и даже отъ нѣсколькихъ, получаешь неожиданно безтолковый отвѣтъ, ясно доказывающій, что все, чему училъ съ такимъ стараніемъ и надеждою, только скользило по поверхности, что съ такимъ-же успѣхомъ можно-бы начинать сначала... Вотъ такія-то минуты и способны довести учительницу до полнаго отчаянія, до признанія своей неспособности. Впослѣдствіи привыкаешь къ подобнымъ явленіямъ, узнаешь, что въ школѣ бываютъ удачные и неудачные дни, подходящее и неподходящее настроеніе, поймешь, что дѣтскій подвижной умъ, такъ легко поддающійся всякому впечатлѣнію, далеко не всегда способенъ къ усидчивой работѣ, что настроеніе учительницы,

состояніе погоды, ожиданіе какого-нибудь праздника, школьнаго событія и т. п.—все это можетъ помѣшать дѣлу; узнаешь на опытѣ, какъ заразительно подобное душевное настроеніе, какъ отъ нѣсколькихъ мало-по-малу оно передается всему классу—и пріучаешься терпѣливо переносить это настроеніе, поджидая болѣе подходящаго.

Вообще, въ первое время, какъ реакція блестящимъ надеждамъ, во мнѣ начиналъ выработываться мрачный взглядъ на школьную дѣятельность: не нужно для нея, казалось мнѣ, ни таланта, ни увлеченія, ни огня; нужна твердость характера, послѣдовательность, организованность, даже нѣкоторая ограниченность ума, нужно умѣнье твердыми шагами понемногу завоевывать почву, не отступая передъ трудностями, не разочаровываясь неудачами, не ожидая успѣха, а главное, не пренебрегая ничѣмъ, не упуская изъ вида ничего кажущагося съ перваго взгляда мелочнымъ. Но впослѣдствіи я убѣдилась, слѣдя за ходомъ дѣла въ другихъ, близко закомыхъ мнѣ школахъ, что и въ этой работѣ, какъ и во всякой, талантъ громадная сила, но талантъ спеціальный, учительскій, вмѣстѣ съ особыми свойствами ума и характера, которые даются не всѣмъ.

Еще одинъ крупный недостатокъ замѣчала я на своихъ урокахъ: если урокъ былъ мнѣ и дѣтямъ по сердцу, если онъ шелъ живо и хорошо, не я управляла урокомъ, а дѣти. Конечно, я, какъ и всякій порядочный учитель, добросовѣстно приготовлялась къ урокамъ и давала ихъ по опредѣленному плану, съ опредѣленной цѣлью; но какъ часто эта цѣль не достигалась и этотъ планъ нарушался! Достаточно было, чтобы дѣти заинтересовались урокомъ (обыкновенно это бывало на урокахъ объяснительнаго чтенія и предметномъ), чтобы въ классѣ нашлись двѣ, три любознательныя дѣвочки, съ огонькомъ, и чтобы кто-нибудь изъ нихъ предложилъ умный, толковый вопросъ—и я уклонялась въ сторону, забывала программу, и иногда мы уносились очень далеко и бесѣдовали о совсѣмъ неотносящихся къ дѣлу предметахъ. Иногда бесѣда эта сама-по-себѣ была и очень полезна, но урокъ-то не подвигался—и приходилось или не доводить его до конца, или затягивать и отнимать время у другого учебнаго предмета, настолько-же или даже болѣе существеннаго, но не обладавшаго способностью увлекать меня и дѣтей. Вначалѣ я находила такое положеніе дѣла прекраснымъ. Эти часы были для меня истиннымъ вознагражденіемъ за тѣ тяжелые, утомительно-скучные, доводящіе до отчаянія дни, когда по цѣлымъ часамъ приходится толковать, что 1 десятокъ и 4 единицы составляютъ 14 единицъ—и все-же получать отвѣты «въ 14 единицахъ содержится 4 десятка». А тутъ-то казалось настоящее

ученье—одушевленіе и мое, и дѣтское, работа ума безъ всякаго насилія съ моей стороны; вопросъ за вопросомъ предлагается дѣтьми, я сама въ ударѣ и отвѣчаю болѣе или менѣе удачно, дѣти занимаются съ одушевленіемъ, напряженно слушая меня, и ни я, ни онѣ не замѣчаемъ, какъ проходитъ время. Рѣдкія минуты, но какъ счастливъ тотъ, кому ихъ удалось пережить хоть изрѣдка! Однако это удовольствіе имѣло и обратную сторону. Эти несистематизированныя, отрывочныя свѣдѣнія не оставляли глубокаго слѣда въ дѣтскомъ умѣ; урокъ переходилъ иногда въ простой разговоръ,—можетъ быть, и интересный, но совершенно произвольно перескакивавшій съ одного предмета на другой, и на повѣркѣ оказывалось, что дѣти мои успѣвали гораздо меньше, чѣмъ ученики другихъ школъ, гдѣ учительница умѣла систематичнѣе и послѣдовательнѣе вести отдѣльные уроки. Мнѣ все-таки казалось иногда, что была тутъ и хорошая сторона дѣла—радостное оживленіе при умственной работѣ и развитіе любознательности; но боюсь, не переходила-ли любознательность въ простое любопытство и болтливость и не вредило-ли дѣлу отсутствіе напряженности, умственныхъ усилій, которыми сопровождались подобные уроки.

Несмотря на малоуспѣшность занятій, на промахи и недостатокъ бодрости и увѣренности, была въ этотъ первый годъ видна и хорошая сторона дѣла. Дѣти привыкали къ школѣ, полюбили ее, начиналъ складываться свой особый школьный духъ.

Наши ученики любятъ свои школы—это мы можемъ сказать смѣло и безъ хвастовства; отношеніе ихъ къ школѣ совсѣмъ не то, что у большинства учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые находятся въ какой-то постоянной традиціонной войнѣ со своими учителями и смотрятъ на свои училища далеко недоброжелательно. Конечно, мы въ этомъ отношеніи находимся въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Школа для нашего ученика, бѣднаго, часто полуголоднаго ребенка,—и единственный источникъ знанія, и убѣжище отъ многихъ домашнихъ горестей: отъ пьянства отца, отъ воркотни раздраженной бѣдностью и всякими невзгодами матери, и источникъ многихъ радостей, удовольствій и развлеченій, которыя онъ только черезъ школу получить и можетъ (школьныя ёлки, поѣздки за городъ, въ циркъ, въ театръ). Недаромъ маленькіе братишки и сестренки нашихъ школьниковъ ждутъ не дождутся, когда для нихъ настанетъ счастливый день поступленія въ школу.

Такъ-же легко объясняется и разница въ отношеніяхъ къ учащимъ. Ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ большинствѣ слу-

часвъ, дѣти болѣе или менѣе образованныхъ родителей; дома они слышатъ разговоры старшихъ, читаютъ книги, получаютъ знанія, иногда гораздо болѣе интересныя и въ болѣе привлекательной формѣ, чѣмъ въ училищѣ; нерѣдко видятъ они критическое отношеніе родителей къ своимъ учителямъ, привыкаютъ обсуждать ихъ дѣйствія и находить недостатки въ ихъ преподаваніи. Они могутъ сравнивать различныхъ учителей своего учебнаго заведенія, имѣть между ними любимцевъ или враждебно относиться къ нѣкоторымъ изъ нихъ; для нихъ учитель часто далеко не идеалъ, но, наоборотъ, человѣкъ и умственно, и нравственно стоящій ниже нѣкоторыхъ людей ихъ круга. Совсѣмъ не то въ нашихъ школахъ. Разница эта происходитъ не отъ разницы въ возрастѣ учащихся, хотя несомнѣнно и она имѣетъ значеніе. Кому не случалось слышать, какъ 10—11-лѣтніе гимназистики съ апломбомъ критикуютъ своихъ учителей и какъ рѣдко приходится слышать выраженіе искренней любви и уваженія къ нимъ? Совсѣмъ не то у насъ. Учитель можетъ совсѣмъ не обладать выдающимися умственными и нравственными достоинствами—и все-таки завоевать себѣ уваженіе и любовь учениковъ. Онъ все-таки настолько выше по своему умственному развитію всей окружающей ихъ среды, что невольно кажется имъ всезнающимъ. Онъ, и онъ только одинъ можетъ отвѣтить на тѣ вопросы, на которые ученику не только не отвѣтятъ дома, но о которыхъ дома и не думаютъ. Мѣрила для сравненія у него нѣтъ. Обращеніе учителя, хотя бы даже и раздражительнаго, все-же будетъ выгодно отличаться отъ домашняго обращенія: ни грубой брани, ни тумаковъ въ школѣ онъ не услышитъ и не увидитъ. Какъ-же ему не видѣть въ мало-мальски порядочномъ учителѣ существо лучшее, чѣмъ его окружающіе, какъ не вѣрить въ его знанія, умѣнье?

Я съ радостью замѣчала, какъ съ каждымъ днемъ дѣти все болѣе и болѣе привязывались къ школѣ: они забирались гораздо ранѣе назначеннаго часа, уходили неохотно, просили позволенія остаться хоть на полчаса. Для меня это было такъ радостно и такъ ново, ибо въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ учебное заведеніе, въ которомъ я воспитывалась, представлялось какимъ-то мѣстомъ заключенія, гдѣ я насилу высиживала положенные часы и откуда выходила съ радостнымъ вздохомъ узника, вырвавшагося на свободу.

Была, впрочемъ, между ученицами одна дѣвочка, которая никакъ не могла привыкнуть къ школѣ и полюбить ее. За всѣ 10 лѣтъ моихъ занятій въ школѣ, мнѣ не приходилось встрѣчать другого такого дикаго звѣрька, приручить котораго не удалось совсѣмъ. Это была замѣчательно хорошенькая дѣвочка; не смотря на вѣчно растрепан-

ные волосы, оборванное и какъ-то криво надѣтое платье, безъ передника и безъ пуговицъ на кофточкѣ, она бросалась въ глаза своимъ красивенькимъ личикомъ съ тонкими чертами и большими голубыми, постоянно бѣгавшими и сверкавшими глазами. Дѣвочка эта была не глупа и способна, но такой удивительной лѣни и нелюбви къ занятіямъ мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. Ничѣмъ не удавалось увлечь ее, она не научилась въ первый годъ ни читать, ни писать, ни считать, не привыкла ни къ товаркамъ, ни ко мнѣ. На лицѣ ея всегда была написана апатія и тоска, оно оживлялось только тогда, когда приближалось время окончанія занятій. Она не знала часовъ, и долго не могла сообразить, скоро-ли окончатся классы. Уже со второй перемѣны подбѣгала она ко мнѣ, всегда съ сумкой на рукѣ, чтобы не терять времени на сборы (я не могу ее иначе и представить себѣ, какъ съ этой неизмѣнной сумкой въ рукахъ), и съ тревожно-радостной улыбкой, выказывающей ея блестящіе, красивые зубы, спрашивала: «можно теперь домой?» Какъ мгновенно потухалъ блескъ въ ея красивыхъ глазахъ, какъ вся она какъ-то съеживалась, услышавъ, что домой уйти еще нельзя! Наконецъ, наступалъ желанный часъ; при послѣднихъ словахъ молитвы, которую она слушала уже съ своей сумкой на рукѣ, она срывалась съ мѣста, наскоро прощалась со мной, расталкивала всѣхъ, не успѣвала одѣться какъ слѣдуетъ и— неслась домой. А что-же было привлекательнаго дома? Темная, грязная комната, ворчливая, заваленная работой мать - прачка, полоумный отецъ. Но было для нея что-то магическое въ этомъ словѣ «домой». Или привлекалъ ее широкій дворъ, съ вольной бѣготней съ сосѣдними дѣвочками и мальчиками? Не знаю. Дѣвочка пробыла у меня около 3-хъ лѣтъ и едва выучилась читать и писать. Затѣмъ ее взяли изъ школы и отдали на фабрику. Какова ея дальнѣйшая жизнь—не знаю.

Въ первый-же годъ занятій быстро сложился въ моей школѣ свой особый школьный духъ. Духъ школы,—это нѣчто неуловимое, трудно поддающееся опредѣленію, но понимаемое, а еще болѣе чувствуемое каждымъ, кто имѣлъ дѣло со школой,—чрезвычайно важная сторона дѣла. Я и сама не замѣтила, какъ быстро установился онъ въ моей школѣ. И духъ школы былъ очень хорошій, симпатичный мнѣ. Ласковое, сердечное, не переходящее въ фамильярность отношеніе ко мнѣ, веселое, ровное настроеніе духа, вѣжливость и мягкость, доброта и услужливость по отношенію къ товарищамъ, отсутствіе упрямства, злобы, насмѣшничанья и поддразниванья, чувствительность (даже слишкомъ большая) къ похвалѣ и порицанію, скромность и порядочность—весь хорошій общій тонъ класса поражалъ меня. Насколько

обмануты были мои надежды на быстроту успѣховъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, настолько, къ счастью, оказались напрасными опасенія найти слишкомъ плохую почву для нравственнаго вліянія. Эти невоспитанныя дѣти, выросшія среди бѣдности и грязи, часто не только физической, но и нравственной, оказывались такими податливыми, мягкими, такъ легко и сильно привязывались, такъ отвѣчали на каждую ласку и участіе. Ничего грубаго, рѣзкаго, неделикатнаго не приходилось слышать мнѣ. Меня поражала порядочность манеръ, отсутствіе ухарства, грубыхъ замашекъ; право, съ этой стороны школьныя дѣти мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ благовоспитанныхъ ученицъ пансіоновъ или институтовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло.

И все это сложилось какъ-то само собой, безъ всякаго старанія и усилій съ моей стороны, сложилось въ первый-же годъ, и мнѣ оставалось только сохранять и поддерживать этотъ складъ школы. Мнѣ кажется, что содѣйствовали этому случайныя счастливыя обстоятельства, а именно: очень порядочный въ нравственномъ отношеніи составъ дѣтей перваго пріема, которыя образовали ядро, основаніе общаго порядка; вновь поступавшія невольно подчинялись общему настроенію, отвыкали сами собою отъ тѣхъ привычекъ, которыя шли въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ, и быстро сливались съ классомъ. Мое-же личное участіе значило очень мало. Я вывожу это изъ слѣдующаго наблюденія. Черезъ девять лѣтъ мнѣ пришлось оставить мою любимую первую школу и перейти въ другую, вновь открывавшуюся здѣсь-же, въ Петербургѣ, въ мѣстности, очень недалекой отъ той, гдѣ помѣщалась первая, но характеръ населенія которой былъ нѣсколько иной. Уже не неопытнымъ новичкомъ поступала я въ эту школу; гораздо болѣе наблюденій, знанія, практичности было у меня, и что-же? Не удалось мнѣ добиться того хорошаго школьнаго духа, который самъ собой такъ легко укоренился въ первой школѣ; какъ-то разнохарактернѣе были дѣти, труднѣе поддавались вліянію школы, гораздо болѣе было шероховатости въ отношеніяхъ, и на второй годъ занятій я, при какихъ-нибудь болѣе или менѣе крупныхъ проступкахъ, уже не могла утѣшать себя мыслью, что эти отдѣльные случаи не могутъ повліять на общій духъ школы, не могла быть увѣрена, что отдѣльныя личности съ дурными наклонностями не будутъ имѣть вліянія на всѣхъ остальныхъ, потому что въ школѣ не было еще своего сложившагося школьнаго духа,—этого могущественнаго фактора, который дѣйствуетъ воспитательно сильнѣе всѣхъ нравоученій, похвалъ и порицаній... Точно также быстро водворился въ моей первой школѣ особый характеръ дисциплины, который вначалѣ былъ принятъ мною какъ-бы безсоз-

нательно, какъ нѣчто неотвратимое, а затѣмъ, провѣренный много разъ, сталъ для меня уже опредѣленнымъ, желательнымъ, и я съ тѣхъ поръ всегда сознательно стремлюсь къ установленію именно подобнаго характера дисциплины. Вопросъ о дисциплинѣ при поступленіи въ школу очень волновалъ меня. Съ одной стороны, я прекрасно понимала ея важное значеніе; я такъ много слыхала о томъ, что безъ дисциплины самая лучшая учительница ничего не достигнетъ, что дисциплина развиваетъ чувство законности, пріучаетъ дѣтей владѣть собой и т. п., что въ дѣлѣ дисциплины важно точное соблюденіе всѣхъ мелочей, что необходимо неотступно и внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы разъ установленныя правила никогда не нарушались, и много тому подобныхъ, пугавшихъ меня, при моей безхарактерности, сужденій о значеніи дисциплины припоминалось мнѣ. Съ другой стороны, мнѣ всегда такъ подавляюще ярко рисовалась убійственная дисциплина того учебнаго заведенія, въ которомъ я воспитывалась, эта пытка смирнаго сидѣнія, хорошаго поведенія, массы мелкихъ стѣсненій, которыя тяжело переносились такимъ живымъ ребенкомъ, какимъ была я,—что я твердо рѣшала: какъ-бы плоха ни была дисциплина въ моей школѣ, хотя-бы совсѣмъ отсутствовала, только-бы не была похожа на дисциплину, царствовавшую въ нашемъ пансіонѣ и поддерживавшуюся не строгими наказаніями, а чрезвычайно вредно дѣйствовавшимъ возбужденіемъ безмѣрнаго самолюбія.

Внѣшняя дисциплина въ моей школѣ на первый взглядъ была плоха и сначала приводила меня въ отчаяніе. На урокахъ не было у меня тишины и спокойствія, поднятіе руки—этотъ условный знакъ, выражающій желаніе говорить—былъ пустой формальностью, въ родѣ отданія чести, а никакъ не средствомъ для избѣжанія шума при одновременномъ говорѣ нѣсколькихъ, такъ какъ нетерпѣливая ученица, поднимая руку, все-таки взывала вслухъ ко мнѣ; въ классѣ всегда былъ гулъ, нисколько, впрочемъ, не мѣшавшій мнѣ; окончившія письменную работу дѣти переговаривались съ сосѣднями, передавали и разсматривали картинки; усаживались долго и шумно, выбѣгали, тѣснясь и шумя, на интересныхъ урокахъ кричали хоромъ, перебивая другъ друга; не сидѣли чинно, а соскакивали съ мѣста, протягивали руку не по опредѣленной мѣркѣ (и это, говорятъ, полагается), а вытягивая ее во всю длину, и махали съ одушевленіемъ, а если все-таки не обращали на себя моего вниманія, то жалобно кричали: «позвольте мнѣ отвѣчать, позвольте мнѣ!» Я приходила въ отчаяніе, старалась добиться желанной полной тишины, и не могла. Наконецъ, бросила. И все пошло на ладъ. Я перестала обращать вниманіе на маленькія

уклоненія отъ внѣшней дисциплины и старалась сохранить только внутреннюю, и, какъ мнѣ казалось, достигла ея. Дѣти работали въ классѣ, а не бездѣльничали, они шумѣли, но не безобразничали, а главное—и при мнѣ, и безъ меня вели себя одинаково, не прикидываясь тихонями при мнѣ съ тѣмъ, чтобы шалить за моей спиной. Во время класса не чувствовалось стѣснительнаго напряженія, молчаливой натянутости, во время перемѣны не было безшабашной рѣзвости, переходящей границы; ровное, спокойное настроеніе чувствовалось все время и поддерживало бодрость и желаніе работать. Я поняла, что, не имѣя достаточной силы характера, чтобы непреклонно и неустанно требовать выполненія всѣхъ до мелочей установленныхъ правилъ и порядковъ, я и не должна была ставить слишкомъ подробныхъ ограниченій, слишкомъ стѣснительныхъ рамокъ. Я заботилась только объ одномъ: чтобы насколько возможно сильнѣе и рѣзче отдѣлить въ умѣ дѣтей важное отъ неважнаго, мелкое отъ крупнаго и, снисходительно смотря, или даже вовсе не замѣчая мелкихъ уклоненій, строго и рѣзко нападать на особенные, исключительные проступки и тѣмъ ярче запечатлѣвать ихъ въ дѣтскомъ сознаніи. Къ сожалѣнію, мнѣ не всегда удавалось строго слѣдовать этой системѣ. Въ тѣ дни, когда я чувствовала себя не совсѣмъ хорошо, или дѣла въ школѣ шли плохо и я была раздражительнѣе обыкновеннаго, шумъ и волненіе въ классѣ мѣшали мнѣ, и я сердилась и даже выгоняла изъ класса за такіе проступки, которые въ обыкновенное время считала совершенно неважными. Точно также нѣкоторыя нарушенія дисциплины постоянно выводили меня изъ себя и заставляли сердиться на дѣтей совсѣмъ непропорціонально ихъ виновности. Очень мало раздражаясь въ первые годы занятій и снисходительно смотря на дѣтскія прегрѣшенія, я не могла, напр., переносить такого неважнаго и легко оправдываемаго семейнымъ положеніемъ многихъ изъ дѣтей проступка, какъ опаздыванье. Только-что углубишься въ дѣло, только что установился порядокъ, дѣти настроились на ладъ, какъ вдругъ дверь скрипитъ—и маленькая фигурка несмѣло крадется въ классъ. На нее непремѣнно обрушиваются горячіе упреки; раздражительность учительницы, къ которой дѣти не привыкли, еще болѣе смущаетъ провинившуюся, и она совсѣмъ теряется. Вслѣдствіе такого моего отношенія въ опаздыванью, дѣти считали это прегрѣшеніе тяжкимъ и очень боялись провиниться въ немъ, что приводило къ комичнымъ результатамъ: опоздавшая перебѣжитъ на другую сторону улицы, заглянетъ въ окно, увидитъ, что занятія уже начались, и убѣжитъ домой. На другой день спрашиваешь, отчего не была. «Опоздала, боялась придти поздно». А пропустить цѣлый день

не боялась! Но всѣ эти ошибки происходили отъ моего неумѣнья; я убѣждена глубоко, что если учительница будетъ неуклонно и твердо стремиться къ тому, чтобы научить дѣтей, въ ихъ узкомъ кругѣ дѣйствій, отличать важное отъ неважнаго, то она достигнетъ громадныхъ результатовъ въ дѣлѣ внутренней дисциплины. Если-же съ ребенка одинаково взыскиваютъ и за грубое обращеніе съ товарищами, и за обманъ, и за испачканную тетрадь, и за неспокойное сидѣнье въ классѣ, то у него теряется мѣрило поступковъ и онъ пріучается обращать такое-же вниманіе на внѣшнее, формальное исполненіе правилъ, какъ и на внутреннюю порядочность.

Несмотря на отрадный для меня довольно высокій общій уровень нравственности въ школѣ, въ ней проявлялись, конечно, болѣе или менѣе общіе всѣмъ недостатки, съ которыми трудно было бороться. Къ числу ихъ принадлежала, во-1-хъ, какъ говорятъ, болѣе или менѣе общая всѣмъ дѣвочкамъ, сварливость, которая, впрочемъ, мало-помалу сглаживалась и исчезала подъ вліяніемъ школы. Затѣмъ, особенно бросавшееся въ глаза въ дѣтяхъ мѣщанскихъ разбогатѣвшихъ семей, стремленіе нарядиться, навязать на плохо вымытыя руки и шею бусы, ленточки, колечки, заниматься разсматриваніемъ и критикованіемъ костюмовъ своихъ товарокъ и т. п. И словомъ, и примѣромъ боролась я съ этимъ крайне несимпатичнымъ для меня явленіемъ, но почти ничего подѣлать не могла. Т.-е. я могла настойчивымъ преслѣдованіемъ заставить обратить большее вниманіе на чистоту, но ослабить хотя нѣсколько стремленіе къ нарядамъ ничѣмъ не могла. Да и не мудрено! Семьи ихъ сплошь и рядомъ ютятся въ маленькихъ, душныхъ комнатахъ, ѣдятъ Богъ знаетъ какъ, но матери и старшія сестры одѣваются по праздникамъ и при гостяхъ очень нарядно. Еще пока въ школѣ — дѣвочка какъ дѣвочка. Но выйдетъ изъ школы, поступитъ въ мастерскую или профессіональную школу, стукнетъ лѣтъ 15—и не узнаешь милаго, простого ребенка. Растрепанные завитые волосы спущены на лобъ, мѣдная или даже серебряная и золотая браслетка на рукѣ, шляпа фасона, претендующаго на модный, зонтикъ,—этотъ предметъ мечтаній многихъ дѣвочекъ, зонтикъ не для защиты отъ солнца или дождя, а какъ украшеніе,—если возможно, перчатки, а сапоги стоптанные! Можетъ быть, это вещь и неважная, но меня глубоко огорчало безсиліе школы бороться съ этимъ стремленіемъ къ щегольству.

Изъ болѣе крупныхъ проступковъ въ школѣ бывали случаи воровства, за рѣдкими исключеніями, мелкаго: булокъ, карандашей, картинокъ и т. п. Эти случаи приводили меня въ первое время въ осо-

бенное отчаяніе, но затѣмъ я нѣсколько успокоилась, убѣдившись, что большею частью пропажи эти происходили въ первое полугодіе, когда вновь поступало много маленькихъ дѣтей, для которыхъ стащить карандашъ, съѣсть чужую булку, въ особенности въ томъ случаѣ, если своего завтрака не было, совсѣмъ не казалось преступленіемъ; уже одно уменьшеніе этихъ печальныхъ случаевъ къ концу учебнаго года показывало, что школа все-таки успѣла что-нибудь сдѣлать и въ этомъ отношеніи.

Но совершенно непонятно для меня было другое явленіе. Какъ я уже говорила, отношенія съ дѣтьми у меня сразу установились очень хорошія. Дѣти были искренно привязаны ко мнѣ, откровенно, безъ всякаго стѣсненія высказывали свои желанія и мнѣнія; прямо признавались, напримѣръ, что не приготовили урока или пропустили занятія въ школѣ, потому что были въ гостяхъ или проспали, не старались оправдать себя ложью. Кажется, при такихъ отношеніяхъ можно было-бы ожидать полной откровенности во всѣхъ случаяхъ школьной жизни, тѣмъ болѣе, что наказанія въ моей школѣ почти отсутствовали. Но выходило совсѣмъ иначе. Если какой-либо проступокъ былъ совершенъ безъ меня и я не знала виновника его, я никогда не могла добиться сознанія въ винѣ. Ни увѣщанія, ни гнѣвъ мой, ни ласковыя убѣжденія—ничто не дѣйствовало. Я знаю, что въ другихъ школахъ, гдѣ режимъ гораздо строже, чѣмъ у меня, и свободы въ отношеніяхъ между учениками и учителями гораздо меньше, сплошь и рядомъ случалось, что ученикъ безъ всякаго понужденія прямо вставалъ и откровенно сознавался въ своей винѣ, зная даже, что проступокъ не пройдетъ безнаказанно. У меня никогда не было ничего подобнаго. Не умѣю объяснить себѣ причинъ этого явленія. Въ случаяхъ крупныхъ проступковъ, напримѣръ, воровства, я старалась выяснить себѣ дѣло такъ: стоя на своемъ разграниченіи важнаго отъ неважнаго, я, можетъ быть, слишкомъ ярко рисовала всю громадность вины; обѣщая простить виновнаго, я все-таки очень унижала его въ собственномъ сознаніи, и нежеланіе сознаться въ винѣ было слѣдствіемъ не страха, а сильнаго стыда, побороть который не хватало силы. Это объясненіе было-бы очень утѣшительнымъ, но, къ несчастью, дѣло не мѣнялось, если вина была пустяшная. Пролитыя чернила, испачканная классная доска — всѣ эти небольшія шалости сопровождались такими-же явленіями. Стоило мнѣ только начать разспрашивать, чтобы не добиться ровно ничего. Можно себѣ представить, какъ это раздражало и огорчало меня, но подѣлать я ровно ничего не могла и выяснить себѣ причины отсутствія правдивости

тоже никакъ не могла и не могу, тѣмъ болѣе, что неоткровенность эта проявлялась только при случаяхъ допрашиванья.

Къ недостаткамъ, общимъ всему классу, относилось, кромѣ поименованныхъ, чрезмѣрное развитіе честолюбія, которое опять-таки, какъ мнѣ казалось, ничѣмъ не вызывалось съ моей стороны. При отсутствіи балловъ, наградъ и наказаній такое развитіе честолюбія казалось мнѣ страннымъ. Достаточно было похвалы, сознанія лучше, чѣмъ у другихъ, выполненной работы, чтобы дѣвочка была въ восторгѣ; лишняя ошибка, неудачный отвѣтъ взывали слезы; никакихъ отличій, первенства въ классѣ у меня не было, но дѣти всегда приставали ко мнѣ съ вопросами: «кто въ нашемъ отдѣленіи первая ученица?», и если я уклонялась отъ отвѣта, опредѣляли сами, и всегда безошибочно.

Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ, были и отдѣльные печальные случаи, были исключительно плохія дѣвочки—упорныя, озлобленныя, съ которыми справляться я не умѣла. Но онѣ составляли крайне рѣдкое исключеніе. Помню живо одну изъ дѣвочекъ подобнаго типа. Это была исключительно способная дѣвочка. Все удавалось ей въ одинаковой степени: она прекрасно училась, работала, очень хорошо рисовала, у нея былъ отличный голосъ и слухъ. Какъ только она овладѣла механизмомъ чтенія, она стала читать замѣчательно выразительно, а чтеніе ею стихотвореній было положительно художественно. При этомъ ей приходилось учиться урывками, такъ какъ мать только по моей просьбѣ отдала ее въ школу; дочь нужна была ей дома для присмотра за маленькимъ ребенкомъ и дѣвочка посѣщала школу черезъ день, когда мать не уходила на работу. Но эта прекрасная ученица была пренесносная дѣвочка. У нея была какая-то странная наклонность къ актерству: она чрезвычайно умѣло разыгрывала истерику, представлялась идіоткой, по нѣскольку часовъ сряду не отвѣчая на вопросы и съ глупымъ видомъ отмахиваясь головой и руками отъ подходившихъ къ ней дѣтей, которыя съ удивленіемъ смотрѣли на нее. Однажды, послѣ каникулъ, она притворилась, что разучилась читать и начала читать по складамъ. Притворство ея было такъ искренно и она такъ упорно не измѣняла себѣ, что я повѣрила ей и очень огорчалась, видя въ этомъ доказательство непрочности пріобрѣтаемыхъ въ школѣ знаній. Я велѣла ей приходить въ школу пораньше, чтобы заниматься съ нею отдѣльно. Каково-же было мое удивленіе, когда, войдя какъ-то незамѣченною въ классъ, я услышала такое-же прекрасное чтеніе (мнѣ такъ и хочется сказать: декламацію, — настолько особенно хорошо было ея чтеніе), какъ

всегда. Пойманная врасплохъ, она нисколько не смутилась и беззастѣнчиво смотрѣла на меня, какъ-бы торжествуя, что ей удалось провести меня. Если на нее находило упрямство, съ ней нельзя было справиться. Чувствуя, что борьба съ ней мнѣ не подъ силу, я обыкновенно оставляла ее въ такихъ случаяхъ въ покоѣ; я знала, что мнѣ ее не переупрямить, я не пробовала «сломить» ея характеръ, не поддававшійся моему вліянію.

Да и вообще вліяніе мое на отдѣльныя личности было чрезвычайно слабо. Я почти не могу указать случаевъ, чтобы дѣвочки завѣдомо плохія исправлялись въ школѣ отъ своихъ недостатковъ. Это происходило отчасти отъ недостатка наблюдательности съ моей стороны, неумѣнья быстро понять особенности каждой отдѣльной личности. Понимая, какъ мнѣ казалось, натуру ребенка вообще, умѣя сочувствовать дѣтскому горю и радостямъ, извинять свойственныя имъ рѣзвость, непостоянство, неумѣнье сосредоточиваться и т. п., я мало обращала вниманія на индивидуальность каждаго ребенка. Поэтому, вліяя нѣсколько на весь классъ вообще, я оказывалась безсильной передъ отдѣльными личностями, болѣе оригинальными, чѣмъ большинство, не умѣя понять ихъ, примѣниться къ особенностямъ ихъ ума и характера. Этотъ недостатокъ чрезвычайно мѣшалъ мнѣ и въ дѣлѣ обученія, а воспитанія — въ особенности. Стараясь, напримѣръ, быть какъ можно безпристрастнѣе, справедливѣе, я не всегда была таковою на дѣлѣ, такъ какъ употребляла одинаковые пріемы, прикладывала одну и ту-же оцѣнку къ различнымъ личностямъ, на которыя мои мѣры дѣйствовали различно. Выговоръ, ласковый упрекъ, раздражительное слово, наказаніе, на которое одна не обращала вниманія, слишкомъ сильно дѣйствовали на впечатлительную натуру другой; я-же принимала во вниманіе проступокъ, оцѣнивала дѣйствія, а не внутреннее убѣжденіе, судить о которомъ я и не всегда умѣла, и не рѣшалась. Учителю приходится быть психологомъ, а какъ часто нѣтъ у него для этого ни теоретической подготовки, ни умѣнья наблюдать и изучать внутренній міръ своихъ учениковъ! Рядомъ ошибокъ, случайныхъ удачъ, отдѣльныхъ, разрозненныхъ наблюденій—дорогою цѣной покупается мало-по-малу нѣкоторая опытность въ этомъ отношеніи, которая вдобавокъ рѣдко пріобрѣтается не на счетъ уменьшенія прежняго увлеченія, горячаго отношенія къ дѣлу!

Оглядываясь на эти первые годы дѣятельности, я невольно задаю себѣ вопросъ: чему-же научили они меня, какіе вопросы разрѣшили или, по крайней мѣрѣ, поставили на разрѣшеніе?

Во-1-хъ, они научили меня правильнѣе смотрѣть на тотъ живой матеріалъ, съ которымъ мнѣ приходится имѣть дѣло, не ожидать многаго отъ умственнаго развитія поступающихъ въ школу дѣтей и не бояться плохихъ нравственныхъ условій, въ которыхъ они находятся.

Затѣмъ, въ дѣлѣ обученія я на опытѣ убѣдилась въ необходимости сознательнаго критическаго отношенія къ учебному плану, яснаго пониманія значенія каждаго отдѣльнаго учебнаго предмета самого по себѣ и въ соотношеніи съ другими. Точно такъ-же выяснилась на практикѣ необходимость видоизмѣненія методовъ и пріемовъ сообразно съ особенностями самой учительницы, общаго состава класса, а иногда и отдѣльной личности.

Вообще, я научилась придавать больше значенія каждой отдѣльной личности, тогда какъ прежде я болѣе разсчитывала на массу, къ которой должны были приноровляться и остальныя.

Въ дѣлѣ воспитанія я увидѣла, что прямое вліяніе учителя значительно менѣе, чѣмъ я себѣ представляла. Болѣе всего воспитательно дѣйствовалъ весь складъ школьной жизни, который, конечно, косвеннымъ образомъ зависѣлъ отъ меня, но боюсь, не было-ли и это вліяніе, если можно такъ выразиться, скорѣе поверхностнымъ, внѣшнимъ. Правда, школа смягчала грубость, рѣзкость въ отношеніяхъ къ другимъ, дѣти пріучались сдерживать свой эгоизмъ, уважать чужія права, привыкали находить наслажденіе въ умственномъ трудѣ и любить его; но и это вліяніе школы было не глубоко и долго-ли оставалось—Богъ вѣсть. Слишкомъ рано уходятъ изъ нашихъ школъ дѣти: мои дѣвочки кончали курсъ 11, рѣдко 12, даже 10 лѣтъ. Какихъ-же тутъ ожидать серьезныхъ нравственныхъ вліяній школы? Ни взгляды, ни убѣжденія въ эти годы еще и не начинаютъ вырабатываться, а привычки порядочности, пріобрѣтенныя въ школѣ, не успѣваютъ укорениться въ короткій трехлѣтній срокъ. Дѣти, имѣющія возможность продолжать ученье, находящіяся подъ чьимъ-нибудь руководительствомъ, конечно, продолжаютъ развиваться и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, и хорошіе задатки, заложенные въ нихъ школою, не пропадаютъ даромъ. Но достаточно-ли этихъ задатковъ для тѣхъ, которымъ во всю свою остальную жизнь не придется развивать свой умъ подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ, для тѣхъ, кто прямо изъ школы, въ 11—12 лѣтъ, поступаетъ въ мастерскую, на фабрику, на мѣсто, кто уже начинаетъ трудовую жизнь, прямо со школьной скамейки вступаетъ въ жизненную борьбу? Много-ли даетъ такимъ дѣтямъ наша начальная школа?

Есть, правда, неотъемлемыя блага, которыя наши дѣти получаютъ изъ нашихъ школъ. Во-первыхъ, большинство изъ нихъ выноситъ дѣйствительную любовь къ чтенію, которая переходитъ въ потребность. Второе, что останется у нихъ отъ школы, это воспоминаніе о хорошихъ школьныхъ дняхъ, о школьной жизни съ ея бодрымъ трудомъ, веселымъ одушевленіемъ, съ ея праздниками, съ ея радостями и заботами. А для большинства нашихъ дѣтей, какъ я уже говорила, школа является съ самой пріятной, радостной стороны. Поэтому главное, что можетъ сдѣлать учитель для усиленія нравственнаго вліянія школы, по моему мнѣнію, это—заставить ученика полюбить школу, сдѣлать ему школьную жизнь яркой и радостной, дать ему возможность на опытѣ убѣдиться, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, что находятся люди, которые искренне любятъ его и заботятся о немъ. Въ мрачной жизни, которая ожидаетъ большею частью нашихъ учениковъ и ученицъ, пусть школа будетъ свѣтлой точкой, пусть воспоминаніе о ней будетъ настолько отрадно, что смягчитъ его сердце въ дни печали и озлобленія на жизнь.

Первая Всероссійская гигіеническая выставка 1893 г.

Отдѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По отношенію къ школьной гигіенѣ за гигіенической выставкой должно признать ту великую заслугу, что она вызвала на свѣтъ Божій весьма много такихъ деталей санитарной жизни школы и учащихся, какія на долгое время оставались-бы еще сокрытыми не только отъ глазъ публики, но и спеціалистовъ-врачей. Выставка показала хорошія и дурныя стороны гигіенической обстановки учебныхъ заведеній и учащихся, и потому должна принести пользу и тѣмъ, что посодѣйствуетъ въ будущемъ устраненію многихъ золъ, и тѣмъ, что ознакомитъ съ подробностями, достойными подражанія и введенія въ жизнь.

Для спеціалиста по школьной гигіенѣ представлялось на выставкѣ особенно широкое поле. Съ санитарной стороны школы являлись экспонирующими не только въ отдѣлѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вѣдомства Императрицы Маріи, но также въ отдѣлахъ городовъ Петербурга, Москвы и Одессы, въ отдѣлѣ Княжества Финляндскаго, въ отдѣлѣ военно-учебныхъ заведеній и многихъ другихъ отдѣлахъ. Обнять всѣ подробности школъ всѣхъ этихъ отдѣловъ составило-бы трудъ слишкомъ большой и сложный и едва-ли привело-бы къ результатамъ, пропорціональнымъ затраченному на него времени. Практичнѣе, по нашему мнѣнію, остановиться на одномъ изъ отдѣловъ, наиболѣе полныхъ, и на немъ изучить то̀, что̀ новаго и назидательнаго дала выставка. Такимъ отдѣломъ мы считаемъ справедливымъ назвать отдѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Не будучи столь поразительнымъ по наружной обстановкѣ, какъ нѣкоторые другіе отдѣлы, онъ отличался значительнымъ богатствомъ внутренняго содержанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ достоинствомъ и новизною многихъ существенныхъ статей школьной гигіены.

Но входить въ подробную оцѣнку всего экспонированнаго отъ учебныхъ заведеній Министерства нѣтъ никакой возможности въ предѣлахъ журнальной статьи; каждый изъ главныхъ предметовъ школьной гигіены этого отдѣла выставки потребовалъ-бы болѣе или менѣе значительной монографіи. Вотъ почему мы полагали-бы, что для ознакомленія съ самыми существенными данными по названному отдѣлу достаточно будетъ сначала сдѣлать общій обзоръ тому, чему научаетъ въ немъ выставка, и затѣмъ подробно остановиться на нѣсколькихъ, особенно важныхъ и представляющихъ нѣчто новое экспонатахъ.

Въ общемъ обзорѣ матеріаломъ для выводовъ служили намъ не только фотографіи, рисунки, планы, модели и вся казовая сторона выставки, но и тѣ печатныя и письменныя данныя, какія присланы были отъ учебныхъ заведеній для характеристики санитарной, отчасти-же и педагогической ихъ обстановки.

Въ числѣ зданій учебныхъ заведеній Министерства весьма мало имѣется такихъ, которыя были-бы построены спеціально для потребностей ученія и учащихся. Какъ извѣстно, наибольшая часть зданій была приспособлена изъ помѣщеній частныхъ домовъ, и потому представляетъ множество недостатковъ въ санитарномъ и педагогическомъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ отъ начальствующихъ лицъ и отъ архитекторовъ, конечно, нарочито требуются не только извѣстныя свѣдѣнія по гигіенѣ и по строительному искусству (отчасти и по инженерному искусству), но и въ особенности солидныя свѣдѣнія по гигіенѣ школьной. Къ сожалѣнію, этими послѣдними завѣдывающій заведеніемъ обыкновенно не обладаетъ; случается, что не обладаетъ ими и архитекторъ, и вотъ выходитъ то, что при постройкахъ руководствуются обыкновенно архитектурными, экономическими, эстетическими, соціальными и т. п. соображеніями, не имѣющими никакого отношенія къ гигіенѣ.

Разъ строится зданіе учебнаго заведенія или къ школьнымъ нуждамъ приспособляется частный домъ, то въ соображеніе приходится принимать, главнымъ образомъ, два условія: 1) имѣющійся въ распоряженіи капиталъ и 2) требованія учащихся дѣтей. Но капиталъ большею частью оказывается или недостаточнымъ, или крайне скуднымъ, а требованія учащихся отходятъ, подъ разными предлогами, на задній планъ.

Строители зданій учебныхъ заведеній считаютъ, повидимому, наиболѣе важными потребности служебнаго персонала (директора, инспектора и т. д.) и требованія парада, т.-е., на ряду съ ученическими по-

мѣщеніями (сутью постройки зданія учебнаго заведенія) считаются одинаково, если не болѣе, необходимыми квартиры служащихъ (особъ высшихъ) и тѣ палаты, каковыми оказываются актовый залъ, директорская, зала педагогическаго совѣта и т. п.

Относительно необходимости при учебномъ заведеніи квартиръ для директора и инспектора, да, пожалуй, и для всѣхъ вообще лицъ высшаго служебнаго персонала, можно было-бы сильно спорить. Для надзора за зданіемъ достаточно, чтобы въ немъ постоянно жило одно какое-либо служебное лицо: инспекторъ или письмоводитель, или даже хоть одинъ изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ. Должности смотрителя не подобаетъ имѣть ни подъ какимъ видомъ. Смотритель (кстати: и аналогичный ему экономъ), состоящій въ извѣстномъ чинѣ, обходится неимовѣрно дорого заведенію.

Вообще квартиры высшихъ служащихъ лицъ въ заведеніяхъ совсѣмъ нежелательны, если-же и допустимы, то подъ условіемъ доведенія квартиръ этихъ до самыхъ ограниченныхъ размѣровъ, а также подъ условіемъ постройки ихъ въ худшей, задней части принадлежащей учебному заведенію площади. Гораздо выгоднѣе было-бы выдавать, напр., директору на квартиру и дрова приличную сумму, нежели отмежевывать ему львиную долю зданія и тратить на нее по 30—40, даже 50 саж. дровъ ежегодно *). Случается, что въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, да изрѣдка и въ казенныхъ, не живетъ ни директоръ, ни инспекторъ, а между тѣмъ порядкамъ въ нихъ можетъ позавидовать любое такое заведеніе, которое населено массою служащихъ. Далѣе, весьма нерѣдко (особенно въ лѣтнее время) въ учебномъ заведеніи не живетъ никого, кромѣ дворника, и вѣдь въ этомъ не находятъ-же ничего страннаго. Словомъ, на будущее время желательно было-бы, хотя-бы experimenti gratia, устройство учебныхъ заведеній безъ квартиръ для служебнаго персонала...

Сумма, затрачиваемая на постройку квартиръ служащихъ, особенно директора, доходитъ въ иныхъ случаяхъ до многихъ тысячъ; затѣмъ, ремонтъ требуетъ значительныхъ затратъ, да и отопленіе, освѣщеніе и содержаніе квартиръ въ вящшей чистотѣ и опрятности поглощаютъ солиднѣйшую сумму. Кстати замѣтимъ, что подобныя роскошныя квартиры не подходятъ ни къ обстановкѣ, ни къ привыч-

*) Редакція не можетъ согласиться въ этомъ пунктѣ съ мнѣніемъ почтеннаго автора, полагая, что, въ интересахъ правильнаго хода учебно-воспитательнаго дѣла и бдительнаго надзора за нимъ, безусловно желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, директоръ и инспекторъ каждаго учебнаго заведенія пользовались квартирою въ этомъ-же заведеніи *Ред.*

камъ скромнаго педагога, который до этой квартиры и послѣ нея жилъ и будетъ жить въ квартирѣ весьма скромной. Мало того, что подъ квартиры директора и инспектора отводится большею частью лучшая, самая дорогая часть зданія, находятъ нужнымъ для этихъ лицъ отводить еще особые, часто обширнѣйшіе кабинеты, такъ - называемыя «пріемныя» (директорскую и инспекторскую). На случай минутнаго пріема кое-кого изъ посѣтителей отмежевывается нерѣдко цѣлый залъ, да еще отлично отдѣланный и меблированный. По нашему мнѣнію, директоръ не нуждается въ особомъ кабинетѣ; въ случаѣ-же необходимости аудіенцій или уединенія—къ его услугамъ является любая свободная комната зданія (каковыхъ всегда достаточно). Наконецъ, если и допустить необходимость директорской комнаты, то на нее вполнѣ достаточно было-бы 4—6 кв. саж. площади вмѣсто встрѣчаемыхъ обширныхъ площадей, доходящихъ до 15—20 и болѣе кв. саж.

Не менѣе «директорской» изумляетъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ какой-нибудь залъ педагогическаго совѣта или роскошная учительская. Но для совѣта можетъ служить любая комната учебнаго заведенія, лишь-бы была она просторна; что же касается учительской, то размѣры ея потому могутъ быть скромны, что ею обыкновенно пользуются на минуты рекреацій, цѣлые-же часы она остается свободной. Одного можно было-бы требовать для учительской—это усиленной вентиляціи, такъ какъ, несмотря ни на какой объемъ, приходится обыкновенно въ ней задыхаться отъ табачнаго дыма крѣпчайшихъ папиросъ и сигаръ, употребляемыхъ гг. учителями. Вмѣсто учительской слѣдовало-бы позаботиться лучше о комнатѣ для занятій классныхъ наставниковъ и ихъ помощниковъ, равно и для храненія массы тетрадей, журналовъ и разныхъ другихъ принадлежностей, требующихъ тщательнаго удаленія ихъ отъ постороннихъ глазъ и отъ порчи и загрязненія. Кстати замѣтимъ, что каждый служащій при заведеніи нуждается въ просторномъ ящикѣ комода или шкафа для разныхъ необходимыхъ ему лично вещей, чѣмъ еще болѣе можетъ быть оправдана необходимость особой комнаты, отдѣльной отъ учительской.

Не менѣе необходима, обыкновенно забываемая въ учебныхъ заведеніяхъ, комната для врача. Въ ней онъ нуждается нетолько для пріема обращающихся къ нему учениковъ, но и для храненія различныхъ аппаратовъ для изслѣдованія больныхъ и насущныхъ въ амбулаторномъ леченіи лекарствъ и нѣкоторой посуды и т. п.

Наряду съ только-что означенными забытыми помѣщеніями, конечно, страннымъ оказывается видѣть, вдругъ, роскошную пріемную или особыя комнаты для танцевъ, разныя запасныя комнаты. Правда,

эти послѣднія помѣщенія встрѣчаются не часто, однако встрѣчаются, и даже въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ жалуются на разныя лишенія санитарнаго или хозяйственнаго свойства.

Итакъ, если устранить расходы на постройку и содержаніе ненужныхъ, хотя и излюбленныхъ помѣщеній (актоваго зала, особыхъ гимнастическихъ залъ, зала педагогическаго совѣта) и ограничить расходы на постройку и содержаніе помѣщеній разныхъ служащихъ лицъ, то представилась-бы, конечно, бо́льшая возможность достигнуть тѣмъ самымъ увеличенія извѣстныхъ санитарныхъ удобствъ для учащихся. Однако и въ этомъ послѣднемъ отношеніи могутъ и должны быть соблюдаемы, въ свою очередь, принципы разумной экономіи и цѣлесообразности.

Что классы должны быть помѣстительны и просторны—это вѣрно, но не менѣе вѣрно и то, что извѣстная минимальная величина ихъ размѣровъ не грозитъ нарушеніемъ санитарнаго равновѣсія классовъ. Вотъ этихъ-то минимальныхъ размѣровъ, при скудости средствъ на постройку зданія, и слѣдуетъ держаться.

Вышина класса въ $5^1/_2$—$5^3/_4$ аршина (не болѣе 6 арш.) достаточна; площадь на ученика младшихъ классовъ можетъ быть равна 2 кв. арш., а на ученика старшихъ классовъ 3 кв. арш.; слѣдовательно, на ученика младшаго класса кубическая вмѣстимость класса должна быть равна около $^2/_5$ кубической сажени (0,4,—0,42), а на ученика старшаго класса—около $^2/_3$ кубической сажени (0,6,—0,64), не считая, впрочемъ, кубическое содержаніе, приходящееся на печи, каѳедру, доску и т. п. Разумѣется, все это допустимо подъ условіемъ соотвѣтственныхъ мѣръ относительно вентиляціи.

Замѣтимъ, впрочемъ, что хотя въ вентиляціонныхъ цѣляхъ желательны бо́льшіе размѣры классовъ, тѣмъ не менѣе разсчитывать исключительно или предпочтительно по отношеніи къ вентиляціи на величину классовъ не слѣдуетъ, такъ какъ въ улучшеніи воздуха, помимо объема помѣщеній, играютъ важную роль топка печей и межстѣнный обмѣнъ воздуха, равно открываніе форточекъ и оконъ, и, наконецъ, главное—цѣлый рядъ искусственныхъ вентиляціонныхъ приспособленій.

Принявъ указанныя цыфры размѣровъ класса за норму, мы легко поймемъ ошибку, въ которую впадаютъ новѣйшіе строители зданій учебныхъ заведеній, прямо намѣчающіе вышину класса въ 7 и болѣе аршинъ. А ошибка эта обходится въ порядочную, а главное—лишнюю сумму денегъ!

Ошибаются также, хотя и рѣже, и по отношенію къ площади пола

классовъ, назначая на нее больше саженъ, чѣмъ слѣдуетъ. Воображаютъ, что если увеличенію размѣровъ прямо отвѣчаетъ улучшеніе воздуха въ помѣщеніи, то классы слѣдуетъ дѣлать на сколько возможно болѣе помѣстительными, но при этомъ упускаютъ изъ виду, что чрезмѣрно большіе размѣры классовъ неудобны и въ гигіеническомъ отношеніи (касательно зрѣнія и слуха учениковъ), и въ педагогическомъ (касательно преподаванія и надзора).

Вообще, въ новыхъ зданіяхъ мы нерѣдко встрѣчаемъ нѣкоторые, а иногда и всѣ размѣры классовъ переходящими безъ нужды за норму, что, конечно, вызываетъ ограниченіе денежныхъ средствъ на другія, не менѣе важныя помѣщенія, въ ущербъ здоровью учащихся.

Далѣе, относительно классныхъ помѣщеній надо замѣтить, что находящіяся въ нижнихъ этажахъ помѣщенія эти оказываются подверженными меньшей порчѣ воздуха, нежели находящіеся въ этажахъ верхнихъ: слѣдовательно, разъ признана связь обширности классовъ съ увеличеніемъ порчи въ нихъ воздуха, то классы верхнихъ этажей должны-бы были отличаться большими размѣрами сравнительно съ классами нижнихъ этажей, а не наоборотъ, какъ мы встрѣчаемъ на практикѣ. При этомъ, и вентиляціонныя средства верхнихъ этажей должны-бы были превосходить таковыя-же средства нижнихъ этажей, однако мы и этого не находимъ: обыкновенно вентиляціонныя приспособленія одинаковы во всѣхъ классахъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе проявилась сильная агитація въ пользу тѣлесныхъ упражненій учащихся, а такъ какъ подъ этими упражненіями и публика, да и большинство врачей разумѣли нѣмецкую гимнастику, то и начали устраивать при заведеніяхъ особыя спеціальныя помѣщенія, годныя именно для этой гимнастики. Нѣмцы увлеклись своей излюбленной гимнастикой до забвенія всѣхъ педагогическихъ принциповъ, между тѣмъ какъ именно нѣмцамъ, этимъ исконнымъ приверженцамъ всего классическаго, повидимому, скорѣе, чѣмъ другимъ европейцамъ, должны-бы были казаться понятными основы гимнастики древнихъ грековъ и даже англичанъ, которымъ такъ счастливо удалось провести въ жизнь по части тѣлесныхъ упражненій столь многое, заимствованное отъ грековъ. Въ настоящее время нѣмецкая гимнастика рѣшительно доживаетъ свой вѣкъ, и сами нѣмцы, въ лицѣ лучшихъ представителей науки о физическихъ упражненіяхъ, начинаютъ отъ нея отказываться и переходятъ на сторону англійскихъ игръ. Такимъ образомъ, близится время, когда для тѣлесныхъ упражненій учащихся потребуются,— и совершенно справедливо,— обширныя помѣщенія, превосходящія въ 2—3 раза уже построенные гим-

настическіе залы. Конечно, въ виду высокой стоимости подобныхъ помѣщеній, придется устраивать ихъ по одному на нѣсколько учебныхъ заведеній, какъ это слѣдовало-бы, впрочемъ, дѣлать и для помѣщеній относительно нѣмецкой гимнастики (это мы и видимъ на примѣрѣ Turnhalle въ Ригѣ), но въ такомъ случаѣ—куда дѣвать уже существующіе гимнастическіе залы?

Для гимнастическихъ залъ во всѣхъ почти заведеніяхъ не отыскивалось мѣста, поэтому пришлось или дѣлать пристройку, или углубляться въ почву. Это послѣднее было признаваемо болѣе удобнымъ, и вотъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ гимнастическіе залы, идущіе на 3—4—5 аршинъ въ землю, и потому сырые, холодные, отапливаемые, кромѣ обыкновенныхъ изразцовыхъ или утермарковскихъ печей, печами чугунными—съ длиннѣйшими желѣзными трубами, тянущимися, ради осушенія стѣнъ, вдоль пола или по потолку, etc...

Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ удалось приспособить для гимнастики рекреаціонныя помѣщенія, а иногда и классы, и даже во второмъ этажѣ, для чего потребовалось озаботиться объ усиленномъ укрѣпленіи потолка перваго этажа. Стоитъ это дорого, но насколько прочно—это еще вопросъ.

Для упражненій по гимнастикѣ, особенно военной, обратили вниманіе также на устройство рекреаціонныхъ дворовъ. Истрачены были значительныя суммы на утрамбовку, на асфальтированіе, а между тѣмъ утилизированіе дворовъ оказалось самымъ ничтожнымъ, такъ какъ частью непогода, частью-же—что самое главное—страхъ простудить дѣтей разрушили всѣ мечты о возможности подражанія англичанамъ или швейцарцамъ.

Кстати, не должно забывать, что прежде, чѣмъ вводить въ школьную жизнь игры или какія-бы ни было упражненія на чистомъ воздухѣ, надо озаботиться о нѣкоторомъ закаленіи тѣла нашихъ дѣтей, изнѣженныхъ и избалованныхъ до послѣдней крайности, и потому неспособныхъ хотя-бы сколько-нибудь противостоять простуднымъ заболѣваніямъ. У насъ, если и возможны игры или вообще тѣлесныя движенія въ четырехъ стѣнахъ учебныхъ заведеній, то, конечно, на аренахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, холода, сырости и т. д. А для такихъ приспособленій пока не предвидится никакихъ средствъ.

Вообще, заботы о тѣлесныхъ упражненіяхъ учащихся въ Россіи имѣли до сихъ поръ характеръ, такъ-сказать, праздныхъ затѣй,—затѣй дорогихъ, но отнюдь не окупающихся тѣмъ улучшеніемъ здоровья дѣтей, на какое разсчитывали педагоги, да, пожалуй, и нѣкоторые юные врачи.

Тѣлесныя упражненія могли-бы и должны-бы были принести пользу у насъ развѣ въ томъ случаѣ, если-бы они вошли интегральною частью въ учебный курсъ школы, т.-е. если-бы были приравнены къ занятіямъ умственнымъ во всѣхъ подробностяхъ обстановки и вытѣснили-бы собою нѣкоторые ненужные предметы. Но этого не было сдѣлано. Гимнастику ввели въ придачу къ имѣющемуся циклу предметовъ, обременили ею учениковъ, и безъ того уже обремененныхъ непосильнымъ трудомъ, а потому она оказалась собственно пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Мы скажемъ болѣе: у насъ даже для самой цѣлесообразной гимнастики и при раціональныхъ условіяхъ не стоило-бы собственно тратить пока и рубля изъ суммъ учебныхъ заведеній, такъ какъ у насъ до сихъ поръ въ весьма многихъ заведеніяхъ не хватаетъ мѣста для различныхъ помѣщеній, самыхъ существенныхъ для здоровья учащихся.

Глядя на новосозданные гимнастическіе залы можно было-бы успокоиться развѣ тѣмъ, что они годятся для рекреацій; однако и въ этомъ отношеніи они оказываются болѣе или менѣе неудобными. Будущее, разумѣется, покажетъ, какимъ образомъ можно приспособить и видоизмѣнить ихъ въ интересахъ учащихся, въ настоящее-же время приходится только сознаваться въ ошибочности тѣхъ взглядовъ, которые вызвали распложеніе ихъ на всемъ пространствѣ обширной Россіи.

Для врачей не предстоитъ въ настоящую минуту ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что тѣлесныя упражненія для отроковъ мыслимы и допустимы только въ формѣ игръ, въ формѣ увлекательнаго времяпрепровожденія, и что упражненія эти должны войти въ жизнь нашей школы, подобно тому, какъ они вошли въ нравы и обычаи англичанъ. Если-же означенное убѣжденіе врачей осуществится на практикѣ, тогда для учащихся нашихъ явятся такія-же арены, открытыя и крытыя, какія испоконъ вѣковъ имѣются при различныхъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы распространились по поводу помѣщеній для гимнастики въ учебныхъ заведеніяхъ именно потому, что въ нихъ, при недостаточности денежныхъ средствъ, приходится быть особенно осторожнымъ на всякую новую и ненужную трату, трата-же на постройку помѣщеній для нѣмецкой гимнастики слѣдуетъ по всей справедливости признать излишнею и во всякомъ случаѣ скороспѣлою, преждевременною. На будущее время, по нашему мнѣнію, неизбѣжно придется озаботиться о постройкѣ обширныхъ помѣщеній для игръ учащихся и, можетъ быть, совсѣмъ отказаться отъ имѣющихся гимнастиче-

скихъ залъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ прямо негодны въ силу своихъ антисанитарныхъ условій.

Въ противоположность гимнастическимъ заламъ, неизмѣримо большее гигіеническое значеніе въ жизни учащихся имѣютъ помѣщенія рекреаціонныя. Для школьнаго гигіениста считается идеальнымъ то заведеніе, въ которомъ, на ряду съ классами, имѣются одинаковаго-же объема рекреаціонныя помѣщенія.

Не надо забывать, что въ учебныхъ заведеніяхъ всѣ помѣщенія (за выключеніемъ нѣсколькихъ помѣщеній для учащихъ) должны идти на пользованіе-же учащихся; слѣдовательно, разъ помѣщеніе не есть классъ или залъ для спеціальныхъ занятій, оно должно играть роль рекреаціоннаго. Скажемъ прямо: въ учебныхъ заведеніяхъ не можетъ быть допущено ни одного вершка площади, который пропадалъ-бы безполезно для учащихся. Имѣетъ-ли комната назначеніемъ служить для акта, для преподаванія гимнастики, пѣнія, танцевъ и пр., она непремѣнно должна служить ученикамъ и для рекреацій. Вотъ почему спеціально-актовые, спеціально гимнастическіе залы и не должны быть допускаемы въ учебныхъ заведеніяхъ. А между тѣмъ, что-же мы видимъ въ дѣйствительности? Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ актовый залъ остается весь годъ празднымъ; въ него не только не пускаютъ учениковъ, но его даже не отворяютъ, слѣдовательно, не пользуются имъ и съ вентиляціонными цѣлями: для обмѣна его воздуха съ воздухомъ другихъ помѣщеній. Съ точки зрѣнія санитара, это рѣшительный абсурдъ, противъ котораго надо дѣйствовать прямо мѣрами принудительными: необходимо упразднить повсюду актовые залы и обратить ихъ въ рекреаціонные. Актовымъ заломъ можетъ служить любое помѣщеніе, лишь-бы оно было просторно, поэтому для акта проще всего пользоваться залами рекреаціонными, а въ крайнемъ случаѣ—и наибольшимъ изъ классовъ. Наконецъ, если и допустить существованіе особаго актоваго зала (напр., если при постройкѣ заведенія на это пожертвована отдѣльная сумма), то и въ такомъ случаѣ подъ залъ этотъ не слѣдуетъ отводить наилучшую, лицевую часть зданія, а наоборотъ—наихудшую, заднюю часть его, такъ какъ актовый залъ не нуждается въ тѣхъ наиблагопріятнѣйшихъ условіяхъ по отношенію къ свѣту, провѣтриванію и проч., какія необходимы для классовъ, этихъ существенныхъ отдѣловъ школьнаго зданія.

Въ настоящее время безъ актоваго зала едва-ли обходится какое-либо заведеніе, тогда какъ безъ рекреаціоннаго обходятся нерѣдко, особенно въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Есть заведе-

нія, гдѣ до 400 учащихся толпится въ перемѣны, за неимѣніемъ рекреаціонныхъ залъ, въ корридорахъ, а имѣющійся актовый залъ служитъ только для пѣнія и гимнастики! Вообще среднее учебное заведеніе не строится безъ актоваго зала; рекреаціонными-же помѣщеніями прямо намѣчаются иногда корридоры, въ которыхъ приходится задыхаться въ перемѣны.

Корридоры составляли прежде, да и теперь еще составляютъ, для многихъ педагоговъ драгоцѣнное помѣщеніе. Какъ пастуху, самое пріятное—собрать свое стадо тѣснѣе, такъ точно и педагогу, въ видахъ удобнѣйшаго надзора, всегда желательно скучить дѣтей въ одинъ уголъ или въ узкое пространство. При такихъ условіяхъ, конечно, физически невозможно не только бѣгать или скакать, но и размять руки или ноги. Неподвижность со стороны ученика и отсутствіе признаковъ рѣчи составляютъ цѣль, достиженіе которой служитъ вѣчной мечтой большинства служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, приводятъ въ защиту корридоровъ то, что при обширныхъ рекреаціонныхъ помѣщеніяхъ необходимо число воспитателей или гувернеровъ бо̀льшее, нежели имѣющееся въ настоящее время, однако всѣми подобнаго рода измышленіями отнюдь не опровергается та азбучная истина, что дѣти въ минуты отдыха должны пользоваться полной возможностью бѣгать, прыгать, бороться, кричать и т. д., т.-е. свободой усиленно двигаться и дышать—въ силу естественной потребности жить и дѣйствовать энергичечски всѣми членами послѣ часового покоя и неподвижности.

Корридоры мы встрѣчаемъ въ большинствѣ учебныхъ заведеній. Въ старину (да нерѣдко и въ настоящее время) прямо размежевывался этажъ длиннымъ корридоромъ, по сторонамъ котораго шли два ряда классовъ. При такой системѣ постройки, корридоръ составляетъ резервуаръ застаивающагося, гнилого воздуха, хронически заражающаго всѣ сосѣднія помѣщенія, что̀ и знаютъ теперь хорошо инженеры и архитекторы, избѣгающіе корридорной системы построекъ и вводящіе новую систему — параллельнаго устройства классныхъ и рекреаціонныхъ помѣщеній.

Корридоры терпимы еще въ томъ случаѣ, когда на обоихъ своихъ концахъ граничатъ съ обширными свободными залами: тогда дѣйствительно возможно ихъ вентилированіе и воздухъ въ нихъ можетъ держаться болѣе или менѣе сносный. Но такое распредѣленіе помѣщеній встрѣчается рѣдко, чаще-же корридоры съ одного или съ обоихъ концовъ глухи, слѣдовательно, вентилироваться могутъ только энергически искусственными приспособленіями, чего на практикѣ обыкновенно не оказывается.

Итакъ, корридоры сохраняются во множествѣ учебныхъ заведеній на пагубу учащихся дѣтей. Бороться противъ этого зла можно было-бы только при посредствѣ самыхъ энергическихъ мѣръ вентиляціонныхъ, а именно при помощи наивозможно частаго и наивозможно продолжительнаго отпиранія оконъ на противоположныхъ концахъ корридора. Но на такую мѣру не найдется ни рѣшимости, ни даже возможности со стороны училищной администраціи вслѣдствіе цѣлой серіи самыхъ разнообразныхъ мотивовъ...

Корридоры оказывались-бы, повидимому, цѣлесообразными, еслибы приходились къ боковой части зданія и шли параллельно класснымъ помѣщеніямъ, однако и это расположеніе было-бы неудобно, потому что, при узости корридора, классы выходятъ слишкомъ глубокими, и потому темными, при большей-же ширинѣ корридора—онъ слишкомъ много, и притомъ безъ нужды, отнимаетъ мѣста.

Въ краткихъ словахъ: трудно представить желаемое для учебныхъ заведеній расположеніе всѣхъ помѣщеній, однако должно замѣтить, что всегда имѣется возможность распредѣлить ихъ такъ, чтобы классныя и вообще жилыя помѣщенія чередовались со свободными и рекреаціонными и чтобы такимъ образомъ учащимся предоставлялась возможность поочередно пользоваться тѣми и другими помѣщеніями. На это-то чередованіе и должно быть обращено главное вниманіе со стороны архитектора и училищной администраціи.

Сверхъ заботы объ устройствѣ, на ряду съ классными, также и рекреаціонныхъ помѣщеній,—устройствѣ, дающемъ возможность къ болѣе или менѣе правильному провѣтриванію тѣхъ и другихъ, необходимо прибѣгать къ непрерывно дѣйствующимъ искусственнымъ вентиляціоннымъ приспособленіямъ. Въ послѣднее время наука выработала такія системы отопленія и провѣтриванія, которыя могутъ вполнѣ гарантировать жилище человѣка отъ порчи воздуха, вызываемаго дыханіемъ и испареніями, равно и отъ сырости и холода внѣшней среды. Къ сожалѣнію, системы эти требуютъ большихъ средствъ и большихъ знаній со стороны устроителей, а между тѣмъ мы на каждомъ шагу видимъ печальные результаты отсутствія этихъ двухъ условій... Нѣтъ болѣе возмутительной статьи въ учебныхъ заведеніяхъ въ санитарномъ отношеніи, какъ именно устройство вентиляціи. Небрежность и невѣжество достигаютъ тутъ самой крайней степени. Въ большинствѣ случаевъ воображаютъ, что стоитъ пробить дыру въ дымовую трубу или вытянуть въ любомъ мѣстѣ трубу для вывода зловонія—и воздухъ точно по щучьему велѣнію станетъ двигаться въ томъ или въ другомъ желаемомъ направленіи.

Въ дѣйствительности-же оказывается, что движеніе воздушныхъ столбовъ подчиняется строго опредѣленнымъ законамъ, въ зависимости отъ мѣнъ температуры въ направленіи хода вентиляціонныхъ каналовъ и отъ величины (просвѣта) каналовъ, и что если не держаться извѣстныхъ указаній техники, то вмѣсто ожидаемаго направленія въ движеніи воздуха получается направленіе ему обратное. Такъ, весьма часто наши устроители вентиляціи бываютъ поражены обнаруженіемъ обратной тяги въ вентиляціонныхъ отверстіяхъ и принуждены затыкать или замазывать ихъ навѣки, отказываясь отъ дальнѣйшихъ ихъ услугъ. Конечно, спеціалисты инженернаго дѣла обыкновенно устраиваютъ ту или другую систему провѣтриванія удовлетворительно, но это обходится очень дорого, и потому-то въ большинствѣ случаевъ ограничиваются грошовыми приспособленіями, дающими, разумѣется, и результаты ничтожные.

По отношенію къ вентиляціонной техникѣ нынѣ мы находимся, можно сказать, въ періодѣ отрицанія всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ системъ. Нынѣ является на сцену новая механическая система вентиляціи, благодаря которой нагрѣтый воздухъ вводится въ жилище по произволу въ точно размѣренномъ количествѣ; равнымъ образомъ, при тѣхъ-же условіяхъ испорченный воздухъ выводится наружу. И система эта не есть уже pium desiderium, ибо она примѣняется самымъ блестящимъ образомъ на практикѣ. Въ Аугсбургѣ (въ Баваріи) она нашла примѣненіе даже въ начальныхъ школахъ, гдѣ обходится по 1/2—1 марки въ годъ на ученика. Въ близкомъ будущемъ, по всей вѣроятности, система эта заставитъ забыть всѣ остальныя, практиковавшіяся до нашего времени, а пока, въ ожиданіи такого прогресса, приходится воздерживаться отъ дорогихъ системъ вентиляціи и ограничиваться наиболѣе простыми и дешевыми, въ особенности-же каминами, согрѣтыми (посредствомъ газовыхъ рожковъ, керосиновыхъ лампъ и т. п.) дымовыми трубами и непремѣнно окнами или форточками. Но при провѣтриваніи простыми форточками мы, къ величайшему прискорбію, наталкиваемся на одно непреодолимое педагогическое препятствіе, а именно: на несогласіе педагоговъ удалять всѣхъ учащихся изъ стѣнъ заведенія, по крайней мѣрѣ, на 15—20 минутъ въ большую перемѣну. Мы лично не знаемъ другого средства, болѣе энергичнаго, чтобъ сносно провентилировать классы. Когда учащіеся выводятся на 1/2 часа въ рекреаціонные залы и когда открываются въ классахъ всѣ наличныя форточки, то классный воздухъ, при разности внѣшней и внутренней температуръ воздуха даже на 20—30 градусовъ, улучшается вдвое, пожалуй—втрое, и только: тогда

какъ ему, чтобъ достигнуть нормальной чистоты, нужно улучшиться въ 8—10 разъ. Если-же все заведеніе пусто и всѣ форточки или извѣстныя окна и двери открыты на нѣсколько минутъ, то устанавливается такое провѣтриваніе, благодаря которому воздухъ классовъ можетъ достигать почти идеальной чистоты: quod est demonstrandum.

Во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ дѣло вентиляціи обстоитъ крайне неудовлетворительно. Даже въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ устройство ея обошлось дорого и гдѣ сами служащіе, на основаніи субъективнаго ощущенія, расхваливаютъ воздухъ классовъ, мы считаемъ приводимые въ пользу ея доводы невыдерживающими критики. Въ восхваляемыхъ относительно вентиляціи учебныхъ заведеніяхъ не оказывается обыкновенно строго научныхъ данныхъ въ доказательство успѣшнаго ея дѣйствія, а именно: не дается ни цыфръ скорости движенія воздуха по вентиляціоннымъ каналамъ, ни математически точнаго опредѣленія количества выводимаго и вводимаго воздуха, ни цыфръ углекислаго газа. Словомъ, все дѣло ограничивается голословнымъ утвержденіемъ, субъективными ощущеніями, т.-е. данными, недопускаемыми съ научной точки зрѣнія.

Въ учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно не производится химическаго изслѣдованія воздуха въ классныхъ помѣщеніяхъ, тогда какъ это было-бы весьма поучительно и полезно. Такъ, имѣющіяся данныя такого изслѣдованія относительно нѣсколькихъ заведеній въ Россіи показываютъ поразительную порчу воздуха классовъ отъ урока къ уроку и тѣмъ самымъ вызываютъ неотложную необходимость мѣръ къ улучшенію класснаго воздуха. И мѣры эти несомнѣнно могли-бы быть указываемы и приводимы въ дѣйствіе, если-бы надзоръ за санитарнымъ дѣломъ, равно какъ и устройство всѣхъ санитарныхъ приспособленій, находились въ вѣдѣніи вполнѣ подходящихъ спеціалистовъ, а не въ рукахъ первыхъ встрѣчныхъ архитекторовъ или невѣжественныхъ подрядчиковъ.

Коснувшись вентиляціи, скажемъ нѣсколько словъ и объ отопленіи. Заведенія болѣе достаточныя пользуются изразцовыми печами, болѣе бѣдныя—желѣзными (утермарковскими) или кирпичными. Въ печахъ мы видимъ, между прочимъ, также одно изъ средствъ къ провѣтриванію классовъ, слѣдовательно, должны ими дорожить и въ этомъ отношеніи. Но оказывается, что нѣкоторыя заведенія ухитрились отнять отъ классовъ эту услугу печей. Въ значительномъ числѣ заведеній отверстія печей оказываются выведенными не въ классъ, а внѣ его, въ корридоръ; во многихъ заведеніяхъ печи имѣются гер-

метическія, и потому совсѣмъ лишены вентиляціоннаго значенія!.. Въ иныхъ заведеніяхъ начали вводить разныя центральныя системы отопленія, и вотъ въ короткое время обнаружились печальныя послѣдствія смѣлыхъ экспериментовъ. Оказалось, что самое устроеніе системъ большею частью было предоставляемо гг. архитекторами печникамъ-подрядчикамъ, а эти послѣдніе смекали по собственному своему уму-разуму, какой величины выложить калориферъ или устроить котелъ, сколько и какой длины провести трубъ, муфтъ въ томъ или въ другомъ помѣщеніи. Конечно, можно было напередъ сказать, что изъ этого толку не выйдетъ, однако строители оставались и даже остаются до сихъ поръ при другомъ мнѣніи. Въ дѣйствительности-же факты говорятъ слѣдующее: при водяномъ отопленіи жалуются—въ одномъ заведеніи на холодъ, въ другомъ на чрезмѣрный, невыносимый жаръ. И вотъ, въ одномъ заведеніи, на ряду съ водянымъ отопленіемъ, устраиваютъ печи, въ другомъ отказываются отъ него совсѣмъ. При отопленіи грѣтымъ воздухомъ обнаруживаются подобнаго-же рода сюрпризы. Повсюду раздаются жалобы на негодность введенной системы, плачутся на потерю денегъ, а въ сущности виноватъ одинъ архитекторъ, не знающій дѣла и предоставляющій его тоже незнающему дѣла печнику. Вслѣдствіе этого на будущее время желательно было-бы поставить дѣло такъ, чтобы вопросы, касающіеся отопленія и вентиляціи въ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшались инженерами или вообще техниками, спеціально знакомыми съ строго-научной постановкой дѣла отопленія и вентиляціи зданій; если-же въ данномъ мѣстѣ такихъ спеціалистовъ не имѣлось-бы на лицо, то въ такомъ случаѣ не слѣдовало-бы и допускать введенія сложныхъ центральныхъ системъ отопленія и провѣтриванія, а приходилось-бы ограничиваться обыкновенными печами и каминами.

Мы не можемъ входить въ изложеніе подробностей, касающихся вентиляціонной роли такихъ помѣщеній, какъ лѣстницы и ватерклозеты, такъ какъ это заставило-бы насъ отчасти повторять высказанные уже нами взгляды относительно непониманія со стороны нѣкоторыхъ строителей принциповъ отопленія и провѣтриванія, тѣмъ не менѣе мы считаемъ умѣстнымъ привести хотя нѣсколько поясняющихъ вопросъ фактовъ изъ жизни учебныхъ заведеній. Такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ черныя лѣстницы находятся въ центрѣ зданія, а не по сторонамъ, и при этомъ онѣ замкнуты отовсюду, такъ что являются опаснымъ резервуаромъ для скопленія гнилого воздуха; во многихъ заведеніяхъ парадныя лѣстницы не обращаютъ на себя никакого вниманія и не вентилируются, въ нѣкоторыхъ даже форточки недоступны

для руки человѣка. Отношенія ватерклозетовъ еще любопытнѣе, да и внушительнѣе—вслѣдствіе присущихъ имъ вредныхъ условій. Напримѣръ, ватерклозеты устроены въ центрѣ жилыхъ помѣщеній заведенія, а не отнесены на одну изъ его окраинъ, и потому буквально заражаютъ все своими газами, при чемъ въ очень многихъ заведеніяхъ въ ватерклозетахъ дѣйствуетъ весьма слабо тяга печи или камина, а еще чаще и совсѣмъ не дѣйствуетъ, и потому не ватерклозетъ служитъ для вентилированія окружающихъ классныхъ и иныхъ помѣщеній, а, наоборотъ, классныя помѣщенія для вентилированія ватерклозета!

Отхожія мѣста должны быть собственно располагаемы, по возможности, около двухъ, много трехъ точекъ площади зданія; притомъ они не должны находиться въ непосредственной связи съ зданіемъ, а отстоять отъ него на порядочное разстояніе, соединяясь съ нимъ лишь крытымъ корридоромъ. Словомъ, мѣста эти должны быть, сколько возможно, самостоятельными относительно отопленія, выгребныя-же ямы ихъ должны быть выводимы на нѣсколько саженъ отъ стѣны зданія. Однако на практикѣ мы встрѣчаемъ двѣ слѣдующія нежелательныя особенности: то ватерклозеты втиснуты внутрь зданія, между классами и спальнями, или при самомъ рекреаціонномъ залѣ или корридорѣ около классовъ; то отхожія мѣста устроены на рекреаціонномъ дворѣ (Варшава, Одесса), и ученики должны во всякую непогоду, лѣтомъ и зимою, бѣгать туда черезъ дворъ. И то, и другое расположеніе непригодны, а между тѣмъ изъ педагоговъ никто на это не обращаетъ вниманія и не видитъ надобности протестовать.

Выгребныя ямы составляютъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ, величайшее и, пока, неустранимое зло, противъ котораго бороться нѣтъ почти никакой возможности. Въ одномъ только заведеніи (въ Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ) практикуется примѣненіе бочечной системы вывоза нечистотъ (что и хорошо, и обходится дешево), во всѣхъ-же другихъ заведеніяхъ имѣются лишь обыкновенныя выгребныя ямы, со всѣми свойственными имъ недостатками (пропитываніемъ и зараженіемъ почвы, заполненіемъ водосточныхъ трубъ и колодцевъ, порчею почвенной воды), вредно отзывающимися на здоровьѣ обывателей. Пока не дошли еще до устройства канализаціи, необходимо было-бы озаботиться объ улучшеніи способовъ храненія и удаленія нечистотъ, такъ какъ по сравненію съ настоящимъ состояніемъ этого дѣла едва-ли можно представить себѣ что-нибудь худшее. Лучшимъ средствомъ къ устраненію зараженія почвы, почвенной воды и воздуха слѣдуетъ считать, конечно, тѣ способы удаленія нечистотъ, при которыхъ эти послѣднія

остаются болѣе или менѣе изолированными и, такъ сказать, in statu nascenti, вывозятся чистыми, или въ смѣси съ дезинфекціонными веществами, за предѣлы жилища. Такіе способы указываются въ бочечной системѣ, въ устройствѣ земляныхъ или торфяныхъ клозетовъ, словомъ, въ томъ или другомъ видѣ удаленія нечистотъ безъ посредства воды. Чтобы избавить учащихся дѣтей отъ пагубнаго вліянія всякой грязи и нечистотъ, слѣдовало-бы обратиться къ экстраординарнымъ мѣрамъ, не въ примѣръ лучшимъ по сравненію съ обыкновенно практикуемыми въ учебныхъ заведеніяхъ. Не должно забывать, что взрослый человѣкъ менѣе подвергается вліянію зараженнаго воздуха жилища, нежели ребенокъ, на которомъ сильно отзывается всякая порча воздуха отъ клозетовъ и выгребныхъ ямъ, содѣйствуя немалою долею развитію у нихъ золотухи и другихъ болѣзней крови.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ настоящее время храненіе и удаленіе нечистотъ въ учебныхъ заведеніяхъ находятся въ самомъ печальномъ состояніи, побуждающемъ настоятельно, во имя тѣлеснаго благосостоянія учащагося поколѣнія, взывать къ необходимости неотложныхъ мѣръ для исправленія существующаго въ этомъ отношеніи порядка.

Губительный для здоровья воздухъ учебныхъ заведеній обязанъ антигигіеническими своими качествами не только дыханію учащихся и газамъ отхожихъ мѣстъ, но значительною долею и одеждѣ дѣтей, пропитанной животными испареніями и пылью и грязью, приносимыми съ улицы и изъ дому. Вслѣдствіе этого одежда учащихся должна была-бы въ извѣстные сроки подвергаться самой тщательной дезинфекціи, т.-е. энергическому провѣтриванію на солнцѣ и даже выжариванію при температурѣ 60—70 градусовъ. То-же кстати слѣдуетъ сказать и о постели и ея принадлежностяхъ въ спальняхъ интернатовъ. Обыкновенно нѣтъ возможности пройти безъ отвращенія чрезъ шинельную учебнаго заведенія; что-же касается спальни, то отъ ея воздуха у многихъ является чувство тошноты. Когда мнѣ приходилось оставаться въ пансіонскихъ спальняхъ болѣе получаса, я принужденъ былъ по нѣскольку разъ открывать форточку, чтобы отдышаться и освѣжить голову отъ удушающей и близкой къ трупной вони окружающаго воздуха... Брюки, блуза, носки, сапоги и даже фуражка пансіонера—каждая изъ этихъ принадлежностей туалета обладаетъ противнымъ специфическимъ запахомъ, не исчезающимъ мѣсяцы, если не годы, при лежаніи въ гардеробной. То-же, хотя въ нѣсколько слабѣйшей степени, замѣчается и на одеждѣ учениковъ

приходящихъ. Понятно, что представляютъ по отношенію къ чистотѣ воздуха такія помѣщенія, какъ шинельная и гардеробная!

Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ нѣтъ совсѣмъ особыхъ шинельныхъ, и одежда разбрасывается по стѣнамъ лѣстницы, по корридорчикамъ и разнымъ угламъ *); въ большинствѣ-же учебныхъ заведеній имѣются особыя шинельныя. Онѣ обыкновенно находятся въ худшей части зданія, чаще всего въ подвалѣ или въ нижнемъ этажѣ, значительно углубленномъ въ почву. Онѣ обыкновенно темны, низки, почти всегда холодны и безъ всякихъ вентиляціонныхъ приспособленій. Одежда большею частью развѣшана на крючкахъ по стѣнамъ весьма тѣсно, скученно. Въ послѣднее время, правда, встрѣчаются шинельныя лучшаго вида: высокія, большія, свѣтлыя, даже теплыя, съ каминомъ, съ вѣшалками, параллельно уставленными, и съ различными приспособленіями для галошъ, фуражекъ и даже зонтиковъ,—но такія шинельныя рѣдки, являются лишь исключеніемъ.

Коснувшись того, что шинельныя часто занимаютъ подвальную или углубляющуюся въ почву часть зданія, замѣтимъ кстати, что эта часть оказывается излюбленной и для нѣкоторыхъ другихъ помѣщеній въ учебныхъ заведеніяхъ, а именно: для гимнастическаго зала, столовой, сборной для приходящихъ, для житья прислуги, кухни и т. п. Для гигіениста, для котораго идеальнымъ зданіемъ считается то, гдѣ каждое помѣщеніе допускаетъ возможность вентилироваться со всѣхъ сторонъ, видѣть постройку прямо на землѣ или углубляющуюся въ землю—рѣшительно возмутительно. На будущее время слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, для учебныхъ заведеній постановить правиломъ: не дозволять возводить постройку иначе, какъ подъ условіемъ возвышенія ея надъ уровнемъ земли на $^1/_2$—$^3/_4$ аршина (если не на 1 аршинъ); затѣмъ, не дозволять выкладывать стѣнъ безъ предварительнаго цементированія фундамента зданія, во избѣжаніе пропитыванія стѣнъ какъ почвенной, такъ и поверхностной водой. При выполненіи со стороны строителей подобныхъ условій, конечно, упомянутыя обычныя помѣщенія нижняго этажа примутъ сносный видъ и несомнѣнно выиграютъ въ санитарномъ отношеніи. Приводимые со стороны архитекторовъ доводы въ пользу подвальныхъ помѣщеній опираются лишь отчасти на дешевизнѣ постройки этихъ помѣщеній (хотя незначительной), но за-то рѣшительно не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія гигіены. Вообще, слѣдуетъ искать способовъ къ удешевленію

*) Мы уже не говоримъ о заведеніяхъ, въ которыхъ верхняя одежда вѣшается на стѣнахъ въ самихъ классахъ.

постройки зданія учебныхъ заведеній не на санкціонированіи вредныхъ для здоровья дѣтей помѣщеній, а на сокращеніи или упраздненіи помѣщеній лишнихъ или менѣе необходимыхъ. Наконецъ, если-бы доводъ архитекторовъ въ пользу особенной дешевизны подвальныхъ помѣщеній былъ вѣренъ, то почему-же мы видимъ примѣры постройки этихъ дешевыхъ помѣщеній въ богатѣйшихъ зданіяхъ и примѣры отсутствія ихъ въ зданіяхъ даже крайне бѣдныхъ?

Нѣкоторые архитекторы находятъ цѣлесообразнымъ цементировать полъ помѣщеній нижняго этажа. Не смотря на множество имѣющихся противъ этого возраженій, мы все-таки находимъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ асфальтовые полы въ помѣщеніяхъ не только подвальныхъ, но даже и перваго этажа. Сама, впрочемъ, жизнь показываетъ непрактичность и вредъ этого обычая: во многихъ мѣстахъ не только на казенный счетъ, но даже на счетъ квартирантовъ настилается деревянный полъ на хваленомъ асфальтовомъ! Къ сожалѣнію, такого рода факты не дѣйствуютъ на архитекторовъ...

Самыми крупными помѣщеніями въ пансіонахъ учебныхъ заведеній оказываются спальни, самыми-же низкими, а часто и тѣсными,—столовыя. Противъ всего этого особенно возражать не было-бы надобности, если-бы обширность спаленъ соотвѣтствовала лучшимъ качествамъ ихъ воздуха, а тѣснота столовыхъ допускалась въ силу кратковременности пребыванія въ нихъ пансіонеровъ. Однако случается это далеко не часто. Не смотря на большіе размѣры спаленъ, ихъ съумѣли испортить небрежнымъ содержаніемъ постельныхъ принадлежностей, а также предметовъ, хранимыхъ въ сосѣдней умывальной и сапожной, а иногда и гардеробной. Самая-же ужасная деталь пансіонерскихъ спаленъ—это частая наличность одной, а то двухъ, трехъ и болѣе кроватей дѣтей, страдающихъ недержаніемъ мочи. Чаще всего такихъ несчастныхъ кладутъ спать прямо на доски или на козлы, рѣже—на солому или на тюфякъ съ клеенкой. Бываетъ, что такой ребенокъ спитъ и на обыкновенномъ тюфякѣ, и тогда утромъ послѣдній сушатъ на чердакѣ или прямо въ спальнѣ у топящейся печи. Замѣчательно, что до сихъ поръ со стороны школьной администраціи не принимается нигдѣ никакихъ мѣръ къ соблюденію въ чистотѣ и опрятности всей обстановки ребенка, страдающаго недержаніемъ мочи, тогда какъ въ настоящее время уже нельзя жаловаться на недостатокъ мѣръ и средствъ какъ къ уходу за такимъ ребенкомъ, такъ и къ предотвращенію неблагопріятнаго вліянія его на окружающихъ.

Кстати можно было-бы коснуться вопроса объ онанизмѣ между учащимися, но я воздержусь отъ этого, во-первыхъ, въ виду невоз-

можности изложить этотъ вопросъ достаточно подробно, а во-вторыхъ, и въ виду того, что врачъ всегда слишкомъ расходится въ этомъ отношеніи въ мнѣніяхъ съ педагогомъ какъ касательно способовъ происхожденія и обнаруженія этого порока, такъ и касательно мѣръ борьбы съ нимъ. Главное то, что въ борьбѣ этой первая роль принадлежитъ врачу, а такъ какъ врачъ обыкновенно лишенъ возможности входить въ положеніе учащагося, поэтому противъ онанизма приходится обращаться почти исключительно къ грубо-дисциплинарнымъ (карательнымъ), а не разумнымъ исправляющимъ мѣрамъ тогда какъ только такія мѣры собственно не только не содѣйствуютъ искорененіюпорока, но, напротивъ, ведутъ къ его усиленію и къ его распространенію въ средѣ воспитывающихся.

Послѣднее мѣсто въ любомъ учебномъ заведеніи обыкновенно принадлежитъ лазарету. Мы не знаемъ ни одного лазарета, который удовлетворялъ-бы хоть сколько-нибудь не только научнымъ, но даже простымъ квартирнымъ требованіямъ. Онъ всегда похожъ на помѣщеніе бѣднаго чиновника:—низенькое, тѣсное, съ крошечной передней и кухней и угломъ для прислуги. Къ помѣщенію прилѣпленъ ватерклозетъ, и тутъ-же ванна, а при ней—наборъ разнаго хозяйственнаго хлама. О дезинфекціи и даже объ удовлетворительной чистотѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Заразнаго помѣщенія лазарета мы нигдѣ не видѣли обставленнымъ такъ, чтобы имѣлась гарантія въ неперенос҃ѣ заразы.

Во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ замѣтить, что мы лично не только не видимъ необходимости имѣть въ учебномъ заведеніи заразное отдѣленіе лазарета, но и вообще лазаретъ. Въ каждомъ большомъ городѣ должна быть собственно спеціальная больница для учащихся, или-же, по крайней мѣрѣ, такая больница, гдѣ имѣлись-бы всегда палаты для учениковъ учебныхъ заведеній, такъ какъ ни одно учебное заведеніе, за исключеніемъ самыхъ богатыхъ, не въ состояніи дать для лазарета требуемыхъ современною наукою помѣщеній и всѣхъ необходимыхъ приспособленій. Если-же имѣется возможность удалять всякаго серьезнаго больного изъ стѣнъ заведенія, то тогда, конечно, любая комната интерната, болѣе или менѣе изолированная, можетъ служить временнымъ или, точнѣе, кратковременнымъ пребываніемъ для заболѣвшаго ребенка.

Коснувшись вопроса о лазаретѣ, не можемъ кстати умолчать о фельдшерѣ. Личность эта требуетъ всегда внимательнаго надзора со стороны завѣдывающаго интернатомъ, такъ какъ ненадежный въ

нравственномъ отношеніи фельдшеръ вліяетъ дурно на пансіонеровъ не только въ педагогическомъ, но и въ гигіеническомъ смыслѣ.

Въ заключеніе коснемся нѣсколькихъ вопросовъ, относящихся къ индивидуальной гигіенѣ учащихся. Начнемъ съ чтенія и письма.

На будущее время предметы эти непремѣнно должны быть преподаваемы подъ руководствомъ и на основаніи указаній врачей-гигіенистовъ, такъ какъ они находятся въ самой тѣсной связи съ анатомо-физіологическими отношеніями органа зрѣнія и костно-мышечной системы груди и верхнихъ конечностей. Строеніе и отправленіе тѣла предполагается одинаковымъ у всѣхъ дѣтей на свѣтѣ, поэтому и правила по отношенію къ условіямъ посадки, держанія головы и движеній руки должны быть одинаковыми-же для всѣхъ учащихся, а между тѣмъ оказывается, что чуть не каждый учитель чистописанія держится при письмѣ особыхъ правилъ и что единства въ урегулированіи этихъ правилъ не предвидится, можетъ быть, на долгое время.

Мы далеки отъ того, чтобъ обвинять учителей чтенія и письма въ томъ, что исключительно они производятъ у учащихся близорукость и искривленіе позвоночнаго столба, однако-же нельзя не признать, что они отвѣтственны въ этомъ извѣстною долею. Школа всѣми своими условіями (главное-же: необходимостью долговременнаго пребыванія въ четырехъ стѣнахъ, спертымъ воздухомъ, недостаткомъ свѣта, обремененіемъ умственнымъ матеріаломъ и т. п.) дѣйствуетъ угнетающимъ, ослабляющимъ образомъ на организацію и жизнедѣятельность учащихся, и потому всякая антигигіеническая деталь,—будетъ-ли то неправильный столъ или плохой шрифтъ руководствъ, или нераціональный способъ письма,—дѣйствуетъ на ослабленный организмъ вѣрнѣе, чѣмъ на крѣпкій и здоровый. Вотъ почему близорукость, искривленія, головныя боли, онанизмъ, и т. п. обнаруживаются у учащихся легче, скорѣе и губительнѣе, нежели у молодыхъ людей, живущихъ въ условіяхъ противоположныхъ школьнымъ. Если-бы учащіеся были здоровѣе и крѣпче, то на нихъ такія антисанитарныя условія школы, какъ неправильный способъ письма, плохая печать, недостаточный свѣтъ, не влекли-бы за собою тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія мы наблюдаемъ въ настоящее время. Такимъ образомъ, учителя чистописанія и рисованія несутъ извѣстную долю отвѣтственности за нарушеніе здоровья учащихся, и потому должны при обученіи непремѣнно руководствоваться указаніями гигіены.

Въ большинствѣ учебныхъ заведеній установленію раціональныхъ правилъ письма, рисованія и черченія значительно препятствуетъ не-

подходящая мебель. Въ послѣднее время, правда, со стороны педагоговъ замѣтно желаніе строить классные столы по указаніямъ гигіены, тѣмъ не менѣе дѣло это видимо имъ не по силамъ, и потому не оказывается ни одного почти заведенія, гдѣ размѣры столовъ и скамей строго отвѣчали-бы размѣрамъ тѣла учащихся. А между тѣмъ, дѣло устройства и распредѣленія классной мебели не представляетъ въ настоящее время для школьнаго врача особенныхъ затрудненій.

Перейдемъ къ пищевому и вещевому довольствіямъ учащихся.

Пищевое довольствіе въ каждомъ интернатѣ представляетъ нѣчто своеобразное, между тѣмъ какъ на будущее время желательно было-бы болѣе или менѣе объединить взгляды школьной администраціи на пищевой режимъ пансіонеровъ.

Въ экстернатахъ касательно пищи является на сцену одно крайне прискорбное обстоятельство: въ большей части учебныхъ заведеній оказывается невозможнымъ (!) устроить завтракъ для приходящихъ. Главными препятствіями приводятся: 1) недостатокъ мѣста и 2) преподаваніе въ большую перемѣну гимнастики. Опытъ говоритъ, что 1/4, 1/3, а иногда и болѣе учащихся остается съ 8 часовъ утра до 3 час. дня безъ ѣды. Это рѣшительно недопустимо съ гигіенической точки зрѣнія, и вотъ, мы видимъ, что нѣкоторые, особенно внимательные къ дѣтямъ педагоги нашли возможность устроить въ своихъ заведеніяхъ завтракъ. Мало того: эти гуманные люди озаботились и о томъ, чтобы завтракъ сталъ доступнымъ для наибольшаго числа учениковъ. Такъ, цѣны доведены были до слѣдующихъ цыфръ: стаканъ чаю 2 коп., стаканъ молока 3 коп., горячая мясная котлета 5—6 коп., горячій пирогъ съ говядиной 5 к., бутербродъ или пирожокъ 3 коп. Найдена, наконецъ, была возможность совсѣмъ освобождать отъ платы за завтракъ нѣкоторыхъ учениковъ. Есть заведенія, гдѣ завтракъ обходится за годъ въ 10 или 15 рублей. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о завтракѣ имѣетъ большое значеніе въ жизни учащихся, и потому въ будущемъ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, рѣшится въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Во многихъ странахъ Запада на питаніе учениковъ, особенно въ начальныхъ школахъ, смотрятъ въ послѣднее время какъ на предметъ первой необходимости, и потому прилагаютъ всѣ старанія не только къ тому, чтобы неимущій ученикъ поѣлъ въ большую перемѣну, но и къ тому, чтобы ему былъ обезпеченъ даровой обѣдъ. Въ Англіи, Германіи, Швейцаріи и другихъ странахъ идутъ еще далѣе: основываются благотворительныя общества или кружки, которые заботятся о снабженіи

бѣдныхъ дѣтей въ школахъ одеждою, бѣльемъ, обувью, и о томъ, чтобы дать возможность имъ соблюдать чистоту и опрятность во всѣхъ отношеніяхъ. Мы, русскіе, пока еще не мечтаемъ о такомъ прогрессѣ, тѣмъ не менѣе было-бы желательно, чтобы у насъ были положены хотя-бы начатки дѣлу воспитанія дѣтей въ идеѣ о необходимости держать себя всегда, насколько возможно, въ наибольшей чистотѣ по отношенію какъ къ собственному тѣлу, такъ и къ бѣлью, одеждѣ и пр. Въ нѣкоторыхъ городахъ учащіеся, какъ оказывается, мѣсяцами, даже годами не ходятъ въ баню; что-же касается купанья лѣтомъ, то прямо можно сказать, что большинство дѣтей не имѣетъ объ этомъ даже понятія. Со стороны администраціи слѣдовало-бы обратить на это дѣло подобающее вниманіе и настаивать, отъ лица завѣдывающихъ учебными заведеніями, на томъ, чтобы учащимся дана была полная возможность за доступную цѣну (а частью и безплатно) пользоваться баней, а въ лѣтнее время и купаньемъ. Въ одной Одессѣ, благодаря г. попечителю округа, имѣется надежда устроить на берегу моря купальню, дабы всѣ учащіеся могли пользоваться правомъ безплатнаго купанья и даже удешевленнымъ проѣздомъ по конкѣ до мѣста назначенія. Надо вообще удивляться, какъ это до сихъ поръ педагоги игнорировали такія существенно важныя статьи тѣлеснаго воспитанія, какъ содержаніе тѣла дѣтей въ чистотѣ и опрятности, ограничиваясь попеченіемъ лишь о внѣшности ученика, объ эстетическихъ условіяхъ его одежды, о прическѣ и т. п..

Всѣми вышеизложенными подробностями болѣе или менѣе достаточно обрисовывается санитарное состояніе учебныхъ заведеній или, точнѣе, состояніе матеріальной ихъ обстановки; оставалось-бы, слѣдовательно, сказать еще о нравственной и умственной гигіенѣ учащихся, но отъ этихъ задачъ намъ приходится отказаться, такъ какъ доставленный на выставку матеріалъ не далъ возможности собрать подобающее количество свѣдѣній, необходимыхъ для полученія болѣе или менѣе отчетливыхъ, рѣшающихъ выводовъ.

А. Виреніусъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Государственные финансы и народное образованіе въ главнѣйшихъ государствахъ Европы.

(Richard von *Kaufmann*. Die offentlichen Ausgaben der grösseren europaischen Lander nach ihrer Zweckbestimmung. 3-te Auflage. Iena 1893).

«Утѣшительно констатировать, что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ странахъ (т.-е. Пруссіи, Австріи, Франціи, Италіи, Великобританіи и Россіи),—говоритъ авторъ статистическаго изслѣдованія, заглавіе котораго выписано выше, профессоръ политической экономіи и финансовой науки въ берлинской Technische Hochschule,—расходы на обученіе и науку, подъ вліяніемъ общихъ политическихъ теченій, все растутъ и растутъ. Съ того момента, когда, съ одной стороны, всеобщая воинская повинность начала проводиться все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, съ другой-же стороны были расширены избирательныя права или прямо провозглашена всеобщая подача голосовъ, стало необходимостью сдѣлать всеобщее начальное образованіе доступнымъ все болѣе и болѣе широкимъ слоямъ населенія. Въ то-же время наука за послѣднія десятилѣтія дѣлаетъ неслыханные успѣхи. А каждый шагъ науки требуетъ новыхъ каѳедръ, новыхъ, посвященныхъ ей, учрежденій».

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ государствамъ и посмотримъ, какое мѣсто въ ихъ экономіи занимаютъ расходы на народное просвѣщеніе и науку *).

1. Пруссія

расходуетъ (1892—1893 года) на народное образованіе, науку и искусство въ общемъ 236.361.574 германскихъ марокъ. Изъ этой

*) У Кауфмана всѣ цыфры приведены въ германскихъ маркахъ (г. м.), и мы этого не измѣняли, во-1-хъ, потому, что главный интересъ заключается въ относительныхъ величинахъ и, во-2-хъ, потому, что цѣнность кредитнаго рубля постоянно колеблется.

суммы 99.120.527 г. м. расходуется *общинами*, 49.500.000—изъ специальныхъ средствъ разныхъ учрежденій (пожертвованій, стипендій и т. п.), а остальное—*государствомъ*.

Государство расходуетъ на:

начальное образованіе	61.140.023	г. м.
среднее »	7.534.925	» »
техническое »	1.620.818	» »
университеты	8.290.618	» »
«искусство и науку»	4.597.212	» »

Всѣ-же расходы на *обученіе* (1891—1892) распредѣляются такъ:

		На душу населенія приходится расходовъ въ германскихъ маркахъ:
на университеты	14.117.000	0,47
» среднее образованіе	31.309.000	1,05
» начальное образованіе	177.100.000	5,91
» професс. образованіе	10.000.000	0,33

Общій расходъ на обученіе, науку и искусство составляетъ (1892—1893) на душу населенія 7,72 г. м.

Расходы—государственные и мѣстные—на обученіе, науку и искусство составляютъ 8,34% всѣхъ вообще государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ; расходы-же на одно только начальное образованіе—6,39%.

2. Австрія.

Имѣющіяся статистическія данныя о финансовой сторонѣ народнаго образованія крайне недостаточны. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія составляетъ 16.139.180 австрійскихъ гульденовъ = 32.278.360 г. м. Расходы общинъ на народное образованіе можно только гипотетически указать, принявъ ихъ равными 15% всѣхъ общинныхъ расходовъ, что дастъ 68 милл австр. гульд. Итакъ, всѣ государственные и мѣстные расходы составляютъ 100.278.360 г. м., т.-е. на душу населенія 4,15 г. м. или 6,32% всѣхъ вообще государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ. Расходы на начальное образованіе составляютъ, приблизительно, 2/3 всѣхъ расходовъ на народное просвѣщеніе вообще, т.-е. 4,21% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ вообще и 2,77 г. м. на душу населенія.

3. Италія.

Всѣ государственные и мѣстные расходы на народное образованіе составляютъ 116.822.862 итальянскихъ лиръ = 93.458.090 г. м. (изъ

нихъ 39 милл. лиръ расходуется государствомъ). Эти расходы составляютъ на душу населенія 3,06 г. м., и по отношенію ко всѣмъ государственнымъ и мѣстнымъ расходамъ 5,13%. На начальное образованіе поступаетъ ежегодно 62 милл. ит. лиръ = 50 милл. г. м., что даетъ на душу населенія 1,64 г. м. и по отношенію ко всѣмъ государственнымъ и мѣстнымъ расходамъ составляетъ 2,74%.

4. Франція.

Въ бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія назначено:

на обученіе...............	168.563.724 фр.
» «изящныя искусства»...	8.086.055 »
Итого.....	176.649.779 фр.

Общины расходуютъ на обученіе:

	Всѣ, кромѣ Парижа: Ординарные расходы. Франки.	Всѣ, кромѣ Парижа: Экстраордин. расходы. Франки.	Парижъ одинъ: Ординарные расходы. Франки.	Парижъ одинъ: Экстраордин. расходы. Франки.
среднее образованіе..	7.314.366	3.349.210	4.389.537	600.243 (вмѣстѣ)
начальное образованіе	78.148.224	18.478.398	19.620.250	
библіотеки и изящныя искусства........	3.272.216	1.154.900	433.641	—
Итого...	88.734.806	22.982.508	24.443.428	600.243

Кромѣ того, единовременный расходъ на школьныя зданія 27.717.685 франковъ.

Всѣ государственные расходы на народное образованіе составляютъ 176.649.779 фр., всѣ мѣстные расходы на него — 142.622.213 фр., итого 319.271.992 фр. = 255.417.593 г. м., на душу населенія— 6,63 м. и 7,01% всѣхъ вообще государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ. На одно начальное образованіе расходуется 249.161.475 фр. = 199.329.180 г. м., на душу населенія—5,18 г. м. и 5,47% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.

5. Великобританія и Ирландія.

Общій государственный расходъ на обученіе, науку и искусство составлялъ (1892 — 1893) 8.376.231 фунтъ стерлинговъ. Въ этой суммѣ доля начальнаго образованія составляетъ:

для Англіи.................	5.946.213 ф. с.
» Шотландіи.............	686.336 » »
» Ирландіи...............	859.801 » »
Итого.........	7.492.350 ф. с.

Мѣстные расходы точно неизвѣстны; гипотетически ихъ можно принять равными 3.620.386 ф. с. Если сложить эту сумму съ государственными расходами, то получится общій расходъ на начальное образованіе = 11.112.736 ф. с. = 222.254.720 г. м., что составляетъ на душу населенія 5,83 г. м. и 7,06% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.

Сумма всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ на все народное просвѣщеніе, науку и искусство = 11.996.617 ф. с. = 239.932.340 г. м., что составляетъ 6,30 г. м. на душу населенія и 7,62% всѣхъ вообще государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.

6. Россія.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія	21.868.914 р.
Расходы земствъ по данн. 1887 г.	7.263.016 »
Предполож. вычисленные расходы городовъ	9.903.422 »
Итого	39.035.352 р. =

=124.913.126 г. м., что составитъ на душу населенія 1,13 г. м. и 3,99% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.

Изъ вышепоказанныхъ 39 милл. около 20 милл. слѣдуетъ, по мнѣнію Кауфмана, отнести на народныя школы, что составитъ 0,58 г. м. на душу населенія и 2,04% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.

7. Сводъ вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ.

Главные результаты, полученные Кауфманомъ, могутъ быть представлены въ слѣдующей сводной табличкѣ:

	Общій расходъ на обученіе, науку и искусство составляетъ:		Расходъ на начальное образованіе составляетъ:	
	На душу населенія, въ герм. маркахъ.	% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ.	На душу населенія, въ герм. м.	% всѣхъ госуд. и мѣстн. расх.
Пруссія	7,72	8,34	5,91	6,39
Австрія	4,15	6,32	2,77	4,21
Италія	3,06	5,13	1,64	2,74
Франція	6,63	7,01	5,18	5,47
Великобританія	6,30	7,62	5,83	7,06
Россія	1,13	3,99	0,58	2,04

Профессоръ Кауфманъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя изъ цыфръ, положенныхъ въ основу приведенной таблицы, не могутъ претендовать

на абсолютную точность, но что, несмотря на это, полученныя имъ относительныя числа приблизительно вѣрно передаютъ дѣйствительныя отношенія. Работа Кауфмана впервые появилась въ 1889 г. въ XVIII томѣ извѣстнаго экономическаго изданія: Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik (herausg. von Prof. J. Conrad), откуда результаты ея перешли тотчасъ-же въ научную и популярную литературу. Въ текущемъ году авторъ, на томъ основаніи, что со «статистическими данными дѣло обстоитъ такъ-же, какъ съ какимъ-нибудь «bon mot»: они не должны быть устарѣлыми» (слова автора въ предисловіи ко 2-му изд.), воспользовавшись новыми данными, переиздалъ свою работу и въ этомъ новомъ видѣ она уже выдержала 2 изданія.

Мы думаемъ, что цыфры, которыя даетъ Кауфманъ, должны представлять выдающійся интересъ для всякаго образованнаго человѣка вообще, а для читателей «Русской Школы» въ особенности.

П. С.

Идейность и художественность въ дѣтской литературѣ.

(Окончаніе).

III.

Всякое беллетристическое произведеніе, понимаемое какъ отраженіе жизни, цѣнится нами по жизненности и правдивости, съ которыми изображена въ немъ дѣйствительность. Эти два условія дѣлаютъ литературное произведеніе *художественнымъ.* Помимо всякихъ идей и тенденцій, сознательно или безсознательно воплощенныхъ писателемъ въ его произведеніи, мы высоко цѣнимъ уже одну художественность литературнаго произведенія. Мало того, въ художественности для насъ заключается главное достоинство беллетристическаго произведенія, и мы, первымъ дѣломъ, именно ее требуемъ отъ каждаго писателя-беллетериста. Такъ-ли стоитъ дѣло въ дѣтской литературѣ?

Прежде всего несомнѣнно, что многія высоко-художественныя произведенія, читаемыя нами съ истиннымъ наслажденіемъ, являются для дѣтей—да и для многихъ взрослыхъ—скучными и неинтересными. И дѣло, при этомъ, не въ сложности фабулы разсказа и не въ его серьезности, несоотвѣтствующей возрасту читателя. Укажемъ, для примѣра, хотя-бы на большую часть «Записокъ охотника» Тургенева. Серьезное идейное содержаніе ихъ не можетъ затруднять дѣтей, потому-что оно проходитъ для нихъ совершенно незамѣтнымъ. Но если устранить идейную сторону этихъ «Записокъ», то весь интересъ ихъ, вся прелесть и обаятельность впечатлѣній, которыми онѣ влекутъ насъ къ себѣ, будетъ заключаться въ ихъ художественной сторонѣ, т.-е. въ художественности описаній и типовъ. Только эта сторона, очевидно, и можетъ существовать здѣсь для дѣтей, такъ какъ интересной фабулы въ большей части этихъ очерковъ не имѣется. Классическая простота стиля ихъ, конечно, тоже не можетъ затруднять дѣтей. Слѣ-

довательно, если дѣти, все-таки, не находятъ для себя удовольствія въ этомъ чтеніи, то естественно заключить, что они глухи и слѣпы къ художественнымъ красотамъ Тургеневскихъ «Записокъ», т.-е. къ художественности въ разсказахъ вообще. Не будемъ, однако, торопиться съ утвержденіемъ этого факта, и тѣмъ болѣе—выводить отсюда, что художественность обременяетъ дѣтское чтеніе, не нужна въ немъ и безполезна.

Правда, просматривая имѣющуюся у насъ библіотечку, нельзя не видѣть, что наибольшее невниманіе оказано дѣтьми именно такимъ разсказамъ, гдѣ условія художественности и литературности кажутся, съ нашей точки зрѣнія, наиболѣе удовлетворительными. Съ другой стороны, большая часть разсказовъ, удостоенныхъ ихъ живѣйшаго вниманія, далеко не могутъ похвалиться этими достоинствами. Но заключать *отсюда*, что дѣти вполнѣ отрицательно относятся къ художественности вообще, нельзя. Можно указать цѣлый рядъ *другихъ* причинъ, которыя способны вполнѣ объяснить этотъ выборъ дѣтей, и въ послѣдней главѣ мы и назовемъ эти причины. Одно можно утверждать положительно: ясно, что дѣти вообще довольно равнодушны къ художественности и литературности разсказа, что всякое длинное описаніе, какъ-бы оно ни было художественно, для нихъ скучно и не интересно, и что, наконецъ, одна литературная живопись типовъ, безъ фабулы и дѣйствія, не доставляетъ имъ никакого удовольствія и наслажденія...

Само собою разумѣется, въ этихъ показаніяхъ опыта нѣтъ рѣшительно ничего страннаго и непонятнаго; было-бы болѣе удивительно, еслибъ было иначе. Можно-ли ожидать, напр., отъ дѣтей, чтобы они различали литературныя достоинства изложенія и стиля? Конечно, нѣтъ. Они сами только-что научились кое-какъ говорить, и рѣчь ихъ полна неправильностями и, во всякомъ случаѣ, далека отъ того, что называемъ мы литературностью слога. Слѣдовательно, внутренняго критерія здѣсь у нихъ нѣтъ. Литературность-же вкуса образуется очень медленно, подъ вліяніемъ хорошаго чтенія и, обыкновенно, при содѣйствіи критической мысли. Правда, въ слогѣ они всегда предпочтутъ простоту, но вѣдь не всякая простота—изящна и литературна. Понятно, однако, что *литературная* простота весьма желательна въ дѣтскихъ разсказахъ.

Столь-же простыми, естественными причинами объясняется и вышеупомянутое равнодушіе дѣтей къ художественнымъ достоинствамъ литературнаго произведенія. Прежде всего, однако, надо различать художественность *описаній* (картинъ природы, извѣстной обстановки)

отъ художественности *типовъ*. Только къ первой мы имѣемъ основанія считать дѣтей равнодушными. Объясненіе этому факту слѣдуетъ искать въ психологіи дѣтскаго возраста. Въ самомъ дѣлѣ: если мы наслаждаемся художественнымъ описаніемъ, напр., какой-нибудь картины природы, то причина этого, первымъ дѣломъ, заключается въ томъ, что сами реальныя картины природы способны доставлять намъ наслажденіе. Удовольствіе-же, получаемое при созерцаніи художественнаго воспроизведенія ихъ, только осложняется еще пріятнымъ чувствомъ сознанія могущества этой воспроизводящей силы искусства и пріятнымъ изумленіемъ передъ этою силой. Естественно, повидимому, заключить отсюда, что равнодушіе дѣтей къ художественности литературныхъ описаній слѣдуетъ объяснить ихъ равнодушіемъ къ живымъ картинамъ самой природы, т.-е. отсутствіемъ или слабымъ развитіемъ въ нихъ эстетическаго чувства. Но такое заключеніе было-бы слишкомъ поспѣшно. Вопросъ здѣсь нѣсколько сложнѣе. Если мы допустимъ даже, что эстетическое чувство у дѣтей (до извѣстнаго возраста) почти совершенно отсутствуетъ, то все-же у нихъ всегда существуетъ интересъ, любознательность, наконецъ, простое любопытство къ явленіямъ и картинамъ природы. Гроза, шумъ лѣса, одинокая избушка въ лѣсу, рѣчка въ зеленыхъ берегахъ, горы, уходящія вершинами въ облака,—все это способно остановить на себѣ ихъ вниманіе, и, притомъ, не только въ живой, рельефной дѣйствительности, но и *на картинкахъ*. Извѣстна страсть дѣтей *къ разсматриванію* такихъ картинокъ. Почему-же, спрашивается теперь, тѣ-же образы и картины дѣйствительности, художественно изображенные *писателемъ*-художникомъ, отталкиваютъ отъ себя дѣтей и заставляютъ ихъ скучать? Почему по отношенію къ нимъ не проявляются ихъ вышеупомянутыя любознательность и любопытство? Причина этого лежитъ, очевидно, не столько въ состояніи дѣтскаго эстетическаго чувства, сколько въ самомъ характерѣ и сущности литературной живописи. Эта живопись *рисуетъ не на полотнѣ, а въ нашемъ сознаніи*, и требуетъ для созерцанія, такъ сказать, *умственнаго внутренняго глаза*, притомъ—весьма изощреннаго. Она вся разсчитана на *развитое* воображеніе, и—что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—на воображеніе, уже обогащенное массою разнообразныхъ картинъ изъ реальной дѣйствительности. Именно здѣсь, въ этихъ требованіяхъ литературной живописи, лежитъ главная причина равнодушія дѣтей къ ея произведеніямъ.

Воображеніе у дѣтей работаетъ сильно, но формы его элементарны. Они живо, даже до галлюцинацій, могутъ вообразить чорта съ рож-

ками, безобразное чудище—Змія Горыныча, Кащея безсмертнаго, и т. п., но описаніе, наприм., волнующейся ржи, тихо шумящаго зеленаго лѣса, знойнаго лѣтняго дня съ молчаливыми переливами свѣта и тѣней—не вызоветъ въ ихъ воображеніи *живой картины*: особенно, если они не видали когда-нибудь точно такихъ-же картинъ въ дѣйствительности. А въ такомъ случаѣ *описаніе* ничего не говоритъ ихъ эстетическому чувству, или говоритъ очень мало и смутно; понятно, что такое неполное смутное созерцаніе разрушаетъ цѣлостность эстетическаго впечатлѣнія и не можетъ доставить удовольствія.

Позволимъ себѣ привести здѣсь въ высокой степени интересныя показанія, по нашему вопросу, самихъ дѣтей. Заимствуемъ ихъ изъ книги «Что читать народу?» (т. II). «Сказка «Круглый годъ» (пер. Марка Вовчка),—говоритъ одна изъ учительницъ,—состоитъ изъ *поэтическаго описанія четырехъ временъ года*. Дѣти слушали ее *индифферентно*.—А кто изъ васъ любитъ *описанія природы*?—спросила учительница.—*Я не люблю*,—отвѣчаетъ откровенно одинъ изъ мальчиковъ, — *гораздо интереснѣе какая-нибудь исторія*. — Лучше всего *страшная*,—сказалъ еще одинъ.—Нѣтъ, *жалкая* лучше,—замѣтилъ его сосѣдъ. — А я люблю *смотрѣть на природу*, — замѣтилъ еще одинъ,—*смотрѣть хорошо*, а *описывать*, по моему, *вовсе не нужно!..*»

Но если изъ равнодушія дѣтей къ художественнымъ достоинствамъ литературныхъ произведеній и нельзя заключить объ отсутствіи у нихъ эстетическаго чувства, то, во всякомъ случаѣ, существуютъ другія—психологическія—основанія, которыя позволяютъ утверждать слабость развитія у дѣтей этого чувства. Присоединяя этотъ психологическій фактъ къ упомянутымъ требованіямъ литературной живописи,—удовлетворить которыхъ дѣти не въ состояніи,—мы получаемъ истинное объясненіе дѣтскаго равнодушія къ художественности въ литературѣ.

Слѣдуетъ-ли отсюда, однако, что художественность въ дѣтскомъ чтеніи неумѣстна и что ее слѣдуетъ избѣгать? Конечно, нѣтъ. Эстетическое чувство—высокая и очень цѣнная способность нравственной природы человѣка. Высокая, потому что это чувство тѣсно связано (при гармоническомъ развитіи способностей человѣка) со всѣмъ его нравственнымъ міромъ и является наиболѣе характерной, истинно человѣческой способностью; цѣнная, потому что, въ силу этой связи, можетъ служить,—сознательно или безсознательно,—могучимъ орудіемъ его нравственнаго совершенствованія: она облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка. Поэтому: если эстетическое чувство у дѣтей слабо, то необходимо развивать его. Какимъ путемъ, какими средствами

ближе и раціональнѣе достигается эта цѣль—вопросъ особый: несомнѣнно только, что однимъ изъ такихъ средствъ можетъ и должна быть дѣтская литература. При этомъ, само собою разумѣется, что только *художественнымъ* воспроизведеніемъ дѣйствительности можетъ она послужить этой цѣли. Въ пользу описаній природы можно привести еще такой доводъ: масса городскихъ дѣтей обыкновенно очень рѣдко или очень мало бываетъ и живетъ въ деревнѣ. Нечего и говорить о вредѣ такой печальной оторванности дѣтей отъ природы. Но для многихъ изъ нихъ правдивыя, живыя описанія картинъ природы могли-бы, *до нѣкоторой степени*, замѣнить дѣйствительность, могли-бы возбудить и развить въ нихъ стремленіе и вкусъ къ природѣ, и, такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ, пополнить односторонность и сухость ихъ дѣтскаго міросозерцанія.

Но каковы-же, въ такомъ случаѣ, должны быть особенности дѣтской литературной живописи? Что она, эта живопись, можетъ быть различна, ясно, напр., изъ сравненія Тургенева съ Гоголемъ. Ихъ описанія природы, ихъ типы—одинаково высоко-художественны и поэтичны; но какая глубокая разница какъ въ силѣ ихъ красокъ, такъ и въ рельефности ихъ картинъ и образовъ! Тургеневъ пишетъ акварелью, Гоголь—густыми масляными красками. Чтобы живопись перваго говорила эстетическому чувству столь-же сильно и доставляла такое-же глубокое наслажденіе, какъ и живопись Гоголя, необходимо обладать очень тонко-развитымъ эстетическимъ чутьемъ. Поэтому тамъ, гдѣ читатель скучаетъ съ Тургеневымъ, онъ могъ-бы наслаждаться съ Гоголемъ, потому что даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній не даетъ неразвитому эстетическому чувству опредѣленной картины или образа, онъ все-же, силой своихъ красокъ и своей образностью, смутно потрясаетъ это чувство и заставляетъ его сосредоточиваться. Въ силу этого Гоголь, напр., былъ-бы понятнѣе дѣтямъ, чѣмъ Тургеневъ.

Конечно, трудно подражать этимъ геніальнымъ художникамъ пера, трудно выяснить самую тайну ихъ художественнаго творчества; но можно учиться у нихъ. Для нашей-же цѣли достаточно сдѣлать слѣдующіе выводы: чѣмъ *рѣзче* очерчены картины и образы, чѣмъ *меньше* въ нихъ штриховъ, но чѣмъ *характернѣе* они и чѣмъ *гуще* наложены краски, тѣмъ понятнѣе они дѣтямъ; чѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ эти картины и образы *на дѣтское чувство*, т.-е. чѣмъ больше вызываютъ они въ дѣтяхъ радости, смѣха, ужаса и жалости, тѣмъ легче возбудить и привлечь къ описанію ихъ вниманіе (Вспомните вышеприведенные взгляды дѣтей изъ «Что читать народу?» Одинъ лю-

битъ «страшное», другой—«жалкое»; и то, и другое служитъ одной изъ причинъ ихъ общей любви къ «исторіямъ»). Кромѣ того, имѣя въ виду неспособность дѣтскаго воображенія къ созерцанію *сложныхъ* картинъ, необходимо, первымъ дѣломъ, заботиться о простотѣ ихъ, о ихъ, такъ сказать, концентраціи и цѣлостности. Только тогда дѣтскій глазъ сможетъ обнять картину сразу и получитъ эстетическое впечатлѣніе...

Что касается художественности *типовъ*, то желательность и важность ихъ въ дѣтскомъ чтеніи и подавно не можетъ быть предметомъ спора. Дѣти, конечно, не цѣнятъ художественныхъ красокъ типа, не чувствуютъ при созерцаніи его удовольствія отъ сознанія творческаго могущества человѣка; но, понятно, живое лицо, живой человѣкъ дѣйствуютъ на нихъ сильнѣе и болѣе способны заинтересовать ихъ. Чѣмъ живѣе и рельефнѣе рисуется въ ихъ воображеніи герой ихъ разсказа, тѣмъ больше привлекаетъ онъ къ себѣ вниманія. Отсюда и проистекаетъ существенная необходимость въ дѣтскомъ чтеніи *картинокъ*, на которыхъ изображается какъ герой разсказа, такъ и цѣлыя сцены. Рисунокъ приходитъ здѣсь на помощь дѣтскому воображенію; и чѣмъ *не художественнѣе* разсказъ, тѣмъ необходимѣе такая помощь. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что только *художественно* исполненный образъ самъ собой вызываетъ воображеніе къ дѣятельности и способствуетъ его развитію, и только такой путь развитія образнаго воображенія ведетъ къ постепенному образованію въ дѣтяхъ эстетическаго чутья и вкуса къ истинно-художественной литературѣ.

IV.

Въ этой заключительной главѣ мы постараемся объяснить на типическихъ примѣрахъ неудачу у дѣтей нѣкоторыхъ дѣтскихъ книжекъ и укажемъ недостатки ихъ съ установленныхъ нами точекъ зрѣнія.

Мы уже имѣли случай упоминать о «Муму» Тургенева и о «Дѣтяхъ подземелья» Вл. Короленка. Мы назвали эти разсказы идеальными, потому что въ нихъ въ идеальной гармоніи соблюдены всѣ условія, требуемыя нами отъ настоящаго идейнаго дѣтскаго чтенія. Они, конечно, не единственные въ нашей дѣтской литературѣ, но мы, указываемъ на нихъ лишь какъ на типъ прекраснаго дѣтскаго чтенія. Высокая идейность, художественность описаній и типовъ, простота и занимательность фабулы и, наконецъ, образцовая литератур-

ность изложенія — вотъ эти достоинства. Интересъ, обнаруживаемый къ нимъ дѣтьми, санкціонируетъ нашу оцѣнку. Могутъ, конечно, встрѣтиться дѣти, которымъ эти разсказы и не понравятся; но это лишь свидѣтельствуетъ о томъ, какъ необходимо для дѣтей истинно хорошее, художественное чтеніе, чтобы постепенно развить ихъ литературные вкусы и открыть имъ доступъ къ эстетическимъ и нравственнымъ наслажденіямъ. Правда, указанные два образца далъ намъ высокій талантъ, вдохновленный высокой мыслью, и нелѣпо, конечно, требовать отъ каждаго дѣтскаго писателя такого таланта; но ужъ безъ «высокой»-то мысли, по нашему мнѣнію, лучше и не писать для дѣтей...

Желая, по возможности, сократить эту послѣднюю главу, мы ограничимся въ своихъ критическихъ комментаріяхъ лишь нѣсколькими наиболѣе типическими разсказами; содержаніе ихъ будемъ считать извѣстнымъ читателю. Начнемъ, напримѣръ, съ «Макара»—разсказа г-жи Кл. Лукашевичъ. Разсказъ этотъ специфически дѣтскій, со всѣми недостатками подобныхъ разсказовъ; читается онъ дѣтьми неохотно. О художественной сторонѣ его говорить нечего--она отсутствуетъ. Для насъ онъ представляетъ интересъ лишь съ идейной стороны. Авторъ видимо преслѣдуетъ идейную цѣль: онъ желаетъ возбудить въ читателяхъ сочувствіе къ одинокому старику, сторожу при гимназіи. Однако для этой цѣли необходимо было-бы гораздо глубже раскрыть предъ дѣтьми душу этого старика, чтобы ярче обнаружить всю тоску его одинокой жизни и всю жестокость отношеній къ нему шалуновъ-гимназистовъ. Но авторъ ограничился лишь двумя чувствительными эпизодами: первый изъ нихъ (исторія съ больной птичкой) очерченъ слишкомъ поверхностно и понадобился лишь для того, чтобы завязать знакомство между гимназистомъ Мишей и старикомъ сторожемъ. Вслѣдствіе этого вниманіе читателя отвлекается отъ самого старика и его горе (съ больной птичкой) не вызываетъ надлежащаго сочувствія. Второй эпизодъ (прощанье Миши съ Макаромъ на вокзалѣ), хотя и растянутъ несоразмѣрно съ разсказомъ, но производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Неудача этого разсказа обусловливается, главнымъ образомъ, его техническими недостатками: въ немъ нѣтъ ни связной интересной фабулы, ни достаточнаго движенія. Одна пятая часть всего разсказа занята внѣшней характеристикой Макара; другая—внутренней характеристикой; третья содержитъ краткій эпизодъ знакомства Миши съ Макаромъ; четвертая—повѣствованіе (но отнюдь не живое дѣйствіе) о томъ, какъ Миша посѣщалъ старика и какъ они разговаривали о цвѣтахъ (разговоры, лишенные всякаго

интереса); и, наконецъ, упомянутая сцена на вокзалѣ. Такимъ образомъ, невниманіе къ этому разсказу дѣтей совершенно понятно.

Несравненно выше этого разсказа стоитъ, напримѣръ, «Емеля Охотникъ» Мамина, хотя и онъ не пользуется особеннымъ вниманіемъ дѣтей. Идейность его удовлетворила-бы насъ, если-бы ею былъ проникнутъ весь разсказъ; но она, къ сожалѣнію, сосредоточена лишь въ концѣ книжки (эпизодъ съ оленемъ-теленочкомъ) и производитъ слишкомъ бѣглое впечатлѣніе. Все-таки,—какъ читаемъ мы въ книгѣ «Что читать народу?» (т. II), — «чувство милосердія стараго дѣда (Емели) къ беззащитному животному (къ теленочку) вызывало въ дѣтяхъ общее сочувствіе»; но, повторяемъ, это впечатлѣніе слишкомъ мимолетно. Какъ художественное и литературное произведеніе, этотъ разсказъ безукоризненъ (за это можетъ ручаться уже одно имя автора), но именно здѣсь лежитъ отчасти причина его неудачи у дѣтей: слишкомъ ужъ преобладаетъ въ немъ описательный и повѣствовательный элементы. Описаніе мѣстности, гдѣ происходитъ дѣйствіе, Емелиной избушки и лѣса, гдѣ бродитъ Емеля, ища для Гришутки теленочка, занимаетъ треть разсказа—это слишкомъ много для дѣтской книжки; притомъ, эти описанія недостаточно приспособлены для дѣтей. Но главная причина неудачи этого симпатичнаго разсказа лежитъ, опять-таки, въ отсутствіи связной фабулы и въ недостаткѣ движенія. Нельзя не пожалѣть, что такой опытный писатель, какъ Маминъ-Сибирякъ, обратилъ такъ мало вниманія на эту сторону. Еще болѣе достойно сожалѣнія и даже упрека, что центральной фигурой своего разсказа онъ взялъ оленя и его теленочка, а не этого бѣднаго старика Емелю и не его больного Гришутку. Не гораздо-ли большее сочувствіе способно вызвать въ насъ ихъ труженическая жизнь въ лѣсныхъ дебряхъ? А потрясающая исторія,—о которой авторъ лишь обмолвился,—о томъ, какъ мать Гришутки собственной жизнью спасла своего сынишку отъ жадныхъ волковъ? Не была-ли она въ тысячу разъ болѣе достойна вниманія автора? Съ какою яркостью и занимательностью имѣлъ-бы онъ здѣсь случай изобразить все безъисходное труженичество, всѣ опасности и страданія незнакомой намъ, далекой жизни этихъ поистинѣ бѣдныхъ, несчастныхъ людей... И можно-ли сравнить идейное вліяніе такого разсказа съ вліяніемъ эпизода съ маленькимъ теленочкомъ?..

Весьма поучительнымъ является разсказъ Вучетича «Митина нива». Прекрасно изложенный и поэтическій, онъ способенъ произвести сильное впечатлѣніе и на многихъ взрослыхъ; но у дѣтей онъ опять-таки не пользуется удачей. Фабула совершенно отсутствуетъ;

дѣйствія нѣтъ; кромѣ того, для дѣтскаго разсказа онъ слишкомъ обремененъ описательнымъ элементомъ, несмотря на прелесть и картинность этихъ описаній (Первыя 5 стр. сплошь заняты описаніемъ мѣста, гдѣ происходитъ дѣло, покоса и нивъ). Здѣсь мы можемъ указать, какъ на примѣръ неудачныхъ для дѣтскаго созерцанія картинъ, на слѣдующее описаніе: «Тамъ, гдѣ кончаются покосы, ближе къ селу, желтѣютъ и зеленѣютъ хлѣбныя нивы, *шахматами* чередуясь съ распаханными подъ озимь полями, гречихой и льномъ, сплошь покрытымъ лазоревыми цвѣтами». Понятно, что такая картина, очень хорошо знакомая и много говорящая намъ, слишкомъ *сложна* для дѣтей, и ихъ внутренній глазъ не въ состояніи ее обнять Здѣсь-же мы имѣемъ примѣръ недостаточнаго сообразованія со складомъ дѣтскаго міросозерцанія: «...высокая, сочная трава съ каждымъ размахомъ косы вздрагивала, склоняла *свою голову* (неудачная метафора) и падала на землю. *Что-то невыразимо грустное было въ этихъ поклонахъ: разставаясь съ жизнью, она отдавала природѣ свой послѣдній привѣтъ*». Такія уподобленія очень странны и малопонятны для дѣтей, смотрящихъ на все прямыми, реальными глазами. Слѣдуетъ еще сказать два слова объ идейной сторонѣ разсказа. Безспорно, онъ пробуждаетъ въ читателѣ самое живое сочувствіе къ заблудившемуся и погибшему во ржи малюткѣ Митѣ и къ его родителямъ. На это именно *такое потрясеніе* дѣтской души, которое съ трудомъ можетъ быть названо *идейнымъ*. Нервы затрагиваются здѣсь сильнѣе, чѣмъ сердце. Возбуждая жалость, разсказъ не трогаетъ мысли, не заставляетъ задумываться. Автору слѣдовало очертить это событіе полнѣе, слѣдовало дать цѣлую картинку изъ деревенскаго быта, а онъ только жалостнымъ образомъ погубилъ малютку на глазахъ дѣтей и лишь въ концѣ разсказа коснулся родителей Мити. Какъ, почему могутъ случаться въ деревнѣ подобныя несчастія — авторъ ни слова не упомянулъ объ этомъ. Такимъ образомъ, дѣти, особенно интеллигентныя, остаются въ полнѣйшемъ невѣдѣніи о той жестокой необходимости, которая разлучаетъ въ деревнѣ родителей отъ дѣтей и обрекаетъ послѣднихъ на полную заброшенность и на произволъ всякой случайности...

Какое рѣшающее вліяніе имѣетъ на выборъ дѣтей мало-мальски связная фабула, показываетъ, напр., разсказъ Ахшарумова «Гнѣдко». О художественности въ немъ нѣтъ и помину; литературные пріемы крайне примитивны; но за-то здѣсь есть *разсказъ*, т.-е. нѣчто связное и цѣльное, есть смѣна картинъ и дѣйствій. Особеннаго нашего вниманія этотъ разсказъ заслуживаетъ потому, что авторомъ взятъ въ

немъ интересный и въ идейномъ отношеніи въ высокой степени благодатный сюжетъ—*столкновеніе интеллигентнаго мальчика съ крестьянской средой*. Именно на почвѣ такого столкновенія, по нашему мнѣнію, легче всего знакомить интеллигентныхъ дѣтей съ народной жизнью и удобнѣе возбуждать истинно идейные вопросы о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Вспомните, что и прекрасный разсказъ Вл. Короленка («Дѣти подземелья») построенъ именно на такой благодатной почвѣ.

Какъ на примѣръ *узкихъ* въ идейномъ отношеніи культурныхъ драмъ, можно указать на цѣлый рядъ произведеній Ольги Шмидтъ-Роговой,—дѣтской писательницы по преимуществу («Мурка», «Потерянный клубокъ», «Лидочкинъ подарокъ» и нѣк. др.). Въ первомъ изъ названныхъ разсказовъ («Мурка») сердце героини дѣвочки потрясается видомъ несчастной сосѣдки (по дачѣ), такой-же маленькой дѣвочки, съ *параличными ногами;* этотъ видъ такъ трогаетъ нашу героиню, что она, скрѣпя сердце, рѣшается разстаться съ своимъ любимымъ котеночкомъ, чтобы только утѣшить безногую подругу. Во второмъ («Потерянный клубокъ») повѣствуется о томъ, какъ маленькая Лиза утащила у тети клубокъ нитокъ, и какъ потомъ она раскаялась, во всемъ призналась и, въ искупленіе своей вины, связала тетѣ къ имянинамъ чулки. Наконецъ, въ послѣднемъ («Лидочкинъ подарокъ») рѣчь идетъ о томъ, какъ Лидочка задумала собственными силами сшить къ именинамъ своего крошки-брата нагрудничекъ, и какъ она волновалась и мучилась съ этимъ нагрудничкомъ. Какъ видите, разсказики разсчитаны на возбужденіе весьма не высокихъ и не сильныхъ эмоцій, и мораль ихъ весьма узка и прѣсна. Всѣ они читаются дѣтьми съ бо́льшимъ или мѐньшимъ интересомъ (особенно «Мурка»), но, тѣмъ не менѣе, составительницы книги «Что читать народу?» (т. II) поступаютъ совершенно справедливо, неохотно вообще рекомендуя для дѣтей подобное чтеніе.

Намъ остается указать еще на одинъ весьма распространенный типъ дѣтскаго чтенія. Образцами могутъ служить: «Бѣлячекъ», «Разореное гнѣздо» А. Сливицкаго, «Веселая зима» О. Сергіевской, «Приключенія 12-лѣтняго мальчика» Евг. Дмитревскаго и мн. др. Отличительная черта этихъ разсказовъ—полное отсутствіе какой-либо опредѣленной, а тѣмъ болѣе—идейной, цѣли; главная задача ихъ—позабавить дѣтей. Противъ такихъ разсказовъ мы не имѣли-бы рѣшительно ничего, если-бы нельзя было употребить время, отнимаемое у дѣтей такимъ чтеніемъ, съ бо́льшею пользою; напр., для игръ, для прогулокъ и, вообще, для физическихъ упражненій, въ

которыхъ дѣти, конечно, очень нуждаются. Тѣмъ болѣе, что большая часть подобныхъ разсказовъ совершенно пустые и мало интересные для дѣтей; это именно такіе разсказы, «прослушавши которые, дѣти расходятся молча, безъ разспросовъ и замѣчаній,—видимо не заинтересованныя прочитаннымъ» (см. «Что читать народу?», «Бѣлячекъ», т. II). Изъ названныхъ разсказовъ этой категоріи составляетъ исключеніе лишь «Разореное гнѣздо», которое читается и перечитывается дѣтьми съ увлеченіемъ. Этотъ разсказъ весьма поучителенъ и характеренъ: *въ немъ совершенно отсутствуетъ описаніе и повѣствованіе.* За-то онъ представляетъ непрерывную смѣну картинъ и дѣйствій, написанныхъ очень живо и интересно. Фабулы, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ и здѣсь; но есть цѣлый рядъ эпизодовъ, связанныхъ между собою постоянствомъ дѣйствующаго героя (медвѣженка). Особенный успѣхъ этой книжки у дѣтей только доказываетъ лишній разъ на опытѣ, какъ важны и необходимы въ дѣтскомъ чтеніи: *маломальски связная фабула, живость разсказа и быстрая смѣна картинъ и дѣйствій.*

В.—линъ.

Къ вопросу о приготовленіи преподавателей гимназій.

Въ статьѣ проф. Модестова, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Школы» за текущій годъ *), выяснена уже отчасти несостоятельность проекта, внесеннаго недавно въ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, о способѣ приготовленія преподавателей гимназій. Проф. Модестовъ, въ противоположность мнѣнію автора упомянутаго проекта, полагаетъ, что лучшимъ способомъ приготовленія преподавателей гимназій, знакомыхъ основательно какъ съ даннымъ спеціальнымъ предметомъ преподаванія, такъ и съ лучшими методами и пріемами преподаванія его, слѣдуетъ признать возстановленіе давно уже закрытаго Педагогическаго института. При этомъ проф. Модестовъ не подвергъ подробному и всестороннему анализу мнѣній автора проекта относительно устройства образцовой во всѣхъ отношеніяхъ гимназіи, при которой предположено было учрежденіе особаго педагогическаго института, коему собственно и должна быть ввѣрена педагогическая подготовка будущихъ учителей. Имѣя въ виду, что авторъ проекта Ученаго Комитета опирается въ своемъ планѣ, главнымъ образомъ, на книгу проф. Германа Шиллера «Pädagogische Seminarien für das höhere Lehramt», Leipzig, 1870, проф. Модестовъ считалъ нужнымъ остановиться на оцѣнкѣ этой книги и, указавъ на непримѣнимость къ нашей школѣ многихъ изъ требованій Германа Шиллера, выяснилъ значеніе бывшаго Педагогическаго института и ту пользу, какой можно было-бы ожидать отъ возстановленія его для подготовленія знающихъ и дѣльныхъ преподавателей нашихъ гимназій.

Считая, съ своей стороны, сложный и крайне спорный вопросъ о лучшемъ способѣ приготовленія преподавателей среднеучебныхъ заведеній вопросомъ еще совершенно открытымъ, мы имѣемъ въ виду въ предлагаемой замѣткѣ познакомить нашихъ читателей съ достой-

*) «Русская Школа», апрѣль 1893 г., стр. 59—73.

ными серьезнаго вниманія мыслями одного изъ членовъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, г. Л. Лаврентьева, по вопросу о приготовленіи преподавателей гимназіи, пользуясь для этого имѣющеюся въ нашихъ рукахъ печатною запискою названнаго члена Ученаго Комитета, озаглавленною очень скромно: «О пунктѣ 3-мъ проекта журнала Ученаго Комитета, по дѣлу о приготовленіи преподавателей гимназіи».

Записка почтеннаго автора, очевидно хорошо знакомаго съ достоинствами и недостатками нашихъ преподавателей гимназій не на основаніи лишь кабинетнаго изученія отчетовъ о состояніи гимназій, а на основаніи долгихъ и многочисленныхъ наблюденій надъ постановкою учебнаго дѣла въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, при небольшомъ числѣ страницъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ въ высшей степени цѣнныхъ практическихъ указаній, изложенныхъ съ полною объективностью и категоричностью убѣжденнаго въ своихъ мнѣніяхъ человѣка. Записка распадается на двѣ части: 1) въ первой части ея доказывается, почему устройство педагогическаго института, предположеннаго авторомъ проекта о способѣ приготовленія преподавателей гимназій при одной изъ нихъ, представляется, по мнѣнію автора разсматриваемой нами записки, совершенно неосуществимымъ на дѣлѣ; 2) во второй-же части записки авторъ ея показываетъ, какъ, по его мнѣнію, должно быть организовано дѣло приготовленія учителей среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.

Еслибъ мы захотѣли познакомить нашихъ читателей со всѣми доводами, приведенными почтеннымъ авторомъ записки противъ внесеннаго въ Ученый Комитетъ проекта о способѣ приготовленія преподавателей гимназій, мы должны были-бы почти перепечатать дословно большую часть записки: настолько многіе изъ приведенныхъ доводовъ кажутся намъ убѣдительными. Мы ограничимся, поэтому, только указаніемъ на главнѣйшія изъ приведенныхъ авторомъ записки возраженій противъ 3-го пункта проекта журнала Ученаго Комитета—по дѣлу о приготовленіи преподавателей гимназій. Въ пунктѣ-же этомъ говорится, что собственно педагогическая подготовка будущихъ учителей гимназій должна быть ввѣрена особому педагогическому институту, учреждаемому при какой-либо образцовой во всѣхъ отношеніяхъ гимназіи, директоръ и преподаватели которой вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ руководителями кандидатовъ, приготовляющихся къ педагогическому поприщу.

Почтенный авторъ разсматриваемой записки доказываетъ прежде всего, что устройство *какой-либо образцовой во всѣхъ отношеніяхъ*

гимназіи является не только дѣломъ совершенно неосуществимымъ на практикѣ, но и теоретически, по своей идеѣ несостоятельнымъ. И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ записки, что самый вопросъ о томъ, какое преподаваніе слѣдуетъ считать образцовымъ въ томъ или другомъ случаѣ, можетъ подлежать весьма разнообразному рѣшенію, смотря по тому, какъ именно желало-бы устроить это преподаваніе то или другое лицо, какого взгляда оно придерживается и чему отдаетъ предпочтеніе. Да и можно-ли въ самомъ дѣлѣ указать на такую гимназію, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ было-бы поставлено образцовымъ образомъ, если даже не признавать этого термина условнымъ? Вѣдь въ дѣйствительности преподаваніе однихъ предметовъ поставлено лучше въ одномъ учебномъ заведеніи, а преподаваніе другихъ предметовъ—въ другомъ. Да и самый составъ преподавателей, отъ которыхъ и зависитъ лучшая или худшая постановка того или другого предмета въ данномъ учебномъ заведеніи, представляетъ собственно перемѣнную величину.

Доказавъ, что образцовой гимназіи не существуетъ, г. Лаврентьевъ доказываетъ, и притомъ весьма рельефно, какую массу непреодолимыхъ затрудненій пришлось-бы встрѣтить на практикѣ, если-бы потребовалось опредѣлить не только, какую гимназію считать образцовой, но даже какую изъ гимназій обширной Россійской имперіи считать одной изъ лучшихъ

«Если педагогическій институтъ, — говоритъ г. Лаврентьевъ, — нельзя открыть ни при образцовой гимназіи, такъ какъ таковой не существуетъ, ни при одной изъ лучшихъ, за невозможностью найти таковую, то, при желаніи открыть его непремѣнно при гимназіи, остается учредить его при первой попавшейся, все равно, при той, другой или третьей, лишь-бы при гимназіи, и ввѣрить директору оной руководство и всю педагогическую подготовку, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, будущихъ учителей. Кто-же будетъ этимъ руководителемъ, имѣющимъ такое громадное вліяніе на будущихъ учителей, а черезъ нихъ и на подростающее поколѣніе въ гимназіяхъ? Кто будетъ директоромъ этой привиллегированной гимназіи?—спрашиваетъ г. Лаврентьевъ.—За отсутствіемъ въ настоящее время въ Россійской имперіи Амосовъ Коменіусовъ, Песталоцци и Дистервеговъ, руководителемъ этимъ,—отвѣчаетъ г. Лаврентьевъ,—можетъ быть ни кто другой, какъ одинъ изъ нашихъ, хотя и весьма почтенныхъ, но самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ директоровъ, состоящихъ въ чинѣ статскаго или дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Другими словами, врядъ-ли на кого-либо изъ директоровъ гимназій можно возложить

тѣ въ высшей степени серьезныя и отвѣтственныя обязанности, которыя предлагаются ему проектомъ, да и врядъ-ли кто таковыя на себя возьметъ».

Устройство педагогическаго института при одной гимназіи представляется, по мнѣнію автора записки, неосуществимымъ на дѣлѣ и по многимъ другимъ основаніямъ:

a) Директоръ гимназіи, если желаетъ вполнѣ добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, имѣетъ и въ настоящее время такъ много занятій по учебному заведенію, что взять на себя «главное завѣдываніе» всѣмъ дѣломъ по институту и «быть вполнѣ отвѣтственнымъ за его успѣхъ», какъ того требуется проектомъ журнала Ученаго Комитета, онъ будетъ положительно не въ состояніи.

b) Преподаватели гимназій, на которыхъ, по проекту, возложена не только практическая, но и теоретическая подготовка кандидатовъ, имѣя въ гимназіи, при нормальномъ ея устройствѣ, значительное количество уроковъ и состоя классными наставниками, никакой теоретической подготовки кандидатовъ взять на себя не могутъ. Практическая-же подготовка послѣднихъ, при обремененіи преподавателей занятіями по гимназіи, мало-по-малу сведется къ сообщенію кандидатамъ тѣхъ или другихъ практическихъ пріемовъ преподаванія, шаблонныхъ воззрѣній и рутинерскихъ навыковъ, которые стали-бы разноситься по Россійской имперіи, какъ неоспоримыя и непогрѣшимыя истины, что, очевидно, не можетъ быть желательнымъ.

c) Гимназія, при которой существовалъ-бы подобный педагогическій институтъ съ 24 кандидатами двухъ факультетовъ (историко-филологическаго и физико-математическаго), мало-по-малу превратилась-бы въ опытное поле, на которомъ педагоги-руководители и педагоги-руководимые производили-бы свои болѣе или менѣе удачные эксперименты, а гимназисты, служащіе объектомъ этихъ экспериментовъ, врядъ-ли могли-бы чему-нибудь серьезно научиться.

Всѣ эти возраженія почтеннаго автора записки противъ проекта журнала Ученаго Комитета, приведенныя нами почти цѣликомъ изъ разсматриваемой записки, представляются намъ весьма важными и убѣдительными. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ, на нашъ взглядъ, указаніе автора записки на то, что «*искусственное проведеніе въ жизнь одной оффиціальной, министерской педагогики, установляя монополію только извѣстныхъ способовъ преподаванія, отразилось-бы весьма вредно на всей педагогической литературѣ, и безъ того весьма небогатой, уничтожило-бы конкурренцію между однородными учебными заведеніями и подорвало-бы въ корнѣ всякое преподаваніе*».

Авторъ записки, очевидно, близко знакомый съ положеніемъ въ настоящее время учебнаго дѣла не въ однѣхъ только гимназіяхъ, но и вообще въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и озабоченный мыслью объ изысканіи мѣръ для улучшенія какъ теоретической, такъ и практической подготовки учительскаго персонала среднеучебныхъ заведеній, подчеркивая съ полнымъ основаніемъ недостатокъ хорошо подготовленныхъ преподавателей не только въ гимназіяхъ, но и въ реальныхъ училищахъ, совершенно справедливо утверждаетъ, что при томъ способѣ приготовленія учителей, какой указывается въ вышеприведенномъ 3-мъ пунктѣ проекта журнала Ученаго Комитета, требовалось-бы завести педагогическій институтъ, если уже стать на точку зрѣнія означеннаго проекта, не только при одной изъ гимназій, но и при одномъ изъ реальныхъ училищъ.

Если-бы въ разсматриваемой нами запискѣ заключались-бы лишь одни приведенныя нами возраженія на проектъ журнала Ученаго Комитета (а мы привели здѣсь еще не всѣ возраженія), то и это было-бы уже, по нашему мнѣнію, заслугою со стороны автора записки, дѣльныя практическія указанія котораго съ поразительною ясностью и трезвостью доказываютъ необходимость возможно болѣе серьезнаго, осторожнаго и многосторонняго обсужденія вопроса о способѣ приготовленія преподавателей какъ для гимназій, такъ и вообще для среднеучебныхъ заведеній. Но авторъ записки не удовольствовался лишь разоблаченіемъ несостоятельности проекта журнала Ученаго Комитета по этому вопросу, а даетъ намъ въ разбираемой запискѣ и нѣчто положительное, противопоставляя мнѣніямъ автора проекта журнала Ученаго Комитета по вопросу о приготовленіи учителей гимназіи свой собственный взглядъ на это дѣло, пытаясь разрѣшить трудную и многосложную задачу приготовленія дѣльныхъ и хорошо подготовленныхъ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній (а не только исключительно гимназій) болѣе реальнымъ путемъ.

Указавъ на недостатокъ теоретической и практической подготовки нашихъ современныхъ учителей, получающихъ университетскій дипломъ, и на отсутствіе у нихъ вполнѣ твердыхъ, основательныхъ и полныхъ познаній въ объемѣ гимназическаго курса по предмету избранной ими для преподаванія спеціальности, авторъ записки предлагаетъ слѣдующія, весьма разумныя на нашъ взглядъ, мѣры для приготовленія вполнѣ приготовленныхъ къ дѣлу преподователей.

Во-1-хъ. Для теоретической педагогической подготовки преподавателей авторъ записки считаетъ необходимымъ учрежденіе при одномъ изъ университетовъ, а впослѣдствіи и при всѣхъ, педагогической се-

минаріи для приготовленія учителей не только гимназій мужскихъ, но и женскихъ, а также и реальныхъ училищъ. Въ семинарію эту принимаются молодые люди, по окончаніи ими университетскаго курса и по выдержаніи установленнаго испытанія въ коммиссіяхъ историко-филологической и физико-математической, согласно съ тѣмъ, какъ это проектировано по отношенію къ педагогическому институту въ первыхъ двухъ пунктахъ проекта журнала Ученаго Комитета. Въ педагогической семинаріи, которая должна-бы находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и ближайшимъ руководствомъ назначеннаго для сего попечителемъ округа лица, молодые люди (на первое время не болѣе, какъ въ числѣ 12-ти) должны-бы оставаться не менѣе одного года и не болѣе двухъ лѣтъ. Занятія принятыхъ въ педагогическую семинарію молодыхъ людей должны состоять: a) въ пополненіи недостающихъ познаній по предметамъ гимназическаго курса и b) въ пріобрѣтеніи теоретическихъ познаній въ области общей педагогики, методики и дидактики отдѣльныхъ предметовъ. Занятія эти должны быть ведены, по возможности, исключительно лицами, принадлежащими къ университетской коллегіи, и только въ случаѣ крайней необходимости могли-бы быть приглашаемы и лица, посторонніе университету. Должность завѣдывающаго семинаріею должна быть безвозмездною и считаться почетною; занятія-же всѣхъ приглашаемыхъ имъ, съ разрѣшенія попечителя, преподающихъ въ семинаріи лицъ должны-бы оплачиваться особымъ вознагражденіемъ, установленнымъ сообразно той суммѣ, какая будетъ отпущена въ распоряженіе попечителя на сей предметъ. c) Организованная при университетѣ педагогическая семинарія должна быть поставлена въ ближайшую и непосредственную связь съ округомъ. Въ часы, свободные отъ университетскихъ занятій, кандидаты-педагоги должны посѣщать учебныя заведенія подъ руководствомъ и наблюденіемъ окружныхъ инспекторовъ, каждымъ по предмету своей спеціальности. Независимо отъ сего, окружные инспектора должны знакомить кандидатовъ съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который имѣется въ распоряженіи округа, какъ-то: съ поучительными во многихъ отношеніяхъ отчетами по учебнымъ заведеніямъ всего округа, письменными работами учениковъ, отзывами о нихъ, предложенными для письменныхъ испытаній темами и разборомъ сихъ послѣднихъ, протоколами педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній, результатами испытаній и т. п.

Во-2-хъ. Для пріобрѣтенія-же кандидатами-педагогами практической подготовки, по окончаніи занятій при университетѣ и при округѣ

въ теченіе одного года и не болѣе двухъ лѣтъ, кандидаты-педагоги назначаются попечителемъ округа сверхштатными учителями въ тѣ изъ учебныхъ заведеній, которыя онъ признаетъ въ данное время для того или другого лица наиболѣе пригодными, съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ одномъ и томъ-же учебномъ заведеніи одновременно было не болѣе двухъ лицъ. Директору заведенія руководство занятіями одного или двухъ кандидатовъ-педагоговъ не будетъ особенно затруднительно, такъ какъ на него не возлагается никакихъ обязанностей по теоретической подготовкѣ сверхштатныхъ преподавателей, а лишь обязанность посѣщать ихъ уроки, дѣлать имъ надлежащія указанія и въ извѣстные промежутки сообщать о ходѣ занятій сверхштатнаго преподавателя завѣдывающему семинаріею. Окружные инспектора могутъ также посѣщать уроки сверхштатныхъ преподавателей, ограничиваясь при этомъ лишь одними наблюденіями. Сверхштатнымъ преподавателямъ въ теченіе одного года и не болѣе двухъ лѣтъ должна выдаваться опредѣленная стипендія. По окончаніи-же этого срока сверхштатный преподаватель или назначается штатнымъ преподавателемъ, если онъ того достоинъ и имѣется свободная вакансія, или-же остается сверхштатнымъ, не получая только стипендіи, а продолжая получать вознагражденіе за даваемые уроки.

Только при такой постановкѣ дѣла, по убѣжденію автора разсматриваемой записки, т.-е. когда попечители сами будутъ заботиться о приготовленіи учителей для своего округа, можно ожидать благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ попечитель всегда знаетъ, какіе именно учителя ему нужны въ извѣстное время и всегда съумѣетъ употребить всѣ усилія для замѣщенія должностей наиболѣе достойными кандидатами.

Авторъ разсматриваемой записки, не будучи вовсе безусловнымъ поклонникомъ существующихъ въ Германіи способовъ приготовленія преподавателей гимназіи, считаетъ, однакожъ, не лишнимъ указать на то, что педагогическія семинаріи при университетахъ, подобныя проектированной въ разсматриваемой нами запискѣ, существуютъ и въ Германіи. Намъ нѣтъ, конечно, надобности подражать во всемъ Германіи: каждый народъ, каждое государство имѣетъ право и даже обязанность вырабатывать свои самостоятельныя учрежденія, самостоятельныя формы жизни. Но опытъ болѣе культурныхъ народовъ не можетъ и не долженъ быть нами игнорируемъ, въ особенности въ такомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ правильная постановка школьнаго дѣла. Поэтому, ссылка автора разсматриваемой записки на педагогическія семинаріи при германскихъ университетахъ имѣетъ свое

значеніе. Оказывается, что педагогическія семинаріи, подобныя проектированной авторомъ записки, существуютъ при нѣсколькихъ германскихъ университетахъ. Такова, напр., семинарія при Геттингенскомъ университетѣ для окончившихъ курсъ университета, готовящихся къ учительской дѣятельности, и особенно педагогическая семинарія при университетѣ въ Килѣ, основанная еще въ 1854 году. Вообще устройство педагогическихъ семинарій при университетахъ въ Германіи есть явленіе заурядное. Но, въ отличіе отъ существующихъ при германскихъ университетахъ педагогическихъ семинарій, г. Лаврентьевъ предлагаетъ проектированную имъ педагогическую семинарію поставить въ ближайшую связь съ округомъ и не отрывать ее отъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ кандидаты-педагоги будутъ дѣйствовать въ качествѣ учителей.

Выгода предлагаемаго г. Лаврентьевымъ проекта состоитъ, по его собственнымъ словамъ, въ томъ, что прошедшій чрезъ проектированную имъ педагогическую семинарію кандидатъ-педагогъ, получая отъ университета научное образованіе и теоретическую подготовку, изучаетъ при окружномъ управленіи цѣнный въ педагогическомъ отношеніи матеріалъ, знакомится со многими учебными заведеніями и самыми разнообразными способами преподаванія при участіи окружныхъ инспекторовъ, дѣйствуетъ самостоятельно какъ сверхштатный преподаватель подъ руководствомъ опытнаго директора и все время пользуется благожелательнымъ и участливымъ попеченіемъ лица, на котораго возложена почетная обязанность руководить подготовкою кандидатовъ-педагоговъ, именно руководителя педагогической семинаріи.

Таковъ проектъ почтеннаго автора записки, съ содержаніемъ которой мы считали нужнымъ подробно познакомить нашихъ читателей. Смѣемъ думать, что проектъ этотъ, исходящій отъ лица, очевидно близко знакомаго съ постановкою у насъ учебнаго дѣла и проникнутаго искреннимъ стремленіемъ къ устраненію его недостатковъ, заслуживаетъ того, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлало попытку къ осуществленію этого проекта, исходящаго изъ неоспоримо вѣрнаго положенія, что «*централизація въ учебно-педагогическомъ дѣлѣ приноситъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы*».

Указывая на необходимость скорѣйшаго осуществленія проекта г. Лаврентьева, мы вовсе не отрицаемъ той пользы, которую приносили болѣе правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ Россіи тѣ средства, какія до настоящаго времени были примѣняемы высшею учебною администраціею какъ Министерства Народнаго Просвѣщенія,

такъ и военно-учебныхъ заведеній для приготовленія преподавателей гимназій, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Мы убѣждены въ томъ, что и существовавшій столь долго въ Петербургѣ Педагогическій институтъ, и существующіе уже четверть вѣка историко-филологическіе институты въ Петербургѣ и Нѣжинѣ, и педагогическіе курсы, бывшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при второй военной гимназіи (нынѣ второй корпусъ)—всѣ послужили въ большей или меньшей степени на пользу учебному дѣлу, давъ окончившимъ въ нихъ курсъ молодымъ людямъ извѣстную теоретическую и практическую педагогическую подготовку. Подготовленные перечисленными педагогическими институтами и курсами преподаватели, конечно, болѣе подготовлены были къ преподавательской дѣятельности, чѣмъ преподаватели, переходящіе прямо съ университетской скамьи къ трудному и многосложному дѣлу преподаванія безъ всякаго малѣйшаго понятія о педагогикѣ, методикѣ и дидактикѣ и безъ малѣйшаго опыта въ дѣлѣ класснаго преподаванія. Съ этой точки зрѣнія мы готовы допустить, что учрежденіе педагогическихъ курсовъ при любой гимназіи для подготовляющихся къ преподавательской дѣятельности молодыхъ людей, окончившихъ университетъ по историко-филологическому или физико-математическому факультету, при правильной постановкѣ и опытныхъ руководителяхъ, непремѣнно принесетъ нѣкоторую пользу. Но мы искренно и глубоко убѣждены, что опытъ, предлагаемый г. Лаврентьевымъ, имѣетъ громадное преимущество передъ всѣми опытами, произведенными до настоящаго времени, относительно подготовленія преподавателей среднеучебныхъ заведеній. Громадное преимущество проекта г. Лаврентьева заключается, по нашему мнѣнію, въ его жизненности, въ стремленіи дать нашей школѣ не только узкихъ шульмейстеровъ по тому или другому спеціальному предмету, но такихъ преподавателей, которые, знакомясь основательно съ избраннымъ по своей спеціальности предметомъ преподаванія, какъ теоретически, такъ и практически, не оставались-бы замкнутыми въ тѣсной сферѣ своей спеціальности, а интересовались-бы правильною постановкою и успѣшнымъ ходомъ учебнаго дѣла вообще, чего именно и стремится достигнуть г. Лаврентьевъ, ставя проектируемую имъ педагогическую семинарію въ ближайшую связь съ округомъ и указывая на необходимость знакомить кандидатовъ-педагоговъ чрезъ посредство окружныхъ инспекторовъ съ тѣмъ цѣннымъ матеріаломъ, какой имѣется въ распоряженіи каждаго учебнаго округа относительно постановки учебнаго дѣла и степени успѣшности его въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ даннаго округа. Осуществленіе проекта г. Лав-

рентьева несомнѣнно внесло-бы желательный духъ соревнованія въ различныхъ учебныхъ округахъ, внесло-бы въ ихъ дѣятельность не мало живого педагогическаго интереса и вообще подняло-бы ихъ жизнедѣятельность.

Проектированный г. Лаврентьевымъ способъ приготовленія преподавателей среднеучебныхъ заведеній кажется намъ въ особенности заслуживающимъ осуществленія, по сравненію со всѣми другими проектами, направленными къ той-же цѣли, такъ какъ проектируемый г. Лаврентьевымъ способъ приготовленія учителей не предполагаетъ никакой ломки относительно существующихъ у насъ въ настоящее время способовъ приготовленія преподавателей и представляется намъ вполнѣ осуществимымъ и не требующимъ затраты большихъ суммъ отъ государственнагo казначейства. Пусть историко-филологическіе институты продолжаютъ дѣлать свое дѣло, готовя преподавателей по древнимъ языкамъ, русскому языку и словесности, исторіи и географіи, пока болѣе или менѣе продолжительный опытъ не покажетъ, на сколько предлагаемый г. Лаврентьевымъ способъ приготовленія учителей гимназій и другихъ среднеучебныхъ заведеній окажется вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Я. Г.

УЧИТЕЛЬСКІЯ СЕМИНАРІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

О швейцарскихъ учительскихъ семинаріяхъ опубликованы были въ 1870 и 1875 годахъ двѣ работы Шлегеля, учителя реальнаго училища въ С.-Галленѣ. Первая работа даетъ описаніе семинарій въ историческомъ и педагогическомъ отношеніяхъ, вторая посвящена преимущественно обработкѣ статистическаго матеріала. Эта послѣдняя работа была предпринята авторомъ по иниціативѣ базельскаго профессора Кинкелина, редактировавшаго сборникъ по школьной статистикѣ для вѣнской всемірной выставки. Кромѣ этихъ работъ, существуютъ еще и многія другія, позднѣйшаго времени, но перечисленіе ихъ заняло-бы слишкомъ много мѣста, а настоящая замѣтка имѣетъ въ виду не описаніе каждой отдѣльной семинаріи, а сравненіе ихъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности постановки въ нихъ педагогическаго дѣла.

Мы желаемъ познакомить читателей, интересующихся школьнымъ дѣломъ, съ нѣкоторыми хорошими и дурными сторонами швейцарскихъ учительскихъ семинарій, давая, такимъ образомъ, нѣкоторый матеріалъ для сравненія ихъ съ русскими заведеніями, имѣющими ту-же самую задачу.

Большая часть швейцарскихъ учительскихъ семинарій возникла благодаря господствовавшему въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія стремленію къ улучшенію народнаго образованія и вообще первоначальнаго обученія. Только одна семинарія ведетъ свое начало съ прошлаго столѣтія и одна съ 20-хъ годовъ. Всѣ остальныя возникли въ послѣднія 60 лѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ кантонахъ Невшательскомъ и Женевскомъ нѣтъ спеціальныхъ педагогическихъ семинарій; ихъ замѣняютъ дополнительные классы при кантональныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Къ 1890 году въ Швейцаріи было 37 учебныхъ заведеній для подготовленія народныхъ учителей: 22—въ кантонахъ съ нѣмецкимъ населеніемъ, 13—съ французскимъ и 2—съ итальянскимъ; для под-

готовленія учительницъ имѣлось 13 семинарій, для подготовленія учителей—23 семинаріи и одна для обоихъ половъ.

Меньшее число семинарій для учительницъ объясняется тѣмъ, что число учителей въ народныхъ школахъ значительно преобладаетъ надъ числомъ учительницъ, получающихъ меньшее вознагражденіе за трудъ, чѣмъ ихъ сотоварищи мужчины.

По своей организаціи учительскія семинаріи раздѣляются на двѣ группы. Первая примыкаетъ къ кантональнымъ среднеучебнымъ заведеніямъ. Будущіе народные учителя получаютъ научную подготовку вмѣстѣ съ молодыми людьми, намѣревающимися вступить въ университетъ или въ какое-либо изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, или желающими получить среднее образованіе для непосредственнаго приложенія его въ практической жизни (въ Цугѣ, Золотурнѣ, Курѣ, Ширсѣ, Ньюшателѣ и Женевѣ). При этихъ гимназіяхъ или реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ для подготовки учителей имѣются спеціальные классы. Но большинство народныхъ учителей получаетъ начальное образованіе въ народныхъ и городскихъ училищахъ.

Семинаріи для учительницъ служатъ не исключительно для подготовленія женскаго педагогическаго персонала, но также и для подготовки къ поступленію въ такъ-называемыя высшія женскія школы (приблизительно—наши женскія гимназіи). Въ послѣднее время нѣкоторыя изъ этихъ семинарій приняли классическо-гимназическій характеръ, чтобы дать возможность своимъ воспитанницамъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при университетѣ (въ Цюрихѣ). Въ Бернскій университетъ учительницы, какъ и вообще всѣ студенты, поступаютъ безъ аттестата зрѣлости. Воспитанницы семинарій оставляютъ обыкновенно заведеніе въ возрастѣ, позволяющемъ имъ тотчасъ-же вступить на педагогическое поприще, хотя бываютъ и исключенія, какъ, напр., въ Фрейбургскомъ кантонѣ, гдѣ воспитанницы получаютъ званіе учительницы, будучи еще почти дѣтьми. Нечего и говорить, что подобныя семинаріи не достигаютъ своей цѣли.

Вторая группа семинарій заключаетъ въ себѣ двѣ трети всего числа заведеній, имѣющихъ своею задачею подготовку учителей. Цѣль этихъ семинарій—подготовить въ болѣе или менѣе продолжительное время дѣльныхъ народныхъ учителей и учительницъ изъ учениковъ школъ 2-го или 3-го разрядовъ.

Нынѣ въ нѣкоторыхъ кантонахъ педагогическіе кружки заняты вопросомъ — подготовка въ какой именно изъ обѣихъ названныхъ группъ наиболѣе цѣлесообразна? Пока вопросъ не вышелъ еще изъ

области обсужденій, но путь для его разрѣшенія уже почти намѣченъ, и двѣ учительскія семинаріи второй группы приняли въ послѣдніе годы организацію первой группы. Цюрихскіе народные учителя уже давно рѣшили, что первый типъ лучшій, что при среднеучебныхъ заведеніяхъ должны быть педагогическіе классы, а при университетахъ должны читаться спеціальныя лекціи по нѣкоторымъ предметамъ также и для учителей *). Въ к. Ааргау учителя въ большинствѣ раздѣляютъ ту-же точку зрѣнія и не разъ подавали петиціи правительству о томъ, чтобы будущіе учителя получали общую научную подготовку въ столичныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Правительство каждый разъ отклоняетъ просьбу учителей, но этимъ, конечно, вопросъ не исчерпывается навсегда. Удовлетвореніе вышеуказанной просьбы вполнѣ желательно не только ради интересовъ школы, но и ради самихъ учителей, могущихъ тогда, при благопріятныхъ условіяхъ, поступать въ какое-нибудь высшее учебное заведеніе, тогда какъ нынѣ они, какъ въ Швейцаріи, такъ и въ другихъ странахъ, не могутъ, за рѣдкими исключеніями, подняться на болѣе высокую ступень педагогической лѣстницы.

Другой крупный недостатокъ швейцарскихъ семинарій заключается въ томъ, что курсъ для учительницъ значительно меньшій, нежели курсъ для учителей, какъ будто народная школа не предъявляетъ къ нимъ одинаковыхъ требованій. Впрочемъ, цюрихская правительственная учительская семинарія принимаетъ уже съ 1873 года питомцевъ обоихъ половъ и никакихъ затрудненій или осложненій до сихъ поръ въ ней отъ этого не происходило.

Относительно возраста учителей существуетъ общее убѣжденіе, что за трудное дѣло школьной педагогической дѣятельности не слѣдуетъ браться въ слишкомъ раннемъ возрастѣ. Большинство семинарій принимаютъ воспитанниковъ, имѣющихъ не менѣе 15-ти лѣтъ отъ роду; иныя-же доходятъ до того, что не принимаютъ лицъ моложе 17-ти лѣтъ. Если-бы семинаріи были отдѣленіемъ или дополненіемъ среднеучебныхъ заведеній, то къ такимъ ограниченіямъ и не пришлось-бы прибѣгать, такъ какъ курсъ гимназій или реальныхъ училищъ продолжается обыкновенно до 18-ти-лѣтняго возраста и такимъ образомъ у молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности, остается еще два года на прохожденіе педагогическихъ классовъ.

При пріемѣ воспитанниковъ семинарія требуетъ отъ нихъ свидѣ-

*) Versammlung der Schulsynode von 1865, 1871 и 1887.

тельство объ окончаніи курса въ народной школѣ. Но изъ года въ годъ замѣчается, что контингентъ воспитанниковъ рекрутируется все больше и больше изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ средней (не классической) школѣ. Въ годовомъ отчетѣ дирекціи учительскаго института въ Гофвилѣ (Бернъ) за 1888 годъ, между прочимъ, говорится: «Изъ вновь поступившихъ двѣ трети — бывшіе ученики среднихъ и лишь одна треть ученики народныхъ школъ. Такъ какъ по уставу экзаменъ производится изъ курса нар. школы, то лучшіе ученики послѣдней также могли быть приняты. Хорошіе воспитанники средней школы были въ продолженіи курса лучшими учениками, и невольно рождается вопросъ—не требовать-ли отъ всѣхъ вновь поступающихъ одинаковыхъ знаній?» Особенное вниманіе на подготовку обращаютъ частныя семинаріи, которыя устраиваютъ для воспитанниковъ народныхъ школъ особые классы, дабы дать имъ возможность не отставать отъ своихъ болѣе знающихъ товарищей.

Въ учительскія семинаріи поступаютъ часто также лица зрѣлаго возраста, бывшія уже нѣкоторое время дѣятелями въ практической жизни и рѣшившія по влеченію взяться за трудное педагогическое дѣло. Они большею частью имѣютъ значительные пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, но прилежаніе и любовь, съ которыми они приступаютъ къ своей новой дѣятельности, вырабатываютъ изъ нихъ въ довольно непродолжительное время превосходныхъ учителей. Вообще надо замѣтить, что педагогическая дѣятельность въ большомъ почетѣ у швейцарскаго народа: изъ городовъ и деревень, горъ и долинъ и изъ самыхъ захолустныхъ поселеній являются юноши и дѣвицы въ институты для подготовленія къ будущей учительской дѣятельности.

Учебный курсъ семинарій продолжается отъ одного года до четырехъ лѣтъ, въ среднемъ—три года. Въ послѣднее время у правительствъ различныхъ кантоновъ возникло стремленіе къ ограниченію курса, но оно встрѣтило противодѣйствіе со стороны учителей, желающихъ, наоборотъ, увеличенія курса во всѣхъ семинаріяхъ до 4 лѣтъ. Требованіе учителей понятно, если вспомнить вышеуказанное желаніе ихъ, чтобы поступающіе въ семинаріи предварительно проходили курсъ средней общеобразовательной школы.

Учебный курсъ въ семинаріяхъ состоитъ изъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ. Для Закона Божія отводится 2—4 часа въ недѣлю, причемъ преподаваніе его ограничивается иногда только исторіей церкви (въ Цюрихѣ). Въ Женевскомъ и Невшательскомъ кантонахъ Законъ Божій не преподается,—обученіе его возлагается на семью и религіозныя общества. Для лицъ, желающихъ вно-

слѣдствіи быть законоучителями, обязательно не только изученіе Закона Божія, но и методики преподаванія его, соединенной съ практическими упражненіями. Въ общемъ, на этотъ предметъ обращается мало вниманія въ казенныхъ семинаріяхъ, отличающихся въ этомъ отношеніи отъ частныхъ, въ которыхъ число часовъ для Закона Божія довольно велико. Преподаванію языковъ удѣляется 5—10 часовъ въ недѣлю, причемъ отечественному языку во французской и итальянской Швейцаріи удѣляется больше заботъ, чѣмъ въ нѣмецкой, гдѣ естествознанію и математикѣ отводится такое-же число часовъ (иногда даже и большее), какъ и отечественному языку. За-то въ нѣмецко-швейцарскихъ семинаріяхъ обращено большее вниманіе на преподаваніе иностранныхъ языковъ, нежели въ романско-швейцарскихъ. Почти во всѣхъ семинаріяхъ преподается, кромѣ отечественнаго, еще одинъ языкъ, а въ иныхъ два, причемъ нѣмецкія и итальянскія заведенія изучаютъ французскій, а французскія—нѣмецкій языкъ. Знаніе двухъ языковъ даетъ воспитанникамъ возможность по выходѣ изъ семинаріи пристроиться въ другихъ частяхъ Швейцаріи или даже заграницей, если не находится мѣста на родинѣ. Итальянскій языкъ преподается только въ двухъ семинаріяхъ, да и то весьма поверхностно; то-же самое можно сказать и объ англійскомъ языкѣ, преподаваемомъ преимущественно въ семинаріяхъ для учительницъ. Слѣдуетъ замѣтить, что изученіе итальянскаго и англійскаго языковъ необязательно. Необязательно также изученіе латинскаго языка, введеннаго въ цюрихскихъ семинаріяхъ для семинаристовъ, желающихъ поступить въ университетъ. Математикѣ въ различныхъ семинаріяхъ отводится неодинаковое число часовъ: въ среднемъ—отъ 3 до $5^1/_2$. Этотъ предметъ считается какъ-бы излишнею роскошью для учительницъ, для которыхъ курсъ математики значительно урѣзанъ противъ мужскихъ семинарій. Только въ цюрихской семинаріи воспитанницы проходятъ довольно значительный курсъ элементарной математики (безъ низшей геодезіи). Слѣдуетъ замѣтить, что къ кругу математическихъ наукъ отнесены также счетоводство и бухгалтерія. Программы по сему предмету, въ сущности, тѣ-же, что и для среднеучебныхъ заведеній. Какъ математика, такъ и естествовѣдѣніе входятъ въ незначительномъ объемѣ въ курсъ будущихъ учительницъ. Семинаристы получаютъ больше, нежели семинаристки свѣдѣній по естествознанію, но постановка преподаванія этого предмета оставляетъ желать еще многаго Главный недостатокъ заключается въ отсутствіи хотя-бы небольшихъ физическихъ кабинетовъ, химическихъ лабораторій, коллекцій и т. д., необходимыхъ для каждой мало-мальски порядочной

учительской семинаріи. Одно лишь простое заучиваніе названій животныхъ или растеній, безъ помощи наблюденія, не можетъ дать блестящихъ результатовъ. За-то въ преподаваніе естествознанія въ семинаріяхъ входитъ изученіе гигіены, знаніе которой столь необходимо будущимъ педагогамъ.

Во многихъ семинаріяхъ преподается агрономія какъ теоретически, такъ и практически — въ садахъ и на поляхъ. Особенное вниманіе обращается на тѣ отрасли сельскаго хозяйства, которыя наиболѣе развиты въ Швейцаріи: скотоводство, молочное хозяйство, плодоводство, огородничество, луговодство и т. д. Изученіе этого предмета даетъ учителямъ возможность преподавать въ низшихъ земледѣльческихъ школахъ и вести самостоятельное хозяйство, особенно когда учителю отводится небольшой участокъ земли, что сплошь и рядомъ бываетъ въ Швейцаріи.

Исторія и географія преподаются во всѣхъ семинаріяхъ одинаково, обыкновенно по 2—3 часа въ недѣлю. Нечего говорить, что отечественная исторія и географія стоятъ на первомъ планѣ. Въ послѣднее время начали преподавать математическую и физическую географію гораздо подробнѣе, нежели прежде. При преподаваніи исторіи не ограничиваются изложеніемъ однихъ политическихъ или выдающихся культурныхъ событій, но вводятъ въ нее также свѣдѣніе изъ отечественнаго государственнаго права и законодательства,—но, конечно, лишь кратко, въ общихъ чертахъ, ибо учитель, какъ гражданинъ, обязательно долженъ имѣть знакомство съ общимъ государственнымъ строемъ своей страны. Относительно методики преподаванія исторіи замѣтимъ, что на имена и числа обращается мало вниманія, главнымъ образомъ стараются о выработкѣ въ воспитанникахъ умѣнья оріентироваться въ историческихъ событіяхъ. Въ большемъ почетѣ находятся въ учительскихъ семинаріяхъ пѣніе и инструментальная музыка, на которыя удѣляется много часовъ въ недѣлю, особенно въ семинаріяхъ для учительницъ. Обыкновенно, игра на одномъ изъ инструментовъ, преимущественно на скрипкѣ, обязательна для всѣхъ и ей посвящается по два часа въ недѣлю. Кромѣ обученія игрѣ на скрипкѣ, обучаютъ еще играть на органѣ, фортепіано, гармоніумѣ и цитрѣ. Изъ другихъ изящныхъ искусствъ, обращено большое вниманіе на рисованіе, необходимое для ремесленнаго и техническаго обученія. Кромѣ всѣхъ вышеназванныхъ предметовъ, преподаются еще чистописаніе, гимнастика, ручныя работы, домашнее хозяйство, кулинарное искусство, кройка и т. д.,—послѣдніе три предмета—для будущихъ учительницъ.

На этомъ мы закончимъ перечень такъ-называемыхъ общихъ пред-

метовъ и перейдемъ къ краткому перечисленію спеціально-педагогическихъ предметовъ. Тутъ мы съ самаго начала должны замѣтить, что преподаваніе послѣднихъ оставляетъ желать многаго. Во-первыхъ, время, назначенное для изученія ихъ, слишкомъ кратко для того, чтобы не только усвоить все преподаваемое, но имѣть еще возможность вести практическія упражненія. Во-вторыхъ, воспитанники такъ юны, что усвоеніе психологіи, дидактики и методики отдѣльныхъ предметовъ имъ дается съ большимъ трудомъ. Далѣе, самые предметы такъ трудны, что даже между учащими въ семинаріяхъ мало хорошо понимающихъ въ семъ отношеніи дѣло. Наконецъ, отсутствіе благопріятныхъ условій для практическихъ упражненій не можетъ способствовать успѣшному выполненію цѣли, поставленной себѣ учительскими семинаріями. Относительно сносно идетъ преподаваніе общей педагогики, для которой удѣляются обыкновенно два часа въ недѣлю въ продолженіи двухъ лѣтъ. То же можно сказать объ исторіи педагогики, отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени, которая излагается или въ послѣдовательномъ связномъ ея развитіи, или-же въ видѣ отдѣльныхъ характеристикъ. Въ томъ и другомъ случаѣ преподаваніе сопровождается чтеніемъ педагогическихъ сочиненій, напр., Песталлоци.

Теоретическое преподаваніе методики охватываетъ всѣ предметы или только главные (языки, математика, пѣніе). Дѣло учителя при практическихъ упражненіяхъ—давать при соотвѣтственныхъ случаяхъ методическія указанія. Обыкновенно педагогика и методика читаются различными учителями, чего, въ сущности, не должно было-бы быть, ибо методика должна стать содержательнѣе, благодаря педагогикѣ, а послѣдняя должна получить болѣе практическій характеръ, благодаря методикѣ. Въ иныхъ изъ швейцарскихъ семинарій уже пришли къ этому сознанію, и для педагогики и методики назначается одинъ и тотъ-же учитель.

Основные принципы, которыми должны руководиться будущіе учителя при своихъ педагогическо-практическихъ занятіяхъ, вырабатываются слѣдующимъ образомъ: пріученіемъ къ наблюденію за школой, присутствіемъ при классныхъ урокахъ въ семинарской школѣ, личными занятіями сперва съ однимъ, потомъ съ нѣсколькими отдѣленіями одновременно, наконецъ, изученіемъ сочиненій по методикѣ. Кромѣ того, воспитанники знакомятся съ обязательными для всѣхъ школъ учебными пособіями. Главное вниманіе, конечно, обращено на то, чтобы воспитанники почаще практиковались въ преподаваніи. Работать семинаристамъ приходится не мало. 38 учебныхъ часовъ въ недѣлю—это обыкновенное явленіе, иногда-же число обязательныхъ уроковъ доходитъ до 46. Если-же принять во вниманіе, что, кромѣ

обязательныхъ уроковъ. есть и необязательные, также охотно посѣщаемые семинаристами, и что домашнія работы довольно значительны, то мы не будемъ удивляться случаямъ переутомленія семинаристовъ. Но замѣчательно, что сами учителя настаиваютъ на увеличеніи числа обязательныхъ часовъ и они-же являются самыми ярыми противниками всего, что клонится къ облегченію занятій воспитанниковъ. На этомъ мы покончимъ съ организацией семинарій и перейдемъ къ другимъ, не лишеннымъ интереса, вопросамъ, прежде всего—къ интернатамъ при 24 семинаріяхъ изъ 37.

Всѣ частныя семинаріи, безъ исключенія, имѣютъ интернаты, преслѣдующіе воспитательную и экономическую цѣли. Много говорятъ о полезномъ воспитательномъ вліяніи интернатовъ на будущихъ народныхъ учителей, но мы склонны думать, что монастырская строгость и отчужденіе отъ внѣшняго міра, будущаго поприща дѣятельности, не могутъ служить цѣлесообразной подготовкой для будущаго учителя и что черты характера, выработанныя въ интернатѣ, способны только удалить учителя отъ юношества и народа и затруднить выполненіе его и безъ того трудныхъ обязанностей, тогда какъ непосредственное знакомство съ общественной жизнью дѣлаетъ его болѣе самостоятельнымъ и охраняетъ его отъ педантичной односторонности, замѣчаемой, къ сожалѣнію, у очень многихъ швейцарскихъ народныхъ учителей. Сторонники интернатовъ обыкновенно указываютъ на то, что надо охранить молодыхъ людей отъ проступковъ, свойственныхъ юношескому возрасту при безграничной свободѣ, но всякій знакомый съ внутреннею жизнью интернатовъ не мало знаетъ о проказахъ интернатскаго юношества. Экономическая сторона вопроса болѣе важна, такъ какъ учителя рекрутируются почти исключительно изъ низшихъ народныхъ массъ, для которыхъ пребываніе въ продолженіи многихъ лѣтъ вдали отъ мѣста жительства очень затруднительно въ денежномъ отношеніи. Однако, раздавая денежныя стипендіи молодымъ людямъ, можно и безъ интернатовъ привлечь ихъ къ учительству, тѣмъ болѣе, что такія стипендіи, какъ показалъ опытъ въ Цюрихскомъ кантонѣ, ничуть не больше интернатскихъ расходовъ. Распредѣленіе дня въ интернатахъ почти всюду одно и то-же. Лѣтомъ въ 5, а зимою въ 6 часовъ утра воспитанники встаютъ, отъ 6½ до 7½—утренняя молитва и завтракъ; отъ 7 или 8 до 12—учебныя занятія; въ 12 часовъ—обѣдъ; съ 2 до 5—учебныя занятія, потомъ закуска, небольшой отдыхъ и подготовительныя занятія до 7 или 8 часовъ, затѣмъ ужинъ и снова занятія до 9 часовъ. День оканчивается вечерней молитвой. Такой порядокъ дня повторяется во всѣхъ семина-

ріяхъ изо дня въ день. Тамъ, гдѣ въ курсъ обученія введены земледѣльческія работы, работы въ полѣ или въ саду составляютъ пріятное развлеченіе послѣ обѣда.

Въ нѣкоторыхъ интернатахъ семинаристы употребляются для такихъ работъ, какъ выметаніе комнатъ, лѣстницъ, корридоровъ и т. д., приготовленіе стола, отопленіе классовъ и т. д., или-же они помогаютъ въ кухнѣ, рубятъ дрова. Все это дѣлается для того, чтобы уменьшить расходы интерната на наемъ прислуги. Въ послѣдніе годы введены въ семинаріяхъ различныя ручныя работы, которыя, надо надѣяться, скоро вытѣснятъ малообразовательныя работы по уборкѣ комнатъ. Жить въ интернатѣ большею частью обязательно, и только въ случаѣ недостатка въ немъ вакансій семинаристамъ позволяется проживать на частныхъ квартирахъ. Годовая плата въ интернатѣ доходитъ иногда до 400 (минимумъ 150) франковъ. На правительственныхъ стипендіатовъ обыкновенно затрачивается 400 франковъ въ годъ. При поступленіи на должность съ учителей вычитается казнѣ почти половина всей затраченной на ихъ воспитаніе стипендіи.

Преподаватели въ семинаріяхъ обыкновенно преподаютъ какой-либо одинъ предметъ, рѣже два или три. Въ маленькихъ институтахъ вся тяжесть преподаванія лежитъ на нѣсколькихъ главныхъ учителяхъ. Преподаватели, какъ и ученики, живутъ въ интернатѣ причемъ холостые пользуются интернатскимъ столомъ, семейные-же пользуются казенной квартирой, но не столомъ.

Обыкновенно, интернатомъ завѣдываетъ директоръ, и въ такомъ случаѣ онъ пользуется полнымъ содержаніемъ. Жалованье учителямъ простирается отъ двухъ до пяти тысячъ франковъ въ годъ.

Прежде чѣмъ закончить нашу замѣтку, скажемъ еще нѣсколько словъ объ экзаменахъ, различно организованныхъ въ отдѣльныхъ кантонахъ. Обыкновенно, первый экзаменъ сдается въ предпослѣднемъ году, второй—въ концѣ всего семинарскаго курса. Экзамены бываютъ теоретическіе и практическіе, причемъ только по успѣшномъ окончаніи послѣдняго выдается дипломъ на званіе народнаго учителя. Экзаменъ производится, конечно, по всѣмъ предметамъ, какъ устно, такъ и письменно, въ объемѣ пройденнаго курса. Для болѣе успѣшнаго подготовленія къ экзаменамъ въ иныхъ семинаріяхъ устраиваются повторительные курсы, которые большею частью достигаютъ своей цѣли.

В. Сапожникова.

УРОКЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Сценка изъ школьной жизни.

Рекреація. Большой залъ женскаго учебнаго заведенія кипитъ народомъ. Дѣвочки и дѣвушки разнаго возраста, разнаго состоянія и положенія, красивыя, некрасивыя и съ заурядной наружностью двигаются, разговариваютъ, жестикулируютъ, смѣются. Кто ходитъ парами, кто цѣлой группой, кто путешествуетъ по залу съ сосредоточеннымъ видомъ вдвоемъ съ книгой, въ то время какъ за всѣми надзираетъ классная дама, которая почти постоянно торопливо переходитъ изъ угла въ уголъ, дѣлая короткія распоряженія и замѣчанія. Три дѣвушки поджидаютъ у окна учителя русской словесности. Въ залѣ стоитъ неясный шумъ.

Дверь изъ зала направо ведетъ въ VI классъ. Вотъ раздался звонокъ и разогналъ ученицъ по классамъ; стали размѣщаться по своимъ мѣстамъ за партами и ученицы VI класса.

— Ничего не знаю!—почти съ ужасомъ воскликнула ученица Чижова, довольно живая и полная дѣвушка лѣтъ 17.—Если «Умозаключеніе» (прозвище учителя словесности, который постоянно добивался отъ ученицъ разсужденій) меня спроситъ,—пропала.

Она сдѣлала рѣшительный жестъ руками, зажала уши и направила свой взглядъ въ книгу, причемъ тутъ-же раздались вслухъ строчки изъ учебника русской словесности, выхваченныя чуть-ли не изъ середины урока. Чижова «повторяла» урокъ.

— Что значитъ быть хорошей ученицей,—замѣтила по адресу Чижовой съ очень крупными чертами лица Ноевская.—Вотъ, я — мнѣ и горя нѣтъ: откажусь; очень надо!

Ноевская презрительно подернула губами.

— И я откажусь!—замѣтила кокетливо одѣтая, съ холкой на лбу Замятина.

Въ это время въ другомъ углу класса ученица Миронова, у которой подстриженные волосы торчали въ разныя стороны, какъ у дикобраза, а на шею очень небрежно былъ накинутъ шерстяной платокъ, спрашивала свою сосѣдку, юркую Квейтъ, обыкновенную развѣдчицу необходимыхъ свѣдѣній.

— Ну что-же: въ сѣрыхъ, или черныхъ?

Вопросъ касался брюкъ учителя: между ученицами давно уже рѣшено и провѣрено на опытахъ, что сѣрые брюки счастливѣе черныхъ.

— Въ сѣрыхъ,—отвѣтила Квейтъ, и даже въ бѣломъ галстухѣ.

— Честное слово?—допытывалась Миронова; Квейтъ утвердительно махнула головой, а впереди ея миніатюрная Московина, удивительно наивно смотрящая на Божій міръ, радостно обернулась на разговаривающихъ.

Раздается хлопанье въ ладоши. Съ умнымъ взглядомъ, совсѣмъ хорошая ученица Рытова, захлебываясь, разсказываетъ своей сосѣдкѣ, красавицѣ Бѣлоглавской, впечатлѣнія отъ вчерашняго вечера: Улыбышева, извѣстная въ классѣ подъ названіемъ «гордячки», сосредоточенно смотритъ въ противоположный уголъ и проситъ блѣдную и невзрачную Халатову переслать ей перочинный ножикъ; еврейка Боймель, съ крайне типичнымъ выраженіемъ лица, роется въ своемъ ящикѣ, Серебрянская, какъ и Дробина съ Кликушиной, труженицы класса, всѣ трое въ сильно поношенныхъ платьяхъ, читаютъ урокъ. Съ мѣста поднимается высокая и стройная Ильинская, лицо которой постоянно улыбается, а въ глазахъ то-и-дѣло вспыхиваетъ огонекъ.

— Господа,—произноситъ она громогласно,—кто сегодня будетъ занимать? Я заготовила два вопроса, но ихъ мало: пожалуй, слишкомъ долго будетъ спрашивать; Миронова, найди еще что-нибудь.

«Занять» учителя значило заставить его прекратить спрашиванье урока; для этого какая-нибудь ученица задавала учителю вопросъ, на разрѣшеніе котораго тотъ долженъ былъ потратить много времени, и цѣль такимъ образомъ достигалась.

Однако Миронова не успѣла согласиться на предложеніе Ильинской, потому что въ классъ вошелъ учитель—Сергѣй Константиновичъ Васильевъ, довольно молодой сухощавый человѣкъ, въ очкахъ и съ всклокоченной шевелюрой, повидимому, очень увлеченный своимъ дѣломъ. Чуть только онъ сдѣлалъ своей спѣшно-дѣловитой походкой нѣсколько шаговъ отъ двери, какъ всѣ 15 ученицъ поднялись съ мѣста и тотчасъ-же сѣли, чтобы вслѣдъ за этимъ въ классѣ водворилась тишина. Классная дама, согласно порядкамъ учебнаго заведенія, отсутствовала на урокахъ не только въ VI-мъ и VII-мъ классахъ, но даже и въ V-мъ.

Черезъ мгновеніе Ноевская и Замятина поспѣшили снова встать, готовясь отказаться отъ отвѣта; но учитель былъ чѣмъ-то занятъ: онъ углубился въ разсматриванье журнала.

— Сегодня,—произнесъ наконецъ онъ, не отрываясь отъ журнала,—я думаю посвятить урокъ разсмотрѣнію XVI вѣка, и потому покорнѣйше попрошу вниманія. Разговоръ о польскомъ вліяніи на русскую литературу, о которомъ вы готовили нынче, откладывается до будущаго раза.

Съ послѣднимъ словомъ Васильевъ поднялъ голову и увидалъ стоявшихъ Ноевскую и Замятину.

— Что прикажете?—обратился онъ къ нимъ.

Но тѣ уже сообразили, что учитель собирается цѣлый часъ разсказывать, и потому усаживаются, приберегая отказъ для другого раза.

Между тѣмъ Васильевъ дожидался отвѣта, и его взглядъ былъ устремленъ на только-что сѣвшихъ; произошло что-то въ родѣ недоразумѣнія. Тогда Ноевская въ третій разъ поднимается съ мѣста, смотритъ на Замятину и не совсѣмъ ясно, съ запинкой заявляетъ:

— Мы... ничего, мы—такъ...

Учитель встряхиваетъ волосами и откидывается на спинку кресла, на которомъ сидитъ. Этотъ жестъ обыкновенно означаетъ у него недовольство.

— Милостивыя государыни,—говоритъ онъ,—уже неоднократно повторялъ я вамъ, что всегда слѣдуетъ спрашивать о всемъ непонятномъ. Иной разъ я рѣшительно не могу угадать, что для васъ не совсѣмъ вразумительно, и потому покорнѣйше прошу помогать мнѣ въ этомъ отношеніи. Итакъ, г-жа Ноевская и г-жа Замятина, о чемъ собирались вы спросить меня? Что непонятнаго встрѣтилось вамъ въ сегодняшнемъ урокѣ?

Ноевская и Замятина переглянулись. Заговорила все та-же Ноевская:

— Право, Сергѣй Константиновичъ, ничего; мы просто хотѣли... просто... ничего нѣтъ непонятнаго.

Сергѣй Константиновичъ вздохнулъ и сказалъ:

— Очень жаль, если вы конфузитесь. Впрочемъ, я вамъ вѣрю.

Послѣ этого онъ сдѣлалъ движеніе на своемъ креслѣ и приготовился говорить.

— Такимъ образомъ,—разнеслись черезъ нѣсколько секундъ по классу его слова,—сегодня должна пойти рѣчь о XVI вѣкѣ въ русской литературѣ. Это—вѣкъ, въ который стоитъ вдуматься поглубже. Съ одной стороны, это повтореніе задовъ, но за-то, съ другой, здѣсь встрѣчается нѣчто новое. Русская жизнь въ XVI вѣкѣ какъ-бы борется съ давно установившейся стариной...

Въ этомъ мѣстѣ начавшагося со стороны учителя разсужденія та самая Ильинская, которая собиралась «занимать» его, сдѣлала глазами своей постоянной соучастницѣ Мироновой едва уловимый знакъ, та въ отвѣтъ прикрыла на одинъ мигъ свои глаза, и обѣ отлично поняли другъ друга. Это значило, что сію минуту, на общую потѣху всего класса послѣ урока, одна начнетъ считать, сколько разъ учитель произнесетъ свои любимыя выраженія—«съ одной стороны», «съ другой стороны»,—другая станетъ слѣдить за тѣмъ, какъ часто онъ будетъ гладить рукой по усамъ. Немедленно изъ ящиковъ въ столахъ достаются особыя, имѣющіяся на этотъ случай, тетрадки, на сцену появляются маленькіе карандашики, и теперь отъ поры до времени въ тетрадкахъ будетъ проводиться черточка, а послѣ урока такимъ черточкамъ счетчицы подведутъ итогъ.

Между тѣмъ лучшія ученицы принялись записывать за учителемъ, всѣ прочія, если не считать Ильинскую и Миронову, пока слушаютъ. Васильевъ говоритъ отнюдь не монотонно; напротивъ того, онъ горячится и увлекается. Вотъ онъ коротко передалъ смыслъ каждаго изъ только-что пройденныхъ литературныхъ памятниковъ и дѣлаетъ выводъ изъ этого.

— Итакъ, вы видите,—заключаетъ онъ,—что, съ одной стороны, жизнь ушла впередъ, но если, съ другой, человѣку вообще трудно отказаться отъ традицій, то русскому человѣку XVI вѣка тѣмъ болѣе: послѣ бѣдствій отъ татарскаго ига ему нечего было подставить вмѣсто прежнихъ традицій.

— Что такое «традиція»?—задаетъ сама себѣ внимательная, очень добросовѣстная и думающая ученица Халатова,—та самая, у которой передъ урокомъ «гордячка» Улыбышева просила перочиннаго ножа,—и начинаетъ бороться съ поставленнымъ вопросомъ. Она старается отыскать корень слова, вспоминаетъ, гдѣ она какъ будто встрѣчала это слово, пробуетъ сопоставить его съ другими, рядомъ съ нимъ стоящими, но ничего не выходитъ. Тогда она вся погружается въ раздумываніе надъ «традиціей» и перестаетъ записывать за учителемъ.

Въ это самое время, чтобы высморкаться, Рытова вынула изъ кармана надушеный послѣ вчерашняго вечера, о которомъ ранѣе она повѣствовала Бѣлоглавской, платокъ, и запахъ духовъ распространился до Боймель. Ассоціація представленій готова. Учитель, разсуждающій о XVI вѣкѣ въ русской литературѣ, уходитъ куда-то отъ Боймель все дальше и дальше, слова его кажутся ей какими-то неясными звуками, то громкими, то тихими, и страстная еврейка во

власти своего воображенія. Ея нѣтъ болѣе на урокѣ русской словесности: она на балу; ей грезится блестящій залъ, залитый свѣтомъ, волны ароматныхъ духовъ, наряды, музыка, оживленныя лица и кружащіяся въ вихрѣ вальса пары.

Затушевалось и покрылось туманомъ все окружающее и передъ Бѣлоглавской. Надо-же было Васильеву во время его разсужденія произнести нѣсколько словъ точь-въ-точь какъ говоритъ одинъ знакомый Бѣлоглавской по дачѣ. Бѣлоглавская не замедлила вспомнить этого дачнаго знакомаго—и вмѣстѣ съ тѣмъ фантазія ея заработала въ направленіи лѣтней обстановки: передъ ней, какъ живые, возстали рѣка, паркъ, лѣсъ, лунная ночь и очень памятный ей разговоръ. О вниманіи тутъ не могло быть и рѣчи, хотя Бѣлоглавская и продолжала глядѣть на учителя во всѣ глаза.

Въ классѣ тишина и неподвижность, только Халатова вздрогнула вдругъ отъ чего-то. Впрочемъ, эта дрожь была понятна. Не рѣшивъ вопроса о томъ, что такое «традиція», Халатова внезапно сообразила, что давно уже перестала слушать учителя и пропустила значительную часть его разсужденія. Съ этого момента на лицѣ ея появилось крайне напряженное выраженіе, которое показывало, что она жадно вслушивалась въ рѣчь учителя и старалась уловить общую нить его мыслей.

— Изъ знакомства со «Стоглавомъ»,—говорилъ между тѣмъ Васильевъ,—легко можно убѣдиться, до чего плохо новыя нужды и потребности подходили подъ старыя рамки. А «Домострой»? Мыслима-ли и возможна-ли среди русскаго общества XVI вѣка жизнь монастырская, а «Домострой» желаетъ именно монастырской жизни. Это былъ своего рода анахронизмъ, и реакція...

Халатова почувствовала, что, сдѣлавши пропускъ, она рѣшительно не въ состояніи слѣдить за Васильевымъ, и это очень огорчило ее; особенно сбивали ее съ толку новыя непонятныя слова. «Отчего-же, впрочемъ,—подумала вдругъ она,—прямо не спросить у учителя объясненія? вѣдь онъ самъ всего только въ началѣ урока просилъ спрашивать о непонятномъ».

Халатова встала.

— Что значитъ «анахронизмъ»?—раздался въ классѣ вопросъ среди недоконченной фразы учителя.

Всѣ подруги Халатовой удивленно взглянули на нее, но быстро перевели свои взгляды на Васильева. Этотъ послѣдній, мгновенно раздражившись, что его перебили, сморщилъ лобъ, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой и, не помня, что не далѣе какъ минутъ 35 тому назадъ, онъ приглашалъ своихъ учениц обращаться къ нему за всѣмъ непонятнымъ, замѣтилъ:

— Какъ-же вы перебиваете меня по серединѣ фразы? вѣдь я могу совсѣмъ перепутать свои мысли. Да и, наконецъ, вамъ навѣрно уже попадалось слово анахронизмъ...

Послѣ этого онъ далъ бѣглое и мало выразительное объясненіе, чтобы поскорѣе снова перейти къ своей рѣчи.

Растерянно сѣла на свое мѣсто Халатова и поникла головой: мысли ея завертѣлись теперь около ея уязвленнаго, какъ ей казалось, самолюбія, а XVI вѣкъ остался въ сторонѣ.

Прошло нѣсколько минутъ. Сосѣдки Ноевская и Замятина, наскучивши лекціей учителя, задумали поиграть въ нолики и крестики. Вотъ онѣ положили между собой листъ бумаги, причемъ одна указывала на клѣтку, а другая писала и за нее, и за себя. Отъ поры до времени, на всякій случай, обѣ сосредоточенно смотрѣли на учителя. Наивная и миніатюрная Московина окончательно засыпаетъ, такъ какъ давно мучившая ее дремота, наконецъ, одолѣла. Сзади ее толкаютъ. Она проснулась и оправляется, но скоро опять смотритъ осовѣлыми глазами куда-то въ неопредѣленное пространство.

А учитель все говоритъ и говоритъ.

— Старыя времена въ извѣстномъ отношеніи прошли безвозвратно: великій князь, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, удачныхъ войнъ, какими прославился Іоаннъ III, съ другой—развитія христіанской идеи о власти, усилилъ свое значеніе: онъ превращается въ царя. Теперь-ли не ждать «новшествъ»?...

Васильевъ увлекается все больше, все больше и спѣшитъ. Изъ ученицъ, которыя записываютъ за нимъ. Съ половины его разсужденія только самымъ лучшимъ, Рытовой и Улыбышевой, удается заносить кое-что понятное въ ихъ тетрадки; что-же касается до остальныхъ, т.-е. Чижовой, Серебрянской, Кликушиной и Дробиной, то онѣ рѣшительно не успѣваютъ. Ихъ усталыя руки чертятъ вмѣсто буквъ какіе-то узелки и комки; перо бѣгаетъ и скачетъ по строчкамъ, но голова не въ состояніи слѣдить за этой бѣготней и скачками, и мысли Васильева принимаютъ или довольно фантастическую форму, или-же прямо безсмысленную. Только-что сказанное, напримѣръ, учителемъ объ усиленіи великаго князя получаетъ въ передѣлкѣ ученицъ слѣдующій видъ:

— Благодаря христіанству и войнамъ, появился Іоаннъ III. Отъ него новости, такъ какъ старое прошло.

Между другими ученицами пропалъ всякій интересъ къ разсужденію учителя. Юркая и подвижная Квейтъ давно уже играетъ мохнатыми шариками на своей пелеринкѣ, Бѣлоглавская, насладившись

воспоминаніемъ о дачѣ и дачномъ знакомомъ, думаетъ, какъ было-бы красиво ея новое платье, еслибы его отдѣлать той оборкой, образчикъ которой утромъ ей показывала Замятина, Боймель отъ грезъ о балѣ перешла къ игрѣ съ карандашомъ: она поставила книгу покато и пускаетъ по ней сверху внизъ карандашъ.

Среди всего этого звонокъ даетъ знать о томъ, что урокъ окончился. Васильевъ не успѣлъ досказать всего, что хотѣлъ, и потому насупливаетъ брови; но проходитъ секунда, онъ подыскиваетъ довольно блестящую заключительную фразу и заканчиваетъ:

— Къ слѣдующему разу прошу повторить сегодняшній урокъ.

Всѣ встаютъ, и учитель уходитъ.

Только-что затворилась дверь за Васильевымъ, какъ въ классѣ все встрепенулось и зашумѣло.

— Разъ, два, три, четыре... десять... четырнадцать... двадцать одинъ, двадцать два, двадцать три, каково? двадцать четыре,—съ восхищеніемъ заявляетъ Ильинская.

— Неужели?—освѣдомляется Рытова.

— Честное слово,—подтверждаетъ Ильинская:—«Умозаключенье» произнесъ двадцать четыре раза—«съ одной стороны», «съ другой стороны». Положительно самъ себя перещеголялъ. Миронова, а усы?

— Сорокъ одинъ,—сообщаетъ Миронова.

— Ты не ошиблась?

— Да нѣтъ-же!..

— Ну, нечего сказать, «Умозаключенье» дѣлаетъ успѣхи не по днямъ, а по часамъ.

На замѣчаніе Ильинской многія смѣются. Московина сладко потягивается и зѣваетъ, причемъ ей слѣдуютъ Ноевская и Замятина. Халатова молча выходитъ изъ класса въ рекреаціонный залъ.

— Нѣтъ, господа,—говоритъ Квейтъ,—вѣдь «Умозаключенье» и милый, и умный, и добрый, и шутить умѣетъ, но когда онъ начинаетъ «разсказывать», Боже мой, какъ иной разъ онъ бываетъ скученъ!

— Очень ужъ «умозаключеньистъ»,—острить Миронова.

Многія опять смѣются, смѣется и «гордячка» Улыбышева, но ея смѣхъ презрительный, а этого не могутъ простить ей ея подруги.

— Вы что хотите сказать?—налетаетъ на нее Ильинская.

— Ничего, кромѣ того, что для васъ все серьезное скучно.

— Конечно,—заключаетъ Ильинская,—гдѣ-же намъ быть такими умницами, какъ вы!

Въ это время Серебрянская свѣряетъ свою запись за Василье-

вымъ съ записью Дробиной. Вотъ они дошли до переписки Курбскаго и не знаютъ, что правильнѣе: то-ли, что написано у первой, или то, что занесла къ себѣ въ тетрадь вторая. «Интересно, стоитъ у Серебрянской,—что у Курбскаго не орудіе, а перо». «Интересно, записано у Дробиной,—что Курбскій держитъ не перо, такъ орудіе». Какъ быть съ этими перомъ и орудіемъ? Серебрянская и Дробина справляются у Рытовой и Чижовой, лучшихъ учеництъ класса, спрашиваютъ у Улыбышевой, которая съ большой неохотой показываетъ свою тетрадь, но всѣ сообща все-таки не могутъ помирить пера съ орудіемъ и, наконецъ, рѣшаютъ зачеркнуть мѣсто, касающееся того и другого.

Между тѣмъ Васильевъ курилъ въ учительской папиросу и снисходительно улыбался на горячія слова старика-учителя педагогіи, который развивалъ ту мысль, что въ старшихъ классахъ, какъ и въ младшихъ, не годится говорить сплошь и что все преподаваніе надо строить на вопросахъ.

— Только о томъ,—доказывалъ онъ,—вы смѣло можете говорить сплошь, что интересно, понятно и знакомо учащимся. Возьмемъ, напримѣръ, древнюю литературу,—ну, что занимательнаго въ ней для ученицъ? Если вы съумѣете сблизить то или иное явленіе изъ этой литературы съ жизнью, которой живутъ люди теперь, тогда прекрасно—говорите, сколько хотите, ученицы васъ поймутъ; но это страшно трудно. Въ противномъ-же случаѣ, на лучшій конецъ вы будете плодить любовь къ фразѣ, а эта любовь и безъ того очень часто встрѣчается среди нашей молодежи.

— Да,—улыбаясь, возражалъ Васильевъ,—но надо-же «освѣщать» ученицамъ литературный матеріалъ...

И никакіе доводы старика-учителя не разубѣдили Васильева: онъ твердо стоялъ на необходимости «освѣщенія» и самодовольно поглаживалъ усы.

И. Котловъ.

Начальное обученіе письменному изложенію мыслей.

Дидактическіе совѣты учителямъ народныхъ школъ.

Чтеніемъ, чистописаніемъ и orѳографіей не ограничиваются занятія по изученію родного языка въ народной школѣ. Остается самый трудный отдѣлъ уроковъ, имѣющихъ цѣлью научить дѣтей письменному изложенію мыслей, по возможности, правильному, точному и послѣдовательному.

Чистописаніе и орѳографія только тогда и могутъ имѣть цѣну, когда учащіеся пріобрѣтутъ навыкъ свободно и правильно выражаться на бумагѣ. Вотъ почему современные педагоги, изъ которыхъ, по своей авторитетности, особенно выдаются *гр. Л. Н. Толстой* и *С. А. Рачинскій*, настаиваютъ на необходимости пріучать учениковъ начальныхъ школъ къ составленію упражненій указаннаго вида, или такъ-называемыхъ «сочиненій». Но не легко начальному учителю выполнить такую задачу, особенно потому, что не опредѣлены средства и пути, ведущіе къ успѣшному достиженію указываемой ему цѣли. Трудности дѣла увеличиваются отъ свойствъ самаго предмета, довольно сложнаго по существу. Чтобы писать о чемъ-либо правильно, ясно и послѣдовательно, для этого прежде всего необходимо знать хорошо предметъ, о которомъ предположено писать. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть хотя самыя элементарныя свѣдѣнія, составляющія содержаніе трехъ наукъ: грамматики, стилистики и логики,—необходимо знать, какъ изъ отдѣльныхъ словъ строится наша рѣчь, отъ чего зависитъ относительное достоинство ея формъ и чѣмъ обусловливается послѣдовательное развитіе ея содержанія какъ въ устномъ, такъ и въ письменномъ выраженіи. Если всѣ эти условія примѣнить къ ученику начальной школы, то на первый взглядъ покажется невозможнымъ достиженіе сколько-нибудь удовлетворительныхъ, опредѣленныхъ и точныхъ результатовъ отъ занятій «сочиненіями». И

возрастъ учащихся, и уровень ихъ умственнаго развитія, и другія неблагопріятныя условія, въ которыхъ они живутъ,—все это говоритъ не въ пользу той мысли, что учениковъ народной школы можно научить правильному и свободному изложенію мыслей на бумагѣ. Вотъ почему составители оффиціальныхъ программъ для начальныхъ училищъ обыкновенно требуютъ отъ оканчивающихъ въ нихъ курсъ ученія лишь четкаго и правильнаго письма подъ диктовку. Но дѣло въ томъ, что умѣнье пользоваться письмомъ въ разсматриваемомъ нами смыслѣ есть предметъ важнѣйшей необходимости, такъ какъ служитъ однимъ изъ существенныхъ практическихъ средствъ, примѣненіе которыхъ вызывается повседневными нуждами крестьянской жизни. Написать счетъ, письмо, прошеніе, условіе, росписку и другія подобныя бумаги простолюдину необходимо бываетъ очень часто, а сдѣлать это можетъ только человѣкъ грамотный, достаточно подготовленный. Значитъ, какъ-бы ни было трудно научить питомцевъ народной школы правильному и свободному изложенію мыслей на бумагѣ, школа эта, при обстоятельствахъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ, не должна отказываться отъ удовлетворенія указанной потребности,—разумѣется, въ предѣлахъ возможнаго и доступнаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшное выполненіе разсматриваемой задачи представляетъ большія затрудненія. Но слѣдуетъ помнить, что всякое дѣло имѣетъ *свою азбуку*, *свои элементы*, усвоеніе которыхъ посильно и для ученика начальной школы. Въ виду этого, составители книгъ для чтенія въ народныхъ училищахъ обыкновенно предлагаютъ темы для письменныхъ упражненій учениковъ въ изложеніи усвоеннаго ими матеріала. Для той-же цѣли составлено и нѣсколько спеціальныхъ руководствъ и пособій. Какъ въ этихъ послѣднихъ, такъ особенно въ журнальныхъ статьяхъ имѣются и методическія указанія для начальныхъ учителей, рекомендующія способы и пріемы обученія дѣтей письменному изложенію мыслей. Ближайшее знакомство съ учебной литературой этого предмета приводитъ къ заключенію, что большинство педагоговъ предъявляютъ къ начальной школѣ слишкомъ большія требованія, умѣстныя развѣ въ городскихъ училищахъ по Положенію 31 мая 1872 года и въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ. Авторы-педагоги какъ будто забываютъ и возрастъ дѣтей, учащихся въ начальныхъ школахъ, и непродолжительность курса послѣднихъ, и подготовку лицъ, ведущихъ начальное обученіе. Хотя въ послѣднее время составъ преподавателей народныхъ училищъ, благодаря учительскимъ семинаріямъ, значительно улучшился, все-таки немногіе начальные учителя

могутъ самостоятельно выработать *систему* письменныхъ упражненій, вполнѣ пригодныхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Дѣло это настолько трудно даже для людей гораздо большаго образованія и теоретическаго развитія, что никто изъ нихъ до сихъ поръ не указалъ и не разработалъ этой системы во всѣхъ подробностяхъ ея содержанія и построенія. Когда заходитъ рѣчь объ этомъ предметѣ, чаще всего излагаются только общія разсужденія, указываются однѣ схемы и формы, а практическое примѣненіе и болѣе точное опредѣленіе ихъ въ условіяхъ, требуемыхъ отдѣльными случаями, относится къ исполнительной сторонѣ дѣла и всецѣло предоставляется умѣнью, опытности и усердію начальнаго учителя. Кромѣ того, и общія сужденія по данному вопросу часто не обнимаютъ его во всей полнотѣ, а касаются лишь одной какой-либо стороны или нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ. Какъ слѣдствіе такого положенія дѣла, являются печатные труды учителей-практиковъ, поставившихъ себѣ задачею изложить въ особыхъ руководствахъ матеріалъ для письменныхъ упражненій въ начальной школѣ, расположенныхъ въ извѣстной системѣ, примѣнительно къ цѣлямъ, достигнуть которыхъ предполагается посредствомъ этихъ упражненій. Являясь фактическимъ выраженіемъ теоріи, установляемой авторитетными педагогами, труды эти, не смотря на нѣкоторые недостатки ихъ выполненія, имѣютъ очень важное значеніе, во всякомъ случаѣ, ничуть не меньше того, какое принадлежитъ общимъ теоретическимъ разсужденіямъ, правиламъ и совѣтамъ помянутыхъ выше педагоговъ. Чѣмъ больше будетъ трудовъ такого рода, тѣмъ скорѣе представится возможность выработать для начальныхъ училищъ наиболѣе цѣлесообразное руководство къ веденію письменныхъ логико-стилистическихъ упражненій *).

Во всякомъ сочиненіи, какъ-бы оно ни было элементарно, кромѣ *идеи*, или основной мысли, непремѣнно слѣдуетъ различать *содержаніе*, или совокупность мыслей объ извѣстномъ предметѣ, *изложеніе*, или порядокъ расположенія мыслей, и *форму*, или ихъ словесное выраженіе. Что касается *содержанія* самостоятельныхъ работъ, умѣстныхъ въ начальной школѣ, то, повидимому, крестьянскія дѣти, постоянно живущія въ обстановкѣ, весьма благопріятной для разви-

---

*) Въ числѣ существующихъ спеціальныхъ пособій по этому предмету заслуживаютъ вниманія слѣдующія: 1) *Глазунова и Разина* (учительницы) «Задачи для постепенныхъ упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей». Первый курсъ, затѣмъ второй, а также «Методическія указанія» къ этимъ курсамъ; 2) *Ѳ. Пушыковичъ* «Письменныя упражненія въ изложеніи мыслей», и (3 *Т. Лубенецъ* «Письменныя самостоятельныя работы въ начальной школѣ».

тія у нихъ наблюдательности и пріобрѣтенія практическихъ знаній, могли-бы разсказать (устно и письменно) о многихъ предметахъ и фактахъ, совершенно неизвѣстныхъ ребенку иной среды, иного воспитанія. Но опытъ показываетъ, что деревенскіе ребята почти вовсе не умѣютъ разсказывать, хотя знаютъ и многое. Развитіе умѣнья говорить идетъ въ крестьянскихъ семьяхъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ семьяхъ горожанъ и вообще людей книжныхъ, образованныхъ. Извѣстно, что крестьяне рѣдко разсказываютъ о чемъ-либо непрерывно и связно, а лишь *бесѣдуютъ, ведутъ разговоръ*. Рѣчь ихъ строится безъискусственно и въ синтактическомъ отношеніи не отличается достаточной полнотою, цѣльностью отдѣльныхъ предложеній, наличный составъ которыхъ нерѣдко ограничивается однимъ-двумя словами, имѣющими особенное логическое значеніе. Языкъ мысли отвлеченной, выходящей за предѣлы повседневныхъ нуждъ и домашняго обихода, у нихъ, какъ извѣстно, весьма бѣденъ. Даже самый простой, обычный разговоръ они постоянно дополняютъ средствами *языка чувствъ*, каковы, наприм., движенія руками и головою, а также разнообразныя измѣненія лица и его частей, изъ коихъ на долю глазъ падаетъ большая часть работы. Бѣдная словами, выраженіемъ, рѣчь простолюдина рѣдко отличается и правильностью, а тѣмъ болѣе изяществомъ построенія. Толковые и занимательные разсказчики въ нашихъ селахъ и деревняхъ встрѣчаются единицами. Еще менѣе совершенною является рѣчь крестьянина относительно логической послѣдовательности. Хорошо извѣстно, что, задумавъ разсказать о чемъ-нибудь, крестьянинъ передаетъ все, что приходитъ ему въ голову по ассоціаціи (связи) представленій. Онъ вноситъ въ разсказъ подробности, не имѣющія никакого отношенія къ главному предмету рѣчи, о которомъ, увлекаемый потокомъ постороннихъ впечатлѣній, онъ иногда забываетъ и сказать. Если такова въ большей части случаевъ рѣчь взрослаго крестьянина, то рѣчь дѣтей его, естественно, еще бѣднѣе и хуже. На этомъ основаніи объ усовершенствованіи ея въ указанныхъ выше отношеніяхъ и должны постоянно заботиться школьные учителя. Что касается *содержанія* самостоятельныхъ письменныхъ упражненій, то для учениковъ народной школы оно почти всегда должно быть *извѣстнымъ, готовымъ*, такъ какъ придумываніе (изобрѣтеніе) его, при бѣдности и несовершенствѣ дѣтской рѣчи, а равно при неумѣньи учащихся писать скоро, четко, красиво и по правиламъ орѳографіи, поставило-бы ихъ въ крайнее и притомъ безполезное затрудненіе. Изъ всѣхъ видовъ логико-стилистическихъ упражненій для учениковъ начальной школы доступно преимуще-

ственно *подражаніе и болѣе или менѣе самостоятельное воспроизведеніе даннаго примѣра образца*. Только продолжительными упражненіями въ составленіи «сочиненій» по хорошимъ образцамъ дѣти могутъ пріобрѣсти навыкъ правильно выражаться на бумагѣ; только этимъ путемъ обогатится ихъ языкъ и усовершенствуются формы словеснаго выраженія; только этимъ путемъ учащіеся могутъ достигнуть посильнаго умѣнья излагать свои мысли правильно, ясно, точно и связно. Итакъ, изъ указанныхъ выше сторонъ всякаго сочиненія въ начальной школѣ почти исключительное вниманіе учащихся должно быть обращено на форму и изложеніе.

Успѣшному достиженію этой цѣли могутъ помочь слѣдующія средства:

1. Важнѣйшимъ условіемъ, отъ котораго зависитъ почти весь успѣхъ самостоятельныхъ письменныхъ упражненій въ начальной школѣ, слѣдуетъ считать *выработку у дѣтей устной рѣчи, пріобрѣтеніе ими умѣнья правильно воспроизводить въ словесномъ пересказѣ извѣстное содержаніе, извѣстную совокупность мыслей*. Прежде всего учителю необходимо наблюдать, чтобы рѣчь дѣтей слагалась изъ предложеній, совершенно правильныхъ въ грамматическомъ отношеніи, чтобы она всегда представляла собою связь словъ, вполнѣ соотвѣтствующую синтактическимъ правиламъ. Неправильности согласованія и сочиненія словъ, а также опущеніе какихъ-либо членовъ предложенія, особенно-же подлежащаго и сказуемаго, должны быть тщательно и неуклонно исправляемы. Слѣдуетъ стремиться и къ тому, чтобы дѣти сознательно употребляли всѣ слова и выраженія, соотвѣтствующія извѣстной мысли, и чрезъ это пріучались къ *точности рѣчи*. Крестьянскіе ребята знаютъ гораздо большее количество предметовъ, чѣмъ словъ, тогда какъ дѣти образованныхъ семей—наоборотъ. Въ виду этого, необходимо объяснять учащимся значеніе большей части словъ, встрѣчающихся въ книгахъ для класснаго чтенія и вообще служащихъ для обозначенія изучаемыхъ понятій. Что касается ясности и чистоты дѣтской рѣчи, то и на эти стороны учащія лица должны обращать свое вниманіе. Имъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы дѣти въ устномъ изложеніи отвыкали отъ употребленія областныхъ словъ (провинціализмовъ) для выраженія тѣхъ или другихъ понятій и замѣняли ихъ общеупотребительными. Кромѣ того, въ видахъ ясности рѣчи, необходимо пріучать дѣтей къ правильному расположенію словъ, въ чемъ они постоянно ошибаются. Правила русскаго словорасположенія требуютъ, чтобы подчиненныя, управляемыя слова полагались послѣ управляющихъ, опредѣленія предшествовали

опредѣляемымъ, нарѣчія ставились предъ глаголами, чтобы изъ нѣсколькихъ дополненій къ глаголу прямое занимало послѣднее мѣсто; если при какомъ-либо членѣ предложенія имѣется нѣсколько подчиненныхъ словъ одного рода, то они располагаются впереди и позади своего управляющаго. Этотъ порядокъ нарушается лишь въ случаяхъ особеннаго логическаго значенія нѣкоторыхъ словъ, когда они занимаютъ въ предложеніи либо первое, либо послѣднее мѣсто. Въ первые два года начальнаго обученія преподаватель ограничивается только исправленіемъ ошибокъ дѣтей въ расположеніи словъ, а въ третій годъ, когда учащіеся познакомятся съ составомъ предложенія, можетъ сообщить имъ и вышеизложенныя правила словорасположенія. Положимъ, передавая содержаніе басни «Отецъ и сыновья», ученикъ начнетъ свой разсказъ такъ: «Отецъ своимъ сыновьямъ велѣлъ дружно жить, но они не слушались». Учитель исправляетъ изложеніе и заставляетъ ученика повторить его въ такой формѣ: «Отецъ велѣлъ своимъ сыновьямъ жить дружно, но они не слушались». Ученикамъ старшаго отдѣленія, усвоившимъ понятія о главныхъ и второстепенныхъ членахъ предложенія, можно объяснить, что слова *своимъ сыновьямъ* зависятъ отъ слова *велѣлъ*, и потому должны слѣдовать за нимъ, что слово *дружно*, какъ нарѣчіе, должно-бы стоять предъ глаголомъ *жить*, но оно занимаетъ въ предложеніи послѣднее мѣсто, такъ какъ въ этомъ словѣ заключается вся сила мысли. Правильности, точности и ясности рѣчи дѣти должны учиться не только на урокахъ чтенія, но и при занятіяхъ всѣми другими учебными предметами, при всякой бесѣдѣ съ учителемъ. Къ сожалѣнію, преподаватели начальныхъ школъ не обращаютъ на этотъ предметъ должнаго вниманія и часто довольствуются отвѣтами дѣтей, по формѣ неправильными и сбивчивыми, ошибочно разсуждая, что отвѣты можно считать удовлетворительными если въ нихъ, при какой-бы то ни было формѣ выраженія, обнаруживается пониманіе дѣла.

2. Необходимо, особенно въ первое время, пріучать дѣтей къ тому, чтобъ они *вели устное изложеніе самостоятельными, законченными по формѣ, короткими предложеніями, которыя соединялись-бы между собою внутренней логической связью, а не релятивными* (относительными) *частями рѣчи, къ которымъ принадлежатъ многіе разряды союзовъ и нѣкоторыя мѣстоименія.* Соблюденіе этого условія можетъ облегчить дѣтямъ пониманіе раздѣльности мыслей и правильное построеніе предложеній. Если ученикъ отчетливо сознаетъ извѣстныя мысли, если каждое представленіе у него соединяется съ соотвѣтствующимъ словомъ, какъ выразителемъ представленія, то его, ученика, не затруднитъ устное, а затѣмъ и письменное выраженіе мы

слей и представленій. Все дѣло заключается здѣсь въ сознательности пересказа и вообще рѣчи. Поэтому слѣдуетъ считать скорѣе достоинствомъ, чѣмъ недостаткомъ, если ученикъ, воспроизводя, напр., прочитанную статью, толково, съ пониманіемъ употребляетъ книжные слова и обороты. Однако, не всѣ книги, предназначенныя для класснаго чтенія въ начальныхъ школахъ, даютъ желательные образцы совершенно доступнаго по формѣ, простого и точнаго изложенія, напоминающаго обыкновенную толковую рѣчь. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ «Книгамъ для русскаго чтенія» гр. *Л. Н. Толстого.* Вотъ у кого и намъ, руководителямъ и начальнымъ учителямъ, и ученикамъ народныхъ школъ слѣдуетъ учиться ясности и точности, краткости и выразительности русской рѣчи. «Книга для чтенія» *А. Баранова,* предназначаемая для учениковъ старшаго отдѣленія, гораздо труднѣе книги гр. *Л. Н. Толстого* по изложенію, но послѣ нихъ она оказывается болѣе доступною для учащихся и можетъ знакомить ихъ съ формами выраженія періодическаго, искусственнаго, отвлеченнаго, по скольку усвоеніе такихъ формъ посильно для дѣтей. Но, говоря вообще, можно довольствоваться и такимъ изложеніемъ учащихся, въ которое входятъ лишь короткія самостоятельныя предложенія.

3. Когда дѣти пріобрѣтутъ замѣтный навыкъ устно и письменно излагать свои мысли въ формѣ отдѣльныхъ короткихъ предложеній, тогда умѣстно и полезно пріучать ихъ (дѣтей) къ построенію и употребленію *сложныхъ* предложеній, въ которыя входятъ упомянутые выше релятивные (относительные) союзы и мѣстоименія, къ различенію предложеній придаточныхъ, вносныхъ и вводныхъ, къ измѣненію формы разсказа монологической на разговорную (діалогическую), и наоборотъ, т.-е. къ передачѣ того, что въ книжкѣ имѣетъ безличную (или, правильнѣе, третьеличную) форму, въ видѣ бесѣды дѣйствующихъ лицъ, а равно къ воспроизведенію вносныхъ предложеній отъ третьяго лица *).

---

*) Въ примѣръ измѣненій двухъ послѣднихъ видовъ приведемъ пересказъ басенъ: «Левъ, медвѣдь и лисица» (Перв. книга гр. Л. Толстого, стр. 15) и «Стрекоза и муравей» (тамъ-же, стр. 20).

А. Левъ и медвѣдь достали мяса. Левъ говоритъ медвѣдю: «отдай мнѣ мясо, а то тебѣ будетъ худо». Медвѣдь на это сказалъ: «лучше раздѣлимъ пополамъ, вѣдь мы вмѣстѣ нашли мясо». И пошла у нихъ ссора и драка. Когда они устали драться и легли, лиса схватила мясо и убѣжала.

Б. Стрекоза не запасла для себя корму на зиму и стала просить его у муравьевъ. Тѣ замѣтили стрекозѣ, что ей самой слѣдовало-бы набрать корму впродолженіе лѣта. Стрекоза сказала на это, что лѣтомъ она все пѣла и запасать корму ей было совсѣмъ некогда. Муравьи засмѣялись и не дали стрекозѣ корму.

4. Не всѣ статьи, помѣщаемыя въ книгахъ для класснаго чтенія, одинаково пригодны для письменнаго воспроизведенія учащимися, а потому учитель долженъ дѣлать строгій выборъ статей для этой цѣли, всегда предпочтительно назначая для изложенія на бумагѣ тѣ изъ нихъ, которыя не велики по объему, совершенно доступны для всѣхъ учащихся по содержанію и просты по изложенію и формѣ. Въ первое время (до половины второго учебнаго года) ни одной статьи изъ книги для чтенія не слѣдуетъ давать учащимся для письменнаго воспроизведенія, не выработавъ для него формы въ предварительномъ устномъ изложеніи. При этомъ учителю слѣдуетъ ставить вопросы примѣнительно къ тому порядку и къ той формѣ, какіе онъ желаетъ видѣть въ ученическихъ отвѣтахъ. Вопросы на первыхъ порахъ полезно выписывать на классной доскѣ и съ такимъ расположеніемъ словъ, какое они должны имѣть въ отвѣтахъ.

5. При устномъ воспроизведеніи статей, предположенныхъ къ письменному изложенію, *непремѣнно слѣдуетъ предупреждать какъ стилистическія, такъ и грамматическія ошибки.* Учитель внушаетъ дѣтямъ, чтобы они избѣгали повторенія однихъ и тѣхъ-же словъ и замѣняли ихъ или словами подобозначащими (синонимами), или указательными мѣстоименіями,—чтобы не допускали безъ нужды постояннаго употребленія союза *и* и правильно располагали слова въ предложеніяхъ, — чтобы хорошему изложенію они учились посредствомъ подражанія или книгѣ, или рѣчи учителя. Въ видахъ предупрежденія орѳографическихъ ошибокъ, учитель послѣ устнаго изложенія статьи дѣтьми, спрашиваетъ ихъ, какъ они напишутъ то или другое слово, исправляетъ неправильные отвѣты и даже выписываетъ орѳографически-трудныя слова на классной доскѣ. Что касается знаковъ препинанія, то ученики, особенно старшіе, указываютъ ихъ при вторичномъ пересказѣ статьи. Опытъ показываетъ, что настойчивое и постоянное пользованіе всѣми этими средствами вполнѣ обезпечиваетъ правильность письменнаго изложенія.

6. Очень важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для обученія дѣтей *послѣдовательному письменному изложенію мыслей* является *выясненіе плана статей, читаемыхъ въ классѣ.* Когда дѣти прочитаютъ нѣсколько предложеній, составляющихъ особую часть статьи, учитель предлагаетъ имъ выразить ея содержаніе въ немногихъ словахъ, или придумать короткое заглавіе къ этой части и, по выработкѣ надлежащей редакціи, записываетъ его (заглавіе) на классной доскѣ. Такимъ порядкомъ формируется и записывается содержаніе всѣхъ частей читаемой статьи. Прочитавъ ее всю безъ перерыва, ученики

затѣмъ руководятся, при подробномъ устномъ пересказѣ статьи, выписаннымъ на доскѣ планомъ. Опытъ показываетъ, что этимъ путемъ съ успѣхомъ предупреждаются опущенія и произвольныя перестановки подробностей статьи, и изложеніе ведется полно и связно. Когда дѣти поймутъ, что порядокъ въ расположеніи мыслей есть необходимое условіе всякаго устнаго и письменнаго изложенія, что онъ опредѣляется относительной важностью мыслей, тогда можно наводить ихъ (дѣтей) на указаніе того, какія мысли въ статьѣ самыя главныя и какія второстепенныя,—какъ можно сократить статью посредствомъ изложенія только главныхъ мыслей,—какъ распространить его посредствомъ введенія подходящихъ подробностей,—какъ составить планъ статьи,—какъ она измѣнится, если изложить ее по другому плану, если замѣнить лицо автора своимъ собственнымъ, или предоставить изложеніе одному изъ дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ.

7. Изъ видовъ прозаическихъ сочиненій, по относительной легкости для письменнаго изложенія, назначаются прежде всего *разсказы*, въ которыхъ порядокъ воспроизводимыхъ мыслей опредѣляется послѣдовательностью самыхъ фактовъ; затѣмъ даются *описанія* по образцамъ и планамъ; наконецъ, идутъ письма, переводы славянскаго текста и разсужденія. Отъ учениковъ младшаго отдѣленія начальной школы, во вниманіи къ ихъ возрасту и качеству ихъ письменныхъ навыковъ, для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій требуется весьма незначительная доля самостоятельнаго участія: они упражняются лишь въ дополненіи отдѣльными словами уже готовыхъ примѣровъ и статеекъ и въ легкомъ (маленькомъ) измѣненіи данныхъ образцовъ. Но, несмотря на всю простоту задачъ такого рода, учитель все-таки долженъ облегчать для дѣтей ихъ выполненіе посредствомъ предварительнаго разъясненія всѣхъ недоразумѣній или выписыванія на классной доскѣ трудныхъ словъ. Ученики средняго отдѣленія упражняются сначала въ изложеніи разсказовъ по вопросамъ, въ которыхъ слова намѣренно расположены въ такомъ порядкѣ, какой они должны имѣть въ отвѣтахъ, затѣмъ въ написаніи разсказовъ, содержаніе которыхъ дано почти сполна, въ составленіи описаній, писемъ и разсказовъ по даннымъ образцамъ, въ воспроизведеніи статей по вопросамъ и безъ нихъ, и, наконецъ, въ переводахъ славянскаго текста на русскій языкъ. Ученики старшаго отдѣленія упражняются въ изложеніи статей по планамъ, въ составленіи къ статьямъ плановъ въ видѣ короткихъ рѣчей, а потомъ отдѣльныхъ заглавій, въ сокращеніи статей и распространеніи ихъ по даннымъ планамъ, въ изложеніи разсказовъ отъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, въ измѣненіи басенъ и въ состав-

леніи, на основаніи ихъ, подобныхъ разсказовъ изъ дѣтской жизни, въ составленіи (сначала по вопросамъ, а затѣмъ по планамъ) самостоятельныхъ описаній и разсужденій, въ объясненіи пословицъ, въ составленіи писемъ и разсказовъ по планамъ, въ самостоятельномъ изложеніи прочитанныхъ статей и въ переводахъ на русскій языкъ славянскаго текста. Не довѣряя слабымъ силамъ учащихся, впродолженіе почти всего учебнаго курса учитель не долженъ оставлять ихъ безъ поддержки, указаній и разъясненій и допускать самостоятельное выполненіе ими письменныхъ работъ лишь послѣ продолжительной къ нему подготовки. Къ такой именно постановкѣ дѣла обязываютъ опытъ и постоянныя наблюденія за умственнымъ развитіемъ крестьянскихъ дѣтей, обучающихся въ начальныхъ школахъ какъ у отличныхъ, такъ и у посредственныхъ преподавателей.

А. Анастасіевъ.

Желательная постановка экстемпоральныхъ работъ по древнимъ языкамъ.

«Въ низшихъ трехъ классахъ письменныя упражненія дѣлаются только въ классѣ. При этомъ должно имѣть въ виду, уже съ низшихъ классовъ, подготовлять учениковъ такъ, чтобы въ высшихъ классахъ они могли писать подъ диктовку прямо латинскій переводъ, не записывая русскаго подлинника». (Учебн. планы 1872 г., стр. 35).

«При задаваніи экстемпоралій строго наблюдать, чтобы ученики всѣхъ классовъ, начиная съ низшихъ, не могли пользоваться никакими пособіями» (Изъ протокола одной классной коммиссіи по древнимъ языкамъ, засѣдавшей въ 1890 году).

Если общество, печать и университетскіе профессора въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ выражаютъ свое сожалѣніе и недовольство гимназическимъ образованіемъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи низкаго уровня сочиненій абитуріентовъ, то это не потому, чтобы письменныя работы гимназистовъ, напримѣръ, по древнимъ языкамъ, стояли выше, чѣмъ сочиненія, и потому не давали повода къ жалобамъ и недовольству первыми. Это происходитъ просто отъ того, что въ практикѣ университетскаго образованія (исключая филологическое) и письменно-служебной и общественной дѣятельности бывшихъ питомцевъ гимназій уровень гимназистовъ въ экстемпораліяхъ не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы упражненія гимназистовъ въ экстемпораліяхъ не причиняли имъ особенныхъ лишеній и не заставляли ихъ переживать горькія минуты въ продолженіи гимназическаго курса. Какъ педагоги, такъ и гимназисты, настоящіе и бывшіе, хорошо знаютъ, а послѣдніе съ горечью чувствуютъ и вспоминаютъ, что препятствіемъ къ переводу изъ класса въ классъ и

нерѣдко причиною лишенія аттестата зрѣлости служили не столько слабые устные отвѣты ихъ, сколько плохія отмѣтки за ихъ письменные переводы на урокахъ и на экзаменѣ.

Что уровень экстемпоралій гимназистовъ, къ каковымъ мы относимъ какъ прямые, такъ и обратные переводы по древнимъ языкамъ, низокъ, даже ниже, чѣмъ уровень сочиненій, притомъ не только до 1890 года, но и послѣ него, это доказываетъ испещреніе цвѣтными чернилами преподавателя не только тетрадей гимназистовъ, но и письменныхъ переводовъ ихъ на экзаменѣ зрѣлости и при переходѣ изъ VI въ VII классъ. Въ переводахъ на отечественный языкъ еще не такъ рѣзко бросается въ глаза незнаніе грамматики древнихъ языковъ по самому существу этихъ переводовъ; но въ латинскихъ и греческихъ текстахъ сдѣланныхъ гимназистами переводовъ глаза даже рябитъ чуть не повальное нарушеніе самыхъ элементарныхъ не только синтаксическихъ, но даже этимологическихъ правилъ.

Если упражненія гимназистовъ до 1890 года только въ прямыхъ переводахъ имѣли столь печальные результаты, то тѣмъ болѣе теперь, когда на гимназистовъ возложено двойное бремя вплоть до 6 класса, то-есть, и прямые, и обратные переводы, трудно ожидать болѣе блестящихъ результатовъ въ двоякихъ экстемпораліяхъ гимназистовъ. Если причины неуспѣшности этого рода прежде и теперь тѣ-же, если условія прежней и новой постановки веденія экстемпоралій одинаковы, то и результаты будутъ обратно пропорціональны, то-есть, вдвое хуже, въ особенности по отношенію къ прямымъ переводамъ, съ которыми, по новымъ правиламъ, гимназисты должны освоиться ускореннымъ маршемъ, за два года ранѣе окончанія гимназическаго курса.

Настоитъ, слѣдовательно, неотложная необходимость подумать объ устраненіи ненормальныхъ условій постановки и веденія экстемпоралій и проистекающихъ отъ этихъ условій причинъ малоуспѣшности въ нихъ гимназистовъ. Условія этой постановки какъ будто нарочно придуманы для облегченія преподавателей отъ всякаго труда на урокахъ экстемпоралій и наивозможно большаго обремененія учениковъ. Первыхъ, впрочемъ, винить въ этомъ несправедливо, такъ какъ они и готовы-бы приложить къ этому дѣлу все стараніе, трудъ, знаніе и опытность, но страннымъ образомъ лишены на это права. На вторыхъ возложены не только неудобоносимое бремя, но и почетно-высокія надежды на ихъ самостоятельность и умѣнье обойтись безъ чужой помощи. Въ томъ и другомъ и кроется причина, съ одной стороны, малоуспѣшности учениковъ въ экстемпораліяхъ, а съ другой—

отчасти невозможности, отчасти неумѣнья преподавателей предотвратить эту малоуспѣшность.

Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ по древнимъ языкамъ 1872 года прямо-таки вмѣнялось въ обязанность подготовлять учениковъ такъ, чтобы въ высшихъ классахъ они могли писать экстемпораліи подъ диктовку, но въ практикѣ примѣнили это какъ обязанность лишать учениковъ возможности всякихъ справокъ и пособій и заставлять послѣднихъ, въ случаяхъ затрудненія въ переводѣ и незнакомыхъ словъ, казнить себя пропусками и пустыми мѣстами. Въ объяснительной-же запискѣ къ учебному плану древнихъ языковъ 1890 года эти условія производства письменныхъ упражненій по этимъ предметамъ совсѣмъ не значатся, слѣдовательно, должны-бы считаться отжившими и исключенными. Но такъ какъ и прямого запрещенія соблюдать попрежнему эти условія въ нихъ не помѣщено,— подобно тому, какъ по русскому языку въ отношеніи, напр., сборниковъ темъ,—то, по традиціи и отсутствію на этотъ счетъ прямого указанія, условія эти доселѣ строго выполняются, какъ это и доказываетъ выписка изъ протокола коммиссіи въ эпиграфѣ настоящей статьи, а равно и то, что до сихъ поръ ни одна гимназія, ни одинъ округъ не возбуждали по этому вопросу разъясненія.

По выраженію объяснительной записки нынѣ дѣйствующихъ учебныхъ плановъ, переводы съ русскаго языка на древніе и переводы съ древнихъ языковъ на русскій «могутъ быть только *классными*, причемъ главнѣйшая разница между ними та, что первые имѣютъ *болѣе* дидактическое значеніе, служа средствомъ для упроченія грамматическихъ знаній, послѣдніе-же сами по себѣ служатъ цѣлью». Само собою, выраженіе «болѣе» въ отношеніи къ первымъ предполагаетъ sine qua non дидактическія средства для вторыхъ, ибо только при такомъ условіи они могутъ служить «цѣлью сами по себѣ».

Между тѣмъ, на практикѣ порядокъ и обстановка писанія учениками экстемпоралій обоего вида тоже самихъ по себѣ, т.-е. на урокѣ письменныхъ упражненій, лишены всякаго дидактическаго характера и обратились въ провѣрочный искусъ учениковъ относительно тѣхъ грамматическихъ правилъ, которыя они только-что изучили устнымъ путемъ. Ученики въ первомъ-же письменномъ упражненіи въ пройденномъ отдѣлѣ или парадигмѣ обязаны явиться предъ учителями не новичками, а какъ-бы во всеоружіи преподаннаго и усвоеннаго на устныхъ урокахъ. Но одно дѣло теорія, другое — практика. Правда, между ними тѣсная связь, но тождества быть не можетъ. Не каждый вполнѣ усваиваетъ и сразу можетъ примѣнить къ письменной практикѣ только

что пройденное, тѣмъ болѣе немногіе обладаютъ столь счастливою памятью, что все, ими выученное, неизгладимо запечатлѣвается въ ихъ памяти. Поэтому при изученіи древнихъ языковъ письменныя работы учениковъ должны-бы имѣть главнымъ образомъ дидактическое значеніе, преимущественно передъ устными упражненіями.

Но въ нашихъ гимназіяхъ уже два десятлѣтія исключительно господствуетъ неправильный дидактическій пріемъ въ дѣлѣ изученія древнихъ языковъ. Правда, на устныхъ урокахъ ученики упражняются и въ писаніи фразъ на классной доскѣ, но эти упражненія вліяютъ на пріобрѣтеніе учениками письменнаго умѣнья прилагать пройденныя правила грамматики лишь въ самыхъ гомеопатическихъ дозахъ. Эти упражненія не общія, а касаются отдѣльныхъ учениковъ, пишущихъ на доскѣ, слѣдовательно, для каждаго ученика рѣдки и кратковременны, и тѣмъ самымъ непрочны; притомъ, когда одинъ пишетъ на доскѣ, прочіе или сидятъ, развѣсивъ уши, или усваиваютъ написанное на доскѣ, хотя-бы и записывали въ тетради, чрезъ вторыя руки, механически, а не проработывая собственнымъ умомъ.

Какъ здоровье, помимо изобилія лекарствъ, лишь при удачномъ леченіи прибавляется не пудами, а золотниками, такъ и болѣе или менѣе высокій уровень экстемпоралій не можетъ быть достигнутъ на однихъ устныхъ урокахъ, какъ-бы блистательно они ни велись и какъ-бы основательно ни усваивались на нихъ грамматическія знанія. Какъ ни дѣйствительны рекомендуемыя противъ извѣстной болѣзни лекарства, но безъ врача они часто не только не помогаютъ, но и вредятъ паціенту; такъ и усвоенныя учениками свѣдѣнія по древнимъ языкамъ устнымъ путемъ могутъ быть примѣнены ими правильно къ экстемпораліямъ лишь съ помощью и подъ руководствомъ учителя не на устныхъ только урокахъ, но главнымъ образомъ на самыхъ урокахъ письменныхъ упражненій.

Очевидно отсюда, что экстемпораліи, вслѣдствіе роковой ошибки, доселѣ сохранили исключительно провѣрочный характеръ; о статарныхъ экстемпораліяхъ и въ поминѣ нѣтъ, почему на урокахъ письменныхъ упражненій дидактика не имѣетъ мѣста, что и служитъ главною и неоспоримою причиной малоуспѣшности гимназистовъ въ письменныхъ переводахъ обоихъ видовъ. Практикуемый-же такъ-называемый correctum мало помогаетъ дѣлу: это—механическое воспроизведеніе исправленнаго учителемъ, безъ всякой самодѣятельности со стороны учениковъ.

Еще въ 1872 году первою редакціею гимназическихъ учебныхъ плановъ былъ вполнѣ разумно установленъ двоякій диктантъ: ста-

тарный и курсорный. Тѣмъ болѣе для экстемпоралій неизбѣжна двоякая практика веденія ихъ: прежде и чаще всего онѣ должны быть дидактическія, статарныя, и лишь изрѣдка могутъ предлагаться ученикамъ экстемпораліи курсорныя, провѣрочныя.

Послѣднія обязательны только одинъ разъ въ концѣ учебной четверти—съ цѣлью провѣрить и убѣдиться преподавателю въ степени умѣнья каждаго ученика примѣнять на письмѣ пройденную часть грамматики и письменно переводить читаемаго автора-классика. Получаемая ученикомъ за эту работу отмѣтка должна свидѣтельствовать объ его успѣхахъ и необходимо должна приниматься во вниманіе при среднемъ выводѣ четвертной отмѣтки. Но эта отмѣтка ни въ какомъ случаѣ не должна утопать во множествѣ отмѣтокъ, полученныхъ ученикомъ въ теченіе четверти за устные отвѣты. Изъ послѣднихъ прежде всего выводится средняя отмѣтка, какъ одно изъ двухъ слагаемыхъ для общаго средняго вывода—изъ отмѣтки за устные отвѣты и балла за провѣрочныя экстемпораліи. Само собой разумѣется, что послѣднія выполняются ученикомъ уже вполнѣ самостоятельно, безъ всякой помощи учителя и съ устраненіемъ всякихъ справокъ и пособій.

Всѣ остальные уроки письменныхъ упражненій, слѣдовательно—еженедѣльно, должны посвящаться поочередно двоякимъ экстемпораліямъ, т.-е. прямымъ и обратнымъ переводамъ, съ характеромъ статарнымъ, на дидактической основѣ, подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя и въ соединеніи съ правомъ ученика пользоваться подручными справками и необходимыми пособіями.

Принципъ saepe vertere stylum и при изученіи древнихъ языковъ имѣетъ ту-же созидающую силу и даетъ тѣ-же плодотворные результаты, какъ и въ примѣненіи къ сочиненіямъ. Изъ примѣненія этого принципа и статарной постановки экстемпоралій вытекаетъ тотъ живительный источникъ, изъ котораго каждый ученикъ можетъ утолять свою духовную жажду сколько душѣ угодно. При нынѣшней-же постановкѣ экстемпоралій онъ, точно томимый мучительной жаждой, блуждаетъ въ песчанной пустынѣ, изъ которой нѣтъ никакого выходу...

Перейдемъ теперь къ опредѣленію роли учителя и дѣятельности ученика при статарной-дидактической постановкѣ экстемпоралій.

Приступая къ письменному переводу, ученикъ долженъ не подъ парту спрятать или сложить въ кучу предъ очи учителя, но имѣть открыто подъ рукой учебникъ грамматики и лексиконъ,—общій, полный и подробный, а не какой-нибудь тощій словарикъ при грамматикѣ или словарѣ. Въ случаѣ забытаго правила или парадигмы, онъ имѣетъ полное право порыться въ учебникѣ, который и разрѣшитъ

его недоумѣніе, и укрѣпитъ въ памяти забытое часто самое элементарное правило или парадигму, причемъ мимоходомъ онъ прослѣдитъ и сопутствующія справкѣ уклоненія или исключенія, закрѣпляя и ихъ въ своей памяти для будущихъ болѣе плодотворныхъ работъ. При затрудненіяхъ въ прiисканіи для прямого перевода подходящаго слова, а не перваго, хранимаго въ памяти, для обратнаго-же перевода подходящаго значенія, а не прямого или переноснаго, которое единственно ему знакомо, онъ, при указанныхъ условіяхъ, всегда имѣетъ полнѣйшую возможность найти въ лексиконѣ подходящее слово, подходящее значеніе, попутно знакомясь и усвояя памятью большинство или всѣ значенія даннаго слова, т.-е. будетъ усвоять не одно подходящее слово. но и синонимы его съ ихъ оттѣнками.

Такая болѣе самостоятельная дѣятельность ученика заключаетъ въ себѣ прежде всего великую мнемоническую силу. Ничто такъ не укрѣпляется въ памяти, даже сильнѣе многократныхъ устныхъ повтореній, какъ то, что мы сами открыли, подыскали, лично прочитали, свѣрили, сравнили съ тѣмъ, что ошибочно или не ясно помнимъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы часто невольно припоминаемъ съ должной ясностью, иногда съ подробностями, и то, что когда-то слышали, читали и учили, но въ данный моментъ забыли или помнимъ неотчетливо, въ какомъ-то туманѣ. Такое обильное, и при томъ самостоятельное, добытое съ такимъ трудомъ и осмотрительностію, пріобрѣтеніе данныхъ и фактовъ путемъ разнообразныхъ справокъ и, такъ сказать, рытья и копанія въ книгѣ разъ навсегда упрочиваетъ ихъ въ памяти. Именно этимъ, а не инымъ путемъ и люди науки пріобрѣтаютъ свою ученость и свой научный авторитетъ. Прочитанныя книги и источники, какъ-бы они ни были многочисленны, оставляютъ въ ихъ памяти лишь слабый слѣдъ и далеко неясныя представленія о подробностяхъ ихъ содержанія. Поэтому они не удовлетворяются прямымъ прочтеніемъ новой книги или источника, но дѣлаютъ выписки, отмѣчаютъ на поляхъ карандашомъ то, что нужно впредь перечитать или выписать, свѣряютъ и сравниваютъ выписанное и отмѣченное съ тѣмъ, что читали, записали, отмѣтили по тѣмъ-же вопросамъ или фактамъ въ прежде прочитанныхъ книгахъ или источникахъ. Только послѣ многолѣтнихъ усидчивыхъ трудовъ въ этомъ направленіи человѣкъ науки чувствуетъ себя въ состояніи приступить къ самостоятельному труду или изслѣдованію, ибо только теперь онъ имѣетъ возможность иллюстрировать свою работу многочисленными ссылками, выписками и цитатами. Но и при этомъ онъ не опирается на одну свою память, хотя и богатую свѣдѣніями и фактами, а продолжаетъ непре-

рывно ту-же черную работу укрѣпленія и освѣщенія въ памяти прежде добытыхъ свѣдѣній и обогащенія ея новыми данными и фактами. Такимъ только путемъ память его становится настоящимъ депо, въ которомъ у него всегда наготовѣ многія точныя свѣдѣнія и вѣрные факты. Подобнымъ-же путемъ и ученикъ, упражняясь въ экстемпораліяхъ и при этомъ постоянно обращаясь съ грамматикой и словаремъ, выработаетъ въ себѣ и навыкъ въ обращеніи съ ними, и такое твердое памятованіе пройденнаго курса, какого никогда не дадутъ ему даже многократныя устныя повторенія.

Но этотъ-же способъ упражненія въ экстемпораліяхъ и въ выполненіи ихъ, помимо укрѣпленія въ памяти пройденнаго на устныхъ урокахъ, имѣетъ за собой другое, еще болѣе важное преимущество, не мнемоническое только, а и интеллектуальное. Здѣсь въ особенности должно проявиться то развивающее умственныя силы учениковъ вліяніе, которое недаромъ приписывается древнимъ языкамъ. Грамматическія справки, выборка и примѣненіе правилъ и парадигмъ, отыскиваніе въ словарѣ подходящаго слова или значенія, съ неизбѣжнымъ стремленіемъ попутно усвоять синонимы, переносныя значенія словъ, техническія выраженія, классическіе афоризмы и идіотизмы языка, въ изобиліи разсѣянные въ лексиконѣ,—все это не можетъ не отразиться самыми благотворными результатами въ дѣлѣ умственнаго развитія ученика. Эта справочная работа необходимо изощряетъ его умъ, развиваетъ наблюдательность, приводитъ къ остроумнымъ аналогіямъ, вырабатываетъ находчивость, быстроту соображенія и глубокомысліе.

Между тѣмъ, при настоящихъ порядкахъ веденія экстемпоралій, ученикъ неизбѣжно обращается въ автомата, механически выполняющаго свою работу по отрывочнымъ, туманнымъ и для него самого сомнительнымъ свѣдѣніямъ, которыя далеко не упрочились въ его памяти, да и не могутъ никогда упрочиться. Учитель обыкновенно, поражаемый обиліемъ ошибокъ, или въ раздраженіи, ставитъ единицы, или внушаетъ ученику: «повторяй-же грамматику», ища въ этомъ почти безплодномъ, и притомъ обременительномъ, повтореніи цѣлой грамматики мнимый кладъ. Ученикъ-же, получая то и дѣло плохія отмѣтки и не обрѣтая дѣйствительной помощи въ попыткахъ повторенія грамматики, быстро складываетъ оружіе, приходя къ ложному убѣжденію въ своей неспособности къ экстемпораліямъ и ведя ихъ какъ попало, лишь для счету. Онъ застываетъ на томъ уровнѣ, на какомъ и началъ выполнять экстемпораліи: грамматическія правила—для него непроходимый лѣсъ, а запасъ словъ онъ помнитъ большей частью лишь въ томъ единственномъ значеніи, съ которымъ онъ ихъ заучилъ

когда-то. Послѣдній недостатокъ мѣтко указанъ проф. Нетушилемъ въ его отзывѣ о письменныхъ работахъ абитуріентовъ по древнимъ языкамъ: «ученики привыкли заучивать слова въ томъ значеніи, въ которомъ они встрѣтились имъ въ первый разъ или въ которомъ они чаще всего встрѣчаются, безъ отношенія къ естественной связи этихъ значеній съ другими и даже со значеніемъ самого корня». Поэтому весьма разумно редакція «Иллюстрированнаго собранія классиковъ» не прилагаетъ къ своимъ изданіямъ, вопреки обычаю, словариковъ, побуждая учащихся пользоваться общимъ словаремъ. И въ самомъ дѣлѣ, давно пора-бы изъять изъ употребленія эти тощіе словарики, прилагаемые только для увеличенія цѣны къ учебникамъ и изданіямъ древнихъ авторовъ.

Роль-же учителя во время выполненія учениками экстемпоралій должна состоять въ слѣдующемъ. Прежде всего онъ долженъ не отбирать отъ учениковъ грамматику и словарь, а, напротивъ, побуждать ихъ усердно и широко ими пользоваться, не надѣяться безъ мѣры на свою память, остерегаться самоувѣренности, провѣрять по учебнику и лексикону каждую форму, каждое слово, неясно представляемое, при малѣйшемъ сомнѣніи обращаться за соотвѣтствующей справкой. Далѣе, его дѣло, особенно на первыхъ порахъ, научить учениковъ разумному и плодотворному способу пользованія справками, предостерегая отъ поверхностнаго взглядыванія въ книгу, самолично давая по учебнику и словарю примѣры того, какъ вести и относиться къ справкамъ. Потомъ, на учителѣ-же лежитъ обязанность поочередно разъяснять ученикамъ недоразумѣнія, затрудняющія ихъ и послѣ наведенной справки: ученикъ могъ или не понять на урокахъ пройденнаго правила, или пропустить его по болѣзни, а данное слово ему можетъ встрѣтиться въ первый разъ, и онъ не въ состояніи разобраться во множествѣ его значеній. Тутъ умѣстны и филологическія разъясненія слова, указывающія связь его съ корнемъ, а послѣдняго съ другими производными отъ него словами. Въ особенности-же учитель долженъ почаще бесѣдовать и направлять отстающихъ, пробуждая ихъ къ самодѣятельности, трудолюбію, углубленію въ предметъ и развивая ихъ эвристическія способности: соображеніе, находчивость и стремленіе къ аналогіямъ.

Съ другой стороны, присутствуя при самомъ процессѣ мнемонической и интеллектуальной дѣятельности учениковъ во время экстемпоралій, учитель вполнѣ знакомится съ индивидуальными способностями каждаго изъ нихъ, съ степенью ихъ трудолюбія, вниманія, интереса къ ученію, самыхъ успѣховъ. Ни малѣйшій недостатокъ,

препятствующій правильному и прогрессивному ходу ученія каждаго ученика, не укроется отъ учителя, у котораго подъ рукою имѣются также и мѣры къ устраненію или ослабленію недостатка. При выводѣ-же отмѣтки за провѣрочныя экстемпораліи онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи, на основаніи дидактическихъ занятій съ учениками, всѣ данныя къ правильной, безпристрастной и безошибочной оцѣнкѣ письменныхъ работъ учениковъ, обнаруживающихъ предъ нимъ и степень самодѣятельности ихъ. Если-же и впредь экстемпораліи будутъ обращены въ какой-то, такъ сказать, вѣчный экзаменъ учениковъ, то, спрашивается, когда-же имъ учиться?

А. Дмитревскій.

О преподаваніи алгебры въ гимназіяхъ.

Алгебра — часть математическаго анализа, таковою должна она являться и въ гимназическомъ курсѣ. Учащихся надо познакомить съ этимъ анализомъ и хотя отчасти научить владѣть имъ. Знакомство съ анализомъ и его теоріей развиваетъ мышленіе; примѣненіе пріемовъ анализа къ практическимъ примѣрамъ самими учащимися развиваетъ въ послѣднихъ умѣнье самостоятельно работать. Усвоеніе теоріи не даетъ еще умѣнья владѣть пріобрѣтенными знаніями, а безъ умѣнья владѣть ими не можетъ быть и достаточно основательнаго пониманія теоріи,—будетъ пониманіе только въ общихъ чертахъ. Переходя къ примѣненію теоріи, каждый долженъ обдумывать частности; вотъ это-то обдумываніе и заставляетъ глубже вникать въ теорію. Разумѣется, практическія только знанія по какому-либо предмету, т.-е. знаніе только частныхъ фактовъ безъ общей руководящей идеи, безъ навыка искать такую идею, еще менѣе удовлетворительны. Они могутъ быть легче примѣнимы, легче могутъ принести пользу ихъ обладателю, но отсутствіе идеи осуждаетъ ихъ на всегдашнее ограниченіе, не даетъ возможности развитія. Знаніе теоріи, необходимо связанное съ привычкой обобщать, когда будетъ примѣнено къ практикѣ, даетъ послѣдней бо́льшую широту и глубину и гораздо легче ведетъ къ новымъ примѣненіямъ и открытіямъ.

Что должно предшествовать? Мы думаемъ, что при обученіи дѣтей должна предшествовать практика, при обученіи взрослыхъ—теорія. Если усвоена теорія предмета, т.-е. общая мысль, то, разумѣется, сравнительно скоро можно научиться примѣненію, да кромѣ того предварительное знаніе теоріи научитъ вообще быстрой, правильной работѣ и облегчитъ обладаніе знаніемъ, давъ его въ видѣ связнаго матеріала. Для дѣтей-же такой путь немыслимъ. Для усвоенія отвлеченной теоріи нужна извѣстная подготовка, извѣстный общій навыкъ къ теоретическимъ занятіямъ, пріобрѣтенный на какихъ-либо

изученныхъ прежде предметахъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ такого навыка пріобрѣтено быть не можетъ. Первый путь пріобрѣтенія знаній—наблюденіе, слѣдовательно, практическія работы. Анализу можно учиться только тогда, если свойства величинъ, которыя могутъ встрѣтиться въ анализируемомъ вопросѣ, достаточно извѣстны. Математическій анализъ самъ по себѣ новаго рода величинъ, отличныхъ отъ данныхъ по качеству, не даетъ, а только можетъ привести къ открытію новаго рода числовыхъ соотношеній между ними.

Для примѣненія алгебраическаго анализа необходимо обладаніе до извѣстной степени и средствами анализа, т.-е. алгебраическими вычисленіями. Кто не умѣетъ самъ вести вычисленіе, тотъ принужденъ и въ анализѣ слѣдить только за развитіемъ мысли объясняющаго, самостоятельно размышлять не можетъ. Всякій учившійся алгебрѣ знаетъ, что навыкъ къ алгебраическимъ вычисленіямъ дается не легко, для пріобрѣтенія его необходимо очень большое количество упражненій.

Признавая необходимымъ овладѣть вычисленіемъ до перехода къ анализу, напомнимъ, что все-же главною цѣлью занятій должно быть изученіе анализа, т.-е. знакомство съ уравненіями, ихъ свойствами, съ теоріей ихъ рѣшеній и съ изслѣдованіемъ общихъ формулъ рѣшеній; разумѣется, необходимо и примѣненіе теоріи къ частнымъ случаямъ, къ задачамъ.

Мы думаемъ, что преподаватель алгебры долженъ научить дѣтей различать тѣ статьи, которыя касаются алгебраическаго вычисленія собственно и изученія свойствъ количествъ, разсматриваемыхъ алгеброй (изученія средствъ анализа), отъ статей, относящихся къ теоріи рѣшенія и изслѣдованія вопросовъ при помощи уравненій (самаго анализа). Учащіеся должны понимать значеніе статей того и другого рода въ общемъ курсѣ алгебры. Думаемъ, что на практикѣ недостаточно обращается на это вниманія, а потому учащіеся далеко не всегда видятъ нѣчто цѣлое въ курсѣ, не улавливаютъ общей идеи предмета. Постараемся доказать это разсмотрѣніемъ того, что проходится въ гимназіяхъ, а также показать, что полезно было-бы сдѣлать, по нашему мнѣнію, для улучшенія преподаванія алгебры.

Въ настоящее время въ 3-мъ классѣ знакомятъ съ алгебраическими обобщеніями и пріучаютъ къ вычисленіямъ, большею частью, насколько приходилось наблюдать, въ ограниченныхъ размѣрахъ, совсѣмъ не знакомя еще съ разложеніемъ на множители; правило знаковъ при умноженіи одночленовъ показывается, но не разъясняется тщательно; учебника обыкновенно еще не употребляютъ, а только

задачникъ. Въ четвертомъ классѣ обращается особенное вниманіе на развитіе навыка въ алгебраическихъ вычисленіяхъ, что вполнѣ понятно и правильно: необходимо овладѣть этимъ вычисленіемъ, чтобы можно было его примѣнять и понять его значеніе для анализа. Особенное вниманіе обращается, конечно, на разложеніе на множители, какъ требующее большаго количества упражненій, а затѣмъ—на рѣшеніе уравненій, при чемъ опять-таки главную трудность составляютъ преобразованія, требующія умѣнья разлагать многочлены на множители и отыскивать ихъ общее наименьшее кратное—для приведенія данныхъ дробей къ одному знаменателю. На теорію свойствъ уравненій и на доказательство правила знаковъ при умноженіи, доказательство свойствъ дробей и пропорцій нѣкоторые преподаватели обращаютъ главное вниманіе, другіе-же налегаютъ по преимуществу на практическую сторону. Въ этомъ сказывается вообще различіе въ направленіи преподавателей математики, раздѣляющихся на двѣ главныя группы. Одни изъ нихъ теоріи предмета придаютъ не только главное образовательное значеніе, но даже исключительное. Они утверждаютъ, что учащіеся при усвоеніи теоріи, будучи принуждены напряженно вдумываться, чтобы понять ее, черезъ это развиваются и дѣлаются постепенно способными къ самостоятельной работѣ. Чѣмъ строже будетъ изложена теорія, думаютъ они, тѣмъ правильнѣе съ самаго начала будетъ развиваться мысль учащагося. Разумѣется, они признаютъ все-же необходимость заботиться о возможной простотѣ изложенія, но не въ ущербъ точности. Въ случаѣ сильныхъ затрудненій со стороны учащихся, они склонны думать, что таковые ученики неспособны къ математикѣ, имъ можно многіе недочеты простить, но и безпокоиться много о нихъ нечего: все равно—не поймутъ.

Другая группа преподавателей-математиковъ, вполнѣ признавая важное значеніе теоріи и образовательное вліяніе послѣдней, въ тоже время утверждаетъ, что это значеніе и это вліяніе получаетъ теорія только тогда, когда она дѣйствительно усвоена и понята учащимися, а такое пониманіе достигается не легко, надо особенно позаботиться, чтобы помочь учащимся, а потому огромное значеніе придаютъ методу преподаванія. Конечно, говорятъ они, кто въ состояніи достигнуть пониманія теоріи безъ помощи другихъ, тотъ, усвоивъ теорію, дѣйствительно разовьется отлично; но для такого усвоенія нужно имѣть и особыя способности; сама по себѣ теорія ихъ не разовьетъ, а развиваетъ та умственная работа, которую ведетъ учащійся. Но всякой работѣ нужно учить, нужно показывать ея пріемы, не то масса труда и времени будутъ потрачены даромъ. Нужно удив-

ляться способностямъ самоучки-механика, который самъ дошелъ до пониманія устройства часовъ и съумѣлъ самъ ихъ построить; нѣтъ сомнѣнія, что способности его сильно развились на такой работѣ, но все-же самая работа въ большей долѣ ея совсѣмъ безполезна. Гораздо лучше было-бы ему знать механизмъ часовъ, его теорію и пріемы работы, да примѣнить ихъ къ новой работѣ. Тогда онъ силъ потратитъ меньше, такъ какъ будетъ знать пріемы работы, но разовьется столько-же, потому что будетъ вести вполнѣ самостоятельно новую работу, а результатъ будетъ больше.

Оттого такъ много и считается не могущихъ съ успѣхомъ заниматься математикой, что преподаватели часто не обращаютъ должнаго вниманія на обученіе работѣ, обучаютъ только теоріи. Въ общеобразовательной школѣ нужно готовить не математиковъ, а всѣхъ учащихся обучать математикѣ. Только тотъ предметъ и можетъ быть предметомъ обученія въ средней общеобразовательной школѣ, который доступенъ большинству учащихся. Математика, въ томъ числѣ и алгебра, всегда и очень давно уже считается необходимостью въ общеобразовательной школѣ, какъ упражняющая въ точномъ и осторожномъ мышленіи, результаты котораго могутъ быть и провѣрены учащимся, притомъ весьма важною и въ практическомъ отношеніи по своимъ приложеніямъ. Чтобы предметъ обученія сдѣлать доступнымъ большинству, необходимо сообразоваться съ ходомъ развитія учащихся. На этомъ основаніи нельзя требовать, говорятъ преподаватели второй группы, чтобы дѣти, начинающія обучаться алгебрѣ, сразу усваивали возможно точное изложеніе теоріи: оно очень отвлеченно, и такой степенью отвлеченности мысли дѣти разсматриваемаго возраста, вообще говоря, обладать не могутъ. Если инструментъ неточенъ (невѣренъ, какъ говорятъ), то, какъ-бы тщательно мы его ни установляли, точныхъ результатовъ онъ дать не можетъ. Подобно тому и дѣти, не достигшія развитія и способности къ отвлеченному мышленію, не могутъ усвоить въ высокой степени отвлеченной алгебраической теоріи, какъ-бы мы ни ухищрялись разъяснить ее. Пониманіе алгебраической теоріи можетъ явиться лишь какъ результатъ обученія, послѣ продолжительной работы надъ усвоеніемъ частностей и объясненій связи между всѣми изучаемыми частями, благодаря которымъ и создается стройное цѣлое.

Алгебра даетъ общіе знаки для выраженія количества (буквы вмѣсто цыфръ); благодаря этому, при рѣшеніи вопроса приходится только обозначить, какія дѣйствія надо произвести для полученія результата. Повидимому, это скорѣе должно обременять насъ, потому

что выраженія получаются болѣе сложныя и самый результатъ не опредѣленъ. Но въ дѣйствительности введеніе общихъ знаковъ для обозначенія количествъ даетъ чрезвычайно важные и выгодные результаты.

Во-первыхъ, употребленіе общихъ знаковъ само собою выдѣлитъ сущность вопроса изъ частностей: ими можетъ быть только *показано*, что должно быть сдѣлано съ данными, слѣдовательно, показываются соотношенія результата съ данными. При сокращеніи полученнаго результата, если таковое возможно, формула покажетъ только тѣ соотношенія, которыя вліяютъ на окончательный результатъ, а тѣ, которыя для опредѣленія его не нужны и являлись только посредниками вычисленія, при сокращеніи формулы сами собою исчезаютъ. Но этимъ важныя послѣдствія введенія общихъ знаковъ далеко не исчерпываются.

Вторая ихъ выгода та, что обозначить буквой, не имѣющей опредѣленнаго значенія, мы можемъ не только данныя, но и неизвѣстныя количества, искомыя. Черезъ это мы можемъ выразить не то, какія дѣйствія нужно сдѣлать съ данными для опредѣленія искомаго, но прямо тѣ условія, какія даны для рѣшенія вопроса. Въ первомъ случаѣ мы должны «рѣшить вопросъ», т.-е. данную сложную задачу разбить на рядъ простыхъ, послѣдовательно рѣшая которыя мы и опредѣлимъ тотъ рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, который долженъ быть выполненъ для нахожденія искомаго. Во второмъ случаѣ, вводя въ формулу кромѣ данныхъ и искомыя, мы имѣемъ возможность выразить прямо сложную зависимость между данными и искомыми посредствомъ уравненій, не нуждаемся въ раздѣленіи сложной задачи на рядъ простыхъ, т.-е. рѣшаемыхъ однимъ дѣйствіемъ. А разбить сложную задачу на простыя всего труднѣе. Каждый изъ опыта знаетъ, какъ часто бываетъ гораздо легче составить уравненіе, чѣмъ ариѳметически рѣшить задачу, т.-е. разбить ее на рядъ простыхъ.

Третье послѣдствіе введенія общихъ знаковъ для выраженія количествъ состоитъ въ томъ, что формула рѣшенія уравненія, сохраняя всѣ данныя, нужныя для рѣшенія вопроса, указывая и ихъ взаимныя соотношенія, позволяетъ разсмотрѣть всѣ возможныя видоизмѣненія рѣшенія, какія могутъ произойти при различной величинѣ данныхъ. Другими словами, формула даетъ возможность изслѣдовать тотчасъ-же по полученіи формулы всѣ возможные частные случаи рѣшенія вопроса. Изслѣдованіе частныхъ случаевъ при ариѳметическомъ рѣшеніи вопроса требуетъ очень большого напряженія, большого навыка, чтобы предусмотрѣть всѣ частные случаи. Всякій учившійся въ гимназіи знаетъ это по собственному опыту.

Четвертое послѣдствіе. Употребленіе общихъ знаковъ, приводя къ выраженію непосредственно сложной зависимости между данными и искомыми, этимъ самымъ приводитъ и къ другой перемѣнѣ пріема рѣшенія вопросовъ. Мы рѣшаемъ уравненіе, не соображаясь съ тѣмъ, какого рода данныя выражены этими буквами; мы рѣшаемъ уравненія, соображаясь *съ видомъ полученнаго выраженія*. Одинъ пріемъ служитъ для рѣшенія уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, квадратныя уравненія рѣшаются другимъ пріемомъ и т. д. Поэтому-то мы одинаково рѣшаемъ уравненія, относящіяся къ физическимъ фактамъ, механическимъ, химическимъ и т. д. Общность достигается громадная. Всѣ изслѣдованія, какія были сдѣланы относительно общей, чисто алгебраической формулы, сейчасъ-же примѣняются къ новому случаю, къ изучаемому, напримѣръ, физическому явленію, расширяя такимъ образомъ сразу наши о немъ знанія; знаніе частныхъ случаевъ общей формулы является могущественнымъ руководствомъ въ изслѣдованіи тѣхъ фактовъ, къ которымъ удалось примѣнить формулу.

Наконецъ, пятое слѣдствіе общности употребляемыхъ знаковъ для обозначенія количествъ—возможность дальнѣйшаго развитія средствъ анализа, т.-е. появленіе новаго рода выраженій, которые, очевидно, или выражаютъ новаго рода соотношенія, по своей сложности не замѣченныя раньше, или-же имѣютъ условное значеніе, облегчающее изслѣдованія. Какое громадное значеніе имѣютъ въ наукѣ удобныя обозначенія количествъ видно уже изъ того, что алгебра почти вся и весь анализъ трансцедентныхъ функцій (высшая математика) развились только тогда, когда вошли въ употребленіе алгебраическія обозначенія количествъ. Громадная талантливость древнихъ грековъ была достаточна для такой разработки геометріи, что книга Евклида и теперь не только не потеряла своего значенія, но даже и теперь употребляется какъ руководство—или непосредственно, или составляетъ основу новыхъ книгъ. Но алгебры и вообще математическаго анализа греки разработать не могли по недостатку средствъ для удобнаго изображенія количествъ. Значеніе удобныхъ средствъ выраженія количествъ можно сравнить со значеніемъ инструментовъ при обработкѣ данныхъ матеріаловъ. Конечно, не инструментъ исполняетъ работу, но безъ него мы ничего не въ состояніи сдѣлать: безъ рубанка, напримѣръ, не выстругать доску, безъ станка не выточить ножки стола и т. д. Необходимость сохраненія общаго значенія употребляемыхъ знаковъ привело къ введенію отрицательныхъ количествъ, мнимыхъ количествъ, количествъ съ 0 и отрицательными показате-

лями и т. д., а стремленіе къ расширенію разсматриваемыхъ соотношеній привело къ введенію радикаловъ, логариѳмъ и т. д.

Разъяснить учащимся значеніе алгебраическихъ обобщеній, конечно, нужно, но это не можетъ быть сдѣлано въ короткое время, и по отвлеченности понятій они не могутъ быть разъяснены предварительно, до прохожденія курса. Они могутъ быть усвоены достаточно полно только при концѣ курса и явятся сводомъ обобщеній пройденнаго. Начинающій заниматься алгеброй можетъ усваивать только частныя примѣненія ихъ, точныхъ и общихъ алгебраическихъ выводовъ понимать онъ еще не можетъ.

На этихъ основаніяхъ вторая группа преподавателей - математиковъ говоритъ, что въ 4 классѣ гимназіи возможно только еще пріучать къ обобщеніямъ и алгебраическимъ общимъ разсужденіямъ, поэтому доказательства возможности преобразованія уравненій, доказательства правилъ знаковъ и тому подобныя теоретическія требованія не должны имѣть преобладающаго значенія въ курсѣ, но постепенно вводиться при дальнѣйшихъ занятіяхъ. Съ другой стороны, дѣти гораздо легче привыкаютъ къ алгебраическимъ вычисленіямъ, чѣмъ взрослые, не учившіеся прежде алгебрѣ, хотя и не мало занимавшіеся и пріобрѣвшіе значительное общее развитіе. Дѣти легко воспринимаютъ наблюдаемый фактъ и только позже доискиваются его основаній. Взрослый тотчасъ - же хочетъ выяснить себѣ каждый фактъ, и это мѣшаетъ ему на практикѣ овладѣть фактомъ, если онъ по отвлеченности понятій, ведущихъ къ его объясненію, не сразу дѣлается ему понятнымъ. Кромѣ того, дѣти любятъ самыя вычисленія и охотно занимаются ими; взрослые все желаютъ заниматься теоріей, вычисляютъ неохотно, хотя знаютъ, что для пониманія теоріи безусловно необходимо владѣть вычисленіемъ. Если-же отъ дѣтей требуютъ съ самаго начала усвоенія строгой теоріи въ самой отвлеченной формѣ, то этимъ всего скорѣе можно отбить у нихъ охоту заниматься теоріей: нѣтъ ничего тяжелѣе непосильной работы, она калѣчитъ человѣка. Горе и несчастія часто возвышаютъ духъ человѣка, но необходимость заниматься непонятной работой убиваетъ духъ. Это слишкомъ опасное положеніе для учащихся.

По нашимъ наблюденіямъ, большинство учащихся, которые даже одолѣваютъ теорію, преподаваемую имъ съ первыхъ-же шаговъ обученія алгебрѣ, впослѣдствіи пріобрѣтаютъ навыкъ судить по *виду* алгебраическихъ выраженій о томъ, что слѣдуетъ съ ними дѣлать, пріобрѣтаютъ навыкъ строить по извѣстнымъ имъ образцамъ разсужденія, но часто при этомъ не вдумываются въ глубь вопроса, такъ

и остаются судящими по виду выраженій. Можетъ быть, они дѣлаются и болѣе математичными, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ требуется постепенный переходъ отъ практики къ отвлеченной теоріи, однако первые усваиваютъ методъ болѣе внѣшнимъ образомъ, основъ его касаются мало, и не склонны ихъ касаться, общее развитіе ихъ ниже. Ни для кого не секретъ, что математики-спеціалисты далеко не славятся высокимъ развитіемъ, признаются людьми очень односторонне развитыми. Не такими должна дѣлать общеобразовательная школа своихъ питомцевъ *).

Во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, но въ 4-мъ классѣ проходятся статьи, дающія навыки къ основнымъ алгебраическимъ преобразованіямъ, къ рѣшенію и составленію уравненій первой степени съ однимъ или двумя и нѣсколькими неизвѣстными. О квадратныхъ корняхъ (какъ положено программами) большею частью пройти не успѣваютъ.

Въ пятомъ классѣ проходятъ о квадратныхъ корняхъ и другихъ радикалахъ, о квадратныхъ уравненіяхъ. До послѣднихъ измѣненій въ гимназическихъ программахъ въ курсъ 5-го класса входила еще статья о неопредѣленныхъ уравненіяхъ, а теперь она отнесена къ курсу 7-го класса, а въ курсъ 5-го класса включена небольшая статья о свойствахъ 3-го члена 2-й степени и подготовка къ изслѣдованію квадратныхъ уравненій. Курсъ 5-го класса не труденъ, но онъ долженъ имѣть важное значеніе какъ переходный къ усиленію и развитію занятій теоріей. Статьи о радикалахъ и квадратныхъ уравненіяхъ представляютъ къ тому удобство, такъ какъ теорія не сложна и проще теоріи общихъ свойствъ уравненій и отрицательныхъ количествъ. Кромѣ того, въ 5 классѣ представляется удобнымъ связать занятія алгеброй съ занятіями геометріей, такъ какъ къ уравненіямъ квадратнымъ часто приводитъ рѣшеніе геометрическихъ задачъ, относящихся къ курсу того-же 5-го класса. На практикѣ, насколько намъ извѣстно, преподаватели-математики (такъ назовемъ для краткости тѣхъ, которые придаютъ исключительное значеніе одной теоріи), излагая теорію квадратныхъ уравненій и радикаловъ, говорятъ о ней только въ отдѣльности, рѣдко касаясь соотношеній ея съ прежде пройденнымъ, не говоря о ясно уже выраженномъ характерѣ алгебраическихъ разсужденій, не заставляя вникать въ методъ работы, такъ

*) Одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ математиковъ, самъ далеко не односторонній человѣкъ, прямо говаривалъ студентамъ, что не совѣтуетъ заниматься философской стороной вопросовъ математики, потому что для знанія математики это малополезно, скорѣе—вредно.

какъ разсчитываютъ на усвоеніе его путемъ упражненія (Въ этомъ мы видимъ нѣкоторое противорѣчіе съ мнѣніемъ, высказываемымъ тѣми-же преподавателями о невозможности предоставить времени и упражненіямъ постепенное усвоеніе крайне отвлеченныхъ основныхъ опредѣленій). Математики-педагоги. т.-е. преподаватели, ставящіе на первомъ планѣ стремленіе путемъ изученія предмета достигнуть извѣстныхъ образовательныхъ цѣлей, хотя не стремящіеся сдѣлать всѣхъ своихъ учениковъ математиками, но стремящіеся всѣхъ научить математикѣ и ея образу мышленія, къ сожалѣнію, въ курсѣ 5-го класса мало отличаются отъ первой группы математиковъ. Теорія квадратныхъ уравненій проста, можетъ быть точно изложена ученикамъ 5-го класса, подготовленнымъ уже предыдущими занятіями алгеброй, а также не трудно изложить точно и статью о свойствахъ радикаловъ и о дѣйствіяхъ надъ ними. Но мы сказали, что сожалѣемъ о сходствѣ работы той и другой группы преподавателей. Конечно, мы сожалѣемъ не о томъ, что всѣ находятъ возможнымъ точно излагать курсъ 5-го класса. Нѣтъ, если есть возможность точно излагать хотя нѣкоторые отдѣлы курса, то ничего не можетъ быть лучше: сила теоріи велика; но продолжаемъ настаивать на необходимости учить дѣтей методу работы и сожалѣемъ, что на это мало обращается вниманія. Недостаточно приспособляться къ развитію учащихся и состоянію ихъ знаній при изложеніи предмета,—оттого мы и высказали выше сожалѣніе.

Чтобы курсъ 5-го класса помогъ учащимся глубже вникнуть въ духъ алгебраическихъ пріемовъ, нужно на практикѣ сопоставить занятія квадратными уравненіями съ рѣшеніемъ уравненій высшихъ степеней, въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда возможно разложеніе ихъ на множители, указать нѣкоторые особые пріемы пониженія степени уравненій (напримѣръ нѣкоторыхъ, двучленныхъ, возвратныхъ и т. п.). При объясненіи способа извлеченія квадратныхъ корней слѣдуетъ остановиться на разъясненіи условій, которымъ долженъ удовлетворять всякій предлагаемый способъ приближеннаго вычисленія количествъ (распредѣленіе достигнутой степени точности вычисленія и возможность сдѣлать ошибку вычисленія менѣе всякой данной величины), и указать тѣ свойства разсматриваемыхъ количествъ, которыя даютъ возможность удовлетворить этимъ условіямъ. При извлеченіи квадратнаго корня въ видѣ десятичной дроби—возможно опредѣлить тѣ разряды квадрата, въ которыхъ заключается квадратъ числа единицъ высшаго разряда корня и удвоенныя произведенія остальныхъ членовъ корня (или ихъ суммы, на первый). Если есть

время—очень хорошо показать пріемы ускоренія вычисленія второй половины корня (что очень часто и дѣлается). При изложеніи свойствъ радикаловъ и правилъ дѣйствій надъ ними обыкновенно указываютъ на необходимость постоянно стремиться къ обобщеніямъ и на допущеніе, въ виду этого, все новыхъ и новыхъ условныхъ выраженій. Это вполнѣ необходимо; но не всегда разъясняется необходимость повѣрки правилъ дѣйствій въ примѣненіи ихъ къ новымъ количествамъ; хотя объ этомъ и упоминается, но для учащихся это указаніе остается мертвымъ и забывается очень скоро, если они не убѣдятся на какомъ-либо примѣрѣ въ ошибочности примѣненія прежняго правила къ новымъ выраженіямъ. Въ курсѣ 5-го класса поводъ къ тому даетъ знакомство съ мнимыми количествами; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ примѣнимы общія правила—ученики и считаютъ ихъ непреложными, и въ головы огромнаго большинства учащихся закрадывается мысль о безполезности доказательствъ, хотя-бы учитель утверждалъ противное. Поговорите откровенно, особенно при занятіяхъ подготовкой къ экзаменамъ, съ окончившими курсъ гимназіи или оканчивающими таковой, но не съ вашими учениками, и вы убѣдитесь въ вѣрности наблюденія.

Намъ, можетъ быть, скажутъ, что у преподавателя нѣтъ времени на подобныя дополнительныя занятія. Отвѣтимъ на это, что всѣ затрудненія окажутся гораздо меньшими, чѣмъ кажутся на первый взглядъ, если только явится желаніе ихъ побѣдить, т.-е. явится признаніе важности разъясненія хода работы и ея основныхъ идей, а не только изложенія готовой теоріи. Укажемъ и практическій пріемъ. Вполнѣ возможно вести желаемыя объясненія на разборѣ частныхъ случаевъ, которые могутъ предлагаться для рѣшенія желающихъ, а потомъ разсматриваться въ классѣ. Это возбуждаетъ въ учащихся интересъ и энергію, но, какъ необязательная работа, затруднить не можетъ. Знаніе разобранныхъ въ классѣ примѣровъ и запись ихъ въ тетради мы совѣтывали-бы сдѣлать обязательнымъ уже для всѣхъ. Учащіеся почти всегда интересуются самымъ процессомъ вычисленій съ радикалами и т. п., но для поддержанія живого интереса къ работѣ далеко не безполезно выбирать такіе примѣры, чтобы результатъ получался возможно простой, даже иногда численный при алгебраическихъ данныхъ. Это нравится учащимся. Иногда, однако, отвѣты должны быть и сложнаго вида: иначе ученики будутъ считать только такое вычисленіе правильнымъ, которое приводитъ къ простому выраженію.

Въ шестидесятыхъ годахъ многіе занимались вопросомъ о томъ,

какъ улучшить преподаваніе алгебры. Но, по тогдашнему увлеченію наглядностью преподаванія и наведеніемъ учащихся къ обобщеніямъ, и относительно алгебры все вниманіе обращено было на первые шаги обученія ей. да притомъ на первыхъ-же шагахъ хотѣли показать всѣ пріемы работы—та-же ошибка, что лежитъ въ основѣ упомянутыхъ нами въ другой статьѣ «о переходныхъ курсахъ» геометріи. Изъ-за этой ошибки упражненія, служащія для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ, тянули слишкомъ долго, занятія дѣлались очень неопредѣленными по содержанію, плохо связанными между собою съ точки зрѣнія учащихся и очень скучными; а этого одного уже достаточно, чтобы сдѣлать ихъ неудачными, непроизводительными. О томъ, какъ вести занятія алгеброй дальше, при изученіи уравненій совсѣмъ не говорилось.

Въ настоящей статьѣ, и безъ того вышедшей довольно длинной, говорить подробно о веденіи занятій едва-ли удобно, лучше ограничиться разборомъ общихъ условій преподаванія алгебры, отлагая подробности до другого случая.

Въ 6 классѣ полагается проходить о прогрессіяхъ и логариѳмахъ. Послѣдняя статья требуетъ очень большого количества упражненій. Различіе въ способахъ веденія дѣла той и другой группой преподавателей въ этомъ классѣ сказывается на отношеніи къ теоріи логариѳмъ. Преподаватели - математики нерѣдко увлекаются излишними подробностями при разъясненіи понятія о томъ, какъ могутъ быть вычисляемы логариѳмы по приближенію. Мы называемъ излишнею такую остановку потому, что она важна для пріобрѣтенія навыка къ пользованію формулами, выражающими соотношенія опредѣляемыхъ количествъ для приближеннаго вычисленія послѣднихъ, но эта цѣль сама по себѣ гораздо болѣе имѣетъ значеніе математическое, нежели общеобразовательное, поэтому и стремиться къ достиженію ея не слѣдуетъ. Съ другой стороны, далеко не во всякомъ руководствѣ можно найти достаточно ясно формулированное указаніе значенія логариѳмъ и ихъ разнообразныхъ примѣненій къ рѣшенію такихъ уравненій, которыя безъ посредства логариѳмъ рѣшены быть не могутъ. А рѣшеніе уравненій и преподаваніе рѣшеній — главная задача алгебры. Такимъ образомъ, выходитъ, что основная общая мысль курса отступаетъ на второй планъ, а техническія, такъ сказать, подробности (пріемы приближенныхъ вычисленій логариѳмъ), если и не занимаютъ главнаго мѣста, то все-же несоотвѣтственно важное. Рѣшеніе уравненій при помощи логариѳмъ между тѣмъ развиваетъ въ сильной степени навыкъ къ алгебраической, такъ сказать, находчивости, развиваетъ, слѣдовательно, и общую мысль курса.

Въ статьѣ о прогрессіяхъ также нерѣдко ускользаетъ изъ виду, что формулы, связывающихъ между собою сумму членовъ, знаменателя прогрессіи, число членовъ, первый и послѣдній члены прогрессіи между собою, суть уравненія, съ помощью которыхъ, если три какихъ-либо изъ 5 входящихъ въ нихъ количествъ будутъ даны, можно отыскать два остальныхъ. Также и выводъ формулъ для суммы членовъ можно разсматривать, какъ рѣшеніе системы уравненій со многими неизвѣстными. Другими словами, опять недостаточно обращается вниманіе на обученіе пользованію уравненіями и умѣнье выражать ими условія вопроса. Уравненія, связывающія 5 элементовъ прогрессіи, представляютъ удобный случай для разъясненія того, что алгебраическое уравненіе можетъ быть рѣшено относительно какого угодно изъ входящихъ въ него количествъ, если остальные извѣстны, но какъ рѣшать—зависитъ отъ вида уравненія. Упомянемъ кстати о томъ, что необходимо возможно чаще указывать учащимся на выраженіе условій изучаемаго вопроса уравненіями. Частое возвращеніе къ основѣ предмета весьма полезно для пониманія цѣлаго. Если-же ученикамъ предлагается, какъ учебникъ, огромный томъ въ 700 страницъ, то какъ-бы ни были значительны достоинства изложенія учебника, курсъ алгебры покажется ужасающимъ. А если еще авторъ на первыхъ-же порахъ увлечется стремленіемъ излагать вполнѣ точно теорію отрицательныхъ количествъ и общихъ свойствъ уравненій, то подавляющее большинство учащихся не въ состояніи будетъ понять автора. Гдѣ-же ученику уловить въ такой массѣ матеріала общую идею! Авторъ надѣется поставить преподаваніе предмета на должную высоту, а книгу-то нельзя взять учебникомъ. Она можетъ быть лишь пособіемъ для лучшихъ учениковъ.

Въ седьмомъ классѣ теперь проходятся статьи объ изслѣдованіи уравненій, о неопредѣленныхъ уравненіяхъ, о непрерывныхъ дробяхъ, о соединеніяхъ и биномѣ Ньютона.

Статья объ изслѣдованіи рѣшеній уравненій имѣетъ очень большое и теоретическое, и образовательное значеніе. О теоретическомъ значеніи уже было сказано раньше; образовательное значеніе изслѣдованій понятно само собою. Но чтобы занятія изслѣдованіями оказали должное вліяніе, недостаточно ограничиться изслѣдованіемъ общей формулы и обычной задачи о курьерахъ. Эти изслѣдованія всегда будутъ усвоены учащимися и окажутъ извѣстное вліяніе, но важно, чтобы учащіеся упражнялись въ самостоятельномъ изслѣдованіи рѣшеній хотя несложныхъ задачъ, а не только усвоивали готовыя. Это работа трудная и часто вовсе не дѣлается, за-то она и

благодарная работа. Ввести ее возможно, потому что каждый примѣръ имѣетъ самостоятельное значеніе и будетъ полезенъ, значитъ—возможно столько примѣровъ и разобрать, сколько позволитъ время, работа будетъ все-таки законченная. Очень полезно указать на упрощеніе изслѣдованія, если предварительно будетъ обращено вниманіе на то, какое значеніе могутъ получать входящія въ формулу рѣшенія количества: часто многія изъ нихъ могутъ быть только положительными, иногда только цѣлыми и т. д. Подобныя ограниченія и облегчатъ изслѣдованіе.

Статья о неопредѣленныхъ уравненіяхъ 1-й степени съ двумя неизвѣстными полезна по законченности ея содержанія, служащаго въ то-же время хорошимъ образцомъ вывода общей алгебраической формулы—именно формулы рѣшенія даннаго уравненія въ цѣлыхъ числахъ. Необходимость и достаточность того вида, который будетъ полученъ, легко доказать. Кромѣ того, не трудно доказать, что при взаимно простыхъ коеффиціентахъ 2 неизвѣстныхъ уравненія первой степени всегда существуетъ пара чиселъ, удовлетворяющихъ данному уравненію, а зная эту пару, легко выведемъ упомянутую сейчасъ общую формулу рѣшеній въ цѣлыхъ числахъ. Еще легче доказывается невозможность рѣшенія даннаго уравненія въ цѣлыхъ числахъ при извѣстномъ соотношеніи коеффиціентовъ уравненія. Далѣе естественно является вопросъ: какъ отыскать пару цѣлыхъ чиселъ, удовлетворяющихъ уравненію? Пріемы могутъ быть употреблены различные, можетъ быть указанъ и общій пріемъ, можно указать и упрощенія, какія выгодно вводить въ вычисленіе. Такимъ образомъ, статья о неопредѣленныхъ уравненіяхъ получаетъ законченность, производящую хорошее впечатлѣніе на учащихся, удовлетворяющую вполнѣ ихъ мысль и въ то-же время вовсе не обременяющею. На практикѣ очень часто ограничиваются усвоеніемъ общаго пріема розыска рѣшеній въ цѣлыхъ и положительныхъ числахъ съ указаніемъ важнѣйшихъ упрощеній въ частныхъ случаяхъ, но теоретическая оцѣнка получаемыхъ формулъ не дѣлается. Ученики могутъ тогда имѣть навыкъ въ рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій, но думаютъ надъ ними мало, а потому образовательное вліяніе статьи сильно страдаетъ. Учащіеся настолько мало думаютъ надъ выводомъ общихъ формулъ рѣшеній въ цѣлыхъ числахъ, что считаютъ эти формулы только тогда и дающими числа, удовлетворяющія уравненію, когда введенное въ нихъ произвольное неизвѣстное будетъ цѣлымъ. Нерѣдко учащіеся затрудняются выразить, что понимаютъ подъ «рѣшеніемъ неопредѣленнаго уравненія».

Статья о непрерывныхъ дробяхъ также должна служить образцомъ законченнаго и строгаго изслѣдованія о свойствахъ новаго рода выраженій, дающихъ возможность пользоваться этими выраженіями (непрерывными дробями) для приближеннаго вычисленія величинъ. Свойства непрерывныхъ дробей и сами по себѣ замѣчательны. Непрерывныя дроби даютъ возможность вычислять и такія величины, которыя прежде разсмотрѣнными средствами не могли быть вычислены; другія величины съ помощью непрерывныхъ дробей вычисляются удобнѣе. Свойства непрерывныхъ дробей даютъ возможность опредѣлить два ряда чиселъ, между которыми будетъ заключаться искомое, и разность между соотвѣтственными членами того и другого ряда можетъ быть сдѣлана менѣе всякой данной величины — они пригодны для приближеннаго вычисленія величинъ, нужно только умѣть данную величину обратить въ непрерывную дробь. Эти свойства дробей обыкновенно основательно разъясняются, но очень мало примѣняются непрерывныя дроби къ дѣйствительному вычисленію, поэтому содержаніе статьи не всегда оказывается для учащихся достаточно яснымъ по цѣли. Недостаточно упражненій дѣлается и въ составленія различнаго рода соединеній изъ данныхъ элементовъ — остроумныя соображенія, относящіяся къ соединеніямъ, выскакиваютъ поэтому очень быстро изъ головъ учащихся.

Въ изложеніи бинома Ньютона недостатковъ мы не замѣчали. Что формула бинома не распространяется на дробные и несоизмѣримые показатели—это, мы думаемъ, хорошо.

Вообще надо сказать, что чѣмъ дальше идетъ курсъ, тѣмъ все болѣе и болѣе сглаживается различіе въ изложеніи преподавателей двухъ различныхъ направленій: одни съ самаго начала хлопотали о возможно точномъ и полномъ изложеніи, а другіе стремятся дойти до этого къ концу курса. Кто изъ нихъ успѣшнѣе можетъ дойти до цѣли и лучше повліяетъ на развитіе учащихся? Мы думаемъ, вторые успѣшнѣе, потому что большую часть учениковъ доведутъ до желанной цѣли; но тѣхъ немногихъ, которыхъ увлекутъ первые, мы думаемъ, преподаватели-математики заведутъ дальше, налегая на способности своихъ немногихъ истинныхъ учениковъ; соразмѣряя свою работу съ силами именно этихъ лучшихъ учениковъ, преподаватели-математики даютъ послѣднимъ больше знаній, чѣмъ могутъ вмѣстить остальные. Мы думаемъ, что такъ поступать въ общеобразовательной школѣ не слѣдуетъ. Занятія съ лучшими учениками выше курса, конечно, вполнѣ умѣстны и очень полезны, какъ развивающіе ихъ силы, но должны быть поставлены *внѣ классныхъ занятій.*

Въ 8 классѣ полагается повторить весь курсъ математики и дополнить его нѣкоторыми статьями, по отвлеченности ихъ затруднительными для учениковъ младшихъ классовъ, преимущественно курсъ ариѳметики.

Собственно говоря, въ 8 классѣ ариѳметику теоретическую приходится не повторять, а проходить вновь, потому что учащіеся подготовлены только практически: ариѳметикѣ они учились въ младшихъ классахъ, гдѣ теоріи проходить почти нельзя, могутъ быть даны только элементарныя свѣдѣнія по теоріи. Въ дѣйствительности учениковъ 8 класса всего больше и затрудняетъ ариѳметика, какъ требующая усвоенія новаго матеріала и вниканія въ такіе вопросы, которые давно считались рѣшенными, а въ сущности рѣшенія ихъ были приняты безъ провѣрки и доказательства. На выпускныхъ экзаменахъ учащіеся чаще всего плохо отвѣчаютъ именно по ариѳметикѣ. Но, разумѣется, это нельзя считать показаніемъ противъ теоретическаго курса ариѳметики въ 8 классѣ. Такъ какъ онъ заставляетъ очень сильно вдумываться въ то, что безъ провѣрки считалось извѣстнымъ, то образовательное значеніе его велико не только въ математическомъ смыслѣ, но и вообще въ смыслѣ вниканія въ ученіе о доказательствѣ.

Если мы говоримъ о затрудненіяхъ учащихся, то для того, чтобы убѣдить въ недостаточности двухъ уроковъ, удѣленныхъ въ настоящее время на повтореніе курса математики въ 8 классѣ гимназій. Кромѣ ариѳметики, вѣдь надо повторить значительные курсы алгебры, геометріи, нужно повторить и тригонометрію, необходимы и упражненія въ рѣшеніи задачъ. Повтореніе курса нужно вовсе не для подготовки къ экзамену, а само по себѣ, чтобы учащіеся могли усвоить цѣлое, которое неизбѣжно ускользаетъ отъ ихъ умственныхъ взоровъ при прохожденіи курса по частямъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, особенно-же такого отвлеченнаго предмета, какъ математика. Но для того, чтобы разъяснить учащимся основы предмета, не мало труда и времени надо потратить на бесѣды съ учащимися. При двухъ урокахъ приходится теперь страшно торопиться — большой ущербъ для учащихся. Прежде былъ еще одинъ урокъ въ 8 классѣ и лишній часъ въ 7-мъ классѣ.

Мы нарочно выбрали для настоящей статьи форму описанія того, что дѣлается и чего не дѣлается, но желательно было-бы дѣлать при обученіи математикѣ, чтобы статью прочли. Согласятся съ ней или не согласятся — не бѣда, важно, чтобы подумали о томъ, какъ поставлено дѣло. Обыкновенно статьи о преподаваніи того или дру-

гого предмета очень мало читаются, даже и спеціалистами, а математиками—особенно. Намъ пришлось встрѣчать такихъ преподавателей, которые смѣло осуждали ту или другую (опредѣленную) книгу по методикѣ, а по нападкамъ оказывалось, что они книги и не читали, даже не перелистывали, судятъ по слухамъ и принуждены бывали сознаться въ этомъ. Избранная нами форма нѣсколько задѣваетъ за живое: вѣрно-ли описано передъ читателями, какъ мы преподаемъ? Является желаніе прочесть.

А изъ приведеннаго описанія положенія дѣлъ, мнѣ кажется, надо вывести заключеніе, что «духъ предмета» недостаточно разрабатывается, излагается теорія, но не разъясняется методъ работы по предмету, недостаточно обращается вниманія на развитіе въ учащихся тѣхъ общихъ идей, которыя связываютъ части предмета въ одно стройное цѣлое. Преподаваніе предмета часто такъ мало согласовано съ ходомъ развитія учащихся, что отъ нихъ требуютъ сразу громаднаго скачка отъ практическихъ упражненій по математикѣ къ усвоенію теоріи въ ея окончательной формѣ и убѣждены, что это - то и служитъ лучшимъ средствомъ развить учащихся, но въ дѣйствительности огромное большинство учащихся пріучается зубрить. Преподаватели, наиболѣе преданные своему предмету, очень часто забываютъ общую цѣль школы. Преподаватели другого склада часто увлекались пріемами работы, несвойственными предмету.

Вниканіе въ построеніе математической теоріи, разумѣется, беретъ очень много времени, а его нѣтъ.

Да, его нѣтъ, но есть мѣра, которая безъ большой затраты учебнаго времени, безъ обремененія учащихся могущая оказать очень сильное вліяніе. Мѣра эта—состязательныя упражненія въ рѣшеніи математическихъ задачъ, а пожалуй, и въ изложенія теоріи какого-либо вопроса изъ курса, учащимися *различныхъ учебныхъ заведеній*. Такъ какъ теперь въ большинствѣ городовъ найдутся 2 среднихъ учебныхъ заведенія, то устроить состязаніе не трудно; если-же нѣтъ въ одномъ городѣ, то есть по близости; отчего-бы не устроить и прогулку? Организація состязаній должна быть такова, чтобы участвующіе чувствовали себя совершенно свободно, чтобы никакого вліянія на переводъ изъ класса въ классъ и на экзамены эти состязанія не имѣли; пусть они будутъ «свободной игрой ума» и связаны съ удовольствіями. Тогда они возбудятъ интересъ въ учащихся и заставятъ сильно работать, но безъ всякихъ на то жалобъ, по собственному желанію: никто не захочетъ ударить лицомъ въ грязь передъ другими, захочется перещеголять. Къ состязаніямъ будутъ готовиться добро-

вольно; при неудачѣ будетъ стремленіе оправиться. Заставятъ состязанія оживленно работать и преподавателей, заставятъ учить своихъ учениковъ, какъ приниматься за дѣло. Этого только и нужно.

Мы убѣждены, что при хорошей организаціи такія состязанія могутъ возвысить успѣхи и настроеніе учащихся гораздо больше какого-бы то ни было контроля надъ экзаменаторами, развивающаго притомъ въ экзаменующихся стремленіе «провести» экзаменаторовъ.

В. Латышевъ.

БЕСѢДЫ О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Черченіе картъ, какъ пособіе при преподаваніи географіи.

Прежде, чѣмъ мы выскажемъ свое мнѣніе о черченіи картъ преподавателемъ и учениками въ классѣ, представимъ, хотя въ краткомъ очеркѣ, всѣ существующія системы школьнаго черченія. Замѣтимъ прежде всего, что классное черченіе въ школѣ рѣзко отличается отъ обыкновеннаго черченія картъ по общепринятымъ проекціямъ сѣтокъ. Такія сѣтки не могутъ быть исполнены учениками въ классѣ обыкновенными, доступными имъ способами, т.-е. помощью мѣрки и линейки. Всѣ представители школьной картографіи старались упрощать сѣтки и контуры картъ и даже часто совершенно пренебрегали сѣткой, замѣняя ее такъ-называемыми нормальными линіями, т.-е. линіями горизонтальными и вертикальными, или ставили въ основаніе черченія прямолинейныя фигуры. Находятся также представители черченія отъ руки. Обыкновенно черченіе въ классѣ ведется слѣдующимъ образомъ: преподаватель чертитъ на доскѣ, а ученики счерчиваютъ въ тетради, которыя должны быть исправлены преподавателями. По исполненіи и исправленіи чертежа, его задаютъ чертить наизусть, вызывая для этого учениковъ къ доскѣ, или весь классъ заразъ чертитъ на бумагѣ.

Отличаютъ два способа черченія въ классѣ. Въ одномъ случаѣ вся карта, начиная съ сѣтки и кончая городами, чертится преподавателемъ и счерчивается учениками; въ другомъ случаѣ нѣкоторые географическіе элементы даются готовыми. Къ такимъ элементамъ обыкновенно относится сѣтка, контуръ, а иногда и всѣ географическіе факты. Первый способъ, который можно назвать самостоятельнымъ или свободнымъ черченіемъ, представляетъ, въ свою очередь, нѣсколько видоизмѣненій. Оно можетъ быть черченіемъ: 1) отъ руки,

безъ сѣтки или какихъ-либо вспомогательныхъ линій; 2) по нормальнымъ линіямъ; 3) на основаніи прямолинейныхъ фигуръ и 4) по сѣткѣ и пунктамъ. При черченіи отъ руки всѣ разстоянія берутся по глазомѣру, что, конечно, представляетъ затрудненіе для неопытныхъ въ черченіи учениковъ.

Черченіе отъ руки.

Ученическіе чертежи по глазомѣру бываютъ слишкомъ уродливыми, такъ что совершенно невозможно такой способъ черченія рекомендовать для учениковъ. Другое дѣло—самъ преподаватель. Онъ долженъ обладать умѣньемъ и даже мастерствомъ въ черченіи, чтобы не затрудняться въ тѣхъ случаяхъ, когда малый масштабъ, неразборчивость или устарѣлость учебной карты заставитъ его начертить карту какого-нибудь земного пространства. Такимъ образомъ, быстрое черченіе отъ руки должно быть употребляемо въ помощь чтенію карты и не можетъ быть обязательнымъ для учениковъ.

Методъ нормальныхъ линій.

Черченіе картъ на основаніи нормальныхъ линій есть чисто нѣмецкое изобрѣтеніе (Normallinien-Methode). Въ существенныхъ своихъ основаніяхъ она предложена Штеснеромъ *). По словамъ автора, «этотъ способъ состоитъ въ томъ, что преподаватель и ученикъ при черченіи карты придерживаются прямыхъ линій одинаковой величины и, гдѣ можно, располагаемыхъ подъ прямымъ угломъ. Эта прямая линія даетъ масштабъ для другихъ линій чертежа и обусловливаетъ величину его. Она поэтому называется *нормальною* или нормальной линіей. Она помогаетъ черченію скелета карты, по которому располагаются другіе пункты послѣдней».

Другой послѣдователь метода нормальныхъ линій — фонъ-деръ-Ланнъ **) указываетъ на слѣдующія основанія этой методы:

1) Нормаль есть наиболѣе простая прямая или близко подходящая къ прямой линіи часть контура карты.

2) Ея длина наносится на прямыя линіи, соединяющія наиболѣе выдающіяся точки.

---

*) Die Methode des geographischen Unterrichts in Realschulen.

**) A. K. von der Lann, Das Kartenzeichnen nach der Normallinien-Methode, Hannover. 1886.

3) Такимъ образомъ сами собою находятся и закрѣпляются выдающіяся точки.

4) Вспомогательныя линіи вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ основную форму области, страны или части свѣта.

Возьмемъ контуръ какой-либо части свѣта, напр., С. Америки, и посмотримъ, какъ онъ чертится по методѣ фонъ-деръ-Ланна. Нормаль соединяетъ мысъ Барровъ съ оконечностью Аляски. Отъ мыса Баррова откладываются три нормали на ю.-в. до мыса Чарлза. Отъ мыса Чарлза откладываются 2 нормали къ ю.-ю.-з. до оконечности полуострова Флориды, мыса Сабля. Отъ оконечности полуострова Аляски на востокъ откладывается $^2/_3$ нормали на в. къ пункту, лежащему близъ г. Св. Иліи. Отъ послѣдняго пункта откладываются три нормали на ю.-ю.-в. Затѣмъ, проведя линію, равную $1^1/_3$ нормали къ концу предъидущей линіи, заключаютъ прямолинейный контуръ С. Америки. Весь этотъ контуръ состоитъ изъ 6-ти прямыхъ линій, т.-е. представляетъ значительную простоту, хотя для полученія полнаго очерка нужно прямыя линіи замѣнить настоящимъ контуромъ. Полученный такимъ образомъ контуръ не имѣетъ никакой географической сѣтки, которую необходимо набросать сверху его, то-есть, нужно поступать совершенно обратно раціональному черченію карты по сѣткѣ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что описанный способъ черченія удобенъ для запоминанія контура частей свѣта наизусть и можетъ быть рекомендованъ, если послѣднее считать высшею цѣлью географическаго обученія, съ чѣмъ нельзя согласиться. Направленія прямыхъ линій при этомъ черченіи не опредѣляются угловыми разстояніями съ горизонтальными и вертикальными линіями, такъ что оно до нѣкоторой степени произвольно и зависитъ отъ искусства и глазомѣра исполняющаго чертежъ. Въ ближайшей связи со способомъ нормальныхъ линій находится способъ прямолинейныхъ фигуръ.

Методъ геометрическихъ фигуръ.

Основаніемъ его служитъ построеніе фигуры, напоминающей грубый контуръ извѣстнаго земного пространства. Отцомъ этого способа можно считать Канштейна *), представившаго образцы упрощенныхъ чертежей всѣхъ земныхъ пространствъ. Возьмемъ для примѣра построеніе, служащее основаніемъ для черченія контура Скандинавскаго полуострова. Основной чертежъ состоитъ здѣсь изъ ромба и трех-

---

*) Canstein, Anleitung die physischen Erdräume mittelst einfacher Constructionen auf freier Hand zu entwerfen. 1835.

угольника; первый представляетъ южную часть Скандинавіи, второй—среднюю и сѣверную. Сперва проводятъ вертикальную линію, длина которой принимается равною 60 географическимъ милямъ. Эта линія представляетъ направленіе западнаго берега Норвегіи отъ мыса Стеднеса до закругленія ея у мыса Линдеснеса. Отъ верхней точки проведенной вертикальной линіи подъ угломъ 45° проводится линія вдвое большей длины, нижній конецъ которой приходится у города Кальмара. Полученная точка соединяется съ нижнимъ концомъ первой вертикальной. Отъ Кальмара проводится линія параллельная и равная первой вертикальной и конецъ ея у г. Гефле соединяется со Стеднесомъ, такъ что получается ромбъ. Подъ прямымъ угломъ отъ верхней стороны полученнаго ромба отъ Гефле проводится линія, длиною равная тремъ первымъ вертикальнымъ, т.-е. 180 геогр. милямъ. Конецъ этой линіи упирается въ Нордкинъ, который также соединяется со Стеднесомъ. Линія отъ Гефле до Нордкина дѣлится на 4 равныхъ части, которыя отдѣляются другъ отъ друга точками. Черезъ первую южную точку проходитъ берегъ Ботническаго залива, черезъ вторую—рѣка Лулео, черезъ третью—Муоніо. Западный берегъ Норвегіи отъ Нордкина до Стеднеса пересѣкаетъ прямую линію на половинѣ. Такимъ образомъ, въ основаніи способа Каппітейна мы видимъ ту же нормаль, изъ которой строятся прямолинейныя фигуры.

Нѣкоторыя особенности представляетъ методъ черченія Бисмарка *), который въ 1890 г. издалъ три тетради своихъ эскизовъ картъ (Kartenskizzen) и объясненіе къ нимъ. Въ этомъ объясненіи онъ вполнѣ справедливо указываетъ, что требовать отъ учениковъ цѣлыхъ картъ, какъ, напр., карты Германіи, Европы, Азіи, слишкомъ затруднительно и что нужно ограничиться черченіемъ, по возможности, малыхъ земныхъ пространствъ. Бисмаркъ изъ школьной практики выводитъ необходимость трехъ родовъ вспомогательныхъ построеній для черченія: 1) отдѣльныхъ градусныхъ линій, 2) воздушныхъ линій (Luftlinien) и 3) геометрическихъ фигуръ. Подъ именемъ воздушныхъ линій разумѣются прямыя, которыя авторъ сравниваетъ съ тріангуляціонными. Онѣ не произвольны, но всегда имѣютъ извѣстный смыслъ. Напримѣръ, на картѣ Альпійской горной страны эти линіи указываютъ на раздѣленіе ея и направленіе отдѣльныхъ ея частей, т.-е. западныхъ, центральныхъ и восточныхъ Альпъ. Въ области рейнскихъ шиферныхъ горъ берутся двѣ воздушныя линіи, отъ Бингена до Везеля и отъ Марбурга до устья Саара. Каждая изъ

*) O. Bismarck, Kartenskizzen и Das Kartenreichnen.

нихъ, приблизительно, равна 210 километрамъ. Первая указываетъ на направленіе долины Рейна, вторая—долинъ Мозеля и Лана. При черченіи этихъ линій, для приданія имъ надлежащаго направленія, между ними отмѣряются углы, такъ что необходимо употреблять транспортиръ. Геометрическія фигуры представляютъ основаніе для картъ Балканскаго полуострова, Франціи, Скандинавскаго полуострова (взято у Канштейна), Китая, Индо-Китая, Индостана, Ирана, Малой Азіи, Сибири, Африки, Сѣверной и Южной Америки и Австраліи. Общихъ картъ Европы, Азіи и Германіи авторъ не даетъ.

Мы не будемъ останавливаться на чертежахъ Дронке, который предлагаетъ и эти карты, скажемъ только, что построенія его очень сложны и требуютъ запоминанія множества размѣровъ и направленій линій, что весьма затруднительно для учениковъ *). Къ образцамъ школьнаго черченія на основаніи геометрическихъ фигуръ относятся также чертежи Летошека **), но положеніе этихъ фигуръ въ данномъ случаѣ не подкрѣплено ни угловыми разстояніями, ни вертикальными линіями, и потому нѣсколько произвольно.

Черченіе по сѣткѣ и пунктамъ.

Наиболѣе труднымъ, и потому продолжительнымъ, но въ то-же время самымъ раціональнымъ способомъ класснаго черченія нужно считать черченіе *по сѣткѣ*. Сѣтка даетъ весьма опредѣленно географическое положеніе данной страны, и всѣ печатныя карты, которыя служатъ ученикамъ для занятій географіею, устроены по сѣткѣ, такъ что этотъ способъ черченія подтверждаетъ для учениковъ основанія картографіи, съ которыми они встрѣчаются на стѣнныхъ картахъ и въ атласахъ. Черченіе по сѣткѣ представляетъ нѣсколько видоизмѣненій изъ которыхъ два можно назвать главными: 1) черченіе на полной сѣткѣ и 2) на сѣткѣ, представляющей только нѣкоторые избранные меридіаны и параллели. Такъ какъ цѣль этого способа заключается въ томъ, чтобы сами ученики могли начертить сѣтку, то понятно, что она должна быть, по возможности, упрощена. Самая удобная сѣтка прямолинейная, потому что ученики могутъ ее начертить, имѣя въ рукахъ только карандашъ да линейку.

Система Михайлова.

Наиболѣе однообразная и удобная учебная сѣтка изобрѣтена русскимъ географомъ-педагогомъ г. Михайловымъ. Меридіаны и параллели

*) Dronke, Geographische Zeichnungen. 1877.

**) Letoshek, Geograhischer Repetitions- und Zeichnen-Atlas. Wien. 1888.

представляютъ прямыя линіи *). Построеніе начинается съ такъ-называемаго главнаго или средняго меридіана, занимающаго срединное положеніе на картѣ. На среднемъ меридіанѣ откладывается столько равныхъ разстояній, сколько нужно провести параллелей для карты. На картѣ Евр. Россіи проводятся параллели и меридіаны черезъ каждые пять градусовъ, такъ же какъ и на картахъ европейскихъ государствъ; на картѣ Европы—черезъ десять градусовъ, а на картахъ внѣ-европейскихъ странъ—черезъ 20 градусовъ. Кромѣ обыкновенныхъ параллелей, проводятся тропики и полярные круги. Меридіаны на сѣткѣ г. Михайлова сходятся по направленію къ полюсамъ, и степень схожденія опредѣляется разстояніями между меридіанами на различныхъ параллеляхъ. На экваторѣ разстояніе между меридіанами равно разстоянію между параллелями, на 40-й параллели это разстояніе равно $^3/_4$ разстоянія на экваторѣ, на 50-й—$^2/_3$, на 60-й половина и на 70—$^1/_3$. Меридіаны на картахъ Азіи и Сѣверной Америки проходятъ отъ экватора до 80-й параллели и имѣютъ уголъ на 40-й параллели; эти углы, по мѣрѣ удаленія отъ средняго меридіана, дѣлаются все острѣе, что придаетъ сѣткѣ своеобразный видъ и обусловливаетъ сильныя искаженія контура по краямъ карты. Кромѣ главныхъ параллелей и меридіановъ, находятся второстепенные, проводимые пунктиромъ, чтобы на пересѣченіи нѣкоторыхъ изъ нихъ поставить необходимыя точки для черченія. На картѣ Европы проводится вся 45-ая параллель, а 35, 55 и 65 только отчасти, гдѣ необходимо поставить ситуаціонныя точки. По изготовленіи сѣтки, приступаютъ къ разстановкѣ послѣднихъ. У г. Михайлова ихъ очень много. На картѣ Европы находится до 40 точекъ, на картѣ Азіи — 25. Точки, выбранныя для болѣе правильнаго черченія контура, соединяются сперва простыми пунктирными линіями, а затѣмъ проводится болѣе или менѣе правильный контуръ, за исключеніемъ мѣстъ въ углахъ сѣтки, гдѣ контуръ сильно обезображивается въ зависимости отъ косого положенія меридіановъ.

Изъ описанія послѣдовательныхъ фазисовъ черченія по сѣткѣ Михайлова мы видимъ, что это дѣло очень сложное для неискусныхъ въ черченіи учениковъ, но за-то однообразіе въ построеніи сѣтки для какого угодно пространства земли и возможность начертить ее даже безъ помощи циркуля нѣсколько выкупаютъ сложность чертежа. Въ Германіи такія прямолинейныя сѣтки предложены Кирхгофомъ, но много лѣтъ спустя послѣ Михайлова.

---

*) Михайловъ, Географическіе чертежи.

Система Пуликовскаго.

Метода черченія г. Пуликовскаго *) не представляетъ слишкомъ косыхъ меридіановъ и вытянутыхъ къ югозападу и юговостоку контуровъ по краямъ карты, но за-то представляетъ далеко не однообразную сѣтку для всѣхъ частей свѣта и Европы. Наиболѣе сложной сѣткой нужно считать сѣтку Азіи. На среднемъ меридіанѣ откладывается 12 равныхъ частей, соотвѣтствующихъ десятиградусному разстоянію между параллелями. Отступя на 20° отъ верхней рамки, берется точка полюса, откуда, черезъ точки, отложенныя на меридіанѣ, проводятся параллели въ видѣ круговъ. Параллели проводятся далеко не всѣ, а только 80-я, 70-я, полярный кругъ, 50-я, западная половина 45-й параллели, 40-я, 30-я—также только западная половина, тропики и половина 10-й. Меридіаны проводятся изъ полюса до 50-й параллели, гдѣ откладывается между меридіанами 2/3 этого разстояніи на экваторѣ. На этой параллели образуются углы на меридіанахъ, не имѣющіе, однако, вліянія на искаженіе краевыхъ контуровъ, потому что параллели имѣютъ кривую форму. Изъ меридіановъ проводятся также не всѣ, а только слѣдующіе: 40-й, 50-й, 60-й, 70-й, 80-й, 90-й, 120-й (средній), 140-й, 160-й и 180-й. Такая неполная сѣтка, по нашему мнѣнію, неудобна, и пріемъ г. Михайлова намъ кажется удобнѣе, потому что дополнять недостающіе меридіаны легче, чѣмъ запоминать, какіе нужно пропустить. Всѣ остальныя карты частей свѣта имѣютъ параллели въ видѣ прямыхъ линій. Карта Европы представляетъ довольно оригинальную сѣтку, въ которой кривыя параллели замѣнены ломаными. Для построенія такой сѣтки, изъ картона выкраивается трапеція, сходящіяся стороны которой представляютъ меридіаны между 60-й и 50-й параллелями, представляющими параллельныя стороны трапеціи. Эта картонная трапеція накладывается на карту такъ, чтобы одна длинная сторона совпадала-бы со среднимъ меридіаномъ, а по другой длинной сторонѣ проводится сосѣдній меридіанъ, послѣ чего трапеція перекладывается одной стороной къ сосѣднему меридіану и т. д. Число ситуаціонныхъ точекъ у Пуликовскаго менѣе, чѣмъ у Михайлова, такъ что для Азіи вмѣсто 25 точекъ берется 18. Для частей Европы употребляется также пятиградусная сѣтка и весьма упрощенный контуръ. Эти двѣ системы класснаго черченія, предложенныя русскими педагогами, являются наиболѣе подробными и полными. Существуютъ

*) Пуликовскій, Учебный географическій атласъ съ указаніемъ пріемовъ класснаго черченія картъ.

и болѣе упрощенныя системы, какъ, напр., система Умлауфта *), который изъ Европы и Азіи беретъ только отдѣльные ландшафты, такъ что ограничивается немногими параллелями и меридіанами, большею частью двумя, образующими крестъ. Полный контуръ дается для самыхъ простыхъ частей свѣта, какъ-то: Африки, Южной Америки и Австраліи. Система Умлауфта, безъ сомнѣнія, несравненно легче, нежели предыдущія, и не требуетъ запоминанія положенія ситуаціонныхъ пунктовъ, и потому легче усваивается при черченіи наизусть.

Что касается черченія по квадратной сѣткѣ, то, по невозможности выбрать для всѣхъ сторонъ квадратовъ подходящія параллели и меридіаны, эта сѣтка, нисколько не облегчая черченія, не можетъ замѣнить настоящую географическую сѣтку, состоящую изъ параллелей и меридіановъ.

Репетиціонныя карты.

Совершенно особеннымъ способомъ черченія нужно считать черченіе на данныхъ основаніяхъ. Ученикамъ даются особые листки, на которыхъ уже напечатана, по крайней мѣрѣ, географическая сѣтка, а часто и другіе картографическіе элементы. Эти карты уже давно извѣстны за границей, преимущественно въ Германіи, а также и у насъ, и называются репетиціонными картами. Онѣ составлены, какъ и обыкновенныя, но не имѣютъ никакихъ надписей, а рельефъ страны или совершенно отсутствуетъ, или представляетъ только направленіе горныхъ цѣпей.

Впрочемъ, степень подробности этихъ картъ крайне разнообразна. Нѣкоторыя представляютъ только контуръ и сѣтку, на другихъ напечатаны рѣки и границы, на третьихъ, сверхъ того, нанесены направленія горъ и города. Многіе извѣстные картографы и педагоги Германіи въ разныя времена издавали отдѣльно географическія сѣтки для облегченія черченія картъ. Сюда относятся сѣтки Делича, Сидова и нѣк. др. Кромѣ простыхъ сѣтокъ, германскіе издатели даютъ намъ цѣлую серію настоящихъ репетиціонныхъ атласовъ, служащихъ, какъ говорятъ объясненія, приложеніемъ къ нимъ, для облегченія черченія картъ въ классѣ и дома. Карты репетиціонныхъ атласовъ имѣютъ неодинаковый составъ, что и соотвѣтствуетъ различнымъ способамъ ихъ употребленія. Для удобства обзора можно раздѣлить эти карты на двѣ группы. Къ одной изъ нихъ мы отнесемъ тѣ изданія, въ которыхъ каждая отдѣльная карта содержитъ всѣ или почти

*) Umlauft, Kartenskizzen fur die Schulpraxis.

всѣ картографическіе элементы, какъ-то: сѣтку. контуръ, рельефъ. рѣки, границы и города. Другую группу составляютъ атласы, карты которыхъ имѣютъ только нѣкоторые географическіе элементы—для дополненія недостающаго самими учениками. Къ первой группѣ относятся изданія: Адлера, Броннера, Клёдена и др. Наиболѣе полными репетиціонными картами нужно считать карты Клёдена. Всѣхъ картъ 21, и всѣ онѣ большой величины, въ листъ писчей бумаги. Карты другой группы репетиціонныхъ атласовъ представляютъ только нѣкоторые географическіе элементы—съ тою цѣлью, чтобы дополнять недостающіе. Особенною полнотою между такими изданіями отличается атласъ Гофмана *), состоящій изъ пяти отдѣльныхъ тетрадей или курсовъ. Въ первой части напечатаны только моря, окрашенныя голубой краской. Суша, обозначенная бѣлымъ полемъ, въ сущности, представляетъ весь контуръ, но береговой линіи не имѣется, и она должна быть начерчена учениками. Во второй части вмѣстѣ съ контуромъ находится довольно полный штриховый рельефъ; здѣсь ученики должны начертить направленія рѣкъ. Въ третьей части должны быть дополнены горы, а четвертая предназначена, какъ говорится въ объясненіи, для окрашиванія границъ. Здѣсь находятся уже всѣ картографическіе элементы, кромѣ горъ, и притомъ съ названіями. Въ пятой тетради находится только географическая сѣтка,—слѣдовательно, на ней нужно начертить полную карту. Очевидно, что карты первыхъ трехъ курсовъ могутъ служить и для репетицій, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о черченіи цѣлыхъ картъ и раскрашиваніи границъ, необходима домашняя работа. Кромѣ атласа Гофмана, къ неполнымъ репетиціоннымъ картамъ относятся изданія Кейля, Коценна, Сидова и др., а изъ рельефныхъ репетиціонныхъ атласовъ извѣстенъ атласъ Уленхута. Русскихъ изданій репетиціонныхъ картъ немного. Болѣе полнымъ представляется атласъ г. Васильева, хотя исполненіе его оставляетъ желать многаго. Прекрасное изданіе представляетъ атласъ г. Михайлова. Оба атласа, какъ и неполное изданіе г. Соколова, состоятъ только изъ географической сѣтки и контуровъ.

Недостатки класснаго черченія.

Итакъ, мы привели описанія всевозможныхъ способовъ черченія, между которыми могутъ считаться крайними, съ одной стороны, черченіе по сѣткѣ, а съ другой—полная репетиціонная карта, на которой только отмѣчаются названія. Во всякомъ случаѣ, однако, всякая

*) Hoffmann, Neuester Repetitions-Atlas. 5 Kursen.

ученическая карта представляетъ далеко не весь картографическій матеріалъ, могущій быть изображеннымъ на картѣ. Ученикъ не въ состояніи изобразить точно нѣкоторыхъ береговыхъ линій, представляющихъ значительныя извилины, какъ, напр., береговъ съ фіордами. Подробное и точное изображеніе архипелаговъ также недоступно при классной работѣ, да и самъ учитель едва-ли въ состояніи начертить какъ слѣдуетъ, напр., хотя Греческій архипелагъ, а тѣмъ болѣе Малайскій. Вмѣсто всего рельефа суши, для учениковъ доступно только нанесеніе направленія горныхъ цѣпей. Въ классѣ не могутъ быть исполнены карты плотности населенія и этнографическія. Едва-ли также кто-нибудь изъ преподавателей потребуетъ черченія въ классѣ, а тѣмъ болѣе наизусть, границъ провинцій и губерній Россіи. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что ученическая карта, получаемая при классномъ черченіи, очень неполна и не можетъ замѣнить собою карты атласа. Но и карты атласа не въ состояніи представить весь географическій матеріалъ. Остаются свѣдѣнія о климатѣ, народонаселеніи и его занятіяхъ, которыя должны быть пройдены внѣ карты, со словъ преподавателя или по тексту учебника. Всѣ эти соображенія говорятъ за то, что классная картографія можетъ служить только для усвоенія части учебнаго матеріала, преимущественно топографіи, которая можетъ быть сравнена развѣ со скелетомъ живого организма. Безъ живыхъ географическихъ фактовъ, этотъ скелетъ явится сухимъ и безсодержательнымъ. Ясно, что было-бы нераціонально посвящать большую часть времени, опредѣленнаго для географическаго курса, на усвоеніе этого скелета, а слѣдовательно, невозможно строить на классномъ черченіи весь курсъ учебной географіи, а тѣмъ болѣе было-бы абсурдомъ считать классное черченіе цѣлью этого курса. Несомнѣнно, что черченіе картъ является очень удобнымъ средствомъ для усвоенія топографіи страны, но для этой цѣли нужно чертить правильно, имѣя передъ глазами вѣрный оригиналъ. Такія чертежныя работы могутъ быть производимы любителями географіи, чертежниками-картографами, преподавателями и даже учениками, но онѣ отнимаютъ много времени и исполняются ими по профессіи, или любителями въ свободное отъ другихъ занятій время. При такихъ условіяхъ и ученикъ можетъ достигнуть болѣе или менѣе благопріятныхъ результатовъ, было-бы желаніе, терпѣніе и время, но совершенно другія условія представляетъ черченіе картъ въ классѣ. Въ послѣднемъ случаѣ исходнымъ пунктомъ служитъ карта, воспроизводимая учителемъ на классной доскѣ передъ дѣтьми, въ большей части случаевъ не имѣющими никакого навыка въ черченіи. Какъ можно

заключить изъ обзора пособій для класснаго черченія, преподаватели производятъ въ классѣ не карты, а то, что можно назвать картографическими эскизами (Kartenskizzen, Croquis), которые столь разнообразны и по основной идеѣ, и по выполненію, и по способу примѣненія, что нѣтъ ни малѣйшей возможности допустить существованіе особаго картографическаго метода. Способъ примѣненія эскизовъ картъ къ курсу можетъ быть двоякій. Въ одномъ случаѣ карта учителя представляетъ то наглядное пособіе, изъ котораго ученики черпаютъ свои представленія. Она появляется передъ глазами учениковъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ учитель ведетъ разсказъ о странѣ, изображаемой имъ на доскѣ, и составляетъ альфу и омегу всего преподаванія. Такой способъ черченія, извѣстный подъ громкимъ наименованіемъ конструктивнаго или чертежнаго метода, требуетъ совершенно непосильнаго напряженія умственныхъ способностей ученика, который въ одно и то-же время долженъ внимать разсказу преподавателя и счерчивать себѣ въ тетрадь все, что тотъ наноситъ на карту. Такая совершенно не педагогическая обстановка конструктивнаго метода дала поводъ одному нѣмецкому педагогу сказать, что конструктивный методъ основывается на психологическомъ заблужденіи *). Прибавимъ еще отъ себя, что при такомъ способѣ черченіе дѣлается само по себѣ цѣлью, такъ что не остается времени для изученія и наблюденія картъ атласа и стѣнныхъ. Другой способъ примѣненія къ преподаванію класснаго черченія заключается въ томъ, что карту чертятъ уже послѣ прохожденія извѣстнаго отдѣла по печатнымъ картамъ. При этомъ на карту преподавателя и учениковъ смотрятъ, какъ на способъ воспроизведенія главныхъ географическихъ данныхъ изъ пройденнаго. Выше было замѣчено, что всѣ эскизы или кроки картъ, предлагаемые какъ образцы для черченія въ классѣ, представляютъ при неправильной сѣткѣ сильныя искаженія краевыхъ контуровъ. Самое обобщеніе контуровъ изгибовъ рѣкъ и границъ не должно переходить извѣстнаго предѣла, — напротивъ того, необходимо должно быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ масштабомъ; но этого и не удается достигнуть нашимъ педагогамъ-картографамъ. Всѣ обобщенія контура въ классныхъ чертежахъ являются преувеличенными и не по масштабу, т.-е. переходятъ просто въ искаженія. Уже ради одного того факта, что, введя черченіе въ преподаваніе географіи, мы заставляемъ учениковъ воспроизводить нѣчто неправильное или даже уродливое, оно не должно имѣть мѣста въ школѣ, раціонально

*) O. Bismarck, Das Kartenzeichnen, стр. 3.

поставленной. Несмотря на упрощенія классныхъ картъ, онѣ могутъ быть скопированы учениками только съ трудомъ. Добросовѣстный преподаватель обязанъ исправить карты, находящіяся въ тетрадяхъ учениковъ, а послѣдніе должны, съ своей стороны, перечертить исправленную карту за̀ново, что, безъ сомнѣнія, увеличитъ время, потребное для домашняго приготовленія учениковъ къ урокамъ. Классное черченіе отнимаетъ много времени. Въ русской педагогической литературѣ, къ сожалѣнію, не имѣется данныхъ о томъ, сколько потребуется времени для прохожденія, чертежнымъ способомъ, какого-либо отдѣла изъ курса школьной географіи, почему мы и обращаемся за помощью къ иностранной литературѣ. Нѣкто Майеръ, преподаватель реальной гимназіи въ Штетинѣ, высчиталъ, что для надлежащаго усвоенія учебнаго матеріала, относящагося къ географіи Италіи, чертежнымъ способомъ, считая одинъ урокъ для экстемпорале, т.-е. черченія карты наизусть, необходимо *девять* уроковъ. Не трудно понять, что болѣе сложные чертежи, какъ, напр., карты Балканскаго полуострова, Германіи и т. п., потребуютъ еще болѣе времени. По самому умѣренному разсчету, весь курсъ государствъ Западной Европы потребуетъ 90 уроковъ, т.-е. въ полутора раза болѣе того, что мы имѣемъ въ теченіи года. Требованіе черченія карты пройденной страны наизусть, обыкновенно соединяемое съ чертежными способами преподаванія, является совершенно непосильнымъ для большинства учениковъ. Подготовленіе къ черченію наизусть отнимаетъ до того много времени, что этимъ даже нарушается равновѣсіе между предметами преподаванія. Сверхъ всего этого, черченіе картъ въ классѣ и наизусть требуетъ, кромѣ необходимаго прилежанія и вниманія, извѣстную долю художества. Мы можемъ подтвердить собственнымъ наблюденіемъ, что во всякомъ классѣ находятся такіе ученики, которые превосходно приготовляютъ уроки по географіи и отчетливо знаютъ карту, но совершенно теряются при исполненіи чертежной работы. Замѣчательно, что къ числу такихъ *неспособныхъ* къ черченію учениковъ принадлежатъ обыкновенно наилучшіе по способностямъ и прилежанію. Этотъ фактъ, бросающійся въ глаза, конечно, не можетъ служить доказательствомъ въ пользу класснаго черченія.

Всѣ упомянутыя трудности и несообразности чертежнаго способа преподаванія географіи давно уже обусловливаютъ то обстоятельство, что въ дѣйствительности этотъ способъ нигдѣ не воспроизводится во всей полнотѣ и строгости. Обыкновенно ограничиваются черченіемъ картъ такихъ частей свѣта и государствъ, которыя безъ всякаго

труда могутъ быть усвоены, какъ-то: Австралія, Африка, С. и Ю. Америка, Испанія и т. д.

Итакъ, невозможность примѣненія чертежнаго способа зависитъ отъ разнородныхъ причинъ, между которыми главными являются: 1) невозможность требовать черченія отъ всѣхъ учениковъ; 2) неподготовленность къ чертежнымъ работамъ всѣхъ учениковъ вообще; 3) недостатокъ времени; 4) неправильность и уродливость картографическихъ эскизовъ. Очевидно, что слѣдуетъ облегчить и упорядочить классное черченіе. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого мы считаемъ введеніе репетиціонныхъ картъ. Выше мы указывали на различныя изданія этихъ картъ. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ только сѣтки, другія—сѣтки и контуры береговъ, на третьихъ нанесены также рѣки и границы государствъ и, наконецъ, существуютъ полныя репетиціонныя карты—съ обозначеніемъ рельефа и городовъ, какъ, напр., въ репетиціонномъ атласѣ Клёдена. Какимъ картамъ мы отдадимъ преимущество? Рѣшить этотъ вопросъ легко. Такъ какъ наиболѣе трудными объектами для классного черченія представляются: сѣтка, контуръ береговъ, рѣки и политическія границы, то понятно, что всѣ эти элементы должны находиться на репетиціонныхъ картахъ. Наносить на репетиціонныя карты весь рельефъ неудобно, такъ какъ каждый порядочный атласъ долженъ представлять отчетливое изображеніе поверхности, на репетиціонныя-же карты можно нанести только направленіе горныхъ цѣпей. Разстановка городовъ также дѣло не затруднительное и можетъ быть предоставлена ученикамъ. Картографическій матеріалъ на репетиціонныхъ картахъ долженъ быть ограниченъ. Не слѣдуетъ помѣщать на нихъ всѣхъ рѣкъ, какъ это сдѣлано на картахъ Клёдена, потому что мелочи только затрудняютъ прохожденіе курса, а репетиціонныя карты должны, напротивъ того, облегчать чтеніе карты и способствовать усвоенію топографіи. Въ заключеніе бесѣды о классномъ черченіи скажемъ, что оно возникло лѣтъ 50—60 тому назадъ, когда, можно сказать, не было картъ и атласовъ, годныхъ для класснаго употребленія. Съ тѣхъ поръ учебная картографія сдѣлала такіе гигантскіе успѣхи, что оставаться при старинныхъ пріемахъ преподаванія значило-бы придерживаться рутины и пренебрегать тѣми прекрасными пособіями, которыя мы имѣемъ теперь къ услугамъ учебнаго курса географіи.

А. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Л. Песковскій. Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Цѣна 1 рубль. Спб. 1893.

Признаемся откровенно, что къ чтенію книги г. Песковскаго мы приступили съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Въ этомъ недовѣріи повинно главнымъ образомъ слово «повѣсть», выставленное въ заглавіи. Зная до сей поры г. Песковскаго какъ талантливаго публициста и одного изъ видныхъ газетныхъ работниковъ, мы совершенно естественно и по вопросу о народной школѣ ждали отъ него основательнаго изслѣдованія, такого-же, напр., какъ его «Роковое недоразумѣніе», а ужъ никакъ не повѣсти. Наученные горькимъ опытомъ нашихъ публицистовъ, вторгающихся въ область беллетристики, и нашихъ беллетристовъ, грѣшащихъ то и дѣло въ области публицистики, мы не безъ основанія предпочитали, чтобы каждый занимался своимъ дѣломъ и совершенствовался въ своей спеціальности, указанной ему опытомъ и природнымъ влеченіемъ. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ счастливаго сочетанія беллетристическаго и публицистическаго дарованія въ одномъ и томъ-же человѣкѣ не знаетъ даже исторія всемірной, не только русской литературы. Публицистъ анализируетъ жизнь, разчленяетъ ее; беллетристъ даетъ типы, обобщенія. Разумѣется, нѣтъ никакой возможности вообразить себѣ человѣка, который только-бы разъяснялъ или только-бы обобщалъ, но въ каждомъ изъ насъ та или другая склонность преобладаетъ, и это-то преобладаніе и указуетъ выборъ спеціальности. Повѣсть г. Песковскаго нисколько не разочаровала насъ въ правильности нашихъ взглядовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, читая ее, мы не могли не отдать должнаго ея несомнѣннымъ достоинствамъ. Она положительно заинтересовала насъ, но только не какъ повѣсть, область которой была и есть сердце человѣческое, а какъ литературное произведеніе того жанра, корифеями котораго яв-

ляется Руссо въ своемъ «Эмилѣ», Беллами въ «Looking Backward», Герцъ въ своей «Land der Freicheit» и т. д. Къ лучшимъ произведеніямъ такого литературнаго жанра какъ нельзя лучше примѣнимо изреченіе Вольтера «chaque changre est bon exceupté l'ennyeux». Передъ нами не романы собственно, не повѣсти, а романы «педагогическіе», соціологическіе и т. д. Нѣмецкіе ученые окрестили ихъ «die Staatsromane»—государственными романами, у насъ они наиболѣе извѣстны подъ именемъ «утопій». Сущность ихъ въ томъ, что они занимаются, главнымъ образомъ, не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что должно быть, тѣмъ, чего авторъ въ ближайшемъ или дальнѣйшемъ будущемъ ждетъ отъ жизни. Беллетристическій ихъ элементъ исчерпывается формой и пріемами. Поэтому, увѣренія г. Песковскаго, что онъ имѣетъ въ виду результаты, уже достигаемые русской народной школой, все равно, какъ и заглавіе «повѣсть» безъ эпитета, кажутся намъ неосторожными.

Читатель понимаетъ, что мы споримъ не о словахъ. Дѣло не въ названіи, а въ той точкѣ зрѣнія, съ какой можно и должно оцѣнивать новое произведеніе г. Песковскаго. Посмотрите на него, какъ на мечту автора, вылившуюся въ формѣ повѣсти, мечту симпатичную и честную, возможную лишь при любовномъ отношеніи къ народной школѣ, при пониманіи ея громаднаго культурнаго значенія, при желаніи ей всякаго блага, и чтеніе станетъ для васъ пріятнымъ и поучительнымъ. Отчего не помечтать? Мечта, начиная съ колыбели, руководитъ людьми, мечта двигаетъ народами, мечта освѣжаетъ душу, крѣпитъ вѣру. Давно уже вѣрно, хотя и рѣзко замѣчено: только свинья не мечтаетъ, и вся суть въ томъ, какова мечта. У г. Песковскаго мечта положительно хорошая. Ему грезится не та школа, которая съ помощью неба окончательно затонетъ, быть можетъ, въ изученіи буквы ѣ и ижицы, въ равнодушіи къ ней общества, въ формализмѣ надзирающихъ, въ необразованности учащихъ, въ бѣдности учащихся,—а другая школа, могучая, сильная, устрояющая крестьянскую жизнь по образцу правды и справедливости, школа съ широкимъ гуманизирующимъ вліяніемъ, борющаяся съ пьянствомъ, распутствомъ, малодушіемъ и кулачествомъ. Давай Богъ!

Герой повѣсти—Праховъ, личность рѣдкая, вѣрнѣе—«рѣдкостная» и въ жизни, и въ литературѣ. Онъ, какъ человѣкъ, положительно хорошъ и многія стороны его характера неотразимо привлекательны. У него неисчерпаемая энергія, громадный запасъ самобытности и самостоятельности, онъ силенъ, предпріимчивъ. Его вѣрующая, жаждущая живой работы натура не знаетъ отчаянія и унынія, добро-

вольно взятый на себя великій подвигъ обновленія крестьянской жизни путемъ школы не боится борьбы и препятствій. Существованіе подобныхъ личностей даже въ дѣйствительной жизни отрицать трудно, но можно смѣло сказать, что ихъ очень немного. Мы допускаемъ охотно, что мечты и надежды, волнующія душу Прахова, не только не исключительны, а по всей вѣроятности, на долго или на коротко, появляются въ душѣ большинства нашихъ народныхъ учителей. Но мечты и надежды, чтобы стать дѣйствительностью, требуютъ для такой метаморфозы очень многихъ счастливыхъ условій. Нужна и выходящая изъ ряду вонъ сила воли, и успѣхъ, который поддержалъ и закрѣпилъ-бы благіе задатки, и готовность къ постоянному систематическому отреченію отъ своего я. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть аскетомъ въ міру, среди его соблазновъ и радостей. Но такимъ-то мірскимъ аскетомъ и является Праховъ. Чтобы не разлучаться съ своей школой, онъ отказывается отъ любви и семейнаго счастья, отъ выгодной карьеры, стѣсняетъ себя во всемъ, цѣлыми годами сидитъ впроголодь. Это дѣлаетъ изъ него совершенно исключительную цѣльную натуру,—мірского подвижника, воплотившаго въ себѣ всѣ лучшія черты русской народной интеллигенціи. Но, кромѣ этого, онъ далеко не дюжинный человѣкъ и въ умственномъ отношеніи. Г. Песковскій заставляетъ его, напр., открывать звуковой методъ, что, конечно, очень много, устраивать образцовыя школы, какими онѣ непремѣнно и должны быть. Праховская школа совсѣмъ не школа грамотности, не школа буквы ѣ и буквы ижицы, а нравственно-педагогическій центръ цѣлой деревни, всей мужицкой жизни, центръ могущественный и отзывчивый.

Исключительность Прахова, какъ даровитаго, вѣрнѣе, прямо талантливаго человѣка, никакъ не позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ одного изъ нашихъ критиковъ, что всѣ народные учителя должны сдѣлаться Праховыми. Это просто невозможно, да и ненужно. Праховъ—піонеръ и, какъ піонеру, ему нужны силы изъ ряду вонъ выходящія, идти по его слѣдамъ легче, но кое-что праховское необходимо и возможно для каждаго. Это кое-что—преданность своему дѣлу и иниціатива, въ какихъ-бы размѣрахъ она ни была. Сущность праховской натуры въ томъ и заключается, что онъ никакъ не можетъ помириться съ шаблономъ, его кипучая натура не укладывается въ рамки, ищетъ новыхъ путей и находитъ ихъ. Толцыте и отверзится, просите и дастся вамъ—Праховъ никогда не забывалъ объ этомъ и успѣвалъ. Его примѣръ говоритъ намъ, какъ много можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, и поэтому его характеръ, его работа имѣютъ несомнѣнное

нравственно-воспитательное значеніе. Но не надо забывать и другой стороны медали, а на этой другой сторонѣ написано, что нѣтъ ничего труднѣе личной иниціативы. Мы-же, русскіе люди, даже не научились уважать ее и, вмѣстѣ съ инспекторомъ Комовымъ въ повѣсти г. Песковскаго, предпочитаемъ, чтобы все было «по программѣ»... Какъ ни соблазнителенъ примѣръ Прахова, онъ не можетъ заставить насъ бросать камнемъ въ тѣхъ, кто «толокся»—и не отворилось ему, кто просилъ—и получилъ камень вмѣстѣ съ рыбой. Самодѣятельность, иниціатива и пр. поистинѣ прекрасныя вещи, но еще прекраснѣе жизнь, гдѣ самодѣятельность и иниціатива поощряются, лелѣются, возбуждаютъ поддержку и уваженіе.

Это замѣчаніе и позволяетъ намъ указать на главный недостатокъ повѣсти г. Песковскаго. Какъ видитъ читатель, мы примирились со словомъ «повѣсть», отдали должное вѣрѣ автора въ могущество школы,—вѣрѣ, вызвавшей много хорошихъ, искреннихъ страницъ и создавшей такой характеръ, какъ Прахова, но и недостатокъ какихъ-бы то ни было размѣровъ долженъ быть отмѣченъ нами. Это недостатокъ смѣлости. Не жалѣя свѣтлыхъ красокъ для описанія Прахова и его успѣховъ, г. Песковскій не пожалѣлъ и черныхъ для описанія дѣйствительности. Эти черныя краски наложены такъ густо, что успѣхи Прахова не всегда правдоподобны. Было-бы гораздо лучше, если-бы почтенный авторъ перенесъ своего героя въ обстановку хотя-бы 1950 года; великое значеніе иниціативы и предпріимчивости не исчезнетъ, надѣемся, и тогда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не придется требовать отъ смертнаго качествъ Ильи Муромца. Школьное дѣло—дѣло громадное, трудное, это общее дѣло, и личная иниціатива даже Праховыхъ безъ поддержки сотенъ и тысячъ едва-ли принесетъ ту пользу, на которую разсчитываетъ г. Песковскій. Вотъ чего не надо забывать при чтеніи «Въ глуши», какъ не надо забывать и того, что недостаточно-же одной школы, чтобы переродить деревню—для этого перерожденія нужны силы всего государства, не только школъ. Но это уже вопросъ посторонній. **Евгеній Соловьевъ.**

Берегите здоровье! Общедоступныя бесѣды о строеніи человѣческаго тѣла и сохраненіи здоровья. Составила *М. М. Соколова*, учительница начальной городской школы. Подъ редакціей женщины-врача *Е. Н. Залѣсовой*. Москва. 1893 г. Ц. 50 коп.

Достоинство популярной книги опредѣляется не однимъ ея содержаніемъ, доступностью изложенія, хорошимъ внѣшнимъ видомъ и не-

дорогой цѣной. Книга можетъ отвѣчать всѣмъ этимъ требованіямъ— и все-таки ея успѣхъ будетъ незначительный, если она мало примѣняется къ кругу читателей. Объ одномъ и томъ-же популярномъ сочиненіи приходится слышать самые разнорѣчивые отзывы. Одинъ скажетъ, что оно не даетъ ничего новаго, другой найдетъ его слишкомъ спеціальнымъ, третій не встрѣтитъ въ немъ отвѣта на особенно важные для него вопросы. Разногласіе въ мнѣніяхъ происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что люди съ различной подготовкой берутся за чтеніе книги и съ разныхъ точекъ зрѣнія на нее смотрятъ; поэтому, чѣмъ однороднѣе масса читателей, тѣмъ больше успѣхъ или неуспѣхъ книги зависитъ отъ того, насколько она въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ потребностямъ именно извѣстнаго рода читателей. Многія очень хорошія популярныя сочиненія отчасти потому прошли малозамѣченными, что съ самаго начала предназначались для слишкомъ обширнаго круга читателей. Болѣе тѣсный кругъ читателей въ томъ отношеніи выгоденъ, что примѣниться къ его потребностямъ гораздо легче, и, слѣдовательно, легче написать для него что-либо весьма полезное и примѣнимое на практикѣ. Практичность книги, дѣйствительно, весьма важное условіе при ея оцѣнкѣ, и мы эту точку зрѣнія никогда не должны опускать изъ виду, когда дѣло идетъ о популярномъ сочиненіи по гигіенѣ.

«Берегите здоровье»—одна изъ тѣхъ полезныхъ книгъ, которыя написаны для опредѣленнаго круга читателей, примѣнительно къ ихъ потребностямъ. Эта книга имѣетъ въ виду сельское духовенство и народныхъ учителей и написана учительницей начальной городской школы, которая въ теченіи восьми лѣтъ излагала элементарный курсъ гигіены, въ связи съ анатомическими и физіологическими данными, въ старшемъ отдѣленіи начальной школы—или на такъ-называемыхъ предметныхъ урокахъ, или на урокахъ чтенія, не выдѣляя, какъ она говоритъ, для этого особыхъ часовъ.

Составительница полагаетъ, что ея книга можетъ служить для учителей народныхъ школъ руководствомъ при изложеніи основъ гигіены въ начальной школѣ, при чемъ многое должно быть выпущено, а остальное вдвое и втрое сокращено, по усмотрѣнію.

«Само собою разумѣется,—говоритъ г-жа Соколова,—что тутъ дѣло не въ количествѣ знаній, а въ томъ, чтобы заинтересовать учащихся основными вопросами гигіены и подготовить ихъ къ дальнѣйшему самостоятельному пріобрѣтенію познаній изъ этой области. Расширеніе курса въ нашемъ руководствѣ явилось вслѣдствіе того, что эта книга предназначается не только какъ пособіе для начальныхъ школъ, но главнымъ образомъ для самообразованія» (стр. XI).

Самообразованіе народнаго учителя и цѣлителя душъ—сельскаго священника—задача, дѣйствительно, очень важная, такъ какъ, заброшенные въ различныхъ медвѣжьихъ уголкахъ нашего отечества, эти люди могутъ легко потерять всякую связь съ образованнымъ міромъ, если не будутъ возбуждать въ себѣ жажду знаній и удовлетворять ее чтеніемъ книгъ. Книга—это почти единственный проводникъ знаній въ среду людей, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ невѣжественной массой; поэтому, книга, посвященная исключительно этимъ людямъ, удовлетворяющая въ значительной степени ихъ потребностямъ, представляетъ явленіе весьма желательное и отнестись къ ней слѣдуетъ съ полнымъ вниманіемъ.

Проведеніе въ сознаніе народа здравыхъ понятій о томъ, какъ слѣдуетъ оберегать свое здоровье и какимъ образомъ можно вообще улучшить доступными средствами условія народной жизни въ гигіеническомъ отношеніи, составляетъ въ послѣднее время задачу многихъ, пишущихъ для народа популярныя книги и брошюры.

«Но однѣхъ популярныхъ книгъ,—справедливо замѣчаетъ г-жа С.,—еще мало: нужны люди, которые могли-бы привлечь къ нимъ вниманіе, непосредственно внести въ сознаніе темныхъ людей ихъ содержаніе. Всего больше такихъ людей, которые могли-бы служить проводниками науки въ народъ, даетъ наше сельское духовенство. Въ глухихъ углахъ нашей родины, гдѣ рѣдко можно встрѣтить образованнаго человѣка,—сельскій священникъ въ большинствѣ случаевъ является единственнымъ представителемъ знанія и мысли. Помимо своихъ спеціальныхъ обязанностей, ему приходится быть совѣтникомъ для своихъ прихожанъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни. Чтобы безукоризненно выполнить свое, поистинѣ, святое призваніе «свѣтить міру», часто міру очень грубому и темному, священнику слѣдовало-бы обладать чуть не всевѣдѣніемъ, и нерѣдко приходится ему отказывать и въ помощи, и въ совѣтѣ за неподготовленностью къ рѣшенію вопросовъ, которые ставитъ передъ нимъ жизнь. Всякій знаетъ, что къ врачу душъ сплошь и рядомъ обращаются и съ тѣлесными недугами. Въ виду этого въ дореформенной духовной семинаріи прежде преподавалась, въ видѣ необязательнаго предмета, и медицина. Теперь нѣтъ и этого. Новое поколѣніе священниковъ является въ свой приходъ безъ всякаго знакомства съ предметомъ медицинской науки. А между тѣмъ, медицинская и санитарная часть въ нашихъ селахъ и деревняхъ оставляетъ желать еще многаго: докторовъ мало, и многія села и деревни почти лишены возможности пользоваться медицинскими совѣтами. Поэтому-то очень часто, особенно въ праздничные дни, простолюдины и обращаются за совѣтами противъ немощей и недуговъ къ «матушкѣ», а въ важныхъ случаяхъ и къ «батюшкѣ». Вотъ почему въ библіотекахъ сельскаго духовенства встрѣчается не мало лечебниковъ. Сельскому духовенству необходимо насколько возможно помочь въ этомъ дѣлѣ. Если сельскіе священники не всегда могутъ дать медицинскій совѣтъ, они могутъ дать совѣтъ, *какъ предохранять себя отъ болѣзней*, для этого не нужно та-

кихъ спеціальныхъ знаній, какія необходимы для того, чтобы лечить серьезную и упорную болѣзнь. Гигіена, какъ предохранительное средство противъ заболѣваній, должна быть сдѣлана вполнѣ доступною для сельскаго духовенства, которое, устроивъ на основаніи ея предписаній свою личную жизнь, могло-бы служить живымъ примѣромъ для всѣхъ жителей прихода. Намъ кажется, что каждый священникъ, который внимательно ознакомится съ основными данными гигіены, станетъ невольно учителемъ и въ этой области, потому что отъ него слишкомъ настойчиво требуютъ уроковъ и слишкомъ охотно подчиняются его авторитетнымъ совѣтамъ, особенно если поймутъ *основанія* ихъ» (стр. VII—VIII).

Съ этими мнѣніями г-жи Соколовой нельзя не согласиться, тѣмъ болѣе, что въ церковно-приходской, напр., школѣ сельскій священникъ не рѣдко является почти единственнымъ ея руководителемъ.

Кромѣ той пользы, которую можетъ принести сельскій священникъ, знакомый съ основами науки объ охраненіи здоровья, своимъ личнымъ примѣромъ и разумными совѣтами, онъ, по мысли автора, долженъ быть еще проводникомъ гигіеническихъ знаній въ темныя массы народа путемъ школы.

«Наиболѣе подготовлено,—говоритъ составительница въ своемъ предисловіи,—къ пониманію гигіеническихъ и санитарныхъ предписаній мололодое поколѣніе, которое уже смягчено вліяніемъ школы, съ каждымъ годомъ все дальше проникающей въ углы и закоулки нашей родины. Людей-же, выросшихъ въ предразсудкахъ, трудно и, можетъ быть, безплодно учить гигіенѣ,—они останутся глухи ко многимъ ея требованіямъ, *не понимая ихъ основаній* и не имѣя никакой подготовки къ этому пониманію. Вслѣдствіе этого очень часто они относятся къ санитарнымъ предписаніямъ не только недовѣрчиво, но иногда прямо враждебно и стараются уклониться отъ исполненія ихъ, если только это можно сдѣлать безнаказанно. Они не въ состояніи увѣровать, напр., въ зловредность дурного воздуха, потому что привыкли къ нему и не понимаютъ значенія для организма хорошаго воздуха. Въ тяжелыя для крестьянъ времена повальныхъ эпидемій на скотъ, экономическое чувство мужика часто слишкомъ возмущается требованіемъ санитара зарывать въ землю трупъ коровы вмѣстѣ съ ея шкурою, за которую даютъ вѣдь деньги. Сжигать старую одежду послѣ лицъ, умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней, по мнѣнію простыхъ людей, и убыточно, и, главное дѣло, совсѣмъ не нужно, потому что «отъ судьбы не уйдешь» и «кому суждено умереть, тотъ умретъ, а кому суждено жить, тотъ поправится». Все это показываетъ непониманіе основаній санитарныхъ предписаній; непониманіе-же происходитъ или потому, что некому было объяснить въ понятной формѣ эти основанія, или потому, что нѣтъ никакой подготовки къ этому пониманію. Освѣтить подобные вопросы и подготовить простыхъ людей къ пониманію основаній санитарныхъ требованій, по нашему мнѣнію, должна школа, скромная начальная школа, дальше которой только въ исключительно счастливыхъ случаяхъ идутъ рѣдкіе счастливцы деревни» (стр. VIII—IX).

Провозвѣстниками гигіеническихъ истинъ въ народной школѣ должны быть, конечно, сельскіе священники и народные учителя, и вотъ для нихъ-то и написано это руководство по гигіенѣ, изложенное, по возможности, систематически, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на анатомію и физіологію—предметы, необходимые для пониманія большинства гигіеническихъ совѣтовъ.

М. М. Соколова лично практически рѣшила вопросъ, можетъ-ли начальная школа быть разсадницей гигіеническихъ познаній, хотя самыхъ элементарныхъ, сдѣлавъ опытъ преподаванія гигіены въ начальной,—правда, городской,—школѣ въ теченіи восьми лѣтъ. На основаніи этого личнаго опыта она пришла къ заключенію, что

«школа и можетъ, и должна сообщать своимъ питомцамъ важнѣйшія гигіеническія свѣдѣнія и освѣтить нѣкоторые факты. Пусть этихъ фактовъ будетъ слишкомъ, слишкомъ немного, но если хоть они будутъ объяснены въ своихъ основаніяхъ и дѣйствительно поняты ребенкомъ, учитель сдѣлалъ свое дѣло. Онъ объяснилъ явленіе ученику и этимъ показалъ, что въ данномъ случаѣ иначе думать нельзя. Объясненіе убѣдило ребенка, и онъ захочетъ быть убѣжденнымъ во всемъ, что ему будутъ говорить. Онъ будетъ требовать доказательствъ, которыхъ, конечно, не дастъ ему фантастическая мудрость суевѣрій и предразсудковъ. Если учитель съумѣетъ возбудить на своихъ урокахъ самодѣятельность ученика, если ребенокъ почувствуетъ, что у него есть своя голова на плечахъ и что эта голова можетъ думать и узнавать, онъ откажется отъ суевѣрныхъ и фантастическихъ взглядовъ окружающихъ и будетъ жить сознательно. Изученіе своего организма, пониманіе своихъ собственныхъ состояній, ясность гигіеническихъ требованій — все это такъ неожиданно ново, такъ несомнѣнно убѣдительно, что едва-ли не разбудитъ пытливости, вдумчивости, привычки мыслить, разсуждать и искать причинъ всякаго явленія. Такимъ образомъ, преподаваніе основъ гигіены въ школѣ, кромѣ матеріальной цѣли, имѣетъ еще и формальную цѣль—развитіе мышленія ребенка. И если въ немногомъ изъ области гигіены будетъ убѣжденъ ученикъ въ школѣ, онъ будетъ довѣрчивѣе впослѣдствіи ко всѣмъ аналогичнымъ требованіямъ,—будетъ предполагать за ними такія-же убѣдительныя доказательства, которыя когда-то приводилъ ему учитель въ школѣ и, по всей вѣроятности, пожелаетъ выслушать и понять основанія новаго требованія» (стр. IX—X).

Цитируемъ подробно эти слова автора, потому что глубоко имъ сочувствуемъ. Въ брошюрѣ «О воспитательномъ и образовательномъ значеніи гигіены», 1888 г., изданіе К. Риккера, мы высказывали приблизительно тѣ-же мысли. Въ свое время по этому вопросу существовали довольно разнорѣчивыя мнѣнія, и многіе педагоги находили преподаваніе основъ гигіены въ общеобразовательныхъ школахъ совершенно неумѣстнымъ по многимъ причинамъ. Самое главное и заслуживающее наибольшаго вниманія возраженіе этихъ педагоговъ и вра-

чей противъ введенія гигіены, какъ учебнаго предмета, въ общеобразовательный курсъ, по существу своему,—вѣрное. Дѣло въ томъ, что какъ ни велико значеніе гигіены для человѣчества, какъ ни важно знать ея основы всякому человѣку, а въ особенности образованному, но пригодность ея какъ учебнаго предмета въ общеобразовательной школѣ можетъ подлежать все-таки сомнѣнію, такъ какъ школы съ общеобразовательнымъ курсомъ должны ставить себѣ главною цѣлью правильное развитіе способностей, а не пріобрѣтеніе хотя-бы и очень полезныхъ для жизни свѣдѣній. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству, по законовѣдѣнію или товаровѣдѣнію также очень цѣнны, но всякому понятно, что въ общеобразовательный курсъ ихъ вводить нельзя, не рискуя страшно обременить учащихся и исказить значеніе самого общеобразовательнаго курса. Гигіена, со своими разнообразными и часто очень сложными и трудными методами изслѣдованія, гигіена, доказывающая свои положенія при помощи и на почвѣ многихъ фактовъ изъ другихъ наукъ, служащихъ ей основаніемъ, требуетъ, конечно, гораздо болѣе зрѣлаго ума и гораздо болѣе серьезной научной подготовки, чѣмъ та, которою располагаетъ воспитанникъ среднеучебнаго заведенія, и потому для него гигіена, какъ наука, преждевременна. Гигіена, во многихъ отношеніяхъ, — прикладная физіологія, и для того, чтобы основательно ознакомиться съ нею, необходимо имѣть очень солидныя знанія по физіологіи; а эта наука, въ свою очередь, требуетъ солидной подготовки по физикѣ и химіи. Отсюда ясно, что полный курсъ гигіены, со всѣми ея доказательствами, не совсѣмъ зрѣлымъ умамъ не подъ силу.

Краткій курсъ физіологіи въ среднеучебномъ заведеніи, повидимому, болѣе умѣстенъ; во-первыхъ, онъ требуетъ меньше подготовки, во-вторыхъ, ученикъ, ознакомившійся съ основами физіологіи, по выходѣ изъ школы въ состояніи уже безъ особаго труда уяснить себѣ главнѣйшія основы гигіены, причемъ усвоеніе это будетъ вполнѣ сознательное, а не только мнемоническое.

Когда вопросъ идетъ о преподаваніи гигіены въ среднеучебномъ заведеніи, обыкновенно обремененномъ многими учебными предметами, утилитарныя цѣли должны быть поставлены на второй планъ, а на первый планъ выдвинуты педагогическія. Общее образованіе есть только подготовительное; на немъ большинство не останавливается. Лишь были-бы основы хороши—и тогда человѣкъ, путемъ-ли дальнѣйшаго самообразованія, путемъ-ли соотвѣтствующаго спеціальнаго образованія, наверстаетъ потерянное; его къ этому побудятъ сами условія жизни, выдвигающія на первый планъ все практически важное,

На основаніи сказаннаго можно было-бы еще въ извѣстной степени примириться съ тѣмъ, что преподаваніе гигіены не имѣетъ мѣста въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, если-бы она была замѣнена предметами съ большимъ общеобразовательнымъ значеніемъ и болѣе доступными въ школьномъ возрастѣ, напримѣръ, физіологіей. Но пока этого нѣтъ, пока образованный человѣкъ обоихъ половъ при окончаніи курса школы долженъ вступать въ жизнь безъ всякой подготовки къ тому, что составляетъ его самую насущную потребность, до тѣхъ поръ положеніе вещей, съ точки зрѣнія врача, будетъ самое безотрадное. Не зная потребностей и отправленій своего тѣла, такой человѣкъ безпрестанно разрушаетъ свое здоровье и не умѣетъ цѣнить здоровья общественнаго.

Выходъ изъ этого печальнаго положенія можетъ представить факультативное хотя-бы преподаваніе—не гигіены, какъ науки, а только основъ ея или избранныхъ главъ въ связи съ анатоміей и физіологіей.

На такой способъ преподаванія и указываетъ почтенный авторъ книги «Берегите здоровье». Ея книга—не курсъ гигіены въ строгомъ смыслѣ, а опытъ болѣе или менѣе систематическаго изложенія наиболѣе существенныхъ вопросовъ гигіены на научныхъ данныхъ. По ея выраженію, это—азбука гигіены, которая, при умѣломъ преподаваніи, можетъ быть усвоена безъ особаго труда и съ большимъ интересомъ. Авторъ, предлагая образецъ одного такого урока, изъ цѣлаго курса, говоритъ:

«Не надо, конечно, коротко и рѣзко въ догматической формѣ формулировать научныя истины, эти уроки должны вестись не въ формѣ лекціи, а въ формѣ живой бесѣды съ дѣтьми, которымъ необходимо дать почувствовать, что они и сами кое-что знаютъ изъ этой области и могутъ подъ руководствомъ учителя провѣрить все то, что имъ говорится,—словомъ, учитель долженъ пользоваться сократическимъ пріемомъ преподаванія, при которомъ при помощи наводящихъ вопросовъ вызывается самодѣятельность ученика» (стр. XI).

Подготовкою къ пониманію этого курса служилъ въ школѣ г-жи Соколовой «Курсъ уроковъ по плану А. Я. Герда» въ среднемъ отдѣленіи. Если г-жа Соколова успѣшно проходила такой курсъ въ начальной школѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что учениками среднеучебныхъ заведеній, съ болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, такой курсъ будетъ усвоенъ съ еще большею легкостью. Личность учителя при такомъ преподаваніи играетъ очень важную роль и нельзя не согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ автора:

«Чтобы гигіена, или, по крайней мѣрѣ, ея азбука, перестала быть недоступною для дѣтскаго пониманія, по нашему мнѣнію, необходимо,

чтобы за обработку ея въ интересахъ школы взялись сами учителя. Только имъ извѣстенъ уровень пониманія своихъ школьниковъ, только они умѣютъ говорить съ ними на языкѣ, для нихъ понятномъ» (стр. X).

Какъ-бы малъ ни былъ объемъ курса гигіены, проходимаго въ начальной или средней школѣ, но онъ не долженъ быть догматическимъ. Имѣя безчисленное множество точекъ соприкосновенія съ обыденной жизнью и съ предметами, на каждомъ шагу встрѣчающимися, гигіена не можетъ не возбуждать духа пытливости и жажды знанія во всякомъ хорошо направленномъ умѣ ученика, и учителю, всегда готовому придти на помощь этой развивающейся потребности ума, приходится запастись довольно большимъ количествомъ знаній по анатоміи, физіологіи и гигіенѣ, чтобы, не уклоняясь отъ истины, дать всему интересующему учениковъ вполнѣ обстоятельное и доступное для нихъ объясненіе.

Среди учителей народныхъ начальныхъ школъ найдется, можетъ быть, не мало и такихъ, которые, запасшись необходимыми для этого свѣдѣніями, согласились-бы преподавать гигіену на тѣхъ-же основаніяхъ, напр., какъ г-жа Соколова, но мы сомнѣваемся, чтобы на этихъ счастливыхъ исключеніяхъ можно было основывать какія-нибудь прочныя надежды на быстрое распространеніе гигіеническихъ знаній среди молодого поколѣнія. Намъ кажется, что на подготовку сельскихъ учителей и священниковъ къ этой миссіи нужно смотрѣть какъ на дѣло въ высокой степени серьезное и важное для охраненія народнаго здравія и нельзя предоставлять усмотрѣнію каждаго добывать необходимыя для этого свѣдѣнія изъ какихъ угодно источниковъ. Общество и государство должны придти на помощь этому благому дѣлу, облегчивъ и упорядочивъ средства къ достиженію намѣченной цѣли. Но пока эта завѣтная мечта гигіенистовъ не осуществится, книги, подобныя разсматриваемой, совершенно подходящія къ тому кругу читателей, для которыхъ предназначены, оказываются весьма цѣнными, тѣмъ болѣе, что другимъ путемъ, кромѣ книги, ни сельскій священникъ, ни учитель, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ возможности удовлетворить своей вполнѣ естественной любознательности.

Книга «Берегите здоровье», какъ и слѣдовало ожидать, посвящена исключительно вопросамъ индивидуальной гигіены; о различныхъ мѣрахъ, ограждающихъ общественное здоровье, въ ней говорится мало. Это жаль, такъ какъ молодое поколѣніе должно воспитываться въ томъ убѣжденіи, что общими усиліями гораздо легче справиться съ различными бѣдствіями, постигающими заразъ многихъ людей;

оно должно постоянно имѣть предъ глазами примѣры дружной и успѣшной борьбы съ антисанитарными условіями жизни, для того, чтобы всякій могъ вынести убѣжденіе въ полезности подобныхъ мѣропріятій и быть готовымъ сдѣлаться ихъ добровольнымъ участникомъ. Вообще развитіе альтруистическихъ чувствъ при помощи гигіены должно составлять благородную и весьма важную задачу педагога, но, къ сожалѣнію, именно на эту-то сторону г-жа Соколова обратила очень мало вниманія.

Простота и ясность изложенія составляютъ важное достоинство книги «Берегите здоровье». Въ концѣ каждой главы имѣются общіе вопросы о содержаніи только-что сказаннаго; они очень помогаютъ уяснять себѣ пройденное и отчетливое запечатлѣвать все это въ памяти. Эти вопросы очень полезны также при повтореніи. Авторъ думаетъ, что въ школѣ они могутъ служить темами для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій учениковъ.

Въ книгѣ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторая безсистемность въ изложеніи, частое перебѣганіе отъ одного предмета къ другому. Въ главѣ, напримѣръ, XII-й говорится о способахъ поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача, и тутъ-же трактуется объ оспопрививаніи, о добываніи и храненіи оспенной лимфы и т. д. Въ главѣ XIII-й, посвященной выдѣлительнымъ органамъ и кожѣ, помѣщены заразительныя сыпныя болѣзни: корь, скарлатина, оспа; тутъ-же говорится о тифѣ и дифтеритѣ. Холера и мѣры борьбы съ нею попали въ главу V-ую—о пищевареніи. Чѣмъ вызвала такая группировка совершенно различныхъ вопросовъ въ одну главу—неизвѣстно.

Безсистемность, вполнѣ естественная на урокахъ гигіены въ школѣ, гдѣ учитель, примѣняясь къ вопросамъ учениковъ, поневолѣ уклоняется въ сторону отъ намѣченной темы, въ руководствахъ, подобныхъ настоящему, очень неудобна. Чѣмъ упоминать, напр., о заразныхъ болѣзняхъ въ разныхъ главахъ какъ-то вскользь, не полезнѣе-ли было бы выдѣлить ихъ въ особую главу?..

Вообще надо замѣтить, что хотя выборъ гигіеническихъ вопросовъ въ книгѣ сдѣланъ довольно удачный, тѣмъ не менѣе можно предложить еще массу вопросовъ, имѣющихъ не менѣе важное значеніе, и все-таки предметъ будетъ далеко не исчерпанъ. Это обстоятельство указываетъ на большое значеніе личности учителя въ дѣлѣ преподаванія гигіены; важно *не сколько*, а *какъ* пройти, и госпожа Соколова справедливо находитъ, что возможно проходить гигіену такъ, чтобы она оставляла хорошій слѣдъ въ головѣ учениковъ не только

количествомъ свѣдѣній, но и способомъ, какъ эти свѣдѣнія пріобрѣтаются, т.-е. гигіена, въ такомъ видѣ пройденная, въ состояніи возбудить «пытливость, вдумчивость, привычку мыслить, разсуждать и искать причинъ всякаго явленія». А всего этого давай намъ Богъ побольше! Д-ръ **В. Гориневскій.**

Русскій сельскій календарь на 1894 г. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. Стр., въ два столбца, 84, ц. 25 к. М. 1893 г.

Содержаніе календаря слѣдующее: православная пасхалія, заимствованная изъ одного календаря для учащихся на 1883 годъ, и потому дающая вычисленія, относящіяся именно къ этому, а не 1894 году; табель-календарь: святцы съ краткими житіями святыхъ (всего 1—2 житія на каждый мѣсяцъ); статьи: сельская жизнь и работы на каждый мѣсяцъ (съ календарями землепашца, огородника, садовода, скотовода, птицевода и пчеловода), заимствованныя изъ календаря А. Н. Толстого, безъ упоминанія объ этомъ; Россійскій Императорскій Домъ; свѣдѣнія о мѣрахъ денегъ, вѣса, жидкостей, зерна, длины и о мѣрахъ земли; цѣны проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ; законъ 13 іюля 1889 г. о переселеніяхъ на казенныя земли и заимствованная изъ календаря «Сельскаго Вѣстника» 1890 г. статья: «Пути движенія переселенцевъ»; о «Брюсовомъ календарѣ» и вообще о предсказаніяхъ погоды; о леченіи болѣзней у скота (всего 10 случаевъ); полевыя работы—о полезности травосѣянія вообще и о посѣвѣ клевера, вики и чечевицы, тимоѳеевой травы, составленіе смѣси изъ кормовыхъ травъ; по садоводству — о прививкѣ различными способами; пчелиный уставъ, или какъ водить прибыльно пчелъ — почти единственная статья календаря, имѣющая нѣкоторую законченность, но, къ сожалѣнію, не указывающая, къ какой именно полосѣ Россіи должны относиться указанія автора, ибо, напр., о «майскихъ холодахъ» (стр. 59) нельзя говорить по отношенію къ югу Россіи, при статьѣ нѣтъ также указаній на литературу по пчеловодству, у насъ относительно наиболѣе богатую; совѣты по ремесламъ и промысламъ—витье веревокъ и шнурковъ, гончарня для малаго производства; что дѣлать противъ пожаровъ; какъ дѣлать глиносоломенныя несгораемыя крыши (заимствовано изъ наставленія новгородской губернской земской управы); сельскія читальни; бесѣды противъ пьянства; были и разсказы—десять небольшихъ разсказовъ, на трехъ страницахъ, большею частью морализирующаго направленія и отчасти уже извѣстные изъ хрестоматій и книгъ для чтенія; вра-

чебные совѣты — 12 совѣтовъ на одной страницѣ; о солнцѣ, землѣ, лунѣ и звѣздахъ, — статья, кажется, тоже заимствованная изъ календаря Л. Н. Толстого; разнаго рода совѣты и свѣдѣнія, полезныя для сельскаго жителя—на двухъ страницахъ,—иные изъ этихъ совѣтовъ слѣдовало-бы, ради большей систематизаціи, отнести къ соотвѣтствующимъ отдѣламъ календаря, напр., о мѣрахъ противъ укушенія ядовитыми животными—отнести въ отдѣлъ врачебныхъ совѣтовъ, какъ размножать малину и т. п.—въ отдѣлъ садоводства, вѣроятная продолжительность жизни пьяницъ и трезвыхъ людей—включить въ бесѣды противъ пьянства, отличающіяся отсутствіемъ фактическаго матеріала и страдающія крайнимъ резонерствомъ, и т. п.

Мы придаемъ большое значеніе всякаго рода книгамъ, предназначеннымъ для массы населенія и пытающимся такъ или иначе внести въ эту среду полезныя свѣдѣнія того или иного, утилитарнаго или нравственнаго, порядка. Къ числу такого рода книгъ слѣдуетъ, конечно, отнести и календари для сельскаго населенія Россіи, а потому мы и сочли необходимымъ привести подробно перечень содержанія «Русскаго сельскаго календаря», дабы читатель, болѣе или менѣе близко стоящій къ народу и знающій его нужды, напр., народный учитель, самъ могъ рѣшить, насколько этотъ календарь отвѣчаетъ потребностямъ сельскаго населенія и можетъ-ли онъ замѣнить издававшійся въ продолженіи четырехъ лѣтъ (1889 — 1892) «Сельскій календарь» г. Я. Абрамова, который, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, имѣлъ не мало достоинствъ и стоилъ всего 15 коп. Съ своей стороны, въ видахъ облегченія задачи названнаго читателя, ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями.

Средства покупателя, на котораго разсчитываетъ, повидимому, издатель «Русскаго сельскаго календаря», весьма ограниченныя, а потому календарь, за который онъ заплатитъ 25 к., долженъ возможно шире удовлетворять требованія, предъявляемыя имъ къ подобнаго рода справочной книгѣ, дабы, пріобрѣтая ее, ему не пришлось покупать другого календаря — общаго, не спеціальнаго характера и платить еще 15—20 копеекъ.

Въ разсматриваемомъ календарѣ нѣтъ свѣдѣній объ управленіи, нѣтъ никакихъ статистическихъ свѣдѣній (даже списка городовъ) о Россіи, не говоря уже о другихъ государствахъ, нѣтъ свѣдѣній по отбыванію воинской повинности, по народному образованію, по образованію сельско-хозяйственному — указаній на земледѣльческія училища, училища садоводства, винодѣлія и т. п., а также техническія и ремесленныя училища, ничего не сказано о пошлинахъ, налогахъ

и сборахъ, объ узаконеніяхъ относительно крестьянъ и о судѣ, вообще—никакихъ данныхъ юридическаго характера, а также характера экономическаго—о торговлѣ, промышленности, отхожихъ промыслахъ и т. п. Все это важно не менѣе вопроса переселенческаго. Мнѣніе Л. Н. Толстого, что «не отъ нужды въ городъ ходятъ, а за роскошью... не нужда, а соблазны въ городъ тянутъ. Въ городѣ пища слаще, а работа легче,—все готовое, думать не о чемъ; и никто не видитъ, какъ мы по трактирамъ гуляемъ, да еще хуже какими дѣлами занимаемся» (стр. 3),—это мнѣніе имѣетъ, конечно, лишь весьма условное значеніе; въ дѣйствительности для крестьянина, въ особенности малоземельныхъ и малоурожайныхъ мѣстностей, весьма важно знать тѣ мѣста, гдѣ онъ можетъ найти себѣ заработокъ, обезпечивающій жизнь его семьи. Поэтому, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ области сельско-хозяйственной и промысловой дѣятельности въ различныхъ мѣстахъ Россіи весьма умѣстны въ сел. календарѣ. Важнѣйшія событія даннаго года какъ въ Россіи, такъ и въ главнѣйшихъ государствахъ міра интересуютъ и сельское населеніе, въ среду котораго нынѣ уже успѣла проникнуть газета. Вообще, справочный, обще-календарный отдѣлъ «Русскаго сельскаго календаря» нуждается въ значительномъ расширеніи на счетъ такихъ частей своихъ, которыя могутъ быть значительно сокращены или даже совсѣмъ отброшены безъ всякаго ущерба для изданія. При большей части статей о различныхъ видахъ сельскаго хозяйства указана также относящаяся сюда литература. Такія указанія весьма полезны, но они не должны ограничиваться перечнемъ только однихъ заглавій книгъ, а болѣе или менѣе обстоятельно знакомить съ ихъ содержаніемъ и давать ихъ оцѣнку или характеристику, на основаніи которой читатель могъ-бы заключить о томъ, можетъ-ли для него та или другая книга быть полезною. Однимъ словомъ, слѣдуетъ поступать такъ, какъ отчасти это сдѣлано на стр. 65—66, въ библіографіи, относящейся къ ремесламъ. Если какое-либо руководство, напр., хотя-бы по пчеловодству, можетъ вполнѣ удовлетворить читателя, интересующагося данною отраслью хозяйства, и по цѣнѣ также вполнѣ доступно, то нѣтъ надобности помѣщать по той-же отрасли особую подробную статью въ календарѣ. Въ послѣднемъ, въ такомъ случаѣ, вполнѣ умѣстны лишь свѣдѣнія объ открытіяхъ въ областяхъ сельско-хозяйственной и технической послѣдняго времени, еще не успѣвшія войти въ руководства, пріобрѣсти извѣстность. Не помѣщая того, о чемъ можно узнать изъ книгъ, составитель календаря будетъ имѣть возможность дать въ немъ, напр., описанія различныхъ производствъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Россіи

какъ они изложены, напр., въ книгѣ г. Шарапова, о которой календарь не нашелъ нужнымъ упомянуть, дать описанія торговыхъ и промышленныхъ центровъ, съ приблизительнымъ указаніемъ цѣнъ продуктовъ, такъ какъ сельскій хозяинъ долженъ не только умѣть наилучше производить тѣ или другіе сельско-хозяйственные продукты, но также знать—какъ и куда онъ можетъ сбывать ихъ съ наибольшею для себя выгодою; можетъ, наконецъ, расширить справочный, собственно календарный отдѣлъ. Излишнимъ мы считаемъ помѣщеніе картинъ изъ библейской исторіи, изъ которыхъ каждая занимаетъ въ календарѣ мѣсто во всю страницу и которыхъ въ немъ помѣщено штукъ десять, и притомъ картинъ, очень дурно отпечатанныхъ. Двѣнадцать видовъ городовъ въ общемъ занимаютъ около трехъ страницъ, а между тѣмъ, несопровождаемые описаніями, неизящные сами по себѣ, а иногда даже и невѣрные (напр., на стр. 73 подъ картиною стоитъ надпись: «городъ Петербургъ», а на картинкѣ изображена лишь часть Невскаго проспекта, на стр. 59 подъ видомъ на Кремль подписано: «городъ Москва», на 53 стр. подъ картинкою, изображающею одну изъ казанскихъ улицъ, подпись «городъ Казань» и т. п.), эти картинки являются рѣшительнымъ балластомъ въ изданіи, въ которомъ дорога каждая страничка. Разсказы вообще неумѣстны въ календаряхъ, имѣющихъ свои спеціальныя цѣли, а такіе разсказы, какіе помѣщены въ «Русскомъ сельскомъ календарѣ» (стр. 76—78), тѣмъ болѣе непригодны. Напрасно также отнимаютъ мѣсто въ календарѣ статьи «Сельскія читальни» и «Бесѣды противъ пьянства»; онѣ написаны такъ, какъ съ *взрослыми людьми* говорить образованному человѣку въ настоящее время стыдно. Кого убѣдятъ, напр., такія разглагольствованія: «на пьяницу и смотрѣть страшно: на немъ лица нѣтъ, все здоровье его и всѣ силы его пропали отъ водки, онъ всегда въ нуждѣ. Сколько хлѣба идетъ на выкурку водки: то-бы хлѣбъ людямъ пригодился, либо скотинѣ на кормъ, а то и люди голодаютъ (,) и скотину нечѣмъ кормить. Такъ и уходитъ Божій даръ на пьяницъ да кабатчикамъ и трактирщикамъ въ карманъ,—людямъ на разореніе, *міру на огорченіе.* Пьяницы говорятъ: «трудно *водку бросить,*—не стерпишь». Говорятъ даже, что заболѣешь, если вовсе *бросишь.* Не бойся, не умрешь безъ водки. А какъ это силъ не хватитъ *водку бросить*? Пустяки это. Богъ далъ душѣ нашей власть надъ тѣломъ. Бросишь пить, за тебя жена и дѣти будутъ Богу молиться (,) и самому хорошо будетъ. Бываетъ, люди и пятидесяти лѣтъ *бросаютъ водку* (,) и не только не болѣютъ отъ этого, а здоровѣе бываютъ. Безъ водки человѣкъ крѣпче, работаетъ онъ

лучше, больше сработаетъ и въ жару, и на холоду, и въ пути ему легче» и т. д. (стр. 73). Повторяемъ, о серьезныхъ вопросахъ съ взрослыми людьми такимъ языкомъ не говорятъ... Напечатанъ календарь черезчуръ мелкимъ шрифтомъ и на слишкомъ тонкой, мѣстами просвѣчивающей бумагѣ. Этими замѣчаніями мы и ограничимся пока...

Въ заключеніе скажемъ, что, по нашему мнѣнію, поставивъ себѣ болѣе опредѣленную задачу, исключивъ все неподходящее къ цѣли, «Русскій сельскій календарь» могъ-бы быть далеко не безполезнымъ изданіемъ для народа, въ настоящемъ-же своемъ видѣ онъ заставилъ насъ только пожалѣть, что г. Я. Абрамовъ прекратилъ или пріостановилъ свое изданіе «Сельскаго Календаря». **К. М.**

Народныя изданія В. И., подъ девизомъ «**Правда**»: 1. «**Сирота**», разсказъ *Николаевой*, ц. 3 коп.; 2. «**Послѣдняя треба**», разсказъ *Мамина-Сибиряка*, ц. 1½ коп.; 3. «**Старая нищенка**», разсказъ *Піетари Пейверинта*, ц. 1½ коп.

Намъ уже приходилось говорить объ изданіяхъ В. И. («Р. Шк.»., янв. 1893 г.). Эта издательская фирма, какъ мы тогда говорили, — стремится дать для чтенія народу все лучшее изъ русской и иностранной литературы, избѣгая передѣлокъ, насколько это возможно по условіямъ закона о литературной собственности и другимъ причинамъ, часто не зависящимъ отъ воли издателей. Такая точка зрѣнія, несомнѣнно, самая вѣрная: она не предполагаетъ въ простомъ читателѣ существа другой, низшей расы, для котораго непонятны мысли и чувства, волнующія интеллигентнаго человѣка. Можно говорить о меньшей суммѣ знаній у простого читателя и, сообразно съ этимъ, сообщать ему научныя свѣдѣнія въ болѣе простой и удобопонятной формѣ, но что касается произведеній беллетристическаго характера, художественно изображающихъ жизнь, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, то здѣсь не мѣсто опасеніямъ, что простой читатель не пойметъ ихъ. Кто наблюдалъ за чтеніемъ грамотныхъ крестьянъ, тотъ знаетъ, что Шекспиръ и Островскій, Гоголь и Толстой, Успенскій и Короленко находятъ читателей съ такимъ-же успѣхомъ въ сѣрой массѣ, съ какимъ и въ интеллигентной средѣ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ 55 книжкахъ «Правды» нашли себѣ мѣсто, между прочимъ, произведенія слѣдующихъ писателей: Гоголя, Толстого, Достоевскаго, Некрасова, Надсона, Успенскаго, Короленка, Гаршина и Боборыкина.

Первая изъ поименованныхъ только-что появившихся книжекъ—

«Сирота» — г-жи Николаевой (вѣроятно, псевдонимъ), по замыслу и мастерскому воспроизведенію дѣйствительности сразу даетъ понять, что произведеніе это принадлежитъ опытному перу. Содержаніе разсказа взято изъ деревенской жизни. Анна Яковлевна, учительница сельской школы, только-что вернулась въ свое родное село, гдѣ она пробыла передъ тѣмъ 10 лѣтъ учительницей, отдавая темному люду, окружавшему ее, и свои силы, и здоровье. Сливши свою жизнь и интересы съ жизнью и интересами окружающихъ, Анна Яковлевна заслужила всеобщую любовь и полное довѣріе: къ ней шли за совѣтомъ въ бѣдѣ, въ семейномъ разладѣ; ей вѣрили, ее прозвали матерью сиротъ,—словомъ, это была одна изъ тѣхъ незамѣтныхъ труженицъ-героинь, жизнь и работа которыхъ не блещетъ внѣшними подвигами, но зато богата внутреннимъ содержаніемъ. Въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія народа, въ ходѣ его исторической жизни дѣятельность незамѣтныхъ труженицъ этихъ имѣетъ, конечно, огромное значеніе. Болѣзнь горла заставила А. Я. оставить занятія въ школѣ, которыя она любила болѣе всего въ жизни. Родные, уѣзжавшіе въ Италію ради своихъ больныхъ дѣтей, пригласили ее, какъ няню и учительницу. Уѣзжая, она сдала школу бывшему ученику до своего возвращенія. Въ тепломъ климатѣ здоровье ея скоро поправилось, но врачи нашли, что жить она можетъ только на югѣ. И вотъ, теперь она пріѣхала повидать родныя мѣста и людей, родныхъ по душѣ, и разсчитывала прожить остатокъ лѣта въ школѣ, опустѣвшей въ рабочую пору. Въ разсказѣ довольно ярко переданы тѣ чувства и мысли, которыя переживала Анна Яковлевна, снова попавъ въ родныя мѣста, гдѣ протекло ея невеселое дѣтство и счастливые годы учительства. Встрѣча съ бывшими учениками и ученицами, теперь уже взрослыми домохозяевами; задушевная бесѣда съ ними обо всемъ, чѣмъ живетъ деревня; живѣйшее участіе, съ которымъ относилась она ко всѣмъ нуждамъ и заботамъ, которыми такъ богата деревенская жизнь,—все это снова охватило Анну Яковлевну и снова наполнило все ея существованіе. Въ первый-же день по пріѣздѣ она наталкивается на возмутительное отношеніе лебедянскаго (названіе деревни) міра къ мальчику-сироткѣ. Ефиму (имя мальчика) не было еще и 6 лѣтъ, когда умерли у него отецъ и мать, и вотъ міръ за ведро водки передаетъ все хозяйство и землю умершаго богатому мужику-міроѣду, а беззащитнаго Ефима опредѣляетъ въ поводыри къ Силуянычу, вѣчно пьяному и выжившему изъ ума старику. Нечего и говорить, насколько тяжела была жизнь Ефима; помимо побоевъ и общества постоянныхъ посѣтителей мѣстнаго кабака, ему часто при-

ходилось «стеречь избу и добро» Силуяныча; послѣдній часто, оставаясь самъ ночевать гдѣ-нибудь въ теплѣ, отсылалъ Ефима въ свою пустую, холодную избу, не жалѣя малыша. «И какъ страшно бывало сиротѣ въ этой пустой избѣ, когда вѣтеръ завывалъ въ трубѣ или свистѣлъ въ щели, леденя холодомъ тощее, плохо прикрытое дѣтское тѣло. Въ этой избѣ сирота чуть не умеръ отъ кори. Онъ лежалъ на соломѣ одинъ, заброшенный. Некому было подать воды. Онъ выползалъ на крыльцо и глоталъ снѣгъ. Хорошо, что пріѣхавшій фельдшеръ увезъ его въ больницу». И никто за четыре года не пожалѣлъ забытаго ребенка. Анна Яковлевна сразу вошла въ его положеніе и съ перваго-же дня стала дѣйствовать въ его пользу, стараясь вызвать со стороны представителей лебедянскаго міра участіе къ судьбѣ бѣднаго ребенка,—задача, далеко не легкая, если принять во вниманіе то вліяніе, какимъ пользовался на міру Ефремъ, завладѣвшій добромъ сироты. Много надо было имѣть энергіи, настойчивости и умѣнья, чтобы довести дѣло до конца. Анна Яковлевна выполнила свою задачу, хотя и не во всѣмъ ея объемѣ: Ефима опредѣлили въ общественные подпаски, содержаніе-же ему въ зимніе мѣсяцы взялась высылать сама Анна Яковлевна.

«Первый день, когда сирота выгналъ скотину въ поле, былъ для него памятнымъ днемъ. Въ С--кой губерніи народъ не смотритъ съ пренебреженіемъ на пастуха. На зарѣ погналъ Ефимъ стадо вмѣстѣ съ новымъ пастухомъ; лебедянскія бабы вышли провожать ихъ до околицы, принесли хлѣбъ-соль, лепешекъ и творожку. Ефимъ шелъ за стадомъ, вытягиваясь на носкахъ, что было силъ, чтобы казаться больше ростомъ, и весело хлопалъ новымъ бичемъ. Много думъ перегоняли одна другую въ головѣ его. Конецъ горькой жизни! Теперь онъ не нищій, онъ работникъ! Онъ не пропадетъ, шатаючись съ пьяницей по кабакамъ. Міръ не обидитъ его больше, онъ будетъ вѣрно стеречь стадо». Такъ заканчивается разсказъ. Довольно видное мѣсто отведено въ немъ изображенію внутренней жизни Ефима, причемъ авторъ прекрасно справляется съ своей задачей. Разсказъ читается довольно легко; жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ефимъ говоритъ языкомъ взрослаго человѣка, но этотъ недостатокъ разсказа съ избыткомъ искупается многими несомнѣнными достоинствами его. Мы увѣрены, что книжка найдетъ многочисленныхъ читателей среди взрослаго населенія деревни и займетъ видное мѣсто на полкѣ сельской библіотеки, чему отъ души можно порадоваться.

Прекрасный разсказъ г. Мамина-Сибиряка «Послѣдняя треба» взятъ изъ жизни нашей сѣверной лѣсной окраины. Содержаніе его

несложно: священникъ села Паломы, отецъ Савелій, въ рождественскую ночь ѣдетъ напутствовать умирающую жену лѣсника Евтропа; лѣсникъ живетъ въ глуши лѣса, въ 10 верстахъ отъ села: плохая лошаденка Евтропа не въ силахъ везти двоихъ, поэтому отецъ Савелій отправляется одинъ; на возвратномъ пути онъ, вслѣдстіе вьюги, сбивается съ пути; худая шуба и люстриновый подрясникъ плохо защищаютъ его отъ холода, и онъ замерзаетъ, между тѣмъ какъ собравшійся въ церкви народъ тщетно ждетъ его возвращенія и начала обѣдни. Разсказъ написанъ чрезвычайно живо. Образъ отца Савелія проходитъ передъ читателемъ, какъ живой; бѣдность, своя и окружающихъ, наложила на него какой-то особый отпечатокъ смиренія и доброты и выработала въ немъ теплое и участливое отношеніе ко всякому, кто приходилъ къ нему въ трудныя минуты жизни. Чуткимъ сердцемъ онъ хорошо понималъ мужицкое горе, и ему достаточно было замѣтить слезы на глазахъ Евтропа, чтобы оставить свой домъ, и одному, въ глухую ночь, во вьюгу спѣшить къ умирающей женщинѣ. На ряду съ изображеніемъ отца Савелія, разсказъ знакомитъ читателя отчасти съ условіемъ существованія и бытомъ обитателей нашихъ лѣсовъ. Въ общемъ, книжка производитъ довольно цѣльное впечатлѣніе.

Маленькій прелестный разсказъ «Старая нищенка» принадлежитъ перу финскаго писателя — Піетари Пейверинта. Старая нищенка, собирая куски хлѣба для своей несчастной дочери, которую вмѣстѣ съ ребенкомъ бросилъ «одинъ безсовѣстный человѣкъ», замерзаетъ на дорогѣ,—вотъ все несложное содержаніе разсказа, но какою горячею любовью къ человѣку дышитъ каждая его страница! Въ книжкѣ дана также краткая біографія автора. **Н. Тулуповъ.**

Э. Кандезъ. Несчастливцы. Разсказъ для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Съ 65 рис. Переводъ съ французскаго В. И. Писаревой. Петербургъ. Изд. Павленкова. 1893 г. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

На берегу маленькой рѣчки ползаетъ, летаетъ, жужжитъ и стрекочетъ цѣлый міръ разнообразныхъ насѣкомыхъ. И вотъ, среди лѣта населеніе края замѣчаетъ, что родная рѣчка его начинаетъ мелѣть, прибрежные кусты блекнутъ и сохнутъ—рѣчка пересыхаетъ, населенію грозитъ смерть отъ голода и жажды. Насѣкомыя собираются на сходку и, послѣ долгихъ преній, рѣшаютъ избрать изъ своей среды коммиссію, которой поручается идти изслѣдовать причину засухи и

изыскать средства спасенія. Въ слѣдующую ночь отрядъ выборныхъ, подъ предводительствомъ жужелицы, выступаетъ въ походъ. Дорожныя приключенія двухнедѣльнаго пути туда и обратно вдоль пересохшаго русла рѣки и послѣдовавшее за этой экспедиціей переселеніе насѣкомыхъ въ другую долину и составляетъ фабулу разсказа. Разсказъ ведется живо и занимательно, сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія изъ жизни насѣкомыхъ интересны; нравственная сторона разсказа, въ смыслѣ изображенія отношеній дѣйствующихъ лицъ другъ къ другу, общему благу и долгу,—тоже хороша. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ отнести «Несчастливцевъ» къ числу хорошихъ дѣтскихъ книгъ. Нужно замѣтить только, что по изложенію книга эта недоступна для дѣтей младшаго возраста; она можетъ быть понята только тѣми изъ читателей, которые уже знакомы съ такими явленіями общественной жизни, какъ народныя собранія, выборъ представителей, атака и оборона во время войны, и такъ далѣе. Книга содержитъ 65 недурныхъ рисунковъ. Печать довольно мелкая.

«Въ степи» (по Куперу). Разсказы для юношества. Съ нѣмецкаго М. Гранстремъ. Съ 4-я раскрашенными картинками. Изданіе Битепажа. Петербургъ. Страницъ 202. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказъ, очевидно, составляетъ передѣлку одной изъ повѣстей Купера, и передѣлку очень неудачную. Передать содержаніе этой передѣлки довольно мудрено: такъ мало логической связи между фактами и такъ неожиданно самые противорѣчивые факты являются передъ читателемъ. Точно также трудно составить какое-нибудь понятіе и о лицахъ, дѣйствующихъ въ повѣсти. Всѣ эти лица совершенно произвольно раздѣляются авторомъ на добродѣтельныхъ и злодѣевъ, хотя и тѣ, и другіе въ одинаковой степени лгутъ, грабятъ и убиваютъ другъ друга, когда имъ то выгодно.

Въ общемъ, книга производитъ впечатлѣніе чего-то недоговореннаго и неудобопонимаемаго; можно только пожалѣть дѣтей, которыя получатъ ее въ подарокъ.

«Волкъ». Эпизодъ изъ Варѳоломеевской ночи. Повѣсть для юношества. (Съ англійскаго). Съ рисунками въ текстѣ. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1893 г.

Книга принадлежитъ къ разряду «кровавыхъ» романовъ, въ родѣ «Трехъ мушкетеровъ», «Тайнъ испанскаго двора» и т. п., только нѣсколько передѣланныхъ для юношескаго возраста. Тутъ на каждой страницѣ: драки, убійства, рыцарскіе подвиги, заговоры, заключенія въ тюрьму, чудесныя спасенія красавицъ, однимъ словомъ, все, что только можно нагромоздить въ разсказѣ о той эпохѣ, когда убійство врага счита-

лось подвигомъ, когда еретиковъ жгли всенародно, когда папа праздновалъ событіе «колоссальной бойни Варѳоломеевской ночи», какъ день торжества католичества, и благодарилъ Бога за истребленіе еретиковъ.

Суть разсказа въ томъ, что трое мальчиковъ-подростковъ, Анъ, Мари и Круазетъ де-Кайлю, 17, 16 и 15 лѣтъ, ѣдутъ спасать жениха своей любимой двоюродной сестры отъ злыхъ замысловъ влюбленнаго въ нее рыцаря де-Безера, а по дорогѣ съ ними случается рядъ трагическихъ, кровавыхъ происшествій.

Красавица Китъ де-Кайлю рѣшается выйти замужъ за гугенота Луи де-Павана; когда объ этомъ узнаетъ рыцарь Рауль де-Маръ, Видомъ де-Безеръ, по прозванію «Волкъ», то объявляетъ, что отмститъ за свою отвергнутую любовь, что Китъ никогда не забудетъ того дня, когда онъ поздравитъ ее съ счастливымъ бракомъ, что онъ отыщетъ любимаго ею человѣка, убьетъ его и пришлетъ ей его «правую руку вмѣстѣ съ сердцемъ, которое полно любовью къ ней». Де-Безера всѣ считаютъ отчаяннымъ человѣкомъ, говорятъ, что онъ «не спасуетъ передъ Гизомъ и не покраснѣетъ передъ Мадонной», а потому подростки Анъ, Мари и Краузетъ рѣшаются какъ-нибудь остановить его злое дѣло и, тайно оставивъ домъ, идутъ за нимъ въ Парижъ, чтобы предупредить Луи де-Павана о грозящей ему опасности. Въ Парижъ они являются наканунѣ Варѳоломеевской ночи, попадаютъ въ плѣнъ къ де-Безеру, однако бѣгутъ отъ него, участвуютъ въ нѣсколькихъ ночныхъ схваткахъ, спасаютъ нѣсколькихъ гугенотовъ (между прочимъ, мальчика герцога де-Сюлли), потомъ сами вмѣстѣ съ Луи де-Паваномъ попадаютъ опять въ плѣнъ къ де-Безеру, и онъ подъ сильнымъ конвоемъ привозитъ ихъ къ себѣ въ городъ Кагоръ. Во время пути мальчики, оставленные безъ надзора, задумываютъ убить «Волка», потомъ предлагаютъ Луи де-Павану бѣжать, но онъ отказывается отъ этого, говоря: «Я далъ слово Видому доѣхать съ нимъ до Кагора и сдержу его. Къ тому-же, я увѣренъ, что онъ ставитъ мнѣ западню и хотѣлъ-бы чтобы я попробовалъ бѣжать. Для него было-бы большое наслажденіе отнять сначала у меня честь, а потомъ жизнь. Но, къ счастью, онъ властенъ только надъ моею жизнью». Такое благородство и безстрашіе гугенота передъ грозящей ему смертью смягчаютъ сердце де-Безера, и онъ, помучивъ де-Павана приготовленіями къ смертной казни, даритъ ему жизнь, послѣ чего женихъ и братья возвращаются къ Китъ, и все дѣло оканчивается благополучно свадьбой.

Характеры де-Безера и де-Павана очерчены очень шаблонно, но

тѣмъ не менѣе производятъ впечатлѣніе, а сцены народныхъ волненій, всеобщаго возбужденія страстей при такихъ событіяхъ, какъ Варѳоломеевская ночь, переданы очень недурно. Но при этомъ не сдѣлано никакой оцѣнки этого событія, нѣтъ ни малѣйшей характеристики ни главныхъ дѣйствующихъ лицъ, ни мотивовъ этой великой исторической драмы, всѣ-же описанныя происшествія совершаются какъ-бы за кулисами ея, а потому повѣсть не представляетъ ничего цѣннаго въ смыслѣ «иллюстраціи исторіи». Не вноситъ она также ни доброй мысли, ни высокихъ нравственныхъ понятій, не возбуждаетъ ни милости къ падшимъ, ни сочувствія къ страдающимъ, а кровавыя сцены, въ ней описанныя, могутъ только извратить вкусъ юныхъ читателей. Потому можно пожалѣть, что книжка издана такъ роскошно, что внѣшній видъ ея, прекрасная бумага и печать, наконецъ, недурные рисунки могутъ привлечь вниманіе и соблазнить на покупку, тогда какъ она не стоитъ этого даже по тяжелому языку перевода. Вотъ образчики языка (стр. 1-я): «Западная стѣна утолщется еще двумя башнями, вплотную къ ней примыкающими извнѣ». Стр. 111—«Здѣсь, прижатый къ стѣнѣ, бѣдняга защищался первымъ попавшимся подъ руку полѣномъ или простой палкой противъ нѣсколькихъ вооруженныхъ съ ногъ до головы воиновъ, тамъ изъ подъ кучи труповъ кровь бѣжала ручьемъ къ уличному водостоку». Стр. 122—«Отрядъ Волка, почти все суровые и бородатые швейцарцы, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на зѣвакъ, толпившихся на берегу, готовые по первому знаку своего вождя ринуться на кого онъ прикажетъ и безпощадно рубить направо и налѣво». Образчикомъ-же сценъ, вовсе не годящихся для юношества, можетъ служить сцена, описанная на страницахъ 29—32-ой.

The royal shilling atlas by J. Bartholomeew. F. R. G. G. (чл. корол. Геогр. Общ.). London, 1892. 1 шилл.

Justus Perthes' TaschenA-tlas. Gotha, 1892. 2 марки.

Schrader. Atlas de poche, contenant 16 cartes doubles, 35 cartes simples et un index alphabétique des noms contenus dans l'atlas. Hachette. Paris, 1892. 3 фр. 50 сант.

Justus Perthes' Atlas antiquus. Gotha, 1893, 2 марки 60 пф.

Нельзя отрицать крайней важности для читающей публики и даже для ученыхъ появленія ежегоднаго сборника, въ которомъ были-бы зарегистрованы географическія открытія въ теченіе истекшаго года и успѣхи, дѣлаемые европейскими націями въ присвоеніи «незаня-

тыхъ земель внѣ Европы,—«незанятыхъ», т.-е. находящихся еще въ рукахъ первобытныхъ жителей страны.

Благодаря жаждѣ знанія однихъ, любви къ дальнимъ и опаснымъ путешествіямъ другихъ и, надо прибавить, стремленію третьихъ къ наживѣ путемъ обезпеченія для европейскихъ фабрикъ отдаленныхъ новыхъ рынковъ, благодаря той или другой изъ этихъ причинъ, наши свѣдѣнія о своей планетѣ растутъ необыкновенно быстро. Мы, русскіе, также внесли свою долю участія въ великое дѣло изслѣдованія земной поверхности и прославились въ прежніе вѣка колонизаціей Сибири, а въ настоящее время своими путешественниками по Средней Азіи: имена Пржевальскаго, Мушкетова, Потанина, Ядринцева и др. извѣстны всему ученому міру, и въ особенности англичанамъ, для которыхъ Средняя Азія имѣетъ болѣе, чѣмъ одинъ научный интересъ.

На послѣднемъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Петербургѣ было предложено профессоромъ Московскаго университета Д. Анучинымъ изданіе «Географическаго Ежегодника». Въ «Ежегодникъ», издаваемый при Географическомъ Обществѣ, должны были войти—обозрѣніе успѣховъ географическихъ свѣдѣній о Россіи и сопредѣльныхъ странахъ и нѣкоторыя, хотя-бы лишь библіографическаго характера, указанія на успѣхи географіи, какъ науки, на Западѣ. Мы имѣли въ рукахъ первую книгу «Географическаго Ежегодника» (1890 г.) и читали о выходѣ второго (1891 г.), но слышали въ то-же время изъ вполнѣ компетентнаго источника, что это, вѣроятно, и послѣдній выпускъ, такъ какъ книга не встрѣтила никакой поддержки въ обществѣ и не была распродана, несмотря на малое число выпущенныхъ экземпляровъ. Даже наши среднія учебныя заведенія, повидимому, совершенно не замѣтили появленія «Ежегодника».

Не то мы видимъ за границей. Не говоря уже о Германіи, которая давно славится своими географическими и въ особенности картографическими изданіями, имѣетъ нѣсколько спеціальныхъ географическихъ журналовъ и одинъ большой, давно выходящіи ежегодникъ, и во Франціи ученые въ послѣднія 20 лѣтъ тоже усиленно работали въ области географіи. Здѣсь не мѣсто перечислять наиболѣе выдающіяся ученыя французскія изданія въ области географіи, укажемъ лишь на имѣющія большой интересъ для публики и въ особенности для учителей географіи періодическія изданія: «Le Tour du monde» съ приложеніемъ «Nouvelles Géographyques» (отдѣльно 6 франковъ въ годъ) и «Revue de géographie». Замѣчательно то, что подобныя изданія предпринимаются частными людьми, хотя-бы и крупными издателями, т.-е. изданіе, значитъ, должно не только окупаться, но и давать нѣкоторый доходъ.

Особенно хороши французскія географическія изданія, предназначенныя для такъ-называемой общей публики—недорогія, необыкновенно изящныя, богато украшенныя иллюстраціями, какъ, напр., недавно предпринятое фирмой Гашета (Hachette), если не ошибаемся, уже третье изданіе прекрасной книги «La terre à vol d'oiseau» (12 франковъ все изданіе)—сочиненіе О. Реклю (Onésime Réclus), брата знаменитаго географа Е. Реклю. Не только насъ, русскихъ, должна удивлять сравнительная дешевизна подобныхъ прекрасныхъ изданій, но мы встрѣчали выраженія такого удивленія даже въ англійской періодической печати.

Но если мы, русскіе, при маломъ знакомствѣ нашемъ съ новыми языками, не можемъ пользоваться такими прекрасными книгами, то, по крайней мѣрѣ, намъ не слѣдовало-бы пропускать случаи пользоваться образцовыми картографическими изданіями, напр., всякаго рода атласами, которые, будь они англійскіе, французскіе или нѣмецкіе, доступны всякому, знакомому съ буквами латинскаго алфавита.

Передъ нами четыре сравнительно-дешевыхъ иностранныхъ атласа. Самый дешевый—англійскій атласъ, стоющій всего 1 шиллингъ, т.-е., по принятой нашими книгопродавцамя таксѣ, 60—70 к. Это—изящная книжка въ толстой бумажной обложкѣ, болѣе чѣмъ въ 8-ю долю листа. Въ атласѣ мы находимъ карты движенія луны и ея фазъ, движенія земли, карту земныхъ полушарій, карты океаническихъ теченій, климатовъ, общую карту колоніальныхъ владѣній Англіи, довольно подробныя карты Европы и всѣхъ европейскихъ государствъ въ отдѣльности, нѣсколько спеціальныхъ картъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Далѣе слѣдуютъ карты другихъ материковъ и спеціальныя карты такъ-называемой Передней Азіи, Индіи, Палестины, Индо-Китая, Китая и Японіи, Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Мексики, хорошія спеціальныя карты Центральной и Южной Африки, прекрасныя карты Юго-Восточной Австраліи и, наконецъ, Новой Зеландіи. Атласъ оканчивается алфавитнымъ перечнемъ географическихъ названій (болѣе 5.000)—съ указаніемъ широты и долготы мѣста, государства и области, гдѣ находится данная мѣстность. Въ самомъ началѣ атласа помѣщены данныя о количествѣ населенія въ главныхъ государствахъ всего міра и въ наиболѣе значительныхъ городахъ.

Карманный нѣмецкій атласъ представляетъ собой весьма изящно переплетенную книгу и по формату раза въ три менѣе англійскаго атласа. Здѣсь мы находимъ почти тѣ-же карты, какъ и въ англійскомъ, но, конечно, спеціальныя карты Англіи, Шотландіи и Ирлан-

діи замѣнены подробными картами Германіи по областямъ. Къ недостаткамъ нѣмецкаго атласа надо отнести стремленіе дать возможно больше названій на небольшихъ картахъ, на которыхъ въ то-же время передаются и физическія особенности странъ; вслѣдствіе этого въ горныхъ областяхъ, сильно затушеванныхъ, названія трудно разбирать. Въ началѣ атласа помѣщены общія, по государствамъ, свѣдѣнія, въ которыхъ означены пространство, населеніе, города съ 50 тыс. населенія и болѣе, численность арміи и флота, государственные доходы и расходы, длина желѣзныхъ дорогъ и т. п. данныя, конечно, весьма интересныя для людей, занимающихся наукой, и даже просто для образованныхъ людей, тѣмъ болѣе, что всѣ эти свѣдѣнія ежегодно исправляются. Наконецъ, въ самомъ атласѣ указаны весьма интересныя данныя о пароходныхъ сообщеніяхъ между разными государствами Европы и еще болѣе любопытныя свѣдѣнія о пароходныхъ сообщеніяхъ съ внѣ-европейскими странами. Цѣна атласа почти вдвое больше цѣны англійскаго.

Французскій атласъ превосходитъ нѣмецкій внѣшнимъ изяществомъ. Вслѣдствіе нѣсколько бо̀льшаго формата, французскій атласъ превосходитъ нѣмецкій и удобочитаемостью названій. Содержаніе картъ приблизительно одинаково съ нѣмецкимъ, но преимущество, разумѣется, отдано Франціи и французскимъ колоніальнымъ владѣніямъ. Кромѣ приблизительно тѣхъ-же общихъ свѣдѣній о материкахъ и государствахъ, которыя даетъ нѣмецкій атласъ, французскій атласъ, подобно англійскому, даетъ еще перечень (болѣе 12 тыс. названій) всѣхъ названій, встрѣчающихся въ атласѣ, съ указаніемъ карты и квадрата, гдѣ нужно искать данное названіе, для чего сбоку всѣхъ картъ между цыфрами, указывающими широты и долготы, поставлены на равныхъ разстояніяхъ буквы алфавита. Читатель видитъ такимъ образомъ, какъ становится легко отыскиваніе незнакомаго географическаго названія на картѣ. Французскій атласъ дороже нѣмецкаго и стоитъ 1 р. 60 к.

Если мы не ошибаемся, во Франціи это первой опытъ подобнаго рода изданія и мы увѣрены въ громадномъ успѣхѣ его. Въ Россіи намъ приходилось слышать хорошіе отзывы объ атласѣ отъ всѣхъ, кто имѣлъ случай имъ пользоваться.

Указанный нами нѣмецкій атласъ выходитъ уже 28-мъ изданіемъ и, слѣдовательно, не нуждается въ похвалахъ. Англійскій атласъ принадлежитъ лицу, весьма извѣстному своими картографическими работами и которому принадлежитъ цѣлая серія атласовъ самой различной цѣны, смотря по содержанію атласа. Если оцѣнивать атласы съ точки

зрѣнія ихъ продажной цѣны, то преимущество рѣшительно принадлежитъ англійскому атласу, такъ какъ онъ, будучи наиболѣе дешевымъ, имѣетъ (хотя и не полный) указатель, т.-е. въ значительной степени обладаетъ наиболѣе существеннымъ достоинствомъ самаго дорогого.

Громадный успѣхъ нѣмецкаго карманнаго географическаго атласа побудилъ издателя выпустить подобный-же историческій атласъ, придавъ ему ту-же изящную внѣшность и тотъ-же форматъ. Атласъ содержитъ 21 карту *древняго* міра и большіе планы Аѳинъ и Рима. Составъ картъ, приблизительно, такой-же, какой мы встрѣчаемъ въ обыкновенныхъ (иностранныхъ) атласахъ древняго міра. Драгоцѣнную особенность атласа составляетъ перечень (болѣе 7.000) географическихъ названій—съ указаніемъ карты и квадратика, гдѣ надо искать данное названіе, т.-е. по плану упомянутаго выше атласа Шрадера. Этимъ вполнѣ оправдывается и бо̀льшая, сравнительно съ географическимъ, цѣна историческаго атласа. Пожелаемъ успѣха и распространенія въ Россіи и этому прекрасному изданію.

П. Мижуевъ.

Историческія чтенія. (Lectures historiques). Древняя исторія. Египетъ, Ассирія. М. Масперо. Переводъ съ французскаго съ 192 рисунками. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1892. 1. 8° (VIII+305).

Извѣстная парижская издательская фирма Hachette & C-ie предприняла весьма полезную серію историческихъ пособій для лицеевъ подъ приведеннымъ выше заглавіемъ: «Lectures historiques». Серія, вышедшая теперь уже вполнѣ, состоитъ изъ шести небольшихъ томовъ, весьма изящнаго вида, иллюстрированныхъ обильно и въ то-же время просто, такъ что цѣна книгъ отъ этихъ иллюстрацій не увеличивается значительно. Вотъ заглавія отдѣльныхъ томовъ. I. Egypte. Assyrie, par M. Maspérau. 1890. II. La vie privée et la vie publique des Grecs, par P. Guiraud. 1890. III. La vie privée et la vie publique des Romains. 1893. IV. Histoire du moyen-âge (— 1270), par Ch. Langlois. 1890. V. Histoire du moyen-âge et des temps modernes (1270—1610), par Mariéjal. 1892. VI. Histoire des temps modernes, par Lacour-Gayet. 1890. Всѣ томы занимаются преимущественно характеристикой бытовой стороны исторіи и всѣ-же, кромѣ перваго, суть не что иное, какъ историческія хрестоматіи, состоящія изъ небольшаго объема статей, составленныхъ по различнымъ классическимъ трудамъ, преимущественно, но не исключительно, французскимъ. Первый томъ, характеристикой котораго мы здѣсь займемся,

существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Уже самое имя его автора, одного изъ корифеевъ современнаго востоковѣдѣнія, заставляетъ a priori ожидать отъ этого тома чего-нибудь выдающагося. Ожиданіе это, при чтеніи его, не только оправдывается, но, можно сказать, даже превзойдено. Очерки Египта и Ассиріи Масперо слѣдуетъ, не колеблясь, поставить на ряду съ такими популяризаціями древней жизни, какъ «Хариклъ» и «Галлъ» Беккера. Масперо удалось выдержать середину между изложеніемъ чисто научнымъ, какое мы видимъ, напр., въ «Египтѣ»—Эрмана и историческими романами, подобными произведеніямъ Эберса. Подобно «Хариклу» и «Галлу», и у нашего автора и въ его очеркѣ Египта, и въ его очеркѣ Ассиріи есть нѣкоторая фабула, но въ еще болѣе слабой степени, чѣмъ у Беккера, она составляетъ сущность сочиненія. Главной задачей автора было, по возможности, ярко нарисовать картины быта Египта и Ассиріи въ эпохи наибо̀льшаго развитія и процвѣтанія того и другого государства. Такими эпохами являются для Египта—эпоха Рамзеса II (XIV в. до Р. Хр.), а для Ассиріи эпоха Ассурбанипала (VII в. до Р. Хр.). Нечего и говорить, что Масперо—самъ авторъ одного изъ классическихъ сочиненій по исторіи древняго Востока—отступаетъ въ своемъ томѣ отъ компилятивнаго характера прочихъ томовъ серіи и даетъ очерки совершенно самостоятельные. Если у него и есть отрывки, не ему принадлежащіе, то это отрывки древнихъ текстовъ. Обильно разсыпанные по всей книгѣ, иногда переводимые дословно, иногда въ сокращенномъ изложеніи, отрывки эти дѣлаютъ чтеніе книги еще интереснѣе и цѣликомъ переносятъ читателя въ древнее міросозерцаніе. Изложеніе автора представляетъ, можно сказать, идеалъ изящества, общедоступности и проникнуто отъ начала до конца глубокимъ знаніемъ своего предмета и любовью къ нему. Надо-ли прибавлять, что, предназначенная для юныхъ читателей, книга абсолютно исключаетъ все сомнительное въ нравахъ и жизни древнихъ народовъ Востока. Не смотря на то, что Масперо, главнымъ образомъ, египтологъ и въ своей «Histoire ancienne des peuples de l'Orient» выставляетъ Египетъ на первый планъ, здѣсь онъ удѣляетъ совершенно равное вниманіе Египту и Ассиріи, такъ что даже по числу страницъ обѣ части книги почти совершенно равны.

Чтобы подробно охарактеризовать сочиненіе, отличающееся такими достоинствами, слѣдовало-бы подробно пересказать его содержаніе. Предполагая, что педагогическій міръ уже достаточно знакомъ съ нимъ, мы считаемъ возможнымъ упростить нашу задачу, а именно лишь указать на наиболѣе выдающіяся, по нашему мнѣнію, части.

Мы уже упомянули, что несмотря на то, что центръ тяжести у нашего автора, очевидно, лежитъ на характеристикѣ быта въ извѣстныя наиболѣе яркія эпохи исторіи обоихъ государствъ, у него въ обоихъ очеркахъ имѣются и нѣкоторыя фабулы, связывающія ихъ въ одно цѣлое. Фабулы эти нарочно приноровлены для того, чтобы показать жизнь народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ будничныхъ, такъ и праздничныхъ, какъ дома, такъ и на войнѣ, и по существу своему весьма просты.

Каждый изъ очерковъ можно раздѣлить на три главныя части: описаніе страны, городской жизни, торговли и т. п., описаніе главныхъ моментовъ жизни семейной, развлеченій, занятій, а также болѣзни, смерти и похоронъ и, наконецъ, описаніе жизни царя, его дворца, торжественныхъ процессій, религіозныхъ церемоній, охоты и войны. Описанія перваго рода ведутся авторомъ отъ своего лица, причемъ онъ переносится въ древность и говоритъ слогомъ путешественника, лично видѣвшаго описываемыя мѣстности и вникавшаго во всѣ мелочи. Въ своемъ «предувѣдомленіи» авторъ самъ обращаетъ на это вниманіе читателей: «Прибывъ на мѣсто, я осмотрѣлся вокругъ себя и старался присмотрѣться и прислушаться ко всему какъ можно лучше, какъ можно больше. Я исходилъ всѣ улицы въ городѣ, заглядывалъ, гдѣ можно, въ плохо притворенныя двери, слонялся по торговымъ лавкамъ, записывалъ все, что удавалось подслушать въ народныхъ толкахъ и разговорахъ». Если принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти описанія не только ученая реконструкція, но описанія лично видѣнныхъ авторомъ мѣстъ, которыя и доселѣ остались такими же, какъ въ древности, то станетъ понятна ихъ необыкновенная, животрепещущая реальность. Таково описаніе знаменитой сирійской военной дороги (вставленное, правда, въ военный эпизодъ) и города Тира съ его окрестностями. Глава IX. «Въ походѣ», стр. 125 слл. Тонкій знатокъ жизни и нравовъ не только древняго, но и новаго Востока виденъ въ Масперо, когда онъ вноситъ въ характеристику египетской арміи и значенія въ ней иностранныхъ элементовъ, черты изъ быта египетскихъ войскъ Мухаммеда-Али и Ибрагима-паши. «Современные феллахи такъ мало отличаются отъ древнихъ,—говоритъ онъ,—что я не колеблясь отнесъ къ арміи фараоновъ все, что нашелъ истиннаго по отношенію къ новой египетской арміи въ ихъ реляціяхъ. Шарданы и другіе наемники во времена Рамзеса должны были играть ту-же самую роль, которую исполняли арнауты и европейцы при Мухаммедѣ-Али» (стр. 70 прим.). Примѣры чуднаго, воскрешающаго древность описанія

можно найти въ особенности въ главахъ I—Ѳивы и народная жизнь, II—Рынокъ и торговыя лавки, а изъ быта Ассиріи: въ гл. XI—Царская резиденція Дуръ-Шарукинъ и XII—Домашняя жизнь въ Ассиріи, хотя они въ изобиліи разсыпаны и по всей книгѣ.

Описаніе жизни частныхъ людей и въ Египтѣ, и въ Ассиріи авторъ пріурочилъ къ упомянутымъ выше несложнымъ фабуламъ. Въ первой изъ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является номархъ Ѳивъ и главный правитель «земли юга» (Верхняго Египта)—Псару, во второй—богатый купецъ Иддина. Собственной характеристики какъ этихъ лицъ, такъ и другихъ, упоминаемыхъ въ ихъ исторіяхъ, авторъ не даетъ. Они живутъ, наслаждаются семейнымъ счастіемъ, болѣютъ и умираютъ, только чтобы дать автору предлогъ для описанія соотвѣтствующихъ сторонъ жизни того и другого народа. И здѣсь авторъ вплетаетъ цѣлую массу бытовыхъ чертъ и иллюстрируетъ свое описаніе рядомъ текстовъ. Иддина женитъ своего старшаго сына и покупаетъ ему имѣніе—и мы читаемъ подлинные тексты купчей, совершенной «мѣсяца Тебешъ 25-го дня, при енонимѣ Шарнури» и скрѣпленной вмѣсто подписей отпечатками ногтей Иддина и свидѣтелей, и брачнаго контракта, составленнаго въ патріархальныхъ выраженіяхъ: «Иддина сказалъ Сулаю: отдай свою дочь Билитсуну въ замужество за моего сына Замаманадина. Сулай на это согласился и далъ свою дочь Билитсуну и съ ней мину серебра и трехъ служанокъ...» и т. д. Въ этихъ документахъ только имена замѣнены именемъ Иддина и согласованы нѣкоторыя подробности (стр. 183, 187). Псару лечится у знахаря отъ болѣзни, родъ пятнистаго тифа, долженствующей свести его въ могилу. Знахарь читаетъ подлинныя египетскія заклинанія, состоящія въ отождествленіи каждой части тѣла больного съ какимъ-либо божествомъ, для того чтобы болѣзнь, этотъ нечистый духъ, забравшійся въ человѣка, не смѣлъ поражать ихъ. «Его верхняя губа—богиня Изида, нижняя—богиня Нефтисъ, шея — богиня, зубы — мечи, тѣло—Озирисъ, руки — божественныя души, пальцы—синіе змѣи, ужи, дѣти богини Селкитъ, бока—два аммоновыхъ пера, спина—поясница Сибу, животъ—Ну...» и т. д. до подошвъ (стр. 97—98). Великолѣпно описаніе египетскихъ похоронъ и гробницъ въ главѣ VIII. Соотвѣтствующее описаніе болѣе простыхъ ассирійскихъ похоронъ въ главѣ XIII ярко выставляетъ не только разницу обрядовъ, но и разницу представленій о загробной жизни у этихъ двухъ народовъ. Вообще, эта разница выступаетъ, для внимательнаго читателя, весьма ярко и въ прочихъ частяхъ сочиненія.

Третья часть — описаніе общественной жизни Египта и Ассиріи, царскаго быта и войны—сгруппирована уже около двухъ фигуръ царей, эпоха которыхъ взята нашимъ авторомъ для описанія. Въ главѣ III, посвященной фараону, авторъ съ изумительной ясностью популяризируетъ даже такія научныя тонкости, какъ ученіе о душѣ—какъ двойникѣ, о четырехъ именахъ фараона, о «ястребиныхъ» именахъ и т. п. Туманности египетскаго представленія о богахъ, о фараонѣ, какъ богѣ и воплощеніи бога Ра, преодолѣны самымъ блестящимъ образомъ. Въ IV главѣ мы видимъ Рамзеса въ ѳивскомъ храмѣ Аммона приносящимъ жертву этому божеству. Здѣсь излагаются свѣдѣнія объ исторіи знаменитаго святилища, о жреческомъ ритуалѣ и т. д. Внѣшній предлогъ войны съ хеттеями даетъ поводъ изложить въ главахъ V, IX и X наборъ войска и типическую военную экспедицію египтянъ въ Сирію. Въ описаніе битвы введенъ эпизодъ изъ извѣстной поэмы Пентоура. Фараонъ въ пылу сраженія очутился окруженный непріятелями. Его конюшій испугался, а онъ, увѣренный въ помощи своего отца Аммона, молится къ нему. Аммонъ внемлетъ молитвѣ и дѣлаетъ видъ его столь страннымъ, что сирійцы принимаютъ его за своего бога Ваала. «Мы не съ человѣкомъ сражаемся,—говорятъ они,—это Сутеху, великій воинъ, это самъ Ваалъ. Человѣкъ не могъ-бы сдѣлать того, что онъ совершаетъ среди насъ. Онъ одинъ безъ воиновъ и воеводъ отражаетъ сотни тысячъ» (стр. 147). Ассурбанипалъ изображенъ послѣдовательно на охотѣ (гл. XIV), во время аудіенціи, которую онъ даетъ эламитскимъ посламъ, принесшимъ заносчивое требованіе своего царя Тіуммона, а въ сущности желающимъ, чтобы царь Ассирійскій первый объявилъ войну. Военная, грубая сила Ассиріи, ея любовь къ богатству и роскоши, единственнымъ путемъ для пріобрѣтенія которыхъ является для нея война, очень энергично поставлены нашимъ авторомъ на видъ (гл. XV). Далѣе мы видимъ царя среди его знаменитой библіотеки, открытіе которой составляетъ гордость современной ассиріологіи. Здѣсь перечислены всѣ главные роды сочиненій научныхъ и поэтическихъ, написанныхъ на безчисленныхъ кирпичахъ, составляющихъ эту библіотеку. Особенно подробно изложено содержаніе поэмъ «О схожденіи Иштары въ адъ» и «О подвигахъ Издубара» — греческаго Иракла (гл. XVI). Глава XVII вводитъ насъ въ науку предзнаменованій и гаданія по звѣздамъ о судьбѣ людей и ихъ предпріятій. Ассурбанапалъ гадаетъ о предстоящей войнѣ и получаетъ благопріятныя предзнаменованія, но и эламиты у себя дома, какъ это всегда бываетъ, тоже получаютъ благопріятныя предзнаменованія. Главы XVIII и

XIX посвящены описанію войны, въ которой ассиріяне окончательно разбиваютъ враговъ и убиваютъ ихъ царя. Глава XX описываетъ торжество по случаю побѣды въ Нинeвіи. Въ этомъ торжествѣ также сказывается кровожадный и грубый характеръ ассирійцевъ. Знатныхъ плѣнныхъ жестоко казнятъ. Весь городъ пируетъ и напивается до полнаго безчувствія.

Мы могли дать только самое бѣглое, самое неточное понятіе о превосходной книгѣ Масперо. Но надѣемся, что и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какое истинное сокровище наша школа въ ней имѣетъ. благодаря хорошей мысли издателя и неизвѣстнаго переводчика—усвоить ее намъ черезъ переводъ. Послѣдняго можно еще поблагодарить за рядъ дѣльныхъ и немногоглаголивыхъ примѣчаній, которыя будутъ не лишни для болѣе яснаго пониманія нѣкоторыхъ деталей. **А. Щукаревъ.**

Опытъ систематическаго повторительнаго курса по всеобщей и русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII кл. гимназій и учебное пособіе для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Выпускъ III. Древняя Русь. Составилъ Евстафій Крыловъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1893. Стр. VIII+152. Ц. 65 коп.

Намъ приходилось уже на страницахъ «Русской Школы» высказывать свой взглядъ на «повторительные курсы» исторіи, въ такомъ значительномъ количествѣ появляющіеся на свѣтъ за послѣдніе годы, и мы не будемъ теперь, по поводу разбираемой книжки, повторять сдѣланныхъ тогда соображеній. Къ тому-же, опытъ повторительнаго курса, изданный г. Евстафіемъ Крыловымъ, обладаетъ нѣкоторыми спеціальными особенностями, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда отличающими его отъ шаблоннаго типа подобныхъ учебниковъ. Начать съ самаго объема его: на исторію древней Руси, до Іоанна Грознаго включительно, составитель отвелъ 148 страницъ, правда, довольно маленькихъ. Далѣе, и содержаніе этихъ страницъ не совсѣмъ подходитъ подъ шаблонъ: въ противоположность обыкновеннымъ пріемамъ составителей подобныхъ руководствъ, мы у г. Крылова встрѣчаемъ стремленіе сдѣлать изъ историческаго матеріала опредѣленные выводы, сталкиваемся съ проводимыми имъ параллелями между исторіей Западной Европы и Россіи и находимъ вообще преобладаніе характеристикъ и общихъ соображеній надъ фактами. Наконецъ, и литературный багажъ, съ которымъ составитель приступилъ къ своей задачѣ, не такъ уже, повидимому, легковѣсенъ, какъ это часто бы-

ваетъ: помимо выдержекъ изъ Соловьева, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго, мы находимъ у него знакомство съ трудами проф. Ключевскаго, Владимірскаго-Буданова, Дьяконова и нѣк. др. Все это несомнѣнно представляетъ отличіе повторительнаго курса г. Крылова отъ другихъ ему подобныхъ,—отличіе, въ силу котораго онъ, надо думать, и рѣшился назвать свою книгу «учебникомъ для учениковъ VIII класса гимназій» и даже «учебнымъ пособіемъ для старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній». Не будемъ говорить о томъ, насколько удобно соединять въ одной и той-же книгѣ учебникъ и учебное пособіе, не будемъ и спрашивать, почему «учебникъ» для VIII класса можетъ служить «учебнымъ пособіемъ» для VI и VII классовъ. Не будемъ поднимать этихъ вопросовъ хотя-бы уже по тому одному, что каждый авторъ въ концѣ концовъ воленъ рекомендовать свою книгу какъ ему угодно, а лучше обратимся къ вопросу о томъ, насколько отмѣченныя уже нами особенности книги г. Крылова серьезны и глубоки, не только представляя собою одну внѣшнюю форму, но и проникая въ самое содержаніе учебника. Начнемъ съ отношенія автора къ литературѣ. Въ книгѣ его мы встрѣчаемъ множество выписокъ изъ указанныхъ выше и нѣкоторыхъ другихъ еще историческихъ и публицистическихъ трудовъ,—выписокъ, кое-какъ склеенныхъ между собою словами самого г. Крылова. По мнѣнію послѣдняго, подкрѣпляемому авторитетомъ г. Функе, составитель учебника долженъ только распредѣлить матеріалъ и освѣтить его руководящей идеей. Руководящую-же идею своего труда авторъ самъ указываетъ въ предисловіи, говоря, что «она прямо взята изъ исторіи и жизни русскаго народа и заключается въ извѣстной формулѣ: православіе, самодержавіе и народность». Не мы, конечно, станемъ доказывать, что составитель учебника обязанъ предпринимать самостоятельныя историческія изслѣдованія, и не станемъ оспаривать утвержденія г. Крылова, что «всякій учебникъ есть компиляція», но не можемъ не замѣтить, что компиляцію нельзя еще отожествлять съ простымъ списываніемъ, равно какъ распредѣленіе матеріала не можетъ быть сведено къ пестрому набору чужихъ фразъ и мнѣній. Равнымъ образомъ, на нашъ взглядъ, въ противоположность мнѣнію г. Крылова, и руководящая идея составителя учебника должна выражать собою не столько его положительные идеалы, сколько храктеръ его отношенія къ историческому матеріалу. Между тѣмъ у г. Крылова мы именно находимъ такой пестрый наборъ мнѣній различныхъ авторовъ, не дающій никакого яснаго и живого представленія о предметѣ, тѣмъ болѣе, что самъ составитель не различаетъ авторитетовъ

историческихъ писателей, или-же различаетъ ихъ по признакамъ, ничего общаго съ исторіей не имѣющимъ. Такимъ образомъ, у него рядомъ съ Соловьевымъ ставится Иловайскій, рядомъ съ Бестужевымъ-Рюминымъ—г. Сиповскій, одинаково онъ пользуется трудами проф. Ключевскаго и проповѣдями преосв. Амвросія, а иногда (въ оцѣнкѣ характера Іоанна Грознаго) всѣмъ русскимъ историкамъ, вмѣстѣ взятымъ, противопоставляетъ авторитетъ никого иного, какъ—risum teneatis!—самого г. Яроша и поэта А. Н. Майкова... Понятно, какая безвкусица получается отъ такого удивительнаго литературнаго винигрета. Таковъ характеръ «заимствованій» г. Крылова, говоря его словами. Переходя къ тому, что сдѣлано имъ самимъ, мы прежде всего остановимся на внѣшней формѣ его изложенія. Если вообще въ литературномъ произведеніи хорошій языкъ составляетъ важное качество, то особенно это примѣнимо къ учебникамъ, на языкѣ которыхъ воспитывается молодое поколѣніе. Къ сожалѣнію, языкъ г. Крылова именно нельзя назвать хорошимъ: не говоря уже о легкости и изяществѣ, онъ лишенъ даже простой правильности и изобилуетъ удивительными курьезами. Такъ, напр., на стр. 51 учебника мы читаемъ, что византійская литература «отличалась большой самостоятельной производительностью въ области богословія съ философіей, реторики съ исторіей и особенно въ церковной поэзіи»; на стр. 59 узнаемъ, что татары, опустошивъ Русь, «по инерціи могли еще произвести опустошенія въ Польшѣ и Угріи»; на 62 стр. имѣется такая фраза: «третьимъ послѣдствіемъ татарскаго ига была значительная доля остановки въ развитіи у насъ просвѣщенія». Объ Александрѣ Невскомъ мы со словъ г. Крылова узнаемъ, что онъ былъ «богатырь съ виду, гремѣвшій передъ народомъ какъ труба» (стр. 66), о Вислицкомъ статутѣ, что въ немъ «положено законодательное начало польскому хлопству» (стр. 77) и т. д. Небрежность формы изложенія, какъ ни досадна она сама по себѣ, конечно, еще не такая важная вещь, когда она выкупается цѣнностью содержанія; но, къ сожалѣнію, этого послѣдняго условія мы и не могли найти въ книгѣ г. Крылова. Факты, сообщаемые имъ, почти не выходятъ за обычные предѣлы учебниковъ, приспособленныхъ для среднихъ классовъ гимназій, въ виду чего мы рѣшительно не можемъ понять, какимъ образомъ этотъ учебникъ можетъ служить для занятій учениковъ VIII класса. Характеръ повторительнаго курса авторъ придаетъ своей книгѣ путемъ сокращенія фактическаго разсказа, переходящаго иногда въ простое упоминаніе о тѣхъ или другихъ фактахъ, причемъ самое это сокращеніе производится крайне неравномѣрно и неосторожно, такъ

что, напримѣръ, о набѣгахъ половцевъ только вскользь упоминается въ исторіи удѣльнаго періода, а на время Грознаго отведено около $^1/_3$ всей книги—40 страницъ изъ 148—и изъ этихъ 40-ка 4 заняты стихотвореніями, которыми, кстати сказать, авторъ и вообще сильно злоупотребляетъ. Нельзя сказать далѣе, чтобы и тотъ фактическій матеріалъ, который имѣется въ разбираемой книгѣ, отличался особою достовѣрностью. Чтобы это утвержденіе наше не показалось голословнымъ, подтвердимъ его примѣрами. Вотъ для образчика нѣсколько утвержденій г. Крылова изъ области политической исторіи древней Руси. Въ доисторическую эпоху «Новгородъ, нужно думать, обыкновенно призывалъ князей иноземныхъ» (стр. 9); только при условіи этого предположенія г. Крыловъ считаетъ возможнымъ признать историческій смыслъ за лѣтописнымъ разсказомъ о призваніи князей и, перечисляя мнѣнія о происхожденіи варяговъ, забываетъ упомянуть взглядъ, по которому весь этотъ разсказъ о призваніи варяговъ является не болѣе, какъ позднѣйшимъ миѳомъ. Со времени Андрея Боголюбскаго «Русь, по словамъ г. Крылова, стремится стать единодержавной и самодержавной» (стр. 25); г. Владиміръ въ это-же время дѣлается «столицей всей русской земли» (стр. 26), а Новгородъ немного позже въ представленіи автора является «отчиной» старшей линіи Мономаховичей, въ силу чего Мстиславы Храбрый и Удалой и отстаиваютъ новгородцевъ отъ суздальскихъ князей» (стр. 36). Неправильное пониманіе древней удѣльной Руси, какъ однороднаго цѣлаго, приводитъ автора и къ другимъ ошибкамъ. Такъ, извѣстныя слова кіевлянъ Изяславу о племени Владиміра Мономаха онъ распространяетъ на всѣ тогдашнія русскія земли, говоря: «въ вихрѣ послѣдующихъ усобицъ твердо держалось одно только пристрастіе русскихъ къ «племени Владимира»: его многіе зовутъ къ себѣ княжить, противъ него никто не можетъ поднять руки» (стр. 18). Въ такомъ непомѣрно усиленномъ видѣ утвержденіе это является прямо невѣрнымъ и рѣзко противорѣчащимъ фактомъ: убили-же Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ, воевали-же новгородцы съ суздальскими Мономаховичами, а Ольговичи и галицкіе князья съ кіевскими. Еще болѣе широкій характеръ носитъ другое утвержденіе г. Крылова, будто «древнія вѣча (кромѣ Новгорода) никогда не вступали въ борьбу съ верховной властію» (стр. 115); стоитъ, однако, развернуть лѣтопись, чтобы найти факты такой борьбы и въ Кіевѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Суздальской области и въ другихъ мѣстахъ. Это не единственный случай, однако, неправильности утвержденій г. Крылова, когда рѣчь идетъ уже не о частныхъ фактахъ, а о болѣе или менѣе широкихъ выво-

дахъ и обобщеніяхъ. Удѣльную систему, напр., онъ объясняетъ такимъ образомъ: сказавъ о раздѣлѣ Ярославомъ земель между сыновьями, онъ прибавляетъ: «вотъ это-то раздѣленіе всей русской земли между Рюриковичами и называется *удѣльной системой*» (стр. 15). Это, дѣйствительно, называется просто раздѣлаться съ труднымъ вопросомъ. По мнѣнію автора, только съ Димитрія Донскаго, когда племянникъ былъ поставленъ выше дяди, «впервые установилась на Руси правильная наслѣдственность власти» (стр. 87), но при этомъ онъ не объясняетъ, почему прежній порядокъ наслѣдства по родовому старшинству былъ неправиленъ; онъ могъ быть неудобенъ, это другое дѣло. Рядомъ съ этимъ уже почти и не приходится удивляться тому, что авторъ утверждаетъ, будто только съ установленіемъ самодержавія на Руси появился «истинно-государственный строй» (стр. 104), что онъ открываетъ кромѣ обыкновеннаго государства еще особое «земское» (стр. 9) или заявляетъ, что «судьба всѣхъ народоправствъ, древнихъ и новыхъ» — стать олигархіей (стр. 35). Въ интересахъ народности г. Крыловъ находитъ, между прочимъ, и «перенесеніе политическаго и культурнаго центра въ глухой с.-востокъ, въ Суздальскую землю» «спасительнымъ», такъ какъ «въ этомъ уединеніи Русь имѣла возможность познать себя и укрѣпить свою національность» (стр. 56), такъ что потомъ, прибавимъ мы отъ себя, явилась надобность разбивать это укрѣпленіе реформой Петра. Если отъ частныхъ фактовъ политической жизни и ихъ обобщеній перейти къ даваемымъ г. Крыловымъ характеристикамъ отдѣльныхъ личностей, то и здѣсь мы найдемъ не мало любопытнаго. Андрей Боголюбскій, напр., на одной строкѣ названъ «милостивымъ княземъ», а на другой говорится, что онъ «не отличался мягкимъ и кроткимъ нравомъ» (стр. 27); какъ это согласить между собою? Еще лучше характеристики Владиміра Св. и Владиміра Мономаха. О первомъ г. Крыловъ говоритъ: «насколько важенъ въ исторіи романо-германскаго латинскаго Запада Карлъ В., настолько-же важенъ въ исторіи славянскаго православнаго Востока нашъ Владиміръ Св.», а въ примѣчаніи еще прибавляетъ: «по своей миссіонерской дѣятельности Владиміръ Св. стоитъ даже выше Карла В.» (стр. 13). Тутъ еще можно только недоумѣвать, что за странная мѣрка взята при сравненіи и къ чему вообще это сравненіе двухъ совершенно различныхъ дѣятелей: вѣдь Карлъ В. не крестилъ своего народа, а Владиміръ Св. не былъ ни основателемъ новаго государства, ни выдающимся законодателемъ. Но стоитъ прочесть характеристику Мономаха, чтобы понять, что такія пустыя соображенія не стѣсняютъ г. Крылова. Вотъ она во всей ея неприкос-

новенности: «если сравнивать Мономаха по его дѣятельности, а еще болѣе по его идеямъ и замысламъ съ современными ему великими представителями Европы, то его по справедливости слѣдуетъ поставить выше и Готфрида Буліонскаго, и Генриха V, и Алексѣя Комнина. По своему личному характеру и дѣятельности, къ нашему Мономаху ближе всѣхъ подходитъ франц. король Людовикъ IX св. (1226—1270 г.), прославившійся въ Европѣ, какъ благочестивый король, идеальный рыцарь и набожный пилигримъ» (стр. 18—19). Дѣло ясно, но мы не понимаемъ только, зачѣмъ г. Крылову было останавливаться на такомъ маломъ числѣ историческихъ дѣятелей: слѣдовалобы взять еще съ полдюжины папъ, императоровъ и королей, да кстати прихватить и современныхъ намъ западныхъ дѣятелей, напримѣръ, Гладстона, и объявить, что «нашъ Мономахъ» всѣхъ ихъ выше. Вѣдь если здравый смыслъ отсутствуетъ въ подобныхъ фразахъ, то какое до этого дѣло кому-бы то ни было, а тѣмъ паче г. Крылову. Жаль только, что такія фразы ни къ чему и не ведутъ, все равно, какъ ни къ чему не поведетъ и заявленіе, что «равнаго нашей первоначальной лѣтописи ничего не имѣла въ XII в. Западная Европа» (стр. 54). Любопытные взгляды на русскую и всеобщую исторію проявляетъ также авторъ въ оцѣнкѣ дѣятельности Александра Невскаго, памяти котораго онъ предлагаетъ «до земли поклониться»: «если татары не тронули ни религіи, ни политическаго строя» Руси, «то этимъ благомъ она обязана мудрому Александру» (стр. 68). Что касается Запада, то и для него дѣятельность Александра имѣла громадное, до сихъ поръ оставшееся никому неизвѣстнымъ значеніе: побѣдой Александра надъ шведами на Невѣ «нанесенъ былъ первый ударъ папскому всевластію; за нимъ послѣдовалъ второй ударъ Михаила Палеолога въ 1261 г. (уничтоженіе Латинской имперіи), за которымъ папу ожидалъ уже Авиньонъ (1308 г.)» (стр. 69). Оригинальное, чтобъ не сказать больше, пониманіе хода исторіи и послѣдовательности событій у г. Крылова!

Перейдемъ еще изъ области собственно политической исторіи къ исторіи церкви, которую авторъ, согласно его заявленію, «старался пообстоятельнѣе выяснить». Здѣсь мы сталкиваемся съ рядомъ такихъ-же грубыхъ ошибокъ и произвольныхъ утвержденій, когда авторъ говоритъ, напр., о независимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха въ удѣльный періодъ (стр. 14), bona fide приводитъ легенду о путешествіи ап. Андрея Первозваннаго по русской землѣ (стр. 44) или безъ всякихъ оговоровъ говоритъ о добровольномъ, «безъ всякой внѣшней и активной борьбы», крещеніи русскаго на-

рода (стр. 45). Выходя въ сферу широкихъ обобщеній и историческихъ параллелей, авторъ и здѣсь безпомощно запутывается въ нихъ, когда онъ на 46 страницѣ своего руководства противопоставляетъ православную церковь католической, которая «хотѣла властвовать надъ государствомъ», а на 55 страницѣ говоритъ о «господствѣ церкви» въ кіевской Руси, гдѣ она «въ сущности руководила и верховною властью и народомъ». Не будемъ еще умножать примѣровъ.

Исторія бытовая, соціальная и экономическая представлены въ книгѣ г. Крылова лишь немногими попутными свѣдѣніями, притомъ почти сплошь невѣрными. Такъ, мы со словъ автора узнаемъ, что «русскія женщины ходили въ походъ вмѣстѣ съ воинами» (стр. 7), что въ XI в. въ ю. Руси «замѣтно увеличивается» число кабальныхъ холоповъ (стр. 25), которые, какъ обыкновенно думали, и явились-то только въ XV в., что «господствующей формой народнаго хозяйства (въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ) была торговля» (стр. 43) и т. д. Встрѣчаемъ мы здѣсь и такое утвержденіе, довольно часто повторяющееся, хотя и противорѣчащее фактамъ, будто «своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ инородцамъ русскій народъ рѣзко отличается отъ западныхъ европейцевъ» (стр. 8). Чтобы охарактеризовать, наконецъ, ту часть руководства, которая посвящена правленію Грознаго и о которой мы до сихъ поръ почти не говорили, достаточно сказать, что авторъ въ ней, слѣдуя авторитетамъ гг. Яроша и Майкова, находитъ возможнымъ серьезно разговаривать объ измѣнѣ Новгорода, Мстиславскаго и опричниковъ, увѣрять своихъ читателей, что Грозный «казни совершалъ не по желанію, а по нуждѣ, на месть злодѣямъ» (стр. 136, 137) и укорять митр. Филиппа въ «неосторожномъ поведеніи», представлявшемъ «сильный соблазнъ для народа» (стр. 134).

Одинъ вопросъ является всегда послѣ просмотра книги, подобной руководству г. Крылова: къ чему и зачѣмъ писать учебникъ никому не нужный, повторяющій всѣ или почти всѣ старыя ошибки составителей учебниковъ и дающій новаго только однѣ новыя ошибки? Причину послѣднихъ понять не трудно: самъ г. Крыловъ, перечисляя свою литературу, прибавляетъ, что, «работая въ уѣздномъ городѣ, онъ не могъ добыть всѣхъ нужныхъ сочиненій». Мы охотно готовы вѣрить, что въ Коломнѣ мало книгъ, но зачѣмъ-же писать учебникъ, когда нѣтъ «нужныхъ книгъ». Вѣдь учебникъ, по увѣренію самого-же г. Крылова, «компиляція», а не спеціальное ученое изслѣдованіе, которое сохраняетъ за собою нѣкоторую цѣну даже при слабости доступной автору литературы. Или уже такъ обольстительна слава автора плохого учебника, что ради нея стоитъ преодолѣть всѣ пре-

пятствія? Другой-же славы трудно добиться, прочитавъ безъ разбору нѣсколько хорошихъ и скверныхъ книгъ и статей и запасшись одной «руководящей идеей». Мы, съ своей стороны, подали-бы г. Крылову одинъ добрый совѣтъ: перестать писать учебники или, по крайней мѣрѣ, больше поработать надъ ними предварительно и какъ-нибудь ознакомиться со всѣми «нужными сочиненіями». Тогда, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ, а пока, не смотря на всѣ его ожиданія, учебникъ его не годенъ не только для VIII класса, но и ни для какого другого. В. М.

Избранныя басни И. Хемницера. Изд. И. Жиркова. М. 1893 г. Ц. 5 к.

Избранныя басни И. Дмитріева. Изд. И. Жиркова. М. 1893 г. Ц. 5 к.

Избранныя басни А. Измайлова. Изд. И. Жиркова. М. 1893 г. Ц. 5 к.

Хемницеръ несомнѣнно обладалъ талантомъ, начавъ писать басни еще до Крылова живымъ и достаточно чистымъ русскимъ языкомъ. Правда, стихи у Хемницера подчасъ довольно неуклюжи, разсужденія преобладаютъ надъ дѣйствіями, но все-таки встрѣчающіяся въ его басняхъ характерная сжатость и своеобразность нѣкоторыхъ выраженій, можно сказать, предвосхищаютъ достоинства крыловскаго языка. Изъ басенъ, помѣщенныхъ въ изданіи г. Жиркова, по нашему мнѣнію, едва-ли умѣстна басня «Черви» съ такой моралью: «*сатирой* тронь дурныхъ писцовъ, не оберешься бранныхъ словъ». Тяжеловаты также переведенныя изъ Геллерта басни «Медвѣдь-плясунъ» и «Земля хромоногихъ и картавыхъ». Извѣстная басня «Метафизикъ» нуждалась-бы въ объясненіи.

Басни Дмитріева отличаются большей, нежели басни Хемницера, литературностью и отдѣланностью, въ особенности его небольшія басни. Въ глазахъ нынѣшняго читателя басни Дмитріева много теряютъ вслѣдствіе того, что онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ такъ-называемому «высокому слогу» и заимствованіямъ изъ области древней миѳологіи. Что касается морали басенъ, то она не отличается высотою. У Дмитріева довольно часто повторяется, напр., что «опасно выходить изъ круга своего» («Ошибки чижа», «Репейникъ и фіалки», «Чужеземное растеніе», «Челнокъ безъ весла»); мало проявляется въ басняхъ Дмитріева также и любви къ ближнему (см., напр., «Три путешественника», «Утопшій убійца» и «Совѣсть»).

А. Е. Измайловъ въ своихъ басняхъ является простымъ обличителемъ невѣжества, тщеславія, суевѣрія въ самыхъ грубыхъ ихъ проявленіяхъ, но въ особенности онъ любитъ обличать пьянство

(«Два рака», «Пьяница», «Клятва пьяницы», «Возраженіе пьяницы», «Пьяница и судьба»). Онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, переходя нерѣдко литературныя границы. Изъ помѣщенныхъ въ изданіи г. Жиркова 39 басенъ—многія слѣдовало-бы исключить. Лучшія изъ басенъ Измайлова: «Ворона и кувшинъ» (часто помѣщается в въ хрестоматіяхъ), «Обманъ за обманъ» (темой ея воспользовался гр. Толстой), «Волкъ и лисица», «Кукушка» и «Два кота», по содержанію сходная съ баснею Крылова «Двѣ собаки».

А. Н.

ОТВѢТЪ Г. БРАЙЛОВСКОМУ НА ЕГО „ОБОРОНУ“.

Извѣстный изслѣдователь вопроса о народности въ русской литературѣ, А. Пыпинъ раздѣляетъ, вмѣстѣ съ В. Бѣлинскимъ, тотъ общій взглядъ, что «опредѣленіе содержанія національности самой по себѣ и ея предполагаемаго полнаго отраженія въ поэтѣ есть задача очень сложная, какъ сложна цѣлая народа жизнь и характеръ». Отсюда вытекаетъ необходимость крайней осторожности въ заключеніяхъ. «Иначе мы рискуемъ,—продолжаетъ г. А. Пыпинъ,—впасть въ грубѣйшія ошибки, напр., изъ дурныхъ учрежденій, оставшихся отъ старины, народу ненавистныхъ, имъ по необходимости терпимыхъ и могущихъ быть улучшенными, — заключать, что эти учрежденія народу свойственны и ему нравятся; такъ во времена крѣпостного права дѣйствительно и говорили, что нашъ народъ библейски патріархаленъ и кротокъ, что онъ любитъ отеческую власть, т.-е. барщину, бурмистровъ, конюшню и т. п.». Что касается до попытокъ Пушкина и Лермонтова изобразить народъ, то г. Пыпинъ называетъ ихъ не болѣе, какъ первыми «приступами» и «подступами» къ изображенію народа, находя, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Лермонтовъ, какъ и Пушкинъ, «къ реальной народной жизни еще не подошелъ» («Изслѣдованія русской народности»: «Вѣстн. Евр.» 1883 г., февр., стр. 606 и 634). «Пѣсня о Калашниковѣ»,—прибавляемъ мы,—можетъ разсматриваться, какъ такой слабый, романтическій «подступъ».

I.

Наша замѣтка, посвященная «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова (см. «Русская Школа» 1892 г., №№ 5 и 6) вызвала недавно возраженіе г. Брайловскаго подъ заглавіемъ: «Оборона Лермонтовской «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (см. «Русская Школа» 1893 г., № 7 и 8). Почтенный авторъ, какъ оказывается изъ его признаній, давно

уже почувствовалъ въ нашей замѣткѣ серьезную опасность; ему показалось даже, что эта замѣтка, не ограничиваясь стремленіемъ сказать истину, «разрушаетъ» мнѣнія критиковъ и «опровергаетъ» программы словесности, учебники и (о ужасъ!) школьныя хрестоматіи. Онъ терпѣливо ждалъ, не возвыситъ-ли кто голоса противъ этой замѣтки въ литературѣ. Въ теченіе года, однако, никто не шевельнулся. Тогда г. Брайловскій рѣшился идти на оборону Лермонтовской пѣсни— не одинъ, но призвавъ къ участію въ своемъ предпріятіи множество именъ живыхъ и умершихъ писателей и ученыхъ: и Боденштедта, и Шевырева, и К. Аксакова, и Пыпина, и Спасовича, и Висковатова, и Котляревскаго—и выставить, при помощи этого почтеннаго ареопага, рядъ положеній, діаметрально - противоположныхъ нашимъ. Самъ авторъ «Обороны» спеціально заинтересованъ произведеніями Лермонтова съ педагогической точки зрѣнія: недавно еще онъ помѣстилъ (въ журналѣ «Филологическія Записки») подробный разборъ его произведеній въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ... Задуманная при такихъ условіяхъ кампанія противъ нашей замѣтки должна была окончиться несомнѣннымъ и блестящимъ успѣхомъ... если-бы не одно обстоятельство: среди полемическихъ приготовленій было упущено изъ виду, что «Пѣсня» Лермонтова ни въ какой оборонѣ не нуждается.

Дѣло въ томъ, что эта «Пѣсня», пропѣтая 56 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху господства сантиментальности и романтизма, заняла въ исторіи нашей литературы свое весьма твердое и опредѣленное положеніе романтической поэмы; она вся отошла уже въ историческую даль, и въ настоящее время не только никого не волнуетъ и не мучитъ, но даже учащихся юношей не въ состояніи серьезно заинтересовать своимъ содержаніемъ, ужъ не говоря о взрослыхъ читателяхъ, воспитавшихъ свое художественное чувство на образцахъ новѣйшей современной литературы. Къ сожалѣнію, г. Брайловскій упустилъ изъ виду, что въ наши дни романтизмъ отжилъ свой вѣкъ, и его мѣсто уже давно занялъ, съ полнымъ правомъ на всеобщее признаніе и уваженіе какъ у насъ, такъ и въ западной литературѣ, — *художественный реализмъ*. Вотъ этого факта и этого обязательнаго въ теоріи искусства принципа нашъ уважаемый оппонентъ не захотѣлъ признать въ своей «Оборонѣ», и потому вышло такъ, что въ оборонѣ нуждаются не Лермонтовъ, не его произведеніе, а лишь устарѣвшіе взгляды на искусство, на задачи поэзіи и на пріемы литературной критики почтеннаго автора «Обороны». Это ясно обнаружилось во всѣхъ приведенныхъ имъ аргументахъ и доводахъ. Посмотримъ-же,

въ чемъ состоятъ эти доводы, какіе аргументы противопоставляетъ намъ нашъ оппонентъ, какъ онъ пользуется мнѣніями авторитетныхъ изслѣдователей, и каковы его собственныя понятія о художественныхъ свойствахъ разбираемаго произведенія?

II.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію представленныхъ аргументовъ, намъ необходимо высказаться еще разъ, съ бо́льшею обстоятельностью, по двумъ пунктамъ, касающимся нашей статьи и, быть можетъ, подавшимъ поводъ къ нѣкоторымъ изъ недоразумѣній г. Брайловскаго.

Прежде всего надо напомнить, что мы писали не историко-литературное изслѣдованіе, а критико-педагогическую замѣтку. Разница слѣдующая. Если-бы мы имѣли въ виду оцѣнить талантъ, степень поэтической воспріимчивости Лермонтова *для его времени*, тогда мы, конечно, должны были-бы поставить на первый планъ въ нашей замѣткѣ лишь тѣ историческія условія, при которыхъ Лермонтовъ писалъ свое произведеніе; мы могли-бы поставить себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находился въ 1837 году вопросъ о народныхъ интересахъ и о народности въ литературѣ и въ самой жизни?—могъ-ли поэтъ въ ту эпоху явиться глубокимъ выразителемъ идеаловъ и потребностей народной массы? и т. п. При сравненіи «Пѣсни» Лермонтова съ народными пѣснями и съ другими, подобными ей, подражаніями, мы не должны были-бы выходить изъ предѣловъ современной и предшествующей Лермонтову литературы. Но цѣль нашей замѣтки была другая: намъ нужно было оцѣнить не отраженіе личности Лермонтова, его таланта и настроенія, а лишь его произведеніе, его поэму, дать ей эстетическую оцѣнку не для его, а для нашего времени; намъ надо было выяснить, какое образовательное и воспитательное значеніе можетъ имѣть эта «Пѣсня» для современнаго юношества, въ чемъ ея поучительность, ея достоинства, при современномъ уровнѣ художественной литературы. Мы имѣли, такимъ образомъ, въ виду практическій, вполнѣ умѣстный въ педагогическомъ журналѣ вопросъ: представляетъ-ли собой эта «Пѣсня» благодарный матеріалъ для изученія? Нѣтъ-ли у насъ лучшихъ произведеній, которыя могли-бы дать, *въ болѣе художественной формѣ, болѣе правильное понятіе объ эпохѣ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привести (что очень важно) *къ лучшему знакомству съ народными взглядами на нее?* Особенность нашей задачи естественно ведетъ къ различію въ пріе-

махъ литературной оцѣнки изучаемаго произведенія. При только-что указанной нами постановкѣ вопроса, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ, по возможности, все, что собрано по части народныхъ пѣсенъ въ позднѣйшее время и встрѣчается въ учебныхъ книгахъ, а никакъ не замыкать своихъ взоровъ исключительно въ сборникѣ пѣсенъ Кирши Данилова, какъ желалъ-бы г. Брайловскій. Одна не совсѣмъ законченная фраза въ нашей статьѣ *) подала поводъ нашему оппоненту къ слишкомъ смѣлому и ошибочному заключенію, будто мы пользовались для провѣрки «Пѣсни» Лермонтова «слишкомъ узкимъ мѣриломъ (тремя пѣснями объ Иванѣ Грозномъ вмѣсто того, чтобы провѣрять ее всѣми пѣснями сборника Кирши Данилова)». Мы провѣряли пѣсню Лермонтова не только всѣми пѣснями сборника Кирши Данилова, изд. 1818 года, но также и всѣми варіантами и дополненіями, которыя находятся въ сборникѣ Кирѣевскаго, хотя, конечно, при этомъ сопоставленіи, по весьма понятнымъ причинамъ, мы обращали главное вниманіе на тѣ пѣсни, которыя относятся именно къ эпохѣ царя Ивана Грознаго. Пользованіе сборникомъ Кирѣевскаго, вопреки мнѣнію г. Брайловскаго, представляетъ собою особенныя удобства: во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что въ немъ пѣсни расположены по вѣкамъ, эпохамъ и основнымъ мотивамъ, а не безъ всякой системы, какъ у Кирши Данилова; во-вторыхъ, и въ томъ отношеніи, что въ немъ, помимо разнообразныхъ варіантовъ на каждую тему, можно найти основный мотивъ по Киршѣ Данилову, перепечатанный безъ всякихъ измѣненій. Почему, не смотря на все это, г. Брайловскій утверждаетъ, что наша оговорка «ничего не значитъ»—предоставляемъ рѣшить читателю.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію аргументовъ, выдвинутыхъ «Обороной». Авторъ «Обороны» начинаетъ изложеніе своихъ доводовъ длинной цитатой изъ первой части поэмы, послѣ которой предлагаетъ читателю слѣдующій вопросъ:

«Ужели въ этихъ стихахъ неудачно схвачена Лермонтовымъ одна черта въ характерѣ Грознаго, подмѣченная въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и г. Балталономъ, именно—*быстрый переходъ отъ добраго расположенія* («улыбаясь, царь повелѣлъ тогда» и пр.) *къ гнѣву* («вотъ нахмурилъ царь брови черныя» и пр.)? Ужели въ этомъ быстромъ переходѣ отъ одного чувства къ другому нѣтъ жизни, движенія?»

Едва-ли,—замѣтимъ мы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ,—стоило при-

*) У насъ было сказано: «Мы будемъ пользоваться для сравненія сборниками народныхъ пѣсенъ Кирѣевскаго»; слѣдовало прибавить: «при цитированіи пѣсенъ въ настоящей статьѣ, а не при изученіи вопроса».

водить такую длинную цитату для того только, чтобы не сказать ничего новаго, чтобы повторить лишній разъ, что и у Лермонтова есть попытка изобразить переходъ отъ одного намѣренія къ другому, что и у него Грозный сперва улыбается, потомъ хмурится, наконецъ стучитъ палкою объ полъ и что «Пѣсня» Лермонтова не представляетъ собою сплошной безсмыслицы. Совершенно вѣрно. Но вѣдь совсѣмъ не въ томъ дѣло. Мы поставили нашъ вопросъ ясно и опредѣленно, а именно: гдѣ личность Грознаго обрисовывается *съ большимъ* правдоподобіемъ и реализмомъ — въ народныхъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, или въ «Пѣснѣ» Лермонтова? Такъ какъ въ народныхъ пѣсняхъ раздраженіе Грознаго обрисовывается *пришиваніемъ* ноги Никиты Романовича царскимъ *жезломъ ко сырой землѣ* или къ *полу дубовому*, а его гнѣвъ иллюстрируется казнями, висѣлицами, котлами и сажаніемъ на колъ, то мы признали, что въ народныхъ пѣсняхъ больше правдоподобія, реализма и даже исторической правды; въ «Пѣснѣ»-же Лермонтова больше граціозныхъ движеній, согласныхъ съ романтическими требованіями и, быть можетъ, очень удобныхъ для обработки ихъ въ оперномъ сюжетѣ, но недостаточно характерныхъ для изображаемой эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, кому изъ насъ и теперь не случается улыбаться, хмуриться и раздражаться за обѣдомъ! Отъ такихъ картинъ до эпохи опричнины очень далеко. Мы признавали также, что эпизодъ о покушеніи Грознаго на сыноубійство, изображенный въ народныхъ пѣсняхъ, стоитъ неизмѣримо выше всего, что мы находимъ въ «Пѣснѣ» Лермонтова объ Иванѣ Васильевичѣ, именно въ художественномъ отношеніи: тамъ царь велитъ казнить сына при малѣйшемъ намекѣ на измѣну, кидается о земь при видѣ его мнимыхъ похоронъ и бросается къ нему на шею, когда онъ оказывается спасеннымъ и невредимымъ. Никакихъ подобныхъ, настолько характерныхъ для личности Ивана Грознаго положеній въ «Пѣснѣ» Лермонтова нѣтъ. Поэтому цитата, приведенная г. Брайловскимъ, не въ состояніи поколебать сдѣланнаго нами заключенія, что въ народныхъ пѣсняхъ обнаруживается въ обрисовкѣ Грознаго больше реализма и правдоподобія, нежели въ «Пѣснѣ» Лермонтова.

Слѣдующую затѣмъ рѣчь царя къ Кирибѣевичу мы считаемъ не только скучноватою, блѣдною и натянутою, но даже заключающую въ себѣ фразу, не имѣющую полнаго художественнаго смысла. Эта фраза слѣдующая:

> «...А которая въ тучку прячется, (звѣзда)
> Та стремглавъ на землю падаетъ»...

Вѣдь это—сравненіе, заимствованное изъ жизни природы; а кто-же

когда-либо могъ видѣть, чтобы падающими звѣздами были *именно тѣ*, которыя заволакиваются тучами? Падающія звѣзды наблюдаются людьми, какъ разъ наоборотъ, при ясномъ небѣ. Такъ, вѣроятно, было и при Иванѣ Грозномъ, и потому онъ не могъ даже во вторую половину своего царствованія произнесть такой несообразности. Между тѣмъ, нашъ уважаемый оппонентъ, вѣроятно, не вполнѣ уяснивъ себѣ значеніе нашего замѣчанія, беретъ и это мѣсто «Пѣсни» подъ свою защиту и приводитъ намъ для оправданія этого неестественнаго сопоставленія звѣздъ съ тучами слѣдующее мѣсто изъ былины «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское»:

«Али тѣ Никитѣ, мало можется?
Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ»...

«Видите-ли, читатель,—очевидно, желаетъ сказать г. Брайловскій,—и въ народной пѣснѣ сказалъ: упала звѣзда поднебесная!» На этотъ аргументъ мы можемъ отвѣтить лишь одно: упала она, дѣйствительно; *но только не изъ тучи!* И это обстоятельство подтверждаетъ наше мнѣніе, такъ какъ здѣсь народъ въ своей безыскусственной пѣснѣ обнаруживаетъ больше чутья природы, нежели его оказалось въ искусственномъ подражаніи народной пѣснѣ. Чтобы сохранить за этими стихами краткость нетерпѣливой царской рѣчи, сообразную съ подобной-же ея обрисовкою въ народныхъ пѣсняхъ, Лермонтовъ долженъ былъ остановить ее, по крайней мѣрѣ, на четвертомъ отмѣченномъ нами стихѣ; но онъ увлекся сочинительствомъ, и потому вся остальная часть этой рѣчи имѣетъ характеръ реторической композиціи, въ которой Грозный сперва грозитъ; вслѣдъ за угрозой читаетъ наставленіе о приличіи и, наконецъ, слегка упрекаетъ въ недостаткѣ преданности. Спрашивается, чѣмъ мотивирована въ «Пѣснѣ» такая сбавка тона? Если авторъ «Обороны» желалъ представить дѣйствительныя опроверженія нашего мнѣнія объ этой рѣчи, то онъ долженъ былъ показать намъ, что въ этой произносимой среди пира рѣчи нѣтъ реторики, нѣтъ запутаннаго смѣшенія тучъ съ падающими звѣздами, нѣтъ взаимнаго ослабленія главнаго тона (тона безусловной угрозы царской)—тономъ поученія, наставленія, упрека,—словомъ, что рѣчь эта выдержана отъ начала до конца. Такъ какъ г. Брайловскій ничего подобнаго не сдѣлалъ, а ограничился лишь разъясненіемъ намъ въ этой рѣчи такихъ «загадокъ», которыхъ мы въ ней не думали видѣть, то мы имѣемъ основаніе считать такой способъ

аргументаціи (аргументаціи *совсѣмъ о другомъ*) со стороны г. Брайловскаго совершенно неудачнымъ.

Переходя далѣе ко второй рѣчи Грознаго, въ которой онъ разспрашиваетъ Кирибѣевича о причинѣ его грусти, мы находили слишкомъ страннымъ и наивнымъ въ устахъ Грознаго его предположеніе о томъ, что причиною кручины его любимаго опричника, человѣка богатаго, обезпеченнаго всякими вотчинами, можетъ быть охромѣвшій конь или измятая шапка. Какъ-же возражаетъ на это нашъ уважаемый оппонентъ?

Въ противовѣсъ нашему мнѣнію, онъ приводитъ примѣры изъ той-же народной пѣсни, и опять крайне неудачно. Чтобы слова наши не показались голословными, мы должны привести эти цитаты вмѣстѣ съ комментаріями къ нимъ г. Брайловскаго:

«Что касается неправдоподобности вопросовъ, то укажемъ г. Балталону въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ» Кирши Данилова одно мѣсто, которое онъ долженъ считать также неправдоподобнымъ... Грозный спрашиваетъ боярина:

«Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»

Съ точки зрѣнія г. Балталона вопросъ Ивана Васильевича Никитѣ Романовичу: «али ты, Никита, корысть получилъ?» — неправдоподобенъ, потому что царь, кажется, долженъ былъ знать, что его родичъ—богатый бояринъ и человѣкъ безкорыстный, отвѣчавшій ему на предложеніе награды за спасеніе отъ смерти сына:

«Ой ты гой еси, государь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны»...

И несмотря на это, народъ влагаетъ въ уста Грознаго подобный вопросъ. Что дѣлать! Народъ остается инстинктивно вѣренъ исторической правдѣ и духу изображаемой эпохи, когда все измѣрялось матеріальными благами, и на всѣ замѣчанія критиковъ можетъ отвѣчать безапелляціоннымъ стихомъ: «то старина, то и дѣянье!»

Напрасно нашъ оппонентъ старается обмѣняться ролью съ нами и явиться въ этихъ словахъ какъ-бы защитникомъ народной поэзіи противъ упрековъ, которые мы «*должны*» ей сдѣлать. Нашъ авторъ просто ошибся въ своемъ ожиданіи и поторопился съ защитительной рѣчью. Мы вовсе не *должны* сдѣлать и не сдѣлаемъ подобнаго упрека народной пѣснѣ: въ приведенныхъ отрывкахъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго; напротивъ, все соотвѣтствуетъ своему назначенію. Но къ чему весь этотъ шумъ?.. Мы говорили о *мелочности* вопросовъ Грознаго въ «Пѣснѣ» Лермонтова, совсѣмъ не соотвѣтствующихъ поло-

женію богатаго опричника, къ которому они обращены; между тѣмъ какъ авторъ «Обороны» направляетъ дебаты, безъ всякой видимой надобности, къ вопросу о *матеріальныхъ благахъ* и *корыстолюбіи*. Признаемся, намъ кажется немного страннымъ такой полемическій пріемъ. Въ приведенныхъ г. Брайловскимъ вопросахъ царь вовсе не спрашиваетъ своего боярина о такой *мелочи*, какъ измятая шапка, важной только для бѣдняка; онъ спрашиваетъ его о причинахъ радости и при этомъ указываетъ на причины весьма правдоподобныя, вполнѣ соотвѣтствующія положенію боярина, именно, не *взялъ-ли онъ какого города, не получилъ-ли какой корысти*, конечно, соотвѣтствующей пріобрѣтенію города, а никакъ не пріобрѣтенію новой шапки: такой ничтожный предметъ не могъ ни радовать, ни печалить боярина. Совсѣмъ иной смыслъ имѣетъ также отвѣтъ боярина Никиты Романовича въ четырехъ послѣднихъ стихахъ. Очень естественно, что царь, не зная, чѣмъ выразить свою радость и благодарность за спасеніе царевича, предлагаетъ ему обычные подарки: и коня, и шубу, и золотой казны. Все это совсѣмъ не относится къ высказанной нами мысли: о *неправдоподобной мелочности* и *детальности* вопросовъ, съ которыми Грозный обращается къ опричнику. Такимъ образомъ, и здѣсь почтенный авторъ «Обороны», проводя призрачную параллель между народной пѣснью и Лермонтовскими стихами, не столько возражаетъ противъ нашего дѣйствительнаго замѣчанія, сколько обходитъ его, уклоняется въ сторону. Еще поучительнѣе видѣть, какъ старается г. Брайловскій по своему растолковать слова Грознаго Кирибѣевичу о сватовствѣ. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ:

«Здѣсь Лермонтовъ воспроизвелъ столь знакомую по народнымъ пѣснямъ сцену вмѣшательства князя въ сватовство одного изъ своихъ дружинниковъ. Въ сборникѣ Кирши Данилова есть былина «Иванъ Годиновичъ», въ которой князь Владиміръ вызывается быть сватомъ:

«А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
Сватаюсь я-де Владиміръ-князь».

Правда, Иванъ Васильевичъ не даетъ Кирибѣевичу такого совѣта, какой даетъ Ивану Годиновичу Владиміръ-князь, узнавъ о неудачѣ сватовства:

«...Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ.
Честью не даютъ, *ты и силою бери*».

Рѣчь Грознаго носитъ совсѣмъ другой характеръ, потому что есть большая разница въ положеніи былиннаго князя Владиміра и царя Ивана Васильевича, равно какъ большое разстояніе между X и XVI вѣками».

Изъ этого разсужденія мы можемъ извлечь понятіе объ особенности критическихъ пріемовъ автора «Обороны». Мы видимъ, что въ основѣ этого разсужденія лежитъ ничто иное, какъ сравненіе личности Ивана Грознаго въ «Пѣснѣ» Лермонтова съ личностью князя

Владиміра въ былинѣ «Иванъ Годиновичъ». Но, съ точки зрѣнія науки, едва-ли позволительно возражать при помощи такихъ сравненій, проводить подобныя параллели, не дѣлая никакого различія между древними былинами и историческими пѣснями. Автору «Обороны», вѣроятно, извѣстно, подъ какими разнообразными и отдаленными вліяніями складывался русскій эпосъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, извѣстенъ и тотъ фактъ, что между былиннымъ Владиміромъ и Владиміромъ историческимъ, лѣтописнымъ—нѣтъ почти ничего общаго, кромѣ имени, что представленіе о былинномъ Владимірѣ сложилось не столько подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни русскаго народа, сколько путемъ заимствованія изъ восточныхъ сказаній (См. книгу В. Ѳ. Миллера «Экскурсы въ область русскаго эпоса»). Поэтому, рисковано, не впадая въ противорѣчіе съ научными данными, сравнивать сказочнаго героя съ историческою личностью Ивана Грознаго и ставить надъ былиной восточнаго происхожденія дату X вѣка съ такой-же свободой, какъ дату XVI вѣка надъ эпохой Ивана Грознаго. Мы отмѣчаемъ эту особенность критическихъ пріемовъ г. Брайловскаго, главнымъ образомъ, потому, что онъ не только самъ пользуется въ своихъ возраженіяхъ такими ненаучными пріемами, но и намъ весьма настойчиво совѣтуетъ (какъ мы видѣли выше) провѣрять «Пѣсню» Лермонтова *всѣми пѣснями* сборника Кирши Данилова, не дѣлая различія между такой былиной, какъ «Иванъ Годиновичъ», и историческою пѣснью. Но приведенное сравненіе должно быть признано весьма слабымъ не только по своимъ антинаучнымъ пріемамъ, но и по существу дѣла: въ словахъ Грознаго очень трудно усмотрѣть, какъ дѣлаетъ г. Брайловскій, «сцену вмѣшательства князя въ сватовство»; слова Грознаго вполнѣ ясны, онъ ограничиваетъ свое участіе предложеніемъ подарковъ для невѣсты; отъ сватовства-же, наоборотъ, совершенно устраняется, предоставляя это дѣло смышленой свахѣ и умѣнью самого Кирибѣевича понравиться невѣстѣ, заставить ее полюбить себя:

«Прежде свахѣ смышленой покланяйся...
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».

Мы, съ своей стороны, утверждали, что весь этотъ нѣжный, поэтическій разговоръ о любви совершенно не характеренъ для семейныхъ нравовъ того времени и въ особенности не идетъ къ Ивану Грозному въ эпоху опричнины. Нашъ оппонентъ, не соглашаясь съ этимъ, разсуждаетъ на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ:

«Хотя исторія и преданія сохранили разсказы о томъ, что Иванъ Гроз-

ный насильно отнималъ женъ у мужей, однако онъ не могъ, какъ царь, открыто давать своимъ опричникамъ право отнимать женъ у жителей Москвы, какъ бы онъ ни попиралъ права земщины».

Читатель не могъ не обратить вниманія на двусмысленность этой тирады. Какъ примирить къ ней такое странное сочетаніе противорѣчій: съ одной стороны, здѣсь какъ будто признается, что, согласно съ свидѣтельствомъ исторіи, Грозный отнималъ женъ у мужей, попиралъ права земщины, а съ другой стороны—-утверждается, что онъ не могъ, какъ царь, *открыто* давать своимъ опричникамъ права отнимать женъ у жителей Москвы? Такой оборотъ рѣчи употребляется тогда, когда есть общеизвѣстные факты, которыхъ нельзя отрицать и которыхъ не хочется признать. Въ реторикѣ и стилистикѣ эта интересная фигура можетъ быть названа *фигурою совмѣщенія противоположнаго.* Мы не хотимъ этимъ сказать, что нашъ оппонентъ умышленно воспользовался этой фигурой, для затемненія своей мысли. Тутъ, надо полагать, простая оговорка: вмѣсто «не могъ» давать права, г. Брайловскій хотѣлъ сказать *не долженъ былъ давать.* Это совсѣмъ другое дѣло. При такой редакціи его фраза получила-бы достаточную ясность и была-бы въ полномъ согласіи съ его взглядомъ на поэзію, какъ на искусство, которое должно изображать намъ не то, что дѣйствительно *бывало*, и очень часто, а то, что должно было быть! Къ сожалѣнію, исторія говоритъ намъ, что открытое попираніе правъ земщины именно и состояло въ томъ, что отъ произвола опричниковъ не были защищены ни жизнь, ни имущество, ни семейная честь; это была эпоха не права, а безправія, «время нехорошее, время нездоровое», по словамъ народной пѣсни. Вотъ почему мы признаемъ весь этотъ разговоръ Грознаго съ опричникомъ о любви романтической фантазіей, совсѣмъ не согласной съ народными представленіями объ эпохѣ.

Переходя къ дальнѣйшимъ возраженіямъ г. Брайловскаго по вопросу о правдоподобіи положеній царя Ивана Васильевича въ «Пѣснѣ» Лермонтова, мы встрѣчаемся еще съ однимъ недоразумѣніемъ со стороны нашего оппонента, которое требуетъ разъясненія. Мы говорили, что царь безъ всякаго гнѣва и нетерпѣнія, разсудительно, благоразумно *допрашиваетъ* (съ удареніемъ на этомъ словѣ) Калашникова послѣ убійства его любимаго опричника,—въ противоположность народной пѣснѣ, которая въ подобныхъ случаяхъ говоритъ: «Недосугъ ему долго спрашивать»... Мы хотѣли этимъ сказать, что самый характеръ допроса, его тонъ не соотвѣтствуетъ только-что описанному гнѣву царскому, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ въ народныхъ

пѣсняхъ быстрыя рѣшенія дѣлъ, а не допросы въ тонѣ духовнаго отца. Г. Брайловскій, какъ видно изъ его возраженія, не замѣчаетъ невыдержанности между описаніемъ гнѣва и характеромъ всего остального допроса, начиная со словъ «Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти» и кончая заботами о родственникахъ казнимаго купца. Такая заботливость,—говорили мы,—также противорѣчитъ исторіи: въ подобныхъ случаяхъ (въ особенности, когда казнимый, подобно Калашникову, уносилъ съ собою какую-нибудь невысказанную тайну) Иванъ Васильевичъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не истреблялъ всѣхъ родственниковъ казнимаго. Все это—факты общеизвѣстные... Но здѣсь г. Брайловскій пытается обратиться за помощью къ К. Аксакову, для опроверженія нашего мнѣнія. К. Аксаковъ сказалъ, что Иванъ Васильевичъ *художественно понималъ добро*. Мы не понимаемъ, что хорошаго нашелъ въ этой отрывочной фразѣ нашъ уважаемый оппонентъ? Въ ней почти совсѣмъ нѣтъ смысла: кто не понимаетъ добра умомъ и сердцемъ, тотъ не можетъ понимать его ничѣмъ другимъ; по крайней мѣрѣ, наука, помимо ума и чувства, не знаетъ еще особеннаго художественнаго органа пониманія добра.

Возраженія, касающіяся личности опричника Кирибѣевича, даютъ намъ случай познакомиться съ тѣмъ, какъ г. Брайловскій пользуется мнѣніями авторитетныхъ лицъ, на которыя онъ ссылается въ своей «Оборонѣ». Онъ спрашиваетъ насъ по этому поводу: «На какомъ основаніи г. Балталонъ сравниваетъ личность Кирибѣевича съ образомъ Малюты Скуратова въ народныхъ пѣсняхъ?» На этотъ вопросъ мы могли-бы отвѣтить прямо: на томъ основаніи, что въ народныхъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ Малюта-Скурлюткинъ сынъ является единственнымъ типическимъ представителемъ недостойныхъ царскихъ угодниковъ, опричниковъ. Но нашъ оппонентъ заканчиваетъ свои вопросы такими словами: «...если ужъ отыскивать прототипъ Кирибѣевича и сравнивать его личность съ образами былинными, то слѣдуетъ это дѣлать скорѣе такъ, какъ пр. Висковатовъ, а не какъ г. Балталонъ». Посмотримъ, что говоритъ по этому поводу пр. Висковатовъ. Онъ говоритъ слѣдующее: «Этотъ Темрюкъ могъ явиться для Лермонтова прототипомъ удалого бойца Кирибѣевича. Онъ тоже любимый боецъ и шуринъ царскій, какъ Кирибѣевичъ, принадлежащій къ роду Скуратовыхъ, который былъ въ свойствѣ съ Грознымъ. Темрюковичъ побиваетъ всѣхъ бойцовъ, что дѣлалъ и Кирибѣевичъ. Оба они хвастаютъ и глумятся надъ боязливыми супротивниками. Темрюковича, наконецъ, побиваетъ Мишка Борисовичъ, человѣкъ роду незнатнаго, какъ Кирибѣевича—Степанъ Парамоновичъ, сынъ купеческій».

Всякій, кто взялъ-бы на себя трудъ, прежде чѣмъ цитировать эти слова профессора Висковатова, прочитать *самостоятельно* историческую пѣсню «Мастрюкъ Темрюковичъ» (въ сборникѣ Кирши Данилова она начинается словами: «Въ годы прежніе, времена первоначальныя»), тотъ, конечно, убѣдился-бы, какъ мало не только вѣроятія имѣетъ предположеніе профессора Висковатова; но просто въ томъ, какъ оно неосновательно съ начала до конца. Въ цитированныхъ словахъ пр. Висковатова нѣтъ ни одной фразы, надъ которой можно было-бы не поставить вопросительнаго знака. Сравнивать опричника Кирибѣевича съ Мастрюкомъ Темрюковичемъ и видѣть въ немъ прототипъ его, какъ это дѣлаетъ пр. Висковатовъ, никакъ нельзя по слѣдующимъ простымъ причинамъ.

Во-1-хъ. Главной темой этой пѣсни служитъ вопросъ національный, и въ ней Мастрюкъ—татаринъ, чужакъ. Въ этой пѣснѣ разсказывается о томъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ (наперекоръ завѣщанію покойной царицы) беретъ себѣ жену чуждой національности—не у себя, въ каменной Москвѣ, а въ Золотой Ордѣ, Купаву Крымскую, царицу благовѣрную Марью Темрюковну. Возвращаясь отъ татарскаго царя, Иванъ Васильевичъ привозитъ въ Москву, вмѣстѣ съ молодой женой, и ея брата, Мастрюка Темрюковича, который играетъ въ Москвѣ роль новаго человѣка, временнаго любимца, которому покровительствуетъ царица, а не *любимаго бойца царскаго*, какъ не совсѣмъ точно выражается проф. Висковатовъ.

Во-2-хъ. Роль, которую играетъ Мастрюкъ въ самой пѣснѣ, совершенно противоположна той, которая дана Кирибѣевичу въ «Пѣснѣ» Лермонтова. Въ народной пѣснѣ самъ царь подговариваетъ двухъ московскихъ бойцовъ, поборовши Мастрюка, раздѣть его до нага и «нагого съ круга спустить» для потѣхи и посрамленія татарина, что и приводится въ исполненіе «русаками» въ концѣ пѣсни. Когда-же Марья Темрюковна выражаетъ претензію на то, что царь позволилъ такъ унизить ея брата въ глазахъ народа, то царь не только не обнаруживаетъ никакой любви или сочувствія къ Мастрюку, но прямо объявляетъ ей, что русскіе бойцы для него дороже шурина-татарина; вотъ его слова:

«Да ты, Марья Темрюковна!
А не то у меня честь въ Москвѣ,
Что татары то борются;
То-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится,—
Хотя бы ему голову сломили, долюбилъ бы я, пожаловалъ
Двухъ братьевъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ».

Можно-ли найти что-либо болѣе противоположное отношенію Ивана

Васильевича къ Кирибѣевичу въ «Пѣснѣ» Лермонтова? Не ясно-ли изъ этихъ словъ, что въ народной пѣснѣ настоящими, постоянными, а не случайными любимцами царя являются русскіе бойцы Мишка и Потанька, а никакъ не татаринъ Мастрюкъ Темрюковичъ, какъ думаетъ проф. Висковатовъ.

Въ-3-хъ. Проф. Висковатовъ говоритъ, будто Темрюковичъ «побиваетъ всѣхъ бойцовъ». Эта фраза заключаетъ въ себѣ неточность. Въ народной пѣснѣ Мастрюкъ только вспоминаетъ о томъ, что въ другихъ городахъ онъ побивалъ всѣхъ; въ самой-же пѣснѣ— въ Москвѣ его побороли и посрамили за хвастовство двое, по очереди, сперва Мишка, потомъ Потанька Борисовичи, а не одинъ Мишка, какъ, опять-таки, не совсѣмъ точно излагаетъ проф. Висковатовъ.

Въ-4-хъ. Если оба бойца—и Темрюковичъ, и Кирибѣевичъ хвастаютъ передъ боемъ, по замѣчанію проф. Висковатова, то это еще не основаніе для ихъ сближенія между собою: хвастовство передъ боемъ—обычный эпическій пріемъ описанія.

Въ-5-хъ. Проф. Висковатовъ, умолчавъ о томъ, что Темрюковича поборолъ не одинъ Мишка, точно также оставляетъ безъ вниманія, что Мишка и Потанька Борисовичи, побивающіе и посрамляющіе Темрюковича, не просто «незнатнаго рода», а представители деревни, «деревенскіе дѣтины», которыхъ Никита Романовичъ встрѣтилъ на базарѣ. У Лермонтова-же, по причинѣ, о которой узнаемъ ниже, въ удалыхъ бойцахъ оказывается сынъ купеческій, а не крестьянскій.

Въ-6-хъ. Темрюковичъ не только не называется опричникомъ, но и не состоитъ вовсе на службѣ царской, не угождаетъ царю, подобно Малютѣ Скуратову; иногда онъ даже принимаетъ въ пѣсняхъ образъ стариннаго богатыря-паляницы; между тѣмъ какъ Кирибѣевичъ въ «Пѣснѣ» Лермонтова прямо называется опричникомъ и слугою царскимъ

Въ-7-хъ. Что касается родословной выкладки проф. Висковатова о томъ, что Кирибѣевичъ долженъ былъ, подобно Темрюковичу, находиться въ свойствѣ съ Грознымъ, то это столь-же натянутая догадка, какъ и всѣ предыдущія попытки сближенія: если-бы даже Кирибѣевичъ въ «Пѣснѣ» Лермонтова прямо назывался шуриномъ царскимъ (чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ), то это одно обстоятельство не давало-бы права сближать ихъ между собою; вѣдь и Никита Романовичъ, симпатичный и идеальный бояринъ, еще чаще, нежели Темрюковичъ, называется въ пѣсняхъ царскимъ шуриномъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что предположенія проф. Виско-

ватова не находятъ себѣ никакого оправданія въ содержаніи той исторической пѣсни, на которую онъ ссылается. Что касается вопроса о томъ, кто-же, по нашему мнѣнію, могъ послужить прототипомъ для Лермонтовскаго Кирибѣевича, то мы на это должны, прежде всего, сказать, что ни Малюта-Скурлюткинъ сынъ, ни Никита Романовичъ, ни Мастрюкъ Темрюковичъ не могутъ быть признаны образцами, съ которыхъ писалъ Лермонтовъ.

Ограничиваясь болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ подражаніемъ складу и ладу народныхъ пѣсенъ, какъ это дѣлалось въ тѣ времена, Лермонтовъ и не имѣлъ въ виду улавливать какихъ-либо глубокихъ народныхъ чертъ и взглядовъ въ своемъ произведеніи. Въ лицѣ Кирибѣевича онъ сочинилъ своего собственнаго опричника, списавъ его съ какого-нибудь современнаго ему влюбленнаго гусара и придавъ ему побольше поэтическаго колорита и выраженія страсти. И дѣйствительно, въ той-же книгѣ проф. Висковатова мы находимъ интересный біографическій фактъ, которымъ біографъ Лермонтова не сумѣлъ воспользоваться для объясненія личности Кирибѣевича, именно слѣдующій:

«Во время пребыванія М. Ю. въ университетѣ произошелъ случай увоза красавицы, жены купца, жившаго въ Замоскворѣчьѣ по старинному. Купецъ торговалъ въ Гостиномъ дворѣ, а хозяйствомъ его завѣдывала старуха. Проживавшій въ Москвѣ послѣ польской кампаніи, оправившійся отъ полученной раны лихой гусаръ, тщетно ухаживавшій за женой купца, похитилъ ее съ улицы, когда она возвращалась изъ церкви. Мужъ отмстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, арестованный, наложилъ на себя руки. Случай этотъ остался не безъ вліянія на пѣсню о Калашниковѣ» (соч. Лермонтова, изд. Рихтера, т. VI, стр. 225). Вліяніе этого случая,—прибавимъ мы,—на сюжетъ и содержаніе поэмы гораздо сильнѣе, нежели вліяніе пѣсенъ Кирши Данилова, которое ограничивается внѣшней формой; и потому неудивительно, что Кирибѣевичъ гораздо болѣе походитъ на удалого гусара, чѣмъ на опричника.

Въ «Оборонѣ» г. Брайловскаго есть выдающіеся эпизоды, ознаменованные жертвами; къ числу такихъ эпизодовъ слѣдуетъ отнести защиту оригинальности поэмы Лермонтова. По нашему убѣжденію, эта поэма представляетъ собой произведеніе романтическое по замыслу (извѣстно, что любовь и месть были обыкновенными, любимыми темами поэта) и вполнѣ подражательное по формѣ. Вотъ какъ возражаетъ на это г. Брайловскій:

«Съ такимъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться. Еще г. Шевыревъ

(«Москвитянинъ», 1841 г. № 4, ч. II, отд. Критики, стр. 528), назвавъ «Пѣсню» мастерскимъ подражаніемъ эпическому стилю русскихъ пѣсенъ, сдѣлалъ такую оговорку: «нельзя притомъ не сказать, что это не наборъ выраженій изъ Кирши, не поддѣлка, не рабское подражаніе,—нѣтъ, это созданіе въ духѣ и стилѣ нашихъ древнихъ эпическихъ пѣсенъ». Это мнѣніе г. Шевырева,—продолжаетъ г. Брайловскій,—признано позднѣйшею критикою, которая не считаетъ «Пѣсни» *подражаніемъ, а оригинальнымъ, совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ, написаннымъ въ стилѣ народномъ и великолѣпно воспроизводящимъ народныя темы* (курсивъ въ подлинникѣ) (Мнѣніе гг. Пыпина, Котляревскаго и Спасовича)».

Какое заключеніе и впечатлѣніе выноситъ читатель при чтеніи этого мѣста «Обороны»? Конечно, то заключеніе, что съ нашимъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться, потому что Шевыревъ держался совершенно противоположнаго взгляда и что за нимъ послѣдовали всѣ позднѣйшіе критики; онъ вынесетъ впечатлѣніе, что Шевыревъ, какъ защитникъ оригинальности и самостоятельности таланта Лермонтова, проявившагося въ этомъ произведеніи, является самымъ горячимъ и дѣятельнымъ сторонникомъ мнѣній г. Брайловскаго. Но такъ будетъ казаться лишь до той поры, пока мы будемъ ограничиваться въ нашихъ сужденіяхъ о взглядахъ Шевырева тою цитатою въ двѣ съ половиной строки, которая извлечена г. Брайловскимъ изъ страницы 528 указанной книги. Заключеніе можетъ совершенно измѣниться, если мы познакомимся съ содержаніемъ всей статьи Шевырева о только-что появившемся тогда собраніи сочиненій Лермонтова или, по крайней мѣрѣ, захотимъ узнать, что писалъ Шевыревъ на трехъ предыдущихъ страницахъ (525, 526, 527). На этихъ страницахъ своей критической статьи Шевыревъ настойчиво проводитъ ту общую мысль, что весь талантъ Лермонтова лишенъ оригинальности и самостоятельности (чего мы совсѣмъ не утверждали) и что эта общая его черта проявляется также и въ «Пѣснѣ» о купцѣ Калашниковѣ (что отчасти утверждаемъ и мы). Вотъ подлинныя слова Шевырева:

«Когда вы прислушиваетесь къ звукамъ той новой лиры, которая подала намъ поводъ къ такому разсужденію (къ звукамъ лиры Лермонтова), вамъ слышатся попеременно звуки — то Жуковскаго, то Пушкина, *то Кирши Данилова*, то Бенедиктова; примѣчается не только въ звукахъ, но и во всемъ форма ихъ созданій; иногда мелькаютъ обороты Баратынскаго, Дениса Давыдова, иногда видна манера поэтовъ иностранныхъ, — и сквозь все это постороннее вліяніе трудно намъ доискаться того, что собственно принадлежитъ новому поэту, и гдѣ предстанетъ онъ самимъ собою. Вотъ что выше назвали мы протеизмомъ. Да, и Лермонтовъ, какъ стихотворецъ, явился не первый разъ протеемъ съ необыкновеннымъ та-

лантомъ: *его лира не обозначила еще своего особеннаго строю;* нѣтъ, онъ подноситъ ее къ лирамъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ и умѣетъ съ большимъ искусствомъ *подладить свою на строй, уже извѣстный.* Немногія пьесы выходятъ изъ этого разряда, и въ нихъ мы видимъ не столько въ формѣ, сколько въ мысли зародыши чего-то особеннаго, своего, объ чемъ скажемъ послѣ. Первое стихотвореніе, въ которомъ стихотворецъ-протей является во всемъ блескѣ своего дарованія, есть, конечно, Пѣсня про удалого купца Калашникова (1837)—мастерское *подражаніе* эпическому стилю русскихъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ собирателя ихъ Кирши Данилова. Нельзя довольно надивиться тому, какъ искусно поэтъ умѣлъ *перенять всѣ пріемы русскаго пѣсенника* («Москвитянинъ» 1841 г. № 4, стр. 527—528).

Читатель можетъ видѣть, что мы и не думали простирать такъ далеко наше отрицательное отношеніе къ оригинальности и самостоятельности таланта Лермонтова, какъ это дѣлаетъ Шевыревъ. За что-же Шевыревъ привлеченъ къ «Оборонѣ»? Неужели за то только, что онъ *нигдѣ не назвалъ «Пѣсни» Лермонтова оригинальнымъ или самостоятельнымъ произведеніемъ*, какъ это произвольно приписываетъ ему авторъ «Обороны», осмѣлился присоединить къ своему мнѣнію замѣчаніе, что это *подражаніе* не рабское, не наборъ словъ изъ Кирши Данилова? Но это поводъ слишкомъ неосновательный. И мы, съ своей стороны, не только не утверждали, что это было безсмысленное, рабское подражаніе, но, наоборотъ, признавали, что «подражаніе языку народныхъ пѣсенъ во многихъ случаяхъ весьма удачно, и пѣсенный размѣръ выдержанъ въ совершенствѣ». Ни Шевыревъ, ни позднѣйшая критика не считаютъ эту «Пѣсню» произведеніемъ «оригинальнымъ и совершенно самостоятельнымъ». Даже самый горячій, подъ вліяніемъ Боденштедта, поклонникъ этой «Пѣсни»—проф. Висковатовъ—и тотъ любуется ею, какъ искуснымъ подражаніемъ народной рѣчи: «Перечитывая разныя былины въ сборникѣ Кирши Данилова,—говоритъ проф. Висковатовъ,—удивляешься, какъ Лермонтовъ усвоилъ себѣ *складъ* и *выраженіе народной рѣчи.* Воспринявъ въ себѣ духъ и ладъ народной *рѣчи*, молодой поэтъ создалъ чудную повѣсть изъ прежняго русскаго быта» (Соч. Лермонтова, изд. Рихтера, т. VI, стр. 226—227).

Совершенство въ подражаніи языку и слогу народныхъ пѣсенъ—вотъ точка зрѣнія проф. Висковатова, какъ только онъ переходитъ отъ похвалъ Боденштедта и общихъ мѣстъ къ разбору подробностей. Мнѣніе о томъ, что «Пѣсня» Лермонтова произведеніе подражательное, а не оригинальное, считается настолько общепринятымъ, что даже вошло въ учебныя хрестоматіи.

Такъ, напр., въ одной изъ распространенныхъ хрестоматій, въ

которой «Пѣсня» эта помѣщена цѣликомъ, можно прочитать надъ нею слѣдующее примѣчаніе: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» есть опытъ искусственной эпопеи и *по формѣ*, и *по содержанію представляющей подражаніе народной эпической пѣснѣ*» (Русская хрестоматія Л. Поливанова, ч. III, кн. 2, стр. 142, изд. 4, 1889 г.).

Г. Пыпинъ въ упомянутой статьѣ вовсе не останавливается на разборѣ «Пѣсни» Лермонтова, упоминая о ней вскользь. Г. Котляревскій также посвящаетъ въ своей книгѣ «М. Ю. Лермонтовъ, личность поэта и его произведенія» ей менѣе страницы, признавая, что она написана въ «стилѣ народномъ» и стоитъ «одиноко въ поэзіи Лермонтова и плохо вяжется съ основнымъ настроеніемъ всѣхъ его стихотвореній» (стр. 175).

Такимъ образомъ, очевидно, что мнѣніе объ оригинальности и полной самостоятельности «Пѣсни» Лермонтова, напечатанное курсивомъ, принадлежитъ, въ сущности, одному г. Брайловскому; стоящія-же рядомъ съ этимъ мнѣніемъ имена извѣстныхъ критиковъ играютъ роль украшающую. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что самъ г. Брайловскій признаетъ эту «Пѣсню» столько-же подражаніемъ, сколько не-подражаніемъ: таковъ смыслъ его заключительныхъ словъ, въ которыхъ онъ, называя это произведеніе, съ одной стороны, вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ, съ другой—признаетъ его (вмѣстѣ съ г. Котляревскимъ) написаннымъ «въ стилѣ народномъ». Какъ-же примирить эти два противорѣчія? Въ какомъ-же стилѣ писалъ поэтъ: въ своемъ собственномъ, или въ стилѣ ему самому не свойственномъ, которому онъ долженъ былъ, слѣдовательно, подражать?..

Изъ разбора всего этого выдающагося эпизода «Обороны» можно придти лишь къ тому заключенію, что авторъ принесъ въ жертву своимъ цѣлямъ не только имя Шевырева, но и логическую стройность своего изложенія.

Закончимъ разборъ возраженій г. Брайловскаго, по вопросу о народности «Пѣсни» Лермонтова, выраженіемъ нѣкотораго сожалѣнія о томъ, что онъ затруднилъ себя выпиской двухъ варіантовъ одного мѣста изъ былины «Ставръ бояринъ», полагая, что эти варіанты могутъ имѣть значеніе вѣскихъ аргументовъ для «Обороны». Мы указывали на то, что въ приступѣ къ «Пѣснѣ» слова:

«Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ»

не могутъ имѣть другого смысла, кромѣ того, что авторъ ея, Лер-

монтовъ, сложилъ ее на старинный ладъ, т.-е. подражая безъискусственному строю народныхъ пѣсенъ, въ противоположность искусственному поэтическому строю, въ которомъ онъ писалъ всѣ остальныя свои стихотворенія, какъ человѣкъ принадлежащій къ образованному слою общества. Понятно, что такихъ вступленій въ народныхъ пѣсняхъ никогда не бываетъ и не можетъ быть, такъ какъ народу до сихъ поръ былъ извѣстенъ только одинъ ладъ: безъискусственный, и онъ не могъ сдѣлать въ своихъ пѣсняхъ такого противопоставленія. Это, конечно, вовсе не означаетъ, что народный пѣвецъ поетъ совершенно безсмысленно. Варіанты, приведенные г. Брайловскимъ, имѣютъ совершенно другое значеніе: они только указываютъ на тѣ таинственныя и отдаленныя вліянія, которыя, согласно съ сознаніемъ самого народа, принесли въ русскій эпосъ его составные элементы; элементы и мотивы пѣсни—это совсѣмъ не то, что безъискусственный и искусственный ея *ладъ*, на который намекаетъ Лермонтовъ.

III.

Разсматривая «Пѣсню» Лермонтова съ точки зрѣнія исторической правды и художественнаго реализма, мы находили это произведеніе совсѣмъ не типичнымъ, не поучительнымъ, не характернымъ. Что-же возражаетъ намъ на это г. Брайловскій съ точки зрѣнія романтической? Мы уже имѣли случай познакомиться съ особенностями его взгляда на цѣль поэзіи; по его мнѣнію, она должна изображать въ своихъ произведеніяхъ не то, что часто бывало или часто повторяется въ жизни, а то, что должно быть и что очень желательно поэту, словомъ, идеалы. На этотъ разъ нашъ оппонентъ обращается къ помощи учебника теоріи словесности г. Яковлева и изъ него извлекаетъ для себя «умное» опредѣленіе того, что такое поэма. Мы должны выписать это опредѣленіе, такъ какъ г. Брайловскій считаетъ его общимъ, исходнымъ положеніемъ своей критической системы.

«Начнемъ возраженіе свое съ нѣкоторыхъ общихъ положеній. Что такое историческая поэма и какія требованія къ ней необходимо предъявить въ смыслѣ изображенія личностей? «Мы обыкновенно называемъ поэмами эпическія произведенія значительнаго объема, которыя написаны по преимуществу стихами... изображаютъ только *исключительныя возвышенныя явленія жизни... и больше заботятся о выраженіи идеаловъ поэта, чѣмъ о вѣрномъ и точномъ воспроизведеніи дѣйствительности*» (курсивъ въ подлинникѣ) (См. В. А. Яковлевъ. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 2-е, 1890 г., стр. 113). Беремъ это умное элементарное опредѣленіе поэмы, чтобы показать, что Лермонтовъ имѣетъ право *по своему* (курсивъ въ подлинникѣ) изобразить лица, подобно тому, какъ Пуш-

кинъ въ «Полтавѣ» и «Мѣдномъ Всадникѣ» представилъ историческія лица въ своеобразномъ, не всегда согласномъ съ исторіею, свѣтѣ».

Посмотримъ, на сколько, въ самомъ дѣлѣ, это опредѣленіе поэмы, въ которомъ существенную роль играетъ выраженіе идеаловъ поэта, соотвѣтствуетъ общеизвѣстнымъ литературнымъ фактамъ. Возьмемъ, напримѣръ, поэму изъ поэмъ—«Иліаду» Гомера. Что-же мы увидимъ? Ея художественныя и поэтическія достоинства состоятъ именно въ вѣрномъ и точномъ воспроизведеніи природы и людей извѣстной исторической эпохи, а равно и боговъ, такъ, какъ ихъ представляли себѣ древніе греки. Принесеніе-ли жертвы, отплытіе корабля, картина домашняго или военнаго быта—все это изображено въ «Иліадѣ» въ чертахъ реальныхъ, близкихъ къ жизненной правдѣ, подкупающихъ и плѣняющихъ наше воображеніе именно этою реальною правдою даже тамъ, гдѣ изображаются вещи вполнѣ фантастическія; на ряду съ нѣжными движеніями души человѣческой, мы встрѣчаемъ тамъ грубыя перебранки героевъ, ужасныя убійства, жестокость, безчеловѣчныя истязанія и, на ряду съ божественной красотой, такое безобразіе, какъ отвратительный и презрительный Терситъ; словомъ, поэма изъ поэмъ «Иліада» воспѣваетъ «гнѣвъ Ахиллеса» со всѣми его ближайшими и отдаленными послѣдствіями, а никакъ не «исключительно возвышенныя явленія» и не одни «идеалы поэта». Это извѣстно каждому юношѣ, внимательно читавшему «Иліаду». Если мы перейдемъ отъ древней поэзіи къ новой и возьмемъ одинъ изъ тѣхъ самыхъ примѣровъ, на которыхъ останавливаетъ вниманіе и нашъ оппонентъ, именно «Полтаву» Пушкина, то увидимъ, что художественный талантъ Пушкина обнаруживается вовсе не въ тѣхъ мѣстахъ этой поэмы, гдѣ поэтъ увлекается желаніемъ выразить свои идеалы и понятія или изобразить исключительныя явленія; онъ великъ, какъ художникъ, не тогда, когда, напримѣръ, характеризуя Мазепу отъ своего лица, называетъ его извергомъ человѣчества, съ змѣиной совѣстью, способнымъ равнодушно проливать потоки крови и т. п., а именно въ тѣхъ мѣстахъ своей поэмы, гдѣ онъ, забывая обо всемъ этомъ, отдается во власть художественной правды и, впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, изображаетъ намъ чисто человѣческія мученія совѣсти Мазепы въ тихую украинскую ночь... Все это также извѣстно всѣмъ, и потому, чтобы не отвлекаться далеко въ сторону, мы позволимъ себѣ заключить изъ приведенныхъ примѣровъ, что несомнѣнно «умное» опредѣленіе поэмы въ теоріи словесности г. Яковлева совершенно непримѣнимо къ художественной оцѣнкѣ какой-бы то ни было поэмы; наоборотъ, такія опредѣленія въ настоя-

щее время производятъ впечатлѣніе сѣдого архаизма; въ нихъ невозможно признать ни общаго положенія, ни опоры для художественной критики. Впрочемъ, самъ авторъ «Обороны» уже отступаетъ отъ этого опредѣленія, отъ одного изъ основныхъ его элементовъ, шестью строками ниже своей цитаты. Здѣсь г. Брайловскій старается убѣдить насъ, что Лермонтовъ не внесъ въ свою поэму «*ничего, противорѣчащаго исторіи*». Для чего-же это нужно нашему оппоненту, когда, согласно съ только-что приведеннымъ опредѣленіемъ свойствъ, присущихъ всякой поэмѣ,—чѣмъ больше въ поэмѣ исключительно возвышенныхъ положеній, чѣмъ больше идеаловъ поэта, тѣмъ лучше! Здѣсь историческая правда можетъ лишь помѣшать дѣлу! За-то на слѣдующей страницѣ г. Брайловскій, оставаясь вновь вполнѣ вѣрнымъ приведенному опредѣленію, проводитъ мысль, что и опричникъ не былъ застрахованъ отъ чувства нѣжной любви къ женщинѣ и что въ лицѣ Кирибѣевича, съ его преступной страстью къ замужней купчихѣ, мы имѣемъ именно образецъ «исключительнаго возвышеннаго явленія жизни» совершенно такъ, какъ требуется отъ всякой поэмы по учебнику г. Яковлева. Здѣсь намъ возражать нечего, такъ какъ въ изображеніи исключительныхъ явленій жизни мы видимъ нарушеніе одного изъ основныхъ началъ художественности, признаваемаго всѣми компетентными мыслителями, начиная отъ Аристотеля и кончая Тэномъ: это начало есть изображеніе общаго, типическаго или существенныхъ свойствъ предмета. А развѣ возвышенная и нравственная душа можетъ быть признана существенною, характерною чертою для опричника? Кому не извѣстно, что эти люди давали клятву отказаться отъ всего святого, дорогого и человѣческаго въ жизни, прежде чѣмъ вступать въ этотъ отрядъ?.. Романтическіе взгляды на поэзію, которыхъ держится г. Брайловскій, пагубно отражаясь на поэтическомъ творчествѣ, приводили поэтовъ, обладавшихъ даже крупнымъ поэтическимъ талантомъ, къ изображенію современныхъ гусаровъ подъ именемъ опричниковъ. Самъ Лермонтовъ въ другихъ произведеніяхъ старался отдѣлаться отъ такого взгляда, какъ показываетъ его предисловіе ко 2-му изданію «Героя нашего времени».

Вообще нельзя не замѣтить, что эта ссылка на учебникъ, по вопросу искусства и критики, очень характерное явленіе для нашего времени .. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ безконтрольной вѣрой въ старую номенклатуру, въ слова, въ рубрики. По мнѣнію автора «Обороны», для того, чтобы оцѣнить какое-нибудь произведеніе поэзіи съ литературной, съ художественной точки зрѣнія, достаточно твердо помнить по школьному учебнику, что̀ такое поэма,

баллада, басня, сказка. Мы такъ глубоко вѣримъ, что каждое изъ этихъ словъ соотвѣтствуетъ особымъ, неизмѣннымъ формамъ, и каждой изъ этихъ формъ—своя особая сущность, которая опредѣлена въ учебникѣ! Г. Брайловскій, повидимому, не подозрѣваетъ, что подобныя опредѣленія никогда еще и никого не научили литературно-художественной критикѣ; что они, наоборотъ, способны лишь спутать здравыя эстетическія понятія. Если-бы мы сказали нашему оппоненту, что «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» не поэма, а *сказка*, какъ ее удачно назвалъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, ея поклонникъ Хомяковъ; или что это не поэма, а *баллада* въ простонародномъ стилѣ, подобная извѣстной балладѣ «Василій Шибановъ» К. Толстого; или что это «*искусственная эпопея*», какъ ее назвалъ г. Л. Поливановъ; или что это, наконецъ, *повѣсть*, какъ сказалъ проф. Висковатовъ,—то интересно было-бы знать, на какомъ изъ этихъ названій пришлось-бы остановиться для разрѣшенія возникшихъ сомнѣній? Не обратиться-ли и здѣсь къ какому-нибудь учебнику теоріи словесности и среди его взаимно противорѣчащихъ опредѣленій искать исхода изъ критической сумятицы? Напрасный трудъ! Словеснымъ архаизмамъ давно пора удалиться изъ текста учебниковъ теоріи словесности и скромно пріютиться въ историческомъ словарѣ. Не сегодня только, а довольно давно уже научная и педагогическая мысль наша пришла къ той безспорной истинѣ, что построить здравую систему современной литературной критики на обломкахъ старинной реторики и піитики не представляется уже никакой возможности. Но на чемъ-же, въ такомъ случаѣ, должна быть основана современная эстетическая и художественная критика? Вотъ вопросъ, надъ которымъ — съ этимъ согласится г. Брайловскій—стоитъ подумать, прежде чѣмъ искать опоры тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ никакой надежды ее обрѣсти. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса. Но для того, чтобы слова наши показались болѣе убѣдительными нашему оппоненту, мы приведемъ высказанное по этому предмету еще 16 лѣтъ тому назадъ мнѣніе извѣстнаго ученаго, профессора и академика—Ѳ. И. Буслаева; вотъ, что онъ писалъ:

«Теоретическія основанія, которыя выработала старинная эстетика и которыя имѣли силу для художниковъ и писателей начала текущаго столѣтія, давно уже заподозрѣны и во многомъ потеряли свой кредитъ... Между тѣмъ временемъ и нашимъ прошелъ великій литературный потокъ, затопившій своими волнами все прежнее разнообразіе мелкихъ литературныхъ явленій и формъ, — и всѣ эти баллады, идиліи, элегіи, стихотворныя эпистолы,—поглотившій въ себя, какъ большая рѣка поглощаетъ въ своемъ теченіи малыя рѣчки и ручейки» (О значеніи современнаго романа и его задачахъ. Москва, 1877 г., стр. 1—2).

Обращаясь къ характеристикѣ купца Калашникова, г. Брайловскій задается, повидимому, цѣлью совмѣстить въ объясненіи его личности нѣсколько довольно трудно совмѣстимыхъ взглядовъ. Съ одной стороны, онъ находитъ его типомъ «правильнымъ съ точки зрѣнія Лермонтова», т.-е. такимъ, въ который Лермонтовъ вложилъ свой собственный, «хотя и временный», идеалъ смиренія; слѣдовательно,—типомъ субъективнымъ. Съ другой стороны, г. Брайловскій признаетъ въ немъ и типъ объективный, исторически вѣрный. «Онъ—семьянинъ въ духѣ суроваго XVI вѣка». Наконецъ, съ третьей стороны, это типъ не только Лермонтовскій, но и народный, такъ какъ всѣ, при видѣ могилы купца Калашникова, крестятся и вздыхаютъ. Вотъ какъ начинаетъ г. Брайловскій свои возраженія по поводу типа купца Калашникова: «Типъ купца Калашникова, совершенно правильный съ точки зрѣнія Лермонтова, также нисколько не противорѣчитъ исторической правдѣ. Этотъ типъ находится въ тѣсной связи съ идеею «Пѣсни», которую неправильно понимаетъ г. Балталонъ. Идея «Пѣсни»—*смиреніе сильнаго и праваго человѣка передъ высшимъ судомъ, — судомъ, быть можетъ, несправедливымъ, но обязательнымъ*» (курсивъ въ подлинникѣ). Такъ какъ при этихъ словахъ нѣтъ ни ссылки, ни кавычекъ, то для того, чтобы узнать, откуда заимствовалъ авторъ это мнѣніе, мы сами уже обращаемся къ книгѣ г. Котляревскаго и находимъ тамъ слѣдующія слова: «Тема могла понравиться ему основной своей идеей, — смиреніемъ сильнаго и праваго человѣка передъ высшимъ судомъ, судомъ, быть можетъ, несправедливымъ, но обязательнымъ» (стр. 175). Очевидно, что у г. Котляревскаго это не оцѣнка самой «Пѣсни», какъ художественнаго произведенія, а лишь отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ могла понравиться Лермонтову такая тема? Поэтому, намъ кажется, что г. Брайловскій поступилъ-бы болѣе правильно, если-бы, прежде чѣмъ привлечь эту фразу г. Котляревскаго въ свою «Оборону», задалъ-бы себѣ вопросъ, съ какой точки зрѣнія разсматриваетъ г. Котляревскій произведенія Лермонтова. Раскрывъ, напримѣръ, предисловіе къ его книгѣ, онъ могъ-бы прочитать въ немъ слѣдующія слова автора о методѣ и цѣли своего труда: «Поставивъ себѣ такую задачу, мы сосредоточили все вниманіе на мысляхъ поэта и на его настроеніи, и не касались подробно ни фактической стороны его біографіи, ни эстетической оцѣнки его произведеній». Остановившись на этомъ мѣстѣ книги г. Котляревскаго, нашъ уважаемый оппонентъ, кажется, могъ-бы заключить, что въ этой книгѣ нечего и искать правильной и полной художественной оцѣнки «Пѣсни» Лермонтова, такъ какъ самъ авторъ вовсе не задается этою цѣлью. Г. Кот-

ляревскій, дѣйствительно, больше изучаетъ личность Лермонтова, нежели его произведенія. Вотъ почему г. Брайловскій въ опредѣленіи идеи поэмы ошибается на этотъ разъ вмѣстѣ съ г. Котляревскимъ, или, вѣрнѣе, ошибается *одинъ*, по только-что указанной причинѣ. Въ нашей литературѣ есть привлекательные типы кроткихъ, наивныхъ, глубоко благочестивыхъ людей древней Россіи, у которыхъ истинное смиреніе вытекаетъ изъ глубокаго религіознаго чувства. Таковъ, напримѣръ, типъ монаха-лѣтописца Пимена. Такой прекрасный старецъ, при всей ограниченности своихъ понятій, съ нашей точки зрѣнія, истинно кротокъ и смиренъ передъ Богомъ. Онъ никого не обидитъ; наоборотъ, терпѣливо снесетъ всякую людскую обиду, возлагая на обидчика отвѣтственность за нее передъ Богомъ. Но не обманывайтесь на счетъ такого человѣка. Его кротость и незлобивость не имѣютъ ничего общаго съ трусостью и страхомъ, которые такъ часто скрываются подъ личиною смиренія у его современниковъ, мірскихъ людей. Этотъ старецъ останется твердъ и непоколебимъ, какъ желѣзо, если вы вздумаете затронуть—не его личные интересы, а то, что составляетъ его убѣжденіе, его идеалъ и святыню. Таковъ митрополитъ Филиппъ. Такъ мы понимаемъ истинное религіозное смиреніе лучшихъ людей древней Россіи. Но мы рѣшительно отказываемся признать идеалъ смиренія въ такомъ лубочномъ (sic) героѣ, каковъ купецъ Калашниковъ. Г. Брайловскій смѣшиваетъ «смиреннаго до поры до времени» человѣка, въ сущности злобнаго и мстительнаго, съ человѣкомъ религіозно-смиреннымъ. Безъ всякаго намѣренія стоять открыто за «правду-матушку», побуждаемый исключительно чувствомъ личнаго оскорбленія и мстительности, купецъ идетъ биться на кулачки и убиваетъ на-смерть влюбленнаго юношу: и это идеалъ смиренія! Калашникова можно назвать скорѣе идеаломъ злобнаго, мстительнаго существа, способнаго проливать кровь по ничтожному поводу, какъ только задѣтъ его эгоизмъ, умѣющаго молчать тогда, когда надо говорить правду, и умирать, какъ безсловесное созданіе.

Г. Брайловскій, повидимому, затрудняется принять во вниманіе то простое соображеніе, что Калашниковъ, убивъ опричника во время кулачной потѣхи—не нечаянно, не въ пылу увлеченія боемъ, а умышленно, «вольной волею», совершилъ дѣйствительное *преступленіе*. Пояснимъ сравненіемъ: если-бы въ наше время кто-нибудь, явившись въ фехтовальный или гимнастическій залъ и, вступивъ въ борьбу съ противникомъ, убилъ-бы его на смерть по личной злобѣ противъ него, и такое предумышленное убійство было-бы доказано на судѣ, то виновный былъ-бы, конечно, наказанъ, какъ уголовный преступникъ.

Иванъ Васильевичъ поступаетъ точно также съ Калашниковымъ въ «Пѣснѣ» Лермонтова. Но къ этому законному соображенію присоединяется потеря царемъ любимаго опричника, и потому казнь Калашникова неизбѣжна, даже въ томъ случаѣ, если-бы онъ произнесъ что-нибудь въ свое оправданіе *). Но онъ молчитъ; и вовсе не изъ практическаго соображенія о безполезности оправданія, а просто потому, что въ головѣ его нѣтъ никакихъ общихъ идей, потому что ему не о чемъ говорить послѣ удовлетворенія чувства мести, потому что онъ вполнѣ равнодушенъ ко всякой правдѣ и справедливости, выходящей изъ узкаго круга его семейныхъ интересовъ. Вотъ почему въ его молчаніи нѣтъ ни подвига, ни смиренія: онъ молчитъ, какъ всякій преступникъ, приговоренный къ неизбѣжной казни.

Нѣтъ, въ XVI вѣкѣ, въ эпоху опричнины, истинно смиренные люди разыскивались съ трудомъ въ тиши монастырей и пустынь, а не въ свалкѣ кулачнаго боя... Г. Брайловскій оправдываетъ слѣдующими соображеніями то обстоятельство, что купецъ Калашниковъ не объявляетъ правды царю передъ смертью:

«Если-бы Калашниковъ отвѣтилъ царю такъ, какъ въ народной пѣснѣ отвѣчаетъ удалой молодецъ (см. въ ст. Балталона стр. 207,—этотъ отвѣтъ, какъ образецъ, выставляется имъ), тогда безмолвная могила его не вызывала-бы тѣхъ чувствъ, какія вызываетъ она по мысли поэта:

«И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится.
Пройдетъ молодецъ — пріосанится
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдетъ гусляръ — споетъ пѣсенку».

Логика такого разсужденія не совсѣмъ понятна. Мы знаемъ, что простой русскій благочестивый человѣкъ перекрестится очень охотно передъ великой могилой, если на ней есть крестъ, совершенно не справляясь о томъ, кто подъ нимъ погребенъ, купецъ или опричникъ; что касается мо̀лодца, то онъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе пріосанился-бы въ томъ случаѣ, если-бы, при видѣ могилы истиннаго героя, могъ вспомнить о какой-нибудь смѣло высказанной имъ *правдѣ*, которую— что-бы ни говорилъ г. Брайловскій о народности — русскій народъ цѣнитъ и въ пріемахъ художественнаго творчества, и въ подвигахъ истинныхъ героевъ, и въ своихъ мечтахъ, выраженныхъ въ пѣснѣ. Кто сказалъ, какъ не русскій народъ:

---

*) Мы не беремся защищать по этому вопросу мнѣніе Бѣлинскаго, тѣмъ болѣе, что знаменитому критику досталось съ оборонительной линіи попутно, при разборѣ нашихъ мнѣній. Въ сущности-же авторъ «Обороны» вполнѣ солидаренъ съ Бѣлинскимъ по вопросу о художественности.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на землѣ
Слава!..
Чтобы правда была на Руси
Краше солнца свѣтла...

Зачѣмъ-же видѣть по преимуществу народное тамъ, гдѣ такъ или иначе проявляются черты ничтожества личности, малодушія или отсутствія нравственнаго и разумнаго характера! Если Боденштедту, одному изъ самыхъ раннихъ цѣнителей «поэтическаго наслѣдства», оставленнаго Лермонтовымъ, и могло показаться, будто безспорный талантъ Лермонтова наиболѣе великъ въ этой «Пѣснѣ», то изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы и нашему поколѣнію, ближе и основательнѣе знакомому какъ съ народной поэзіей, такъ и съ особенностями поэзіи Лермонтова,—нужно было преклоняться предъ мимолетнымъ замѣчаніемъ германскаго поэта.

IV.

Въ четвертой главѣ своей «Обороны» г. Брайловскій беретъ на себя трудъ указать, въ чемъ состоятъ крупныя художественныя достоинства поэмы Лермонтова; но при этомъ предупреждаетъ, что эти достоинства, во всякомъ случаѣ, должны остаться за поэмой, «потому что признаны прежней критикой». Неизвѣстно, какую именно прежнюю критику имѣетъ здѣсь въ виду нашъ почтенный оппонентъ; во всякомъ случаѣ полагаемъ, что такой критики прежней, которая устраняла-бы необходимость литературной критики въ настоящее время, не существуетъ вовсе.

«Первое художественное достоинство поэмы,—говоритъ г. Брайловскій,—заключается въ мастерской завязкѣ драмы, небольшой объемомъ, но трогательной, сильной и ужасной, въ одинъ мигъ разбившей семью и унесшей счастье многихъ людей».

Прежде чѣмъ идти дальше, мы должны выразить по поводу этого положенія наше искреннее удивленіе; мы спрашиваемъ себя: почему произведеніе Лермонтова, бывшее до сихъ поръ поэмой и вполнѣ удовлетворявшее всѣмъ требованіямъ учебника словесности отъ поэмы, вдругъ, въ послѣдней главѣ, обратилось изъ поэмы въ драму? Метаморфоза неожиданная и ставящая насъ въ нѣкоторое затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ доказывать, что это не драма, ни по формѣ, ни по содержанію, что въ ней не изображено никакой драматической борьбы, не раскрытъ ни одинъ характеръ съ надле-

жащею для драмы полнотой, что именно драматической завязки нельзя найти ни въ первой, ни во второй части, что ударъ грома, уносящій въ одинъ мигъ счастье цѣлой семьи, даже нѣсколькихъ семей—еще не драматическое произведеніе... то, пожалуй, авторъ «Обороны» остановитъ насъ возраженіемъ, что онъ употребилъ здѣсь слово драма не въ буквальномъ значеніи этого слова, а такъ только, въ видѣ фигуры. Если-же признаніе разбираемаго произведенія драмой зависитъ отъ усмотрѣнія автора «Обороны», то мы попросимъ его оставить лучше поэму поэмой и тѣмъ дать намъ возможность закончить статью, не начиная новаго разбора поэмы съ точки зрѣнія драмы. Къ тому же, и самъ авторъ «Обороны» такъ сжалъ свои указанія по части художественныхъ достоинствъ поэмы, что они своею краткостью и повтореніемъ высказаннаго исключаютъ возможность разсмотрѣнія доводовъ.

Еще въ самомъ началѣ своей статьи нашъ оппонентъ сдѣлалъ намъ честь, признавъ нашу замѣтку имѣющею важное значеніе. Онъ говоритъ: «взглядъ г. Балталона заслуживаетъ особеннаго вниманія не однихъ педагоговъ; онъ требуетъ тщательнаго обсужденія и долженъ быть принятъ, если окажется, что авторъ основывается на неопровержимыхъ данныхъ». Намъ кажется, что этими словами г. Брайловскій ставитъ вопросъ слишкомъ рѣшительно. Иной взглядъ, основанный на достаточныхъ данныхъ, можетъ остаться и не общепринятымъ по многимъ причинамъ: выясненію вопроса могутъ препятствовать предубѣжденія, романтическія понятія, недостатокъ эстетическаго чутья, вслѣдствіегосподства грамматики и стилистики въ школѣ и т. п.

Пересмотрѣвъ всѣ аргументы, противопоставленные нашей замѣткѣ г. Брайловскимъ, мы имѣли возможность убѣдиться вполнѣ, что аргументы эти страдаютъ крупными недостатками, сильно подрывающими ихъ оборонительное значеніе. Одни изъ нихъ неудачно направлены и, опровергая совсѣмъ не то, что мы утверждали, представляютъ собою уклоненія въ сторону; другіе представляютъ собою недоразумѣнія со стороны г. оппонента, которыя мы старались выяснить; третьи обнаруживаютъ недостаточно самостоятельное и неправильное пользованіе тѣми авторитетными именами, на которыя желалъ опереться авторъ, какъ показываютъ, напримѣръ, эпизоды съ гг. Шевыревымъ, Висковатовымъ и Котляревскимъ; наконецъ, самыми неудачными аргументами слѣдуетъ признать тѣ, которые являются плодомъ слишкомъ узкаго критическаго взгляда, усвоеннаго авторомъ «Обороны».

Такимъ образомъ, въ «Оборонѣ» мы не находимъ серьезныхъ и

вѣскихъ аргументовъ, которые могли-бы пошатнуть выставленныя нами положенія. Если г. Брайловскій въ концѣ своей статьи и выставилъ рядъ своихъ положеній, противоположныхъ нашимъ, то вся сила ихъ только и состоитъ въ противоположности: сами они нисколько не вытекаютъ изъ предшествующихъ возраженій.

Въ заключеніе нашего отвѣта на «Оборону», мы должны отдать полную дань уваженія той терпѣливой подготовкѣ и энергіи, съ которыми г. Брайловскій приступилъ къ защитѣ установившихся мнѣній о романтической поэмѣ въ простонародномъ стилѣ. Послѣ всѣхъ трудовъ г. Брайловскій имѣетъ право сказать, что сдѣлалъ все, что могъ, для достиженія поставленной цѣли. Если-же его оборонительныя усилія, быть можетъ, не привели къ желаннымъ результатамъ; если они обнаружили много непровѣренныхъ понятій, касающихся поэзіи и народности,—то все-таки можно надѣяться, что возбужденная полемика пройдетъ не безъ пользы для общаго дѣла. Въ заключительныхъ строкахъ своей «Обороны г. Брайловскій признается, что многое изъ такъ-называемыхъ установившихся мнѣній прежде принималось имъ «больше на вѣру», безъ самостоятельной критической оцѣнки. Это, мы думаемъ, большой недостатокъ въ такой области, какъ литературная критика: вступать въ нее безъ ясныхъ руководящихъ началъ — все равно, что плыть въ открытомъ морѣ «безъ руля и безъ вѣтрилъ».

Ц. Балталонъ.

Нѣсколько словъ по поводу критической замѣтки „Русскаго Обозрѣнія" объ изданіяхъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Въ мартовской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» за текущій годъ напечатана несправедливая статья по поводу дешевыхъ изданій Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности; статья эта принадлежитъ неизвѣстному автору, скрывшемуся за псевдонимомъ «Старинщикъ». Въ ней объ этихъ изданіяхъ говорится: «не нуженъ народу этотъ не всегда грамотный наборъ всякихъ неопредѣленностей и несообразностей» (стр. 423), и далѣе: «своими принципами, своими книжками Харьковскій Комитетъ даетъ великолѣпное подспорье штундистской пропагандѣ» (стр. 419); значитъ, книжки, издаваемыя Комитетомъ, не только не нужныя, а даже прямо вредныя. Это уже серьезное обвиненіе на тему—caveant consules.

Серьезности обвиненія должна соотвѣтствовать и серьезность доказательствъ: тутъ должны быть на лицо фактическія данныя, логическое теченіе мыслей и правильное воспроизведеніе чужихъ мнѣній. Что-же мы видимъ въ данной рецензіи? Попробуемъ разобрать ее серьезно, хотя по существу своему она и не заслуживаетъ такой чести.

Исходный пунктъ критика заключается въ слѣдующемъ положеніи: «народныя изданія должны отвѣчать насущной потребности народнаго образованія — воспитанію добрыхъ христіанъ, сознательно относящихся къ своей вѣрѣ, къ своей исторіи и къ своему положенію. *Только* такія изданія желаетъ имѣть нашъ народъ и только такія ему нужны» (стр. 415). Доказывается это положеніе ссылкой на г. Рачинскаго (стр. 414). И тутъ уже мы имѣемъ первый примѣръ расширеннаго толкованія: г. Рачинскій говоритъ о предметахъ обученія въ элементарной народной школѣ, а г. Старинщикъ о народныхъ книжкахъ, что̀ далеко не одно и то-же. Чтобы убѣдиться въ

этомъ, достаточно вспомнить, что народная книжка разсчитываетъ и на взрослыхъ читателей, давно уже окончившихъ курсъ въ школѣ, и на лицъ, вовсе не бывшихъ въ ней (самоучекъ). Народная книжка, съ одной стороны, пополняетъ научныя свѣдѣнія читателя, а съ другой—облагораживаетъ эстетическій вкусъ и вліяетъ на его религіозно-нравственную сферу. Этимъ опредѣляется объемъ программъ книгъ для народнаго чтенія. По теоріи-же г. Старинщика (нужны *только* книжки, приготовляющія добрыхъ христіанъ) выходитъ, что изъ народной литературы слѣдуетъ исключить большую часть нынѣ существующихъ въ ней отдѣловъ и оставить только религіозно-нравственный и отечественную исторію. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Признавая за духовно-нравственнымъ отдѣломъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) огромное воспитательное значеніе, отводя ему, а также и родной старинѣ, подобающее имъ мѣсто въ народной литературѣ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что можно брать темы и изъ другихъ областей знанія, доступныхъ и полезныхъ для народа въ смыслѣ общаго подъема его духовнаго развитія или необходимыхъ ему въ практической жизни (напримѣръ, изъ сельскаго хозяйства, естествознанія); мы полагаемъ, что слѣдуетъ знакомить нашъ народъ съ жизнью другихъ народовъ (прошлою и настоящею), чего опять-таки не допускаетъ теорія г. Старинщика: всеобщей исторіи и всеобщей географіи нѣтъ мѣста въ школьной программѣ г. Рачинскаго, нѣтъ ей мѣста и въ программѣ народныхъ изданій г. Старинщика. Нѣтъ мѣста въ программѣ г. Старинщика и произведеніямъ изящной словесности, а между тѣмъ воспитательное значеніе ихъ является общепризнаннымъ фактомъ.

Спрашивается, можно-ли серьезно считаться съ такой программой? Г. Старинщикъ даже не оправдываетъ своего псевдонима, ибо и на первыхъ шагахъ письменности у насъ на Руси были сочиненія, знакомившія русскаго человѣка съ исторіей, географіей и этнографіей сосѣднихъ народовъ; издревле также русскіе люди ходили въ чужія земли и потомъ описывали свои наблюденія и впечатлѣнія въ произведеніяхъ, составляющихъ украшеніе нашей древней словесности; не говоримъ уже произведеніяхъ изящной литературы.

Переходя къ разбору книжекъ и приведя заглавія ихъ, г. Старинщикъ замѣчаетъ: «*во всѣхъ книжкахъ* нѣтъ *ни одного* русскаго сюжета» (стр. 416). Это совсѣмъ невѣрно: русскіе сюжеты обработаны во всякомъ случаѣ въ 4-хъ книжкахъ: 2 разсказа г-жи Шабельской взяты изъ жизни крестьянъ Харьковской губ.; сочиненіе г-жи Истоминой «Сибирь и переселенцы» посвящено одному изъ наи-

болѣе важныхъ вопросовъ современной русской жизни; наконецъ, и послѣдняя брошюра (№ 11) «Какъ и откуда добывается шелкъ?» содержитъ въ себѣ исключительно практическія наставленія по части шелководства для крестьянскихъ мальчиковъ, обучающихся въ начальныхъ школахъ южнаго района (гдѣ шелководствомъ занимаются на практикѣ); пятая брошюрка посвящена желѣзнымъ дорогамъ: неужели это въ настоящее время «иностранный сюжетъ»? Шестая книжка («Несчастная») представляетъ разсказъ изъ жизни польскихъ крестьянъ; а на нихъ едва-ли основательно и удобно смотрѣть, какъ на иностранцевъ: они русскіе подданные, и мы не можемъ не интересоваться ихъ жизнью, да и русскому крестьянину не безполезно познакомиться съ нею. Остается, такимъ образомъ, всего 5 иностранныхъ сюжетовъ—3 повѣсти изъ иностранной жизни и 2 научно-популярныхъ очерка (одинъ по всеобщей исторіи, другой по географіи Европы). Спрашивается, что-же предосудительнаго въ томъ, что Комитетъ, вмѣсто того, чтобы печатать современную оригинальную беллетристику, подчасъ сомнительнаго достоинства, даетъ переводы изъ иностранныхъ авторовъ, художественное достоинство которыхъ признано всею Европой (А. Додэ)? Наоборотъ, другіе критики поставили намъ въ особую заслугу, что мы открыли новый матеріалъ для народной литературы. Впрочемъ, и самъ г. Старинщикъ заявляетъ (впадая въ противорѣчіе со своей теоріей), что «въ иностранныхъ сюжетахъ нѣтъ ничего предосудительнаго» (стр. 417). Но въ такомъ случаѣ—зачѣмъ было подчеркивать то обстоятельство, что Харьковскій Комитетъ желаетъ познакомить народъ съ жизнью иностранцевъ? Зачѣмъ было прибѣгать къ неправдѣ и заявлять, что во всѣхъ книжкахъ Комитета нѣтъ ни одного русскаго сюжета? Изъ дальнѣйшаго изложенія уясняется, что иностранные сюжеты, обрабатываемые Комитетомъ, въ концѣ концовъ оказываются на руку... штундистамъ (?!!!). И въ доказательство приводится содержаніе брошюры о Жаннѣ д'Аркъ. Но какая связь, спроситъ читатель, между Жанной д'Аркъ и штундистами? Вѣдь въ брошюрѣ ни слова не говорится ни о штундистахъ, ни о православіи, ни о православномъ духовенствѣ? Въ книжкѣ просто и задушевно переданъ разсказъ о подвигѣ Жанны, спасшей Францію въ тяжкую годину ея «смутнаго времени». Особенно оттѣнена авторомъ ея чистая вѣра въ Бога и глубокая любовь къ своему королю и народу. На первой уже страницѣ сказано, что дѣйствіе происходитъ во Франціи, почти 500 лѣтъ тому назадъ (стр. 1-я), описывается родная деревня Жанны—Домреми (стр. 6—7). Какъ тутъ принять Францію за Россію, французское и англійское духовенство

за русское? Ни одинъ простолюдинъ, конечно, не впадетъ въ такую ошибку; а г. Старинщикъ заявляетъ, что это возможно (стр. 418) и даже рисуетъ тотъ длинный путь логическихъ посылокъ, которымъ читатель изъ народа можетъ придти къ этому удивительному умозаключенію. Но посылки тутъ механически связаны другъ съ другомъ и вовсе не представляютъ изъ себя логической цѣпи доказательствъ (стр. 417 — 418). Чтобы сдѣлать хотя нѣсколько вѣроятнымъ свое невѣроятное предположеніе, критикъ прибѣгаетъ къ полному извращенію мыслей и выраженій автора брошюры. Онъ приписываетъ ему то, чего тотъ вовсе не говорилъ. «Въ книжкѣ, повѣствуетъ критикъ,— сказано: Жанна до послѣдней минуты жизни любила свой народъ и ради него приняла вѣнецъ мученицы. Приняла вѣнецъ мученицы... Стало быть, святая. Авторъ прямо и называетъ ее святой дѣвушкой». Критикъ не хочетъ знать, что слово мученица значитъ тутъ замученная (таково общее этимологическое значеніе этого слова); въ такомъ смыслѣ, напримѣръ, исторія говоритъ о мученикахъ инквизиціи (хотя они и не были святыми); самъ-же авторъ брошюры не называетъ Жанны святою—это вымыселъ (и дурной, злой вымыселъ) г. Старинщика; у автора буквально сказано слѣдующее: «англичане мало выиграли отъ смерти орлеанской дѣвы. Ея мученическая смерть и звѣрская надъ нею казнь пробудили мужество французскаго народа; англичане стали еще ненавистнѣе: въ каждомъ изъ нихъ французы видѣли палача, сжегшаго подъ именемъ вѣдьмы святую дѣвушку, преданную своей странѣ» (стр. 36); значитъ не *авторъ*, а *французы* считали ее святой дѣвушкой. Такую-же неприличную передержку дозволяетъ себѣ критикъ и въ другой выдержкѣ, заявляя, будто-бы авторъ брошюры относитъ наши крестные ходы къ области суевѣрій (стр. 418). На чемъ-же основывается такое заключеніе? На томъ, что авторъ брошюры считаетъ вѣру въ русалокъ суевѣріемъ. Вотъ это мѣсто: «сейчасъ за домомъ отца Жанны д'Аркъ тянулся прекрасный дубовый лѣсъ; въ этомъ лѣсу, по словамъ старыхъ людей, жили лѣсныя русалки, которыя собирались къ одному ручью, подъ вѣтви большого бука. Подъ этимъ старымъ букомъ дѣти весной водили хороводы и на вѣтви его вѣшали вѣнки изъ цвѣтовъ. Чтобы отогнать русалокъ отъ этого ручья, священникъ каждый годъ ходилъ святить въ немъ воду. Жанна росла среди всѣхъ этихъ суевѣрныхъ сказокъ и обрядовъ» (стр. 7). Ясное дѣло, что подъ сказками и обрядами тутъ разумѣется вѣра въ русалокъ и соединенные съ нею языческіе обряды (вѣшанье вѣнковъ). Самъ г. Старинщикъ, повидимому, не прочь выступить на защиту русалокъ, забывая, что у насъ на Руси уже

въ XI в. преподобный Θеодосій вооружался противъ языческихъ обрядовъ (волхвованія, чародѣйства, скоморошества) и такъ называемаго *двоевѣрія*, т.-е. христіанскихъ обычаевъ, соединенныхъ съ языческими (пирушекъ съ излишествами на христіанскихъ праздникахъ, пѣнія тропарей при обильныхъ заздравныхъ чашахъ и т. п.). Очевидно, и у французскихъ крестьянъ существовало въ средніе вѣка такое двоевѣріе и отъ него не было свободно и французское духовенство. Но то, противъ чего вооружалась христіанская проповѣдь еще въ XI в., старается оправдать нашъ критикъ въ исходѣ XIX в.: онъ ставитъ въ сугубую вину автору брошюры отрицательное отношеніе къ вѣрѣ въ вѣдьмъ и заявляетъ, что авторъ хочетъ разувѣрить православный народъ въ существованіи нечистой силы и тѣмъ подрываетъ въ немъ религію. «Чему,—спрашиваетъ онъ,—желаетъ научить Харьковскій Комитетъ своихъ читателей? Тому-ли, что нечистая сила есть выдумка духовенства, а въ дѣйствительности ея совсѣмъ нѣтъ?» (стр. 418). Обращаясь къ подлинному тексту брошюры, мы ясно видимъ, что тамъ отрицается не нечистая сила вообще, а вѣра въ колдовство и вѣдьмъ, въ которыхъ будто-бы вселялась нечистая сила. Вотъ это мѣсто: «тогда (при Жаннѣ д'Аркъ) вѣрили еще и въ русалокъ, и въ вѣдьмъ, и въ нечистую силу; тогда всякаго, самаго честнаго человѣка, которому улыбалось счастье, или удача, могли обвинить въ сношеніяхъ съ нечистой силой; сотни женщинъ обвинялись въ томъ, что онѣ вѣдьмы, и ихъ сжигали на кострахъ и топили въ рѣкахъ. Темныя времена были тогда» (стр. 25—26). Авторъ, очевидно, хочетъ этимъ сказать, что оправдывать въ глазахъ народа истребленіе вѣдьмъ не годится, тѣмъ болѣе, что и теперь еще встрѣчаются у насъ факты подобной дикой расправы, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ судебные процессы, газетныя извѣстія и беллетристическій разсказъ талантливой писательницы Э. Ожешко «Вѣдьма» *). Но г. Старинщикъ думаетъ, что ему нужно стоять за старину, включительно до вѣдьмъ и русалокъ. Что-же! У всякаго свой вкусъ, но только не нужно навязывать его другимъ...

«Совсѣмъ другое дѣло было-бы,—говоритъ далѣе г. Старинщикъ,—еслибы въ книжкахъ благоразумно объяснено было читателямъ, что, дескать, рѣчь идетъ о людяхъ не нашей вѣры... всякій-бы зналъ, что книжки Комитета обрушиваются (sic!) не на нашу вѣру и не на наше духовенство... Между тѣмъ къ такому объясненію былъ пре-

*) Сюжетъ его взятъ изъ дѣйствительной жизни; самый разсказъ недавно изданъ для народнаго чтенія; раньше онъ былъ помѣщенъ въ одномъ серьезномъ историческомъ журналѣ.

красный поводъ» (такое объясненіе можно было сдѣлать въ брошюрѣ № 3) (стр. 419). Тутъ что ни слово, то странность и невѣрность. Вѣдь, и въ «Жаннѣ д'Аркъ» «благоразумно объяснено читателямъ», что рѣчь идетъ о людяхъ не нашей вѣры», а о французахъ; правда, книжка эта не «обрушивается» (какъ этого хотѣлъ-бы критикъ) на чужія вѣры христіанскихъ народовъ, потому что представляетъ изъ себя объективный историческій очеркъ, а не полемическій богословскій трактатъ. И въ другой книжкѣ съ иностраннымъ сюжетомъ (Швейцарія) точно и ясно показано, что рѣчь идетъ о швейцарцахъ; въ брошюрѣ № 3 (Несчастная) указываются такіе опредѣленные, реальные признаки католической религіи (костелъ, органъ, ксендзъ), что ихъ не можетъ замѣтить только тотъ, кто умышленно закрываетъ глаза. Критикъ заявляетъ, что въ этой именно брошюрѣ умѣстнѣе всего былъ трактатъ объ отличіи православія отъ католицизма. Но чтобы оцѣнить по достоинству это заявленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ критическую сообразительность самого автора, достаточно замѣтить, что брошюра № 3 представляетъ изъ себя беллетристическій разсказъ, и притомъ не оригинальный, а переводный. Впрочемъ, если-бы мы даже удовлетворили этому требованію критика, все-таки остались-бы въ полной силѣ аналогичныя замѣчанія его относительно другихъ брошюръ (Жанна д'Аркъ, Друзья).

Единственный выходъ изъ этого положенія—помѣщать подобные трактаты религіозно-догматическаго характера во всѣхъ издаваемыхъ Комитетомъ брошюрахъ, особенно съ иностранными сюжетами. По этому поводу замѣтимъ: мы такъ высоко ставимъ религіозные вопросы, что не позволимъ себѣ профанировать ихъ внесеніемъ въ беллетристическія произведенія. Правда, Магницкій и Руничъ хотѣли вводить богословскій элементъ даже въ математику; но опытъ, какъ извѣстно, осудилъ этотъ искусственный пріемъ. Въ программѣ изданій нашего Комитета духовно-нравственный отдѣлъ занимаетъ высокое мѣсто и мы придаемъ ему серьезное значеніе. Но всякое дѣло требуетъ спеціальныхъ знаній — и естественно, что мы чувствуемъ себя не совсѣмъ компетентными въ этой области. Между тѣмъ, вопросъ, выдвигаемый г. Старинщикомъ (объ отличіяхъ догматики и обрядовъ), принадлежитъ къ числу наиболѣе трудныхъ; тутъ нужно взвѣшивать каждой слово и не мудрено дѣйствительно подвергнуться нареканіямъ; кривотолки-же разныхъ господъ Старинщиковъ не только не поправятъ дѣла, а внесутъ въ него одну смуту и инсинуаціи. Вотъ почему Комитетъ главное вниманіе желаетъ обратить на исторію церкви (вселенской и православной) и житія святыхъ (см. печатную программу Комитета).

Стоитъ-ли послѣ всего сказаннаго останавливаться на критическихъ замѣчаніяхъ г. Старинщика о нравоучительной и художественной сторонѣ брошюръ, изданныхъ Комитетомъ? Это—не критическія замѣчанія, а нѣсколько выдержекъ, выхваченныхъ изъ общей связи и снабженныхъ произвольными комментаріями. Разсказъ А. Додэ «Прекрасная Ниверneза» написанъ, по словамъ критика, въ доказательство безполезности грамоты (стр. 421). Можно-ли было грубѣе извратить основную мысль этого прекраснаго художественнаго произведенія? Можно-ли было неприличнѣе передать смыслъ разсказа А. Шабельской (Миронъ и Аннушка), за которымъ въ свое время критика признала немалое художественное значеніе? Можно-ли было изъ другого разсказа А. Шабельской (Параска) вывести нравоученіе, что намъ не нужна школа (стр. 422)? Изъ него только ясно видно, что г-жа Шабельская не сочувствуетъ наказанію розгами отцовъ, особенно въ присутствіи дѣтей, а г. Старинщикъ думаетъ, что ученье должно всегда сопровождаться сѣченьемъ. «На первой страницѣ букварей,—говоритъ онъ,—изображается училище, какъ гласитъ надпись надъ картинкой (въ букваряхъ), у оконъ на лавкахъ мальчики твердятъ буквари, а посреди комнаты на полу старый учитель сѣчетъ розгами одного изъ школьниковъ въ наученіе, конечно, ему и товарищамъ» (стр. 422). Къ сожалѣнію своему, г. Старинщикъ долженъ констатировать фактъ, что Харьковскій Комитетъ не согласенъ съ этимъ старымъ, упраздненнымъ нынѣ педагогическимъ средствомъ русской школы.

Я кончилъ разборъ пресловутой критики и не могу отдѣлаться отъ грустнаго чувства. Мы недавно чествовали память великаго славянскаго педагога Амоса Коменскаго, устраиваемъ въ его честь педагогическія общества, издаемъ его сочиненія, а между тѣмъ толстый журналъ, разсчитывающій на широкій кругъ читателей, помѣщаетъ у себя статью, гдѣ доказываетъ, что знаніе народу не нужно и что ученье безъ сѣченья невозможно. И не обидное-ли положеніе антикритика—приводить доказательства въ пользу той великой истины что «ученье—свѣтъ, неученье—тьма»?..

Безграмотные издатели Московскаго Никольскаго рынка (Манухины, Леухины и К°) безпрепятственно пускаютъ въ народное обращеніе цѣлые милліоны безобразныхъ книжекъ и лубочныхъ картинъ, болѣзненно возбуждающихъ фантазію читателя изъ народа, притупляющихъ эстетическій вкусъ и деморализующихъ его нравственность, и гг. старинщики молчатъ, быть можетъ, даже сочувствуютъ этому. Но вотъ на борьбу съ этими дѣйствительно вредными книжками вы-

ступаютъ отдѣльныя лица и цѣлыя издательскія коммиссіи. Они пускаютъ въ ходъ не безплодные разговоры (какъ было раньше), а тѣ-же дешевыя изданія, они вкладываютъ въ это дѣло и средства, и знанія, и любовь; ими руководитъ совершенно безкорыстное желаніе внести свою лепту на пользу великаго государственнаго и общественнаго дѣла—«просвѣщенія» народа; они дѣлаютъ это дѣло подъ непосредственнымъ бдительнымъ надзоромъ самого правительства и его органовъ (специальной цензуры) *. И что-же? Является смѣлый рыцарь подъ забраломъ, набрасываетъ тѣнь на цѣлое учрежденіе, вызываетъ понапрасну безнокойство въ подлежащихъ сферахъ—и думаетъ, что онъ этимъ выполнилъ охранительную миссію, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ посѣялъ только смуту **).

Б. Д.

---

*) Почти вслѣдъ за напечатаніемъ статьи г. Старинщика въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» появилось опредѣленіе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, коимъ *семь* брошюръ, изданныхъ Харьковскимъ Обществомъ грамотности, допускаются въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ и брошюра о Жаннѣ д'Аркъ).

**) Одобрительный отзывъ объ изданіяхъ «Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности» былъ помѣщенъ въ нашемъ изданіи уже въ 1-мъ нумерѣ текущаго года («Р. Шк»., 1893 г., № 1, стр. 190—195),—тѣмъ съ большею охотою даемъ мѣсто настоящей замѣткѣ почтеннаго автора въ защиту этихъ полезныхъ для народа изданій. *Ред.*

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

«**Школски Лист**», излази један пут у месецу. Предплата је на целу годину 1.50 г. Учитељи са малом платом, као и благослови и приправници, добијају лист у пола цене. У Сомбору. Издаје и уређује Никола Вукћиевић. 1893, XXV година.

«Школьный Журналъ», выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписная плата на весь годъ 1.50 г. Учителя съ незначительной платой, равно какъ и воспитанники духовныхъ и учительскихъ школъ, получаютъ журналъ за полцѣны. Въ Сомборѣ. Издаетъ и редактируетъ Николай Вукичевичъ, 1893=XXV годъ.

«Школски Лист»—одинъ изъ немногихъ педагогическихъ журналовъ, издающихся у венгерскихъ сербовъ; но прежде чѣмъ говорить о самомъ журналѣ мы позволимъ себѣ маленькое отступленіе и скажемъ нѣсколько словъ вообще о сербахъ. Сербы не составляютъ единаго политическаго цѣлаго, хотя живутъ сплошною массою и естественныя условія не препятствуютъ такому ихъ соединенію. Въ настоящее время сербы подѣлены между королевствомъ сербскимъ, княжествомъ черногорскимъ, Турціей (Ст. Сербія), Австріей (Юж. Далмація, Герцеговина, Боснія) и Венгріей (Хорватія и бывшая военная граница, т.-е. земли вдоль Дуная противъ Славоніи и королевства сербскаго). Оттого положеніе ихъ настолько неодинаково, что говорить о всѣхъ сербахъ вообще возможно лишь въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, а большею частью приходится говорить о каждомъ отдѣлѣ сербовъ особо. Такъ, напримѣръ, нельзя, неудобно говорить вообще о сербскихъ школахъ, удобнѣе говорить о школахъ въ королевствѣ сербскомъ, о школахъ у венгерскихъ сербовъ и т. д. Эта разница въ положеніи въ иныхъ случаяхъ простирается настолько далеко, что ощущается даже среди сербскаго населенія, находящагося подъ властью одного государства. Такъ, сербско-православныя школы въ самой Венгріи (т.-е. въ части бывшей военной границы) находятся нѣсколько въ иныхъ

условіяхъ, чѣмъ такія-же школы въ католической Хорватіи, которая пользуется отдѣльнымъ отъ прочей Венгріи самоуправленіемъ. Вотъ почему мы должны были сказать, что названный журналъ не сербскій просто, а журналъ венгерско-сербскій, ибо отъ этого послѣдняго обстоятельства зависитъ отчасти его физіономія. Такъ, напримѣръ, о распоряженіяхъ хорватскаго правительства онъ можетъ отзываться съ большею независимостью, нежели о распоряженіяхъ, исходящихъ изъ Пешта, и т. п.

1893-й годъ есть 25-й годъ изданія «Школьскаго Листа». Такъ значится въ его заголовкѣ, но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. «Школьскій Листъ» гораздо старѣе. Его первый выпускъ вышелъ 16-го октября 1858 года, такимъ образомъ 1893-й годъ не 25-й, а 35-й годъ его непрерывнаго изданія, и такимъ образомъ «Школьскій Листъ» самый старый изъ славянскихъ, издаваемыхъ въ настоящее время, педагогическихъ журналовъ. Хорватскій «Napredak» (Прогрессъ) и словинскій «Učiteljski Tovariš» почти одинаковаго возраста съ «Школьскимъ Листомъ», «Napredak» началъ выходить съ октября 1859, «Tovariš» съ 1860 г., но разница между ними та, что въ то время, какъ хорватскій и словинскій журналы уже давно сдѣлались органами соотвѣтствующихъ педагогическихъ обществъ и издаются на ихъ средства, «Школьскій Листъ» все время оставался частнымъ предпріятіемъ при осуществовалъ столь продолжительное время благодаря лишь энергіи и необыкновенной преданности дѣлу со стороны тѣхъ лицъ, которыя завѣдывали его изданіемъ. Всякій, кто сколько-нибудь знаетъ, какое трудное и неблагодарное для частнаго лица дѣло — издавать педагогическій журналъ, вполнѣ оцѣнитъ и самый фактъ 35-лѣтняго существованія этого журнала, и заслуги его издателей. Но настоящее понятіе объ этомъ получитъ только лишь тотъ, кто, кромѣ того, приметъ еще въ соображеніе тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставлена умственная и народная жизнь венгерскихъ сербовъ. Имъ часто приходится быть и кроткими, яко голуби, и мудрыми, яко зміи.

«Школьскій Листъ» нѣсколько разъ мѣнялъ свой объемъ и сроки изданія—сначала онъ выходилъ разъ въ недѣлю, теперь выходитъ разъ въ мѣсяцъ, сначала онъ издавался въ Новомъ-Садѣ, потомъ въ Будимѣ, съ 1866 г. издается въ Сомборѣ; онъ мѣнялъ также редакторовъ и издателей. Первымъ его редакторомъ былъ Райковичъ, потомъ извѣстный сербо-венгерскій педагогъ и писатель Натошевичъ и, наконецъ, съ 1867 г. его издаетъ и редактируетъ почтенный г. Н. Вукичевичъ. Въ 1868 г. журналъ поступилъ въ полное его распоряженіе, почему г. Вукичевичъ начинаетъ счетъ его изданію именно

съ этого года, на что, какъ мы полагаемъ, имѣетъ право, такъ какъ своимъ доселѣшнимъ существованіемъ журналъ обязанъ его заботамъ и трудамъ исключительно. При этомъ нельзя не упомянуть о почти 40-лѣтней *) дѣятельности уважаемаго своими венгерскими сородичами и извѣстнаго всему педагогическому сербству маститаго г. Вукичевича. Уже много лѣтъ онъ состоитъ руководителемъ сомборской сербской учительской школы, 25 лѣтъ издаетъ «Школьскій Листъ» и принесъ не мало пользы своему народу, какъ педагогъ-практикъ и какъ писатель. Его писательская дѣятельность разнообразна. Его перу принадлежитъ не мало педагогическихъ статей теоретическаго и практическаго характера, какъ въ «Школьскомъ Листѣ», такъ и изданныхъ отдѣльно: за одну изъ статей онъ получилъ золотую медаль отъ сербской матицы **). Онъ не разъ выступалъ противъ враговъ и недоброжелателей сербской школы и сербскаго народа. Затѣмъ онъ является переводчикомъ, издателемъ дѣтскаго журнала, наконецъ, составителемъ учебниковъ. Между прочимъ, ему принадлежитъ первый букварь для Черногоріи. Мы имѣли возможность познакомиться только съ 1891, 1892 и тремя выпусками 1893 года «Школьскаго Листа», и потому все нижеизложенное относится только къ этимъ годамъ и выпускамъ.

«Школьскій Листъ» выходитъ въ объемѣ одного листа разъ въ мѣсяцъ и предназначенъ для учителей начальныхъ училищъ, чему соотвѣтствуетъ и его крайне незначительная цѣна, которая во многихъ случаяхъ можетъ быть еще понижена на половину. Такой дешевизны не достигалъ еще ни одинъ одинаковаго со «Школьскимъ Листомъ» назначенія русскій журналъ, а между тѣмъ, дешевизна—одно изъ главныхъ средствъ, при помощи которыхъ можно разсчитывать на распространеніе подобнаго рода журналовъ, а необходимость распространенія ихъ у насъ никто, конечно, оспаривать не станетъ. Кромѣ того, у сербо-хорватскихъ интеллигентныхъ людей существуетъ весьма похвальный обычай, способствующій распространенію ихъ педагогическихъ журналовъ: они подписываются на одинъ или нѣсколько экземпляровъ для разсылки ихъ въ совершенно бѣдныя школы. Имена такихъ подписчиковъ печатаются въ тѣхъ журналахъ, на которые они подписываются. Вообще сербо-венгерская интеллигенція, среди которой не мало купцовъ, ремесленниковъ и т. п., очень чутко относится

*) 40 лѣтъ исполнится, если не ошибаемся, въ будущемъ 1894 году.

**) Мисли о уређеню црквено-просветни одношая Срба у Аустрии. Новисад 1865.—Мысли объ устроеніи церковно-просвѣтительныхъ отношеній сербовъ въ Австріи. Чланци о воспитаню дįеце за (для) родителе и др.

къ потребностямъ своей національной школы и, какъ это видно и изъ «Школьскаго Листа», пожертвованія ея на это дѣло постоянны и нерѣдко довольно значительны.

Текущая мѣстная хроника ведется «Школьскимъ Листомъ» съ достаточною полнотою и можетъ служить хорошимъ подспорьемъ для того, кто захочетъ ознакомиться съ положеніемъ школьнаго дѣла у венгерскихъ сербовъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что «Школьскій Листъ» не смѣетъ касаться отношеній мадьяръ къ сербской школѣ и вообще къ сербско-венгерскому народу, а безъ надлежащаго знакомства съ этою стороною дѣла нельзя составить себѣ о немъ надлежащаго понятія. Къ отдѣлу текущей-же хроники можно также отнести обязательныя каждый годъ статьи въ прославленіе просвѣтителя и покровителя сербскаго народа—св. Саввы, день памяти котораго считается у сербовъ школьнымъ праздникомъ и празднуется съ большою торжественностью. Иностранной хроникѣ, въ виду незначительнаго объема журнала, дается очень мало мѣста, гораздо больше мѣста занимаютъ свѣдѣнія о школьномъ дѣлѣ въ иныхъ славянскихъ странахъ. О Россіи свѣдѣнія, очевидно, случайны. Въ 1891 г. помѣщены переводы двухъ статей: первыя мѣры по образованію женщинъ въ Россіи (рѣчь на 25-лѣтіи Литейной гимназіи) и о 25-лѣтіи педагогическаго музея (изъ «Родника»), но въ 1892 г. о Россіи—ничего. Статей по методикѣ, которыми такъ изобилуютъ нѣкоторые педагогическіе журналы одного со «Школьскимъ Листомъ» назначенія, очень мало. Въ 1892 г., напримѣръ, ихъ не было вовсе. Изобиліе такого рода статей мы, впрочемъ, не считаемъ особымъ достоинствомъ. Въ большинствѣ случаевъ онѣ читаются очень немногими. За-то много статей общепедагогическаго содержанія, причемъ очень мало переводовъ съ нѣмецкаго, но есть переводы со славянскихъ языковъ. Статьи эти не отличаются ни самостоятельностью, ни новизною своихъ мыслей, въ нихъ встрѣчаются общія мѣста, подчасъ онѣ даже наивны, но онѣ большею частью проникнуты стремленіемъ къ гуманности, любовью и вѣрою въ дѣло, благонамѣренны, написаны большею частью толково, просто и кратко. Образованіе народныхъ учителей не Богъ вѣсть какое, среда, въ которой имъ приходится работать, отнюдь не можетъ содѣйствовать поднятію ихъ интеллигентности, и потому, думается намъ, такія именно статьи должны имѣть хорошее вліяніе на учителей, должны поддерживать въ нихъ любовь къ дѣлу и къ дѣтямъ. Передавать содержаніе ихъ, конечно, нѣтъ надобности, но не лишне указать на нѣкоторыя темы, привлекающія вниманіе ихъ составителей, напримѣръ,—общеніе съ учениками, о жен-

скомъ трудѣ, какимъ должно быть женское образованіе у сербовъ, о любви въ школѣ, въ чемъ учитель можетъ способствовать успѣхамъ своего народа и т. д. Пишутъ ихъ, большею частью, молодые учителя, и притомъ совсѣмъ безплатно или, во всякомъ случаѣ, за очень незначительное вознагражденіе. Нѣкоторыя статьи пишутся по конкурсу. Такія вознаграждаются. Въ этомъ случаѣ редакціи иногда приходятъ на помощь и посторонпія лица.

Кромѣ статей вышеуказаннаго характера, въ «Школьскомъ Листѣ» время отъ времени, по мѣрѣ надобности и въ такихъ случаяхъ, когда это можно, помѣщаются статьи въ защиту интересовъ учительства: напримѣръ, въ 1891 г., по поводу того, что до сихъ поръ учителя сербо-венгерскихъ школъ, какъ начальныхъ, такъ и среднихъ, не обезпечены пенсіями, и въ защиту сербо-венгерскихъ школъ, напр., въ 1892 г., по поводу предстоящаго въ Хорватіи пересмотра учебниковъ.

Школы сербо-венгерскія суть школы православныя, церковно-приходскія; ими завѣдываетъ сербо-венгерское духовенство, съ патріархомъ во главѣ. Учительская школа, руководителемъ которой уже много лѣтъ состоитъ редакторъ «Школьскаго Листа», равно какъ и нѣкоторыя другія сербскія среднеучебныя заведенія, тоже вѣдаются духовенствомъ и патріархомъ. «Школьскій Листъ» является такимъ образомъ журналомъ, назначеннымъ для учителей церковно-приходскихъ училищъ. Но онъ ведется такимъ образомъ, что вы этого почти не замѣчаете, вы готовы думать, что предъ вами обыкновенный педагогическій журналъ. О его церковно-приходности, если можно такъ выразиться, вы узнаете только изъ хроники, ибо главное управленіе сербо-венгерскими школами сосредоточено въ рукахъ «високославног србсконародног црквено-школског савета» подъ предсѣдательствомъ патріарха, да изъ нѣсколькихъ очень немногихъ статей, какъ, напримѣръ, рождественское посланіе патріарха (1891. I), о сербскомъ православномъ пѣніи и др. Въ 1892 году такихъ статей, если не причислять сюда панегириковъ св. Саввѣ, даже и совсѣмъ не было. Указаніе на церковноприходскость журнала можно еще, пожалуй, усмотрѣть въ объявленіи о подпискѣ, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Школьскій Листъ» будетъ, какъ и до сихъ поръ, представителемъ истинныхъ интересовъ сербской народной школы и сербскаго учительства и будетъ охотно принимать статьи о воспитаніи и образованіи, которыя не находятся въ противорѣчіи съ интересами святой православной вѣры и милой народности нашей».

Нѣкоторое число экземпляровъ «Школьскаго Листа» идетъ въ Чер-

ногорію, также Боснію съ Герцеговиной и даже Сербію, гдѣ имѣются свои педагогическія изданія.

Итоги всему сказанному можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Школьскій Листъ»—старѣйшій изъ нынѣ существующихъ славянскихъ педагогическихъ журналовъ. Этимъ онъ, главнымъ образомъ, обязанъ энергіи издававшаго и редактировавшаго его послѣднія 25 лѣтъ почтеннаго и заслуженнаго г. Вукичевича.

«Школьскій Листъ» ведется опытною, умѣлою рукою и хорошо удовлетворяетъ своему назначенію, но значеніе его исключительно мѣстное.

Русскихъ читателей «Школьскій Листъ» долженъ интересовать, какъ одинъ изъ педагогическихъ журналовъ незначительнаго числомъ отдѣла православныхъ сербовъ, который въ теченіе вотъ уже почти двухъ столѣтій не безъ успѣха отбивается при помощи своихъ школъ отъ непрерывающихся попытокъ къ его католиченію, нѣмеченію и мадъяренію. и съ которымъ у насъ, помимо иныхъ отношеній, существуютъ еще отношенія педагогическаго, такъ сказать, характера. Въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія мы дали имъ букварь, грамматику и учителей, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго-же столѣтія они отплатили намъ Янковичемъ де-Миріево, труды котораго по выработкѣ «Устава народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи» и по устройству петербургскихъ училищъ и первой въ Россіи Учительской школы—достаточно извѣстны.

М. К—ій.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Школьныя экскурсіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Корреспонденція изъ Санъ-Франциско).

Хотя послѣ 25-го іюня новаго стиля занятія прекращаются почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но лѣтомъ школьная жизнь все-таки продолжается. Во время моей поѣздки на «Дальній Западъ» мнѣ встрѣчалось не мало интереснаго. Не говоря о возможности осматривать школьныя зданія и колоніи, бесѣдовать съ лицами, занимающимися педагогическими вопросами, и собирать печатные матеріалы, — можно присутствовать на лѣтнихъ курсахъ и принимать участіе въ школьныхъ прогулкахъ и экскурсіяхъ.

Пребываніе лѣтомъ въ промышленныхъ городахъ Америки, въ родѣ Чикаго, Сенъ-Луи, Цинцинати и проч., невыносимо даже для взрослаго человѣка. Шумъ, грязь, дымъ и копоть, проникающіе повсюду, отравляютъ воздухъ и жизнь обывателя, вызывая необходимость, хотя на время, уѣзжать въ дачныя мѣста или въ деревню.

Дѣти состоятельныхъ родителей увозятся на все лѣто; тѣ, которые принадлежатъ къ среднему классу, живутъ обыкновенно внѣ центральныхъ частей города въ коттеджахъ, которые строются на avenue и бульварахъ, обсаженныхъ деревьями, и потому отличающихся лучшими гигіеническими условіями. Обыкновенно и такія семьи находятъ возможнымъ посылать своихъ дѣтей въ воскресные дни въ окрестныя рощи и парки или другія мѣста, гдѣ дѣти могутъ пользоваться чистымъ воздухомъ и погулять на свободѣ. Другое дѣло дѣти, принадлежащія къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Родители ихъ не могутъ позаботиться объ нихъ, за неимѣніемъ средствъ, и они были-бы принуждены сидѣть все лѣто въ городѣ, если-бы на помощь имъ не являлись различныя общества и частныя лица. Смотря по средствамъ устроителей и ихъ щедрости, экскурсіи бываютъ или очень скромныя, ограничивающіяся иногда прогулкой пѣшкомъ или на «конкѣ» за городъ, или-же достигаютъ весьма крупныхъ размѣровъ, о которыхъ въ Россіи не имѣютъ и понятія. Опишу двѣ экскурсіи, въ которыхъ мнѣ пришлось принять лично нѣкоторое участіе.

Первая, въ г. Сенъ Луи, была устроена приходскимъ обществомъ церкви

«христіанъ» — для дѣтей одной изъ школъ, находящихся въ завѣдываніи этого общества. Въ девять часовъ утра ученики школы, въ числѣ 200 человѣкъ, собрались на берегу Мисиссипи. Во главѣ каждаго класса былъ свой учитель или учительница, всей-же компаніей завѣдывалъ пасторъ. Каждый классъ имѣлъ по шелковому знамени, на которыхъ, кромѣ нумера класса, вышиты изреченія изъ св. Писанія. Помимо дѣтей, въ экскурсіи принимало участіе до 100 человѣкъ постороннихъ—матери и родственницы дѣтей, съ своими дѣтьми до-школьнаго возраста, и нѣсколько дамъ и барышень-патронессъ, которыя взяли на себя заботу продавать на пароходѣ, по удешевленной цѣнѣ, чай, кофе, молоко, хлѣбъ, фрукты и лакомства.

Въ 9¹/₄ часовъ къ берегу присталъ большой деревянный пароходъ, и юная публика, весело смѣясь и болтая, наполнила среднюю палубу. Подобнаго рода пароходы, отличающіеся простымъ устройствомъ, строются спеціально для рѣчныхъ экскурсій. Это обширныя трехъ-этажныя баржи съ колесомъ, помѣщеннымъ на кормѣ. Благодаря своей дешевизнѣ, такіе пароходы могутъ быть нанимаемы у компаніи, строющей ихъ за очень недорогую плату, что составляетъ весьма важное условіе при организаціи подобнаго рода прогулокъ. За ребенка, принадлежащаго къ школьной группѣ, взимается по 10 центовъ, что составляетъ уступку въ 75% съ нормальной цѣны. Родители и посторонніе лица платятъ по 40 центовъ. Вся поѣздка съ побочными расходами обходится долларовъ 40—50. Сюда включена потеря на припасахъ, продаваемыхъ по удешевленной цѣнѣ, раздаваемыхъ даромъ и остающихся на рукахъ у устроителей. Въ теченіи лѣта организуются 3—4 экскурсіи, но дѣти участвуютъ, кромѣ того, и въ другихъ прогулкахъ, устраиваемыхъ другими обществами, къ которымъ они могутъ имѣть какое-либо отношеніе.

За указанные выше 10 центовъ пароходная администрація везетъ своихъ пассажировъ 27 миль вверхъ по рѣкѣ (около 40 верстъ), услаждаетъ ихъ слухъ въ теченіи всего пути музыкой, предоставляетъ имъ право гулять въ паркѣ на берегу рѣки, устроенномъ для этой цѣли, и привозитъ ихъ обратно домой. Экскурсія длится цѣлый день. Нижняя палуба настолько велика, что на ней можно устраивать игры, бѣганье, танцы. Такимъ образомъ, время, проведенное на пароходѣ (ок. 5—6 час.), не можетъ считаться потеряннымъ. Дѣти находятся въ движеніи, пользуются чистымъ воздухомъ и наслаждаются видами на могучую, широкую полноводную рѣку, величаемую тутъ «отцомъ водъ». Помня наставленіе Платона, что торжественная духовная музыка возвышаетъ душу и облагораживаетъ сердце, оркестръ сталъ играть сначала религіозные и національный гимны, но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ веселыя прибрежныя рощи и луга замелькали по сторонамъ, замѣнивъ мрачные ряды фабрикъ, заводовъ и элеваторовъ, музыканты перешли на игривые мотивы, между которыми преобладалъ пресловутый вальсъ «Тара-ра-бумбіа», повторявшійся этимъ лѣтомъ съ утра до вечера во всѣхъ градахъ и вѣсяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Взаимное отношеніе всѣхъ участвовавшихъ въ прогулкѣ, или, какъ тутъ выражаются, «пикникѣ», было самое дружеское. Дѣти-ученики и остальные участники, знакомые по большой части другъ съ другомъ, разговаривали, играли и бѣгали, составляя какъ-бы одну семью. По временамъ отдѣльные классы, собираемые звонкомъ учительницы, составляли кружокъ, чтобы спѣть хоромъ ту или другую школьную пѣсенку. За неимѣніемъ прислуги дамы-патронессы сами накладывали порціи мороженаго и рѣзали на кусочки

яблочные пироги. Въ полдень мы пристали къ «парку». Какое громкое названіе. Участокъ сосноваго лѣса въ нѣсколько сотъ кв. саженъ, обнесенный игольчатой изгородью,—вотъ и все! Но за-то какой воздухъ, и какъ пріятно походить босикомъ по мягкому прибрежному песку и полежать въ тѣни деревьевъ, растущихъ вокругъ озера, расположеннаго вблизи... Въ рощѣ устроены для посѣтителей скамейки и столы, а немного отступя отъ нихъ—цѣлый рядъ качелей, очень любимыхъ американцами, и карусели, приводимыя въ движеніе дрянненькой паровой машиной. На озерѣ имѣется около десятка лодокъ, на которыя тотчасъ-же размѣстились желающіе покататься. Нѣсколько мальчиковъ, захватившихъ съ собой удочки, пошли удить рыбу. Тотчасъ устроились различныя игры—и время до отхода парохода пролетѣло незамѣтно.

Обратный путь прошелъ такъ же весело. Музыка гремѣла, дѣти играли, ѣли «pop-corn» (жареная кукуруза,—національное лакомство американцевъ), а взрослые сидѣли, бесѣдуя, и любовались видами. Въ 6 часовъ мы вернулись въ городъ, поблагодаривъ распорядителей за доставленное удовольствіе.

Подобныя прогулки устраиваются тутъ чуть-ли не ежедневно, причемъ мѣстности, посѣщаемыя при этомъ, мѣняются. Характерная черта всѣхъ такихъ экскурсій—ихъ простота, дешевизна и въ то-же время практичность. Пароходы деревянные, безъ всякихъ затѣй, машина тоже немудреная, но за-то они помѣстительны и ѣдутъ съ достаточной скоростью. «Паркъ» тоже не потребовалъ особыхъ расходовъ на устройство, потому что въ сосновомъ лѣсу и расчищать-то нечего, но онъ расположенъ въ здоровой и сухой мѣстности, съ чистымъ, живительнымъ воздухомъ, столы и скамейки сбиты изъ досокъ, качели, для экономіи, однимъ концомъ упираются въ дерево, лодки простыя, некрашеныя, а между тѣмъ публика удовлетворена, устроители тоже довольны, такъ какъ все обошлось имъ (по американскимъ цѣнамъ) дешево, и пароходная компанія не въ убыткѣ. Роль матросовъ на суднѣ исполняютъ четыре негра въ продыравленныхъ шляпахъ, а порядокъ на пароходѣ поддерживается при посредствѣ печатнаго объявленія, редакція котораго очень характерна. Маленькимъ пассажирамъ ставится на видъ, что они не должны лазать по борту, становиться на столы, стулья и скамейки, толпиться на лѣстницахъ и въ проходахъ и вообще производить какія-либо непристойныя шалости. Не позволено также оставлять за собою стульевъ, такъ какъ эти послѣдніе, сказано тамъ, «предоставлены въ общее пользованіе». Послѣдняя мотивировка — въ американскомъ духѣ! Одинъ маленькій гражданинъ, лѣтъ 12-ти, очевидно, проникнувшійся этимъ правиломъ, съ нескрываемымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на моего спутника русскаго, который, отправившись ѣсть мороженое, оставилъ на своемъ стулѣ—въ качествѣ вещественнаго признака владѣнія стуломъ—свой зонтикъ и путеводитель Бедекера.

II.

Совсѣмъ иной характеръ имѣла другая экскурсія, съ участниками которой я встрѣтился на центральной Тихо-океанійской желѣзной дорогѣ. Проходя по поѣзду, везшему насъ въ Огденъ, я замѣтилъ, что одинъ вагонъ наполненъ исключительно подростками обоего пола. Дѣвочки и мальчики въ возрастѣ 13, 14, 15 лѣтъ, всѣ знакомые другъ съ другомъ, составляли, повидимому, одну группу, что замѣчалось даже по ихъ внѣшности, такъ какъ на большинствѣ изъ нихъ были надѣты турецкія фески. Оказалось, что это

все участники экскурсіи, или, вѣрнѣе, путешествія, устроеннаго редакціей наиболѣе распространенной въ Санъ-Франциско газеты «The Examiner». Во главѣ газеты стоитъ весьма достойная чета M-r и M-rs O'Black. Мужъ—редакторъ и издатель газеты, жена—извѣстная здѣсь писательница, пишущая подъ псевдонимомъ: Annie Laurie. Желая сдѣлать доброе дѣло, супруги рѣшились пожертвовать средства, нужныя для поѣздки 23 дѣтей на всемірную выставку въ Чикаго. Цифра 23 была избрана вслѣдствіе того, что г. О'Блэкъ желалъ, чтобы изъ каждаго графства Калифорніи (а ихъ 23) было по одному представителю. Съ цѣлью выбора ихъ, весною нынѣшняго года, былъ организованъ конкурсъ для учениковъ, оканчивавшихъ въ истекшемъ учебномъ году курсъ начальной школы (gammar school). Работы лучшихъ трехъ учениковъ изъ каждаго графства были посланы въ Санъ-Франциско, гдѣ особая коммиссія, составленная изъ извѣстныхъ въ городѣ педагоговъ, внимательно разсмотрѣла ихъ и избрала окончательно кандидатовъ для поѣздки. Къ назначенному времени дѣти. на счетъ редакціи, были привезены въ Санъ-Франциско, откуда имъ предстояло совершить далекое путешествіе къ великимъ озерамъ. Особый спальный «дворецъ-вагонъ» былъ предоставленъ дѣтямъ для переѣзда изъ Санъ-Франциско до Чикаго. Маршрутъ былъ составленъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы пробыть на выставкѣ 12 дней и осмотрѣть по дорогѣ все интересное. Дѣтей встрѣчали вездѣ готовые экипажи, которые возили ихъ въ мѣста, интересныя для посѣщеній, и всюду они находили самые сочувственные пріемы. Для наблюденія за ихъ здоровьемъ г. О'Блэкъ пригласилъ одного извѣстнаго въ городѣ врача, который и согласился, въ виду филантропической цѣли поѣздки, сопровождать дѣтей за еженедѣльный гонораръ въ 1.000 р. Хотя онъ за три недѣли и получилъ 3.000 р., но все-таки, въ виду оставленной имъ значительной практики въ Санъ-Франциско, потерялъ, говорятъ, значительную сумму. Утренній завтракъ, полдникъ и обѣдъ (по 2 р. за приборъ) дѣти получали въ вагонѣ-ресторанѣ, воду-же взяли съ собой изъ Калифорніи, изъ опасенія, чтобы частыя перемѣны воды не повліяли на желудки дѣтей. Кромѣ доктора, редактора и его супруги, въ поѣздкѣ принималъ участіе еще одинъ господинъ въ качествѣ надзирателя. Ежедневные мелочные расходы опредѣлялись въ 200 р., въ общемъ-же вся поѣздка обошлась г. Блэку въ 20.000 руб. Путешествіе (около 8 тысячъ верстъ) прошло совершенно благополучно; не было ни одного случая серьезнаго заболѣванія. Дѣти были все время веселы и остались въ восторгѣ отъ выставки. По пріѣздѣ въ Чикаго имъ устроили торжественную встрѣчу, и г-жа Паттеръ-Пальмеръ—королева Чикаго—собственноручно дала на память каждому ребенку по серебряной ложечкѣ съ видомъ выставки. Ложки почему-то считаются тутъ оффиціальнымъ выставочнымъ сувениромъ.

Выше было сказано, что я встрѣтился съ дѣтьми, когда они возвращались обратно. Изъ 21 участника было 13 дѣвочекъ и только 8 мальчиковъ. На экзаменахъ дѣвочки взяли верхъ надъ мальчиками. Экзаменъ былъ довольно серьезенъ. Ученики должны были выдержать письменныя испытанія по ариѳметикѣ, географіи и исторіи, написать грамматическое упражненіе и сочиненіе на заданную тему. Въ число кандидатовъ попали дѣйствительно лучшіе ученики и ученицы. Протекціи и знакомства не играли, повидимому, никакой роли. Избранные оказались по большей части дѣтьми небогатыхъ ро-

дителей и только одна дѣвочка—дочь состоятельнаго адвоката. Всѣ они обладаютъ очень интеллигентной наружностью и видимо выдѣляются изъ общаго уровня своихъ сверстниковъ. Одна дѣвочка изъ мѣстечка, отстоящаго на 400 миль отъ Санъ-Франциско, впервые, во время этой поѣздки, увидала желѣзную дорогу. Понятно, что для такихъ дѣтей, взятыхъ изъ провинціальныхъ городковъ и селеній Калифорніи, чудеса всемірной выставки должны были представляться настоящимъ откровеніемъ. Обозрѣніе ея имѣло для нихъ громадное развивающее значеніе; надо было видѣть блистающіе оживленіемъ глаза и вибрирующіе отъ нетерпѣнія голоса моихъ юныхъ собесѣдниковъ при разсказѣ ими о видѣнномъ, чтобы понять, какъ велико было произведенное на нихъ впечатлѣніе. По возвращеніи дѣти должны представить краткіе отчеты о своей поѣздкѣ, и во время пути многіе изъ нихъ съ серьезнымъ видомъ вносили въ записныя книжки свои путевыя впечатлѣнія, а одинъ мальчикъ, лѣтъ 14-ти, попытался даже интервьюировать меня относительно русскихъ школъ.

Много-ли найдется въ Европѣ лицъ, которыя рѣшились-бы пожертвовать на экскурсію двухъ десятковъ учащихся изъ народныхъ училищъ сумму свыше 20.000 руб.? Едва-ли! Въ Америкѣ подобныя пожертвованія не возбуждаютъ даже удивленія и вызываютъ лишь общее сочувствіе и поддержку. Надобно замѣтить, что всѣ лица, принимавшія участіе въ конкурсѣ, работали безплатно. Такъ какъ я ѣхалъ къ мормонамъ, въ Salt-Lake City, то мнѣ пришлось на пути отдѣлиться отъ моихъ новыхъ знакомыхъ. На прощаніе, они пропѣли нѣсколько пѣсенъ, и я разстался съ ними, унося самое пріятное воспоминаніе о нихъ, и до сихъ поръ ихъ веселыя головки въ фескахъ, которыя имъ купили шутки ради на выставкѣ, остались у меня въ памяти. Позднѣе я читалъ въ газетахъ, что въ Санъ-Франциско имъ устроили сочувственную встрѣчу и городской голова привѣтствовалъ ихъ приличной случаю рѣчью.

Евграфъ Ковалевскій.

Распространеніе грамотности въ Германіи.

За 1892—1893 годъ въ германскую армію было принято 113.118 человѣкъ, изъ нихъ неграмотныхъ было всего 680 человѣкъ, что составляетъ незначительный процентъ въ 0,6. Въ 1875 году этотъ процентъ составлялъ еще 3,7. Слѣдующая таблица показываетъ состояніе грамотности въ различныхъ странахъ Германіи.

	Принято съ школьнымъ образованіемъ.	Безъ школьнаго образованія.	Всего.	% неграмотн.
Восточная Пруссія	8.731	87	8.818	0,99
Западная Пруссія	6.409	269	6.678	4,03
Бранденбургъ	12.697	19	12.716	0,15
Померанія	6.638	15	6.653	0,22
Познань	8.381	146	8.527	1,71
Силезія	17.472	103	17.575	0,59
Саксонія	9.502	7	9.509	0,07
Шлезвигъ-Голштинія	4.008	4	4.012	0,10

	Принято съ школьнымъ образованіемъ.	Безъ школьнаго образованія.	Всего.	% неграмотн.
Ганноверъ	7.885	3	7.888	0,64
Вестфалія............	7.913	6	7.919	0,08
Гессенъ-Нассау	5.719	8	5.727	0,14
Рейнскія провинціи ...	16.863	13	16.876	0,08
Гогенцоллернъ	220	—	220	0,00
	112.438	680	113.118	0,60

(Centralblatt für die gesammte Unterrichts-Verwaltung in Preussen. 1893. September). **А. О.**

Библіотека въ Токіо.

Въ дополненіе къ замѣткѣ о состояніи высшаго образованія въ Японіи, помѣщенной въ прошломъ нумерѣ, считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя весьма интересныя данныя о библіотекѣ въ г. Токіо.

Отчетъ за 1891 годъ Токіосской библіотеки свидѣтельствуетъ о прекрасномъ ея состояніи. Въ библіотекѣ 126.687 томовъ (на 3.578 больше противъ прошлогодняго), въ томъ числѣ 100.345 т. японскихъ и китайскихъ сочиненій и 26.342 европейскихъ. Библіотека была открыта въ теченіи 335 дней, ее посѣтило 59.717 лицъ, которымъ было выдано 388.350 книгъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ въ 1 день читало 178,2 читателя 1.159,2 книги. Всего больше посѣщеній приходится на май мѣсяцъ—39.277 (въ томъ числѣ 8.405 т. по литературѣ и лингвистикѣ и 7.732 т. по исторіи, біографіи и географіи), всего меньше—на январь—20.273 тома. Сравнительно съ прошлымъ (1890) годомъ число посѣщеній увеличилось на 23.604, число выданныхъ книгъ на 141.022. Цыфра громадная, это значитъ почти въ $1^1/_2$ раза! Больше всего спрашивались книги по филологіи (22,2%), по исторіи и географіи (21,7%), меньше всего по богословію (1,8%), по философіи было взято лишь 4,9% всего количества требовавшихся книгъ. Въ библіотекѣ еще имѣются до 100.000 дублетныхъ экземпляровъ, но они въ вышеназванное число не вошли. Библіотека открыта ежедневно, за исключеніемъ 1-го числа каждаго мѣсяца, смотря по времени года, отъ 8 или 9 часовъ утра до 4 или $6^1/_2$ ч. вечера. Книги выдаются также на домъ, по внесеніи платы въ 5 іеновъ за годъ (приблизительно, 10 рублей на наши деньги). Книги разрѣшается держать у себя лишь въ теченіи 10 дней.

Библіотеки въ Японіи содержатся на счетъ государства и общинъ, которыя съ недавняго времени несутъ особый библіотечный налогъ. (Centralblatt für Bibliothekswesen. 1893. № 3). **А. О—скій.**

Хроника народнаго образованія.

Намъ не часто приходится останавливаться на положеніи начальнаго образованія въ городахъ. Причина тому, что очень немногія городскія управленія

считаютъ нужнымъ печатать отчеты о состоянiи содержимыхъ ими народно-образовательныхъ учрежденiй. Большинство городскихъ управленiй такихъ отчетовъ и совсѣмъ не составляетъ, довольствуясь одною денежною отчетностью. Наконецъ, и тѣ городскiя управленiя, которыя составляютъ и печатаютъ отчеты, содержащiе свѣдѣнiя о положенiи мѣстнаго народнаго образованiя,— держатъ эти отчеты подъ спудомъ, не принимая никакихъ мѣръ для ознакомленiя съ ними общества, не посылая отчетовъ даже въ редакцiи перiодическихъ изданiй. Въ результатѣ хроникеру народнаго образованiя приходится довольствоваться сообщенiемъ данныхъ о положенiи народнаго образованiя лишь въ нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ городахъ, управленiя которыхъ понимаютъ значенiе народно-образовательной статистики и необходимость возможно большей гласности въ данномъ дѣлѣ.

На этотъ разъ мы сообщимъ свѣдѣнiя о положенiи народнаго образованiя въ трехъ большихъ городахъ за послѣднiй учебный годъ. Какъ видно изъ отчета училищной коммиссiи, состоящей при петербургскомъ городскомъ управленiи, за 1892—1893 учебный годъ, число школъ, содержимыхъ этимъ управленiемъ, за послѣднiе четыре года увеличилось съ 250 до 291, число учащихся съ 12.334 до 14.403 и городской расходъ на начальное образованiе съ 507 до 586½ тыс. рублей. Кромѣ ежедневныхъ школъ, городъ содержитъ еще воскресныя, число которыхъ за 4 года возрасло съ 8 до 12; учительскiй персоналъ этихъ школъ возросъ съ 24 до 36 лицъ, а число учащихся—съ 373 до 612. Профессiональное образованiе ранѣе давалось городомъ 142 лицамъ въ собственныхъ учебныхъ мастерскихъ; теперь послѣднiя закрыты и городъ содержитъ 300 стипендiатовъ въ частныхъ профессiональныхъ школахъ. Для предоставленiя возможности окончившимъ курсъ начальныхъ школъ продолжать свое образованiе городъ начинаетъ устраивать стипендiи въ разныхъ учебныхъ заведенiяхъ. Такъ, въ 1892 году ассигновано 2.500 р. на 50 стипендiй въ городскомъ училищѣ при Петербургскомъ учительскомъ институтѣ и такая же сумма назначена на 60 стипендiй въ первомъ частномъ женскомъ 4-хъклассномъ училищѣ г-жи Богдановой-Муравьевой. Въ интересахъ просвѣщенiя взрослаго населенiя городъ содержитъ двѣ безплатныя читальни имени Пушкина; теперь проектируются двѣ новыя читальни—Гоголя и Лермонтова. На 1893 годъ петербургская городская дума ассигновала на народное образованiе 642.340 рублей, изъ которыхъ 580 тыс. назначено на содержанiе начальныхъ школъ. Число послѣднихъ въ сентябрѣ должно возрасти до 300. Какъ ни внушительны всѣ эти цыфры и какъ ни почтенна дѣятельность петербургскаго городского управленiя въ области народнаго образованiя, какъ ни быстро возрастаютъ образовательныя средства г. Петербурга,—дѣла предстоитъ и здѣсь еще очень много. Въ самомъ дѣлѣ, при 900.000 человѣкъ населенiя, Петербургъ долженъ имѣть до 90.000 дѣтей школьнаго возраста. Если допустить, что даже половина этого числа находитъ образованiе въ частныхъ школахъ и въ низшихъ классахъ среднихъ и спецiальныхъ учебныхъ заведенiй, изъ остальной половины въ школахъ городского управленiя находитъ пристанище лишь ⅓, а ⅔, т.-е. тысячъ 30 дѣтей, остаются безъ всякаго образованiя. Тѣмъ не менѣе дѣятельность петербургскаго городского управленiя въ области народнаго образованiя дала уже весьма ощутительные результаты. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ мужскомъ населенiи Петербурга въ возрастѣ отъ 7 до 70 лѣтъ грамотныхъ было 26%,

неграмотныхъ 74; по послѣдней-же переписи 15 декабря 1890 г. оказалось грамотныхъ уже 74%, а неграмотныхъ—26%, т.-е. какъ разъ обратное отношеніе.

Дѣятельность саратовскаго городского управленія въ области народнаго образованія также заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ. въ 1869 году, наканунѣ введенія Городового Положенія 1870 г., въ Саратовѣ было всего 6 городскихъ школъ съ 6 учителями, 800 учащимися и 1.500 р. бюджета. Съ введеніемъ Городового Положенія картина начинаетъ быстро измѣняться. Уже въ 1874 г. было 10 городскихъ нач. училищъ, а въ 1892 году число ихъ достигло 18. Число учащихся возрасло къ настоящему времени вчетверо (болѣе 3 тыс. человѣкъ), число учащихъ увеличилось въ 12 разъ, школьный бюджетъ въ 30 разъ (теперь тратится на школы болѣ 49 т. р.). Само собою, однако, разумѣется, что и всѣхъ этихъ образовательныхъ средствъ слишкомъ недостаточно, сравнительно съ потребностью въ нихъ (въ городскихъ школахъ не учится и $^1/_3$ дѣтей школьнаго возраста), и саратовскому городскому управленію предстоитъ еще много работы въ данномъ направленіи.

Данныя по Казани не идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое производятъ только-что приведенныя данныя по Петербургу и Саратову. Именно, до половины нынѣшняго столѣтія въ Казани было только три начальныхъ училища; затѣмъ съ 1850 по 1870 годъ, до введенія Городового Положенія, было открыто еще 4 школы, а послѣ 1870 г.—уже 17 школъ. Въ 1850 г. городъ отпускалъ на начальныя училища 714 р., а въ 1892 г.—43.433 р. Въ настоящее время городъ содержитъ 23 училища для русскаго населенія и 2 для магометанъ; кромѣ того, городъ субсидируетъ два русскихъ класса при медрессе (магометанскія школы). Число учащихся въ школахъ для русскаго населенія составляло 2.565 челов. въ 1892—1893 учебномъ году. За послѣднія 10 лѣтъ число учащихся мальчиковъ возрасло на 39%, дѣвочекъ—на 68% и окончившихъ курсъ на 88%. Кромѣ городскихъ школъ, въ Казани дѣйствуютъ еще 10 церковно-приходскихъ школъ. Учащихся въ нихъ за послѣдній отчетный годъ было 548. Такимъ образомъ, въ то время, какъ на среднюю городскую школу приходилось 112 учащихся (въ школахъ по два учащихъ, не считая законоучителей), на среднюю церковно-приходскую приходилось всего 54 учащихся, т.-е. менѣе въ два раза слишкомъ. Окончившихъ курсъ приходится на городскую нач. школу 18, а на церковно-приходскую 7.

Намъ уже не разъ приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что въ нашихъ уѣздахъ народно-образовательныя средства не ниже, а нерѣдко даже выше, нежели въ городахъ, благодаря почтенной дѣятельности нашихъ земствъ въ области народнаго образованія. Это соотношеніе между городомъ и уѣздомъ бросается въ глаза и при сопоставленіи приведенныхъ выше данныхъ по тремъ крупнымъ городамъ съ помѣщаемыми ниже данными по нѣсколькимъ уѣздамъ, взятымъ изъ разныхъ полосъ Россіи. Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, въ послѣднемъ учебномъ году было земскихъ школъ 69, церковно-приходскихъ 119, другихъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ, 98 и 1 училище вѣдомства Императрицы Маріи—всего 287 училищъ съ 14.572 учащимися. Сравнительно съ предъидущимъ годомъ число училищъ возрасло на 3,2%, число учащихся на 10,5%. Въ настоящее время изъ мальчиковъ школьнаго возраста учится въ школахъ $^2/_3$; за-то дѣвочекъ школьнаго возраста учится всего $^1/_5$. Вообще-же еще около 18 тыс.

дѣтей, т.-е. значительно больше числа учащихся въ школахъ, не имѣютъ возможности посѣщать школы. Какъ это ни печально, тѣмъ не менѣе Елисаветградскій уѣздъ по своимъ народно-образовательнымъ средствамъ не уступаетъ Петербургу.

Другой уѣздъ—изъ болѣе глухой мѣстности—Пермскій—имѣетъ 67 земскихъ училищъ, 15 церковно-приходскихъ школъ, 27 школъ грамоты и 10 школъ иныхъ наименованій, а всего 119 училищъ. Учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ до 8 тыс. (изъ нихъ въ земскихъ до 6 тыс.), тогда какъ дѣтей школьнаго возраста въ уѣздѣ до 23 тыс., т.-е. учится всего $^{1}/_{3}$, а $^{2}/_{3}$ остаются внѣ школьнаго образованія.

Въ Малмыжскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, въ 1867 году, при открытіи земскихъ учрежденій, было 11 училищъ съ 319 учениками и 39 ученицами. Изъ этихъ 11 училищъ 10 были открыты вятскою палатою государственныхъ имуществъ и одно самими крестьянами. Въ 1868 году малмыжское земское собраніе постановило принять въ свое завѣдываніе всѣ 11 школъ и кромѣ того открыть два новыхъ училища. Съ этихъ поръ число земскихъ школъ все возрастало и въ послѣднемъ учебномъ году ихъ было 26 съ 2.098 учащимися. Какъ ничтожны эти цыфры сравнительно съ потребностью въ школахъ, наглядно видно изъ того, что число дѣтей школьнаго возраста въ Малмыжскомъ уѣздѣ (считая это число въ 10% всего населенія)—до 23 тыс., и такимъ образомъ благоустроенную земскую школу посѣщаетъ менѣе $^{1}/_{10}$ части дѣтей. При такихъ условіяхъ особое значеніе получаютъ тѣ школки грамотности, которыя созданы самою народною жизнью и которыя дѣйствительно особенно многочисленны тамъ, гдѣ благоустроенныхъ школъ слишкомъ мало. Особый интересъ, вызываемый этимъ типомъ народно-образовательныхъ учрежденій, заставляетъ насъ привести описаніе школъ грамоты Пермской губерніи, даваемое мѣстными «Губернскими Вѣдомостями». Такихъ школокъ на Уралѣ многія сотни. «Стоимость содержанія одной школы грамоты въ годъ можно опредѣлить въ 50 р.—цыфра въ высшей степени небольшая для удовлетворенія потребностей школы. Неудивительно поэтому, что школѣ приходится испытывать массу затрудненій, возникающихъ вслѣдствіе недостаточности средствъ, которыми она располагаетъ. Въ большинствѣ случаевъ школы помѣщаются въ крестьянскихъ избахъ, совершенно неприноровленныхъ для школьныхъ занятій, и бываютъ обыкновенно переполнены учащимися, такъ что о какихъ-либо гигіеническихъ условіяхъ въ такой школѣ и говорить нечего. Замѣчательно, однако, что ни одинъ изъ учителей не сѣтуетъ на подобныя помѣщенія; отъ тѣхъ-же учителей, которымъ приходится заниматься въ школахъ, имѣющихъ сравнительно удобныя, церковныя и общественныя помѣщенія, слышатся восторженные отзывы объ удобствахъ. «Школа чистая, хорошая и теплая, окна большія, крашеныя»—пишетъ одинъ изъ учителей. Это обстоятельство ясно говоритъ, какъ незначительны потребности школы грамоты. Если отъ учителей и слышатся просьбы объ учебныхъ пособіяхъ, о книгахъ для преподаванія и внѣкласснаго чтенія, объ учебникахъ, перьяхъ, карандашахъ и т. п., то только потому, что безъ всего этого ровно нѣтъ никакой возможности заниматься. Одинъ изъ учителей пишетъ: «при школѣ чувствуется недостатокъ въ слѣдующемъ: въ часахъ, лампахъ, доскахъ, грифеляхъ, картинахъ, азбукахъ, книгахъ для первоначальнаго чтенія, руководствахъ по всѣмъ предметамъ преподаванія», т.-е. положительно во всемъ, что

существенно необходимо для школы. Другой учитель передаетъ, что въ его школѣ одна книга для первоначальнаго чтенія приходится на трехъ учениковъ и что нѣтъ стола и стула для учителя. Третій перечисляетъ всѣ книги, какія у него есть въ школѣ, и оказывается, что для занятій съ 43 учениками онъ имѣетъ 29 книгъ (28 азбукъ двухъ составителей и одинъ молитвенникъ). Въ такихъ-же выраженіяхъ передаютъ нужды своихъ школъ и другіе учителя. Послѣ всего этого остается только удивляться тому, что могла сдѣлать мѣстная школа грамоты при такихъ условіяхъ. Довольно обыкновенное здѣсь явленіе, что учившіеся въ школахъ грамоты держатъ экзаменъ на права 3-го разряда по воинской повинности. Ежегодно изъ школъ грамоты выходитъ довольно значительный контингентъ умѣющихъ читать, писать и считать, съ каждымъ годомъ увеличивающійся все болѣе и болѣе. Точно также и въ нынѣшнемъ году всѣ учителя ожидаютъ наплыва учащихся, всѣ пишутъ, что общее количество учащихся въ школѣ увеличится сравнительно съ прошлыми годами».

Послѣднее явленіе, т.-е. увеличеніе желающихъ поступить въ школы, отмѣчается повсюду. Точно также повсюду крестьяне обращаются въ земскія собранія съ ходатайствами объ открытіи новыхъ школъ. Въ послѣдніе годы къ этимъ ходатайствамъ стали присоединяться еще ходатайства объ открытіи народныхъ библіотекъ и народныхъ чтеній. Это уже вліяніе народной школы. Школа не только дала народу грамотность, но и научила его понимать, что грамотность—только простое орудіе и что для пользованія этимъ орудіемъ необходима книга, необходимы дальнѣйшія средства образованія. Это—одно изъ добрыхъ послѣдствій добраго вліянія школы на народную массу, и факты этого рода являются лучшимъ опроверженіемъ утвержденія тѣхъ господъ, которые въ наше время начинаютъ доказывать полную безрезультатность дѣятельности современной народной школы. Въ послѣднемъ отношеніи особенно характернымъ является проектъ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, которые предлагаютъ совсѣмъ уничтожить существующій нынѣ типъ народной школы, для чего большая часть существующихъ школъ, какъ яко-бы не дающихъ народу ничего, должна быть совсѣмъ закрыта, а остающаяся меньшая часть—преобразована въ ремесленныя училища. Конечно, нѣтъ надобности опровергать этотъ фантастическій проектъ; но по поводу утвержденія о томъ, что современная школа не даетъ ничего народу, не лишне привести небольшой отрывокъ изъ замѣтокъ одного сельскаго хозяина, касающійся именно даннаго вопроса. Въ Саратовской губерніи въ прошломъ году залегла саранча; весною нынѣшняго года были приняты мѣры для уничтоженія яичекъ саранчи. Для болѣе успѣшнаго веденія дѣла, одинъ земскій начальникъ собиралъ представителей сельскихъ обществъ, знакомилъ ихъ по Линдеману съ образомъ жизни саранчи и предлагалъ собравшимся устанавливать порядокъ работъ по истребленію яичекъ саранчи. На одномъ такомъ собраніи присутствовалъ и авторъ сообщенія, отрывокъ изъ котораго приводится ниже. Его поразила разница въ отношеніяхъ къ вопросу со стороны старшаго поколѣнія крестьянства, не бывшаго подъ воздѣйствіемъ школы, и младшаго, прошедшаго школу. Первые являлись принципіальными противниками какихъ-либо мѣръ противъ саранчи и даже проводили ту мысль, что противъ «Божьей кары» грѣхъ бороться; тогда какъ вторые внимательно выслушивали рекомендуемое для борьбы съ саранчей, указывали сами тѣ или

иныя средства и вообще стояли за необходимость борьбы. «Здѣсь,—говоритъ авторъ,—сказалась весьма наглядно разница воззрѣній въ представителяхъ крестьянства, сообразно ихъ возрасту: люди пожившіе вносили въ обсужденіе вопроса о борьбѣ съ саранчей извѣстныя фантастическія соображенія; тогда какъ личности помоложе склонны были отнестись къ явленію съ болѣе спокойной, разсудочной точки зрѣнія. Выйдя изъ помѣщенія, гдѣ состоялось собраніе, я невольно обратилъ вниманіе па оживленную группу крестьянъ, въ средѣ коей еще продолжалось обсужденіе вопроса о борьбѣ, причемъ, къ удивленію своему, услышалъ, что принципіальный противникъ борьбы съ саранчей ухитрился эксплоатировать въ доказательство своихъ положеній и услышанное имъ на собраніи сообщеніе о личинкахъ милабрисовъ. «Видишь,—горячо говорилъ онъ, обращаясь къ молодому мужику,—послалъ Господь саранчу, чтобъ образумить насъ, заблудшихъ, послалъ и червя, который можетъ насъ избавить; намъ-ли, грѣшнымъ, вступаться въ Его премудрыя дѣла?»—«Такъ-то оно такъ,—спокойно возражалъ ему молодой,—но вѣдь Господь возложилъ и обязанность владѣть землею и всѣми ея произведеніями, и какъ-бы намъ чего не было, если мы будемъ нерадиво выполнять повелѣнія Божіи». Старшій собесѣдникъ, видимо, не ожидалъ такого возраженія и, отходя, укоризненно провозгласилъ: «развѣ съ вами, нынѣшней молодежью, сговоришь!» А сговорить, какъ видитъ читатель, съ нынѣшней крестьянской молодежью представляется уже много возможностей». («Саратов. Лист.», 1893 года № 104. Ст. *Агринскаго*)...

Уже одинъ тотъ результатъ школьнаго вліянія, который отмѣченъ въ только-что приведенномъ отрывкѣ, представляетъ собою такое громадное пріобрѣтеніе, въ виду котораго только недобросовѣстные люди, не желающіе видѣть того, что очевидно всѣмъ, могутъ утверждать, будто современная школа не даетъ ничего народу. Болѣе сознательное, разумное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ природы и человѣческой жизни—таковъ, по истинѣ, безцѣнный результатъ вліянія школы на народную массу, и передъ огромностью этого результата стушевываются всѣ печальныя явленія, на которыя любятъ ссылаться противники народнаго образованія, въ родѣ случаевъ рецидивизма безграмотности. И этотъ результатъ сдѣлается еще цѣннѣе, еще огромнѣе, когда на помощь школѣ придетъ повсемѣстно народная библіотека, когда эти два орудія просвѣщенія народныхъ массъ будутъ дѣйствовать совмѣстно. На Западѣ школа давно уже имѣетъ союзницею народную библіотеку и тамъ это дѣло достигло громадныхъ размѣровъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи Англія и Соединенные Штаты. Въ Англіи еще въ 1849 году изданъ законъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ городамъ вводить особый налогъ для устройства народныхъ библіотекъ. Первая народная библіотека открыта въ Манчестерѣ въ 1852 году. Черезъ 30 лѣтъ въ Великобританіи насчитывалось уже 100 народныхъ библіотекъ, а къ 1890 году—225. Въ 1890 году уже 40 англійскихъ городовъ имѣли такія народныя библіотеки, которыя могли выдавать по 100 тыс. книгъ въ годъ каждая. Въ народныхъ библіотекахъ тридцати большихъ англійскихъ городовъ выдается до десяти милліоновъ книгъ въ годъ. Въ Америкѣ первая народная библіотека открыта въ половинѣ 50-хъ годовъ; въ настоящее время это крупнѣйшее учрежденіе этого рода въ мірѣ. Открыта бостонская библіотека по частной иниціативѣ, на пожертвованія нѣсколькихъ лицъ; теперь она имѣетъ 560 тыс. томовъ. За Бостономъ слѣдуютъ другіе

города и въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ 270 городовъ имѣютъ народныя библіотеки. Изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ движеніе по устройству народныхъ библіотекъ перешло въ другія страны. Народная библіотека теперь—обычное явленіе во всѣхъ европейскихъ странахъ, причемъ крупнѣйшія учрежденія этого рода находятся въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Ганноверѣ, Мюнхенѣ. Франкфуртѣ и Дрезденѣ. Для насъ особый интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Франція, гдѣ получили самое широкое распространеніе сельскія («коммунальныя») библіотеки. Изъ внѣевропейскихъ странъ народныя библіотеки, помимо Соединенныхъ Штатовъ, особенно многочисленны въ Австраліи, Новой Зеландіи, Южной Африкѣ и Китаѣ. Народныя библіотеки во многихъ мѣстностяхъ представляютъ собою чрезвычайно крупныя учрежденія. Въ настоящее время изъ десяти обширнѣйшихъ въ мірѣ библіотекъ, съ самыми большими бюджетами, семь — народныя библіотеки. Именно, эти десять библіотекъ распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ по размѣрамъ бюджета: британскій музей, *бостонская народная библіотека*, Французская національная библіотека, *народныя библіотеки Лондона, народная библіотека Чикаго*, берлинская королевская библіотека и *народныя библіотеки Сиднея, Манчестера, Ливерпуля и Парижа*.

Мы имѣемъ у себя Императорскую Публичную Библіотеку въ Петербургѣ, стоящую на ряду съ первыми книгохранилищами въ мірѣ. Но дѣло собственно народныхъ библіотекъ у насъ еще въ зародышѣ. Однако, и насъ не миновало это движеніе, и у насъ народныя библіотеки начинаютъ постепенно возникать. На страницахъ «Русской Школы» мы постоянно отмѣчали всѣ возникающія у насъ народныя библіотеки. Здѣсь присоединимъ къ списку предшествовавшихъ фактовъ этого рода еще слѣдующій. Уфимское губ. земское собраніе постановило основать рядъ библіотекъ въ селахъ Уфимской губ., и въ настоящее время это постановленіе приводится въ исполненіе. Губернскою земскою управою уже получены книги для библіотекъ и въ скоромъ времени будутъ разосланы по мѣстамъ назначенія. Всего будетъ открыто 129 библіотекъ, изъ нихъ 6 назначаются для учителей и будутъ устроены при уѣздныхъ управахъ, а остальныя 123—народныя. Изъ послѣднихъ—53 общаго и сельско-хозяйственнаго содержанія и 70—только общаго. Библіотеки устраиваются при народныхъ училищахъ и будутъ находиться въ завѣдываніи учителей.

Какъ велика у насъ потребность въ учрежденіяхъ подобнаго рода и какъ въ сущности не трудно устроить народную безплатную библіотеку, это наглядно показываетъ примѣръ любого изъ немногихъ пока учрежденій этого рода, уже возникшихъ у насъ. Въ одной изъ предъидущихъ хроникъ мы уже сообщали о попыткѣ устроить народную безплатную библіотеку въ Мензелинскѣ, Уфимской губерніи. Попытка эта начата усиліями одного лица, безъ всякихъ средствъ, при наличности недоброжелательства со стороны тѣхъ, отъ кого естественнѣе всего можно было ожидать помощи и поддержки благому начинанію. И что-же? Не успѣла библіотека открыться, а въ нее уже поступило пожертвованій до 360 р. и до 2.000 экземпляровъ книгъ. Что-же касается читателей, то таковыхъ уже немедленно по открытіи состояло до 300 человѣкъ.

Рядомъ съ устройствомъ народныхъ библіотекъ должно быть поставлено устройство книжныхъ складовъ, имѣющихъ цѣлью распространять въ народѣ хорошія книжки. Число такихъ складовъ съ каждымъ годомъ все увеличи-

вается и дѣятельность ихъ все расширяется. Нашимъ читателямъ извѣстно, какую обширную дѣятельность развили книжные склады одесской и астраханской коммиссіи народныхъ чтеній и общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Точно также намъ приходилось говорить о дѣятельности въ данномъ направленіи книжныхъ складовъ, существующихъ при губернскихъ земскихъ управахъ—Тверской, Харьковской и Саратовской. Кромѣ указанныхъ книжныхъ складовъ, въ послѣдніе годы возникли такіе-же склады при нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ, дѣйствующіе также весьма успѣшно. Для примѣра можно указать на книжный складъ тихвинскаго земства (Новгородской губ.); открытый съ іюля 1891 г., онъ успѣлъ продать по мартъ 1893 года уже болѣе 10.000 экземпляровъ книгъ. Къ сожалѣнію, дѣло устройства книжныхъ складовъ до сихъ поръ тормазится, благодаря непониманію значенія этого дѣла со стороны тѣхъ, кому естественнѣе всего было-бы принять это дѣло на себя. Въ этомъ отношеніи интересны свѣдѣнія о попыткѣ смоленскаго губернскаго земства завести книжные склады въ своей губерніи. Еще два года назадъ, губернское земское собраніе ассигновало 2.400 руб., по 200 руб. на уѣздъ, въ распоряженіе уѣздныхъ управъ для устройства складовъ для продажи книгъ и учебныхъ пособій. И вотъ какіе результаты получились къ нынѣшнему году: Порѣчская управа уже организовала продажу книгъ; Рославльская и Бѣльская приступили къ организаціи дѣла; Вяземская рѣшила не открывать книжныхъ складовъ «въ виду отсутствія въ нихъ потребности (?!) въ настоящее время»; по мнѣнію Гжатской управы, «въ настоящее время нѣтъ нужды въ устройствѣ книжнаго склада, такъ какъ въ городѣ Гжатскѣ устраивается складъ учебныхъ пособій для продажи ихъ отдѣленіемъ братства Авраамія»; остальныя управы ведутъ еще переписку по данному вопросу съ училищными совѣтами. Такимъ образомъ, изъ 12 уѣздныхъ управъ открытымъ кредитомъ для устройства книжныхъ складовъ воспользовались только *три*. Любопытно также, что, на сколько извѣстно, ни одного книжнаго склада не устроено чинами дирекцій народныхъ училищъ; между тѣмъ какъ Высочайше утвержденная инструкція для инспекторовъ народныхъ училищъ возлагаетъ на этихъ лицъ попеченіе о томъ, чтобы при каждомъ народномъ училищѣ находились, кромѣ ученической и учительской библіотекъ, и книжные склады. На это послѣднее обстоятельство было сдѣлано недавно указаніе московскимъ инспекторомъ народныхъ училищъ г. Вахтеровымъ въ Московскомъ комитетѣ грамотности, и очень можетъ быть, что это указаніе обратитъ вниманіе гг. инспекторовъ народныхъ училищъ на эту въ высшей степени важную, но доселѣ остававшуюся въ пренебреженіи отрасль ихъ дѣятельности...

Я. Абрамовъ.

Начальныя народныя училища С.-Петербургскаго учебнаго округа въ 1892 году.

Изъ отчета о начальныхъ народныхъ училищахъ этого округа, помѣщеннаго въ № 6 циркуляра, видно, что въ 1892 году въ округѣ состояло таковыхъ всего 1.919 училищъ, въ томъ числѣ непосредственно подвѣдомствен-

ныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія 302 и состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ 1.617. Изъ упомянутаго выше общаго числа училищъ находилось въ городахъ 437 и въ селахъ 1.482. При начальныхъ народныхъ училищахъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, состояло 107 ремесленныхъ классовъ, въ коихъ преподавались ремесла: столярно-токарное, портняжное, переплетное, кузнечное, бондарное, малярное и сапожное. Въ числѣ 302 училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія было: двухклассныхъ: городскихъ 23 и сельскихъ 66 и одноклассныхъ: городскихъ 20 и сельскихъ 193. Въ числѣ 1.617 училищъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, было: городскихъ 394 и сельскихъ 1.223.

Лицъ, преподающихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ округа въ 1892 г., всего 4.014, изъ нихъ законоучителей 1.600, учителей 1.302 и учительницъ 1.112. По степени подготовки къ педагогической профессіи и по отношенію къ полученному образованію, учителя и учительницы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было: учителей 12 и учительницъ 78; 2) кончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и вообще получившихъ спеціальную подготовку и образованіе: учителей 1.128 и учительницъ 597; 3) кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: учителей 103 и учительницъ 325; 4) получившихъ учительское званіе по испытанію: 57 учителей и 110 учительницъ, и 5) не имѣвшихъ права на преподаваніе: 2 учителя и 2 учительницы.

По размѣру получаемаго содержанія, преподающіе въ начальныхъ народныхъ училищахъ раздѣлялись на 5 категорій, а именно: 1) менѣе 50 руб. получали: 601 лицо, въ томъ числѣ 596 законоучителей, 2 учителя и 3 учительницы; 2) отъ 50 до 100 руб. — 572 лица, изъ нихъ 517 законоучителей, 27 учителей и 28 учительницъ; 3) отъ 100 до 150 руб.—355 лицъ (227 законоучителей, 43 учителя и 85 учительницъ); 4) отъ 150 до 200 руб.—318 лицъ, въ томъ числѣ: 94 законоучителя, 81 учитель и 143 учительницы, и 5) отъ 200 до 300 руб. и болѣе получали 2.000 лицъ, изъ нихъ: 99 законоучителей, 1.115 учителей и 786 учительницъ. Затѣмъ 67 законоучителей, 33 учителя и 68 учительницъ обучали безплатно.

Учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ округа въ 1892 г. было всего 103.179 обоего пола, въ томъ числѣ мальчиковъ 75.094 и дѣвочекъ 28.085. Число учащихся мальчиковъ составляло 72,7% всѣхъ учащихся, а дѣвочекъ 27,3%. На каждое училище округа приходилось въ 1892 г. по 53 учащихся обоего пола. На каждое училище изъ числа непосредственно подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія приходилось по 71 учащемуся, а на каждое училище изъ числа состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ по 50.

Въ 1892 г. въ начальныя народныя училища округа поступило учащихся 38.496, въ томъ числѣ: мальчиковъ 27.661 и дѣвочекъ 10.835. Выбыло изъ училищъ до окончанія курса 21.692, изъ нихъ: мальчиковъ 15.557 и дѣвочекъ 6.135. Окончило курсъ 13.385, въ томъ числѣ: 10.330 мальчиковъ и 3.055 дѣвочекъ. Изъ числа окончившихъ курсъ мальчиковъ получили льготу по воинской повинности: 3-го разряда 408 и 4-го разряда 9.326.

Суммъ на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ округа поступило въ 1892 году всего 1.548.624 руб. 19 коп. По источникамъ, изъ коихъ

поступили эти суммы, процентное отношеніе ихъ выражается въ слѣдующихъ данныхъ: суммы, отпущенныя изъ государственнаго казначейства, составляютъ 8.3°/o, земствами 35,7°/o, городскими обществами 41,1°/o, сельскими обществами 6,4°/o, суммы постоянныхъ пожертвованій составляютъ 4,7°/o, плата за ученіе 1,8°/o и изъ другихъ источниковъ 2,0°/o.

Книгъ и учебныхъ пособій въ 1892 г. пріобрѣтено для всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ округа на сумму 72.716 руб. 98 коп., при чемъ на каждое училище приходилось среднимъ числомъ книгъ и учебныхъ пособій на сумму 37 руб. 89 коп. Въ частности приходилось на каждое училище изъ числа подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія: на двуклассное городское—на сумму 70 руб. 68 коп., сельское двуклассное — 80 руб. 75 коп., одноклассное городское—40 руб. 91 коп. и одноклассное сельское — 38 руб. 9 коп. На каждое училище изъ числа состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ: на городское—43 руб. 48 коп. и сельское— 33 руб. 8 коп.

Изъ числа (1.919) начальныхъ народныхъ училищъ округа имѣли собственныя помѣщенія 900 и наемныя — 1.019. Изъ числа министерскихъ училищъ собственныя помѣщенія имѣли 227 изъ 302, или 75,1°/o всѣхъ таковыхъ училищъ округа. Изъ числа училищъ, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, имѣли собственныя помѣщенія 673 изъ 1.617, или 41,6°/o. Всего же процентъ училищъ, имѣвшихъ въ 1892 году собственныя помѣщенія, составляетъ 46,9°/o.

Организація занятій въ 8-мъ дополнительномъ педагогическомъ классѣ Кронштадтской Александринской женской гимназіи *).

На первый взглядъ, количество времени, опредѣленнаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для подготовленія учениц женскихъ гимназій Министерства къ исполненію такой трудной обязанности, какова дѣятельность наставницы, можетъ показаться недостаточнымъ, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что изъ группы спеціальныхъ необязательныхъ предметовъ педагогичка 8-го класса министерскихъ гимназій можетъ выбрать только *одинъ*, изучивъ который она и получаетъ званіе наставницы или учительницы только по одному этому предмету. Если-же окончившая 7-ми-лѣтній курсъ дѣвица пожелаетъ быть учительницей по нѣсколькимъ предметамъ, то она обязана пробыть въ 8-мъ дополнительномъ классѣ столько лѣтъ, сколько учебныхъ предметовъ избрала-бы своею спеціальностью.

Относительно *постановки дѣла* въ «педагогическомъ классѣ» вообще должно сказать,—если судить по всѣмъ тѣмъ статьямъ, которыя появлялись объ этомъ за послѣднее время довольно часто въ печати,—что она въ различ-

*) Организація занятій въ 8-мъ классѣ Кронштадтской Александринской женской гимназіи, въ нынѣшнемъ году отпраздновавшей 25-лѣтіе своего существованія, нѣсколько отличается отъ организаціи такого-же рода занятій въ другихъ гимназіяхъ, а потому и настоящая замѣтка можетъ представлять интересъ для лицъ, преподающихъ въ дополнительномъ классѣ женскихъ гимназій. *Ред.*

ныхъ гимназіяхъ неодинакова. Съ этой точки зрѣнія, а равно и по отношенію къ распредѣленію времени и матеріалу, избираемому въ этомъ классѣ для преподаванія дѣвицамъ, готовящимся къ поприщу учительницы, небезъинтересенъ, можетъ быть, очеркъ организаціи занятій въ 8-мъ дополнительномъ педагогическомъ классѣ Кронштадтской Александринской женской гимназіи *).

Открытая 30 августа 1868 года и нося имя Августѣйшей покровительницы своей Е. И. В. Великой Княгини Александры Іосифовны, гимназія эта уже окончила нынѣ 25-й годъ своего существованія. Не отличаясь отъ другихъ учебныхъ заведеній того-же типа и вѣдомства почти ничѣмъ по ходу дѣла въ 7-ми классахъ, Кронштадтская женская гимназія разнится отъ нихъ по постановкѣ занятій въ 8-мъ педагогическомъ классѣ.

Начать съ того, что «дополнительный классъ» названной гимназіи въ сущности не дополняетъ ея курса въ смыслѣ увеличенія общеобразовательныхъ знаній, но представляетъ собою какъ-бы *самостоятельное спеціальное учрежденіе*, стремящееся, главнымъ образомъ, къ профессіональной цѣли, причемъ лишь косвеннымъ образомъ достигается цѣль и общеобразовательная. Срокъ, въ который эта гимназія приготовляетъ своихъ воспитанницъ къ избранной спеціальности, простирается не годъ, какъ практикуется, кажется, во всѣхъ министерскихъ гимназіяхъ, а *полтора года*. Вслѣдствіе этого желающія получить званіе домашней наставницы или учительницы, напр., по двумъ предметамъ должны пробыть въ 8-мъ классѣ уже 3 года, по тремъ предметамъ—$4^1/_2$ года и т. д. Однимъ словомъ, на изученіе каждаго спеціальнаго предмета всегда затрачивается 3 полугодія, изъ которыхъ два посвящаются на пріобрѣтеніе теоретическихъ свѣдѣній и одно—практическимъ занятіямъ. Такимъ образомъ, дополнительный классъ состоитъ собственно изъ двухъ классовъ: младшаго—съ теоретическими занятіями и старшаго—съ практическими. Такое строгое разграниченіе теоріи отъ практики принято для того, чтобы слушательницы, приступая къ наблюденію за ходомъ обученія и воспитанія дѣтей въ трехъ младшихъ классахъ, могли сразу отнестись *сознательно* ко всему тому, чему свидѣтельницами онѣ тамъ будутъ.

Какъ младшій, такъ и старшій дополнительный классы Кронштадтской гимназіи, въ свою очередь, распадаются на отдѣленія: русскаго языка, математики, исторіи и пр. **).

Въ младшемъ (теоретическомъ) классѣ общеобязательными предметами, какъ и вездѣ въ дополнительномъ классѣ министерскихъ гимназій, считаются: Законъ Божій, методика начальнаго обученія родному языку, методика такого-же обученія ариѳметикѣ и педагогика вмѣстѣ съ общею дидактикою и методикою.

Преслѣдуя, главнымъ образомъ, спеціальную цѣль и въ виду того, что первоначальное обученіе по Закону Божію,—конечно, не школьное, а домашнее,—очень часто составляетъ удѣлъ женщины, законоучитель, на ряду съ увеличеніемъ знаній будущихъ наставницъ, указываетъ имъ способы объясненія молитвъ и изложенія разсказовъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; при этомъ особенное вниманіе обращается на ученіе о свойствахъ Божіихъ и о Святой

*) Сообщеніе о постановкѣ занятій въ педагогическомъ классѣ названной гимназіи дѣлается на основаніи личныхъ воспоминаній автора этой замѣтки, получившаго въ ней какъ общее, такъ и спеціальное педагогическое образованіе.

**) Если какіе-либо предметы не выбраны ученицами для спеціальнаго изученія, то они и не преподаются въ педагогическомъ классѣ этой гимназіи.

Троицѣ, на прообразы и пророчества, на ученіе Іисуса Христа, какъ вообще, такъ и на заключающееся въ притчахъ; ученіе-же, преподанное на горѣ Синаѣ, сравнивается съ тѣмъ, которое потомъ, много лѣтъ спустя, воспослѣдовало на горѣ Блаженствъ. Предпославъ образцы, какъ надо объяснять дѣтямъ молитвы и разсказы изъ Священной Исторіи, законоучитель требуетъ, чтобы слушательницы показали ему свое умѣнье вести уроки по данному предмету.

Все это, вмѣстѣ взятое, наталкиваетъ ученицъ 8-го класса на различные вопросы, за рѣшеніемъ коихъ онѣ обращаются къ своему преподавателю, а онъ, давая отвѣты, приводитъ примѣры изъ церковной литературы и Священнаго Писанія, главнымъ образомъ, изъ Евангелія, побуждая слушательницъ такимъ способомъ къ болѣе широкому знакомству съ этою книгой, имѣющей такое громадное воспитательное значеніе. Желая узнать, на сколько христіанскія истины вѣрно понимаются ученицами, законоучитель, съ своей стороны, предлагаетъ имъ вопросы, которые или обсуждаются слушательницами сейчасъ-же на урокахъ, или берутся на домъ для самостоятельнаго рѣшенія, что заставляетъ ученицъ еще глубже вдумываться въ содержаніе прочитаннаго или прослушаннаго на урокахъ.

Такой способъ преподаванія Закона Божія, способствуя, съ одной стороны, религіозному развитію, съ другой—возбуждаетъ какое-то особенное влеченіе къ этимъ урокамъ, которые разнообразятся еще тѣмъ, что слушательницы занимаются, сначала подъ руководствомъ законоучителя, а потомъ самостоятельно, разборомъ наиболѣе извѣстныхъ учебниковъ по Закону Божію, причемъ преподаватель указываетъ, какъ надо примѣнять къ обученію различныя пособія, — напр., картины, служащія для лучшаго уясненія свѣдѣній, даваемыхъ дѣтямъ *).

Что касается педагогики съ общею дидактикою и методикою, то онѣ преподаются въ дополнительномъ классѣ гимназіи не только съ матеріальною, но и съ формальною цѣлью, причемъ ознакомленіе слушательницъ съ искусствомъ обученія и воспитанія дѣтей состоитъ не въ простомъ заучиваніи ряда педагогическихъ правилъ и выводовъ, помѣщенныхъ въ учебникѣ, но и въ обсужденіи того, *какъ* и *откуда* вытекаютъ эти правила и выводы. А такъ какъ предметомъ обученія и воспитанія служитъ «человѣкъ», то на урокахъ, посвященныхъ теоріи этого дѣла, слушательницы знакомятся съ объектомъ ихъ будущей дѣятельности. По причинѣ-же того, что «ученіе о человѣкѣ» почерпается изъ цѣлой группы наукъ, на изученіе которыхъ потребовались-бы, можетъ быть, десятки лѣтъ, преподаватель преимущественно останавливается *на основныхъ положеніяхъ* «психологіи», какъ главной изъ наукъ, послужившихъ фундаментомъ для педагогики, и указываетъ на тѣ популярныя сочиненія, изъ коихъ можно получить болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о человѣческой природѣ. Такое ознакомленіе съ основными положеніями психологіи совершается посредствомъ класснаго и домашняго чтенія и разбора, производимаго послѣ него; при этомъ, конечно, на первомъ планѣ стоитъ «Опытъ педагогической антропологіи» Ушинскаго, излагающаго въ названномъ сочиненіи «суть» психологическихъ теорій всѣхъ прославившихся европейскихъ мыслителей-педагоговъ, коихъ «ученія о человѣкѣ» такимъ образомъ не остаются

---

*) Законоучитель, система преподаванія котораго здѣсь описывается, уже покинулъ педагогическій классъ гимназіи.

неизвѣстными слушательницамъ, благодаря тѣмъ письменнымъ работамъ, которыя задаются учителемъ на домъ и для выполненія коихъ является необходимость въ болѣе близкомъ знакомствѣ, по крайней мѣрѣ, съ самыми извѣстными психологами-педагогами, какъ, напр., русскимъ педагогомъ—знаменитымъ Пироговымъ, съ Бенеке, психологическая теорія котораго оказала вездѣ большое вліяніе на искусство воспитанія, особенно-же у насъ, въ Россіи, Локкомъ, Амосомъ Коменскимъ и его «Великой дидактикой», на чтеніе и разборъ которой спеціально посвящается нѣсколько уроковъ, съ Жанъ-Жакомъ Руссо, съ Песталоцци, Фребелемъ, «дѣтскіе сады» котораго нашли себѣ примѣненіе и въ нашемъ отечествѣ, и съ нѣкоторыми другими.

Написанныя дома сочиненія ученицъ прочитываются авторами ихъ во время классныхъ уроковъ и обсуждаются — сначала однѣми только соученицами, а потомъ и преподавателемъ, который, ради того, чтобы узнать, самостоятельно-ли выполнены работы и не ложно-ли восприняты слушательницами факты психологіи, задаетъ ученицамъ различные вопросы, что, заставляя ихъ добросовѣстнѣе относиться къ исполненію своихъ обязанностей и возбуждая наибольшее рвеніе къ осмысленному самостоятельному чтенію, очень оживляетъ самыя занятія педагогикою. Занятія эти происходятъ подъ руководствомъ того-же самаго лица, на которое возложено преподаваніе родного языка и методика начальнаго обученія ему.

Для ознакомленія слушательницъ съ этою послѣднею имъ излагается исторія методовъ обученія чтенію и письму, употреблявшихся и употребляющихся за границей и у насъ; при этомъ объясняется, какимъ путемъ они вырабатывались, какими достоинствами и недостатками обладаютъ и на сколько примѣнимы въ наше время къ дѣлу начальнаго обученія русскому языку. Такимъ образомъ, передъ слушательницами проходитъ рядъ педагоговъ, поработавшихъ на пользу улучшенія способовъ обученія, каковы, напр., Джонъ Локкъ, совѣтующій учить чтенію посредствомъ игры, Иванъ Базедовъ, обучавшій азбукѣ въ своемъ филантропинѣ съ помощью печенья, приготовленнаго въ видѣ буквъ, Фридрихъ Динтеръ, прославившійся искуснымъ веденіемъ катехизаціи, Генрихъ Стефани, давшій подробное объясненіе о преимуществѣ звукового способа обученія грамотѣ передъ всѣми остальными, Жакото—съ его универсальнымъ способомъ обученія чтенію и, наконецъ, наши русскіе педагоги—Корфъ, Ушинскій и Паульсонъ, такъ или иначе потрудившіеся на поприщѣ усовершенствованія методовъ элементарнаго преподаванія родного языка.

Излагая подробно, въ чемъ должны состоять такъ-называемые «предметные уроки» и первоначальное объяснительное чтеніе, какія грамматическія и орѳографическія правила могутъ быть сообщены при этомъ дѣтямъ, преподаватель заставляетъ слушательницъ объяснять ему, какъ-бы онѣ повели такого рода занятія съ своими будущими ученицами или учениками. Далѣе онъ знакомитъ педагогичекъ съ учебниками и руководствами, указывая на достоинства и недостатки ихъ и такимъ путемъ подготовляетъ слушательницъ къ самостоятельному, на дому, письменному разбору руководствъ.

Преподаваніе методики начальнаго обученія ариѳметикѣ, поручаемое преподавателю математики, ведется почти по такому-же плану. Предпославъ критическій обзоръ главнѣйшихъ направленій въ развитии методики ариѳметики и познакомивъ черезъ это ученицъ съ тѣми тезисами, на которыхъ Песталоцци, Кранке, Дистервегъ, Генчель и Грубе основали свои ученія, преподаватель

переходитъ къ изложенію пріемовъ обученія Евтушевскаго и Паульсона и объясняетъ—какъ слѣдуетъ поступать при обученіи дѣтей ариѳметикѣ, чтобы избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя дѣлали наши русскіе педагоги, подражая нѣмецкой школѣ. Затѣмъ всѣ ученицы 8-го класса практикуются какъ въ самостоятельной оцѣнкѣ учебниковъ и руководствъ, такъ и въ разработкѣ различныхъ отдѣловъ ариѳметики цѣлыхъ чиселъ и простѣйшихъ дробей; слушающія-же спеціальный курсъ математики должны выказать свое умѣнье вести уроки ариѳметики въ трехъ младшихъ классахъ гимназіи.

Изъ необщеобязательныхъ предметовъ ученицы 8-го класса чаще другихъ избираютъ своею спеціальностью или русскій языкъ, или математику, вслѣдствіе чего и преподаваніе ихъ въ дополнительномъ классѣ уже успѣло пріобрѣсти опредѣленный характеръ.

На урокахъ по математикѣ болѣе преслѣдуется образовательная цѣль, т. е. расширеніе знаній будущихъ ученицъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи, такъ какъ способы преподаванія ариѳметики, необходимые для наставницы трехъ низшихъ классовъ гимназіи, пріобрѣтаются уже во время занятій методикою этого предмета. Само собою разумѣется, что получаемыя слушательницами свѣдѣнія закрѣпляются какъ домашнимъ, такъ и классмымъ рѣшеніемъ задачъ и письменнымъ изложеніемъ различныхъ отдѣловъ по каждому изъ вышеназванныхъ отдѣловъ математики.

При преподаваніи русскаго языка, избраннаго нѣкоторыми ученицами въ качествѣ спеціальнаго предмета, во-первыхъ, сообщается «умѣнье» вести уроки родного языка въ предѣлахъ курса прогимназіи и, во-вторыхъ, предлагаются «знанія», приноровленныя къ наибольшему уясненію этого умѣнья и вполнѣ приложимыя къ наставнической дѣятельности въ указанномъ предѣлѣ. Такимъ образомъ, преподаваніе отечественнаго языка имѣетъ характеръ болѣе или менѣе спеціальный. Такъ, напр., изученіе писателей въ томъ направленіи, въ какомъ это принято въ 6-мъ и 7-мъ классахъ гимназіи, уже не практикуется въ 8-мъ дополнительномъ классѣ ея, гдѣ авторовъ изучаютъ *только съ точки зрѣнія формъ и оборотовъ ихъ языка*. По объясненію преподавателя, такое ознакомленіе съ русскими авторами необходимо будущимъ наставницамъ въ цѣляхъ лучшаго пониманія ими грамматики, извлекающей свои правила изъ языка литературнаго, отличіе котораго отъ языка разговорнаго вообще и народнаго въ частности — также выясняется на урокахъ преподавателя русскаго языка. Такъ какъ для вѣрнаго пониманія настоящаго необходимо знать прошедшее, то и изученіе языка начинается съ тѣхъ памятниковъ древней словесности и оканчивается языкомъ писателей новѣйшаго времени. Древне-церковно-славянскій языкъ, какъ одинъ изъ элементовъ русскаго литературнаго, играетъ также не послѣднюю роль въ занятіяхъ ученицъ 8-го класса. Матеріаломъ для изученія этого языка служитъ «Остромирово Евангеліе», читаемое на урокахъ слушательницами и переводимое ими на русскій языкъ. Встрѣчающіяся въ этомъ литературномъ памятникѣ XI-го вѣка особенности древне-церковно-славянскаго языка отмѣчаются и группируются ученицами или на дому—самостоятельно, или въ классѣ—вмѣстѣ съ преподавателемъ, который посредствомъ наводящихъ вопросовъ, заставляетъ педагогичекъ самихъ подмѣчать отличительныя черты этого языка, сравнивать русскія грамматическія формы съ его формами и, въ особенности, выдѣлять тѣ изъ нихъ, которыя имѣли наибольшее вліяніе на образованіе русскаго литературнаго языка. Путемъ такого ознакомленія съ древне-

церковно-славянскимъ языкомъ знанія, пріобрѣтенныя ученицами, главнымъ образомъ, на память еще въ 4-мъ классѣ гимназіи, получаютъ въ 8-мъ классѣ ея осмысленность и прочно закрѣпляются въ памяти. Затѣмъ, слушательницамъ дается понятіе о важнѣйшихъ періодахъ исторіи развитія грамматики и, наконецъ, они ознакамливаются съ уровнемъ научнаго развитія грамматики въ настоящее время, при чемъ обсуждаются всѣ затруднительные вопросы, рѣшеніе которыхъ закрѣпляется массою примѣровъ, выбираемыхъ ученицами изъ языка писателей. Бываютъ случаи, когда число такихъ примѣровъ достигаетъ тысячи, такъ что будущія наставницы выходятъ изъ теоретическаго отдѣленія 8-го класса Кронштадтской гимназіи съ большимъ запасомъ грамматическаго матеріала, собраннаго ими самими и провѣреннаго ихъ руководителемъ. Система такого преподаванія особенно оцѣнивается слушательницами тогда, когда онѣ начнутъ работать на избранномъ ими поприщѣ учительницы.

Спеціальный курсъ знаній русскаго языка завершается разборомъ грамматикъ, для чего ученицы пользуются критеріумомъ, даннымъ преподавателемъ, который, разобравъ для примѣра одинъ изъ учебниковъ подобнаго рода, заставляетъ слушательницъ самостоятельно заниматься этимъ дѣломъ, исполняемымъ ими какъ устно, такъ и письменно. «Курсъ умѣній» по русскому языку, для избравшихъ этотъ предметъ какъ свою спеціальность, въ теоретическомъ отдѣленіи 8-го класса сводится къ ознакомленію съ различными взглядами на задачи объяснительнаго чтенія, всѣ способы веденія коего подробно излагаются преподавателемъ и затѣмъ предлагаются ученицамъ—для ихъ личныхъ подобнаго-же рода работъ.

Обзоръ руководствъ по объяснительному чтенію также не мало способствуетъ наибольшему уясненію способовъ веденія его. Но такъ какъ занятія въ первыхъ трехъ классахъ гимназіи не исчерпываются однимъ объяснительнымъ чтеніемъ, а касаются и области грамматики и различныхъ письменныхъ упражненій, то ученицы 8-го класса ознакамливаются со способами преподаванія первой и веденія вторыхъ.

Для наибольшаго укрѣпленія въ памяти слушательницъ полученныхъ ими знаній служитъ по всѣмъ предметамъ, не исключая и Закона Божія, во-первыхъ, задаваніе письменныхъ работъ, какъ домашнихъ, такъ и классныхъ, и, во-вторыхъ, частое повтореніе пройденнаго и частое-же спрашиваніе слушательницъ, что въ дополнительномъ классѣ Кронштадтской женской гимназіи вполнѣ возможно, такъ какъ число ученицъ его рѣдко достигаетъ даже 15-ти, т.-е. по большей части лишь половинѣ того количества ученицъ, какое оканчиваетъ семиклассный курсъ гимназіи *). Вслѣдствіе такого веденія обученія, для провѣрки знаній педагогичекъ вовсе нѣтъ надобности въ какихъ-бы то ни было экзаменахъ, или, вѣрнѣе, эти послѣдніе бываютъ у нихъ чуть-ли не два раза въ недѣлю по каждому предмету.

Пробывъ годъ въ теоретическомъ отдѣленіи педагогическаго класса и получивъ указанную подготовку, слушательницы переходятъ въ старшее—практическое—отдѣленіе, гдѣ съ сентября мѣсяца и до рождественскихъ каникулъ пробуютъ свои силы въ качествѣ воспитательницъ и преподавательницъ.

Назначаемыя въ первые три класса гимназіи въ качествѣ помощницъ классныхъ дамъ, педагогички должны исполнять обязанности, сопряженныя

*) Количество ученицъ 7-го класса колеблется между 20-ю и 30-ю.

съ названною должностью, слѣдя какъ за умственнымъ, такъ и нравственнымъ развитіемъ ввѣренныхъ имъ питомицъ. Свои наблюденія надъ ними они записываютъ въ такъ-называемый «педагогическій дневникъ». Къ концу практическихъ занятій у каждой слушательницы получается такимъ образомъ цѣлый рядъ характеристикъ ученицъ того класса, гдѣ педагогичка «дежурила», т.-е. исполняла роль классной дамы.

Кромѣ наблюденій за характеромъ дѣтей, ученицы практическаго отдѣленія 8-го класса обязаны обращать вниманіе еще на то, какъ дѣйствуетъ на своихъ воспитанницъ классная дама и какихъ результатовъ достигаетъ она, употребляя тѣ или другія средства къ нравственному развитію учащихся.

Преподавательская дѣятельность педагогичекъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что въ свободное время онѣ занимаются съ малоуспѣвающими ученицами того класса, въ которомъ онѣ состоятъ помощницами, во-вторыхъ, въ замѣщеніи преподавательницъ и преподавателей въ случаяхъ ихъ отсутствія въ классѣ, въ-третьихъ, въ записываніи тѣхъ уроковъ, на которыхъ они присутствуютъ за время своихъ практическихъ занятій, причемъ онѣ должны обращать вниманіе на способы преподаванія каждой учительницы и каждаго учителя, опредѣлять, къ какому разряду методовъ обученія относятся эти способы, какъ именно они примѣняются и какіе результаты получаются отъ пользованія ими; наконецъ, въ-четвертыхъ, преподавательская дѣятельность педагогичекъ заключается въ даваніи такъ-называемыхъ «пробныхъ уроковъ» какъ по общеобязательнымъ предметамъ, такъ и по предмету, избранному каждой педагогичкой въ качествѣ спеціальнаго.

Даваніе пробныхъ уроковъ въ младшихъ классахъ гимназіи подвергается въ послѣднее время нападкамъ, какъ вредно дѣйствующее на дѣтей вслѣдствіе безпорядка, производимаго, будто-бы, въ ихъ занятіяхъ подобными уроками; по мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ, гораздо лучше имѣть для такой цѣли отдѣльную школу, гдѣ, по ихъ-же увѣренію, «пробные уроки» педагогичекъ никакого дурного вліянія оказать не могутъ. Можетъ быть, эти нападки и справедливы относительно другихъ гимназій, что-же касается Кронштадтской, то въ ней отъ пробныхъ уроковъ не замѣчается никакого безпорядка въ занятіяхъ ученицъ младшихъ классовъ, съ одной стороны, потому что число слушательницъ 8-го класса никогда не бываетъ велико (10—12 уч.), а число ученицъ низшихъ классовъ, особенно 2-го и 3-го, наоборотъ, достигаетъ очень часто такого размѣра, что приходится раздѣлять классъ на два параллельныхъ отдѣленія, вслѣдствіе чего пробные уроки падаютъ уже не на 3 класса, а на 5 или даже на 6, съ другой—потому что матеріалъ этихъ уроковъ всегда внутренно связанъ съ содержаніемъ предшествовавшихъ имъ занятій учительницы, которая свѣдѣнія, полученныя воспитанницами на пробныхъ урокахъ, потомъ провѣряетъ и оцѣниваетъ баллами, о чемъ дѣвочки обыкновенно заранѣе предупреждаются.

Прежде, нежели дать по какому-либо предмету пробный урокъ, педагогичка должна изложить его письменно и вручить свою работу преподавателю, руководящему въ 8-мъ классѣ занятіями по этому-же предмету. Самый урокъ происходитъ въ присутствіи начальницы гимназіи, предсѣдателя педагогическаго совѣта ея, преподавателя-руководителя и самихъ педагогичекъ, которыми содержаніе урока записывается и потомъ обсуждается во время засѣданій «педагогической коммиссіи».

Коммиссіи, или такъ-называемыя «бесѣды», устраиваются съ цѣлью выясненія результатовъ не только практическихъ, но и теоретическихъ занятій слушательницъ, такъ какъ, кромѣ обсужденія пробныхъ уроковъ, производимаго ученицами 8-го класса и преподавателемъ-руководителемъ, и чтенія дневниковъ, на этихъ бесѣдахъ педагогичкамъ предлагаются тѣ или другіе вопросы изъ теоретическаго курса, въ чемъ и заключается уже послѣдняя провѣрка прочности тѣхъ знаній, которыя пріобрѣли ученицы въ 8-мъ дополнительномъ классѣ гимназіи. Этими бесѣдами, имѣющими отчасти экзаменаціонный характеръ, и заканчивается спеціальное образованіе слушательницъ педагогическаго класса Кронштадтской Александринской женской гимназіи, которая, учредивъ его 19 лѣтъ тому назадъ, оказала не малую услугу тѣмъ кронштадтскимъ интеллигентнымъ женщинамъ, которымъ дорога на «педагогическіе курсы» очень часто бываетъ закрыта или вслѣдствіе привиллегій, оказываемыхъ жительницамъ столицы, или вслѣдствіе невозможности поселиться гдѣ-либо. кромѣ родного города.

Съ этой точки зрѣнія, особенно пока еще не придумано ничего лучшаго, желательно не уничтоженіе учрежденій, подобныхъ педагогическому классу министерскихъ гимназій, какъ это высказывалъ печатно одинъ почтенный педагогъ, а, напротивъ, наибольшее распространеніе ихъ на пользу педагогическаго образованія русской женщины. А. Квиткина.

Двадцатипятилѣтній юбилей В. Д. Сиповскаго.

1-го августа текущаго года исполнилось двадцатипятилѣтіе педагогической и литературной дѣятельности одного изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Петербургѣ (да и не въ одномъ Петербургѣ) педагогическихъ дѣятелей—Василія Дмитріевича Сиповскаго, директора Петербургскаго училища глухонѣмыхъ и редактора педагогическаго журнала «Образованіе», и мы съ удовольствіемъ беремся за перо, чтобы привѣтствовать его съ завершившимся недавно двадцатипятилѣтіемъ его полезной и симпатичной по своему направленію дѣятельности и уяснить нашимъ читателямъ характеръ и значеніе этой дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ Василій Дмитріевичъ, по окончаніи имъ курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету въ 1868 г., выступилъ на трудное педагогическое поприще въ роли преподавателя русскаго языка, словесности и исторіи, которыя онъ преподавалъ въ разное время и въ Первой петербургской прогимназіи, и въ Ларинской гимназіи, и въ Кіевѣ, въ коллегіи Павла Галагана, и потомъ, по возвращеніи изъ Кіева въ Петербургъ, въ Василеостровской женской гимназіи, и въ Земской Учительской школѣ, и на Педагогическихъ женскихъ курсахъ, гдѣ онъ и до настоящаго времени читаетъ русскую исторію,—вездѣ и всегда Василій Дмитріевичъ являлся живымъ и даровитымъ преподавателемъ, стремящимся внушить своимъ слушателямъ и слушательницамъ интересъ и любовь къ преподаваемымъ имъ предметамъ и дѣйствительно достигающимъ такихъ результатовъ. Серьезная научная подготовка, простое и вмѣстѣ съ тѣмъ живое изложеніе предмета, чуждое шаблонности, придавали преподаванію излюбленныхъ Василіемъ Дмитріевичемъ предметовъ особенный интересъ и обезпечивали успѣхъ этого преподаванія.

Но Василій Дмитріевичъ заявилъ себя на педагогическомъ поприщѣ не только въ качествѣ даровитаго и дѣльнаго преподавателя, но также и въ роли опытнаго, энергичнаго и гуманнаго администратора какъ во время исполненія имъ должности инспектора Василеостровской женской гимназіи, гдѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память, такъ еще болѣе въ роли директора училища глухонѣмыхъ. Это учебное заведеніе, благодаря Василію Дмитріевичу, за послѣднія восемь лѣтъ почти совершенно преобразилось, воспитаніе и обученіе глухонѣмыхъ воспитанниковъ поставлено на раціональную почву, многіе глухонѣмые, прежде объяснявшіеся только мимикою, благодаря новымъ усовершенствованнымъ методамъ преподаванія, овладѣли механизмомъ устной рѣчи, учебный курсъ училища глухонѣмыхъ повышенъ, мастерскія при училищѣ и типографія отлично поставлены, и какъ въ мастерскихъ, такъ и въ типографіи работаютъ съ успѣхомъ сами-же воспитанники училища подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ, въ числѣ которыхъ есть и бывшіе воспитанники Училища глухонѣмыхъ. Вообще въ своей дѣятельности въ качествѣ администратора Василій Дмитріевичъ является не только дѣятельнымъ человѣкомъ и организаторомъ, но и просвѣщеннымъ, гуманнымъ, любящимъ руководителемъ.

Эти черты гуманности и отсутствія формализма въ воспитательной и административной дѣятельности Василія Дмитріевича подчеркнуты и въ адресѣ, поднесенномъ ему на скромномъ празднествѣ, устроенномъ въ честь его 1-го августа сослуживцами его по училищу на дачѣ училища глухонѣмыхъ въ Лисинскомъ лѣсничествѣ, недалеко отъ станціи Тосно на Николаевской желѣзной дорогѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ адресѣ:

«Трудна педагогическая дѣятельность сама по себѣ, но всего труднѣе сохранить въ теченіе 25-ти лѣтъ то, что составляетъ самое цѣнное на этомъ поприщѣ—гуманность и отсутствіе формализма въ дѣлѣ воспитанія. Эти черты рѣзко характеризуютъ Вашу двадцатипятилѣтнюю педагогическую работу. Этимъ высокимъ принципамъ воспитательной дѣятельности Вы не измѣнили ни разу: они сопровождали Васъ, какъ воспитателя въ коллегіи Павла Галагана, какъ инспектора женской гимназіи, какъ редактора журнала «Образованіе».

Дѣйствительно, гуманность и свобода отъ рутины составляютъ отличительныя особенности этого почтеннаго журнала, редактируемаго и издаваемаго Василіемъ Дмитріевичемъ Сиповскимъ и замѣнившаго собою «Женское Образованіе», въ теченіе многихъ лѣтъ издававшагося подъ редакціею и при дѣятельномъ участіи самого Василія Дмитріевича.

Но литературная дѣятельность уважаемаго Василія Дмитріевича не ограничивается только участіемъ въ собственномъ его журналѣ: въ разное время напечатано имъ не мало дѣльныхъ статей и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, каковы статьи въ «Семьѣ и Школѣ» въ періодъ изданія этого журнала подъ редакціею покойнаго Симашки, и въ «Мірѣ Божіемъ» и др.

Но, кромѣ множества отдѣльныхъ статей по педагогическимъ вопросамъ, изъ подъ пера Василія Дмитріевича вышли и болѣе крупные труды, занимающіе видное мѣсто въ нашей учебной исторической литературѣ; таковы три тома «Родной Старины», выходящихъ уже четвертымъ изданіемъ и представляющихъ прекрасное, правдивое и талантливое изложеніе событій и культурнаго развитія нашего отечества до эпохи Петра Великаго. Таковымъ-же является и послѣдній новый трудъ его по древней исторіи, озаглавленный «Исторія древней Греціи» въ разсказахъ и картинахъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ напечатанъ только первый выпускъ этого сочиненія.

Отъ души привѣтствуемъ такую разностороннюю и плодотворную дѣятельность уважаемаго педагога и писателя и искренно желаемъ продолженія ея еще на многіе и многіе годы *). Я. Г.

Двадцатипятилѣтній юбилей З. Б. Вулиха.

Имя Захара Борисовича Вулиха хорошо извѣстно въ кругу петербургскихъ педагоговъ, особенно въ средѣ математиковъ. Захаръ Борисовичъ давно уже составилъ себѣ репутацію выдающагося преподавателя математики, которую онъ преподавалъ и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и въ Василеостровской женской гимназіи, и въ Земской Учительской школѣ, и на Педагогическихъ женскихъ курсахъ, гдѣ и въ настоящее время состоитъ преподавателемъ. читая нѣсколько курсовъ по высшей математикѣ. Благодаря своей вполнѣ установившейся репутаціи образцоваго преподавателя математики, Захаръ Борисовичъ въ 1885 г. удостоился высокой чести—приглашенія давать уроки по этому предмету августѣйшимъ дѣтямъ: Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Георгію Александровичу и Ксеніи Александровнѣ и нынѣ имѣетъ счастіе преподавать Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Михаилу Александровичу и Ольгѣ Александровнѣ.

Но громкая репутація Захара Борисовича, какъ отличнаго математика, зиждется не только на его практической педагогической дѣятельности, но и на его литературно-педагогическихъ трудахъ, на его прекрасныхъ руководствахъ, изъ которыхъ одно подъ названіемъ «Краткій курсъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ» выдержало уже четырнадцать изданій, а также на цѣломъ рядѣ статей по методикѣ ариѳметики и геометріи, разбросанныхъ въ различныхъ педагогическихъ журналахъ, каковы: «Педагогическій Музей», «Семья и Школа», «Педагогическій Сборникъ», «Женское Образованіе», «Образованіе», «Народная Школа». Назовемъ наиболѣе важныя изъ статей Захара Борисовича, которыя, въ общей сложности, составили-бы по крайней мѣрѣ одинъ большой томъ: 1) О приготовительномъ курсѣ геометріи, рядъ статей въ журналѣ «Семья и Школа» за 1871 и 1872 годы; 2) О преподаваніи математики и геометрическаго черченія въ реальныхъ училищахъ Пруссіи и Саксоніи и Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ—четыре статьи въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1874 годъ; 3) О преподаваніи ариѳметики въ народныхъ школахъ въ «Народной Школѣ» за 1876 годъ; 4) Первоначальное преподаваніе ариѳметики, рядъ методическихъ статей въ журналѣ «Женское образованіе» и «Образованіе» за 1889—1891 гг.; 5) Современное преподаваніе математики въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи и Германіи въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1891 г.; 6) въ «Обзорѣ русской народной учебной литературы», изданномъ при Спб. Комитетѣ грамотности въ 1878 году, перу г. Вулиха принадлежитъ капитальная руководящая статья «О преподаваніи ариѳметики и геомет-

---

*) Уже послѣ того, какъ написана была нами эта замѣтка, именно 3-го октября, кружокъ петербургскихъ педагоговъ чествовалъ уважаемаго В. Д. Сиповскаго обѣдомъ, на которомъ было произнесено не мало рѣчей по поводу педагогической и литературной дѣятельности почтеннаго юбиляра, имѣвшихъ очень задушевный характеръ. Затѣмъ 5-го октября чествовалъ В. Д. обѣдомъ и одинъ изъ литературныхъ кружковъ Петербурга.

рiи въ народныхъ школахъ», а также разборъ наиболѣе замѣчательныхъ руководствъ по этимъ предметамъ. Съ прошлаго 1892 года Захаръ Борисовичъ началъ сотрудничать и въ издаваемой нами «Русской Школѣ». Всѣми этими статьями, такъ-же какъ и своими руководствами, Захаръ Борисовичъ прiобрѣлъ себѣ авторитетное имя, какъ знатокъ и двигатель методики по избранной имъ спецiальности.

Заслуги Захара Борисовича, какъ педагога, далеко, однакожъ, не исчерпываются его успѣшной преподавательскою дѣятельностью и его учебниками и методическими статьями по математикѣ: Захаръ Борисовичъ еще въ 1873 году былъ командированъ Главнымъ Управленiемъ военно-учебныхъ заведенiй въ Германiю и Швейцарiю для осмотра реальныхъ училищъ и, по возвращенiи изъ заграницы, былъ назначенъ руководителемъ по математикѣ педагогическихъ курсовъ при Второй военной гимназiи; затѣмъ въ 1878 году онъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ Третьей военной гимназiи (нынѣ Александровскiй кадетскiй корпусъ), гдѣ пробылъ въ этой должности до 1892 года. Въ текущемъ году Захаръ Борисовичъ назначенъ инспекторомъ воспитанниковъ, а затѣмъ и классовъ Императорскаго Александровскаго лицея съ оставленiемъ чиновникомъ особыхъ порученiй при Главномъ Управленiи военно-учебныхъ заведенiй, гдѣ состоитъ въ настоящее время членомъ педагогическаго комитета.

Съ переходомъ училищъ С.-Петербурга въ вѣдѣнiе городского общественнаго управленiя Захаръ Борисовичъ былъ назначенъ *первымъ* экспертомъ при училищной коммиссiи, каковую должность занималъ до назначенiя его инспекторомъ 3-й военной гимназiи. Въ настоящее время, при массѣ своихъ разнородныхъ занятiй, Захаръ Борисовичъ состоитъ также членомъ Совѣщательнаго Комитета патрiотическихъ школъ и завѣдываетъ петербургскими Марiинскими женскими училищами.

Эта разнообразная и, насколько намъ извѣстно, весьма энергическая административно-педагогическая дѣятельность Захара Борисовича, притомъ въ различныхъ вѣдомствахъ, далеко выходящая за предѣлы обыкновенной преподавательской дѣятельности, даетъ ему право на то видное положенiе въ средѣ петербургскихъ педагоговъ, которое онъ занимаетъ въ настоящее время, пользуясь всеобщимъ уваженiемъ въ петербургскомъ педагогическомъ мiрѣ.

Будучи основательнымъ знатокомъ своей спецiальности, Захаръ Борисовичъ является въ своей многосторонней дѣятельности не узкимъ спецiалистомъ, а многосторонне-образованнымъ педагогомъ, глубоко интересующимся всѣми вопросами, касающимися правильной постановки учебно-воспитательнаго дѣла. Этотъ искреннiй, серьезный интересъ къ вопросамъ воспитанiя и обученiя, разносторонняя опытность въ рѣшенiи вопросовъ школьной жизни, примѣрное трудолюбiе, крайняя осторожность и основательность въ сужденiяхъ при рѣшенiи возникающихъ въ школьной практикѣ вопросовъ—все это побуждаетъ дорожить активнымъ участiемъ Захара Борисовича всѣ тѣ вѣдомства и учрежденiя, въ которыхъ приходится ему работать.

Пожелаемъ-же ему, по поводу исполнившагося 1-го сентября сего года двадцатипятилѣтiя его педагогической и литературной дѣятельности, и впредь служить дорогому намъ всѣмъ дѣлу просвѣщенiя юношества съ тою энергiею и пользою, съ какими онъ трудился и трудится понынѣ, горячо преданный тому дѣлу, которое составляетъ призванiе его жизни. Я. Г.

Отъ Комитета грамотности.

М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Не откажитесь помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующее заявленіе:

Въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, 18-го мая сего года, избрана коммиссія въ составѣ нижеподписавшихся для сбора пожертвованій на сооруженіе въ деревнѣ Батищево, Смоленской губерніи, гдѣ протекла значительная часть жизни и плодотворной дѣятельности Александра Николаевича Энгельгардта, образцовой народной школы его имени. Общественное значеніе покойнаго Александра Николаевича далеко не исчерпывается узкой сферой его спеціальности, которой преимущественно были посвящены послѣдніе годы его жизни: онъ вообще оставилъ глубокій слѣдъ въ умственной жизни русскаго общества. Сооруженіе общеобразовательной школы его имени на средства, почерпнутыя изъ среды самого-же общества, нужно надѣяться, встрѣтитъ широкое сочувствіе, какъ наилучшій способъ увѣковѣчить память покойнаго.

Желая дать возможность многочисленнымъ почитателямъ Александра Николаевича откликнуться на призывъ Петербургскаго Комитета грамотности, коммиссія имѣетъ честь объявить, что пожертвованія могутъ быть доставляемы лично и по почтѣ на имя предсѣдателя коммиссіи Николая Платоновича Карабчевскаго (С.-Петербургъ, Захарьевская, 13). О поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно данъ подробный отчетъ на страницахъ періодическихъ изданій.

Предсѣдатель коммиссіи *Н. Карабчевскій.*
Члены коммиссіи: *М. Никонова.*
А. Николаевъ.
В. Федченко.

Указатель иностранной педагогической литературы.

Englands öffentliche Schulen von der Reformation bis zur Gegenwart. Ein Beitrag zur Culturgeschichte von *A. Zimmermann*. — Freiburg B. Трудъ г. Циммермана содержитъ много интересныхъ данныхъ, тщательно собранныхъ и дающихъ очень ясную картину средняго образованія въ Англіи со временъ Реформаціи до нашихъ дней. Авторъ останавливается подробно на отношеніяхъ различныхъ королей Англіи къ образованію и его распространенію. Въ этомъ отношеніи представляетъ много любопытнаго очеркъ, посвященный школьной жизни въ Англіи XVI вѣка. Но кромѣ исторической разработки вопроса, авторъ затрагиваетъ нѣкоторые основные вопросы воспитанія и заканчиваетъ свою книгу обзоромъ современнаго положенія средняго образованія въ Англіи. (Revue intern. de l'ens., 5).

Das Leben und die pädagogische Bedeutung des Confucius von *L. Hidesaburo*.—Leipzig. 55 S. Эта брошюра имѣетъ цѣлью провѣрить и дополнить существующія воззрѣнія на древне-китайскую педагогику. Авторъ говоритъ о нравственномъ воспитаніи китайцевъ, о значеніи Конфуція въ педагогикѣ и сообщаетъ новыя данныя о его жизни. Книжка прочтется всякимъ съ интересомъ. (Allg. deutsche Lehrerz., 26),

Neue pädagogische Beiträge von *Wilhelm Münch*. Berlin. 3 M. Книга извѣстнаго въ Германіи автора состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой, называющейся «An der Schwelle des Lehramtes», онъ излагаетъ тѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять каждый учитель, приступающій къ обученію дѣтей, словомъ, говоритъ о самовоспитаніи учителя. Эта часть представляется весьма и весьма цѣнной: авторъ обнаружилъ въ ней много истинной житейской мудрости, пріобрѣтенной имъ за его долгую дѣятельность. Такую-же свободу мысли, знаніе и опытность автора изобличаетъ и вторая часть книги «Soll und Haben der höheren Schulen». Третья и послѣдняя часть небольшой книги Münch'а представляетъ рядъ педагогическихъ афоризмовъ.

(Literar. Centralbl., № 19).

Die Schulen und der organische Bau der Volksschule in Frankreich von *Oscar Mey*. Berlin. 1893. 3 M. Въ этой книгѣ авторъ, нѣмецкій учитель, сообщаетъ результаты своего посѣщенія французскихъ школъ. Книга заслуживаетъ вниманія, такъ какъ представляетъ весьма точную и, главное, безпристрастную картину школьнаго дѣла (первой его ступени) во Франціи.

(Revue pédagogique, 8).

Allerlei Schülerurbilder. Federzeichnungen für Schul- und Kinderfreunde von *J. Scheel*. Hamburg. 132 S. 1 M. Книга эта заключаетъ въ себѣ двѣнадцать ученическихъ характеристикъ. Всѣ очерки написаны очень живо, правдиво, весьма поучительны и содержательны. Книжка заслуживаетъ живѣйшаго вниманія. (Paedag., 8).

Drei weitere Jahre Erfahrungen mit der imitativen Methode. Ein Bericht aus der Praxis des neusprachlichen Unterrichts von *H. Klinghardt*. Marburg. M 2. 50. Имя Клингардта извѣстно въ Германіи какъ сторонника подражательнаго метода при преподаваніи новыхъ языковъ, какимъ онъ высказалъ себя въ своей книгѣ «Ein Jahr Erfahrungen mit der neuen Methode», обратившей на себя вниманіе въ свое время (въ 1888 г.). Въ этой новой своей книгѣ авторъ говоритъ о результатахъ,

достигнутыхъ имъ при преподаванiи новыхъ языковъ въ трехъ классахъ реальной гимназiи. Кромѣ того, онъ останавливается на разсмотрѣнiи тѣхъ средствъ, которыми вообще можетъ быть достигнуто успѣшное преподаванiе при помощи подражательнаго метода. Если и нельзя согласиться со всѣми воззрѣнiями автора, то тѣмъ не менѣе каждый учитель найдетъ въ этой книгѣ много любопытнаго и для себя поучительнаго. (Literar. Centralbl., № 17).

Allgemeine Methodik des Sprachunterrichts in kritischer Begründung von *Arn. Ohlert*. Hannover. 3 M. Книга эта представляетъ въ цѣломъ удачную попытку установить тѣ требованiя, которыя психологiя и лингвистика ставятъ преподаванiю языковъ. За вступительными замѣчанiями (о необходимости и возможности постояннаго прогрессированiя педагогики, а также о понятiи и задачахъ общей методики преподаванiя языковъ) слѣдуетъ выясненiе авторомъ основъ преподаванiя языковъ. При этомъ идетъ рѣчь во 1) о сущности и развитiи языка (психологiя и логика, отношенiе къ нимъ языка) и во 2) о лингвистическихъ и психологическихъ условiяхъ преподаванiя. Вторая главная часть сочиненiя «Aufbau des Sprachunterrichts» занимается изслѣдованiемъ тѣхъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты при обученiи языкамъ и того значенiя, которое имѣетъ преподаванiе того или другого языка. Авторъ, теоретически держащiйся основныхъ началъ Гербартовской педагогики, на практикѣ является сторонникомъ уменьшенiя изученiя древнихъ языковъ и увеличенiя преподаванiя родного языка.

(Literar. Centralbl., 29).

Les écoles et les écoliers à travers les âges. par *L. Tarsot*.—Paris. Книга эта, украшенная 130 гравюрами, изображаетъ предъ нами школьную жизнь всѣхъ вѣковъ, начиная съ древнихъ временъ до нынѣшняго дня. Особенно интересна часть книги, посвященная среднимъ вѣкамъ. Всего богаче разработана исторiя школы во Францiи со времени революцiи. Авторъ собралъ много любопытныхъ данныхъ и съ большимъ искусствомъ обработалъ ихъ, отчего книга читается съ большимъ интересомъ.

(Revue pédagog., 5).

Die Bearbeitung pädagogischer Themen von *H. Schwochow* 2 Aufl. 2. M. 40 Эта книга состоитъ изъ двухъ частей. Первая—теоретическо-практическое руководство для писанiя на различныя педагогическiя темы. Вторая, имѣющая именно для насъ интересъ, представляетъ указатель педагогической литературы. Указатель этотъ разработанъ очень хорошо, литература и источники по тому или другому вопросу приведены подъ различными рубриками, какъ, напр., исторiя педагогики, преподаванiе (различныхъ предметовъ), школьное дѣло за границей и т. д. Книга эта можетъ служить весьма цѣннымъ пособiемъ.

(Volksschule, 9).

Musterlektionen aus allen Unterrichtsgebieten der dreistuffigen Volksschule von *H. Schütze* und *C. Ekhardt*—3 Th. 2 Aufl. 4 M.—Leipzig. Эта книга, въ составленiи которой приняли участiе многiе извѣстные учителя, представляетъ 79 уроковъ изъ различныхъ областей курса народной школы. Книга эта можетъ быть весьма полезной молодому учителю. (Allg. d. Lehrerz., 30).

Die Organisation der Volksschulen von *K. Heinemann*.—Gera—1 M. Эта книжка даетъ отвѣты на всѣ вопросы школьной организацiи. Хотя школьное дѣло и носитъ во всякой мѣстности свой отпечатокъ, тѣмъ не менѣе есть требованiя, которымъ оно должно повсюду отвѣчать. На нихъ-то особенно и останавливается авторъ, и даетъ, не смотря на небольшой объемъ книги, весьма ясное о нихъ понятiе.

(Allg. d. Lehrerz., 9).

Grundriss der Schulgesundheitspflege für Lehrer von *C. Richter*. Berlin. 1 M. 80. Эта небольшая, но очень хорошая книжка не исчерпываетъ богатаго матерiала, представляемаго гигiеной, не даетъ также какихъ-либо новыхъ научныхъ положенiй, но вполнѣ отвѣчаетъ намѣченной авторомъ цѣли: сообщить учителю все, что ему нужно знать для того, чтобы разумно заботиться о физическомъ развитiи своихъ учениковъ. Особенно цѣннымъ является въ этой книгѣ то, что авторъ не оставляетъ безъ вниманiя условiй школьнаго дѣла въ разныхъ странахъ. Книжка заслуживаетъ полнаго вниманiя. (Volksschulfr., 26).

Ratichianische Schriften von *Paul Stötzner*. Leipzig. 169 S 1 M. 20 Pf. II B. Изданiе сочиненiй извѣстнаго педагога Ратихiя является вкладомъ въ литературу педагогики. Изъ его сочиненiй можно видѣть, какое влiянiе онъ имѣлъ на своихъ послѣдователей: Франке, Коменскаго и др. Второй томъ его сочиненiй содержитъ важнѣйшее изъ

произведенiй Ратихiя (Wolfgangi Ratichii in Methodum Linguarum generalis introductio), до сихъ поръ хранившееся въ рукописи и теперь впервые напечатанное. Въ приложенiи къ этому даны весьма цѣнные отрывки изъ учебниковъ Ратихiя; «Allgemeine Sprachlehre» (1619 г.) и Kurzer Begriff der Bestandlehre (1621 г.).—Всякiй изучающiй исторiю педагогики найдетъ много интереснаго въ сочиненiяхъ Ратихiя. (Allg. d. Lehrerz., 13).

Hinaus zum Spiel! von *W. Krause.*— 2 Aufl. Авторъ этой книги даетъ богатый выборъ народныхъ и дѣтскихъ игръ подъ различными рубриками. Игры описаны ясно и понятно. Книга можетъ быть рекомендована всѣмъ учителямъ и родителямъ.

(Allg. d. Lehrerz., 30).

Natur und Naturgemassheit bei Rousseau. Eine philosophisch-pädagogische Studie von *A. Spitzner*—Leipzig. 101 S. Авторъ останавливается подробно на разсмотрѣнiи того, что Руссо понималъ подъ природой и что онъ считалъ сообразнымъ съ природой. Свой очеркъ, основанный на солидномъ знакомствѣ съ философскими и педагогическими возврѣнiями Руссо, авторъ заканчиваетъ проведенiемъ параллели между Руссо, Базедовымъ и Песталоцци.

(Allg. d. Lehrerz., 18).

Etude sur l'état de l'éducation des sourds-muets en France par *Louis Capon.—Elbeuf* in-8°.

L'organisation de l'enseignement technique et supérieur par *Em. Delivet.*— Le Havre 12°.

La famille—La patrie.—L'humanité. Hygiène de l'enfance. Ouvrage couronné par la Societé d'Hygiène de l'enfance, par *Aug. Colombié.*—Paris in-12°.

De l'enseignement agricole dans les écoles primaires rurales par *Bogard*— Toulon 8°.

Manuel des jeux scolaires et d'exercices physiques. par *Cruciani* — Paris in-4°.

Die künstlerische Erziehung der deutschen Jugend von *Konrad Lange.*—Darmstadt—255 S. 3 M.

Die Wirklichkeit als Erzieherin von *Johannes Hecht*—Leipzig. 136 S. 2 M.

Ueber Individualitätsbilder (Schülercharakteristiken) von *F. Brinkmann.*— Gotha—60 Pf.

Die Literatur der Schulhygiene. Kritischer Bericht von *Otto Janke*—Gotha— 60 pf.

Der Zeichnenunterricht zu Ende des XIX Jahrhunderts: von *Prof. Schoop.*— Zürich. 4 M.

Methodik des Gesangunterrichts von *J. Hiebsch*—Wien. 2 Aufl. 143 S. 80 Kr.

Die Hygiene der Knaben-Handarbeit von *Otto Janke*—Leipzig.—105 S. 1 M. 80 Pf.

Ueber Jugend und Volksspiele von *E. von Schenkendorff* und *Dr. Med. F. Schmidt.* Jahrbuch des Centralausschusses zur Förderung der Jugend und Volksspiele in Deutschland. II Jahrgang—Hannover. 193 S.

Gesammelte Schriften von Friedrich Dittes. Erstes Heft: I. Das menschliche Bewustsein. II. Das Aestetische. Zwei gekrönte Preisschriften.—Leipzig. XV 167 S.

Beitrag zur Frage des Universitätsstudium der Frauen von *Pochhommer.*— Kiel—60 Pf.

Spiele fur die Volksschule von J. *Stangenberger* 5 Aufl. 80 Pf.—Leipzig.

Lehrbuch der praktischen Logik von *Fr. Dittes.* 9 Ster-Aufl.—Leipzig.—1 M.

Geschichte der Pädagogik mit Charakterbildern hervorragender Pädagogen und Zeiten. von *Joh. Böhm.* Mit 103 Abbild.—2 Aufl. B. I.—M. 4. B. II.— M. 5.—Nürnberg.

Herbart oder Pestalozzi? Eine kritische Darstellung ihrer Systeme, als Beitrag zur richtigen Würdigung ihres gegenseitigen Verhältnisses von *Dr. Vogel.* 2 Aufl. 163 S.—2 M. 40.

Vogel. A.—Systematische Darstellung der Pädagogik Johann Heinrich Pestalozzi's. Mit durchgängiger Angabe der quellenmässigen Belegstellen aus seinen sämmtlichen Werken. 2 Aufl. 276 S. 3 M. 80 Pf. Hannover.

Psychopathische Minderwertigkeiten im Kindesalter von J. *Trüper.* 1 M.

Библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, вышедшихъ съ 1-го апрѣля по 1-е іюля 1893 г.

I. Педагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Александровъ, В. А. Санитарно-воспитательныя требованія начальныхъ школъ. Изд. редакціи журнала «Образованіе». 8 д., 22 стр. Ц. 20 к.

Брандтъ, А. Ө., проф. Учебные столы и скамьи. Издан. Маркса. Спб. 8 д., 19 стр.

Виреніусъ, А. Причины половыхъ аномалій въ дѣтскомъ возрастѣ и мѣры къ предупрежденію ихъ и устраненію въ семьѣ и школѣ. (Изъ журнала «Русская Школа» 1892 г.). Спб. 8 д., 13 стр. Ц. 20 к.

Гербачъ, В. Методическое руководство къ обученію письму. Пособіе для родителей, учителей учительскихъ институтовъ и семинарій. Изд. 12. Д. Полубояринова. Спб. 1893. 8 д., 63 стр. Ц. 40 коп.

Евтушевскій, В. Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. Изд. 7-е. Спб. 8 д., 208 стр. Ц. 75 коп.

Ельницкій, К. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Изд. 6-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 143 стр. Ц. 75 коп.

Игры дѣтей на открытомъ воздухѣ. Орелъ. Тип. Н. Сентяниной. 16 д., 11 стр.

Коменскій, Янъ-Амосъ. О культурѣ природныхъ дарованій. Переводъ съ латинскаго Л. Н. Модзалевскаго. Изд. редакціи журнала «Образованіе». Спб. 8 д., 44 стр. Ц. 30 к.

Коменскій, Іоаннъ Амосъ. Уставъ материнской школы. Съ чешскаго подлинника (1628) перевелъ Ө. В. Ржига. (Съ портретомъ автора). Нижній-Новгородъ. 8 д., XIV+109 стр. Ц. 50 к.

Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Часть I. Школьные типы. (Изд. 3-е). Часть II. Основныя проявленія ребенка. (Изд. 2-е). Спб. 1893. Тип. И. Скороходова. 8 д., II+247 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, Н. Ф. Оспопрививаніе въ городскихъ начальныхъ училищахъ гор. Москвы въ 1891 году. (Сообщено въ засѣданіи Московскаго гигіеническаго общества 15 дек. 1892 г.). (Извлечено изъ журнала р. общ. охраненія народн. здравія, 1893 г.). 8 д., 6 стр.

Перье, Э., д-ръ. Гигіена дѣтства. Переводъ съ французскаго Э. Русаковой, пересмотрѣнный д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Изд. Ф. Павленкова. (Библіотека полезныхъ знаній) Спб. 8 д., 124 стр. Ц. 50 к.

Рудинъ, В. В. Что нужнѣе: гимнастика, спортъ, игры или физическій трудъ для физическаго образованія? Рыбинскъ. Тип. Фалькъ. 8 д., 14 стр. Ц. 75 к.

Сениговъ, Николай. О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ начальной алгебры (Отдѣльно напечатанная статья 1-го выпуска издаваемаго Н. Сениговымъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Опытъ усовершенствованія элементовъ математики»). Москва. Тип. Г. Ламакина. 8 д., 48 стр. Ц. 50 к.

Талама, Д. Значеніе музыки и ненормальныя условія современнаго музыкальнаго воспитанія. Актовая рѣчь,

(Оттискъ изъ отчета виленской 1-й гимназіи за 1892—93 г.). Вильна. Тип. А. Сыркина. 8 д., 98 стр.

Толстой, Л. Н., графъ. Сочиненія. Томъ 4-й. (Педагогическія статьи. Сочиненія и переводы для дѣтей). Изд. 9-е. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 504 стр.,

Ушинскій, К. Руководство къ препродаванію по «Родному Слову». Часть I (Приложеніе къ 1-му и 2-му году «Родного Слова»). Изд. 18-е. Спб. Тип. Лебедева. 8 д., II+100 стр.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Вильевъ, А. Сводъ постановленій и распоряженій по частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Справочная книжка для содержателей и содержательницъ частныхъ учебныхъ заведеній. Рига. Тип. Э. Платеса. 8 д., 2+43 стр.

Въ память почившихъ въ Бозѣ Членовъ Императорской Фамиліи женская школа въ гор. Павловскѣ, Спб. губ., учрежденная Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Александрою Іосифовною. Историческій очеркъ за 1868—1893 гг (XXV). Спб. Тип. С. Добродѣева. 8 д., 12+XII стр.

Годовой отчетъ училища св. Анны по случаю торжественнаго акта, назначеннаго на 4-е іюня. (1) О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII столѣтія. 2) Училищная лѣтопись). Спб. Тип. академіи наук. 8 д., 110 стр.

Десятилѣтіе народныхъ чтеній въ гор. Одессѣ (1882—1892). Къ отчету одесскаго славянскаго благотворительнаго общества свв. Кирилла и Меѳодія за 1892 г. Одесса. Тип. В. Кирхнера. 8 д., 22 стр.

Есиповъ, Н. Н. Ежегодникъ программъ и правилъ пріема всѣхъ учебныхъ заведеній 1893—1894 г. Вып. II. Среднія учебныя заведенія. Изд. книж. магазина В. Думнова. Спб. 8 д., 695 стр.

Есиповъ, Н. Н. Ежегодникъ программъ и правилъ пріема всѣхъ учебныхъ заведеній 1893—1894 г. Вып. I. Военныя академіи. Съ приложеніемъ программъ испытаній при переводѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ въ полевую артиллерію и инженерныя войска. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Спб. 8 д., 176 стр.

Знойко, Н. Историческій очеркъ Ришельевской гимназіи (За періодъ времени отъ 1881 по 1892 годъ). Сост. по порученію педагогическаго совѣта. Одесса. 8 д., 73 стр.

Краткій отчетъ о состояніи гродненской мужской гимназіи за 1891—92 учебный годъ, составленный Г. Харламповичемъ, рѣчь «Св. Сергій Радонежскій и его время», читанная на актѣ Е. Орловскимъ, и краткій физико-географическій очеркъ Гродненской губерніи, составленный Г. Оношко. Гродна. Тип. губернск. правленія. 8 д., 104+22+47 стр. и рисунки.

Краткій обзоръ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1890—91 и 1891—92 гг. (22-й обзоръ). Дѣятельность отдѣловъ учебно-воспитательнаго комита: математическаго и физическаго Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д. Стр. съ 223 по 326.

Краткій отчетъ о состояніи Александровскаго могилевскаго реальнаго училища за 1891—92 учебн. годъ. Могилевъ на Днѣпрѣ. Тип. Я. Подземскаго. 8 д., 47 стр.

Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы. 1893 г. Вып. I. Изд. редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Спб. 8 д., 46 стр.

Крыловъ, А. Архіепископъ Никаноръ, какъ педагогъ. Новочеркаскъ. Тип. донская д. 8., 113 стр.

Любичъ-Лозинскій, А. Подробныя правила и программы для поступленія въ учебныя заведенія Кіевскаго учебнаго округа. Составл. по оффиціальнымъ источникамъ. Издан нооффиціальное. Кіевъ. Изд. и тип. С. В. Кульженка. 8 д., 389 стр.

Люстрицкій, В. Николаевская начальная церковно-приходская школа въ Казани съ 1868—1893 г., учрежденная въ ознаменованіе рожденія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Казань. Тип. В. Ключникова. 8 д., 31 стр.

Мещерскій, И. И. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Наставленіе для учителей, земскихъ дѣятелей и др., съ приложеніемъ наставленій по устройству школьныхъ пасѣкъ, шелководень и показательныхъ полей. Изд. 3-е, дополненное. Спб. Тип. В. Балашова и К°. 8 д.. VI+66 стр. и 1 планъ.

Мещерскій, И. И. Школьные сады, пасѣки и т. д., ихъ значеніе и устройство. Сост. по случаю всероссійской гигіенической выставки 1893 г. (Оттискъ

изъ журнала «Техническое Образованiе»). 8 д., 10 стр.

Отчетъ одесскаго еврейскаго общественнаго училища «Ешиботъ» за 1892 г. Одесса. Тип. А. Дыхно. 8 д.. 15+9 стр.

Отчетъ о дѣйствiяхъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1892 годъ, Спб Тип. В. Демакова, 8 д., 116 стр.

Отчетъ о дѣятельности правленiя общества «Трудъ» и ремесленнаго училища за 1892 г. (XXIX годъ). Одесса. Тип. Исаковича. 8 д., 121 стр.

Отчетъ о состоянiи Кiевской рисовальной школы за 1892 годъ. Кiевъ. Тип. А. Брунъ. 8 д., 16 стр.

Отчетъ попечителя Кiевскаго учебнаго округа о состоянiи учебныхъ заведенiй округа за 1892 годъ. Кiевъ. 8 д., 45+122+24+52+14+14+14+79+41+10+11+12 стр.

Отчетъ о народныхъ чтенiяхъ въ г. Ригѣ за второе полугодiе 1893 г. Рига. Тип. А. Липинскаго. 8 д., 7 стр.

Отчетъ Асѣевской низшей сельскохозяйственной школы второго разряда змiевскаго земства за 1891 г. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 8 д., 83 стр.

Отчетъ попечительнаго совѣта одесской талмудъ-торы за 1892 г. Одесса. Тип. Исаковича. 8 д., 43 стр.

Отчетъ о народныхъ чтенiяхъ въ Харьковѣ за 1891—92 учебный годъ. Харьковъ. Тип. губернск. правленiя. 8 д., 16 стр.

Отчетъ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Общества распространенiя полезныхъ книгъ за 1891 г. Москва. 1893. Тип. Общества распр. полезн. книгъ, 8 д., 71 стр.

Отчетъ по дому призрѣнiя и ремесленнаго образованiя бѣдныхъ дѣтей, въ С.-Петербургѣ, состоящему подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, за 1892 годъ. Спб. Тип. Шредера. 8 д., 19 стр.

Отчетъ о состоянiи псковскаго епархiальнаго женскаго училища за 1891—92 учебный годъ. Псковъ. Тип. губерн. правленiя. 8 д., 19+4 стр.

Отчетъ коммиссiи народныхъ чтенiй за 1892 годъ. Казань. Тип. университетская. 16 д., 13 стр.

Отчетъ Совѣта состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны С.-Петербургскаго фребелевскаго общества для содѣйствiя первоначальному воспитанiю за 1891—1892 гг. Спб. Тип. Р. Голике. 8 д., 35 стр.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенiя грамотности въ народѣ за 1891 годъ. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 8 д., 29 стр.

Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы покровительствомъ отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенiя по распространенiю духовно-нравственныхъ книгъ, за 22-й годъ его дѣятельности. Москва. Тип. Снегиревой, 8 д., 33 стр.

Программы по всѣмъ предметамъ обученiя въ воскресной школѣ для взрослыхъ и малолѣтнихъ учащихся (Въ объемѣ курса начальной народной школы). Составлены преподающими въ харьковской частной женской воскресной школѣ. Харьковъ. Тип. К. Счасни. 8 д., 88 стр.

Протоколы спецiальной коммиссiи по вопросу о преподаванiи естествознанiя въ техническихъ школахъ (Элементарный отдѣлъ). Рефератъ по физическому образованiю. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 112 стр.

Русская школа и православiе въ Привислянскомъ краѣ. Спб. Тип. И. Сойкина. 8 д., 18 стр.

Сборникъ матерiаловъ для исторiи просвѣщенiя въ Россiи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенiя. Томъ 1-й. Учебныя заведенiя въ западныхъ губернiяхъ до учрежденiя Виленскаго учебнаго округа 1783—1803. Изд. Министерства Народнаго Просвѣщенiя. Спб. 8 д., LX+896+142 стр. столб.

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елисаветы Өеодоровны Общество распространенiя между образованными женщинами практическихъ знанiй, основано 27-го марта 1888 г. Отчетъ за 1892 годъ. (5-й годъ). Москва. Тип. университетская. 8 д., 101 стр.

Тихомировъ, Д. Сборникъ правилъ и программъ для церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, съ относящимися къ нимъ Высочайшими повелѣнiями, опредѣленiями и указами Св. Синода и распоряженiями училищнаго при немъ совѣта, распоряженiями Министерства Народнаго Просвѣщенiя и друг. узаконенiями. Изд. 3-е, дополненное, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 207 стр. Ц. 65 коп.

Целлеръ, Э., д-ръ, проф. Гимназія и университетъ. Къ вопросу о школьной реформѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Валькера. Кіевъ. 8 д., 40 стр.

III. Законъ Божій.

Крыловъ, Василій, свящ. Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта для начальныхъ училищъ, съ картою Палестины и съ рисунками скиніи и ея принадлежностей. Изд. 7-е, дополненное учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 16 д., 209 стр.

Михайловскій, В., прот. Сокращенный молитвенникъ, содержащій изъясненія молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, и картинки. Изд. 12-е. Спб. Тип. Е. Поздняковой. 16 д., 48 стр.

— Ученіе о православномъ Богослуженіи, составленное по новой гимназической программѣ. Съ рисунками и приложеніемъ краткой славянской грамматики, словаря церковныхъ словъ и церковныхъ пѣснопѣній. Изд. 18-е. Спб. Тип. Е. Поздняковой. 8 д. V + III + 119+26 стр.

Пшеничниковъ, А., свящ. Краткое объясненіе Богослуженія Православной Церкви. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°. 8 д., 96 стр.

Пятницкій, Ив. Введеніе въ православное богословіе. Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій. Ставрополь. Тип. Тимофѣева, 8 д., 384 стр.

Смирновъ, П., прот. Краткая церковная исторія въ программѣ городскихъ училищъ. Изд. 6-е. Спб. Тип. И. Фролова. 8 д., 106+II стр.

— Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Изд. 15-е. Спб. Тип. Св. Синода. 16 д., 192 стр.

Соколовъ, Дм., прот. Краткое ученіе о Богослуженіи Православной церкви. Изд. 14-е. Спб. Тип. Катанскаго. 8 д., 94+II стр.

Чепикъ, Михаилъ. Опытъ полнаго курса гомилетики для 4, 5 и 6 клас. семинарій. Съ приложеніемъ разобранныхъ образцовъ, проповѣдническихъ плановъ и темъ на всѣ праздничные и воскресные дни и съ указаніемъ уставныхъ чтеній проповѣдей на тѣ же дни. Пособіе для проповѣдниковъ, заключающее практическія указанія и правила относительно составленія и оцѣнки проповѣдей и ихъ произношенія, а также относительно импровизацій и внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій. Москва. Тип. Иноземцева. 8 д., 401 стр.

IV. Русская грамота, русскій языкъ и словесность.

Барановъ, А. Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изд. 15-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 95 стр. Ц. 30 коп.

Барсовъ, Ѳ. М. Уроки правописанія. Опытъ практически-послѣдовательнаго изученія русской рѣчи на примѣрахъ. Въ 8-ми отдѣлахъ. Вильна. Тип. М. Жирмунскаго. 8 д., 38—370 стр. Ц. 1 р. 20 коп.

Блоштейнъ, А. Практическая русская грамматика. Изд. 5-е, знач. исправл. и дополненное, Л. Маца. Вильна. 8 д., III+116 стр. Ц. 50 коп.

Бунаковъ, Н. Азбука и уроки чтенія и письма въ 3-хъ книжкахъ. Съ 241 рисункомъ въ текстѣ. Изд. 51-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 80 стр. Ц. 25 к.

— Грамматическія и орѳографическія упражненія въ начальной народной школѣ (для 2-го и 3-го года обученія). Приложеніе къ книгѣ для чтенія «Въ школѣ и дома». Изд. 5-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 38 стр. Ц. 15 к.

Бунакова, Н. Хрестоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Сост. примѣнительно къ учебному плану гимназій М-ства Народнаго Просвѣщенія, кадетскихъ корпусовъ, учительскихъ семинарій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній. Отдѣлъ 2-й. Изд. 9-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 302 + II стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Бураковскій, С. М. Ю. Лермонтовъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его сочиненій для учащихся. Изд. 2-е. Новгородъ. Тип. А. Ѳедорова. 8 д., 62 стр. Ц. 45 коп.

— А. С. Пушкинъ. Біографическія свѣдѣнія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Изд. 2-е. Новгородъ. Тип. А. Ѳедорова. 8 д., 95 стр. Ц. 60 коп.

— «Горе отъ ума» А. С. Грибоѣдова. Разборъ комедіи для учащихся. Изд.

2-е. Новгородъ. Тип. А. Өедорова. 8 д., 39 стр. Ц. 40 коп.

Виноградовъ, И., и **Андреевъ**, А. Русская хрестоматія для приготовительнаго и перваго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи и текста изъ евангелія. Правописаніе по академическому руководству Я. Грота. Изд. 6-е, дополненное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., XII+227 стр. Ц. 50 коп.

Витте, Я. X. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Рига. Тип. Шнакенбурга. 8 д., 2+86 стр.

Вольперъ, М. Русская рѣчь. Учебное руководство, примѣненное къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Въ 3-хъ выпускахъ. Вып. 1-й. Букварь. (Орөографія по «Руководству» акад. Грота). Изд. 11-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 64 стр. Ц. 20 коп.

— Практическая русская грамматика. Учебное руководство, примѣненное преимущественно къ тѣмъ школамъ, въ которыхъ дѣти обучаются русскому языку по книгамъ того же автора «Русская рѣчь». Основаніемъ для орөографическихъ правилъ послужило «Руководство» акад. Грота. Изд. 3-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 160 стр. Ц. 50 коп.

Гербачъ, В. С. Руководство къ обученію письму. Прописи русскія. Изд. 30-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 46 стр. Ц. 40 коп.

— Русскія прописи, составленныя согласно указаніямъ училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ совѣта. Изд. 8-е, Д. Полубояринова. Спб., 8 д. 16 стр. Ц. 10 коп.

— Уроки чистописанія, составленные согласно указаніямъ училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ совѣта. Изд. 3-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 32 стр. Ц. 20 коп.

— Школа чистописанія для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. Русскіе образцы въ 8-ми тетрадяхъ. Изд. Н. Фену и К°. Тетрадь 1-я. Спб. 4 д., 20 стр.

— Тетрадь 2-я. 20 стр.

— Тетрадь 6-я. 20 стр.

— Прописи правописанія. Сборникъ каллиграфически исполненныхъ примѣровъ на важнѣйшіе орөографическія правила. Учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. Изд. 2-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д. 32 стр. Ц. 20 к.

Горяевъ, Н. Приложеніе къ напечатанной въ 1892 году книгѣ «Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка». Тифлисъ. Тип. канцеляріи Главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ. 8 д., стр. съ 241 по 256.

Гротъ, Я. К., акад. Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію втораго отдѣленія Имп. академіи наукъ. Изд. 10-е. Спб. 8 д. XII+120+XL стр. Ц. 60 коп.

Дьяченко, Г. М., свящ. Доброе слово. Первый годъ обученія. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ. Изд. 4-е, исправленное, книжнаго магазина В. Думнова. Москва. 8 д., 171 стр.

Ерминъ, Н., и **Некрасовъ**, Н. Азбука совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изд. VI (Петерб. учебн. магазинъ). Спб. Тип. П. Шмидта. 8 д., 31 стр. Ц. 5 к.

Жемчужинъ, I., свящ. Русское чтеніе. Первая книга послѣ азбуки. Годъ первый. Спб. Тип. Ю. Эрлиха. 8 д., 72 стр. Ц. 20 коп.

Круглаго, А. О теоріи поэзіи въ русской литературѣ XVIII столѣтія (Изъ отчета училища св. Анны 1892—93). Спб. 8 д., 74 стр.

Мартыновскій, В. Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ I. Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, I и II классахъ среднеучебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Приложенія: I. Произведенія народной словесности. II. Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. III. Церковно-славянскій текстъ. Изд. 6-е, дополненное. Тифлисъ. Тип. К. Козловскаго. 8 д., XIV + 448 + XX стр. Ц. 1 р. 25 коп.

— Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ. Томъ III (Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и друг.). Книга для занятій по теоріи и исторіи словесности въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Сост. примѣнительно къ новымъ учебнымъ планамъ реальныхъ училищъ и мужскихъ гимназій. Изд. 2-е, дополненное. Тифлисъ. Тип. К. Коз-

ловскаго. 8 д., XIV + 619 + 124 стр. Ц. 1 р. 85 коп.

Межаковъ, В. И. Курсъ правописанія и систематическаго диктанта для войсковыхъ школъ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное, В. Березовскаго. Спб. 8 д., 60 стр. Ц. 25 коп.

Москалевъ. В. И. Краткая исторія русской литературы со временъ Петра Великаго до нашего времени, съ біографіями замѣчательныхъ писателей и значеніемъ ихъ произведеній. Рыбинскъ. Тип. Фалькъ. 8 д., 40 стр. Ц. 25 коп.

Павленковъ, Ф. Родная азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ рисунками. Изд. 13-е. Спб. Тип. «Общественная Польза». 16 д., 34 стр. Ц. 5 коп.

Паульсонъ, I. Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособіе для народныхъ училищъ, преимущественно одноклассныхъ. Новое, знач. исправленное изданіе (стереотипъ). Съ 2-мя географическими картами. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., VIII + 320 стр. Ц. 45 коп.

Петровъ, К. Ѳ. Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія въ образцахъ. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. Р. Голике. 8 д., 114+2 стр. Ц. 50 коп.

Покровскій, Іоаннъ, свящ. Доброе сѣмя. Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Изд. 2-е, М. Яблочкова. Тула. 8 д., 103 стр.

Полевой, П. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Часть первая. Младшій возрастъ. Изд. 28-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 214+26 стр.

Поливановъ, Левъ. Краткій учебникъ русской грамматики (синтаксисъ и этимологія) для учениковъ трехъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ приложеніемъ образцовъ для диктанта, расположенныхъ въ порядкѣ параграфовъ грамматики. Изд. 11-е. (Правописаніе соглашено съ руководствомъ Академіи Наукъ). Москва. Тип. М. Волчанинова. 8 д., II+121+VI стр. Ц. 50 коп.

Поповъ, Д. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку въ церковно-приходскихъ школахъ. Изд. 3-е. Спб. Тип. Св. Синода. 8 д., 128 стр.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Русскія прописи. Учебное пособіе для учениковъ среднихъ и низшихъ заведеній и для начальнаго домашняго обученія. Изд. 8-е. Книжн. магазина П. Луковникова.

— Письменныя упражненія въ изложеніи мыслей. Руководство для учителей народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 2-е, переработанное, книжн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 8 д., 156 стр. Ц. 35 коп.

Радонежскій, А. Книга для чтенія и письменныхъ работъ въ церковно-приходскихъ и начальныхъ школахъ. Второй годъ обученія. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. В. Балашева. 8 д., VI+250 стр. Ц. 45 коп.

Рудневъ, В. Родной мірокъ. Русскій букварь и первая послѣ букваря книжка для чтенія. Учебное руководство для перваго года обученія въ народной школѣ, съ образцами для письма, упражненіями для самостоятельныхъ письменныхъ работъ и большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ. Изд. 5-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 96 стр. Ц. 30 к.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. XV-й. Типы скупого въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ (Кубышка, ком. Плавта. Скупой, ком. Мольера. Плюшкинъ—Гоголя. Скупой рыцарь—Пушкина. Три характеристики Ѳеофраста. Русскія пословицы о скупости). Изд. И. Глазунова. Спб. 8 д., 144 стр. Ц. 40 коп.

Русскій букварь. Вильна. 1893. Изд. и тип. А. Сыркина. 8 д., 32 стр.

Сборникъ стихотвореній и прозаическихъ статей для заучиванія учениками гимназій и прогимназій. Сост. примѣнительно къ учебнымъ планамъ, утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 20 іюля 1890 г. Орѳографія по Гроту. Изд. 7-е, русской книжной торговли А. Сыркина. Вильна. 8 д., VIII+262 стр.

Сельская школа. Русскій и церковно-славянскій букварь и книга для чтенія (Первый годъ обученія въ школѣ). Состав. Шантуринъ, Устиновъ и Полозова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 8 д., 139+III стр. Ц. 20 коп.

Тихомировъ, Д. И. Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Предназначается для школъ грамотности, для домашняго обученія и для церковно-приходскихъ школъ. Изд. 2-е учебнаго магазина «Начальная школа» Е. Ти-

хомировой. Москва. 8 д., 150 стр. Ц. 30 коп.

Толстой, Л. Н., графъ. Вторая русская книга для чтенія. Изд. 19-е. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 66 стр. Ц. 12 коп.

— Третья русская книга для чтенія. Изд. 17-е. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д. 71 стр. Ц. 12 к.

— Новая азбука. Изд. 19-е. Москва. Тип. А. Мамонтова. 8 д., 95 стр. Ц. 20 к.

Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 1-й. Азбука и перва послѣ азбуки книга для чтенія, съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Изд. 97-е. Спб. Тип. Н. Лебедева, В. Балашева и товар. «Обществ. Польза». 8 д., 112 стр. Ц. 30 коп.

— Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ 2-й. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, съ картинками въ текстѣ. Изд. 75-е. Тип. Н. Лебедева, В. Балашева и товар. «Обществ. Польза». 8 д.. 188+IV стр. Ц. 35 к.

— Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Изд. 24-е (окончательно исправл. и дополненное, съ 105 рисунк. въ текстѣ). Въ 2-хъ частяхъ. Часть 2-я. Спб. Тип. Н. Лебедева и товар. «Общественная Польза». 8 д., 296+94+V стр.

Фенелоновъ, М. Дѣтская народная грамматика. Спб. Тип. Р. Голике. 8 д., 40 стр. Ц. 30 коп.

V. Древніе языки.

Аппельротъ, Владиміръ. Краткій синтаксисъ греческаго языка. Изд. 2-е, исправленное А. Ланга. Москва. 8 д., 64 стр. Ц. 45 коп.

Аристотель. Объ искусствѣ поэзіи. Греческій текстъ съ переводомъ и объясненіями Влад. Аппельрота. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., IV+97 стр. Ц. 50 коп.

Библіотека греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Homeri Ilias. Пѣснь IX. Перевелъ и объяснилъ Л. Л. Скр—скій. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 16 д., 56 стр. Ц. 30 коп.

Виноградовъ, П. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ Ходобая и Виноградова. Сост. примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. Вып. 1-й (Курсъ 4-го класса). Москва. Тип. университетская. 8 д., VI+79+69+35 стр. Ц. 60 коп.

Виноградовъ, Ив. Extemporalia съ русскаго языка на латинскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій. Переводъ. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 8 д., 172 стр., Ц. 60 коп.

Гельвихъ, Н. Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта. Съ приложеніемъ указателя встрѣчающихся у Плавта именъ прилагательныхъ. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. д., III+331+115 стр.

Исаенковъ, Владиміръ. Учебникъ греческаго синтаксиса для гимназій. По Wendt Griechische Schulgrammatik и друг. пособіямъ. Изд. 2-е, съ измѣненіями, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., XI+169 стр. Ц. 80 коп.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчь за Лигарія. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 2 рисунками и географическими картами. Объяснилъ В. А. Алексѣевъ. Часть 1. текстъ. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. 8 д., 15 стр.

— Часть II. Комментарій. 38 стр. Ц. за обѣ части 30 коп.

Комаровъ. А. Ф. Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Изд. 2-е. Воронежъ. Тип. губернск. правленія. 8 д., II+156 стр. Ц. 30 коп.

Ланговой, Александръ. Избранныя рѣчи. Туллія Цицерона. Текстъ съ объясненіями. Выпускъ I. Часть II. Объяснительныя примѣчанія. (Классная библіотека греческихъ и римскихъ авторовъ). Изд. книжн. магазина «Начальная школа». Москва. Тип. А. Мамонтова. 8 д., IV+104 стр. Ц. 50 коп.

Латинская грамматика Ходобая въ обработкѣ Андрея Адольфа. Курсъ гимназическій. Изд. 11-е, книжн. магазина В. Думнова. 8 д., VIII+217 стр.

Моръ, Я. Книга упражненій по греческой этимологіи. Изд. К. Риккера. Спб. 8 д., VIII+223 стр. Ц. 1 руб. 25 коп.

— Краткая этимологія греческаго языка. Изд. К. Риккера. Спб. 8 д., X+208 стр. Ц. 1 руб.

Нетушилъ, И. В. Къ синтаксису сложныхъ предложеній греческихъ и латинскихъ. Греческія предложенія цѣли. (Отд. оттискъ изъ «Филологическаго

Обозрѣнія»). Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа 8 д. стр., съ 23 по 41.

Образцовъ, А. Греческій синтаксисъ по первой книгѣ «Воспоминаній о Сократѣ». Спб. Тип. В. Мѣстника. 8 д., 25 стр.

Планкъ, Г., д-ръ. Латинскій языкъ, какъ средство научнаго образованія. Переводъ съ нѣмецкаго Дм. Королькова. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., 92 стр., Ц. 40 коп.

Поспишиль, А. О. Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Часть II. Курсъ 2-го и 3-го классовъ. Изд. 3-е, переработ. и дополненное. Кіевъ. Тип. университетская (В. Завадзкаго). 8 д., III+232 стр. Ц. 1 р.

Присёлковъ, А., препод. тифл. 1-й гимназіи. Отрывки изъ греческихъ писателей для письменныхъ работъ въ 8-мъ классѣ. Тифлисъ. Тип. канцеляріи Главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ. 8 д., IV+II+109 стр. Ц. 50 к.

Семеновичъ, Ив. Отрывки изъ римскихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII, VIII классахъ гимназій. Москва. Тип. товар. А. Мамонтова. 8 д., 6 + 392 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сперанскій, Н. и **Аппельротъ**, В. Этимологія греческаго языка. Изд. 2-е, исправленное. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д.. 168 стр. Ц. 1 р.

Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ А. И. Ак—овъ. Изд. 2-е, значит. исправленное, съ подстрочнымъ словаремъ и примѣчаніями, составл. Д. Ѳомицкимъ. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 16 д., 221 стр. Ц. 50 коп.

Цыбульскій, С. Римское войско. Составъ и вооруженіе. Объяснительный текстъ къ V, VI и VII «Таблицамъ для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей». Изд. Н. Фену и К°. Спб. 8 д., II+19 стр. Ц. 20 коп.

Цыбульскій, С. Таблицы для нагляднаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей. Изд. Н. Фену и К°. Табл. V. Спб. 1 д., 1 стр.

VI. Математика и естествознаніе.

Агаповъ, Д. Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ темами на испытаніяхъ зрѣлости во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Вып. 4-й. Тригонометрія. Оренбургъ. Тип. Б. Бреслина. 8 д., 88 стр. и 2 таблицы. Ц. 65 коп.

Андреевъ, К. А., орд. проф. Сборникъ упражненій по аналитической геометріи. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 8 д., 2+204 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Блюмбергъ, Я. Элементарная алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, пересмотрѣнное и нѣсколько дополненное. Спб. Тип. Э. Арнгольда. 8 д., VI+XXII+246 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Брэмъ, А. Э. Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецк. исправлен. и дополненнаго изданія подъ редакціею К. К. Сентъ-Илера. Томъ IV. Вып. 1-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Общественная Польза». 8 д., 128 стр.

— Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго, исправленнаго и дополненнаго изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ III. Вып. 5-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. Польза» 8 д., стр. съ 513 по 656. Вып. 6-й. VIII + съ 657 по 795 стр.

— Жизнь животныхъ. Популярное изложеніе. (75 выпусковъ, 6 полутомовъ, 1.200 иллюстр. въ текстѣ, 1 карта). Полутомъ I. Вып. I. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ ред. д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Одесса. Тип. Л. Нитче. 8 д., 32 стр. Ц. 25 к.

Варавва, М. Краткій курсъ естественной исторіи. Сост. согласно съ утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія учебною программою для городскихъ училищъ. Курсъ 1-го и 2-го года. Со многими политипажами въ текстѣ. Изд. 6-е, исправл. и дополненное. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д., VII + 320 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Владиміровъ, Ариѳметика. Часть 2-я. Четыре дѣйствія надъ цѣлыми именованными числами. Изд. 2-е, дополненное, Г. Эйленберга-Пуцита. Рига. 8 д., 72 стр.

Гердъ, А. Учебникъ минералогіи для городскихъ училищъ. Съ 91 рисункомъ въ текстѣ. Изд. 8-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 134+2 нен. стр. Ц. 80 коп.

Гольденбергъ, А. И. Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариѳметикѣ, въ двухъ выпускахъ. Вып. 1-й. Задачи и примѣры на числа пер-

вой сотни и на простѣйшія дроби. Изд. 17-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 64 стр. Ц. 15 коп.

Доне, Фридрихъ. Сборникъ методически распредѣленныхъ ариѳметическихъ задачъ. Часть I. Четыре дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ отъ 1—10, 1—100 и 1—1.000. Изд. 2-е. передѣланное, книжн. магазина В. Меллина и К°. Рига. 8 д., 76 стр.

Зорауэръ, Р., д-ръ. Физіологія растеній для садовниковъ. Пособіе для практиковъ при выполненіи садовыхъ работъ, а также руководство для обученія въ школахъ. Съ 35 политипажами въ текстѣ. Переводъ подъ ред. проф. А. Ф. Рудзкаго. Изд. А. Девріена. Спб. 8 д., 293 стр. Ц. 2 р.

Кайгородовъ, Дмитрій, проф. Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. (Вторая серія). Чернолѣсье (лиственный лѣсъ). (Со многими рисунками). Изд. 3-е.

Лавровъ, Н. И.—**Нечаевъ**, Н. П. Курсъ химіи въ объемѣ программы военныхъ училищъ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., XII+274 стр. Ц 1 р. 50 коп.

Малининъ, А. и **Буренинъ**, К. Ариѳметика. Изд. 17-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., 207 стр. Ц. 75 к.

Павловъ. Н. Н. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для низшихъ лѣсныхъ школъ. Сост. при содѣйствіи В. А. Тихонова. Изд. 2-е, лѣсного департамента. Спб. 8 д., 66 стр.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Вокругъ насъ. Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Учебное пособіе для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Съ 135 рисунками въ текстѣ. Изд. 5-е, книжн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 8 д., 87 стр. Ц. 30 коп.

Ребьеръ, А., проф. Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перевелъ Н. де Жоржъ. Спб. Тип. И. Фролова. 8 д., 219+V стр. Ц. 1 р.

Румянцевъ, Г. Т. Повторительный курсъ ариѳметики (собраніе правилъ, примѣровъ и упражненій) для сельскихъ и городскихъ училищъ, въ которыхъ обучаютъ ариѳметикѣ по одному изъ общеупотребительныхъ задачниковъ Гольденберга или Евтушевскаго. Орелъ. Тип. «Орлов. Вѣстн.». Н. Сентяниной. 8 д., 32 стр.

Сениговъ, Николай. Образцы объяснительнаго рѣшенія задачъ въ практическомъ курсѣ ариѳметики. (Отдѣльно напечатанная статья перваго выпуска, издаваемаго Н. Сениговымъ сочиненія, подъ заглавіемъ: «Опытъ усовершенствованія элементовъ математики»). Москва. Тип. Г. Ламакина. 8 д., 87 стр. Ц. 50 коп.

— Новое ученіе о параллельныхъ линіяхъ. Москва. Тип. Г. Ламакина. 8 д., 31 стр. и III таблицы фигуръ. Ц. 75 коп.

Смагинъ, А. Д. Практическій задачникъ для обученія начальной ариѳметикѣ, заключающій въ себѣ преимущественно предметы торговли. Часть I. Упражненія въ предѣлѣ первой сотни. Изд. Сортаковой. Москва. Тип. В. Чичерина. 8 д., 64 стр. Ц. 25 коп.

Фишманъ, Л. Краткое руководство ариѳметики и сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальнаго преподаванія. Часть II. Изд. 3-е, въ большей своей части дополнен. и исправленное подъ редакціей В. Я. Попова, К. Зихмана (Четыре дѣйствія съ цѣлыми именованными числами). Рига. 1893. Тип. Мюллера. 8 д., 96 стр. Ц. 20 коп.

Фроловъ, П. Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній. Вып. III. Свѣтъ. Электричество. Полтава. Тип. губернск. правленія. 8 д., V+247 стр.

Ярошевскій, К. Ѳ. Краткій курсъ естественной исторіи. Съ 207 политипажами въ текстѣ. Изд. 15-е. Москва. Тип. товар. А. Мамонтова. 8 д., 252 стр. Ц. 1 р. 30 коп.

VII. Исторія и географія.

Абаза, В. А. Исторія Россіи. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., VI+321 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Беллярминовъ, И. Курсъ всеобщей исторіи (элементарный). Изд. 3-е, съ рисунками и картами. Спб. Тип. В. Балашева. 8 д., III+224 стр. Ц. 80 коп.

Воронецкій, А. Учебникъ всеобщей географіи въ 3-хъ курсахъ. Курсъ 1-й. Общій обзоръ земнаго шара и карты Россійской Имперіи. Изд. 7-е, исправленное, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., 72 стр. Ц. 45 коп.

Гинце, Г. Э. Краткій повторительный курсъ средней исторіи (Средній курсъ). Изд. 2-е, исправленное. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 16 д., 88 стр.

Елпатьевскій, К. Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Изд. 3-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. Тип. В. Демакова. 8 д., VI+420 стр. Ц. 1 р. 30 коп.

Иловайскій, Д. Руководство ко всеобщей исторіи. Часть I. Древняя исторія. (Курсъ старшаго возраста). Изд. 20-е. Москва. Тип. М. Волчанинова, 8 д., 308 стр. и 1 карта. Ц. 75 к.

— Руководство ко всеобщей исторіи. Часть 2-я. Средніе вѣка. Изд. 19-е. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 230 стр. и 1 карта. Ц. 60 к.

— Руководство къ русской исторіи (Соотвѣтственный плану третьяго класса гимназій). Изд. 33-е. Москва. Тип. М. Волчанинова. 8 д., 180 стр. Ц. 40 к.

Колосовъ, Н. А. Первая русская исторіографія (Отд. оттискъ изъ «Душеполезнаго чтенія» за 1893 годъ). Москва. Тип. университетская. 8 д., 10 стр.

Линбергъ, А. Начальный курсъ географіи. Съ 1-ю картою и 8-ю картинами. (Книжный магазинъ И. Дейбнера). Москва. 8 д., VI+40 стр. Ц 50 к.

Мечъ, Сергѣй. Кавказъ. Изд. 3-е. исправленное. Москва. Тип. товар. И. Кушнеревъ и К°. 8 д., 128 стр.

— Первые уроки географіи. Изд. 2-е, исправленное. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 111 стр. Ц. 40 коп.

Острогорскій, М. Исторія Россіи въ разсказахъ, съ картинками, для народныхъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 12-е, исправленное. Спб. Тип. П. Сойкина. 8 д., 96 стр. Ц. 25 коп.

Петеръ, К. Хронологическія таблицы греческой исторіи. Справочная книга и пособіе при преподаваніи въ высшихъ классахъ гимназій, съ постояннымъ указаніемъ на источники и выдержками изъ нихъ. Перевелъ съ нѣмецкаго В. В. Смирновъ. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 4 д., IV+163 стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Томъ 6-й. Вып. 1-й. Агезилай и Помпеи. (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 202 стр. Ц. 20 коп.

Раевскій, Н. Краткій учебникъ географіи. Часть I. Описаніе земнаго шара. Съ 55-ю рисунками и 3-мя окрашенными картами. Изданіе 4-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. А. Бенке. 8 д., 61 стр. Ц. 50 коп.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Всеобщая географія. XII. Восточная Африка. Атлантическіе архипелаги. Сенегамбія и восточный Суданъ. Съ 64 рисунками. Изд. картогр. заведенія А. Ильина. Спб., 8 д., 604 стр.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Общія свѣдѣнія. Курсъ низшихъ учебныхъ заведеній. XXXIII-е изданіе. Спб. Тип. Э. Арнгольда. 8 д., 80 стр., рисунки и карты. Ц. 40 коп.

Хмѣлевъ, Н. Географія Оренбургской губерніи. Учебное пособіе для среднихъ и низшихъ училищъ, съ приложеніемъ карты губерніи. Изд. 2-е, вновь передѣланное. Бирскъ. Тип. П. Иконникова. 8 д., 71 стр.

Штейнгауренъ, И. С. Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Курсъ систематическій. Изд. 4-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. Р. Лютера, въ г. Лодзи. 8 д., IV+4+87 стр.

VIII. Новые языки.

Вейгелинъ, Е. Учебникъ нѣмецкаго языка для кадетскихъ корпусовъ. III часть, курсъ 6-го и 7-го классовъ. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д., VI+337 стр. Ц. 1 р. 20 коп.

Дюбарро, К. Сборникъ легкихъ и занимательныхъ разсказовъ для перевода съ русскаго на французскій языкъ, спеціально приспособленныхъ къ знаніямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со словаремъ и примѣчаніями. Изд. книжн. магазина «Другъ школъ» Н. фонъ-Ланге. Москва. 8 д., 76+II стр. Ц. 60 к.

Еше, Александръ. Нѣмецкій синтаксисъ. Изд. 2-е, исправленное, книжн. магазина В. Думнова. Москва. Тип. М. Волчанинова. 8 д., XIX + 131 стр. Ц. 60 коп.

Заменгофъ, М. Ф. Краткая популярная нѣмецкая грамматика (сравнительно съ русскою). Текстъ русскій и нѣмецкій. Изд. 6-е, исправленное. Варшава. Тип. А. Гинса. 8 д., 80 стр.

— Учебникъ нѣмецкаго языка для русскаго юношества. Курсъ 1-ый. Изд. 12-е. Варшава. Тип. А. Гинса, 8 д., 78 стр.

Игнатовичъ, В. С. Концентрическій учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ, состоящій изъ трехъ частей. Курсъ элементарный (3-я глава на связномъ текстѣ). Часть 1-я. Изд. 13-е, Д. Полубояринова. Спб. 8 д., XVI+159 стр. Ц. 50 к.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ө. К. Андерсона. Wallenstein. Ein dramatisches Gedicht von F.

Schiller. Dritter Teil. Wallensteins Tod (Смерть Валленштейна. Шиллера). Спб. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. 8 д., VIII + 246 стр. Ц. 45 коп.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія. Goethe. Egmont. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. (Гете. Эгмонтъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ Е. А. Лёве. Изд. Манштейна. Спб. 16 д., 131 + 80 стр. Ц. со слов. 40 коп.

Кейзеръ, Ѳ. Краткая нѣмецкая грамматика. Пересмотрѣлъ и дополнилъ Р. Гретманъ. Часть III. Отдѣлъ I. Синтаксисъ съ нѣмецкими примѣрами и словаремъ. Изд. 8-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., VIII + 191 + 55 стр. Ц. 75 коп.

— Краткая нѣмецкая грамматика. Пересмотрѣлъ и дополнилъ Р. Гретманъ. Часть III. Отдѣлъ II. Упражненія и статьи для перевода съ русскаго на правила синтаксиса. Изд. 8-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., IV + 104 + 56 стр. Ц. 50 коп.

Лей, Ш. Основные элементы преподаванія французскаго языка малолѣтнимъ дѣтямъ иностранцевъ. («Méthode naturelle»). Тамбовъ. Тип. губернскаго правленія. 8 д., 24 стр. Ц. 40 коп.

Май, Карлъ. Самоучитель англійскаго языка. Краткое руководство къ изученію англійскаго языка, содержащее въ себѣ: грамматику, разговоры, нѣсколько статей для ученія и сокращенный словарь. Пособіе для усвоенія основныхъ правилъ англійской грамматики и произношенія. Съ 13-го значительно дополненнаго нѣмецкаго изданія перевелъ И. М. Ш. Москва. Тип. товар. А Левенсонъ. 8 д., 218 стр.

Новопашенный, Н. Отношеніе французскаго языка къ латинскому. Пособіе при изученіи французскаго языка въ гимназіяхъ. Излож. по Фидлеру и Денерво. Изд. 2-е, исправленное. Спб. Тип. М—ства Путей Сообщ. (товар. И. Н. Кушнеревъ и К°). 8 д., XXIII + 57 стр.

Пашалери, А. К. Полное руководство для изученія неправильныхъ глаголовъ французскаго языка. Спряженіе, этимологія и объяснительныя примѣчанія, составленныя по новѣйшимъ филологическимъ трудамъ. Предисловіе А. А. Шапеллона. Одесса. Тип. окружнаго штаба. 8 д., 224 стр.

Плецъ, К. Первоначальный курсъ французскаго языка. Часть I. Изд. 4-е, безъ перемѣнъ, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., 167 стр. Ц. 30 к.

Рѣдкинъ. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Состав. по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. 19-й выпускъ. Спб. Тип. Имп. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 557 по 598.

Рѣдкинъ, А. Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ. Сост. по методѣ Туссэна и Лангеншейдта. Вып. 18. Тип. академіи наукъ. 8 д., стр. съ 531 по 556.

— II приложеніе (къ 18 выпуску). 27 стр.

Сигъ, И. Руководство къ первоначальному обученію нѣмецкому языку по натуральному методу. Для учащихъ. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 8 д.. V + 48 стр.

Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія. Изд. А. А. Алексѣева. Le passage de la Bérésina par le général comte de Ségur, или книга изъ сочиненія графа Сегюра: Histoire de Napoléon et de la Grande Armée, pendant l'année 1812. Съ введеніемъ, историческими и грамматическими примѣчаніями, алфавитнымъ указателемъ, картою и словаремъ. Сост. А. Алексѣевъ. (Вып. 9). Спб. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 188 стр. Ц. 45 коп.

Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія. Изд. А. А. Алексѣева. Вып. 2-й. Prascovie ou la jeune Sibérienne (Параша Сибирячка) par X. de Maistre. Съ примѣчаніями и словаремъ сост. А. Алексѣевъ. Изд. 2-е. Спб. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д.. 123 стр. Ц. 35 коп.

Собраніе французскихъ авторовъ для школьнаго употребленія и для самообученія. Изд. А. Алексѣева. Au coin du feu (у домашняго очага) Par E. Souvestre. Съ этюдомъ, примѣненіемъ и словаремъ составилъ А. Алексѣевъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. Тип. Тренке и Фюсно. 8 д., 151 стр. Ц. 40 коп.

Таккелля, П. Французско-русскій этимологическій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова французскаго языка, разобранныя и сгруппированныя по корнямъ. (Dictionnaire étymologique français-russe. Par P. Tacchella). Первый выпускъ А—Д. Спб. Тип. академіи наукъ. 8 д., XII + 294 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Чекала, С. Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть вторая. Синтак-

сисъ. Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва 8 д., II + 82 стр. Ц. 45 коп.

— Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. I. Начальный курсъ. Изд. 6-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., XX + 122 стр. Ц. 60 коп.

— Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. I. Начальный курсъ. Изд. 7-е, книжнаго магазина Р. Думнова. Москва. 8 д., XX + 122 стр. Ц. 60 коп.

Юргенсонъ, В. Русско-нѣмецкій словарь къ русской хрестоматіи Л. Поливанова. Изд. 1-е. Е. Брунса. Рига. Тип. Л. Бланкенштейна.

Шалландъ, А. Полный курсъ французскаго языка. Второй годъ. Изд. 3-е. Спб. Тип. И. Скороходова. 8 д., 99 стр. Ц. 50 коп.

IX. Рисованіе, музыка и предметы профессіональнаго обученія.

Анурьевъ, Іоаннъ, свящ. Какъ дѣлаютъ простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Съ 36 рисунками. Вологда. Тип. бр. Гудковыхъ-Бѣляковыхъ. 16 д., 94 + 2 стр.

Büttner, G. Руководство къ тисненію на кожѣ. Упрощенный практическій методъ. Съ 20 политипажами и 1 литографир. таблицей. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 16 д., 37 стр. Ц. 60 коп.

Гербачъ, В. С. Прописи и образцы для рисованія по клѣткамъ. (Учебное пособіе для самостоятельныхъ занятій учениковъ народныхъ школъ). Изд. 35-е, Д. Полубояринова. Спб. 16 д., 16 стр. Ц. 8 коп.

Кормильцевъ, М. Н. Образцы для внѣкласснаго рисованія по стигмографическому способу. Оренбургъ. Изд. и лит. Б. Бреслина. 8 д., 21 таблица.

Кульбарсъ, Ф. Школьныя гусельки. Сборникъ пѣсенъ одно- и двухголосныхъ для городскихъ элементарныхъ и другихъ начальныхъ училищъ. Дерптъ. Тип. Г. Лакмана. 8 д., 44 стр.

Нетыкса, М. А. Техника черченія. (О томъ—какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипажами въ текстѣ и 4 литогр. табл. Москва. Тип. тов. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., 548 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Пиварскій, И. Ф. Образцы и наука черченія. Отдѣлъ 1-й приготовительный. Часть I-я. Прямыя линіи. Варшава. Лит. М. Фаянсъ. 4 д., XV таблицъ. Ц. 50 коп.

Руссетъ, И. Конспектъ свѣдѣній, необходимыхъ для лицъ, занимающихся рисованіемъ (Къ послѣднему году рисованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ). Спб. Тип. М. Стасюлевича. 8 д., 32 стр. и 16 таблицъ рис. Ц. 25 коп.

Ступинъ, А. Д. Прописи и рисованіе по клѣткамъ для городскихъ и народныхъ училищъ. Изд. 3-е. Москва. Тип. В. Гатцука (Д. Чернышевскаго). 8 д., 16 стр.

Шапошниковъ, Н. А. и **Вальцовъ**, Н. К. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть вторая, для классовъ 5-го, 6-го, 7-го и 8-го гимназій и соотвѣтствующихъ классовъ другихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., IV+190 стр. Ц. 80 коп.

X. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Аверкіева, Екатерина. Практическіе совѣты по огородничеству. Календарь работъ (Въ теплицѣ, въ парникахъ, въ огородѣ и въ саду). Изд. учебн. магазина «Начальная Школа». Москва. 8 д., 24 стр. Ц. 4 коп.

Авенаріусъ, В. П. Сказка о пчелѣ-мохнаткѣ. Разсказъ для дѣтей, удостоенный первой преміи спб. фребелевскаго общества. Изд. 6-е, книгопр. А. Ступина. Москва. 8 д., 31 стр. Ц. 50 коп.

Барышниковъ, П. Жизнь Алексѣя Васильевича Кольцова. (Въ память 50-лѣтія со дня его смерти). Изд. книжн. магазина «Начальная Школа» Е. Тихомировой. Москва. 8 д., 128 стр. Ц. 15 к.

Бахтіаровъ, А. Какъ дѣлаютъ бумагу и какъ печатаютъ книги. Изд. учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 8 д., 31 стр. Ц. 10 коп.

Богданова, Е. А. Новая книжка. Чтеніе для дѣтей отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ. Съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 8 д., 200 стр. Ц. 1 р.

Борисова, А. В. Въ правдѣ Богъ милуетъ, а въ неправдѣ караетъ (Общедоступная библіотека Ступина). Изд.

книгопр. А. Ступина. Москва. 16 д., 51 стр. Ц. 10 коп.

Вальтеръ-Скоттъ. Себраніе сочиненій. Легенда о Монтрозѣ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Томъ I. (Безплатное приложеніе къ газетѣ «Лучъ»). Изд. С. Окрейца. 8 д., 171 стр.

— Айвенго. (Ivanhoe). Переводъ съ англійскаго В. Владимірова. (Моя библіотека). Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 8 д., IV+534 стр. и 1 портретъ. Ц. 80 коп.

Вернъ, Жюль. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 17. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфа. 4 д., стр. съ 129 по 136.

— Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 18. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. 137 по 144.

— Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 19. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 145 по 152.

— Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 20. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ. 4 д., стр. съ 153 по 155.

Великое горе. Разсказъ о томъ, какая бѣда отъ «дурной болѣзни» и какъ отъ нея спастись. (Для взрослыхъ). Изд. В. И. (Правда). Москва. 16 д., 71 стр.

Вердеревская, С. А. О Голландіи и голландцахъ. Изд. 2-е учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройстау народныхъ чтеній. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 34 стр. Ц. 7 коп.

Вейнбергъ, П. И. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ и его стихотворенія. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Спб. 8 д., 141+III стр.

Вишняковъ, Сим., протоіерей. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Изд. 7-е отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва. 16 д., 32 стр.

Сказки Вильгельма Гауффа. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній приспособилъ и снабдилъ словаремъ С. Чекала. Вып. I. Изд. 2-е, книжн. магазина В. Думнова. Москва. 8 д., VIII+136 стр. Ц. 50 коп.

Горы и горная природа. Изд. редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Съ 9 рисунками. Спб. 8 д., 78 стр.

Григоровичъ Д. В. Повѣсти, разсказы и очерки (1843—1893). Бобыль. Сельскій разсказъ. Изд. книгопр. Н. Мартынова. Спб. 8 д., XXVIII+20 стр.

— Повѣсти, разсказы и очерки. (1843—1893). Антонъ-горемыка. Повѣсть изъ народнаго быта. Изд. книгопр. Н. Мартынова. Спб. 8 д., XXXII+115 стр.

Гриммъ, бр. Сказки. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 64 д., 84 стр.

Достоевскій, Ѳ. М. Мальчикъ у Христа на ёлкѣ. Разсказъ. Изд. 3-е. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ. 8 д., 14 стр. Ц. 5 коп.

— Мужикъ Марей. Столѣтняя. Изд. 3-е. Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ 16 д., 32 стр. Ц. 10 коп.

Жуковскій, В. А. Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. 3-е. И. Глазунова (Доступная библіотека). Спб. 8 д., 25 стр. и 1 рисунокъ. Ц. 15 к.

Ивановскій, А. В. Худая болѣзнь (сифилисъ). Народное чтеніе. Ярославль. Тип. Губернск. Земск. Управы. 8 д., 49 стр.

Извольскій, Сергѣй. Страстная седмица въ жизни нашего Спасителя. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Назидательные разсказы о послѣднихъ дняхъ земной жизни Христа Спасителя, Его страданіяхъ, Крестной смерти, о святыхъ мѣстахъ, гдѣ совершались событія искупленія, о погребеніи Господа, о пророчествахъ, относящихся къ Пасхѣ Христовой, о Воскресеніи Христовомъ, о Вознесеніи Господа на небо, объ обычаѣ христосованія въ дни Пасхи, и проч. Сост. по Священному Писанію, по свидѣтельствамъ святыхъ отцовъ и пастырей Церкви, по преданіямъ и по сказаніямъ путешественниковъ ко святымъ мѣстамъ. Изд. книгопр. Г. Бриллiантова. Москва. 120 стр.

Кассировъ, И. Въ чемъ наше счастье (Разсказъ изъ крестьянскаго быта). Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 16 д., 36 стр.

— Чортъ въ дуплѣ (Народное преданіе). Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 16 д., 35 стр.

К—го, И. Добре роби, добре и буде (Хорошо дѣлай, хорошо и будетъ). Повѣсть изъ народнаго быта. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 16 д., 72 стр.

Ковалевская, А. Наташино хозяйство. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 16 д., 59 стр. Ц. 30 к.

Ковальницкій, А., прот. Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Изд. 3-е. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 64 стр.

— Жена-христіанка. Изд. 2-е. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 8 стр.

— Обращеніе изъ невѣрія въ христіанство философа Августина. Изд. 2-е. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 24 стр.

— Исповѣдь передъ духовникомъ не лишнее-ли дѣло? Изд. 2-е, исправленное. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 80 стр.

— Свидѣтельство природы о Богѣ. Изд. 3-е. Спб. Тип. дома призрѣнія малол. бѣдныхъ. 8 д., 64 стр.

Ковальницкій, П., прот. Голосъ природы о величіи Божіемъ и слабости человѣка. Изд. 3-е. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 8 стр.

Комаровъ, А. Ф. Простые разсказы о садоводствѣ, огородничествѣ и полеводствѣ. Съ 12-ю рисунками. Изд. 4-е. Воронежъ. Тип. губернск. правленія. 8 д., 108 стр. Ц. 30 коп.

Иллюстрированная естественно-научная библіотека. IV. Пещерные люди. Д. А. Коропчевскій. Съ 14-ю рисунками въ текстѣ. Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 8 д., 32 стр. Ц. 40 коп., съ перес. 50 коп.

Коропчевскій, Д. А. Разсказы про дикаго человѣка. Съ политипажами въ текстѣ. Изд. учебн. магазина «Начальная Школа» Е. Тихоміровой. Москва. 8 д., 4+334 стр. Ц. 2 р.

Краснитскій, І. Добрые примѣры для дѣтей. Разсказы изъ дѣтства святыхъ угодниковъ Божіихъ. Новочеркасскъ. Тип. А. Карасева. 32 д., 32 стр.

Куклинъ, М. Мишукъ. Разсказъ для дѣтей съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 16 д., 47 стр. Ц. 30 коп.

Куликовъ, В. Илюша-горбунчикъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 8 д., 46 стр.

Лабулэ-де, Э. Парижъ въ Америкѣ. Переводъ съ 36-го изданія С. М. Брильянта. Съ предисловіемъ автора. (Моя библіотека). Изд. М. Ледерле и К°. Спб. VIII+430+II стр. Ц. 1 р.

Леббокъ, Джонъ. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Переводъ съ англійскаго подъ ред. проф. А. П. Павлова. Съ 36 политипажами. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 8 д., VII + 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Львова, М. Л. Путешествіе мышенка. Сказка для дѣтей отъ 4—6 лѣтъ. Рисунки барона М. Клодта. Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 8 д., 41 стр.

Мамаевъ, П. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. І. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. (Московск. комитетъ грамотности при Имп. Общ. сельск. хоз.) Москва. 8 д., 31 стр.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Послѣдняя треба. Разсказъ. Изд. В. И. (Правда). Москва. 16 д., 35 стр.

— Летные. Разсказъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ. Изд. В. Муринова. Москва. 16 д., 116 стр.

Маракуевъ, В. Н. Разведеніе овощей. Огурцы, дыни, арбузы, тыквы. (Съ рисунками). Изд. «Народной библіотеки». Москва. 8 д., 67 стр. Ц. 15 коп.

Мижуевъ, П. Г. Вильямъ Гладстонъ. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ). Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 8 д., 39 стр. Ц. 10 коп.

Не гонись за большимъ—малое потеряешь, или какъ крестьянинъ Петръ Гужовъ наживалъ деньги въ Москвѣ. Разсказъ. Подъ редакціей журнала «Русское Богатство». Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 35 стр.

Немировичъ-Данченко, В. И. Забытый рудникъ. Разсказъ. Изд. 3-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 54 стр.

— Счастье Ивана-непомнящаго. Повѣсть. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 89 стр.

Никитинъ, А. П. Исковое прошеніе. Какъ его надо писать и подавать въ судъ. Бесѣда для народа. Изд. неоффиціальное. Рязань. Тип. Н. Малашкина. 16 д., 52 стр. Ц. 10 коп.

Нравоучительные уроки изъ Евангелія въ недѣлю о Разслабленномъ. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста. Изд. Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ. Москва. 32 д., 16 стр.

Нравоучительные уроки изъ Евангелія въ недѣлю о Мироносицахъ. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста. Изд. Отдѣла распространенія духовно-нравств. книгъ. Москва. 32 д., 14 стр.

Нравоучительные уроки изъ Евангелія въ недѣлю о Ѳомѣ. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста. Изд. Отдѣла распространенія духовно-нравств. книгъ. Москва. 32 д., 15 стр., съ вопрошеніями отъ лица старообрядца.

Нравоучительные уроки изъ Евангелія въ недѣлю о Самарянинѣ. Изъ твореній св. Іоанна Златоуста. Изд. Отдѣла

распространенія духовно - нравственныхъ книгъ. Москва. 32 д., 16 стр.

Овсянниковъ, А. Н. Ладожское озеро. Изд. 2, учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Съ картою. Спб. Тип. А. Катанскаго и К°. 8 д., 33 стр. Ц. 10 коп.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Изд. Д. Тихомирова. Москва. 8 д., 5 нен. + 204 стр. и 1 портретъ. Ц. 50 коп.

Острогорскій, А. Н. У рабочихъ людей. Сборникъ разсказовъ съ рисунками. Изд. 3-е. книжн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 8 д., 179 стр.

Отчего гибнутъ люди. Изд. Одесскаго Общества для борьбы съ пьянствомъ. Одесса. 1 д., 1 стр.

Полевой, П. Н. Два друга — двѣ дороги. Повѣсть для юношества, съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 16 д., 47 стр. Ц. 30 коп.

Полушинъ, Н. А. Омутъ, или «въ городъ на чалочкѣ, изъ города на палочкѣ». Разсказъ въ лицахъ изъ деревенской жизни. (Для народнаго театра). Москва. Тип. И. Полякова и И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр.

Пономаревъ, Н. В. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ (Съ рисунками въ текстѣ). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. 8 д., 144 стр. Ц. 50 коп.

Поселянинъ, Е. Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божіимъ строилась Русская Земля. Изд. 2-е. Москва. Изд. и тип. Общества распространенія полезн. книгъ. 8 д., 128 стр.

Разсказы въ сельской школѣ. Изд. 2-е, съ рисунками, книгопр. А. Ступина (Общедоступная библіотека Ступина). Москва. 8 д., 47 стр. Ц. 10 к.

Рего. Эдуардъ. Бесѣды Ѳомы Максимыча съ крестьянскими мальчиками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Съ политипажами въ текстѣ. Изд. 9-е. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. Польза». 8 д., 120 стр. Ц. 25 коп., съ перес. 40 коп.

Рогова, О. И. Русскія сказки для маленькихъ дѣтей. Составлены по сборникамъ Афанасьева, Даля, Сахарова, Пыпина, Эрленвейна и другихъ. Съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 8 д., IV + 223 стр.

Рождественская сказка. (Передѣлка съ англійскаго). Москва. Тип. И. Полякова и И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр.

Рождественскій, С. Чтеніе для народа о Суворовѣ. Съ портретомъ Суворова. Изданіе 5-е учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Спб. 8 д., 44 стр. Ц. 7 коп.

Ростовцевъ, П. Сушка овощей и зелени. Изд. учебн. магазина «Начальная Школа» Е. Тихомировой. Москва. 16 д., 16 стр. Ц. 5 коп.

— Обработка льна для волокна. Изд. учебн. магазина «Начальная Школа» Е. Тихомировой. Москва. 16 д., 61 стр. Ц. 15 коп.

Рубакинъ, Н. А. I. Крестьяне - самоучки. Очеркъ. II. Списокъ удобопонятныхъ и полезныхъ книгъ. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 72 стр.

Свв. Кириллъ и Меѳодій, вѣроучители славянъ. Изд. 4-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр.

Святловскій, В. Гигіена для рабочаго класса. Какъ рабочему человѣку сохранить свое здоровье? Изд. журнала «Земскій Врачъ». Полтава. 8 д., 120 стр. Ц. 25 коп.

Свѣтъ Божій. Общедоступный курсъ міровѣдѣнія. Переводъ съ южно-русскаго. Изд. 6-е, значительно исправл. и иллюстрированное 65-ю рисунками, Ф. Павленкова. Спб. 8 д., 99 стр. Ц. 30 коп.

Святыни Успенскаго собора: часть ризы Божіей Матери, часть ризы Спасителя и гвоздь Господень. Москва. Тип. Общества распространенія полезн. книгъ. 8 д., 7 стр.

Сениговъ, Іосифъ. Любимый богатырь русскаго народа. Изд. редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе». Спб. 8 д., 28 стр. Ц. 15 коп.

Сестра Катерина (Разсказъ объ одной доброй англичанкѣ). Изд. харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ. Тип. губернск. правленія. 16 д., 30 стр.

Сирота. Разсказъ. Изд. В. И. (Правда). Москва. Тип. И Сытина и К°. 16 д., 71 стр.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Сборникъ, изданный редакціей газеты «Кіевское Слово». Изд. 2-е, книгопродавца Ф. Іогансона. Кіевъ, 16 д., II + 444 стр. Ц. 30 коп.

Смирновъ, А. П. Отецъ Алексѣй. Разсказъ. Рисунки бар. М. П. Клодта (Сердечное слово). Изд. М. Ледерле и К°. Спб. 8 д., 45 стр. Ц. 10 коп.

Совѣты учащемуся юношеству. III. Терпѣніе (Отд. оттискъ изъ «Душеполезнаго Чтенія» 1893 г.). Москва. 8 д., 10 стр.

Сосницкій, Аркадій. Иванъ Андреевичъ Крыловъ и его басни. Съ рисунками. (Общедоступная библіотека Ступина). Изд. книгопр. А. Ступина. Москва. 16 д., 61 стр. Ц. 10 коп.

Страсти Христовы. Воспоминаніе страданій, смерти и погребенія Господа Іисуса Христа. Изд. 5-е, отдѣла распространенія духовно-нравств. книгъ. Сергіевъ посадъ. 16 д., 48 стр.

Страсти Христовы. Разсказы о спасительныхъ страданіяхъ и свѣтломъ Воскресеніи Христовомъ. Изданіе 2-е, книгопр. Е. Губанова. Москва. 16 д., 108 стр.

Суворинъ, А. С. Ермакъ Тимофеевичъ, покоритель Сибири. Разсказъ. Изд. 4-е. (Дешевая библіотека). Спб. Изд. и тип. А. Суворина. 12 д., 46 стр. Ц. 7 коп.

Сѣткова, А. (Катенкапъ). Старикъ Никита и его три дочери. (На средства издательск. общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній). Изд. 3-е. Съ картинкою. Спб. 8 д., 46 стр. Ц. 8 коп.

Тихомировъ, Е. Покореніе Казани московскимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Разсказъ изъ русской исторіи. Москва. Издан. и тип. Общества распространенія полезныхъ книгъ. 8 д., 133 стр. Ц. 15 коп.

Толстой, Л. Н. Много-ли человѣку земли нужно. Москва. Тип. И. Сытина и К°. 16 д., 36 стр.

Тургеневъ, И. С. Постоялый дворъ. Разсказъ (Доступная библіотека). Изд. И. Глазунова. Спб. 8 д., 74 стр. Ц. 15 к.

— Бѣжинъ Лугъ. Разсказъ. (Доступная библіотека). Изд. 2-е. И. Глазунова. Спб. 8 д., 32 стр. Ц. 10 коп.

Фламмаріонъ, К. Разсказы о небѣ (Astronomie élémentaire). Перевелъ съ французскаго Е. Предтеченскій. Съ 64 рисунками въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 8 д., 132 стр. Ц. 50 коп.

Четыре разсказа для школъ и народа. Съ рисунками. Изд. книгопр. А. Ступина. (Общедоступная библіотека Ступина). Москва. 8 д., 56 стр. Ц. 10 к.

ЗАКОНЫ БЛАГОУСТРОЕННОЙ ШКОЛЫ.

Сочиненіе Амоса Коменскаго.

Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями, П. Ѳ. Каптерева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое въ переводѣ сочиненіе Амоса Коменскаго написано имъ въ Венгріи, въ 1653 году, для школы въ Саросъ-Патакѣ.

Будучи «странникомъ на землѣ», часто переѣзжая изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, Коменскій побывалъ и въ Венгріи. Онъ былъ приглашенъ туда для реформы венгерскихъ школъ въ духѣ своей педагогической системы и спеціально для устройства школы въ Саросъ-Патакѣ, лежавшемъ на рѣкѣ Бодрогѣ. Коменскій пробылъ въ Венгріи около четырехъ лѣтъ (1650—1654 гг.).

Коменскій хотѣлъ основать школу въ Патакѣ на широкихъ началахъ. Она должна была быть пансофическою школою, т.-е. школою вселенской мудрости, снабжать всѣмъ, что необходимо для настоящей и для будущей жизни. Ученики допускались въ школу безотносительно къ своему происхожденію, но непремѣнно умѣющіе читать. Школа имѣла и приходящихъ учениковъ, и интернатъ, и должна была учить всему, что можетъ усовершенствовать человѣческую природу и улучшить экономическое, политическое и церковное положеніе, а равно и положеніе образованія.

Коменскій предполагалъ устроить школу въ составѣ семи классовъ, но былъ вынужденъ ограничиться тремя низшими классами. Вообще ему не удалось осуществить тѣ планы, съ которыми онъ прибылъ въ Венгрію. Сначала дѣло у него пошло хорошо, къ нему относились очень внимательно и почтительно; но, затѣмъ, учителя, очень много о себѣ думавшіе, высказались противъ новшествъ Коменскаго

и стали относиться къ нему очень дурно. Ученики, въ свою очередь, оказались мало расположенными къ ученью и лѣнивыми, то вступали въ школу, то выходили изъ нея, то начинали занятія, то бросали ихъ, такъ что Коменскому пришлось вести борьбу и съ учителями, и съ учениками. Чтобы поддержать школу, возбудить ревность и въ учителяхъ, и въ ученикахъ, Коменскій написалъ сочиненія: «Объ изгнаніи лѣности изъ школъ», «Правила поведенія», «Законы благоустроенной школы» и др. Но все это мало помогало. Дѣйствительнѣе оказались школьныя театральныя представленія, заинтересовавшія и учениковъ, и учителей, и постороннюю публику.

Сочиненіе «Законы благоустроенной школы» имѣетъ довольно большое историко-педагогическое значеніе. Коменскій написалъ много педагогическихъ сочиненій разнообразнаго содержанія. Въ нихъ излагаются общіе взгляды на воспитаніе и образованіе, разрабатывается спеціальная методика и т. п. Хотя во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ говорится о школѣ, ея основахъ, началахъ и методѣ, тѣмъ не менѣе самая школа, какъ извѣстное учрежденіе, имѣющее свои опредѣленные органы и отправленія, свой опредѣленный порядокъ жизни, остается въ туманѣ. Какъ жили школьники въ школѣ во время Коменскаго? Какъ распредѣлены были ихъ занятія? Какіе были у нихъ праздники? Какова дисциплина, кто начальники? Всѣ подобные вопросы, затрогивающіе ежедневный школьный обиходъ, не разрѣшаются, школа представляется чѣмъ-то отвлеченнымъ, общимъ, принципами и методами, а не жизненнымъ конкретнымъ явленіемъ.

«Законы благоустроенной школы» и пополняютъ этотъ существенный пробѣлъ; они рисуютъ намъ бытовую и административную стороны школъ XVII вѣка, не упуская изъ вида и другихъ—опредѣленія цѣли и задачъ школы и ея методовъ. «Законы благоустроенной школы» не суть законы идеальные, существовавшіе только въ головѣ Коменскаго, или осуществлявшіеся лишь въ школѣ Саросъ-Патака и больше нигдѣ. Эти законы отражаютъ дѣйствительность, показываютъ, каковы были вообще благоустроенныя и неблагоустроенныя школы въ то время. Самъ Коменскій вполнѣ признавалъ примѣнимость написанныхъ имъ законовъ и къ другимъ благоустроеннымъ школамъ. Съ другой стороны, въ «Законахъ», несомнѣнно, есть нѣчто, лично принадлежащее Коменскому, не даромъ-же эти законы написаны имъ, а не кѣмъ-либо другимъ. Такимъ образомъ, въ «Законахъ благоустроенной школы» мы имѣемъ не только историческую картину быта и административнаго устройства школъ XVII вѣка, но и критику современной дѣйствительности, попытку поставить дѣло лучше. Этотъ

послѣдній элементъ сочиненія—критическо-идеальный, не только не уменьшаетъ, но увеличиваетъ историческую цѣнность сочиненія, такъ какъ оно оказывается изображающимъ не только тогдашнюю школьную жизнь, но и лучшія ожиданія и стремленія въ области школы такихъ выдающихся дѣятелей, какимъ былъ Амосъ Коменскій.

Въ Венгріи Коменскій довольно потрудился надъ обработкою идеи о пансофической школѣ. Онъ написалъ особое сочиненіе, подъ заглавіемъ «Schola Pansophica» (Пансофическая школа). Обѣ части этого сочиненія, по содержанію, во многомъ сходны съ «Законами благоустроенной школы», въ нихъ часто развиваются тѣ-же самыя мысли и даже иногда въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ. Наименованія отдѣльныхъ главъ почти буквально сходны (разумѣемъ первую часть Пансофической школы). Поэтому мы признали полезнымъ нѣкоторыя мѣста «Законовъ благоустроенной школы» пополнить въ примѣчаніяхъ мыслями изъ «Пансофической школы», чтобы опредѣленнѣе и отчетливѣе представить взглядъ Коменскаго по тому или другому вопросу.

Переводъ сдѣланъ нами съ латинскаго амстердамскаго изданія сочиненій Коменскаго (J. A. Comenii Opera Didactica omnia. 1657 г.), которое вышло еще при жизни автора. Въ подлинникѣ переведенное сочиненіе оглавляется такъ: «Leges scholae bene ordinatae». Считаемъ долгомъ выразить искреннюю признательность членамъ отдѣла Коменскаго при Военно-педагогическомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ, взявшимъ на себя трудъ просмотра этого перевода и своими замѣчаніями облегчившимъ работу переводчика, именно проф. А. Д. Вейсману, Н. С. Карцову и Л. Н. Модзалевскому.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Законы благоустроенной школы.

ПРИВѢТЪ ПОПЕЧИТЕЛЯМЪ.

Достоуважаемые! Аристотель мудро назвалъ *жизнь, не управляемую никакими общественными законами, циклопической* [1]), а въ другомъ мѣстѣ сказалъ, что *благосостоянiе государства зависитъ отъ законовъ*. Нѣкто другой также благоразумно выразилъ ту-же самую мысль, хотя и въ противоположной формѣ, что *кто желаетъ разрушить государство, тотъ нарушаетъ порядокъ*. Итакъ, мы, желающiе благополучiя маленькому государству нашей школы, оградимъ его законами, и кто желаетъ, чтобы наше государство никогда не пришло въ разстройство, тотъ по необходимости долженъ тщательно заботиться, чтобы разъ установленный въ немъ порядокъ не былъ нарушаемъ. Эти соображенiя и побудили изложить порядокъ всей школы *въ законахъ*, *т.-е. въ краткихъ и содержательныхъ положенiяхъ*.

I.

Школьные законы о предметахъ, лицахъ и дисциплинѣ.

1. Школьный порядокъ нужно устроить такимъ образомъ, чтобы начало и конецъ его тѣсно соединялись съ срединой и чтобы все въ немъ служило и себѣ самому, и своему цѣлому для достиженiя общей цѣли.

2. Такъ какъ въ школѣ являются дѣйствующими: а) *предметы*, б) *лица* и в) связь тѣхъ и другихъ—*дисциплина*, то въ опредѣленныя отношенiя и должны быть поставлены предметы, лица и дисциплина.

3. Предметы суть или *высокая цѣль*, ради которой учреждаются школы, или *средства*, назначенныя къ достиженiю цѣли, каковы: *мѣсто*, *время*, *примѣръ дѣйствiй и книги*, а также способъ дѣйствованiя или *методъ*.

4. Лица суть или усвояющія ученіе—*ученики* съ своими *декуріонами*, или излагающія ученіе—публичные *учителя* съ частными *педагогами*, всѣ подъ надзоромъ и руководствомъ *ректора*, или побуждающія къ занятіямъ—*инспекторы и схолархи* [2]). Къ нимъ присоединяются избранные мужи, духовные и свѣтскіе, которымъ, вслѣдствіе ихъ выдающагося испытаннаго благочестія, благоразумія и вѣры, государство и церковь довѣряютъ надежду своего благополучія, имѣющаго обнаружиться въ послѣдующихъ поколѣніяхъ.

5. Связью школы служатъ *законы* и исполненіе законовъ—*дисциплина*, въ границахъ, подлежащихъ опредѣленію.

II.

Законы объ особенно важныхъ цѣляхъ школы.

1. Высокая цѣль христіанской школы состоитъ въ томъ, чтобы школа была подобна *мастерской*, чтобы въ ней *люди дѣлались настоящими людьми, а христіане—истинными христіанами*. Такая цѣль будетъ достигнута, когда всѣ, допущенные до общенія съ мудростью, сдѣлаются: а) *мудрыми умомъ*, б) *искусными въ рѣчи*, в) *сильными въ трудѣ*, г) *общежительными по своимъ нравамъ*, д) *благочестивыми сердцемъ*.

2. Разумѣть, дѣйствовать и говорить есть соль мудрости, необходимая приправа всей человѣческой жизни, безъ которой все было-бы невкусно, неблаговонно и подвержено порчѣ. Итакъ, *всякая жертва наша* (которую мы здѣсь приносимъ Богу—христіанское юношество) *солью осолится* (Лев. 2, 13; Мар. 9, 49).

3. Учить только *говорить*, не уча вмѣстѣ съ тѣмъ *разумѣть* (т.-е. учить языкамъ безъ пониманія вещей), значитъ не усовершенствовать человѣческую природу, а только подкрашивать. Учить-же понимать вещи, но не учить вмѣстѣ и *дѣйствовать* значитъ поступать по примѣру фарисеевъ, которые *говорятъ*, но *не дѣлаютъ* (Матѳ. 23, 3). Наконецъ, *знать* вещи и *умѣть дѣлать*, но *не знать пользы* своего знанія или дѣйствованія значитъ на половину не знать. Итакъ, чтобы образовать знающихъ вещи, умѣющихъ дѣйствовать и понимающихъ пользу знанія и дѣйствованія, наша мастерская гуманности, т.-е. школа, должна такъ руководить умами при сообщеніи знаній, чтобы вездѣ *обращалось вниманіе на пользу вещей, злоупотребленіе-же предупреждалось*; такимъ путемъ будетъ сдѣлано великое пріобрѣтеніе для всей жизни (въ экономическомъ, политическомъ и церковномъ отношеніяхъ).

4. Такъ какъ въ жизни приходится обращаться не только съ вещами, но и съ людьми, то *школѣ, какъ мастерской добродѣтелей и гуманности, нужно позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать учащихся приличными въ обращеніи съ людьми* (во всякомъ обществѣ).

5. Такъ какъ, наконецъ, мы постоянно пребываемъ предъ очами Божіими, то всѣ должны быть научены вездѣ и свято чтить Бога. *Поэтому школа должна стремиться сдѣлаться мастерской внутренняго благочестія и истиннымъ святилищемъ.*

6. Слѣдовательно, *всѣ школы должны направлять свою дѣятельность и упражненія къ тому, чтобы юные кандидаты жизни изучали все, что нужно для жизни, именно: а) знаніе, б) умѣніе, в) рѣчь, г) направленіе всего къ добродѣтели и д) пользованіе всѣмъ какъ средствомъ къ упражненію въ благочестіи.*

7. Если эти цѣли будутъ достигнуты, тогда школа и будетъ *истиннымъ питомникомъ для государства и церкви, прекраснымъ началомъ жизни и счастья, пятиструнной арфой Св. Духа* (сладчайшей гармоніей для слуха Божія).

III.

Законы о мѣстѣ занятій.

1. *Сколько классовъ, столько-же должно быть и учебныхъ комнатъ* (аудиторій), чтобы каждое отдѣленіе школы занималось своимъ дѣломъ особо и не отвлекалось отъ занятій постороннимъ шумомъ.

2. *Каждая учебная комната должна быть снабжена особою каѳедрою и достаточнымъ количествомъ скамеекъ*, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы учитель всегда имѣлъ на виду всѣхъ учениковъ, которые должны быть обращены къ нему.

3. *Каѳедра помѣщается не у окна или между окнами, но на противоположной сторонѣ*, чтобы источникъ свѣта приходился сзади учениковъ и помогалъ имъ видѣть учителя, а равно и все, что онъ дѣлаетъ (напр., пишетъ на доскѣ).

4. *Въ учебныхъ комнатахъ все содержится чисто и, по возможности, въ блестящемъ видѣ*, чтобы куда ни обратились ученики, всюду имѣли случай пріобрѣтать любовь къ чистотѣ и такимъ путемъ пріучаться впредь содержать свои жилища подобнымъ-же образомъ.

5. *Будетъ очень полезно, если объ обязанностяхъ каждаго класса будетъ объявлено всюду—на стѣнахъ учебной комнаты, на дверяхъ, окнахъ, столбахъ (въ формѣ изреченій, сентенцій, или въ изображе-*

ніяхъ и эмблемахъ), чтобы постоянно возбуждать чувства, воображеніе и память.

6. *Для публичныхъ актовъ, будутъ-ли они заключаться въ сценическихъ представленіяхъ или въ произнесеніи похвальныхъ рѣчей, нужно имѣть отдѣльную залу, которая могла-бы вмѣстить всю школу и не была-бы украшена картинами.* Такъ какъ въ этой залѣ будутъ собираться въ исключительныхъ случаяхъ и для выходящихъ изъ ряда дѣйствій, то вниманіе должно быть направляемо на происходящее на сценѣ и не отвлекаться ничѣмъ постороннимъ.

IV.

Законы о надлежащемъ распредѣленіи времени.

Мудрое распредѣленіе времени есть основа дѣятельности. Поэтому мы постановляемъ слѣдующее:

1. *Для работы и отдыха должно быть назначено опредѣленное время по часамъ, днямъ, недѣлямъ, мѣсяцамъ и годамъ.*

2. *Серьезнымъ занятіямъ отдаются въ день только четыре часа, съ прибавкою утромъ еще часа для упражненій въ благочестіи, послѣ завтрака—для занятій музыкой или математическими играми, послѣ-же школы—на повтореніе пройденнаго за день.* Все-же прочее время должно оставаться свободнымъ для домашнихъ дѣлъ, или приличнаго отдыха, или частныхъ занятій [3]).

3. Еженедѣльно, въ среду и субботу, послѣ полудня, учащіеся освобождаются отъ занятій; воскресенье-же всецѣло посвящается Богу.

4. Въ каждые три мѣсяца дается одна недѣля для сценическихъ игръ, которыя должны быть окончены въ теченіе пяти дней (объ этомъ см. ниже гл. IX).

5. Ежегодно классъ начинаетъ и оканчиваетъ свои труды осенью. Кромѣ этого времени, въ школу никто не принимается, чтобы не причинить безпорядка въ занятіяхъ, за исключеніемъ того случая, когда кто-либо, поступивъ въ школу вскорѣ послѣ начала занятій, твердо надѣется, при особенномъ прилежаніи, не отставать отъ прочихъ. Если поступившій это пообѣщаетъ, то и долженъ исполнить.

6. Большихъ вакацій ежегодно назначается четыре: восемь дней до и столько-же послѣ ежегодныхъ церковныхъ праздниковъ: а) *Рождества Христова*, б) *Пасхи*, в) *Пятидесятницы* и г) *цѣлый мѣсяцъ во время сбора винограда.*

7. Гдѣ занятія по сбору винограда не отвлекаютъ отъ школы, тамъ также могутъ быть назначены вакаціи, но съ благоразуміемъ, для отдыха уму, а не для его ослабленія.

V.

Законы о примѣрахъ для подражанія.

1. Что должно быть изучаемо въ школѣ (или сообщаемо, говоримо, дѣлаемо), то пусть предлагается въ примѣрахъ, которымъ, при ихъ наблюденіи, можно было-бы подражать (Безъ примѣра ничто не должно быть изучаемо).

2. Что предлагается въ видѣ примѣра, то должно быть представлено точно, чтобы при тщательномъ подражаніи можно было избѣжать ошибки (При неудовлетворительномъ примѣрѣ нельзя не сдѣлать промаха).

3. Примѣръ, предлагаемый для подражанія, долженъ быть или дѣйствительною вещью, или живымъ ея изображеніемъ; изображеніе можетъ быть или скульптурной работой, или рисункомъ, или-же словеснымъ описаніемъ (однако, живое созерцаніе самой вещи лучше всего).

4. То, что не можетъ быть изображено или представлено, но, однако, должно быть дано для подражанія, напримѣръ, добродѣтели, въ томъ самъ учитель пусть служитъ живымъ примѣромъ [4]).

VI.

Законы о книгахъ.

1. Книгою въ обширномъ смыслѣ называется то, что насъ учитъ и наставляетъ. Божественныхъ книгъ три: а) книга *природы* (самъ міръ); б) книга *Св. Писанія* и в) книга *совѣсти*. Человѣческія-же книги содержатъ или объясненія вещей, какъ-бы образцовъ, или, восполняя образцы, предлагаютъ и вмѣстѣ объясняютъ вещи.

2. Хотя наша школа, на сколько она есть гуманная школа, ничего не отвергаетъ изъ человѣческихъ книгъ (кромѣ того, что есть въ нихъ пустого, безполезнаго и вреднаго); но такъ какъ мы стремимся образовать нашихъ дѣтей болѣе для Бога, чѣмъ для міра, то мы желаемъ, чтобы въ нашей школѣ преобладали божественныя книги.

3. А такъ какъ думаютъ, что эти книги своею возвышенностью превосходятъ способности нѣжнаго возраста, то допускаются и человѣческія книги, по тому соображенію, что онѣ прокладываютъ путь къ чтенію и пониманію божественныхъ книгъ, служа вѣрными руководителями во всемъ, что нужно знать или относительно чего можно

остаться въ невѣдѣніи, что нужно дѣлать или что оставить въ покоѣ, чего не касаться, на что нужно надѣяться или чего слѣдуетъ бояться.

4. Нашими книгами пусть будутъ лишь тѣ, которыя въ надлежащей мѣрѣ служатъ выполненію указанной цѣли; которыя-же не отвѣчаютъ этой задачѣ, тѣ должны быть устранены.

VII.

Законы о методѣ—какъ слѣдуетъ учить и учиться.

1. Намъ нужно указать столь опредѣленный методъ занятій, чтобы, слѣдуя его предписаніямъ, наставникъ юношества могъ быстро и хорошо образовать умы для усвоенія мудрости, дара слова, искусствъ, добродѣтелей и благочестія, подобно тому, какъ механикъ-ремесленникъ обрабатываетъ данный матеріалъ данными инструментами и дѣлаетъ его годнымъ къ употребленію.

2. Вѣчный законъ метода долженъ быть слѣдующій: *всему учить и учиться посредствомъ примѣровъ, правилъ и упражненія или подражанія.*

3. *Примѣръ* есть существующая вещь, которая и показывается; *правило* есть рѣчь объ этой вещи, объясняющая, какимъ образомъ вещь сдѣлана или дѣлается; *упражненіе* или *подражаніе* есть попытка сдѣлать что-либо подобное вещи.

4. Между указанными тремя пріемами должно быть такое отношеніе: *примѣръ равенъ единицѣ, правило тремъ, а подражаніе девяти.* Напримѣръ, такъ какъ въ каждый часъ нужно окончить назначенное дѣло, то это дѣло должно быть таково и такъ соображено, чтобы въ теченіе $^1/_{16}$ часа его въ достаточной мѣрѣ можно было показать и посмотрѣть; въ теченіе $^3/_{16}$ часа оно должно быть объяснено и усвоено; остальное-же время ($^3/_4$ часа) отдается на подражаніе или упражненія и исправленіе ошибокъ, если таковыя вкрадутся (*Ничто* безъ ошибокъ не усвояется).

5. При теоретическихъ занятіяхъ подражаніе замѣняется повтореніемъ того, что было изложено и объяснено. Это повтореніе производится въ видѣ испытанія, съ цѣлью узнать, правильно-ли ученики усвоили и всѣ-ли могутъ изложить все и притомъ тѣмъ-же самымъ способомъ.

6. Этотъ по истинѣ практическій методъ (всему учить, побуждая *къ собственнымъ наблюденіямъ и упражненіямъ,* вызывая *самодѣятельность*) долженъ прилагаться повсюду, чтобы ученики могли сдѣлаться учителями.

VIII.

Законы объ испытаніяхъ.

1. Большое значеніе имѣютъ *испытанія* (ибо что знаетъ тотъ, который не испытанъ? Спр. 34, 10): а) *часовыя*, б) *дневныя*, в) *недѣльныя*, г) *мѣсячныя*, д) *третныя* и е) *годовыя*.

2. Часовыя испытанія производятся учителемъ, дневныя — декуріономъ, недѣльныя—самими учениками, мѣсячныя—ректоромъ, третныя и годовыя—схолархомъ.

3. Учитель испытываетъ всѣхъ своихъ учениковъ ежечасно (хотя и не каждаго въ отдѣльности, если ихъ много), то *наблюдая*, всѣ-ли они внимательны, то *спрашивая* ихъ (такой или такой, повтори, что я сейчасъ сказалъ, какъ ты это понимаешь и т. д.).

4. *Декуріонъ ежедневно, по окончаніи школьныхъ занятій, повторяетъ съ ввѣренными ему учениками все, что сдѣлано въ теченіи дня*, спрашивая ихъ всѣхъ и тѣмъ содѣйствуя болѣе твердому усвоенію того, что правильно понято.

5. *Однажды въ каждую недѣлю, въ послѣдній праздникъ* [5]), *ученики испытываютъ сами себя и упражняются въ прилежаніи, споря о мѣстѣ*. Въ это время ученику, занимающему низшее мѣсто, дозволяется вызывать на состязаніе занимающаго высшее мѣсто (даже и изъ другого десятка того-же класса). Если ученикъ, занимающій высшее мѣсто, будетъ побѣжденъ, то уступаетъ свое мѣсто побѣдителю, который и занимаетъ его; если-же побѣжденъ не будетъ, то сохраняетъ свое мѣсто.

6. *Ежемѣсячно ректоръ* (въ сопровожденіи мѣстнаго пастора или кого-либо изъ схолярховъ) *обходитъ всѣ классы*, чтобы строго прослѣдить, всѣ-ли мѣсячныя работы исполнены и насколько прилежно.

7. *Третное испытаніе производится схолархомъ вмѣстѣ съ ректоромъ* для опредѣленія, которые изъ учениковъ превосходятъ другихъ памятью, знаніемъ языка, поведеніемъ и болѣе достойны, чтобы быть представленными публикѣ при раздачѣ публичныхъ наградъ за прилежаніе.

8. *Самый-же торжественный экзаменъ бываетъ однажды въ годъ, осенью, предъ переводомъ учениковъ изъ класса въ классъ, въ присутствіи всѣхъ схолярховъ*, и производится съ цѣлью узнать, всѣ-ли работы, назначенныя на цѣлый годъ, выполнены всѣми и каждымъ и съ надлежащимъ-ли успѣхомъ. Но такъ какъ экзаменовать всѣхъ и

каждаго (при значительномъ числѣ учениковъ) было-бы невозможно или очень обременительно, то позволительно воспользоваться въ этомъ случаѣ военною хитростью. Изъ смѣшанной толпы учащихся вызывается то тотъ, то другой, и имъ приказываютъ отвѣчать на всѣ вопросы (изъ всего годового курса). Или экзаменуемые избираются случайно (изъ каждаго десятка по одному, по два или по три), они и испытываются предъ собраніемъ учащихся вмѣсто всѣхъ учениковъ, *все-ли, пройденное въ теченіе года, они точно удерживаютъ въ умѣ или нѣтъ?* Если эти ученики, не самые способные, а вызванные изъ смѣшанной толпы, по жребію, выдержатъ испытаніе, то будетъ основаніе надѣяться, что и прочіе равнымъ образомъ могли-бы выдержать экзаменъ и что никакого обмана въ отвѣтахъ учениковъ нѣтъ.

9. Если-же обнаружилось-бы, что нѣкоторые изъ учениковъ мало успѣли въ наукахъ, то схолархи (вмѣстѣ съ ректоромъ и учителями) постановляютъ о нихъ приговоръ, допустить-ли ихъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ или возвратить родителямъ или обратить къ другому роду жизни.

10. Наконецъ, ученики переводятся изъ класса въ классъ, причемъ въ томъ-же классѣ оставляются лишь нѣкоторые—для исполненія обязанностей декуріоновъ.

IX.

Законы о театральныхъ представленіяхъ.

Мы называемъ театромъ представленіе учениками такого дѣйствія, которое имъ назначено, въ присутствіи многихъ, приглашенныхъ на это зрѣлище, лицъ. Такого рода сценическія дѣйствія весьма полезно повторять въ школахъ. Такъ какъ жизнь каждаго человѣка проходитъ въ разговорѣ и дѣйствіяхъ, то юношество такимъ путемъ, примѣрами и соревнованіемъ, въ короткое время и съ удовольствіемъ пріучается наблюдать разнообразіе вещей, быстро давать отвѣты на самые различные вопросы, совершать приличныя движенія, владѣть мимикой, управлять руками и всѣмъ тѣломъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, модулировать и разнообразить голосъ, словомъ, привыкать исполнять всякую роль прилично и при всемъ томъ чувствовать себя свободно, отбросивъ деревенскую застѣнчивость. Поэтому мы постановляемъ:

1. *Чтобы ученики каждаго класса появлялись на театральной сценѣ четыре раза въ годъ*

2. *Чтобы на сценѣ представлялось все, пройденное въ теченіе трети года и раздѣленное по дѣйствіямъ на роли.*

3. Чтобы *представленія всѣхъ классовъ заканчивались въ одну недѣлю*, причемъ въ низшихъ классахъ представленія происходили-бы два раза въ день, одно до обѣда, а другое послѣ обѣда, и

4. Чтобы *самыя торжественныя представленія давались въ концѣ года, предъ переводомъ изъ класса въ классъ.*

X.

Законы объ отдыхѣ.

Хотя нашъ методъ всѣ занятія соединяетъ съ нѣкоторыми играми, такъ что всѣ упражненія нашего ума могутъ считаться играми; но такъ какъ, по свойствамъ своего возраста, юноши скорѣе ищутъ въ играхъ упражненій тѣла, чѣмъ духа, то нельзя отказать юношеству и въ отдыхѣ. Отдыхъ-же нужно поставить такъ, чтобы онъ не только не препятствовалъ, но, напротивъ, служилъ-бы благочестію, благонравію и усовершенствованію въ занятіяхъ мудростью. Это и достигнется, если будутъ соблюдаемы слѣдующія правила.

1. *Играть нужно такъ, чтобы ученики привыкали принимать игры не за что-либо важное въ жизни, а за нѣчто второстепенное. Итакъ, игры и отдыхъ нужно разрѣшать не ранѣе, какъ по окончаніи серьезныхъ занятій*, подобно тому, какъ сну и покою не ранѣе мѣсто, какъ по утомленіи тѣла трудами, и десерту—не прежде питательной пищи.

2. *Играть нужно такъ, чтобы игра служила не менѣе здоровью тѣла, какъ и развитію духа* (Потому Платонъ обыкновенно внушалъ, чтобы тѣло не было упражняемо безъ духа, а духъ безъ тѣла. Итакъ, мы желаемъ, чтобы устранялись игры, утомляющія тѣло чрезмѣрнымъ напряженіемъ, разслабляющія и тѣло, и духъ, каковы сидячія игры и поддерживающія умъ въ состояніи возбужденія надеждой на благополучный исходъ или страхомъ предъ неудачнымъ. Сюда принадлежатъ тѣ игры, которыя рѣшаются жребіемъ и соединяются съ большимъ выигрышемъ или проигрышемъ, *игра въ кости, въ карты* и т. п. Игры нашихъ учениковъ будутъ состоять въ *движеніи, прогулкѣ, бѣгѣ, умѣренномъ прыганьи* и т. д. [6]).

3. *Играть нужно такъ, чтобы игра не представляла опасности жизни, здоровью, благонравію* (Этой опасности подвергаются безразсудные при лазаньи на деревья, плаваньи, фехтованіи и т. п.).

4. *Играть нужно такъ, чтобы наши игры были началомъ серьезныхъ дѣлъ* (Именно, жизненныхъ дѣйствій. экономическихъ, политическихъ, военныхъ и т. д. Поэтому, учащіеся могутъ выходить изъ

города для ознакомленія съ деревьями, травой, полями, лугами, виноградниками и съ работами, при этомъ производимыми. Еще полезны разсматриваніе плановъ зданій и наблюденіе работъ на фабрикахъ, если строители присутствуютъ при осмотрѣ, также военныя построенія съ назначеніемъ полководцевъ, сотниковъ и т. д., устройство лагеря, сраженія и т. д. Но если играющіе хотятъ изъ каждаго вида игры извлечь удовольствіе, пусть выберутъ себѣ руководителя, властью котораго и рѣшаютъ дѣла, такъ чтобы всѣ попеременно привыкали приказывать и повиноваться. Такой родъ игры достоинъ свободнаго человѣка и приноситъ не менѣе пользы, чѣмъ и удовольствія).

5. *Играть нужно такъ, чтобы игра оканчивалась прежде, чѣмъ надоѣла* (Ибо желателенъ отдыхъ, а не возбужденіе отвращенія).

6. Наконецъ, будетъ хорошо, если при играхъ учениковъ возможно чаще (если не всегда) будетъ присутствовать учитель, не столько для того, чтобы самому отдохнуть, сколько для наблюденія, чтобы не было допущено въ игру что-либо неприличное или неподходящее.

7. Если всѣ эти правила будутъ исполняться надлежащимъ образомъ, то игра сдѣлается не только игрой, но и серьезнымъ дѣломъ, т.-е. или упражненіемъ въ видахъ здоровья, или отдыхомъ для ума, или началомъ жизненной дѣятельности, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ.

XI.

Законы относительно поведенія.

Недавно нами напечатаны краткія правила о поведеніи [7]). Мы желаемъ, чтобы эти правила всѣ имѣли, читали и соблюдали, въ тѣхъ видахъ, чтобы наша школа вполнѣ была мастерской благонравія. Для достиженія этой цѣли мы постановляемъ слѣдующее:

1. *Всѣ наши ученики пусть пріучаются дѣлать все болѣе изъ любви къ добродѣтели, чѣмъ изъ страха наказанія.*

2. *Надлежитъ дѣлать не то, что нравится, а что предписываютъ законы и приказываютъ толкователи законовъ, учителя* (Лучше поступать по чужому указанію, чѣмъ по собственному усмотрѣнію, потому что такой способъ дѣйствованія составляетъ основу христіанства).

3. *Во всемъ, что дѣлается, ученики пусть научаются видѣть предъ собою цѣль, находить средства, выжидать случая.*

4. *Не должно дѣлать ничего такого, что не служитъ какой-либо хорошей и нравственной цѣли*, при стремленіи къ которой не слѣдуетъ стыдиться, а при достиженіи ея раскаяваться.

5. *Если, достигнувъ средины дѣла, начинаютъ сомнѣваться относительно его конца, пусть пріучаются не отказываться отъ дѣла ранѣе достиженія цѣли.*

6. *Не должно, однако, стремиться къ цѣли скачками, но слѣдуетъ идти постепенно, чтобы дѣло подвигалось впередъ естественнымъ ходомъ, а не ускорялось чрезмѣрно.*

7. *Пусть пріучаются знать только полезное* (Пусть желаютъ и видѣть, и всюду преслѣдовать лишь полезное).

8. *Пусть каждый пріучается имѣть свой умъ сосредоточеннымъ, а не безпорядочнымъ, чтобы все, что дѣлается, дѣлалось бы внимательно.*

9. *Никому не дозволяется безучастно относиться къ занятіямъ* (Если кто будетъ заниматься вяло, тотъ преимущественно предъ другими понуждается къ труду, и если случайно не будетъ серьезнаго дѣла, то лучше пусть играетъ въ свободное время, чѣмъ ничего не дѣлаетъ. *Подвижность, желаніе работать и обусловливаемая ими терпѣливость—великое сокровище въ жизни*).

10. *Въ снѣ, пищѣ, питьѣ наши питомцы должны быть воздержны и избѣгать всякой неумѣренности* (Такъ какъ нашъ Аѳеней [8]) посвященъ музамъ, а не Вакху, и свѣтъ мудрости предполагаетъ воздержный духъ).

11. *Послѣобѣденный сонъ* (какъ вредный для здоровья тѣла и души) *не дозволяется никому изъ учениковъ* (Природа назначила ночь и мракъ для отдыха, а свѣтъ и день для труда. *Итакъ, послѣобѣденный отдыхъ, считающійся въ Венгріи дурной привычкой, долженъ быть устраненъ*; неблаговременный отдыхъ лучше замѣнить прогулкой, разговоромъ, общественной игрой, упражненіями въ музыкѣ).

12. *Всѣ наши питомцы должны соблюдать чистоплотность, избѣгая изнѣженности, такъ какъ тѣло есть обиталище души.*

13. *Тѣло, какъ орудіе души, для достиженія подвижности должно быть упражняемо и, въ видахъ перенесенія трудовъ, закаляемо у всѣхъ нашихъ питомцевъ.*

14. *Такъ какъ наша школа есть школа мудрости, а не войны, то ея оружіемъ должны быть книги, а не мечи* (Поэтому употребленіе желѣзнаго оружія должно быть совсѣмъ воспрещено, овцамъ и ягнятамъ безполезны когти, рога, клювы, страшные зубы).

15. *Наклонность къ спорамъ и злословію должна отсутствовать.* Еслибы кто-нибудь даже и въ правомъ дѣлѣ прибѣгъ къ ругательствамъ, тотъ теряетъ право требовать удовлетворенія.

16. *Своенравіе и грубость ни въ комъ не могутъ быть терпимы.*

Пусть всѣ привыкаютъ быть вѣжливыми, предупредительными на словахъ и въ поступкахъ. Школѣ прилично быть городомъ, а не деревней.

17. *Гордость и презрѣніе къ другимъ, въ комъ бы они ни обнаружились, должны быть искореняемы*, чтобы всѣ пріучились почитать образъ Божій какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ другихъ.

18. *Нужно прилагать особенную заботу о томъ, чтобы ни у кого не возникало желанія присвоить чужое*, ни одинъ похититель чужого не долженъ оставаться безнаказаннымъ.

19. *Ложь, рабскій порокъ, ни въ комъ не должна быть терпима*. Пусть всѣ привыкаютъ говорить откровенно правду, хотя-бы нужно было сознаться въ винѣ; рознь между сердцемъ и устами, этотъ гнуснѣйшій порокъ, никогда не должна встрѣчаться.

20. *Если въ комъ-нибудь будетъ замѣчено какое-либо отступленіе отъ правилъ, того надлежитъ дружелюбно увѣщевать, а увѣщеваемому дружелюбно принимать увѣщаніе.*

21. *Если увѣщеваемый не по братски принимаетъ увѣщаніе и даже отказывается отъ него, то должно сообщить объ этомъ учителю*, устранивъ всякія личныя симпатіи или антипатіи, единственно для противодѣйствія злу, чтобы оно не пустило корней.

22. Кромѣ того, ректоръ одинъ разъ въ недѣлю (въ первый послѣобѣденный часъ въ субботу) собираетъ все отдѣленіе школы и, прочитавъ правила о поведеніи, освѣдомляется, какъ кто понимаетъ слова или смыслъ ихъ, и прочитанныя правила объясняетъ приведеніемъ соотвѣтственныхъ примѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наводитъ справки о томъ, не нарушилъ-ли кто правила въ минувшую недѣлю. Если декуріоны донесутъ о нарушеніи правилъ, или кто самъ сознается въ проступкѣ, то виновный подвергается дисциплинарному взысканію, строгому или снисходительному, смотря по винѣ. Но каждый изъ учителей долженъ самъ наказывать своихъ учениковъ, своею или чужою рукою, если совершившій проступокъ долженъ быть наказанъ ударами.

XII.

Законы объ укрѣпленіи благочестія.

Мы желаемъ, чтобы *упражненіями въ благочестіи занимались всѣ наши ученики* (какъ христіане, назначенные для неба) *самымъ ревностнымъ образомъ*, и притомъ не теоретически только, но и путемъ живой и непрестанной практики. Посему объявляемъ, чтобы,

1. Подъ опасеніемъ вѣчнаго осужденія по слову Христа, воспитанники заботились о томъ, чтобы *никто дурнымъ примѣромъ* (явнымъ или тайнымъ, однако-же обнаруживающимся во внѣ) *не соблазнилъ никого; лучше всѣ пусть блистаютъ примѣрами благочестія для всѣхъ.*

2. Такъ какъ невозможно видѣть солнце безъ солнца, познать, любить и почитать Бога безъ Бога, то прежде всего *всѣ наши воспитанники пусть научатся обращать къ Богу всѣ желанія своего сердца и помышленія*, пусть помнятъ, что гдѣ-бы они ни были, они обращаются предъ очами Божіими и живутъ предъ лицомъ Божіимъ.

3. Такъ какъ Богъ, въ которомъ мы живемъ, движемся и существуемъ, есть начало и конецъ всего, то *всѣ питомцы нашей школы, приходя въ школу и вступая въ нее, никогда не должны забывать съ горячностью славословить и призывать Бога предъ ученіемъ и послѣ него, предъ принятіемъ и послѣ принятія пищи, передъ сномъ и послѣ сна.*

4. *Молитвенныя формулы* (заимствованныя по преимуществу изъ псалмовъ Давида и изъ другихъ молитвенныхъ воззваній святыхъ) *должны быть заготовлены для каждаго класса*, чтобы съ ихъ помощью каждый ученикъ самъ научился изливать воздыханія сердца своего и направлять ихъ къ Богу.

5. *Такъ какъ хвала неблаговидна въ устахъ грѣшника, то отъ всѣхъ требуется чистая жизнь, достойная Бога, чистое во всемъ сердце.* Поэтому ни въ комъ не можетъ быть терпимо ни малѣйшее, едва замѣтное, пятно нечестія.

6. Для того, чтобы всѣ были преисполнены познанія божественной воли, *никому не позволяется отсутствовать при катехизическихъ упражненіяхъ, чтеніи Св. Писанія, объясненіи таинствъ вѣры* (въ школѣ или храмѣ), чтобы всѣ наши ученики (по примѣру Тимоѳея) привыкали съ дѣтства знать Св. Писаніе (2 Тимоѳ. 3, 15).

7. Небрежность въ исполненіи указанныхъ обязанностей, и тѣмъ болѣе нарушеніе благочестія должны быть строжайше наказываемы, такъ какъ это есть грѣхъ испорченной воли, а не слабости ума.

XIII.

Законы о добрыхъ порядкахъ между всѣми гражданами школы.

До сихъ поръ излагались законы, касавшіеся вещей; далѣе будутъ слѣдовать законы о лицахъ, составляющихъ школьное общество, изложенные въ опредѣленномъ порядкѣ, и на первомъ мѣстѣ законы о лицахъ вообще.

1. Прежде всего всѣ, сюда принятые, и учителя и ученики, пусть проникнутся убѣжденіемъ, что они призваны Богомъ для утвержденія въ себѣ образа Божія, т.-е. для участвованія въ мудрости, добродѣтели и блаженствѣ Божіихъ

2. Итакъ, каждый пусть ежедневно проситъ Бога, чтобы ему, вмѣстѣ съ Соломономъ, дано было сердце, боящееся и познающее Бога, и пусть настойчиво трудится на своемъ мѣстѣ, ожидая благоволенія отъ Бога.

3. Для того, чтобы въ общемъ дѣлѣ всѣ дѣйствовали единодушно, всѣ должны быть тѣсно связаны между собою и образовать самую благоустроенную *республику съ своимъ сенатомъ, съ своими коллегіями, куріями и декуріями* [3]).

4. *Школьный сенатъ* будетъ состоять (какъ въ здѣшней Патакской школѣ) изъ публичныхъ профессоровъ и учителей классовъ. Ихъ постояннымъ президентомъ будетъ ректоръ, а секретаремъ тотъ изъ членовъ, который, при быстротѣ ума, владѣетъ перомъ.

5. *Школьная матрикула находится у ректора.* Въ нее каждый, вновь вступившій въ школу, гражданинъ собственноручно вноситъ свое имя и тѣмъ самымъ обязывается добросовѣстно исполнять школьные законы.

6. Должны быть заведены также и школьныя лѣтописи, которыя хранились-бы у ректора, а одинъ изъ профессоровъ имѣлъ-бы отъ нихъ ключъ. Въ лѣтописи, въ присутствіи сената и по его единодушному порученію, секретарь впишетъ:

а) *основаніе школы*, ея возрастаніе и перемѣны; б) *имена ректоровъ и профессоровъ*. сколько ихъ перемѣнится; в) *торжественные акты*, которые когда-либо будутъ. Здѣсь-же будутъ вписаны торжественныя рѣчи, программы и т. п.

7. *Каждый классъ также имѣетъ видъ меньшей республики и свой маленькій сенатъ*, состоящій изъ декуріоновъ и ихъ помощниковъ. Предсѣдательство между ними принадлежитъ руководителю перваго десятка.

[*Чтобы учителя могли съ достаточною внимательностью относиться ко всѣмъ учащимся, они могутъ избрать себѣ въ помощники наиболѣе способныхъ и твердыхъ въ классномъ порядкѣ учениковъ*. Такихъ помощниковъ учитель можетъ избрать столько, насколько десятковъ будутъ подѣлены ученики того года, такъ что каждый помощникъ будетъ надзирать надъ десяткомъ учениковъ. Для того, чтобы все совершалось съ возможною правильностью, декуріоны должны быть избираемы изъ учениковъ того-же класса, подлежавшихъ пе-

реводу въ слѣдующій классъ. Такъ какъ декуріоны уже прошли всѣ работы класса и ничего неизвѣстнаго имъ нѣтъ, то они съ удобствомъ могутъ помогать учителю и среди новыхъ учениковъ класса могутъ дѣйствовать какъ учительскіе помощники (Питомцы церкви привлекаются къ занятію должностей декуріоновъ не иначе, какъ по добровольному согласію и, въ виду безплатнаго ихъ труда, должны быть почитаемы товарищами, какъ *учительскіе помощники*, т.-е. какъ младшіе учителя). И такъ какъ исполнившіе обязанность декуріона въ одномъ классѣ не будутъ болѣе задерживаемы въ другой разъ съ тою-же цѣлью, то они немедленно (по исполненіи своей обязанности) переводятся въ высшій классъ.

8. Декуріонамъ каждаго класса должно быть позволено—но не нужно вынуждать ихъ къ этому—сходиться въ своей учебной комнатѣ въ недѣлю одинъ разъ (по крайней мѣрѣ) для обсужденія вопроса о томъ, не нарушенъ-ли въ чемъ-либо установленный порядокъ, и если нарушенія будутъ замѣчены, то декуріоны исправляютъ ихъ, напоминая о нарушеніяхъ взаимно другъ другу или своимъ товарищамъ. Маленькіе споры, возникшіе между товарищами, декуріоны прекращаютъ собственною властью; если-же чего не могутъ сдѣлать сами, съ тѣмъ обращаются къ учителю.

XIV.

Законы для родителей или опекуновъ, отдающихъ своихъ дѣтей въ нашу школу.

Обычай, который ко вреду получилъ силу—то вступать въ школу, то выходить изъ нея, то приниматься за занятія, то оставлять ихъ, относясь къ нимъ не серьезно и такимъ образомъ не достигая истиннаго образованія,—кажется, требуетъ изысканія нѣкотораго необычнаго лекарства. Итакъ, если случится, что кто-либо пожелаетъ довѣриться устроенной нами школѣ или отдать въ нее своего сына или сироту, то отдаваемый не долженъ-ли быть принятъ лишь подъ условіемъ непрерывнаго продолженія ученія? Формула обязательства пусть будетъ такая (это обязательство нужно предъявлять раньше, чѣмъ ученикъ будетъ вписанъ въ матрикулу):

1. *Я передаю моего сына учителямъ этой школы добровольно и на полныхъ правахъ для того, чтобы онъ былъ вполнѣ обученъ наукамъ, добронравію и благочестію.*

2. *Въ этой школѣ я оставляю его до окончанія курса и раньше изъ нея не возьму.*

3. *Чтобы обезпечить ему возможность дѣлать непрерывные успѣхи, я совсѣмъ не буду брать его изъ школы, или-же очень рѣдко.*

4. *Если, по какой-либо крайней необходимости, я возьму сына изъ школы домой въ отпускъ, то обѣщаю возвратить его въ наискорѣйшемъ времени.*

5. *Если-же я буду поступать иначе и успѣхи моего сына въ школѣ окажутся меньшими, чѣмъ я ожидалъ, то вмѣню это въ вину себѣ, а не школѣ.*

Потомъ отецъ (или опекунъ) и сынъ вписываютъ свои имена въ матрикулу и тѣмъ обязываются къ исполненію изложеннаго условія.

XV.

Законы для учениковъ.

1. Никто изъ допущенныхъ въ эту школу не долженъ имѣть иного намѣренія, какъ преуспѣвать, съ Божіею помощью, въ полезныхъ наукахъ, честныхъ нравахъ и въ истинномъ благочестіи.

2. Пусть никто не уподобляется тѣни, но каждый пусть будетъ живымъ членомъ въ живомъ тѣлѣ, живо относящимся ко всему; иначе да будетъ удаленъ.

3. Прежде всего каждый пусть боится Бога чистымъ сердцемъ и никогда ничего не допускаетъ противъ Его воли и своей совѣсти, но всегда славитъ Его и всегда молитъ о помощи.

4. Каждый ученикъ долженъ искренно любить своего учителя, какъ второго отца, и во всемъ ему повиноваться. Учителямъ другихъ классовъ онъ обязанъ подобною-же почтительностью.

5. Послѣ учителя ученикъ обязанъ почтительно относиться къ его намѣстнику—своему декуріону, и долженъ повиноваться ему, когда тотъ дружески его увѣщеваетъ.

6. Со всѣми товарищами нужно жить согласно, не нанося никому оскорбленій ни рукою, ни языкомъ, чтобы наша школа совсѣмъ не знала ссоръ и ненависти.

7. Къ часу, назначенному для занятій и по данному знаку, каждый немедленно отправляется въ учебную комнату и занимаетъ въ ней свое, а не чужое мѣсто.

8. Если кто-либо (вынужденный необходимостью) не можетъ быть на урокѣ, пусть сообщитъ о своемъ отсутствіи и о причинѣ его декуріону (лично, чрезъ другого или письменно), чтобы послѣдній могъ сообщить объ этомъ учителю. Если кто пренебрежетъ сдѣлать это одинъ разъ, подвергается выговору; если также поступитъ во второй

или третій разъ — наказывается, а что было сдѣлано на урокѣ въ его отсутствіе, то обязывается выучить при помощи другихъ, иначе подвергается наказанію.

9. На молитвахъ каждый долженъ присутствовать со вниманіемъ и ни о чемъ въ это время не думать, какъ о Богѣ. Если кто обнаружитъ недостатокъ религіозности, наказывается.

10. Молитвы всѣ ученики должны читать по очереди и такимъ путемъ научаться надлежащимъ образомъ призывать Бога.

11. Если учитель что-либо говоритъ, показываетъ, объясняетъ, всѣ ученики пусть слушаютъ съ величайшимъ вниманіемъ; если приказываетъ подражать, всѣ сейчасъ-же подражаютъ.

12. Если учитель ведетъ какое-либо занятіе, всѣ одинаково должны быть внимательными, чтобы сейчасъ-же можно было отвѣтить, въ случаѣ требованія отвѣта отъ кого-либо учителемъ.

13. Читать, писать, говорить (а также думать и дѣйствовать) всѣ пусть пріучаются ясно и раздѣльно, избѣгая всякой запутанности.

14. Къ еженедѣльному испытанію пусть каждый приступаетъ приготовившись, чтобы получить похвалу, а не стыдъ.

15. Разговоры дозволяются всѣмъ и въ школѣ, и внѣ ея, но на латинскомъ языкѣ и о приличныхъ вещахъ. Если кто не можетъ изложить своихъ мыслей по-латыни, пусть молчитъ или спрашиваетъ, какъ говорятъ это, и тогда говоритъ. А чтобы и послѣ не забылъ, пусть спрошенное запишетъ въ свой дневникъ.

16. Стражемъ этого прилежанія пусть будетъ *латинскій знакъ*: каждый, чрезъ руки котораго онъ проходитъ, обязывается, въ видѣ наказанія, выучить одну хорошую сентенцію; у кого-же знакъ останется на ночь, тотъ выучиваетъ три сентенціи.

17. Относительно тѣла всѣ должны заботиться объ опрятности. Кто пришелъ-бы въ школу непричесаннымъ, неумытымъ, неприлично одѣтымъ, тотъ получаетъ *знакъ поведенія*. Наказаніе за него полагается то-же, какъ и за латинскій знакъ.

18. Всѣ пусть пріучаются къ приличію въ движеніяхъ. Каждый, замѣченный въ непочтительности, легкомысліи, дерзости и грубости, подвергается осужденію и отмѣчается знакомъ поведенія.

19. Когда ученики бываютъ внѣ школы, ходятъ по улицамъ, говорятъ съ посторонними людьми, пусть всѣ живо помнятъ о скромности и добродѣтели.

20. Кто не отстаетъ отъ своихъ недостатковъ ни вслѣдствіе увѣщаній товарищей и своего декуріона, ни вслѣдствіе наказанія знакомъ, тотъ подвергается наказанію розгами. Если и это его не ис-

правитъ, то онъ приглашается къ ректору, который и наказываетъ его по своему усмотрѣнію.

XVI.

Обязанности декуріоновъ.

1. Декуріонъ долженъ смотрѣть, чтобы всѣ, довѣренные его надзору, ученики приходили своевременно въ школу и занимали свои мѣста (прежде чѣмъ придетъ учитель), и если кто изъ нихъ долженъ прочитать молитвы, тотъ извѣщается объ этомъ, чтобы приготовиться.

2. Если декуріонъ самъ почему-либо не можетъ быть, то долженъ дать знать объ этомъ своему помощнику, чтобы тотъ въ его отсутствіе наблюдалъ за надлежащимъ порядкомъ.

3. Если декуріонъ не находитъ кого-либо изъ своихъ на мѣстѣ, то увѣдомляетъ объ этомъ учителя, при его входѣ въ классъ.

4. Декуріонъ сообщаетъ учителю (по окончаніи молитвы), у кого остались на ночь знаки поведенія и языка и у кого они были, чтобы учитель могъ прослушать заданныя сентенціи.

5. Во время чтенія, письма и другихъ упражненій декуріонъ наблюдаетъ за сотоварищами своего десятка, и если замѣтитъ, что кто-либо изъ нихъ затрудняется, то пусть поможетъ ему.

6. Внѣ школы декуріонъ также наблюдаетъ, чтобы всѣ ввѣренные ему ученики вели себя прилично, провинившихся усовѣщеваетъ, а непослушныхъ отводитъ къ учителю.

7. Особенно-же декуріонъ долженъ заботиться о томъ, чтобы всѣ ввѣренные ему ученики присутствовали при церковномъ богослуженіи и надлежащимъ образомъ вели себя при пѣніи священныхъ гимновъ и во время всего богослуженія.

8. Декуріоны наблюдаютъ за открытіемъ классной комнаты до начала школьныхъ занятій и закрытіемъ ея послѣ, а равно заботятся о содержаніи ея въ чистотѣ, что и выполняется попремѣнно однимъ ученикомъ въ теченіе недѣли.

9. Если декуріону случается отсутствовать, обо всемъ этомъ надлежитъ заботиться и за всѣмъ наблюдать его помощнику.

10. Старательный декуріонъ пусть пользуется почетнымъ титуломъ *помощника учителя* (или *младшаго учителя*), небрежный-же да подвергнется наказанію или съ безчестіемъ да устранится отъ должности.

XVII.

Обязанности фамулянтовъ (т.-е. бѣдныхъ учениковъ, которыхъ берутъ себѣ для услугъ знатные или студенты, по обычаю, принятому въ венгерскихъ школахъ) [10]).

1. Они обязываются всегда присутствовать при занятіяхъ и не отлучаться подъ какимъ-либо вымышленнымъ предлогомъ изъ опасенія быть наказанными розгами.

2. Если какія-либо необходимыя службы вынуждаютъ отсутствовать кого-либо изъ фамулянтовъ, то таковой долженъ представить объ этомъ свидѣтельство отъ своего господина.

3. Пропущенное при общемъ обученіи фамулянтъ пусть вознаградитъ личнымъ прилежаніемъ, пусть спишетъ себѣ изъ книгъ сотоварищей, что прибавилось, и это выучитъ.

4. При еженедѣльномъ испытаніи должны присутствовать всѣ фамулянты безъ всякаго исключенія, и потому они обязаны всѣ свои дѣла сдѣлать заранѣе.

5. Всѣ свои обязанности фамулянты должны выполнять тѣмъ охотнѣе и быстрѣе, чѣмъ болѣе желаютъ заслужить благосклонность своихъ господъ и ихъ милость для продолженія занятій.

6. Фамулянты исполняютъ также службы по школѣ, какъ-то: метутъ и чистятъ, гдѣ и сколько разъ нужно, по указанію учителя или дежурнаго.

7. Чтобы такія работы не служили къ униженію, а напротивъ, были-бы побужденіемъ къ прилежанію въ занятіяхъ, фамулянтамъ пусть будетъ позволено (при еженедѣльномъ испытаніи) состязаться между собою объ освобожденіи на будущую недѣлю отъ этихъ общественныхъ службъ.

XVIII.

Законы коллегіи, т.-е. для всѣхъ живущихъ въ коллегіи, какъ студентовъ, такъ и знатныхъ.

1. Кто вступаетъ сюда, тотъ долженъ помнить, что вступаетъ въ домъ мудрости и воспитанія, и потому пусть принесетъ съ собой духъ, способный къ дисциплинѣ, и почтеніе къ законамъ.

2. Каждый пусть остается въ комнатѣ, отведенной ему правителемъ коллегіи, и содержитъ все въ ней въ чистотѣ и добромъ порядкѣ.

3. Безъ позволенія правителя (или, какъ мы его здѣсь называемъ, старшаго) или, по крайней мѣрѣ, своего ближайшаго инспектора, никто не долженъ отлучаться изъ коллегіи; если-же кому-либо окажется необходимымъ уйти по какому-либо дѣлу, тотъ долженъ безъ промедленія возвратиться въ коллегію.

4. Въ коллегіи пусть никто праздно не бродитъ, но каждый пусть пріучается въ ней къ благоустроенной жизни.

5. Никто да не входитъ въ комнату другого, не постучавшись предварительно.

6. Ночью никто не долженъ входить въ спальню другого.

7. Необычные пиры (ни тайно, ни явно) не дозволяются.

8. Если старшій стучитъ въ дверь (днемъ или ночью), ее надобно открыть сейчасъ-же.

9. Вечеромъ въ восемь часовъ всѣ должны быть въ постели (и никакъ не заниматься вечеромъ долѣе девяти часовъ), а утромъ обыкновенно вставать въ четыре часа (и во всякомъ случаѣ не позже пяти часовъ).

10. Каждый, какъ только встаетъ, прибираетъ свою постель, потомъ приводитъ въ порядокъ себя, чешется, моется, прилично одѣвается и въ полчаса приготовляетъ себя къ молитвѣ и потомъ къ занятіямъ.

11. Безъ важной причины никому не дозволяется отсутствовать при общихъ молитвахъ.

12. Всѣ внимательно заботятся о согласіи, никто не оскорбляетъ другого; оскорбленный не мститъ, но бываетъ готовъ, при предложенномъ дружескомъ примиреніи, возстановить любовь и прежнія отношенія.

XIX.

Законы интерната въ Патакѣ.

1. Кто желаетъ поступить въ интернатъ, тотъ доставляетъ свидѣтельства отъ той церкви, откуда приходитъ, о законномъ рожденіи и незапятнанной жизни, для удостовѣренія, что достоинъ принятія.

2. Потомъ вступающій подвергается испытанію въ своихъ способностяхъ и знаніяхъ, чтобы было видно, способенъ-ли онъ къ занятіямъ. Производство испытанія лежитъ на обязанности ректора.

3. Если случится, что желающихъ поступить въ интернатъ явится больше, чѣмъ сколькихъ можно принять сообразно назначеннымъ интернату средствамъ, то нужно позаботиться, чтобы даровой столъ

назначался болѣе нуждающимся (въ прочемъ равнымъ), а другіе пусть вносятъ лишь часть платы за столъ. Если въ интернатѣ для желающихъ поступить въ него совсѣмъ не окажется мѣста, то ихъ нужно устроить какъ-либо иначе.

4. Тѣ, которые будутъ получать на половину даровой столъ, вносятъ плату за цѣлый годъ впередъ.

5. Однажды принятые и пользующіеся средствами интерната продолжаютъ пользоваться ими до окончанія курса, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда кто-либо самъ по своей волѣ пожелаетъ оставить стипендію, потому-ли, что онъ еще откуда-либо получилъ средства къ жизни, или оказался способнымъ къ педагогіи, или-же, наконецъ, когда лишаютъ кого-либо стидендіи за нечестные поступки.

6. Всѣ питомцы интерната повинуются всѣмъ законамъ этой школы усерднѣе прочихъ учениковъ и служатъ всѣмъ примѣромъ благородства, скромности, благочестія и прилежанія, чтобы не было повода думать, что стипендіи даются недостойнымъ людямъ.

7. Что во время завтрака и обѣда вслухъ читаетъ чтецъ, то всѣ должны слушать внимательно; по окончаніи-же чтенія и обѣда, каждый запоминаетъ, что ему наиболѣе понравилось, и такимъ путемъ въ себѣ самомъ и въ другихъ возбуждаетъ и поддерживаетъ вниманіе [11]).

XX.

Законы о педагогіи и педагогахъ.

Мы надѣемся, что, если наша школа будетъ устроена по указанному методу, классныхъ учителей будетъ достаточно для какого угодно числа учащихся, такъ что учащимся не встрѣтится необходимости утомлять себя частными уроками помимо часовъ, назначенныхъ для общихъ занятій. Тѣмъ не менѣе будетъ хорошо, если къ знатнымъ юношамъ будутъ приставлены еще и частные педагоги, во-первыхъ и прежде всего *для надзора за поведеніемъ*, чтобы юноши, предоставленные самимъ себѣ и въ своей частной жизни не видящіе примѣровъ хорошаго обращенія, не усвоили себѣ чего-либо дурного: во-вторыхъ, *для утвержденія благочестія*, чтобы они никогда (отдыхаютъ-ли, или поднимаются на работу, или дѣлаютъ что-либо иное) не забывали о Богѣ; въ-третьихъ, для образованія ума и языка, которые образуются и развиваются отъ постояннаго обращенія съ учеными людьми. Мы не говоримъ о томъ, что занятіями знатныхъ юношей съ частными педагогами будутъ окрыты студентамъ сред-

ства къ жизни, а вмѣстѣ облегчится въ нѣкоторой мѣрѣ и общее сожительство. Для достиженія указанныхъ цѣлей нужно наблюдать, чтобы:

1. Никто частными хлопотами не добивался занятій педагогіею и не принималъ-бы предложенія на такія занятія, помимо вѣдѣнія и спеціальнаго распоряженія ректора (или педагогіарха).

2. *Педагогія не довѣряется неученому*, тѣмъ менѣе злонравному, менѣе-же всего тому, благочестіе и совѣстливость кого сомнительны.

3. Кому-же педагогія будетъ поручена, тотъ прежде всего и больше всего пусть самъ старается быть такимъ, какихъ онъ, призывая на помощь Бога, будетъ стремиться образовать, т.-е. *образованнымъ, добронравнымъ, благочестивымъ и притомъ нелицемѣрнымъ.*

4. Педагогъ пусть заботится о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать своему имени, т.-е. *пусть стремится, постоянно руководя учениками, побуждать ихъ къ непрерывному и точному успѣху и помогать имъ въ этомъ.*

5. Педагогъ долженъ не препятствовать, а помогать общественному обученію, т.-е. упражнять не въ чемъ-либо особенномъ и не какимъ-либо особеннымъ образомъ, но стремиться, къ тому-же и учить на дому тѣмъ-же самымъ способомъ, какъ учитъ и къ чему стремится въ школѣ общественный учитель.

6. Итакъ, педагогъ, проходя съ учениками до школы то, что скоро будутъ учить въ школѣ, объясняетъ смыслъ уроковъ, чтобы ученикъ не испугался какой-либо трудности; если-же педагогъ замѣтитъ, что есть въ урокѣ что-либо трудное, то устранитъ эту трудность предварительнымъ объясненіемъ, чтобы въ общественной школѣ ученики педагоговъ усвояли все быстрѣе другихъ и получали похвалу предъ другими и вмѣстѣ надежду и побужденіе успѣшно пройти и дальнѣйшій курсъ.

7. Подобнымъ образомъ ученикамъ, возвратившимся изъ школы, педагоги приказываютъ повторить усвоенное въ школѣ, чтобы лучше укрѣпить воспринятое и постепенно пріучать ихъ къ сознательному отношенію къ вещамъ.

8. Всѣ разговоры педагога съ ученикомъ ведутся по-латыни—въ видахъ быстраго усвоенія привычки обо всемъ говорить по-латыни.

9. Всѣ педагоги должны такъ относиться къ дѣтямъ, чтобы одновременно быть и филопедами, т.-е. *руководители дѣтей должны быть и друзьями ихъ.* Такая цѣль будетъ достигнута, если педагоги будутъ вѣрными стражами своимъ ученикамъ во всемъ добромъ, чтобы ученики, предоставленные исключительно самимъ себѣ, не усвоили

вмѣстѣ съ хорошимъ и дурное и чтобы такое отношеніе къ дѣлу не сдѣлалось привычкой.

[Итакъ, различіе между тѣми, которые сверхъ общественнаго обученія пользуются еще уроками частныхъ педагоговъ, и тѣми, которые такими уроками не пользуются, состоитъ въ томъ-же, въ чемъ состоитъ различіе между полемъ, засѣяннымъ хорошими сѣменами и сверхъ того заботливою рукою очищаемымъ отъ растущихъ плевелъ, и между подобнымъ-же полемъ, засѣяннымъ хорошими сѣменами, но предоставленнымъ самому себѣ, въ той надеждѣ, что хорошая трава сама заглушитъ дурную. Это иногда и можетъ случиться, но, однако, вѣрнѣе побѣдитъ то поле, у котораго есть рука, вырывающая плевелы].

XXI.

Законы объ учителяхъ.

1. *Учителя да будутъ мужи благочестивые, достопочтенные, дѣятельные и ревностные; они должны быть живыми образцами добродѣтелей, которыя они хотятъ привить другимъ*, не притворно, но искренно *(Ничто притворное не продолжительно)*.

2. Чтобы учителя могли съ удовольствіемъ исполнять обязанности своего призванія и предохранять себя отъ скуки и отвращенія, пусть они *остерегаются низко цѣнить и презирать самихъ себя*, что и дѣлаютъ тѣ, которые считаютъ унизительнымъ быть учителями и принимаютъ на себя эти обязанности только ради платы, готовые убѣжать отъ учительства, какъ отъ тяжелой барщины, лишь только найдутъ другой родъ занятій, болѣе выгодный. Но наши учителя пусть будутъ убѣждены, что они облечены высокимъ достоинствомъ и что имъ довѣрена такая высокая обязанность, выше которой подъ солнцемъ нѣтъ—*человѣка, образъ Божій, довести до подобія Богу*, или, какъ говоритъ Богъ у пророка, *устроять небеса и утверждать землю* (Ис. 51, 16), т.-е. полагать основанія церкви и государства. Итакъ, увѣренные, что труды ихъ способствуютъ благополучію рода человѣческаго и воспѣвая съ Давидомъ: *мнѣ выпалъ жребій самый счастливый, наслѣдственная часть мнѣ досталась прекрасная* (Пс. 16, 6), твердо стоятъ на томъ, что при стремленіи къ осуществленію указанной возвышенной цѣли всякіе эгоистическіе интересы должны быть устранены.

3. Такъ какъ предпринимать такое дѣло въ разсчетѣ на собственную мудрость и силы было-бы опасно, то учителя *прежде всего*

пусть смиреннѣйше ввѣрятъ Богу какъ самихъ себя и свои труды, такъ и благополучіе своихъ учениковъ. По примѣру великаго учителя, который одного желалъ, чтобы никто изъ тѣхъ, которыхъ далъ Ему Отецъ, не погибъ, и который молилъ, чтобы самъ Отецъ сохранилъ ихъ по своей благости (Іоан. 17, 11—12).

4. Посему ближайшая забота учителей будетъ состоять въ возбужденіи ко всему доброму хорошимъ примѣромъ, такъ какъ нѣтъ ничего естественнѣе, чтобы позади идущіе шли-бы по слѣдамъ предшествующихъ, а ученики образовались-бы по примѣру учителя. *Руководство, которое заключается лишь въ словахъ и правилахъ, мало можетъ способствовать прогрессу*. Итакъ, наши учителя пусть остерегаются уподобляться тѣмъ придорожнымъ Меркуріямъ, которые простертой рукой только показываютъ, куда нужно идти, но сами не идутъ [12]).

5. Пусть наши учителя знаютъ, что *юношество, посвященное Христу, прежде всего должно быть направляемо туда, куда его хотѣлъ вести и привелъ Христосъ—къ небу*. Потому духъ юношей прежде всего долженъ быть преисполненъ познаніемъ Отца небеснаго, а воля проникнута любовью во всемъ исполнять волю Божію, чтобы здѣсь на землѣ нами все дѣлалось такъ, какъ исполняется ангелами на небѣ; сверхъ того, въ юношествѣ должна быть возбуждаема надежда на вѣчное милосердіе Бога. Всему этому учителя пусть никогда не перестаютъ учить всѣхъ своихъ учениковъ своею жизнью, достойною неба, подобною ангельской, и пусть остерегаются примѣромъ свѣтской жизни соблазнить кого-либо изъ малыхъ сихъ (дѣлающимъ таковое Христосъ возвѣстилъ горе).

6. Такъ какъ учителя занимаются съ учениками не за тѣмъ, чтобы сейчасъ-же перенести ихъ на небо, но для того, чтобы прежде всего подготовить ихъ къ истинно-человѣческой земной жизни (гдѣ будетъ угодно Богу), то пусть учителя *прилежно пріучаютъ всѣхъ своихъ учениковъ къ надлежащей гуманности и къ прекрасному исполненію общественныхъ законовъ, и опять прежде всего и лучше всего примѣрами, чѣмъ правилами. Итакъ, всѣ учителя должны прилагать попеченіе о скромности и воздержности, а равно и о здравой бодрости духа; пусть они предпочитаютъ сибаритскимъ пиршествамъ платоновскіе пиры* [13]). Точно также учителя пусть постараются быть образцомъ умѣренности своимъ ученикамъ въ пищѣ и одеждѣ, въ дѣйствіяхъ образцомъ бодрости и трудолюбія, въ поступкахъ образцомъ скромности и приличія, въ рѣчи образцомъ краснорѣчія и мол-

чанія, однимъ словомъ, образцомъ благоразумія въ общественной и частной жизни.

7. Такъ какъ и въ благочестіи, и въ поведеніи легче успѣть, если умъ, просвѣщенный свѣтомъ знанія, умѣетъ сдѣлать лучшій выборъ между вещами; знаніе-же вещей почерпается изъ наукъ, то пусть учителя помнятъ, что они должны, *образовательно воздѣйствуя на своихъ учениковъ, сдѣлать умы всѣхъ ихъ мудрыми, языки краснорѣчивыми, руки способными къ письму и другимъ занятіямъ, чтобы ученики умѣли, желали и могли обнаружить все это, причемъ указанной цѣли опять слѣдуетъ достигать примѣрами, правилами, упражненіями.*

8. *Чтобы ученики видѣли что-либо, показывай; чтобы понимали, объясняй; чтобы могли выразить что-либо, что ты можешь, приказывай подражать, и когда начнутъ надѣяться, что могутъ сдѣлать это, приказывай повторять до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи сдѣлать правильно и быстро.* Итакъ, хорошіе учителя должны считать самою малою частью своего дѣла (пусть хорошенько замѣтятъ это) *что-нибудь диктовать; болѣе важною—смотрѣть за тѣмъ, занимаются-ли ученики, частыми вопросами возбуждать ихъ сообразительность, а при исправленіи ошибокъ, какъ скоро таковыя окажутся, дѣйствовать искусно.*

9. Въ видахъ выполненія учителями всего сказаннаго безъ скуки, *необходимо, чтобы учителя относились къ ученикамъ отечески, какъ-бы духовные родители, серьезно желая имъ успѣха.* И лучше пусть все дѣлаютъ мягко, чѣмъ строго, помня стихъ Горація: «*заслуживаетъ полнаго одобренія тотъ, кто соединяетъ полезное съ пріятнымъ*». Это особенно нужно имѣть въ виду, принимая во вниманіе юный возрастъ учащихся, когда люди, не зная еще тягостей жизни, измѣряютъ пользу удовольствіемъ и бываютъ болѣе жадны до сахара и меда, чѣмъ до питательной пищи.

10. *Хорошій учитель не пропускаетъ никакого случая, чтобы научить чему-либо полезному.* Итакъ, если нашимъ учителямъ вздумается сказать что-либо хорошее, то они никогда не преминутъ сдѣлать это, всѣмъ-ли ученикамъ отдѣленія или отдѣльному ученику частнымъ образомъ, внѣ школы. Впрочемъ, дѣло нужно устроить такимъ образомъ (и это нужно замѣтить), чтобы тотъ, *кто былъ наставленъ частнымъ образомъ, былъ-бы спрошенъ о предметѣ наставленія публично предъ всѣми, въ видахъ двойной пользы:* 1) пріученія учениковъ сообщаемое кому-либо изъ нихъ частнымъ образомъ, внѣ школы, усвоять настолько внимательно, чтобы быть въ состояніи

дать въ этомъ отчетъ; 2) общаго пользованія такимъ знаніемъ, которое было сообщено кому-либо отдѣльно по частному случаю, такъ какъ общественный учитель есть равно учитель всѣхъ.

11. *Учителя должны умѣть какъ сами предшествующее дѣлать прежде и значительнѣйшее лучше, такъ и учениковъ научить тому-же, требуя отъ нихъ соблюденія того-же порядка и ни подъ какимъ видомъ не допуская его извращенія*, т.-е. учителя должны учить прежде всего необходимому—благочестію; потомъ умѣнью надлежащаго обращенія съ людьми; наконецъ, внѣшнему украшенію жизни — наукамъ [14]).

12. Итакъ, прежде всего учитель пусть остерегается, подъ страхомъ вѣчнаго осужденія, допустить кого-либо уклониться отъ благочестія, но старается всѣхъ образовать боящимися Бога. Если учитель этого не достигнетъ, то пусть считаетъ потеряннымъ все свое дѣло.

13. Учителя должны заботиться, чтобы всѣ общественныя и частныя молитвы совершались учащимися съ сердцемъ, вознесеннымъ къ Богу, и съ благоговѣйнымъ выраженіемъ. Въ каждую среду учителя пусть занимаются съ учениками объясненіемъ богослуженія, по субботамъ прилежно приготовляютъ ихъ къ воскресному богослуженію; по воскресеньямъ-же всѣ учителя присутствуютъ при общественномъ богослуженіи, каждый на своемъ особомъ мѣстѣ съ своимъ отдѣленіемъ, и заботятся, чтобы всѣ ученики записывали проповѣдь и повторили ее въ понедѣльникъ (въ первый учебный часъ).

14. Сколько разъ въ церкви совершается *святое причащеніе*, столько разъ учителя приготовляютъ къ нему своихъ учениковъ съ особенно благоговѣйнымъ чувствомъ (или къ достойному участію, или къ религіозному созерцанію столь священнаго таинства).

15. Между *хорошими свойствами* особенно настоятельно рекомендуется ученикамъ и насаждается въ нихъ упражненіями терпѣніе въ трудѣ и даже желаніе труда, что составитъ для нихъ сокровище въ послѣдующей жизни.

16. Каждый учитель долженъ всегда имѣть предъ глазами задачи и цѣль своего класса, чтобы, въ виду ихъ, все направлять надлежащимъ образомъ. Учитель заслужитъ похвалу, если приведетъ къ той цѣли всѣхъ своихъ учениковъ, и порицаніе, если позволитъ кому-либо не достигнуть цѣли.

XXII.

Законы о ректорѣ.

1. Ректоръ долженъ помнить, что онъ по преимуществу есть *свѣтъ и основа* всей школы.

2. Ректоръ долженъ представлять собою образецъ добродѣтелей, благочестія и прилежанія, живой законъ и правило во всемъ (по этому образцу все неправильное можетъ легко исправиться).

3. Ректоръ поддерживаетъ свой авторитетъ предъ другими чистотою нрава, гуманнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и неутомимою дѣятельностью по своей должности; онъ долженъ также прилежно наблюдать, подражаютъ-ли ему коллеги, учителя и всѣ педагоги.

4. Такъ какъ ректоръ не имѣетъ собственнаго класса, то въ убѣжденіи, что всѣ классы его (какъ это есть и на самомъ дѣлѣ), онъ ежедневно осматриваетъ ихъ и всюду вноситъ свѣтъ, на подобіе солнца, освѣщающаго небо.

5. Время отъ времени ректоръ освѣдомляется, тайно или явно, о жизни частныхъ педагоговъ и объ ихъ занятіяхъ съ учениками.

6. Ректоръ всюду наблюдаетъ, чтобы ничто не совершалось противъ законовъ и правилъ, все сохранялось-бы на своемъ мѣстѣ, въ порядкѣ и силѣ, и если окажутся какія-либо уклоненія отъ порядка, сейчасъ-же исправляетъ ихъ, предупреждая бо̀льшую порчу.

7. Особенно-же ректоръ долженъ и помнить, и убѣждать своихъ коллегъ въ томъ, что никто не можетъ сдѣлаться ученымъ усвоеніемъ однихъ лишь правилъ, но что къ этому нужно прибавить еще показываніе и непрестанное повтореніе, чтобы учителя охотнѣе желали быть и считаться возбудителями умовъ, чѣмъ созидателями, и охотнѣе вождями, чѣмъ тиранами, что составляетъ не послѣднюю изъ тайнъ высшей дидактики.

8. Съ особой заботливостью и тщательностью ректоръ долженъ сохранять школьный архивъ (гдѣ хранятся документы объ учрежденіи школы и привиллегіи, законы и статуты, акты и исторія), какъ первое сокровище школы.

9. Также тщательно ректоръ хранитъ школьную матрикулу и вписываетъ въ нее имена всѣхъ вступающихъ и выходящихъ (или, лучше, заботится о томъ, чтобы каждый собственноручно вписалъ), съ указаніемъ года, мѣсяца и дня.

10. Приходящему съ просьбой о принятіи въ школу ректоръ прежде всего прочитываетъ школьные законы и спрашиваетъ, объ-

щаетъ-ли имъ слѣдовать, и не иначе даетъ право школьнаго гражданства, какъ подъ условіемъ подчиненія законамъ и взысканіямъ и утвержденія обѣщанія собственноручною подписью.

11. Къ чужимъ и приходящимъ ректоръ долженъ быть гостепріименъ.

12. Выходящимъ ученикамъ и просящимъ свидѣтельство о прилежаніи и поведеніи ректоръ выдаетъ таковое по справедливости, сообразно заслугамъ каждаго.

13. Ректоръ долженъ относиться съ большимъ вниманіемъ и аккуратностью къ просьбамъ, поступающимъ отъ городовъ и школъ, о рекомендаціи учителей, и свои свидѣтельства выдавать только по заслугамъ.

14. Ректоръ ведетъ исторію школы, занося всѣ выдающіяся событія въ лѣтопись. Въ важныхъ-же случаяхъ поступаетъ не по собственному произволу, но созвавъ прежде сенатъ и тщательно освѣдомившись о его мнѣніи.

15. Въ убѣжденіи, что правильное распредѣленіе наградъ и наказаній есть основа сохраненія государства, ректоръ долженъ распредѣлять ихъ справедливо.

XXIII.

Законы о схолархахъ.

Когда спартанцы получили отъ Ликурга хорошіе законы, они не думали, что законы будутъ исполняться, если не будетъ номофилаковъ—блюстителей закона,—и учредили ихъ. Спартанцы поступили мудро, такъ какъ самые лучшіе законы тщетны, если не исполняются. Но безъ надзора, который побуждаетъ къ исполненію, законы не могутъ соблюдаться. Посему и въ нашей школѣ должны быть учреждены блюстители законовъ, чтобы однажды предписанное всегда сохраняло силу. И тѣ изъ нашихъ, которые призваны сражаться противъ наводняющихъ невѣжества и варварства и снабжены средствами для побѣжденія врага, пусть ведутъ не легкія стычки, но сражаются серьезно и сурово. Мы назовемъ ихъ *схолархами*, заимствовавъ такое наименованіе отъ школы [15]). Обязанности ихъ слѣдующія:

1. Схолархи должны быть убѣждены, что имъ поручена высшая забота о питомникѣ государства и церкви (т.-е. объ основахъ человѣческаго счастья въ настоящемъ и будущемъ). Итакъ, они серьезно

должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы общественное учрежденіе не потерпѣло какого-либо ущерба.

2. Схолархи должны быть убѣждены, что школа есть своего рода Спарта, которую и нужно украсить достойнымъ образомъ. Такъ какъ иные служатъ школѣ преимущественно преподавательскою дѣятельностью, сами-же схолархи могутъ болѣе влiять примѣромъ и возбужденiемъ, то пусть такъ ведутъ себя, чтобы своею бдительностью возбуждать другихъ, а справедливымъ образомъ дѣйствiй всѣхъ приводить къ порядку.

3. Схолархи должны заботиться о прiисканiи для школы наилучшихъ учителей, выдающихся какъ своею набожностью, ученостью и благочестивою жизнью, такъ и искуснымъ веденiемъ дѣла преподаванiя, словомъ, такихъ, которые какъ будто рождены для такой дѣятельности и, посвятивъ свою жизнь Богу и юношеству, могли-бы, умѣли и желали быть полезными отечеству и церкви.

4. Схолархи пусть вѣрятъ, что для благополучiя школы будетъ лучше, если такiе учителя будутъ оставаться въ школѣ надолго, чѣмъ если они будутъ часто мѣняться. Посему тѣ, которые хорошо руководятъ юношествомъ, пусть руководятъ имъ и впредь,—этого схолархи должны желать, объ этомъ заботиться (Итакъ, обычай, здѣсь принятый, чтобы къ занятiю учительскихъ мѣстъ въ школахъ допускались лишь кандидаты въ священники, которые скоро и покидаютъ учительство, долженъ быть уничтоженъ. Это призванiе (къ учительству) особенное, какъ и къ духовному званiю; кто только способенъ къ нему (ибо это есть особенный даръ Божiй—быть дидактомъ), тотъ пусть посвятитъ ему свои дни. И гдѣ-бы ни пришлось увидѣть такихъ, на которыхъ Богъ указываетъ какъ-бы простертымъ перстомъ, всюду нужно принять ихъ благосклонно, привлечь просьбой и наградой, поддержать, ободрить и, если они пожелаютъ оставаться при школьныхъ занятiяхъ, защитить ихъ отъ оскорбленiй).

5. Съ другой стороны, если-бы кто-нибудь изъ учителей, вслѣдствiе продолжительности учительской дѣятельности, получилъ къ ней нерасположенiе и, можетъ быть, желалъ-бы перейти къ другимъ занятiямъ или на покой, такого учителя (подобно рабу, приставленному къ толчейной мельницѣ) не нужно удерживать, такъ какъ отъ этого не будетъ никакой пользы для школы, требующей всего добровольно. И да не отпускаютъ учителей раздраженными или оскорбленными, потому что учительскому званiю приличествуютъ честь и достоинство.

6. Такъ какъ, по словамъ верховнаго защитника мудрости и справедливости, каждый дѣлатель достоинъ своей награды, то на обязан-

ности схоларха, какъ его намѣстника. лежитъ позаботиться о томъ, чтобы учителя получали надлежащее, достаточное содержаніе, чтобы никто изъ нихъ не вынуждался къ постороннимъ занятіямъ и нерадѣнію о своей должности, или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ-бы предлога къ небрежности въ трудахъ или къ скупости (*Трудъ непріятенъ, если за нимъ не слѣдуетъ никакой награды*).

7. Схолархи наблюдаютъ за назначенными учителями, достаточно-ли искусно каждый изъ нихъ исполняетъ обязанности своего призванія. Въ этихъ видахъ схолархи пусть не тяготятся время отъ времени посѣщать школу (вмѣстѣ или отдѣльно), присутствовать при занятіяхъ и тѣмъ одушевлять къ непрерывному прилежанію и учащихъ, и учащихся, *ибо присутствіе Турна понуждаетъ* [16]) *и слушатель возбуждаетъ ученіе* и т. д.

8. Особенно-же схолархъ долженъ заботиться о томъ, чтобы охранять у учащихся авторитетъ учителей и предупреждать низкую оцѣнку ихъ, такъ какъ пренебреженіе къ учителямъ обыкновенно влечетъ за собой паденіе всей дисциплины.

9. Если-бы, однако, въ комъ-либо изъ учителей или у ректора или у самого педагогіарха обнаружились недостатки въ поведеніи, или излишества въ жизни, или нерадѣніе по должности, то схолархи не должны этого терпѣть, но дружески увѣщевать провинившагося, однако тайно, чтобы не узналъ объ этомъ кто-либо изъ учениковъ и не имѣлъ повода къ пренебреженію учителемъ.

10. Если кто изъ учителей будетъ увольняемъ или принимаемъ, то это должно дѣлать только въ обычное время обыкновенной перемѣны—во время перевода учениковъ изъ класса въ классъ, для предупрежденія могущихъ возникнуть значительныхъ замѣшательствъ.

11. Надзоръ схолархов простирается (съ разрѣшенія магистрата и церкви) на все юношество всего города и ближайшей мѣстности, на родителей и опекуновъ, какъ они воспитываютъ дѣтей и приготовляютъ въ школѣ, посылаютъ-ли ихъ, уже способныхъ учиться, въ общественную мастерскую добродѣтелей, или нѣтъ, а также отчего происходитъ промедленіе въ посылкѣ. На все это схолархи обращаютъ вниманіе, увѣщеваютъ и имѣютъ власть представить упорныхъ на судъ духовенства; если-же виновные пренебрегутъ такимъ судомъ, то на судъ магистрата.

12. Такъ какъ мудро сказано, что родъ людской нужно оберегать преимущественно въ дѣтствѣ (т.-е. нужно наиболѣе предохранять отъ зла юношество), то схолархи должны особенно заботиться, чтобы не вкралось въ школы что-либо, повреждающее нравы и благочестіе.

13. Если школъ будетъ много (что нужно), то надлежитъ позаботиться, чтобы между ними во всемъ было согласіе, а равно, чтобы между учителями заботливо поддерживалось единодушіе. Не должно допускать, чтобы въ этомъ священномъ обществѣ мудрости возникали ненависть и споры или зависть и соперничество.

14. Схолархи должны заботиться о томъ, чтобы годовщина школы (празднованіе дня основанія школы, когда память о благочестивыхъ благодѣяніяхъ основателей передается позднѣйшему потомству) справлялась неукоснительно и при этомъ случаѣ торжественно прочитывались-бы всѣ школьные законы—для возобновленія такимъ путемъ въ памяти школьнаго порядка и его значенія.

15. Особенно предостерегаемъ схолархов относительно извѣстнаго обычая назначать начинающимъ ученикамъ учителями лицъ менѣе ученыхъ, между тѣмъ какъ въ учителя къ такимъ ученикамъ долженъ быть избираемъ ученѣйшій и благоразумнѣйшій мужъ, въ видахъ правильнаго положенія первыхъ основъ образованія. Кто мало знаетъ, тотъ неясно учитъ. Если-же первыя усвоенія были неясны, то и все послѣдующее ученіе будетъ страдать недостаткомъ ясности, и тому, кто не знаетъ низшихъ ступеней науки, трудно будетъ изучать высшія.

16. Наконецъ, пусть схолархи знаютъ, что правильное распредѣленіе наградъ и наказаній есть основа сего государства (т.-е. школы), потому они особенно должны заботиться о томъ, чтобы добродѣтель не лишалась несправедливо своей награды, а порокъ не оставался ненаказаннымъ. Такимъ путемъ они легко сохранятъ все въ надлежащемъ порядкѣ.

XXIV.

Законы о дисциплинѣ.

1. Никакое нарушеніе законовъ не можетъ быть терпимо ни въ комъ—отъ самыхъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

2. Какъ проступки, такъ и наказанія должны имѣть степени. Самое большое обыкновенное наказаніе у насъ будетъ наказаніе розгами; самое меньшее—благоразумное порицаніе. Отъ нанесенія ударовъ въ голову всегда слѣдуетъ воздерживаться.

3. Грѣхи нерадѣнія, не соединенные съ упрямствомъ, не нужно строго наказывать, но и не слѣдуетъ укрѣплять ихъ, смотря на нихъ сквозь пальцы: одно только упрямство должно быть сокрушаемо строгостью и, какъ корень всякаго зла, вполнѣ уничтожаемо.

4. Кто, по разсѣянности, невнимательно слушаетъ, смотритъ по сторонамъ, читаетъ или пишетъ не относящееся къ дѣлу, болтовней нарушаетъ свое или чужое вниманіе и дѣлаетъ что-либо подобное, тотъ призывается къ порядку частымъ порицаніемъ, пока этотъ недостатокъ не исправится.

5. Кто ссорится, дерется, непочтителенъ въ своемъ обращеніи, клянется, ругается, заводитъ дружбу съ безнравственнымъ человѣкомъ и тѣмъ нарушаетъ правила чести, тотъ долженъ быть отвращаемъ отъ всего этого строгимъ порицаніемъ; а если слова не исправятъ его, то долженъ подвергнуться исправленію розгами.

6. Кто нарушаетъ законы, поставленные относительно языка, тотъ подлежитъ соотвѣтственному наказанію. Такъ, кто будетъ пойманъ на томъ, что говоритъ не по-латыни, искупаетъ свою вину, выучивъ наизусть что-либо по-латыни (слова или сентенціи, переводы, разсказы и т. п.).

7. Кто несправедливо жалуется на товарищей, педагога, учителя родителямъ, опекунамъ или друзьямъ, тотъ подлежитъ строгому наказанію, какъ за то, что онъ разглашаетъ школьные секреты, такъ и за то, что онъ говоритъ ложь, неблагодаренъ къ своимъ учителямъ и своею ложью нарушаетъ правильность отношеній и огорчаетъ сердца добрыхъ.

8. Если проступокъ совершается декуріономъ, и притомъ намѣренно, то виновный наказывается вдвойнѣ, въ примѣръ прочимъ. Если декуріонъ будетъ замѣченъ въ неисполненіи своихъ обязанностей (при внушеніяхъ, увѣщаніяхъ, докладахъ), то или лишается, должности (если имѣется болѣе достойный), или исправляется розгами, такъ какъ порочный декуріонъ не можетъ не увлечь къ пороку и подчиненныхъ ему и тѣмъ нарушить школьную дисциплину.

9. Если кто изъ большихъ учениковъ будетъ открыто показывать пренебреженіе и неуваженіе къ законамъ и дисциплинѣ, то тотъ, кому нарушитель подчиненъ непосредственно, первый увѣщеваетъ его частнымъ образомъ. Если виновный отъ этого не исправится, то подвергается порицанію предъ цѣлымъ отдѣленіемъ школы. Если-же и это не поможетъ, то доносятъ о немъ ректору. Послѣдній, созвавъ школьный сенатъ, подробно изслѣдуетъ все дѣло и безстыднаго нарушителя присуждаетъ къ наказанію розгами, или если виновный окажется рѣшительно неисправимымъ, то изгоняетъ его изъ общества сыновъ мудрости. Употреблять какой-либо иной, большій, родъ наказанія мы не желаемъ, кромѣ самаго грознаго и ужаснаго—

удаленія, чтобы шелудивая овца, не удаленная отъ стада, не заразила весь хлѣвъ.

10. Наконецъ, исполненіе дисциплины всегда пусть будетъ строго и серьезно, никогда легкомысленно, или, наоборотъ, жестоко, чтобы оно возбуждало страхъ и почтеніе, а не смѣхъ или ненависть. Итакъ, въ руководствѣ юношами пусть будетъ кротость безъ легкомыслія; въ порицаніяхъ осужденіе безъ ядовитости; въ наказаніи строгость безъ жестокости.

XXV.

Законы относительно исполненія законовъ.

1. Такъ какъ изъ опыта извѣстно, что всѣ мы склонны къ злу (особенно въ юношескомъ возрастѣ) и праздностью въ теченіе короткаго времени или пороками такъ можемъ испортить себя, что нормальное состояніе нашего духа возстановится не скоро, то необходимо въ высшей степени бдительное и непрерывное исполненіе законовъ. Иначе ни чѣмъ не будутъ отличаться два состоянія: неимѣніе законовъ и несоблюденіе ихъ, кромѣ того различія, что послѣднее состояніе хуже перваго, такъ какъ своеволіе вырывается изъ оковъ болѣе яростныхъ, чѣмъ какимъ оно бываетъ, если предварительно не было заключаемо въ оковы.

2 Такъ какъ болѣе нужно сражаться за законы, чѣмъ за стѣны, какъ мудро говаривали древніе (потому что безъ законовъ государство никакимъ образомъ существовать не можетъ, а безъ стѣнъ можетъ, какъ видно на примѣрѣ лакедемонянъ), то должно быть увѣреннымъ, что все спасеніе школы заключается въ добросовѣстномъ исполненіи законовъ.

3. Такъ какъ, съ другой стороны, не безъ основанія было сказано Аркезилаемъ [17]), гдѣ много врачей, тамъ много болѣзней, и гдѣ очень много законовъ, тамъ много нарушеній ихъ, то не въ увеличеніи числа законовъ нужно полагать спасеніе школы, но въ аккуратномъ исполненіи однажды установленныхъ. Итакъ, не должно легко разрѣшать прибавленіе чего-либо къ нашимъ законамъ (кромѣ дѣйствительно необходимаго), будетъ лучше, если твердо будутъ соблюдаемы немногіе, но хорошіе, общіе, одинъ разъ данные законы.

4. Такъ какъ Цицеронъ сказалъ: законы всегда и всѣмъ говорятъ однимъ и тѣмъ-же голосомъ (Объ обязанностяхъ, 2, 12), то нужно сдѣлать такъ, чтобы законы для всѣхъ были тѣ-же самые, безъ всякаго лицепріятія. Они не должны походить на паутинную

сѣть, въ которой запутываются маленькія мушки, большія-же и шершни разрываютъ ее.

5. Итакъ, терпѣть въ школѣ какого-либо испорченнаго ученика (по его богатству, благородству происхожденія, по нежеланію раздражать родителей или по другимъ соображеніямъ), а также не удалять изъ школы небрежнаго учителя, лѣниваго, пьяницу, или неблагонадежнаго въ какомъ-либо иномъ отношеніи, значитъ заявлять о несомнѣнномъ разстройствѣ дисциплины, а вмѣстѣ и о паденіи всей школы.

Примѣчаніе. Эти законы были написаны для школы въ Патакѣ, но публично не были приняты (такъ какъ трудное дѣло устройства семиклассной школы не удалось). Тѣмъ не менѣе я ихъ присоединилъ сюда [18]), чтобы не погибло то доброе, что, можетъ быть, есть въ нихъ. Школа-же въ Патакѣ, если въ ней когда-либо случится ослабленіе порядка, будетъ имѣть въ этихъ законахъ напоминаніе для болѣе легкаго возвращенія на истинный путь. Мы будемъ рады, если эти законы принесутъ нѣкоторую пользу и другимъ школамъ.

Конецъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. О циклопѣ Полифемѣ въ Одиссеѣ (пѣснь IX) говорится: «былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, *никакого не вѣдалъ закона*».

2. Обязанности всѣхъ поименованныхъ должностныхъ лицъ подробно изложены ниже, въ главахъ XV, XVI, XX, XXI, XXII и XXIII, за исключеніемъ инспекторовъ, о которыхъ упоминается только еще одинъ разъ въ гл. XVIII, п. 3.—Декуріонъ по русски десятникъ, схолархъ—начальникъ школы.

3. Въ сочиненіи Коменскаго «Schola Pansophica» распредѣленіе учебныхъ занятій представлено яснѣе. Тамъ говорится, что не должно быть ни одного дня, когда юношество было-бы занято общимъ обученіемъ болѣе *шести* часовъ; на домъ (privatim) ученикамъ ничего не задается, особенно въ низшихъ классахъ, такъ что дома ученики должны заниматься только тѣмъ, что относится къ уходу за тѣломъ, и домашними дѣлами. Время вообще располагается такъ, что 8 часовъ назначается на работу, 8 часовъ на сонъ и 8 *же* на разныя житейскія дѣла и отдыхъ. При опредѣленіи болѣе частнаго порядка занятій, нужно имѣть въ виду, чтобы до-обѣденные часы посвящались упражненіямъ ума, сужденія, остроумія, памяти, а послѣобѣденные — упражненіямъ руки, голоса, стиля и подвижнымъ играмъ. Занятія каждаго класса, по ихъ важности, могутъ быть распредѣлены на три степени: 1) самыя важныя занятія касаются сущности и содержанія мудрости, краснорѣчія и благочестія, каковы занятія языками, философіей и богословіемъ; 2) менѣе важныя занятія тѣ, которыя служатъ первымъ пособіями и которыя важны не столько для существованія, сколько для благосостоянія, каковы занятія исторіей. Въ исторіи дѣло идетъ о разсмотрѣніи не всеобщихъ, опредѣленно и твердо существующихъ, явленій, а о собраніи отдѣльныхъ случаевъ; 3) занятія третьей степени не служатъ развитію мудрости, краснорѣчія и благочестія, но свѣжести, здоровья и подвижности духа, каковы отдыхъ, игры и т. д. На этихъ началахъ Коменскимъ составлено такое росписаніе занятій во всѣхъ классахъ:

Занятія до обѣда.

Отъ 6 до 7 часовъ—религіозныя упражненія, т.-е молитва, повтореніе духовнаго гимна и т. п.

Отъ 1/2 8 ч. до 1/2 9 ч. — главная работа класса, болѣе теоретическаго характера.

Отъ 9 до 10 ч.—тоже самое въ практическомъ видѣ.

Занятія послѣ обѣда.

Отъ 1 ч. до 2 ч.—музыка или пріятное математическое упражненіе.

Отъ 1/2 3 ч. до 1/2 4 ч.—исторія.

Отъ 4 до 5 час.—упражненія въ стилѣ.

Учащіеся встаютъ въ 4 часа, а ложатся спать въ 8 часовъ. Послѣ обѣда и ужина по часу назначается на прогулку и бесѣды (V. Temporis Ordo, 57, 58; VI. Operarum Ordo, 59; VII. Cessationum et Feriarum Ordo, 91, 93).

4. Въ «Schola Pansophica» говорится, что все, подлежащее усвоенію учениковъ, должно быть представлено ихъ чувствамъ, чтобы не учителя говорили ученикамъ, но самыя вещи. Вещи должны быть предложены ученикамъ для разсматриванія, осязанія, выслушиванія и т. д., а за недостаткомъ вещей—замѣняющія ихъ изображенія. Поэтому всѣ стѣны учебныхъ комнатъ, и внутри и снаружи, должны быть наполнены картинами, рельефами, изреченіями и т. п. Лучше излишество въ этомъ отношеніи, чѣмъ недостатокъ (VI. Operarum Ordo, 73, 74).

5. Подъ послѣднимъ праздникомъ слѣдуетъ разумѣть здѣсь свободное послѣобѣденное время въ субботу (См. гл. IV, п. 4).

6. «Schola Pansophica» К. дѣлитъ игры на двѣ группы: 1) игры, служащія къ укрѣпленію тѣла и здоровья. Эта цѣль достигается путемъ движеній, каковы: бѣганье, прыганье, умѣренная борьба, игра въ мячъ, въ кегли, прогулки, особенно общественныя, чтобы можно было во время прогулки поговорить, и 2) игры, совершаемыя сидя, служащія для развитія остроумія, какова, напр., игра въ шахматы (VI. Operarum Ordo, 87).

7. Коменскій разумѣетъ свое сочиненіе, изданное въ 1653 году подъ заглавіемъ: «Praecepta morum, in usum juventutis collecta» (Правила поведенія, собранныя на пользу юношества).

8. Аѳеней—храмъ Аѳины или Минервы, въ которомъ поэты и ученые читали свои произведенія. Музы — девять дочерей Юпитера и Мнемозины, покровительницы поэзіи, музыки и наукъ.

9. Курія—одно изъ 30 отдѣленій, на которыя были раздѣлены древніе патриціи, 1/10 трибы; декурія — отдѣленіе, состоящее изъ 10 человѣкъ. Коллегія по нашей терминологіи—интернатъ или пансіонъ. Правила жизни въ коллегіи см. ниже, гл. XVIII.

10. Famulus значитъ собственно слуга, рабъ, подвластный. Любопытный разрядъ учащихся - фамулянтовъ почти совсѣмъ исчезъ изъ школьной практики и только кое-гдѣ въ германскихъ университетахъ, чаще-же въ англійскихъ колледжахъ, у богатыхъ студентовъ сохранились старинные famuli.

11. Въ старинныхъ русскихъ духовныхъ школахъ, унаслѣдовавшихъ свои порядки отъ средневѣковыхъ западныхъ учебныхъ заведеній, было въ обычаѣ, чтобы одинъ изъ учащихся читалъ что-либо назидательное во время обѣда и ужина. На такое чтеніе и указывается въ настоящемъ пунктѣ.

12. Придорожные Меркуріи, т.-е. придорожные столбы съ изображеніемъ Меркурія и съ протянутой рукой, указывавшею направленіе пути. Меркурій (Гермесъ) былъ посланникомъ боговъ и вмѣстѣ богомъ прибыли, стяжанія, покровителемъ путниковъ, охранителемъ отъ опасности въ пути. Ему воздавали почести на перекресткахъ улицъ. Въ честь его ставились столбы съ изображеніемъ Гермеса, которые и назывались гермами (ἕρμαι).

13. Подъ платоновскими пирами разумѣются пиры, описанные Платономъ въ сочиненіи, подъ заглавіемъ «Пиръ» (συμπόσιον). Это собственно описаніе не пира, а литературно-философской бесѣды на пиру на тему о сущности любви. Вообще греческій пиръ состоялъ не только въ ѣдѣ и питьѣ вина, но и въ веселыхъ остроумныхъ разговорахъ, былъ оживляемъ музыкою и танцами, т.-е. заключалъ въ себѣ значительный умственно - художественный элементъ. Сибаритскія пиршества были полною противоположностью платоновскимъ, отличались чувственнымъ характеромъ, роскошью, изнѣженностью, какъ и вся жизнь обитателей города Сибариса (лежавшаго въ Южной Италіи, при Тарентскомъ заливѣ).

14. Соотвѣтствующее мѣсто въ «Schola Pansophica», поясняющее данный пунктъ, гласитъ, что за предшествующее нужно приниматься прежде, за важнѣйшее основательнѣе и связанное усвоять одновременно. Главные виды предшествующаго Коменскій исчисляетъ слѣдующіе: а) чувственное предшествуетъ духовному и духовное откровенному; б) цѣлое частямъ и в) простое сложному. Важнѣйшее или преимущественное есть Богъ по сравненію съ человѣкомъ, человѣкъ по сравненію съ другими вещами, душа по сравненію съ тѣломъ, точно также духовныя вещи по сравненію съ тѣлесными, небесныя съ земными, вѣчныя съ временными и, слѣдовательно, благочестіе по сравненію съ поведеніемъ вообще, поведеніе по сравненію съ наукой и т. д. Связанныя или параллельныя вещи суть, напр., понятіе вещи и словесное ея обозначеніе, потому что образы вещей въ духѣ суть представленія, а образы представленій суть слова. Вещи сначала представляются уму, чрезъ разсмотрѣніе ихъ онъ образуетъ представленія о нихъ и затѣмъ называетъ. Эти три факта: предметы, умъ и языкъ тѣсно связаны (Rerum Ordo, 36—39).

15. Отъ двухъ греческихъ словъ: σχολη, досугъ, школа, и ἄρχων, вождь, начальникъ. Схолархъ—начальникъ школы.

16. Турнъ—древній царь рутуловъ, упоминаемый въ «Энеидѣ» Виргилія. Стихъ взятъ изъ Энеиды.

17. Аркезилай—глава новой академіи, жившій съ 315 до 241 года до Р. X.

18. Т.-е. къ сочиненіямъ, написаннымъ въ Венгріи, каковы: «Пансофическая школа», «Правила поведенія», «Объ изгнаніи лѣности изъ школъ» и т. п.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
ТЕАТРАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
С. Ѳ. РАЗСОХИНА.

(Москва, Тверская улица домъ, Сушкина).

Васильевъ, С. В. Драматическіе характеры комедіи «Горе отъ ума». Опытъ разбора отдѣльныхъ ролей, какъ пособіе при ихъ исполненіи. Выпускъ I. «Молчалинъ». II. «Софья» III. «Лиза». IV. «Фамусовъ». Цѣна каждому выпуску 1 руб.

Пальмъ, А. И. Драматическія сочиненія. Содержаніе: 1) «Старый баринъ». 2) «Нашъ другъ Неклюжевъ». 3) «Милочка». 4) «Грѣшница». 5) «Очертя голову». Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Старицкій, М. П. Малороссійскій театръ. Томъ 1. Содержаніе: 1) «Сорочинская ярмарка». 2) «За двумя зайцами...» 3) «Якъ ковбаса та чарка». 4) «Ой, не ходи Грицю». 5) «По модному». Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Турбинъ, С. И. Драматическія сочиненія. Выпускъ I. «Картина съ натуры». Выпускъ II. «Бойкая барыня». Выпускъ III. «Свекровь и теща». Цѣна каждому выпуску 1 руб.

Чернышевъ, И. Е. Драматическія сочиненія. Выпускъ I. «Испорченная жизнь». Ц. 2 руб. Выпускъ II. «Женихъ изъ долговаго отдѣленія». Ц. 1 руб.

Шпажинскій, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ второй. Содержаніе: 1) «Вольная волюшка». 2) «Въ старые годы». 3) «Простая исторія». 4) «Жертва». 5) «Чародѣйка». Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу:

Ванченко-Писанецкій, К. И. Малороссійскій театръ. Содержаніе: 1) «Тарасъ Бульба подъ Дубномъ». 2) «Цыганы на Подоли». 3) «Катерына». 5) «Видьма». 5) «Хохолъ напуталъ».

Немировичъ-Данченко, Вл. И. Драматическія сочиненія. Содержаніе: 1) «Темный боръ». 2) «Послѣдняя воля». 3) «Новое дѣло». 4) «Счастливецъ». 5) «Елка».

Старицкій, М. П. Малороссійскій театръ. Томъ II. Содержаніе: 1) «Крути да не перекручивай». 2) «Не такъ склалося, якъ жадалося». 3) «Ничъ подъ Ивана Купала».

Театральная библіотека С. Ѳ. Разсохина безпрерывно пополняется всѣми вновь выходящими новостями драматической литературы. Въ теченіе 18-ти-лѣтней дѣятельности своей библіотекою издано до 800 драматическихъ произведеній; въ 1892 г. библіотекою издано почти все, что исполнялось на столичныхъ сценахъ, какъ-то: «Безъ предразсудковъ», «Въ родномъ углу», «Гастролерша», «Гибель Содома», «Докторъ Штокманъ», «Ева», «Жаворонокъ», «Жертва», «Наши зятья», «Поѣздка на востокъ», «Столичный воздухъ», «Сваха», «Семейная революція», «Славны бубны за горами» и проч. и проч.; въ 1893 г. библіотекою изданы слѣдующія пьесы, частью уже исполняемыя на столичныхъ сценахъ, частью предполагаемые къ исполненію: «Банкротство», др. въ 4 д. Бьернсона. «Веселый мѣсяцъ май», сцены въ 3 д. Л. Иванова. «Въ Америку на выставку въ Чикаго, или ловкій малый», ком. въ 3 д. Трефилова. «Въ XX вѣкѣ», фантазія будущаго, въ 1 д. П. Соколова-Жамсона. «Въ послѣдній разъ», вод. въ 1 д. В. Преображенскаго. «Другъ женщинъ», ком. въ 3 д. Е. М. Бабецкаго. «Дѣтка». Ком. въ 4 д. П. Волховскаго. «Женитьба Милашкина», ком. въ 4 д. С. Разсохина. «Jour-fix, или у насъ въ кухнѣ гости», ком. шут. въ 2 отд. Н. Павлова. «Игра въ любовь», ком. въ 4 д. М. Балуцкаго, перев. М. Садовскаго. «Наконецъ!» шут. въ 1 д. А. Крюковскаго. «Отчій домъ», др. въ 4 д. Г. Зудермана, перев. А.

Крюковскаго. «Паяцы», муз. др. въ 2 д. Леонковалло, перев. Г. Арбенина. «Первый балъ», ком. въ 1 д. Ф. Корша. «По ошибкѣ», ком. въ 1 д., перев. съ итал. Е. В. Кашперовой «Приглашеніе на вальсъ», ком. въ 1 д. А. Дюма (отца), перед. А. Крюковскимъ. «Пятое число», Ком. въ 1 п. П. Невѣжина. «Сердцеѣдъ», ком. въ 3 д. Е. Балуцкаго, перед. Е. Бабецкаго. «Тревожные дни», ком. въ 4 д. соч. Н. Вильда и проч. и проч. При библіотекѣ имѣется также и музыкальный отдѣлъ: оркестровки русскихъ и иностранныхъ оперъ и опереттъ, клавираусцуги, отдѣльныя шансонетки, музыкальные сборники водевильныхъ куплетовъ, а также собраніе сценъ и разсказовъ для литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Заказы исполняются почтою, наложеннымъ платежемъ. Каталогъ библіотеки, желающимъ, высылается безплатно.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ

изданія Я. Г. ГУРЕВИЧА:

1) **Исторія Греціи и Рима.** (Курсъ систематическій). Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

2) **Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ.** Цѣна 60 к.

3) **Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи.** Т. I, изданіе 3-е. Цѣна 2 р. 50 к.

4) То-же. Т. II, изданіе 3-е. Цѣна 2 р.

5) **Историческая хрестоматія по русской исторіи**, составленная Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I, изданіе 3-е. Цѣна 1 р. 75 к. Т. II, изд. 3-е. Цѣна 2 р. 25 коп.

6) **Историческая хрестоматія по русской исторіи** (Время Петра Великаго), составленная Я. Г. Гуревичемъ. Т. 3-й, изданіе 1-е. Цѣна 2 р. 25 к.

7) **Сравнительно - конспективныя таблицы по новой и новѣйшей исторіи.** Цѣна 80 к.

8) **Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.** Сочиненіе Я. Г. Гуревича. Цѣна 1 р.

9) **Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности.** Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го сентября 1885 г. привать-доцентомъ Я. Г. Гуревичемъ. Цѣна 20 к.

10) **Общій очеркъ исторіи Европы Эдуарда Фримана.** Переводъ съ 5-го англійскаго изданія подъ редакціею Я. Г. Гуревича. Цѣна 1 руб.

Складъ всѣхъ означенныхъ изданій находится **исключительно** въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (С.-Петербургъ, Литейный просп., д. № 48). При покупкѣ всѣхъ изданій на сумму 150 р. уступка 30%, при покупкѣ 10 экз. 25%.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ. Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика-т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера, кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступка и кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.